ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

На правах рукописи

ИЛЮХИНА Вера Алексановна

ПРИНЦИПЫ ПРАВА В НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРАВОВЫХ СИСТЕМАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ (СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ)

Специальность: 5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки

Диссертация
на соискание ученой степени доктора юридических наук

Научный консультант:

Демичев Алексей Андреевич,
доктор юридических наук, профессор

Москва – 2024

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 4

РАЗДЕЛ 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ КОМПАРАТИВИСТСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ПРИНЦИПОВ ПРАВА В НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРАВОВЫХ СИСТЕМАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ 45

ГЛАВА 1. ПОНЯТИЕ И СУЩНОСТЬ ПРИНЦИПОВ ПРАВА В РАЗЛИЧНЫХ КОНЦЕПЦИЯХ ПРАВОПОНИМАНИЯ 45

1. Принципы права в естественно-правовой и либертарно-юридической теории 45

2. Принципы права в позитивистском и интегративном правопонимании 75

ГЛАВА 2. КЛАССИФИКАЦИИ ПРИНЦИПОВ ПРАВА 115

1. Теоретико-методологические проблемы классификации принципов права. Классификация принципов российского и армянского права по сфере действия 115

2. Классификация принципов российского и армянского права по источнику закрепления 183

РАЗДЕЛ 2. ДОКТРИНАЛЬНЫЕ ПРИНЦИПЫ ПРАВА В НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРАВОВЫХ СИСТЕМАХ РОССИИ И АРМЕНИИ 241

ГЛАВА 3. ПОНЯТИЕ И КЛАССИФИКАЦИЯ ДОКТРИНАЛЬНЫХ ПРИНЦИПОВ ПРАВА. ДОКТРИНАЛЬНЫЕ ПРИНЦИПЫ ПРАВА В ПРАВОТВОРЧЕСТВЕ 241

ГЛАВА 4. ДОКТРИНАЛЬНЫЕ ПРИНЦИПЫ ПРАВА В ПРАВОПРИМЕНЕНИИ 291

РАЗДЕЛ 3. ПРИНЦИПЫ ПОЗИТИВНОГО ПРАВА В НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРАВОВЫХ СИСТЕМАХ РОССИИ И АРМЕНИИ 350

ГЛАВА 5. ЮРИДИЧЕСКАЯ ТЕХНИКА ЗАКРЕПЛЕНИЯ ПРИНЦИПОВ ПРАВА В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИИ И АРМЕНИИ 350

1. Эволюция юридической техники закрепления принципов права в кодифицированных правовых актах 350

2. Действующие и универсальная модели закрепления принципов права в кодифицированных правовых актах 378

3. Проблемы закрепления принципов права в некодифицированных отраслях права 395

ГЛАВА 6. ОБЩЕПРАВОВЫЕ ПРИНЦИПЫ В НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРАВОВЫХ СИСТЕМАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ 412

1. Генезис и эволюция общеправовых и иных конституционных принципов права в РСФСР и АрмССР 412

2. Проблемные аспекты выделения конституционных принципов права в действующем законодательстве России и Армении. Конституционные общеправовые принципы в правовых системах Российской Федерации и Республики Армения 439

ВЫВОДЫ И РЕКОМЕНДАЦИИ 491

СПИСОК ОСНОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ 511

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ 513

ВВЕДЕНИЕ[1]

Актуальность темы исследования. Проблема принципов права во второй половине XX – первой четверти XXI в. приобрела особую актуальность, имеющую теоретический и практический аспекты. В настоящее время стало очевидным, что в основе любой отрасли права, их совокупности или всего правового регулирования в целом лежат определенные идеи, соответствующие конкретно-исторической ситуации и уровню развития общественных отношений. От того, насколько они отвечают потребностям социума, степени их научной разработанности, точности и конкретности формулировок в текстах нормативных правовых актов зависит эффективность правового регулирования и качество правоприменения. Несоответствие принципов позитивного права правовым реалиям и отражающей их доктрине ведет к реформированию законодательства, в том числе, системы принципов позитивного права путем исключения из нее идей, потерявших значение, и включения новых принципов права.

По роли в правовой системе, понимаемой в широком смысле (С.С. Алексеев, М.В. Захарова, В.Н. Карташов, Н.И. Матузов, В.Н. Синюков, В.В. Оксамытный и др.), источнику закрепления и ряду других параметров следует отличать принципы права как принципы позитивного права от доктринальных принципов права как явления правосознания. К сожалению, в научной литературе и даже в правоприменительной практике нередко имеет место их смешение. Следовательно, актуальной является проблема четкого

[1] При написании введения были использованы следующие работы автора: Илюхина В.А. Компаративистское исследование принципов права Российской Федерации и Республики Армения (постановка проблемы) // Право – явление цивилизации и культуры. Вып. II =Law – Phenomenon of Civilization and Culture. Vol. II / отв.ред. М.В. Немытина. М.: РУДН, 2020. С. 308–314; Илюхина В.А. К вопросу о сравнимости принципов права Российской Федерации и Республики Армения // Антропный принцип устойчивого развития, социальное государство, урбанизация: диалог мировоззрений: сб. научн. тр. по материалам XVI международного симпозиума / под ред. А.В. Парамонова, А.Н. Штефана, А.В. Дахина, К.А. Демичева. Н. Новгород: НИУ – филиал РАНХиГС, 2021. С. 124–127; Илюхина В.А. Принципы права в национальных правовых системах Российской Федерации и Республики Армения (сравнительно-правовое исследование): монография / под ред. А.А. Демичева. М.: Директ-Медиа, 2024. С. 5–14.

разграничения принципов права и доктринальных принципов права, имеющая значение не только для теории, но и для правоприменения.

Принципы права и доктринальные принципы права существуют не сами по себе в некоем абстрактном пространственно-временном континууме, а выражаются и функционируют в конкретных правовых системах. Чтобы лучше познать собственную правовую систему, необходимо сравнить ее с другими правовыми системами, поскольку именно в процессе сравнения наиболее ярко выявляются общие и особенные характеристики сравниваемых объектов. Отмеченное в полной мере относится и к изучению принципов права и доктринальных принципов права. Полагаем, что в настоящее время целесообразен компаративистский анализ принципов права в правовых системах Российской Федерации и Республики Армения.

Любое компаративистское исследование требует обоснования, почему сравниваются те или иные явления правовой действительности, имеющие место именно в конкретных двух или нескольких странах. Соответственно в рамках проблематики нашей работы необходимо ответить на два вопроса: 1) возможно ли вообще сравнение принципов права Российской Федерации и Республики Армения и 2) почему сравниваются принципы права именно этих двух государств.

Теоретически сравнимость или несравнимость принципов права обусловливается, по нашему мнению, следующими обстоятельствами:

– во-первых, принадлежностью соответствующих правовых систем к одной правовой семье;

– во-вторых, общностью исторического развития в целом или в определенный период, близкий к современности;

– в-третьих, относительной территориально-географической близостью.

Россия и Армения прошли долгий путь исторического развития, причем часть этого пути была общей: сначала в рамках Российской империи, потом в рамках СССР. До распада Российской империи и Россия, и Армения (как культурно, этнически и в какой-то степени юридически обособленные части

империи) тяготели к континентальной (романо-германской) правовой семье, обладали определенными ее признаками.

Несмотря не то, что римское право как таковое никогда не играло существенной роли в правовой системе России и Армении, здесь аналогично странам Западной Европы уже в имперский период имелась достаточно четко выстроенная иерархическая система источников права с доминирующей ролью нормативных правовых актов. До судебной реформы 1864 г. судебной практики в России в современном понимании вообще не существовало. После судебной реформы 1864 г. Правительствующий Сенат регулярно обобщал судебную практику и давал по ней руководящие разъяснения, однако дискуссионным является вопрос о ее значении в системе источников права. В любом случае прецедент как в англосаксонской правовой семье здесь не играл роли. Несмотря на определенную специфику, для Российской империи было характерны деление права на отрасли и наличие кодифицированного законодательства.

После возникновения Советской России, позже – СССР, а еще позже – стран социалистического лагеря стали выделять советскую правовую семью. Главным ее представителем выступал СССР с входящими в него республиками, включая РСФСР и Армянскую ССР. В союзных республиках имелось собственное кодифицированное законодательство, отражающее в определенной степени региональные особенности, но в целом являющееся очень схожим. С распадом СССР российское и армянское право вернулось в лоно континентальной правовой семьи. При этом обстоятельство, что в настоящее время Россия и Армения не имеют общих границ, не является препятствием для тесных контактов между этими государствами. Тем более что и территориально они располагаются достаточно близко.

Сегодня Российская Федерация и Республика Армения – самостоятельные независимые государства с собственными правовыми системами, имеющими историю совместного развития и определенное сходство. А это позволяет проводить компаративистские исследования не только исходя из теоретического интереса (такое бывает при сравнении слишком далеких друг от друга правовых

систем), но и направленные на взаимное использование национального опыта друг друга.

Следует отметить также близость российской и армянской юридической науки, идущей еще с советских времен, наличие тесных научных контактов между современными исследователями из Российской Федерации и Республики Армения. В качестве лишь одного из примеров интеграции науки двух государств назовем труды российско-армянского ученого специалиста по теории государства и права, философии права и истории политических и правовых учений академика РАН В.С. Нерсесянца. По его учебникам, неоднократно изданным на русском и армянском языках[2], до сих пор учатся в высших учебных заведениях России и Армении. В.С. Нерсесянцем была сформулирована либертарная теория права, в дальнейшем развитая его учениками, в рамках которой создано оригинальное учение о принципах права. Наличие специфической концепции принципов права, разработанной именно в российской и армянской науке, является дополнительным аргументом сравнения принципов права в правовых системах России и Армении.

В целом принципы права в законодательстве России и Армении, а также доктринальные принципы относятся к сравнимым явлениям. Это обусловливается принадлежностью России и Армении к континентальной правовой семье, определенной культурно-исторической общностью, общим советским прошлым, тесными современными экономическими, политическими и культурными связями, вхождением в Евразийский экономический союз, схожими подходами законодателя к законотворчеству и закреплению принципов права в текстах нормативных правовых актов. Полагаем, что и комплексное, и отраслевое сравнение принципов российского и армянского права, и сравнение отдельных принципов права обладает существенным потенциалом в плане практического совершенствования законодательства обоих государств, а также обоснования

[2] См., напр., Нерсесянц В.С. Общая теория права и государства: учебник для вузов М.: Норма; ИНФРА-М, 2023; Ներսեսյանց Վ.Ս. Իրավունքի և պետության տեսություն. Երևան; Նաիրի, 2001 (Нерсесянц В.С. Теория права и государства. Ереван: Наири, 2001).

целесообразности его частичной унификации в рамках Евразийского экономического союза.

Степень разработанности научной проблемы. Проблеме принципов права в дореволюционный период российской и армянской истории внимания практически не уделялось. Это обусловливалось тем, что юридическая техника того периода не знала понятия «принцип права», поэтому принципы права не имели целенаправленного нормативного закрепления и не маркировались. Вследствие этого у ученых не было интереса к принципам права как категории абстрактной, не имеющей отношения к реальному правовому регулированию общественных отношений, не обладающей практической значимостью для правоприменителя. Однако на уровне доктрины принципы права (их синонимами являлись «основные начала» или «руководящие начала») воспринимались как некие идеи, выражающие определенные ценности и лежащие в основе правовых норм и права в целом (П.В. Виноградов, М.Н. Капустин, С.А. Муромцев, П.И. Новгородцев, В.М. Хвостов, Б.Н. Чичерин, Г.Ф. Шершеневич и др.).

В советский период российской и армянской истории внимание ученых к принципам права приобрело целенаправленный характер. В рамках позитивистского правопонимания, совмещенного с социалистическим правосознанием разрабатывались проблемы понятия принципов права, их содержания, сущности, классификации, значения и др., характеризовались отдельные принципы советского права как на общетеоретическом уровне (Н.Г. Александров, С.С. Алексеев, М.Н. Альшуллер, Н.А. Апиян, А.М. Васильев, Д.А. Керимов, Е.А. Лукашева, Н.С. Малеин, Н.И. Матузов, Т.Н. Москалькова, В.А. Мусаханян, М.С. Строгович, В.С. Тадевосян, Ф.Ф. Третьяков, К.П. Уржинский, Л.С. Явич и др.), так и на отраслевом уровне (М.Г. Авдюков, В. Берутович, А.Т. Боннер, С.Н. Братусь, В.С. Букина, В.В. Городилов, М.А. Гурвич, С.В. Долгоруков, П.Ф. Елисейкин, В.Н. Кудрявцев, А.С. Кобликов, Г.А. Свердлык, В.М. Семенов, В.В. Тихонович, А.А. Ференс-Сороцкий, П.А. Фефелов, Н.А. Чечина и др.). При этом на всех исследователей, в большей

или меньшей степени, влияли имевшие место жесткие идеологические установки, что приводило к политизированности научных исследований, сужало круг рассматриваемых проблем и методологических инструментов для их решения.

В настоящее время, как в общетеоретическом, так и в отраслевом аспектах проблеме принципов права уделяется огромное внимание. По этой тематике защищено около 100 докторских и кандидатских диссертаций общетеоретического (А.Л. Асатрян, А.А. Бажанов, К.В. Ведяхина, И.Е. Винницкий, Л.В. Волосатова, А.Л. Вязов, Т.С. Грачев, Е.А. Дербышева, А.В. Деревесников, С.Д. Дмитриев, А.В. Должиков, З.А. Дуллуев, А.Ф. Ефремов, А.Л. Захаров, К.С. Захарова, В.Ю. Зубакин, Л.Ю. Казанцев, Г.Н. Комкова, И.А. Кретова-Алёшина, С.Е. Кузахметова, С.Ю. Лаврусь, А.Б. Лисюткин, П.Р. Магомедова, Т.А. Малаш, М.А. Милкин-Скопец, В.М. Реуф, Т.Р. Сабитов, А.И. Сидоренко, А.С. Сидоркин, А.В. Смирнова, О.Е. Суркова, С.Е. Фролов, К.А. Чернов и др.) и отраслевого характера (А.В. Арендаренко, Н.Н. Бабаян, Ю.Р. Барышникова, С.С. Безруков, З.Г. Брциева, Н.М. Вагина, Т.Ю. Вилкова, И.Ю. Воронов, Г.В. Григорян, Е.В. Губенкова, Д.И. Дедов, С.В. Долгоруков, К.В. Дядюн, А.С. Егорова, А.Ф. Закиров, В.А. Иванов, С.А. Иванова, В.А. Канубриков, Н.А. Карпунина, С.В. Кожушко, М.В. Колосова, Е.Г. Комиссарова, Д.Л. Кондратюк, А.В. Коновалов, Р.Н. Кораблев, Р.В. Королев, И.В. Коршиков, А.С. Косач, А.В. Кубасов, А.А. Куприянов, А.Ю. Лактаева, С.В. Мазуренко, А.В. Малюкина, М.А. Митрофанова, С.В. Моисеев, И.А. Нифталиева, А.В. Овод, О.В. Олейник, А.С. Островский, П.С. Пастухов, Н.Ю. Полянская, О.А. Потапова, Т.Н. Прохорко, С.А. Сапожников, М.В. Сидоренко, Д.А. Смирнов, В.М. Степашин, А.В. Татарников, И.В. Телегина, А.С. Федина, Н.С. Шерстнева, Л.Г. Щербакова, М.В. Ююкина, Т.В. Ярошенко и др.), вышло в свет несколько десятков индивидуальных (И.А. Алешкова, С.С. Безруков, В.А. Белов, М.М. Бринчук, Т.Ю. Вилкова, А.Ф. Воронов, Г.А. Гаджиев, А.С. Гамбарян, А.Ф, Ефремов, А.Л. Захаров, Г.Н. Комкова, О.А. Кузнецова, А.В. Коновалов, С.А. Мосин, К.В. Нам, И.А. Нифталиева, А.А. Пилипенко, А.Я. Рыженков, Е.В. Рябцева, Т.Р. Сабитов, Е.А. Сизая,

Е.В. Скурко, Д.А. Смирнов, Е.Г. Стребкова, А.С. Федина, В.Д. Филимонов, Д.А. Фурсов, Г.Р. Хабибуллина, Л.Г. Щербакова и др.) и коллективных монографий[3], посвященных принципам права в целом, принципам одной или нескольких отраслей права, отдельным принципам, опубликовано более 1000 статей. Периодически проводятся представительские мероприятия разного уровня, специально посвященные принципам права, издаются сборники статей по их итогам или же просто тематические сборники статей[4].

---

[3] См., напр., Реализация конституционного принципа равенства всех перед законом и судом в современной России / под ред. Г.Н. Комковой. Саратов: Поволж. акад. гос. службы, 2005; Конституционные принципы равенства перед законом / под ред. В.В. Володина. М.: Спутник+, 2007; Принципы российского права: общетеоретический и отраслевой аспекты / под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. Саратов: Саратовская гос. акад. права, 2010; Принципы современного российского уголовного судопроизводства: монография / науч. ред. И.В. Смолькова; отв. ред. Р.В. Мазюк. М.: Юрлитинформ, 2015; Проблемы реализации принципов права в предпринимательской деятельности: монография / отв. ред. В.А. Вайган, М.А. Егорова. М.: Юстицинформ, 2016; Принципы гражданского права и их реализация: монография / под ред. Т.П. Подшивалова, Г.С. Демидовой. М.: Проспект, 2017; Принцип законности: современные интерпретации: монография / под общ. ред. М.А. Беляева, В.В. Денисенко, А.А. Малиновского. М.: Проспект, 2019; Принципы публичного права: монография / под ред. Е.В. Титовой, Т.П. Подшивалова. М.: Проспект, 2019; Принципы российского уголовного судопроизводства: содержание и проблемы реализации / под ред. Н.Г. Мановой. М.: Юрлитинформ, 2019; Принципы уголовного процесса: монография / под общ. ред. Г.С. Русман, С.М. Даровских. М.: Проспект, 2022; Принцип формального равенства и взаимное признание права: монография / под общ. ред. В.В. Лапаевой, А.В. Полякова, В.В. Денисенко. М.: Проспект, 2022; Принципы частного права: монография / под ред. Т.П. Подшивалова, В.В. Кваниной, М.С. Сагандыкова. М.: Проспект, 2023; Проблемы реализации принципов гражданского судопроизводства в правоприменительной деятельности: монография / отв. ред. В.М. Жуйков, С.С. Завриев. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; Норма; ИНФРА-М, 2024.

[4] См., напр., Принципы права: материалы Всероссийской научно-теоретической конференции, Санкт-Петербург, 30 ноября 2006 г. / под общ. ред.: Д.И. Луковской; сост. С.В. Волкова, Н.И. Малышева. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2007; Принципы права: общетеоретические и отраслевые аспекты: материалы межвуз. «круглого стола», проводимого в рамках 70-й конференции преподавателей и докторантов БГУЭП. Иркутск, 25 марта 2011 г. / под ред. Ю.В. Виниченко, И.А. Минникес. Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2011; Принципы права: сб. ст. по итогам круглого стола в Московском институте государственного управления и права / под ред. Д.А. Пашенцеваи А.Г. Чернявского. М.: Русайнс, 2015; Принципы уголовного судопроизводства и их реализация при производстве по уголовным делам: материалы IV Международной научно-практической конференции 5–6 апреля 2016 г. (г. Москва). М.: РГУП, 2016; Принципы права: проблемы теории и практики: материалы XI международной научно-практической конференции: в 2-х ч. Москва, 18–22 апреля 2016 г. М.: РГУП, 2017; Принципы права: сб. ст. XV Международной студенческой научно-практической конференции «Право и суд в современном мире». Москва, 25–26 февраля 2016 г. / под ред. А.Е. Кирпичева. М.:РГУП, 2017; Ежегодник публичного права 2018: Принципы административных процедур и административного судопроизводства: сб. научн. тр. / под ред. Й. Пуделька. М.: Infotropic

Особенностью современного этапа исследования принципов права стало их изучение с позиций различных типов правопонимания: естественно-правового (Р. Дворкин, А.В. Коновалов), либертарного (В.С. Нерсесянц, Н.А. Варламова, В.В. Лапаева, М.А. Милкин-Скопец, В.С. Нерсесян, А.С. Сидоркин, В.А. Четвернин), интегративного (Ж.-Л. Бержель, Дж. Даци, Т. Канкорель, Я. Стоилов, И.Ю. Воронов, В.В. Ершов, Е.А. Ершова, С.В. Мазуренко, А.В. Скоробогатов и др.). Большинство ученых придерживается различных вариантов позитивистского правопонимания (Г. Харт, Дж. Раз, С.С. Аветисян, А.С. Гамбарян, Л. Малхасян, Г.В. Петросян, С.С. Безруков, Н.А. Власенко, Н.Н. Вопленко, А.А. Демичев, М.Л. Давыдова, А.Л. Захаров, В.Н. Карташов, О.А. Кузнецова, С.Ю. Лаврусь, Е.В. Тимошина, Д.А. Фурсов и многие другие).

Отдельную исследовательскую проблему составляет изучение принципов обычного права. Исследования в этой сфере в контексте изучения обычного права проводились еще дореволюционными авторами (М.И. Зарудный, И.Г. Оршанский и др.), в советский период – А.В. Гордоном, а в настоящее время – И.Б. Ломакиной, А.В. Курашовым, Т.В. Шатковской и др.

К сожалению, сегодня многие исследователи (их фамилии мы здесь не указываем) не ставят перед собой вопрос, с каких методологических позиций они рассматривают принципы права. Это, особенно в сочетании с незнанием историографии проблемы, иногда приводит к бессистемности исследований принципов права, нелогичности выводов и отсутствию новизны. Избыточность научной литературы по принципам права, гипертрофированная плюралистичность в подходах к их изучению и, что намного хуже, отсутствие сформированной исследовательской позиции у ряда авторов, привели к методологически-когнитивному коллапсу в данной сфере. К принципам права

Media, 2018; Принципы и ценности в праве: доктрина, правотворчество, реализация: Третьи Прокопьевские чтения: материалы Международной научно-практической конференции, Калининград, 6 декабря 2019 г. Калининград: Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта, 2020; Система принципов российского законодательства: техника закрепления, интерпретации, реализации // Юридическая техника. 2020. № 14; Принципы гражданского, арбитражного и административного судопроизводства: проблемы теории и практики: сб. научн. ст. / сост. и ред. Л.В. Войтович. СПб.: Астерион, 2021.

(а кроме них еще выделяют принципы правовой системы, правовой политики, правообразования, законотворческой деятельности, юридической техники, конституционного строя, государственного устройства, организации органов власти и местного самоуправления, правосудия, судебной системы и т.д.) стали относить практически все, что угодно: и идеи, прямо закрепленные в текстах нормативных правовых актов в качестве принципов права (что является единственно верным, на наш взгляд, подходом), и идеи, закрепленные в текстах нормативных актов, но не маркированных в качестве принципов или основных начал, и идеи, выводящиеся исследователями путем толкования нормативных актов, и положения, сформулированные в судебной практике, а также различные идеи, не имеющие отношения ни к реальному содержанию нормативных правовых актов, ни к судебной практике, являющиеся плодом теоретических рассуждениях авторов о неких идеальных материях. Понятие «методологически-когнитивный коллапс» относится исключительно к характеристике историографической ситуации, связанной с принципами права, а не к реально существующему регулированию общественных отношений. В современном регулировании общественных отношений никакого коллапса нет, однако действующее законодательство, хотя и «работает», но требует совершенствования в целях повышения качестве правоприменительной практики.

В охарактеризованной выше ситуации, как абсолютно точно отметил Н.А. Власенко, «проблема исследования принципов права в юридической науке требует методологической выдержанности и логической упорядоченности, а также освобождения от идеологических и политических традиций»[5]. Полагаем, в настоящее время при исследовании принципов права необходимо не выдумывать «новые сущности» (формулировать новые понятия, вводить новые категории, предлагать новые классификации принципов позитивного права и т.д.), а, наоборот, используя бритву Оккама, отсечь то, что многократно дублируется в разных вариациях, характеризует одни и те же явления с использованием

[5] Власенко Н.А. Методологические основания исследования правовых ценностей: монография. М.: Норма, 2023. С. 75.

разных терминов, систематизировать имеющиеся понятия и подходы, и применить их и иные методологические инструменты к изучению не абстрактной правовой материи, а реально существующих в конкретных правовых системах принципов права.

В силу указанных обстоятельств представляется актуальным исследование принципов права и доктринальных принципов права в разных правовых системах в компаративистском ракурсе, в частности – в правовых системах Российской Федерации Республики Армения. Тем более что специальных исследований такого рода до настоящего времени не проводилось.

Цель исследования заключается в выявлении общего и особенного в понимании, механизме закрепления и практическом значении принципов позитивного права и доктринальных принципов права в национальных правовых системах Российской Федерации и Республики Армения на основе компаративистского анализа законодательства и правоприменительной практики указанных государств.

Достижению указанной цели способствует решение комплекса **задач**:

– выявить особенности подходов к понятию и сущности принципов права в естественно-правовом, либертарном, позитивистском и интегративном правопонимании;

– охарактеризовать основные теоретико-методологические проблемы классификации принципов права;

– провести сравнительную классификацию принципов права России и Армении по источнику закрепления;

– сформулировать, исходя из позитивистского правопонимания, определение принципов права и доктринальных принципов права;

– сформулировать классификации доктринальных принципов права по различным основаниям;

– установить место принципов права и доктринальных принципов в правовых системах Российской Федерации и Республики Армения, определить их роль в правотворчестве и правоприменении;

– проанализировать эволюцию юридической техники закрепления принципов права в законодательных актах;

– выявить и охарактеризовать существующие варианты закрепления принципов права в законодательстве России и Армении;

– создать универсальную модель закрепления принципов права в кодифицированных актах;

– охарактеризовать основные проблемы закрепления принципов права в некодифицированных отраслях права;

– выявить особенности генезиса и эволюция общеправовых и иных конституционных принципов права в РСФСР и АрмССР;

– установить проблемные аспекты выделения конституционных принципов права в действующем законодательстве России и Армении;

– выделить и охарактеризовать роль конституционных общеправовых принципов в правовых системах Российской Федерации и Республики Армения.

Объектом исследования выступают принципы права (в позитивистском правопонимании) и доктринальные принципы (как явление правосознания) в национальных правовых системах Российской Федерации и Республики Армения. Поскольку данная работа носит теоретико-правовой характер, то в объект исследования не входят принципы международного права, изучение которых является самостоятельной научной проблемой, к тому же в рамках другой научной специальности, а также принципы конституционного права как специфической отрасли, играющей особую роль в правовой системе.

Предметом исследования являются нормативные правовые, в первую очередь кодифицированные, акты, в которых закреплены принципы российского и армянского права, а также материалы правоприменительной практики и иные источники, позволяющие провести компаративистское исследование принципов позитивного права и доктринальных принципов права в правовых системах России и Армении.

Теоретическую основу исследования составляют труды российских (Н.Г. Александров, С.С. Алексеев, В.К. Бабаев, М.И. Байтин, В.М. Баранов,

М.В. Баранова, И.Д. Борисова, Н.В. Варламова, А.М. Васильев, В.М. Ведяхин, Н.А. Власенко, Н.Н. Вопленко, М.Л. Давыдова, А.А. Демичев, В.В. Денисенко, С.Д. Дмитриев, А.В. Должиков, В.В. Ершов, А.Л. Захаров, В.Н. Карташов, Д.А. Керимов, С.В. Коваль, А.В. Коновалов, С.Ю. Лаврусь, В.В. Лазарев, В.В. Лапаева, Е.А. Лукашева, Н.С. Малеин, Г.Н. Манов, Н.И. Матузов, М.А. Милкин-Скопец, В.С. Нерсесянц, В.В. Оксамытный, И.В. Понкин, В.М. Реуф, В.Б. Романовская, А.С. Сидоркин, В.Н. Синюков, Е.В. Скурко, А.В. Смирнова, Ю.В. Сорокина, В.М. Сырых, Е.В. Тимошина, Ю.А. Тихомиров, Г.Р. Хабибуллина, Т.В. Шатковская, Л.С. Явич и др.), армянских (Н.А. Апиян, А.Л. Асатрян, А.С. Гамбарян, Л.Г. Даллакян, Л. Малхасян, В.А. Мусаханян, В.С. Тадевосян и др.), а также зарубежных ученых (Х. Авила, Р. Алекси, Ж.-Л. Бержель, Дж. Даци, Р. Дворкин, Т. Канкорель, Дж. Мэки, Р. Пошер, Дж. Раз, Я. Стоилов, Г. Харт) – представителей науки теории права. Также работа базируется на исследованиях российских (М.Г. Авдюков, С.С. Безруков, В.А. Белов, А.Т. Боннер, М.М. Бринчук, Т.Ю. Вилкова, А.Ф. Воронов, Г.А. Гаджиев, Д.И. Дедов, Е.А. Ершова, Н.А. Колоколов, Г.Н. Комкова, В.Н. Кудрявцев, О.А. Кузнецова, В.В. Кулаков, С.В. Мазуренко, Н.В. Макарейко, С.А. Мосин, Д.А. Плотников, Т.П. Подшивалов, И.В. Решетникова, А.Я. Рыженков, Т.Р. Сабитов, В.М. Семенов, А.А. Ференс-Сороцкий, Д.А. Фурсов, А.М. Хужин, Н.А. Чечина и др.) и армянских специалистов (Г.П. Авагян, С.С. Аветисян, Ю.В. Айрапетян, К. Бишарян, Г.В. Григорян, А.Г. Давтян, Г. Даниелян, В. Есаян, А. Карслян, Г.В. Петросян и др.) в области отраслевых юридических наук.

Методологическая основа исследования. Работа базируется на диалектическом подходе, позволившем исследовать принципы права и доктринальных принципов права в их взаимосвязи в контексте динамики исторического развития и эволюции в современных правовых системах Российской Федерации и Республики Армения, сравнительно-правовом подходе, позволившем выделить общее и особенное в различных интерпретациях понимания принципов права, механизме закрепления принципов права

в законодательстве России и Армении, структуре и содержании отдельных видов принципов права и отдельных принципов права, и системно-структурном подходе, позволившем сформировать представление о системе принципов права и взаимосвязи ее элементов, включая иерархию и конкуренцию принципов права.

Важную роль в исследовании играют формально-юридический метод, позволивший проанализировать нормативные правовые акты, их структуру, выделить в них принципы права, и метод толкования права, способствовавший уяснению содержания принципов права. При изучении судебной практики Российской Федерации и Республики Армения был использован метод контент-анализа, результатом применения которого стало выявление частоты упоминания конкретных принципов права и доктринальных принципов права при мотивировке выносимых судебных актов.

Применение метода абдукции обусловило выбор позитивистского правопонимания среди других типов правопонимания как наиболее адекватно отражающего правовую действительность в изучаемом проблемном поле. Использование методологического инструмента, называемого бритвой Оккама, позволило конкретизировать понятийный аппарат, имеющийся в научной литературе по вопросам принципов права, и избежать дублирования некоторых понятий.

Особое значение в нашей работе имеет метод классификации, во многом обусловивший структуру исследования. Названный метод использовался в двух аспектах: 1) применялись уже сформулированные другими авторами классификации к сравнительному анализу принципов права Российской Федерации и Республики Армения и 2) как инструмент изучения доктринальных принципов были сформулированы их авторские классификации.

Поскольку некоторые принципы права носят хронодискретный характер, то к их изучению была применена методология хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения[6].

---

[6] См.: Хронодискретное моногеографическое сравнительное правоведение: проблемы методологии: монография / под ред. А.А. Демичева. М.: Русайнс, 2021.

Кроме того, работа опирается на такие научные методы познания действительности как анализ, синтез, индукция, дедукция, моделирование, формализация, конкретизация, обобщения и др.[7]

В совокупности использование указанного методологического инструментария позволило провести комплексное сравнительно-правовое исследование принципов права и доктринальных принципов права в национальных правовых системах России и Армении.

Информационную базу исследования составляют нормативные правовые акты и материалы правоприменительной практики России и Армении. Работа основывается на изучении всех действующих и ряда уже не действующих кодифицированных актов и иных нормативных правовых актов Российской Федерации и Республики Армения, нормативных правовых актов Российской империи, СССР, РСФСР и Армянской ССР (всего более 100), материалах практики Верховного Суда СССР, Конституционного Суда РФ, Верховного Суда РФ, арбитражных судов, судов общей юрисдикции и мировых судей РФ (более 160 судебных актов, непосредственно использованных в тексте работы, и более 10 тысяч просмотренных судебных актов), Конституционного Суда РА, Кассационного суда РА, Арбитражного суда РА (более 20 судебных актов, непосредственно использованных в тексте работы, и более 500 просмотренных судебных актов).

Научная новизна работы заключается в формировании нового научного направления в юридической науке – комплексного компаративистского исследования принципов права в различных правовых системах.

Также научная новизна исследования проявляется в следующем:

– исходя из позитивистского правопонимания, сформулирована авторская концепция принципов права, предполагающая четкое отграничение принципов права (принципов позитивного права) от доктринальных принципов права;

---

[7] Характеристику названных и ряда других методов см.: Понкин И.В., Лаптева А.И. Методология научных исследований и прикладной аналитики: учебник. 4-е изд., доп. и перераб.: в 2-х т. Т. 2: Научные исследования. М.: Буки Веди, 2023. С. 404–619.

– определена функциональная роль принципов права и доктринальных принципов права в правовых системах России и Армении;

– проведена сравнительная классификация принципов ряда отраслей права России и Армении по источнику их закрепления и на ее основе выявлено общее и особенное в системе принципов права рассматриваемых государств;

– впервые в юридической науке разработаны классификации доктринальных принципов права по разным основаниям;

– выявлены основные пути трансформация доктринальных идей в принципы права;

– установлены и охарактеризованы существующие варианты закрепления принципов права в кодифицированных актах Российской Федерации и Республики Армения:

– на основе проведенного сравнительно-правового исследования принципов права в правовых системах России и Армении предложена универсальная модель закрепления принципов права в текстах кодифицированных актов, которая применима не только для Российской Федерации и Республики Армения, но и для любого государства, правовая система которого относится к континентальной правовой семье.

Обоснованность и достоверность результатов исследования обусловливаются его широкой репрезентативной информационной базой, соответствующей цели и задачам методологии, цитированием других авторов, нормативных правовых актов, материалов судебной практики и иных источников, апробацией в публикациях и в выступлениях на научных представительских мероприятиях разного уровня.

Положения, выносимые на защиту и имеющие научную новизну:

1. Исходя из позитивистского правопонимания, анализа законодательства, законотворческой деятельности и правоприменительной практики Российской Федерации и Республики Армения, сформулировано многоаспектное определение принципов права, основанное на выделении их сущностных, аксиологических и формально-юридических характеристик.

Принципы права – это:

– исходные (базовые, определяющие, основополагающие и т.п.) идеи, лежащие в основе всего правового регулирования, совокупности отраслей права или отдельной отрасли права в конкретном государстве;

– прямо закрепленные в тексте нормативных правовых актов;

– четко маркированные законодателем в качестве принципов (основных положений, основных начал);

– являющиеся разновидностью правовых норм и выступающие непосредственным правовым регулятором общественных отношений;

– обладающие императивностью для правоприменителя и прочих субъектов права;

– служащие критерием и ориентиром для законодателя при принятии новых и совершенствовании действующих нормативных правовых актов;

– отражающие исторически эволюционировавшую к моменту их нормативного закрепления систему ценностей и приоритетов и выражающие сущность права в конкретно-исторический период;

– обладающие динамичностью в правовой системе как в плане введения / упразднения, так и наполнения содержания (п. 16 Паспорта научной специальности 5.1.1. «Теоретико-исторические правовые науки»).

2. Установлено, что система принципов права включает всего два уровня:

1) конституционные принципы права;

2) отраслевые принципы права, закрепленные только в отраслевом законодательстве.

К принципам первого уровня относятся общеправовые, межотраслевые и отраслевые принципы права, закрепленные в Конституции. К принципам второго уровня – отраслевые (межотраслевые) принципы права, закрепленные только в отраслевом законодательстве и не продублированные в Конституции. Иерархичность системы принципов права заключается в том, что при конкуренции принципов первого и второго уровня приоритет принадлежит принципам первого уровня. При этом внутренней иерархии между принципами

одного уровня не существует. Конкуренция принципов одного уровня может быть разрешена не законодателем, а только правоприменителем, исходя из обстоятельств конкретного дела (п. 16 Паспорта научной специальности 5.1.1. «Теоретико-исторические правовые науки»).

3. На основе сравнительного анализа Конституций и кодифицированных актов Российской Федерации и Республики Армения выведены закономерности нормативного закрепления принципов права, заключающиеся:

– в преобладании в правовых системах России и Армении конституционных (в первую очередь, общеправовых) принципов, не продублированных в отраслевых кодексах;

– в наличии в правовых системах, наряду с общеправовыми принципами, характерными для всех отраслей права, конституционных принципов межотраслевого и отраслевого характера;

– в возможности закрепления одного и того же принципа в разных отраслях права на различных уровнях: только на конституционном, одновременно на конституционном и отраслевом, только на отраслевом;

– в наибольшем сходстве (количественном и содержательном) принципов права в уголовном, уголовно-исполнительном, гражданском, семейном, административном процессуальном и гражданском процессуальном законодательстве России и Армении;

– в наибольших различиях принципов права в трудовом и уголовно-процессуальном законодательстве России и Армении, проявляющихся, в первую очередь, в составе специфических отраслевых принципов, закрепленных в кодифицированных актах (п. 16, 21 Паспорта научной специальности 5.1.1. «Теоретико-исторические правовые науки»).

4. Исходя из того, что доктринальные принципы права – это социально значимые идеи, сформулированные учеными, практиками, политиками в научных работах и иных текстах (включая судебные акты), а также в публичных выступлениях и не нашедшие нормативного закрепления, выявлены сущностные

различия между принципами права и доктринальными принципами права, которые заключаются в следующем:

– принципы права закреплены в нормативных правовых актах, а доктринальные принципы, не имея нормативного закрепления, сформулированы в текстах научных работ, судебных актов или иных текстах;

– количество принципов права ограничено, а доктринальных принципов может быть сколько угодно;

– принципы права обладают императивностью, а доктринальные принципы формально не имеют юридического значения;

– доктринальные принципы могут противоречить действующему законодательству, а принципы права – это часть законодательства;

– принципы права понятны для правоприменителя и имеется реальная возможность их реализации в правоотношениях, а доктринальные принципы могут быть сформулированы как угодно, реализация их на практике возможна далеко не всегда;

– принципы права – это разновидность правовых норм, элемент системы права и правовой системы, они могут использоваться в качестве инструмента ликвидации пробелов в законодательстве и пробелов в праве, а доктринальные принципы не являются элементом системы права, но представляют собой важный элемент правовой системы, играют определенную роль в правотворчестве и в судебной практике, некоторые из них могут выступать регулятором общественных отношений (п. 16, 17, 18 Паспорта научной специальности 5.1.1. «Теоретико-исторические правовые науки»).

5. Определена роль доктринальных принципов в правовой системе России и Армении, заключающаяся в том, что они:

– являются основой новационных изменений в праве, представляют собой движущую силу развития законодательства, обладают потенциалом для правотворчества;

– выступают средством устранения пробелов в праве;

– обладают регулятивным воздействием на общественные отношения, наряду с принципами права активно используются всеми судами России и Армении при аргументации выносимых судебных актов. Частота отсылки к тому или иному доктринальному принципу свидетельствует о его востребованности при разрешении конкретных жизненных ситуаций и сигнализирует о потенциальной возможности и целесообразности его нормативного закрепления и перевода в число принципов позитивного права (п. 17, 18 Паспорта научной специальности 5.1.1. «Теоретико-исторические правовые науки»).

6. Исходя из того, что доктринальные принципы права представляют собой разновидность идей, существующих на уровне правосознания, сформулированы классификации доктринальных принципов права 1) по источнику происхождения и источнику, в котором сформулирован доктринальный принцип; 2) по признанию научным сообществом; 3) по сфере общественных отношений, на которую распространяется или может распространяться доктринальный принцип.

По источнику происхождения и источнику, в котором сформулирован доктринальный принцип, выделяются:

1) доктринальные принципы, сформулированные в нарративах учеными, политиками и иными субъектами и нашедшие отражение в судебной практике:

– выводимые из содержания и смысла нормативного правового акта и/или их совокупности путем авторского толкования текста;

– выводимые из общих представлений о праве должном и существующем, справедливости, разумности и прочих морально-этических категорий;

2) доктринальные принципы, выводимые отдельными авторами из общего анализа законодательства, доктрины и собственных представлений о праве;

3) доктринальные принципы, названные только в судебных актах.

По признанию научным сообществом доктринального принципа выделяются:

1) доктринальные принципы, признаваемые научным сообществом, составляющие часть научной доктрины в целом или доктрины отдельных отраслей права;

2) доктринальные принципы, нейтрально воспринимаемые научным сообществом, не вызывающие ни серьезной критики, ни поддержки;

3) доктринальные принципы, не признаваемые научным сообществом, игнорируемые им или вызывающие его отрицательное отношение:

– устаревшие принципы, которые ранее являлись нормативно закрепленными или частью доктрины, но от которых произошел отказ вследствие изменения конкретно-исторических условий.

– принципы, не соответствующие традиционным духовно-нравственным ценностям.

По сфере общественных отношений, на которую распространяется или может распространяться доктринальный принцип, выделяются:

1) общие доктринальные принципы права;

2) межотраслевые доктринальные принципы права;

3) отраслевые доктринальные принципы права.

Поскольку любая классификация – это формализация исследуемого объекта, и речь идет о классификации идей, то отнесение того или иного доктринального принципа права к определенному виду носит условный характер (п. 17 Паспорта научной специальности 5.1.1. «Теоретико-исторические правовые науки»).

7. На основе изучения законодательства Российской Федерации и Республики Армения установлено, что отсутствует единый подход к закреплению принципов права в кодифицированных актах и некодифицированных нормативных правовых актах.

Выделены следующие варианты закрепления принципов права в кодифицированных актах Российской Федерации и Республики Армения:

1) принципы права закрепляются в отдельной, специально посвященной им главе кодифицированного акта;

2) принципы права закрепляются в отдельной статье (отдельных статьях) кодифицированного акта:

– принципы права просто перечисляются без последующего их раскрытия;

– принципы права перечисляются в одной статье, а в следующих статьях последовательно раскрывается их содержание;

– принципы права перечисляются в одной статье, каждому принципу посвящается отдельный абзац, пункт или часть статьи, но содержание принципов не раскрывается;

– принципы права перечисляются в одной статье, каждому принципу посвящается отдельный абзац, пункт или часть статьи и при этом раскрывается содержание каждого принципа;

3) в кодифицированном акте отсутствует структурный элемент, в названии которого используется термин «принципы»:

– в тексте кодифицированного акта отсутствует структурный элемент с названием «принцип / принципы», однако ряд базовых положений соответствующей отрасли закреплен в статьях, находящихся в первом разделе кодекса «Общие положения»;

– принципы права не закреплены в кодифицированном акте, в каком бы то ни было виде (п. 16, 22 Паспорта научной специальности 5.1.1. «Теоретико-исторические правовые науки»).

8. В правовой системе России и Армении конституционные принципы права, которые могут быть общеправовыми, межотраслевыми и отраслевыми, являются каркасом отраслевых принципов и, одновременно (особенно общеправовые конституционные принципы) – основой всей правовой системы. При этом они характеризуются следующими специфическими чертами:

– обладают высшей юридической силой по отношению ко всем остальным нормам;

– могут являться основой формулирования принципов права в отраслевых кодифицированных актах;

– имеют сложный механизм закрепления, что влечет за собой проблему признания отдельных конституционных положений принципами права (п. 16, 21 Паспорта научной специальности 5.1.1. «Теоретико-исторические правовые науки»).

9. Общее историческое прошлое, идентичность исходных идей, сформулированных в советских Конституциях России и Армении, ориентированность на общепризнанные принципы и нормы международного права (особенно в сфере прав человека) при принятии постсоветских Конституций привели к практически полному совпадению общеправовых принципов Российской Федерации и Республики Армения. Исключение составляют принципы определенности и соразмерности, которые в Армении закреплены на конституционном уровне (но при этом не продублированы ни в одном отраслевом кодексе) и являются общеправовыми конституционными принципами. В России названные принципы не имеют нормативного закрепления ни в одном нормативном правовом акте, поэтому представляют собой исключительно доктринальные принципы права. При этом доктринальный принцип правовой определенности обладает значительным потенциалом перехода в принципы права (п. 16 Паспорта научной специальности 5.1.1. «Теоретико-исторические правовые науки»).

10. На основе изучения законодательства и правоприменительной практики России и Армении установлено, что отдельные общеправовые принципы играют разную роль в правоприменении. Некоторые принципы, сформулированные следуя общепризнанным принципам и нормам международного права, во многом оказались декларативными – они редко дублируются в отраслевом законодательстве и мало востребованы в судебной практике при аргументации судебных актов либо отсылки к ним носят формальный характер. Тем не менее, в целом общеправовые принципы и как непосредственно действующие правовые нормы, и как руководящие положения в судебной практике оказались эффективным регулятором общественных отношений в национальных правовых

системах Российской Федерации и Республики Армения (п. 16, 26 Паспорта научной специальности 5.1.1. «Теоретико-исторические правовые науки»).

11. Анализ российской судебной практики приводит к выводу, что представления об общеправовых принципах у судей нередко носят ошибочный характер. Это проявляется в том, что:

– в судебных актах общеправовыми принципами называются межотраслевые и отраслевые принципы. Происходит подмена понятия «общеправовые» применительно к межотраслевым и отраслевым принципам понятием «основополагающие» в соответствующей сфере общественных отношений;

– в судебных актах общеправовыми принципами называются идеи, не имеющие нормативного выражения, являющиеся исключительно доктринальными принципами права. Происходит смешение принципов права и доктринальных принципов;

– в судебных актах общеправовыми принципами называются идеи, обладающие иной правовой природой и не имеющие отношения к принципам права (п. 16, 17, 26 Паспорта научной специальности 5.1.1. «Теоретико-исторические правовые науки»).

12. На основе анализа существующих вариантов закрепления принципов права в кодифицированных актах Российской Федерации и Республики Армения предложена универсальная модель закрепления принципов права в кодифицированных актах, реализация которой будет способствовать унификации законодательства, единообразию правоприменительной практики и облегчению восприятия принципов права субъектами правоотношений

Универсальная модель закрепления принципов права в кодифицированных правовых актах (для Российской Федерации)

Кодифицированный акт

Раздел 1. Общие положения

Глава 2. Принципы правового регулирования…

Статья … Принцип законности

Здесь и в последующих статьях данной главы – раскрытие содержание принципа. В случае необходимости – конкретизация применения общеправового принципа в соответствующей сфере общественных отношений (действие принцип законности в уголовно-процессуальных отношениях, действие принципа законности в семейных правоотношениях, действие принципа законности в гражданских процессуальных правоотношениях и т.д.).

Статья… Принцип гарантированности охраны прав и свобод человека и гражданина

Статья… Принцип равенства перед законом

Статья… Принцип уважения чести и достоинства личности

Статья… Принцип неприкосновенности частной жизни

Статья… Принцип тайны переписки, телефонных и иных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений

Статья… Принцип гарантированности судебной защиты прав и свобод

Статья… Принцип гарантированности права на получение квалифицированной юридической помощи

Статья… Принцип… (конституционный отраслевой / межотраслевой принцип)

…

Статья… Принцип… (специфический отраслевой принцип)

…

(п. 16, 22 Паспорта научной специальности 5.1.1. «Теоретико-исторические правовые науки»).

Теоретическая и практическая значимость исследования. Теоретическое значение диссертации заключается в том, что в ней закладывается новое научное направление в современной теории права и сравнительном правоведении – комплексное компаративистское исследование принципов права в национальных правовых системах различных государств. Разработанные методологические подходы позволяют проведение не только комплексного

сравнительно-правового исследования принципов права России и Армении, но и любых государств, относящихся к континентальной правовой семье, а также одновременно всех государств постсоветского пространства в целом. Кроме того, в рамках изучаемого проблемного поля открываются перспективы компаративистского анализа отдельных видов принципов права (только общеправовых, только межотраслевых, только отраслевых) в различных правовых системах.

Дидактическое значение исследование заключается в использовании его материалов в учебном процессе не только при проведении занятий лекционного и семинарского типов в преподавании учебных курсов по теории государства и права и сравнительному правоведению, но и в преподавании отраслевых юридических дисциплин.

Практическое значение диссертационного исследования заключается в том, что в нем разработана универсальная модель закрепления принципов права в кодифицированных актах, которая может быть использована при совершенствовании законодательства не только Российской Федерации и Республики Армения, но и любой страны континентального права. Также в работе имеются практические рекомендации точечного характера, направленные на совершенствование отдельных нормативных правовых актов России и Армении.

Апробация результатов исследования. Основные положения диссертационного исследования отражены в 106 публикациях автора, среди которых 7 монографий, 46 статей в рецензируемых изданиях, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки РФ для опубликования основных научных результатов диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (в том числе, 10 статей – в изданиях, включенных в Перечень журналов, рекомендованных ученым советом РАНХиГС для публикации статей по юриспруденции), 3 статьи – в журнал, входящих в международные базы цитирования «Scopus» и «Web of Science». Материалы диссертации апробировались в выступлениях соискателя более чем на 60-ти

представительских мероприятиях разного уровня, включая 35 – международного уровня.

Научные идеи соискателя нашли дидактическое выражение в учебниках по арбитражному процессу, гражданскому процессу и семейному праву, по которым обучаются студенты многих вузов Российской Федерации. Также материалы диссертационного исследования используются в учебном процессе Нижегородского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ.

Структура диссертации обусловливается ее целью, задачами, авторской концепцией принципов права, методологией и информационной базой исследования. Работа состоит из введения, трех разделов, включающих по две главы каждый (некоторые главы также подразделяются на параграфы), выводов и рекомендаций, списка основных сокращений и списка использованных источников и литературы, включающего 969 наименований.

Перечень публикаций автора по теме исследования

Публикации в рецензируемых научных изданиях, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, рекомендованных ВАК Минобрнауки России

1. Илюхина В.А. Принципы семейного права Российской Федерации и Республики Армения (сравнительно-правовой анализ) / В.А. Илюхина, А.А. Демичев // Семейное и жилищное право[8]. 2016. № 4. С. 7–11.

2. Илюхина В.А. Принципы уголовного судопроизводства Российской Федерации и Республики Армении (сравнительно-правовой анализ) // Уголовное судопроизводство[9]. 2018. № 2. С. 43–48.

---

[8] Входит в Перечень журналов, рекомендованных ученым советом РАНХиГС для публикации статей по юриспруденции.

[9] Входит в Перечень журналов, рекомендованных ученым советом РАНХиГС для публикации статей по юриспруденции.

3. Илюхина В.А. Принцип законности как основа гражданского общества (на примере законодательства России и Армении) // Гражданское общество в России и за рубежом. 2019. № 1. С. 7–10.

4. Илюхина В.А. Принципы гражданского процессуального законодательства РСФСР (историко-правовой анализ ГПК РСФСР 1923 г. и ГПК РСФСР 1964 г.) // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. 2019. № 2. С. 55–59.

5. Илюхина В.А. К вопросу о месте закрепления принципов права в нормативных правовых актах (сравнительный анализ российского и армянского опыта) / А.А. Демичев, В.А. Илюхина // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2019. № 2. С. 23–27.

6. Илюхина В.А. Принципы гражданского процессуального права Республики Армения // Арбитражный и гражданский процесс[10]. 2019. № 3. С. 57–60.

7. Илюхина В.А. Принципы уголовного судопроизводства РСФСР: историко-правовой анализ советского уголовно-процессуального законодательства // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. 2019. № 4. С. 182–188.

8. Илюхина В.А. Женщина перед судом присяжных в Российской империи (к вопросу о принципе гендерного равенства) / А.А. Демичев, В.А. Илюхина // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки[11]. 2020. Т. 24. № 1. С. 98–112.

9. Илюхина В.А. Баланс интересов личности, гражданского общества и государства в принципах уголовно-исполнительного права Российской Федерации // Гражданское общество в России и за рубежом. 2020. № 1. С. 35–37.

[10] Входит в Перечень журналов, рекомендованных ученым советом РАНХиГС для публикации статей по юриспруденции.

[11] Входит в БД «RSCI», в Перечень журналов, рекомендованных ученым советом РАНХиГС для публикации статей по юриспруденции.

10. Илюхина В.А. Межотраслевые принципы процессуальных отраслей армянского права // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2020. № 2. С. 17–22.

11. Илюхина В.А. Принцип равенства всех перед судом в России: история и современность // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. 2020. № 3. С. 31–41.

12. Илюхина В.А. О некоторых дискуссионных проблемах принципов цивилистического процесса России (аналогия закона и аналогия права, сочетание единоличного и коллегиального начал в судопроизводстве) / А.А, Демичев, В.А. Илюхина // Арбитражный и гражданский процесс[12]. 2020. № 7. С. 3–6.

13. Илюхина В.А. Принципы гражданского процессуального права России: позитивистский подход // Актуальные проблемы государства и права. 2020. Т. 4. № 16. С. 515–522.

14. Илюхина В.А. Конституционные принципы права как основа гражданского общества (на материалах российского и армянского права) // Гражданское общество в России и за рубежом. 2021. № 1. С. 22–26.

15. Илюхина В.А. Универсальная модель закрепления принципов права в кодифицированных нормативных правовых актах (общетеоретическое исследование) // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2021. № 2. С. 31–35.

16. Илюхина В.А. Принцип состязательности сторон в российском и армянском праве (сравнительный анализ) // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2021. № 3 (55). С. 39–43.

17. Илюхина В.А. Доктринальные принципы права: понятие и специфика // Актуальные проблемы государства и права. 2021. Т. 5. № 17. С. 9–21.

[12] Входит в Перечень журналов, рекомендованных ученым советом РАНХиГС для публикации статей по юриспруденции.

18. Илюхина В.А. Классификация принципов семейного права России // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2022. № 1 (57). С. 44–51.

19. Илюхина В.А. Принцип состязательности сторон в уголовном судопроизводстве России и Армении (сравнительно-правовой анализ) // Уголовное судопроизводство[13]. 2022. № 1. С. 37–40.

20. Илюхина В.А. Принцип презумпции невиновности как одна из основ гражданского общества (на материалах российского и армянского права) // Гражданское общество в России и за рубежом. 2022. № 2. С. 12–14.

21. Илюхина В.А. Эволюция принципов семейного права в РСФСР // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. 2022. № 2. С. 112–118.

22. Илюхина В.А. Межотраслевой принцип языка судопроизводства в российском и армянском праве (сравнительный анализ) // Администратор суда. 2022. № 3. С. 44–49.

23. Илюхина В.А. Механизм закрепления принципов российского и армянского трудового права (сравнительно-правовой анализ) // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2022. № 4. С. 95–101.

24. Илюхина В.А. Принцип неприкосновенности личности в уголовном судопроизводстве России и Армении (сравнительно-правовой анализ) // Администратор суда. 2022. № 4. С. 50–53.

25. Илюхина В.А. Проблемные аспекты выделения принципов некодифицированных отраслей права // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2022[14]. № 4. С. 5–15.

[13] Входит в Перечень журналов, рекомендованных ученым советом РАНХиГС для публикации статей по юриспруденции.

[14] Входит в Перечень журналов, рекомендованных ученым советом РАНХиГС для публикации статей по юриспруденции.

26. Илюхина В.А. Принцип осуществления правосудия только судом как межотраслевой принцип российского и армянского права (сравнительно-правовое исследование) // Мировой судья. 2022. № 8. С. 8–13.

27. Илюхина В.А. Идеологическая функция науки теории государства и права / А.А. Демичев, В.А. Илюхина // Юридическое образование и наука. 2022. № 9. С. 23–27.

28. Илюхина В.А. К вопросу о восприятии принципов права в разных концепциях правопонимания // Актуальные проблемы государства и права. 2023. Т. 7. № 1 (25). С. 7–16.

29. Илюхина В.А. Запрет неправомерного поведения как новый принцип уголовно-процессуального права Республики Армения // Уголовное судопроизводство[15]. 2023. № 1. С. 29-33.

30. Илюхина В.А. Доктринальные принципы права в правоприменительной практике // Алтайский юридический вестник. 2023. № 3 (43). С. 5–11.

31. Илюхина В.А. Принцип правовой определенности в российской и армянской правовой системе (сравнительный анализ) // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2023. № 3. С. 32–38.

32. Илюхина В.А. Принципы объективной истины и активности суда как доктринальные принципы права // Вестник Воронежского института МВД России. 2023. № 3. С. 262–266.

33. Илюхина В.А. Классификация доктринальных принципов права // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки[16]. 2023. № 3. С. 10–25.

34. Илюхина В.А. Принцип процессуальной экономии как доктринальный принцип российского и армянского права // Администратор суда. 2023. № 3. С. 35–38.

---

[15] Входит в Перечень журналов, рекомендованных ученым советом РАНХиГС для публикации статей по юриспруденции.

[16] Входит в Перечень журналов, рекомендованных ученым советом РАНХиГС для публикации статей по юриспруденции.

35. Илюхина В.А. Генезис и эволюция конституционных принципов права Армении в советский период армянской истории // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. 2023. № 4. С. 175–184.

36. Илюхина В.А. Принцип разумности как доктринальный принцип права // История государства и права. 2023. № 8. С. 57–62.

37. Илюхина В.А. Принцип непосредственности судебного разбирательства в российской правовой системе // Мировой судья. 2023. № 10. С. 33–37.

38. Илюхина В.А. Доктринальные принципы транспарентности и запрета поворота к худшему // История государства и права. 2023. № 11. С. 64–69.

39. Илюхина В.А. Принцип неотвратимости ответственности как доктринальный принцип российского и армянского права // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2024. № 1 (65). С. 46–51.

40. Илюхина В.А. Сравнительная классификация принципов уголовно-процессуального права Российской Федерации и Республики Армения // Правовое государство: теория и практика. 2024. № 1 (75). С. 52–60.

41. Илюхина В.А. Принцип соразмерности в правовых системах России и Армении (сравнительно-правовое исследование) // Алтайский юридический вестник. 2024. № 2 (46). С. 5–10.

42. Илюхина В.А. Принцип равенства всех перед законом как общеправовой принцип в правовых системах России и Армении (сравнительно-правовое исследование) // Мировой судья. 2024. № 6. С. 8–13.

43. Илюхина В.А. Принципы уголовно-исполнительного законодательства Российской Федерации и Республики Армении (сравнительно-правовой анализ) // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2024. № 3. С. 2–6.

44. Илюхина В.А. Принципы права в естественно-правовом правопонимании (концепция А.В. Коновалова) // Актуальные проблемы государства и права. 2024. Т. 8. № 2. С. 197–205.

45. Илюхина В.А. Принцип уважения чести и достоинства личности как общеправовой принцип в правовых системах России и Армении (сравнительно-правовое исследование) // Мировой судья. 2024. № 8. С. 7–12.

46. Илюхина В.А. Принцип диспозитивности в правовых системах государств постсоветского пространства / В.А. Илюхина, А.А. Демичев // Арбитражный и гражданский процесс[17]. 2024. № 9. С. 3–8.

Статьи в зарубежных изданиях

47. Iliukhina V.A. The Principle of Compensation as a Guarantee of Human Rights and Freedoms (As Exemplified by the Legislation of the Russian Federation) / A.A. Demichev, M.A. Engibaryan, V.A. Iliukhina, A.V. Paramonov // Revista Gênero e Direito[18]. 2020. Vol. 9. № 4. P. 788–806. (Бразилия).

48. Iliukhina V. Principles of law in the continental legal family (problematic aspects of determining the essence and classification) / A. Demichev, V. Iliukhina, K. Demichev, A. Paramonov // Laplage em Revista. 2021. Vol. 7. № 1. P. 609–616. (Бразилия).

49. Iliukhina V.A. Land law principles in the post-Soviet states / A.A. Demichev, V.A. Iliukhina, E.V. Safronova // Acta Scientiarum Polonorum Administratio Locorum[19]. 2021. Vol. 20. № 2. P. 89–100. (Польша).

50. Iliukhina V. Legal functional literacy: the concept and levels / V. Iliukhina, T. Gertsog, A. Demichev // Laplage em Revista (International). 2021. Vol. 7. № 3D. P. 336–341. (Бразилия).

51. Demichev A., Iliukhina V., Paramonov A., Constitutional principles of law: concept, types and their role in the legal system / A. Demichev, V. Iliukhina, M. Engibaryan // AD ALTA – Journal of Interdisciplinary Research. 2021[20]. Vol. 11. № 2. P. 47–50. (Чехия).

---

[17] Входит в Перечень журналов, рекомендованных ученым советом РАНХиГС для публикации статей по юриспруденции.
[18] Входит в БД «Web of Science».
[19] Входит в БД «Scopus».
[20] Входит в БД «Web of Science».

52. Илюхина В.А. К вопросу о понятии принципов семейного права // Актуальные проблемы гражданского права[21]. 2021. № 2 (18). С. 204–213. (Беларусь).

53. Илюхина В.А. Механизм закрепления принципов гражданского судопроизводства в законодательстве стран СНГ // Четвертые цивилистические чтения памяти профессора М.Г. Прониной: сб/ материалов, Минск, 11 марта 2022 г. Минск: Академия управления при Президенте Республики Беларусь, 2022. С. 158–163. (Беларусь).

54. Илюхина В.А. Проблемные аспекты закрепления принципов трудового права России // Приоритетные направления развития правовой системы общества: материалы IX Международной научно-практической конференции (Гомель, 12–13 мая 2022 г.): в 2-х ч. Ч. 2 / редкол.: И.И. Эсмантович (гл. ред.) [и др.]. Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины, 2022. С. 9–11. (Беларусь).

55. Илюхина В.А. К вопросу о принципах кондиционного права // Теоретико-прикладные перспективы правового обеспечения развития экономики: Материалы междунар. круглого стола, Минск, Беларусь, 21 октября 2022 г. / под ред.: Н.Л. Бондаренко (гл. ред.), А.В. Гавриленко, Т.М. Халецкой. Минск: БГУ, 2022. С. 123–128. (Беларусь).

56. Илюхина В.А. Принцип разрешения внутрисемейных вопросов по взаимному согласию в практике российских арбитражных судов // Пятые цивилистические чтения памяти профессора М.Г. Прониной: сб. ст. чтений, Минск, 16 марта 2023 г. / под ред. М.Н. Шимкович, Т.М. Халецкой. Минск: Академия управления при Президенте Республики Беларусь, 2023. С. 106–110. (Беларусь).

Монографии

57. Формирование и развитие отраслей права в исторической и современной правовой реальности России: в 12-ти т. Т. 1: Теоретико-методологические аспекты образования отраслей российского права:

[21] Входит в Перечень ВАК Республики Беларусь.

монография / под общ. ред. Р.Л. Хачатурова. М.: Юрлитинформ, 2020. 376 с. (Илюхина В.А., Демичев А.А. Глава 8. Принципы права как идейное ядро отрасли права. С. 231–266).

58. Источники и формы права в современной юридической науке / под ред. Р.Л. Хачатурова. М.: Юрлитинформ, 2021. 320 с. (Илюхина В.А., Демичев А.А. Глава 9. Доктринальные принципы как источник права. С. 162–170).

59. Формирование и развитие отраслей права в исторической и современной правовой реальности России: в 12-ти т. Т. V: Гражданское право России: монография / под ред. А.А. Демичева, Р.Л. Хачатурова. М.: Юрлитинформ, 2021. 392 с. (Илюхина В.А. § 2.4. Принципы гражданского права. С. 67–79).

60. Хронодискретное моногеографическое сравнительное правоведение: проблемы методологии: монография / под ред. А.А. Демичева. М.: Русайнс, 2021. 176 с. (Илюхина В.А. § 3главы 3. Принципы права как предмет хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения. С. 105–112).

61. Формирование и развитие отраслей права в исторической и современной правовой реальности России: в 12-ти т. Т. VII: Семейное право России: монография / под ред. А.А. Демичева, Р.Л. Хачатурова. М.: Юрлитинформ, 2022. 336 с. (Илюхина В.А. Глава 3. Принципы российского семейного права С. 35–52).

62. Формирование и развитие отраслей права в исторической и современной правовой реальности России: в 12-ти т. Т. IX: Гражданское процессуальное право в системе отраслей российского права: монография / под ред. А.А. Демичева, Р.Л. Хачатурова. М.: Юрлитинформ, 2022. 512 с. (Илюхина В.А. Глава 3. Принципы российского гражданского процессуального права. С. 29–48).

63. Илюхина В.А. Принципы права в национальных правовых системах Российской Федерации и Республики Армения (сравнительно-правовое

исследование): монография / под ред. А.А. Демичева. М.: Директ-Медиа, 2024. 408 с.

Учебники

64. Арбитражный процесс / под ред. А.А. Демичева. М.: Юстиция, 2021. 320 с.[22] (Илюхина В.А. § 1.4. Принципы арбитражного процессуального права. С. 20–24).

65. Гражданский процесс: учебник / под ред. А.А. Демичева. М.: ИНФРА-М, 2020. 404 с. (Высшее образование: Бакалавриат)[23]. (Илюхина В.А., Демичев А.А. § 1.5. Принципы гражданского процессуального права. С. 21–25).

66. Гражданский процесс: учебник / под ред. А.А. Демичева. М.: ИНФРА-М, 2021. 404 с. (Среднее профессиональное образование). (Илюхина В.А., Демичев А.А. § 1.5. Принципы гражданского процессуального права. С. 21–25).

67. Семейное право: учебник / под ред. А.А. Демичева. 3-е изд. М.: ИНФРА-М, 2021. 291 с. (Высшее образование)[24] (Илюхина В.А., Демичев А.А. § 1.2. Принципы семейного права. С. 18–23).

68. Семейное право: учебник / под ред. А.А. Демичева. 3-е изд., перераб. и доп. М.: ИНФРА-М, 2024. 291 с. (Среднее профессиональное образование). (Илюхина В.А., Демичев А.А. § 1.2. Принципы семейного права. С. 18–23).

Прочие публикации

69. Илюхина В.А. Принципы семейного права Республики Армения // Человек и общество в противоречиях и согласии: сб. научн. тр. по материалам Международной научно-практической конференции. Н. Новгород: Б.и., 2016. С. 253–255.

70. Илюхина В.А. К вопросу о критериях классификации принципов права // Критерии в праве: теория, практика, техника: сб. статей по материалам

[22] Имеется переиздание 2023 г.
[23] Имеется переиздание 2021, 2022, 2023 гг.
[24] Имеется переиздание 2022 и 2024 гг.

Всероссийской научно-практической конференции (Нижний Новгород, 24–25 мая 2018 г.) / под общ. ред. В.А. Толстика, П.В. Васильева. Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2018. С. 162–165.

71. Iliukhina V. Positivist classification of the principles of administrative proceedings in Russia and Armenia – a comparative legal analysis / A. Demichev, V. Iliukhina // Kazan University Law Review. 2019. Vol. 4. № 1. P. 37–50.

72. Илюхина В.А. Принципы уголовного судопроизводства Республики Армения // Проблемы применения уголовно-процессуального законодательства: пути их решения: материалы Международной онлайн-конференции (Нижний Новгород, 31 мая 2018 г.) / под ред. С.В. Власовой. Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2019. С. 209–213.

73. Илюхина В.А. Классификация принципов семейного права Республики Армения // Актуальные проблемы частного и публичного права: сб. науч. тр. Всерос. науч.-практ. конф., г. Волгоград, 26 октября 2018 г. Вып. 11. Волгоград: ВА МВД России, 2019. С. 54–58.

74. Илюхина В.А. Принципы гражданского права Российской Федерации (позитивистский подход) // Конгресс цивилистов правоохранительных органов: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (Нижний Новгород – Барнаул 25–26 марта 2019 года). М.: Русайнс, 2019. С. 160–163.

75. Илюхина В.А. Конституционные принципы процессуальных отраслей российского права // Тамбовские правовые чтения имени Ф.Н. Плевако: материалы III Международной научно-практической конференции. 24-25 мая 2019 г.: в 2-х т. Т. 1 / отв. ред. В.Ю. Стромов. Тамбов: Издательский дом «Державинский», 2019. С. 56–58.

76. Илюхина В.А. Принципы уголовно-исполнительного законодательства: опыт Республики Армения // IV Международный пенитенциарный форум «Преступление, наказание, исправление» (к 140-летию уголовно-исполнительной системы России и 85-летию Академии ФСИН России): сб. тез. выступлений и докладов участников (г. Рязань, 20–22 ноября 2019 г.):

в 10-ти т. Рязань: Академия ФСИН России, 2019. Т. 2: Материалы международных научно-практических конференций и круглых столов. 2019. С. 88–91.

77. Илюхина В.А. Принципы права как предмет хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения // Актуальные проблемы и перспективы развития научной школы Хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения: сб. научн. тр. по материалам Второй всероссийской научной конференции / под ред. А.А. Демичева, К.А. Демичева. Н. Новгород: НИУ РАНХиГС, 2019. С. 39–47.

78. Илюхина В.А. Принципы российского и армянского гражданского права (сравнительно-правовой анализ) // Российский правовой журнал. 2019. № 1. С. 49–53.

79. Илюхина В.А. Компаративистское исследование принципов права Российской Федерации и Республики Армения (постановка проблемы) // Право – явление цивилизации и культуры. Вып II =Law – Phenomenon of Civilization and Culture. Vol. II / отв.ред. М.В. Немытина. М.: РУДН, 2020. С. 308–314.

80. Илюхина В.А. Принципы арбитражного процессуального права Российской Федерации: понятие и классификация // Второй конгресс цивилистов правоохранительных органов: сборник материалов. М.: Русайнс, 2020. С. 273–280.

81. Илюхина В.А. Принцип компенсации в механизме защиты прав и свобод человека в Российской Федерации / В.А. Илюхина, М.А. Енгибарян // Вестник Нижегородского института управления. 2020. № 3. С. 2–7.

82. Илюхина В.А. Традиции и инновации в закреплении принципов права // Юридическая техника. 2021. № 15. С. 329–334.

83. Илюхина В.А. К вопросу о специфических отраслевых принципах гражданского права // Третий конгресс цивилистов правоохранительных органов: сб. ст. материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. М.: Русайнс, 2021. С. 232–240.

84. Илюхина В.А. Межотраслевой принцип состязательности сторон в праве Российской Федерации и Республики Армения (сравнительно-правовой

анализ) // Новеллы Конституции Российской Федерации и задачи юридической науки: Материалы конференций в рамках X Московской юридической недели: в 5-ти ч., Москва, 24–27 ноября 2020 г. М.: РГ–Пресс, 2021. С. 104–107.

85. Илюхина В.А. Конституционные принципы гражданского права // Вестник Нижегородского института управления. 2021. № 2 (60). С. 4–10.

86. Илюхина В.А. Принципы уголовно-исполнительного права Российской Федерации: понятие, техника закрепления, значение в системе нормативного регулирования // V Международный пенитенциарный форум «Преступление, наказание, исправление» (приуроченный к проведению в 2021 г. в Российской Федерации Года науки и технологий): сб. тез. выступ. и докл. участников (г. Рязань, 17–19 ноября 2021 г.): в 9-ти т. Рязань: Академия ФСИН России, 2021. Т. 6: Материалы Всероссийской научно-практической конференции и круглых столов. С. 278–281.

87. Илюхина В.А. Развитие принципов семейного права в контексте конституционной реформы 2020 г. в России // Тамбовские правовые чтения имени Ф.Н. Плевако: материалы V Международной научно-практической конференции. 28–29 мая 2021 г.: в 2-х т. Т. 1 / отв. ред. В.Ю. Стромов. Тамбов: Издательский дом «Державинский», 2021. С. 324–326.

88. Илюхина В.А. Независимость судей как хронодискретный принцип российского права // Актуальные проблемы и перспективы научной школы хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения: сб. научн. тр. по материалам IV Всероссийской научной конференции. 17 ноября 2021 г. Н. Новгород: НИУ РАНХИГС, 2021. С. 63–72.

89. Илюхина В.А. К вопросу о сравнимости принципов права Российской Федерации и Республики Армения // Антропный принцип устойчивого развития, социальное государство, урбанизация: диалог мировоззрений: сб. научн. тр. по материалам XVI международного симпозиума / под ред. А.В. Парамонова, А.Н. Штефана, А.В. Дахина, К.А. Демичева. Н. Новгород: НИУ – филиал РАНХиГС, 2021. С. 124–127.

90. Илюхина В.А. Кодифицированные правовые акты Российской Федерации и Республики Армения в ракурсе компаративистики // Правовой акт: из архаики в XXI век: материалы Первой ежегодной международной научно-практической конференции, Воронеж, 30 июня 2021 г. / под ред. Ю.Н. Старилова, С.Н. Махиной. Воронеж: Воронежский государственный университет, 2021. С. 216–222.

91. Илюхина В.А. Принцип законности в уголовном судопроизводстве России и Армении (сравнительно-правовой анализ) // Казанские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения: материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Казань, 28 апреля 2022 г.): в 2-х ч. Казань: ЮрЭксПрактик, 2022. Ч. 2. С. 82–85.

92. Илюхина В.А. Принципы права в либертарно-правовой теории В.С. Нерсесянца // Вестник Нижегородского института управления. 2022. № 1 (63). С. 58–64.

93. Илюхина В.А. Принцип разумного срока судопроизводства в цивилистических процессуальных отраслях российского права // Вестник Нижегородского института управления. 2022. № 2 (64). С. 4–14.

94. Илюхина В.А. Доктринальные принципы гражданского процессуального права России // Четвертый конгресс цивилистов правоохранительных органов: Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Нижний Новгород – Барнаул, 24–25 марта 2022 года. М.: Русайнс, 2022. С. 231–238.

95. Илюхина В.А. Принцип равенства всех перед законом в РСФСР // Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (к 100-летию образования СССР): в 2-х ч. Материалы XIX международной научно-теоретической конференции. Санкт-Петербург, 28–29 апреля 2022 г. Ч. 1 / под ред. Н.С. Нижник. СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2022. С. 393–398.

96. Илюхина В.А. Принцип законности в уголовно-исполнительном законодательстве России и Армении (сравнительно-правовой анализ) // Уголовно-

исполнительная система на современном этапе с учетом реализации Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года: сб. тез. выступ. и докл. участников Междунар. науч.-практ. конф. по проблемам исполнения уголовных наказаний (Рязань, 17–18 ноября 2022 г.): в 2-х т. Рязань: Академия ФСИН России, 2022. Т. 2: Материалы научно-практических мероприятий. 2022. С. 891–896.

97. Илюхина В.А. Механизм закрепления принципов гражданского процессуального права в ГПК РФ и ГПК РА (сравнительный анализ) // Вестник Нижегородского института управления. 2022. № 3 (65). С. 3–10.

98. Илюхина В.А. Конструкция закрепления принципов трудового права в законодательстве Республики Армения // Человек и общество в противоречиях и согласии: сб. научн. тр. по материалам Международной научно-теоретической конференции. Н. Новгород: Гладкова О.В., 2022. С. 305–310.

99. Илюхина В.А. Принципы права как динамичное явление правовой системы // Юридическая техника. 2023. № 17. С. 286–289.

100. Илюхина В.А. Маркированные конституционные принципы права Республики Армения // Современные вопросы государства, права, юридического образования: сб. научн. тр. по материалам XVIII Международной научно-практической конференции. 22 декабря 2022 г. / редкол.: А.В. Лапаева, Н.С. Ельцов, О.В. Моисеева. Тамбов: Издательский дом «Державинский», 2023. С. 51–55.

101. Илюхина В.А. Эволюция юридической техники закрепления принципов права в российском законодательстве // Журнал юридической антропологии и конфликтологии. 2023. № 1. С. 44–50.

102. Илюхина В.А. Принцип добровольности брачного союза мужчины и женщины в судебной практике // Пятый конгресс цивилистов правоохранительных органов: Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Нижний Новгород – Барнаул, 30–31 марта 2023 г. М.: Русайнс, 2023. С. 191–201.

103. Илюхина В.А. Классификация принципов российского уголовно-исполнительного права // VI Международный пенитенциарный форум «Преступление, наказание, исправление» приуроченный к 30-летию со дня принятия Конституции Российской Федерации и Закона Российской Федерации от 21 июля 1993 г. № 5473-I «Об учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации»): сб. тез. выступл. и докл. участников (г. Рязань, 15–17 ноября 2023 г.): в 9-ти т.. Рязань: Академия ФСИН России, 2023. С. 244–249.

104. Илюхина В.А. Доктринальные принципы права в деятельности российских судов // Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (к 25-летию Санкт-Петербургского университета МВД России): в 2-х ч.: материалы XX международной научно-теоретической конференции. Санкт- Петербург, 27–28 апреля 2023 г. Ч. 1 / под ред. Н.С. Нижник. СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2023. С. 1147–1153.

105. Илюхина В.А. Принцип экономии репрессии как доктринальный принцип // Человек и общество в противоречиях и согласии: сб. научн. тр. по материалам Международной научно-теоретической конференции. Н. Новгород: Гладкова О.В., 2023. С. 334–337.

106. Илюхина В.А. Проблемные аспекты выделения конституционных принципов права в действующем законодательстве России и Армении // Вестник Нижегородского института управления. 2024. № 1 (71). С. 41–46.

РАЗДЕЛ 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ КОМПАРАТИВИСТСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ПРИНЦИПОВ ПРАВА В НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРАВОВЫХ СИСТЕМАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ

ГЛАВА 1. ПОНЯТИЕ И СУЩНОСТЬ ПРИНЦИПОВ ПРАВА В РАЗЛИЧНЫХ КОНЦЕПЦИЯХ ПРАВОПОНИМАНИЯ

1. Принципы права в естественно-правовой и либертарно-юридической теории[25]

Понимание сущности любого объекта действительности во многом детерминируется взглядом на него познающего субъекта. Сами объективные характеристики изучаемого объекта при этом не меняются, а вот его оценка, угол зрения и практическое применение могут быть существенно скорректированы.

Сказанное выше в полной мере относится и к правовой сфере жизни общества. Одним из объектов правовой действительности, несомненно, являются принципы права. Тип правопонимания, которого придерживается тот или иной познающий субъект, определяет подход к восприятию принципов права, их сущности, места в правовой системе, теоретической и практической значимости.

В задачи данной главы не входит анализ типов правопонимания, наша цель более скромная, а именно: дать общую характеристику понимания принципов

[25] При написании данного параграфа были использованы следующие работы автора: Илюхина В.А. Принципы права в либертарно-правовой теории В.С. Нерсесянца // Вестник Нижегородского института управления. 2022. № 1 (63). С. 58–64; Илюхина В.А. К вопросу о восприятии принципов права в разных концепциях правопонимания // Актуальные проблемы государства и права. 2023. Т. 7. № 1 (25). С. 7–16; Илюхина В.А. Принципы права в естественно-правовом правопонимании (концепция А.В. Коновалова) // Актуальные проблемы государства и права. 2024. Т. 8. № 2. С. 197–205; Илюхина В.А. Принципы права в национальных правовых системах Российской Федерации и Республики Армения (сравнительно-правовое исследование): монография / под ред. А.А. Демичева. М.: Директ-Медиа, 2024. С. 15–35.

права в рамках разных концепций правопонимания[26]. Далее мы остановимся на проблеме восприятия принципов права в контексте естественно-правового, либертарного, позитивистского и интегративного правопонимания.

В мировой научной литературе существуют разные подходы к пониманию принципов права. Эти различия обусловливаются не только индивидуальной научной позицией исследователя, но и, как мы уже отметили ранее, типом правопонимания, которого он придерживается. Причем приверженность тому или иному типу правопонимания, что вполне закономерно, не определяется принадлежностью к какой-либо стране. Место принципам права нашлось и в естественно-правовом, и в либертарном, и в позитивистском, и в интегративном правопонимании.

Принципы права в естественно-правовой теории (вариант Р. Дворкина). В варианте современной интерпретации теории естественного права Рональда Дворкина (1931–2013) определенное внимание уделяется принципам права. Сделаем оговорку, что отнесение концепции Р. Дворкина, сформировавшейся в ходе полемики с позитивистами (в первую очередь, Г. Хартом и Дж. Разом) именно к варианту естественно-правовой концепции является дискуссионным в научной литературе, на что обоснованно обращает внимание С.В. Коваль[27].

Так, Дж. Раз считал, что воззрения Р. Дворкина следует рассматривать как вариант позитивистской теории Г. Харта[28], а Дж. Мэки обосновывал положение, что концепция Р. Дворкина является некоей «третьей» теорией права[29].

---

[26] В научной литературе также имеются попытки рассмотреть принципы права не в разных концепциях правопонимания, а в разных правовых парадигмах (см.: Головина А.А. Роль принципов права в различных правовых парадигмах // Принципы права: проблемы теории и практики: материалы XI международной научно-практической конференции: в 2-х ч. Москва, 18–22 апреля 2016 г. М.: РГУП, 2017. С. 187-197).

[27] См.: Коваль С.В. Разграничение принципов и правовых норм в философии права Р. Дворкина // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. 2020. № 2. С. 63–71.

[28] См.: Raz J. Legal Principles and the Limits of Law // The Yale Law Journal. 1972. № 81. P. 823–854.

[29] См.: Mackie J. The Third theory philosophy // Public Affairs. 1977. Vol. 7. № 1. P. 3–16. Отметим, что С.Н. Касаткин, изучая труды Р. Дворкина и Дж. Мэки, пришел к выводу, что теория Р. Дворкина «может считаться «третьей» теорией права, так же как и целый ряд иных

С.В. Коваль также рассматривает концепцию Р. Дворкина в качестве альтернативы позитивизму и теории естественного права[30].

Принципы права воспринимались Р. Дворкиным как стандарты, отличные от собственно юридических правил, стандарты, которые есть требования справедливости, честности и иных моральных измерений[31]. В данной концепции имеет место разграничение принципов, политики (стандартов, относящихся к коллективным интересам) и процедур[32]. Причем в некоторых случаях законодатель при принятии законов, по мнению Р. Дворкина, исходит из политических интересов, а не из принципов[33]. Но при этом ссылка в судебном процессе истца на закон является аргументом принципа, а не политики[34]. Также в гражданских делах (даже очень сложных) судьи основывают свои решения на основе доводов принципов, а не политики[35]. Судебное решение также является вопросом принципа, а не политики. Что же касается процедур, то они служат средством защиты принципов[36].

Успешность правоприменения, по мнению Р. Дворкина, во многом зависит от знания судьей принципов права, которых бесчисленное множество. Критикуя позитивистское правопонимание, он делал акцент на том, что в принципах права наиболее важная составляющая именно моральная, а не нормативная. Р. Дворкин не разграничивает моральные и юридические принципы, ставя в тексте между

современных концепций естественно-правового толка, полемизирующих с позитивизмом о надлежащем объяснении (понятия) права» (Касаткин С.Н. Концепция «раннего» Р. Дворкина как «третья теория права» // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2019. № 2 (37). С. 106).

[30] См.: Коваль С.В. Концепция философии права Рональда Дворкина как альтернатива позитивизму и теории естественного права: дис. … канд. филос. наук. М., 2022.

[31] См.: Дворкин Р. О правах всерьез / пер. с англ. М.Д. Лахути, Л.Б. Макеевой. М.: РОССПЭН, 2004. С. 45.

[32] См.: Dworkin R. A Matter of Principle. Cambridge, Mass.; London, 1985. P. 72–103. Обратим внимание, что в понимании Р. Дворкина, «политика» – это один из стандартов, который определяет цель, заключающуюся в улучшении экономических, политических или социальных характеристик общества (см.: Dworkin R. The Model of Rules // University of Chicago Law Review. 1967. Vol. 35. P. 51).

[33] См.: Dworkin R. A Matter of Principle. Cambridge, Mass.; London, 1985. Dworkin R. A Matter of Principle. Cambridge, Mass.; London, 1985. P. 73.

[34] См.: Ibid. P. 74, 75, 77.

[35] См.: Ibid. P. 77.

[36] См.: Ibid. P. 90.

ними союз «или»[37]. Такой подход обусловливается, на наш взгляд, тем, что Р. Дворкин работал помощником судьи в США, и его мировоззрение было сформировано в условиях англосаксонской правовой семьи.

В теории Р. Дворкина важное место занимает гипотетическая фигура «юридического Геркулеса» – идеального судьи, непогрешимость которого обусловливается двумя факторами, а именно: неограниченными знаниями принципов права и неограниченным временем, в течение которого он может принимать решения[38]. По мнению ученого, в отличие от правовых норм правовые принципы могут конфликтовать между собой и иметь разный вес: одни являются более значимыми, другие – менее значимыми[39]. Причем конкуренция принципов разрешается не на основе каких-то строго установленных правил, а на оценочной основе (оценщик здесь, естественно, судья). В отличие от нормы права принцип не может диктовать конкретного решения жизненной ситуации, а играет роль общего ориентира[40]. При этом, как справедливо отмечает В.В. Лапаева, «Р. Дворкин в силу сугубо прагматической ориентации своего подхода не задавался вопросом о том, какими критериями (или, точнее – каким теоретическим критерием, выступающим в качестве основополагающего для правовой системы принципа) должен руководствоваться судья, взвешивая разные принципы при принятии решения»[41].

Р. Дворкин обращал внимание на то, что в «логической природе принципа нет ничего такого, что помешало бы ему быть обязательным»[42]. При этом в научной литературе точно подмечено, что ученый не объясняет, какие

---

[37] См.: Ibid. P. 92.

[38] Понятие «юридического Геркулеса» было сформулировано Р. Дворкиным в работе «Империя права» (см.: Dworkin R. Law’s Empire. Harvard University Press: Cambridge, 1986; Дворкин Р. Империя права / пер. с англ. С. Моисеева; под науч. ред. С. Коваль, А. Павлова. М.: Издательство Института Гайдара, 2020).

[39] См.: Dworkin R. The Model of Rules // University of Chicago Law Review. 1967. Vol. 35. P. 14–46.

[40] См.: Дворкин Р. О правах всерьез / пер. с англ. М.Д. Лахути, Л.Б. Макеевой. М.: РОССПЭН, 2004. С. 50.

[41] Лапаева В.В. Концепция права Р. Дворкина с позиций либертарно-юридического подхода // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2013. № 4. С. 151.

[42] Дворкин Р. О правах всерьез / пер. с англ. М.Д. Лахути, Л.Б. Макеевой. М.: РОССПЭН, 2004. С. 62.

принципы в действительности являются обязательными, а какие – нет[43]. Принципы права в концепции Р. Дворкина, как верно отмечают исследователи его творчества, выступают «средством нейтрализации правовой неопределенности и судейского правотворчества»[44].

Итак, в рамках теории Р. Дворкина принципы права, во-первых, не являются правовыми нормами в позитивистском понимании, но, тем не менее, принципы – это часть права. Здесь нужно учитывать, что данный вариант теории естественного права был разработан представителем англосаксонской правовой семьи, в которой имеется специфическое соотношение нормы закона и нормы прецедента.

Во-вторых, принципы права есть выражение естественной справедливости, они не обусловлены какими-либо внешними факторами, в том числе законодательной деятельностью государства. Свидетельством этого является широкая судебная практика, когда высшие суды своими решениями либо отменяют нормы позитивного права либо интерпретируют их таким образом, что итог не соответствует первоначальному смыслу.

В-третьих, существует иерархия принципов права. Значение разных принципов далеко не равнозначно в правовой системе общества. Фактором, определяющим их ценность и место в иерархии, является соответствие естественным правам человека. Иерархия принципов права определяется не законодателем, а правоприменителем – судьей.

В-четвертых, субъектом применения принципов права является судья. Именно «идеальный судья» («юридический Геркулес») знает в отличие от всех прочих субъектов все принципы права, имеет представление об их иерархии. И только он может в условиях неограниченного времени на проведения анализа их соотношения и применимости в конкретной жизненной ситуации правильно

---

[43] См.: Ветютнев Ю.Ю. О правопонимании Рональда Дворкина // Журнал российского права. 2005. № 10. С. 135.

[44] Касаткин С.Н. Учение о правовых принципах и критика позитивизма в работах «раннего» Р. Дворкина // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Право. 2018. № 1 (20). С. 3–22.

применить тот или иной принцип или их совокупность при разрешении любого спорного правоотношения.

Принципы права в естественно-правовой интерпретации А.В. Коновалова. Авторская концепция принципов права А.В. Коновалова четко выражена в двух его монографиях и докторской диссертации[45]. Сам автор определяет свою исследовательскую позицию как объективный идеализм и юснатуразизм[46].

Естественное право понимается А.В. Коноваловым как комплекс «объективно существующих принципов права, его концептуальной первоосновы»[47]. Нормы позитивного права жизнеспособны только тогда, когда они имеют корни в этом комплексе объективно существующих принципов, а эффективность системы позитивного права напрямую зависит от того, насколько оно зиждется на фундаменте из этих основополагающих норм[48]. Принципы права (правовые принципы) – явление объективное. У законодателя в этой ситуации имеется два пути: 1) он игнорирует объективные принципы и подменяет их принципами-идеологемами в собственных политических целях; 2) он наполняет позитивное право нормами, имеющими в основе объективные правовые принципы, и при этом воздерживается от собственного произвола. Принципы права, по мнению А.В. Коновалова, явление самодостаточное, отражающее объективные закономерности самой природы человека и общества. Причем облик конкретного правопорядка определяется тем, насколько он соответствует объективным принципам[49], а система принципов права никоим образом не зависит от существующего в конкретный исторический момент государственного строя[50].

---

[45] См.: Коновалов А.В. Принципы гражданского права. СПб.: Право, 2019; Он же. Принципы права: монография. М.: Норма, 2023; Он же. Принципы гражданского права: методологические и практические аспекты исследования: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2019.
[46] См.: Коновалов А.В. Принципы права: монография. М.: Норма, 2023. С. 6.
[47] Там же. С. 84.
[48] См.: Там же.
[49] См.: Там же. С. 102.
[50] См.: Там же. С. 104.

Принципы права в исследуемой концепции – «это объективное нематериальное явление, отличающееся непреходящей стабильностью и не претерпевающее воздействия текущих общественных и экономических обстоятельств»[51], это «идеи, которые формируют оптимальный образ правовой организации любого общества»[52], это «своеобразная сотовая структура любого общества, которая может наполняться или пустовать»[53]. Наконец, это «объективные идеальные модели возникновения, изменения и прекращения правоотношений, в рамках которых наиболее оптимально обеспечиваются и реализуются в их совокупности существенные свойства и долгосрочные интересы индивидов, их групп и общественных формаций»[54]. Учитывая, что А.В. Коновалов стоит на естественно-правовых позициях, логично, что принципы права он рассматривает в качестве части правовой идеологии. В этом контексте они определяют и базовые элементы юридического мышления, и законодательство, и право, и процесс правореализации[55].

А.В. Коновалов не отрицает роль субъективного элемента на стадиях формулирования принципа в правовых нормах и правоприменения, однако утверждает, что «важно четко разграничивать объективное содержание правового принципа – вечное и неизменное, обусловленное природой человека и общества, в котором он существует, – и имеющее субъективную основу восприятие принципа, его толкование и затем воплощение в правовой действительности»[56]. При этом опыт людей принципы права не создает, а только способствует их

---

[51] Коновалов А.В. Принципы права: монография. М.: Норма, 2023. С. 105. Конкретизируя определение принципов права в определении принципов гражданского права, А.В. Коновалов пишет, что «это объективные, нематериальные явления, отличающиеся непреходящей стабильностью и не претерпевающие воздействия общественных и экономических обстоятельств (процессов). Они первичны и по отношению к этим обстоятельствам (процессам), и по отношениям к нормам позитивного права» (Коновалов А.В. Принципы гражданского права: методологические и практические аспекты исследования: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2019. С. 17).

[52] Коновалов А.В. Принципы права: монография. М.: Норма, 2023. С. 122.

[53] Там же. С. 143.

[54] Там же. С. 146.

[55] См.: Коновалов А.В. Принципы гражданского права: методологические и практические аспекты исследования: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2019. С. 3.

[56] Коновалов А.В. Принципы права: монография. М.: Норма, 2023. С. 104–105.

выявлению, осмыслению и созданию более точных и оптимальных нормативных формулировок[57].

Принципы права объективны, а нормы позитивного права субъективны, независимо от того, что понимается под ним: писаный закон или общеобязательная судебная практика[58]. Среди правовых норм нормы, закрепляющие правовые принципы, являются более значимыми и более стабильными, чем нормы-установления и нормы легитимации[59].

Последовательная философско-идеалистическая позиция А.В. Коновалова проявляется и в том, что в его представлении объективные правовые принципы имеют самостоятельное значение и самостоятельное существование. Если конкретный принцип оказался нереализованным в нормах позитивного права определенной правовой системы, это не означает утраты им значения и существования[60]. Собственно объективные принципы права не являются в строгом смысле частью позитивного права. Их функция, скорее, ориентационная, заключающаяся в ориентации правоприменителя на определенные стандарты волевого, рационального и нравственного поведения в конкретной ситуации. Это обусловливается тем, что в представлении ученого принцип права – это не норма права, он, в отличие от нормы, не содержит конкретных правил поведения, стимулов, ограничений, запретов и санкций, поэтому «нормативное понимание правовых принципов решительно неприемлемо», «принципы только открываются, осмысливаются, интерпретируются и практически интегрируются позитивным правом»[61].

Из объективности правовых принципов вытекает такое их свойство как универсальность, под которой автором концепции понимается общность и неизменность (неизменность во времени). На содержание правовых принципов не влияют и не могут влиять какие-либо географические, климатические,

---

[57] См.: Коновалов А.В. Принципы права: монография. М.: Норма, 2023. С. 111.
[58] См.: Там же. С. 113.
[59] См.: Там же. С. 116.
[60] См.: Там же. С. 113.
[61] См.: Там же. С. 114.

демографические, экономические, социальные и прочие факторы. Названные факторы влияют на особенности конкретных правопорядков, но не на сами принципы, т.к. общность правовых принципов обусловливается сходством основных психосоматических характеристик людей[62]. Еще двумя свойствами принципов права являются их глобальность (как определенный уровень обобщенности) и эффективность. Последняя заключается в том, что принципы права формулируют универсальные целеполагания[63].

По мнению А.В. Коновалова, форма выражения правового принципа «не так существенна», однако закрепление его в нормах права является наиболее «сильным» вариантом. Более важным является то, насколько принцип востребован в правом регулировании. Именно степень востребованности принципа и является признаком качества норм. Если принцип по каким-то причинам оказался невостребованным, носит декларативный характер или прямо игнорируется, это не означает, что он утратил актуальность, а лишь свидетельствует об определенной дефектности законодательства[64].

Рассматривая соотношение принципов права и позитивного права, А.В. Коновалов выделяет три ключевых момента: во-первых, принципы права не образуют альтернативную позитивному праву систему; во-вторых, представляют явление другого порядка по отношению к позитивному праву; в-третьих, их соотношение с позитивным правом проявляется «лишь посредством присутствия сути и духа своего содержания в текстах его норм, будучи либо напрямую закрепленными в этих текстах, либо «растворенными» в том законодательном массиве, который восходит к объективным принципам, а не игнорирует их»[65].

Исследуя соотношение права и морали, правовых принципов и морали, А.В. Коновалов пришел к выводу, что в отличие от норм этики правовые

---

[62] См.: Коновалов А.В. Принципы права: монография. М.: Норма, 2023. С. 118, 119.
[63] См.: Там же. С. 121, 123.
[64] См.: Там же. С. 114–115.
[65] Коновалов А.В. Принципы гражданского права: методологические и практические аспекты исследования: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2019. С. 293.

принципы характеризуются большей конкретностью, универсальностью и практичностью. Причем объективные принципы права моральны. Точно также моральны и нормотворчество, и правоприменение, если они соответствуют этим принципам[66].

Поскольку объективные принципы права являются реально действующими, автор концепции указывает восемь способов их реального действия в правопорядке: К сожалению, совокупность этих способов представляется эклектичной, включая в себя слишком разнородные составляющие. Сюда отнесены и некие абстрактные обобщенные факторы социальной коммуникации, и не менее абстрактная растворенность во всех нормах законодательства и правоприменительной практике, и другие не менее абстрактные и многозначные категории, и, в тоже время, вполне конкретное закрепление основных начал законодательства в позитивных нормах[67]. В целом сферой проявления протопринципов являются обычаи, обычное право – именно через них протопринципы и воздействуют на общественные отношения, наполняя содержание принципов права[68].

---

[66] См.: Коновалов А.В. Принципы права: монография. М.: Норма, 2023. С. 117, 118.

[67] См.: Там же. С. 146–147. Говоря непосредственно об «осуществлении» конкретно принципов гражданского права, А.В. Коновалов называет 10 способов: «1) непосредственно воздействуя на общественные отношения в виде обобщенных правил социальной коммуникации; 2) будучи закрепленными в качестве основных начал гражданского законодательства в его позитивных нормах; 3) будучи «растворенными» во всех нормах отрасли законодательства; 4) определяя основной метод отрасли гражданского права; 5) формируя основные концептуальные подходы, обеспечивая стабильность и последовательность практики правоприменения, в том числе в наиболее важном ее аспекте – судебной практики; 6) являя собой смысловой стержень индивидуального и коллективного правосознания, в том числе системы мотиваций правового поведения; 7) обеспечивая трансляцию идеальной модели регулирования гражданским правом общественного отношения в фактическое общественное отношение; 8) опосредуя накопление в обществе позитивных практик правоприменения как важнейших предпосылок его успешного настоящего и будущего развития; 9) выступая в качестве концептуальных связей имеющего тенденцию к дезинтеграции гражданско-правового инструментария; 10) выступая в качестве факторов, объединяющих элементы атомизированного горизонтально интегрированного общества, и концептуальной альтернативы эгоистичного иррационального поведения» (Коновалов А.В. Принципы гражданского права: методологические и практические аспекты исследования: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2019. С. 18–19).

[68] См.: Коновалов А.В. Принципы гражданского права: методологические и практические аспекты исследования: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2019. С. 16.

Пытаясь создать целостную концепцию принципов права, А.В. Коновалов не мог обойти вопрос о классификации правовых принципов. При этом, исходя из философии объективного идеализма, он вводит особую категорию «протопринципы», играющую важную роль в его теории. Под протопринципами понимаются некие «ценностно-практические установки, отражающие природу человека и общества, рациональный опыт поколений, индивидуальную и коллективную этику, нравственные императивы, включая выработанные социумом понятия о долге, совести, призвании человека»[69]. Как и собственно принципы права, протопринципы носят универсальный, вневременной характер, они никогда ни при каких условиях не теряют своего значения. Может меняться только их внешняя интерпретация, выражающаяся в конкретных моделях общественных отношений. Такого рода рассуждения создают у нас ощущение, что на идею о протопринципах оказали влияние идеи Платона об эйдосах.

А.В. Коновалов рассматривает протопринципы как целостность, внутри которой возможна градация по уровням конкретности, и выделяет три вида протопринципов: 1) высшие (ценности); 2) общие (интересы) и 3) функциональные (задачи). Первые носят наиболее общий характер и сосредотачивают в себе в основном ценностный, аксиологический материал. Вторые конкретизируют первые и носят более утилитарный характер. Наконец, третьи – это общественный запрос на определенную модель. Протопринципы из первой и второй группы имеют наиболее общий характер и представляют собой смысловые предпосылки для принципов всех отраслей частного и публичного права. Протопринципам третьей группы (протопринципам-задачам) свойственна дифференциация, рассчитанная на разные предметы и сферы правового регулирования. Что касается генетического происхождения протопринципов, то А.В. Коновалову они видятся в коренных, субстантивных потребностях человека,

[69] Коновалов А.В. Принципы права: монография. М.: Норма, 2023. С. 159. Говоря конкретно о протопринципах гражданского права, А.В. Коновалов указывает, что они представляют собой «объективный общественный запрос на оптимальное гражданско-правовое регулирование» (Коновалов А.В. Принципы гражданского права: методологические и практические аспекты исследования: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2019. С. 16).

относящихся к эмпирическому (или чувственному), рациональному и иррациональному уровням[70].

Отдельно А.В. Коновалов среди функциональных протопринципов выделяет методологические протопринципы права. Они определяют не ценности, интересы и задачи, достижение которых является общей целью правопорядка, а общую концепцию способов, с помощью которых возможно это достижение. Общим выражением методологических протопринципов является свойство соразмерности в праве[71].

Говоря уже не о протопринципах, а о принципах права, А.В. Коновалов утверждает, что идеальный объективный правовой принцип не действует прямо и непосредственно – он должен быть транслирован в реально существующий правопорядок и реализован в правотворчестве и правоприменении. Эта трансляция сначала реализуется в нормах позитивного права, а потом уже в конкретных правоотношениях. Вообще А.В. Коновалов рассматривает систему принципов права как некую единую вертикаль обобщений, которая связывает объективный принцип права с правовой нормой и, в конечном итоге, с правоотношением. Наверху этой вертикали находятся наиболее общие, абстрактные принципы, которые по мере спускания вниз все более конкретизируются. От принципа права до правоотношения может быть любое количество звеньев, поскольку эта вертикаль «является более или менее умозрительной, виртуальной структурой, существующей в основном для удобства и эффективности адаптации объективного принципа права к реалиям правопорядка»[72]. Законодатель и правоприменитель также могут выстраивать свою вертикаль обобщений и конкретизации. В первом случае элементами этой вертикали будут нормы права, во втором – правила, выработанные судебной практикой. Если такое построение формулировки принципов права будет востребовано законодательством и практикой, то перед академической наукой

[70] См.: Коновалов А.В. Принципы права: монография. М.: Норма, 2023. С. 161.
[71] См.: Там же. С. 184.
[72] Там же. С. 188.

встает задача описание этой иерархии как системы принципов права[73]. При этом не все элементы вертикали могут квалифицироваться в качестве принципов права, а только те, которые соответствуют необходимому уровню глобальности и универсальности.

Исходя из собственного в рамках естественно-правовой концепции понимания принципов права и их вертикальной конкретизации, А.В. Коновалов предлагает следующую систему принципов права:

1) высшие;

2) общеправовые;

3) общеотраслевые;

4) функциональные. В их рамках выделяется две группы: частноправовые и публично-правовые принципы.

Обратим внимание, что в этой системе нет межотраслевых принципов. Это не упущение автора классификации, а его осознанная позиция, вытекающая из понимания вертикали конкретизации правовых принципов[74].

Первые два вида принципов (высшие и общеправовые) А.В. Коновалов называет общими, поскольку они распространяют свое действие на все отрасли права, а третий и четвертый виды (общеотраслевые и функциональные) – отраслевыми, т.к. приоритетное значение они имеют для отраслей права[75]. Каждый нижерасположенный вид принципов права вытекает из более абстрактного и универсального вышерасположенного вида и является конкретизацией. Вследствие такой их организации между принципами нет и не может быть конкуренции. Общеправовые, общеотраслевые и функциональные принципы делятся на субстантивные и методологические.

К высшим А.В. Коновалов относит всего 3 принципа (принципы добросовестности, разумности и справедливости[76]), к общеправовым – 22

---

[73] См.: Коновалов А.В. Принципы права: монография. М.: Норма, 2023. С. 188.
[74] См.: Коновалов А.В. Принципы гражданского права: методологические и практические аспекты исследования: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2019. С. 384.
[75] См.: Коновалов А.В. Принципы права: монография. М.: Норма, 2023. С. 197.
[76] См.: Там же. С. 201–239.

(из них 12 являются субстантивными общеправовыми принципами[77], а 10 – общеправовыми методологическими принципами[78]), к общеотраслевым принципам – 90, в том числе, 50 принципов частного права (из них 35 субстантивных и 15 методологических) и 40 принципов публичного права (из них 23 субстантивных и 17 методологических), к функциональным принципам права – 185, в том числе, 75 принципов частного права (из них 38 субстантивных и 37 методологических) и 110 принципов публичного права (из них 59 субстантивных и 51 методологический). Таким образом, система принципов права состоит ровно из 300 принципов.

Кстати, анализируя классификацию принципов конкретной отрасли – гражданского права, предложенную А.В. Коноваловым, следует обратить внимание на то, что в общей классификации и классификации принципов гражданского права принципы первых трех видов полностью идентичны, что вполне логично, исходя их концептуальной позиции автора. А вот на уровне

---

[77] К субстантивным общеправовым принципам относятся: 1) существование правопорядка в интересах общей пользы и безопасности; 2) необходимость обеспечения оптимального баланса между частными, частными и публичными интересами; 3) правовая определенность; 4) обязательность, адекватность и своевременность востребованной реакции правопорядка; 5) гуманизм правового регулирования; 6) обеспечение гарантий прав личности и неотъемлемости ее правового статуса; 7) неприкосновенности собственности; 8) равноправие субъектов права; 9) обеспечение субъектам права адекватной защиты их правовых позиций и интересов, допустимость самозащиты; 10) обязательность добропорядочного и ответственного поведения субъектов права; 11) ответственность за нарушение правопорядка и причинение вреда; 12) соизмерение ответственности с адекватным волеизъявлением, доступность для субъекта стандарта ожидаемого от него правопорядком поведения и адекватность его реакции на имеющиеся фактические обстоятельства (см.: Коновалов А.В. Принципы права: монография. М.: Норма, 2023. С. 247, 253–274).

[78] Методологические общеправовые принципы актуальны для всех отраслей права, их объединяет то, что они включают в себя положения, которые раскрывают, каким образом на отношения, регулируемые правом, должны воздействовать источники правового регулирования, чтобы соответствовать модели, задаваемой объективными принципами права. К методологическим общеправовым принципам А.В. Коновалов относит: 1) авторитет закона или исполняющего его роль судебного решения (законность); 2) легитимность и авторитет правопорядка; 3) универсальность правоприменения; 4) единообразие правоприменения; 5) целесообразность (экономичность) правоприменения; 6) упорядоченность разрешения конфликтов (судебная защита); 7) ограничение вмешательства в частные дела; 8) недопустимость извлечения выгод и иных преимуществ из незаконного, противоправного, недобросовестного поведения; 9) презумпция предвидения субъектом вероятных последствий совершаемых им действий; 10) зависимость последствий нарушений закона от степени выраженности противозаконной позиции (см.: Коновалов А.В. Принципы права: монография. М.: Норма, 2023. С. 248, 277–289).

четвертого вида принципов (функциональных) из общего количества в 75 функциональных принципов частного права на долю гражданского права приходится 60 принципов, в том числе 33 субстантивных и 27 методологических[79].

С одной стороны, А.В. Коновалов утверждает, что «система принципов права не может быть не только безграничной «открытой системой» Дворкина, но и просто избыточно широкой: здесь должно работать правило «бритвы Оккама», обеспечивающее должное чувство меры при формулировке как основополагающих, так и производных функциональных принципов права»[80]. С другой стороны, автор допускает существование широкого и открытого перечня принципов права[81], включая в свою систему 300 принципов права, а саму постановку вопроса о том, сколько всего должно быть принципов права считает лишенной практического и концептуального смысла. При этом он отмечает, что необходимо придерживаться его собственной концептуальной основы и ставить во главу угла практическую потребность[82]. И только такой подход в познании и формулировке принципов права «и проецирование их на актуальную практику правоприменения, можно считать научно выверенным и практически продуктивным»[83].

Также необходимо отметить, что формулируя огромное количество принципов права, большинство из которых, как мы уже отметили ранее, являются отраслевыми, А.В. Коновалов и не рассчитывает, что все эти они «должны иметь воплощение в тексте законов, руководящих разъяснений высших судов, конкретных судебных решениях, учебных курсах и даже в научных трудах

---

[79] См.: Коновалов А.В. Принципы гражданского права: методологические и практические аспекты исследования: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2019. С. 685–690.
[80] См.: Коновалов А.В. Принципы права: монография. М.: Норма, 2023. С. 121.
[81] См.: Там же. С. 189.
[82] См.: Там же. С. 196. Также А.В. Коновалов отмечает, что «Исключительно важно признать, что объективные принципы права не должны быть непременно выражены в чеканных формулировках и тем более закреплены в конкретных нормах законодательства» (Коновалов А.В. Принципы гражданского права: методологические и практические аспекты исследования: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2019. С. 292).
[83] Коновалов А.В. Принципы права: монография. М.: Норма, 2023. С. 196.

в рамках простого цитирования»[84]. Такой авторский подход несколько удивляет и делает неизбежными вопросы: зачем и для кого формулировались эти принципы?

В охарактеризованной методологической ситуации вполне логичным является вопрос, а исходя из чего, должны выводиться исследователями принципы права? Понятно, что (в представлении А.В. Коновалова) существуют некие идеальные объективные принципы и имеется практическая потребность их реализации в правоприменении, но на что ученый и законодатель должен опираться при их формулировании? На это у автора концепции тоже есть ответ: на знания о прошлом опыте правового регулирования, доктринальные разработки и, отчасти, собственную интуицию[85]! При этом вербальные формулировки принципов, по мнению А.В. Коновалова, могут существенно варьироваться, иметь или не иметь выражение в тексте закона или судебного прецедента и могут вообще не существовать как юридический текст[86].

В целом складывается ощущение, что критикуя Р. Дворкина, А.В. Коновалов ставит себя в какой-то степени на место «юридического Геркулеса», знающего все (или, как минимум, значительно больше всех прочих) о принципах права. Понятно, что при этом он делает оговорки, что никто и никогда, включая его самого, не сможет сформулировать безупречную, завершенную, полную, исчерпывающую, точную классификацию принципов права и никогда не нужно претендовать на безупречность своего труда[87]. Тем не менее, к сожалению, подходу автора концепции присущ чрезвычайный субъективизм в отборе и формулировании правовых принципов. Кстати, субъективизм автора проявляется и в очевидной «подгонке» количества разных принципов под «круглые» числа.

Несмотря на многочисленные иногда очень глубокие рассуждения о познании объективных принципов права, так и остаются открытыми вопросы

---

[84] Коновалов А.В. Принципы права: монография. М.: Норма, 2023. С. 292.
[85] См.: Там же. С. 196.
[86] См.: Там же. С. 194.
[87] См.: Там же. С. 194, 196.

о том, кто и какими средствами, используя какие механизмы должен конкретизировать принципы права, каков критерий истинности в данном случае, кто и как должен оценить предложенное отдельными субъектами на соответствие объективным принципам права? А.В. Коновалов постоянно делает акцент на практической пользе своей концепции, роли принципов права в правоприменительной практике, однако реальные практические рекомендации по совершенствованию действующего законодательства в его исследованиях отсутствуют (хотя рекомендации общего, в основном, абстрактно-теоретического характера имеются[88]). Наконец, остается без ответа вопрос, почему законодатель должен взять на вооружение то, что пришло в голову одному, безусловно, образованному и эрудированному человеку, и на этой основе кардинально реформировать законодательство и корректировать правоприменительную практику?

Несмотря на сказанное выше, концепция А.В. Коновалова, основанная на объективном идеализме и юснатуразизме, несомненно, имеет право на существование. Следует понимать, что это совершенно иной взгляд на сущность, систему и роль принципов права, нежели в рамках позитивистского и интегративного правопонимания. Естественно-правовая концепция принципов права А.В. Коновалова ориентирована не на совершенствование конкретных принципов права, закрепленных или ждущих закрепления в текстах нормативных правовых актов, а носит более общее не столько правовое, сколько морально-этическое значение. Она ориентирует и законодателя, и правоприменителя, и научное сообщество на понимание исходных идей и ценностей, которые лежат (или должны лежать) в основе социального устройства в целом и правового регулирования в частности.

Принципы права в либертарно-юридической теории. Примерно в то же время (конец 1960-х – 1980-е гг.), что и концепция Р. Дворкина, сформировалась либертарная теория права (либертарно-юридическая теория, либертарно-правовая

[88] См.: Коновалов А.В. Принципы гражданского права: методологические и практические аспекты исследования: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2019. С. 24–28, 1041–1082.

теория). Ее возникновение и развитие было связано с именем известного армяно-российского ученого, академика Российской академии наук Владика Сумбатовича Нерсесянца (1938–2005). Либертарная теория права, основанная на различении права и закона, изначально критиковала марксистское понимание права, что в тот момент было весьма смело и рискованно. В настоящее время либертарное правопонимание – это особый тип правопонимания, отличающийся от позитивизма и теории естественного права.

Основным теоретико-методологическим посылом либертарной теории права является четкое разграничение права и закона как сущности и явления. Представители этого типа правопонимания (кроме В.С. Нерсесянца здесь можно назвать В.В. Лапаеву[89], В.С. Нерсесяна[90], В.А. Четвернина[91], Н.А. Варламову[92] и др.) не писали работ, специально посвященных принципам права (исключение составляет лишь диссертационное исследование А.С. Сидоркина[93], о чем пойдет речь позже). Тем не менее, в различных ракурсах эта проблематика постоянно затрагивалась и затрагивается в их исследованиях. Попробуем в сжатом виде реконструировать представления о принципах права в либертарно-правовой теории.

В правовой системе, по мнению В.С. Нерсесянца, принципы права играют роль жизненной силы, механизма саморегулирования, стержня, который

---

[89] См.: Лапаева В.В. Типы правопонимания: правовая теория и практика: монография. М.: Российская академия правосудия, 2012.

[90] См.: Нерсесян В.С. Право и правовой закон: становление и развитие / под. ред. В.В. Лапаевой. М.: Норма, 2009; Он же. Современное право: теория и методология: монография / под ред. В.В. Лапаевой. М.: Норма; ИНФРА-М, 2020.

[91] См.: Четвернин В.А. Современная либертарно-юридическая теория // Ежегодник либертарно-юридической теории. 2007. № 1. С. 5–9. Отметим, что В.В. Лапаева указывает, что в некоторых случаях В.А. Четвернин, относя себя к сторонникам либертарной теории права, фактически иногда вставая на позиции юснатурализма, в «рамках которого право – конвенциально установленные принципы и нормы…» (Принцип формального равенства и взаимное признание права: монография / под общ. ред. В.В. Лапаевой, А.В. Полякова, В.В. Денисенко. М.: Проспект, 2022. С. 13–14).

[92] См.: Варламова Н.В. Типология правопонимания и современные тенденции развития теории права. СПб.: Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2010.

[93] См.: Сидоркин А.С. Принципы права: понятие и реализация в российском законодательстве и судебной практике: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2010.

обеспечивает единство и согласованность всех элементов правовой системы[94]. Следует отметить, что для В.С. Нерсесянца принципы права, точнее, один единственный принцип – принцип формального равенства – это идея. Идея, которая лежит в основе права, а само право – «это нормативная форма выражения принципа формального равенства свободных людей в общественных отношениях»[95]. Именно в принципе формального равенства представлены специфика права, его объективная природа и вместе с тем его отличие от других видов социальных норм и типов социальной регуляции[96].

Обратим внимание, что либертарная теория права носит сугубо светский характер. Ю.В. Сорокина и Е.В. Костенникова, исследуя принцип равенства в христианстве, верно акцентируют внимание на том, что «христианство провозгласило принцип равенства в единстве. И данный принцип – не то же самое, что принцип формального равенства»[97].

Право с присущим ему принципом формального равенства – это «необходимая форма выражения и бытия свободы людей», выражение смысла и принципа правовой свободы[98]. Право представляет собой соответствующую принципу формального равенства систему норм, установленных или санкционированных государством и обеспеченных возможностью применения мер государственного принуждения. Кроме того, все правовые явления, включая официально установленный закон, публичную власть, поведенческие акты различных субъектов социальной жизни,

---

[94] См.: Нерсесянц В.С. Право и закон: Из истории правовых учений. М.: Наука, 1983. С. 342–343.

[95] Нерсесянц В.С. Право – математика свободы. Опыт прошлого и перспективы. М.: Юристь, 1996. С. 9.

[96] См.: Нерсесянц В.С. Философия права: учебник для вузов. М.: Норма, 2004. С. 79.

[97] Сорокина Ю.В., Костенникова Е.В. Принцип равенства в христианстве // Права и свободы человека и гражданина: теоретические аспекты и юридическая практика: материалы ежегодной Международной научной конференции памяти профессора Феликса Михайловича Рудинского, Москва, 23 апреля 2015 года. М.: Издательство «Концепция», 2015. С. 30.

[98] Нерсесянц В.С. Право – математика свободы. Опыт прошлого и перспективы. М.: Юристь, 1996. С. 124.

их взаимоотношения и т.д. в случае их соответствия принципу формального равенства представляют собой лишь формы его внешнего выражения[99].

Принцип формального равенства присущ исключительно праву. Этим право отличается от произвола, который характеризуется отсутствием этого принципа (принцип произвола – отсутствие принципа формального равенства)[100]. В тоже время, по мнению основателя либертарной теории права, принцип формального равенства имеет сложную структуру – он одновременно включает в себя и момент формальной свободы, и правовые нормы, и право как систему норм[101]. Смысл принципа формального равенства выражается и в правовой норме, и в правовом отношении, и в правосознании, и в правосубъектности, и в правовых процедурах[102].

Основным моментом либертарно-правовой концепции, как мы уже отмечали ранее, является различие права и закона как сущности и явления. Причем сущность права как раз и составляет принцип формального равенства, представляющий собой «единство трех подразумевающих друг друга сущностных свойств (характеристик) права – всеобщей равной меры регуляции, свободы и справедливости»[103]. Весь мир правовых явлений, включающий правоотношения, субъектов права, правовые нормы и пр., по мнению В.С. Нерсесянца, представляет собой лишь различные проявления принципа формального равенства. Принцип формального равенства – это и есть наиболее абстрактное определение и выражение права[104].

Принцип формального равенства выражает существо и особенности права, отличает его от прочих социальных явлений, норм и регуляторов[105]. Правовая

---

[99] Нерсесянц В.С. Философия права: либертарно-юридическая концепция // Вопросы философии. 2002. № 3. С. 5.
[100] См.: Нерсесянц В.С. Философия права: учебник для вузов. М.: Норма, 2004. С. 25.
[101] См.: Нерсесянц В.С. Право – математика свободы. Опыт прошлого и перспективы. М.: Юристь, 1996. С. 9.
[102] См.: Нерсесянц В.С. Философия права: учебник для вузов. М.: Норма, 2004. С. 50–51.
[103] Нерсесянц В.С. Философия права: либертарно-юридическая концепция // Вопросы философии. 2002. № 3. С. 4.
[104] См.: Нерсесянц В.С. Философия права: учебник для вузов. М.: Норма, 2004. С. 45.
[105] См.: Там же. С. 34.

справедливость выступает в качестве критерия правомерности или неправомерности претензий на роль и место справедливости в обществе[106]. Анализ принципа правового равенства привел В.С. Нерсесянца к выводу «о внутреннем единстве и общем смысле формального равенства, единого масштаба и равной меры свободы индивидов, всеобщей справедливости»[107].

Наконец, в методологическом плане принцип формального равенства, по мнению, В.С. Нерсесянца, – это метод формально-логического понимания права и соответствующей юридической формализации предметной сферы правовой регуляции и действия права. Принцип формального равенства есть не что иное, как формула юридического мира[108]. Развивая методологические идеи В.С. Нерсесянца, В.В. Лапаева рассматривает принцип формального равенства в качестве критерия оценки политико-правового развития советской и постсоветской России[109], а Н.В. Варламова обосновывает положение, что принцип формального равенства является основополагающим принципом правового регулирования[110].

Е.В. Тимошина, анализируя либертарную теорию и относя ее к традиции естественного права, приходит к выводу, что принцип формального равенства, выступая основанием действительности позитивного права, также является и основанием правомерности принуждения, что позволяет дифференцировать его от неправового применения силы – насилия[111].

При знакомстве с трудами В.С. Нерсесянца у нас складывается впечатление, что для него принцип формального равенства – нечто идеальное

---

[106] См.: Нерсесянц В.С. Философия права: учебник для вузов. М.: Норма, 2004. С. 31.
[107] См.: Там же. С. 35.
[108] См.: Нерсесянц В.С. Философия права: либертарно-юридическая концепция // Вопросы философии. 2002. № 3. С. 11.
[109] См.: Принцип формального равенства и взаимное признание права: монография / под общ. ред. В.В. Лапаевой, А.В. Полякова, В.В. Денисенко. М.: Проспект, 2022. С. 14–16.
[110] См.: Варламова Н.В. Формальное равенство как основополагающий принцип правового регулирования // Признание права и принцип формального равенства: сб. тр. международной научной конференции (Воронеж, 10–11 июня 2015 г.) / отв. ред. В.В. Денисенко. М.: Современная экономика и право, 2015. С. 35–41.
[111] См.: Тимошина Е.В. Разделительный тезис либертарно-юридической теории и основания действительности права // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2018. Т. 13. № 4. С. 76–77.

и предустановленное, не зависящее от каких-то внешних факторов. «Правовой принцип равенства, справедливости и свободы людей в любой ситуации сохраняет свою объективную общезначимость и выступает и как единственное надлежащее основание и масштаб для критики насилия и произвола, и как единственный подлинный ориентир для искомой правовой перспективы»[112].

Как абстракция данный принцип стабилен и неизменен, но в разных исторических ситуациях он может быть подменен неправовыми началами. «Справедливость, – полагает ученый, – везде и всегда по сути правовая справедливость. Поэтому справедливость может прийти в столкновение лишь с правонарушающим, но не с правовым законом, не с всеобщим принципом правового равенства, который является ее собственным принципом»[113]. Являясь специалистом в области истории политических и правовых учений и философии права, В.С. Нерсесянц, естественно, понимал, что история динамична. Соответственно он рассматривал историю права как историю «прогрессирующей эволюции содержания, объема, масштаба и меры формального (правового) равенства при сохранении самого этого принципа как принципа любой системы права, права вообще»[114]. При этом для каждого исторического этапа характерны свой масштаб и своя мера свободы и права, т.е. свое содержание принципа формального равенства. Так что принцип формального равенства «представляет собой постоянно присущий праву принцип с исторически изменяющимся содержанием»[115]. Тем не менее, принцип формального равенства универсален для всех исторических периодов. Там, где он действует, есть право, а где он не действует – права нет[116].

Важными, на наш взгляд, являются представления В.С. Нерсесянца о соотношении принципа формального равенства и позитивного права. Ученый прямо указывал, что нормы позитивного права можно считать собственно

---

[112] Нерсесянц В.С. Философия права: учебник для вузов. М.: Норма, 2004. С. 50.
[113] Нерсесянц В.С. Право – математика свободы. Опыт прошлого и перспективы. М.: Юристь, 1996. С. 10.
[114] Там же. С. 11.
[115] Там же.
[116] См.: Там же. С. 14.

правовыми лишь «в той мере и постольку, поскольку в них присутствует, нормативно выражен и действует принцип формального равенства и формальной свободы индивидов»[117]. Таким образом, в нормах права, исходящих от государства, принцип формального равенства находит свое материальное воплощение. Придавая принципу формального равенства некую идеальную сущность, В.С. Нерсесянц осознавал, что «в условиях государственно организованного общества без многообразных видов официального признания, выражения и защиты правовой формы, без четкого, ясного и общедоступного формулирования требования принципа правового равенства и формальной свободы в виде конкретизированных и определенных норм общеобязательного закона и санкций за их нарушение невозможно нормальное и эффективное функционирование права как регулятора и формы общественных отношений»[118]. В.С. Нерсесянц полагал, что именно исходя из различения права и закона, в законодательство развитых систем национального права и в международных правовых актах были законодательно закреплены «идеи и принципы неотчуждаемых прав и свобод человека, господства (правления) права, правового закона, правового государства и т.д.»[119].

В своих трудах В.С. Нерсесянц не давал определений принципов права, а, как мы уже отмечали ранее, концентрировал внимание на принципе формального равенства. Однако в работах ученого встречается и упоминание других принципов права. Например, анализируя Конституцию Российской Федерации, он называет принципы приоритетного характера прав и свобод человека и гражданина, неотчуждаемости прав и свобод человека[120]. Также он не мог игнорировать правовые реалии, отмечая, что правовые запреты и дозволения (точнее, их общий смысл) должны быть конкретизированы в правовых нормах, имеющих обязательную юридическую силу. Ученый верно

---

[117] Нерсесянц В.С. Право – математика свободы. Опыт прошлого и перспективы. М.: Юристь, 1996. С. 16.
[118] Там же. С. 17.
[119] Нерсесянц В.С. Философия права: учебник для вузов. М.: Норма, 2004. С. 65.
[120] См.: Нерсесянц В.С. Право – математика свободы. Опыт прошлого и перспективы. М.: Юристь, 1996. С. 58.

указывал, что «такая конкретизация общерегулятивных принципов права – самостоятельная творческая работа, требующая адекватного нормативного выражения взаимосвязи определенных прав и юридических обязанностей, форм и процедур их реализации, способов их защиты и т.д.»[121]. Однако, различая право и закон, В.С. Нерсесянц полагал, что в настоящее время существует масса общеобязательных норм неправового характера уже «заурегулировавших» все социальное пространство. Поэтому для введения в действия правовых принципов и норм права еще предстоит отвоевать это пространство[122].

В этой борьбе государство не только вправе, но и должно отменять неправовые акты и нормы, не боясь наступления правового хаоса. Хаоса не будет, т.к. появится пространство для введения подлинных правовых принципов и норм. Пробелы же, возникающие при временном отсутствии конкретных правовых норм, должны быть восполнены при надлежащем правовом толковании общими правовыми нормами Конституции и правовых законов, самими правовыми принципами[123].

Анализируя современное указное нормотворчество, В.С. Нерсесянц приходит к выводу, что оно, нарушая прерогативы законодательной власти, девальвирует принцип верховенства права и тем самым подрывает общие основы всей системы российских нормативных правовых актов[124]. Таким образом, ученый называет еще один принцип права – принцип верховенства права, однако не раскрывает ни его содержание, ни соотношение с другими принципами. Не совсем ясно, считал ли В.С. Нерсесянц синонимичными принцип верховенства права и принцип господства права, предполагающий «законодательное признание, закрепление и защиту всех юридически значимых аспектов свободы человека как духовной личности, как свободного, независимого и автономного

---

[121] Нерсесянц В.С. Право – математика свободы. Опыт прошлого и перспективы. М.: Юристь, 1996. С. 98; Нерсесянц В.С. Философия права: учебник для вузов. М.: Норма, 2004. С. 92.
[122] Нерсесянц В.С. Право – математика свободы. Опыт прошлого и перспективы. М.: Юристь, 1996. С. 99.
[123] См.: Там же. С. 139.
[124] См.: Нерсесянц В.С. Философия права: учебник для вузов. М.: Норма, 2004. С. 383.

субъекта во всех сферах общественной жизни (правовой, моральной, нравственной, эстетической, религиозной и т.д.)»[125].

В работе «Философия права» В.С. Нерсесянц упоминает еще один правовой принцип – принцип согласования различных видов социальных норм. К сожалению, все, что о нем написано, это: «В условиях развитости, самостоятельности и отдифференцированности друг от друга различных видов социальных норм (морали, нравственности, религии и т.д.) именно правовой принцип согласования их совместного бытия и действия способен придать этому разнообразию социальных норм (и регуляторов) определенное системное единство»[126]. Таким образом, сущность данного принципа понятна, но не ясно соотношение с другими правовыми принципами, включая принцип формального равенства. Также в работах В.С. Нерсесянца неоднократно упоминается принцип разделения властей, однако мы его не касаемся, т.к. это не принцип права, а принцип организации государственной власти, что представляет собой несколько иную материю, нежели изучаемую нами.

В либертарно-правовом дискурсе М.А. Милкиным-Скопцом был изучен принцип разумности[127], который В.С. Нерсесянцем не рассматривался. М.А. Милкин-Скопец обосновывает положение, что принцип разумности является общим правовым принципом, при этом автор намеренно отказывается от анализа практического применения норм действующего отраслевого законодательства и его аргументация носит исключительно теоретический характер[128].

Н.В. Варламова, развивая либертарно-правовую теорию, высказывает мысль, что универсальность принципа формального равенства проявляется и в том, что к нему в конечном итоге восходят все иные правовые принципы, которые определяют регулирование конкретных сфер отношений, а именно:

---

[125] Нерсесянц В.С. Философия права: учебник для вузов. М.: Норма, 2004. С. 82.
[126] Там же. С. 83.
[127] См.: Милкин-Скопец М.А. Принцип разумности в либертарно-правовом дискурсе. Историко-правовое исследование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010.
[128] См.: Там же. С. 9.

принцип верховенства права и принципы, определяющие положение человека в государстве и обществе. К последним, по мнению Н.В. Варламовой, относятся:

– принцип «все, что не запрещено, разрешено, а запрещено может быть лишь то, что нарушает права других лиц или публичный порядок, в рамках которого обеспечиваются права человека» (применительно к частным лица);

– принцип «все, что не разрешено, запрещено, а разрешено может быть лишь то, что необходимо для защиты прав человека и поддержания публичного порядка, в рамках которого обеспечиваются права человека» (применительно к лицам, наделенных публично-властными полномочиями);

– принцип гуманизма;

– принцип уважения собственности;

– принцип свободы договора (применительно к частному праву);

– презумпции (среди них называется презумпция добросовестности участников гражданского оборота и налогоплательщиков и презумпция невиновности в уголовном и административном процессе);

– принцип равноправия (недискриминации);

– принцип соразмерности (пропорциональности)[129].

Также Н.В. Варламова полагает, что правотворческая и правоприменительная деятельность должны строиться в соответствие с принципами правовой определенности и надлежащей правовой процедуры. Эти и названные выше принципы логически взаимосвязаны, непротиворечивы и признаются во всех странах, принадлежащих к западной правовой культуре, и «именно они должны определять содержание позитивного права независимо от способа и уровня его установления и обеспечения…»[130]. В юридическом понимании принципы права представляют собой юридические требования, восходящие к принципу формального равенства. Права человека, по мнению

[129] См.: Принцип формального равенства и взаимное признание права: монография / под общ. ред. В.В. Лапаевой, А.В. Полякова, В.В. Денисенко. М.: Проспект, 2022. С. 49.
[130] Там же. С. 50.

Н.В. Варламовой, являются прицнипами права, поскольку они выражают различные притязания на равную со всеми меру свободы[131].

Подводя промежуточные итоги, отметим, что ключевым принципом права в либертарно-юридической концепции является принцип формального равенства. Именно он выступает в качестве одной из основополагающих идей либертарной теории, и именно он позволяет отграничить право от закона. Принцип формального равенства как триединство всеобщей равной меры, свободы и справедливости одновременно выступает совершенно в разных ипостасях:

1) это сущность права, его наиболее абстрактное определение и выражение;

2) это содержание правовых явлений, то, что отграничивает право от произвола, что отличает его от всех иных социальных явлений, норм и регуляторов;

3) это метод познания права.

Таким образом, в большинстве работ представителей либертарно-юридической теории не сложилось целостной концепции принципов права. Попытку устранить этот пробел предпринял в своей кандидатской диссертации А.С. Сидоркин[132]. Критикуя позитивистское и естественно-правовое понимание принципов права, названный автор характеризует принципы права в качестве правовых норм общего характера, обладающих высоким уровнем абстракции и отражающих такие сущностные свойства права как свобода, формальное равенство и справедливость[133].

По мнению А.С. Сидоркина, принципы права представляют собой стройную систему, в которой один принцип выводится из содержания другого, соответственно между ними нет коллизий. Основополагающим выступает принцип верховенства прав и свобод человека, конкретизирующийся в таких общих принципах как справедливость (понимаемой в качестве формального

---

[131] Подробнее см.: Варламова Н. Права человека как принципы права // Сравнительное конституционное обозрение. 2023. № 6 (157). С. 146–171.

[132] См.: Сидоркин А.С. Принципы права: понятие и реализация в российском законодательстве и судебной практике: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2010.

[133] См.: Там же. С. 8.

равенства), презумпция невиновности, равноправие, гуманизм[134]. Общеобязательность принципы права получают путем их объективизации в позитивном праве. При этом их внешними формами выражениями являются:

1) Конституция;

2) нормативные правовые акты;

3) судебные решения, среди которых важнейшая роль принадлежит решениям Конституционного Суда РФ, выводящим принципы права из положений Конституции РФ и формулирующим новые принципы права, не имеющим явного закрепления в Конституции);

4) также правовая доктрина[135].

С позиции либертарно-юридической теории такой подход вполне логичен, однако с точки зрения позитивистского правопонимания и учета специфики правовой системы России он обладает существенными недостатками. Если наложить предложенный автором подход к пониманию принципов права на модели правовых семей, то мы получим не какую-то универсальную, а эклектичную картину источников внешнего выражения принципов права с тяготением не к романо-германской, а к англосаксонской правовой семье.

Несомненно, А.С. Сидоркин прав в том, что через принципы права в законодательстве выражается сущность права, и действуют они на всех стадиях правового регулирования, что на них должны ориентироваться правотворческие органы и правоприменитель, а также частные лица в процессе реализации закона[136]. Важнейшее практическое значение принципов права исследователь, исходя из либертарного правопонимания, видит в том, что они являются критерием оценки конституционности закона[137].

---

[134] См.: Сидоркин А.С. Принципы права: понятие и реализация в российском законодательстве и судебной практике: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2010. С. 9, 15.
[135] См.: Там же. С. 9.
[136] См.: Там же. С. 9–10.
[137] См.: Там же. С. 10.

В заслугу А.С. Сидоркину следует поставить попытку классифицировать принципы права[138]. Предложенная им классификация является единственной в рамках либертарного правопонимания. Однако, по большому счету, автор здесь не оригинален – за основу берется традиционная классификация, основанная на таком критерии как сфера действия принципов, и выделяются общие, межотраслевые, отраслевые и институционные принципы права. Правда внутреннее наполнение этой классификации отличается от позитивистского. Общие принципы права (презумпция невиновности, гуманизм, справедливость, равноправие, ограничение прав человека правами других лиц) рассматриваются в качестве выражения и конкретизации универсального принципа верховенства прав и свобод человека и носящих надпозитивный характер. Позитивируясь и конкретизируясь в Конституции РФ и решениях Конституционного Суда РФ, они образуют конституционные принципы права, которые подразделяются на принципы, определяющие основы конституционного строя[139], принципы правового законодательства[140] и принципы осуществления правосудия[141]. Однако в этой ситуации совершенно непонятно, куда, наряду с другими, пропал из этой системы, например, «надпозитивный» принцип презумпции невиновности. Ведь он очень даже конкретно «позитивирован» в ст. 49 Конституции РФ.

Что касается межотраслевых принципов, то среди них выделяются принципы частного и публичного права, а также принципы, которые

---

[138] См.: Сидоркин А.С. Принципы права: понятие и реализация в российском законодательстве и судебной практике: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2010. С. 14–15.

[139] Сюда А.С. Сидоркин относит принципы правового, демократического, социального государства, принцип светского государства и отделения религиозных объединений от государства, принцип разделение властей, принцип равноправия и самоопределения народов, принцип федеративного государства, принцип государственной целостности Российской Федерации, принцип единства системы государственной власти (см.: Сидоркин А.С. Принципы права: понятие и реализация в российском законодательстве и судебной практике: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2010. С. 15).

[140] Сюда А.С. Сидоркин относит правовую определенность и соразмерность (см.: Сидоркин А.С. Принципы права: понятие и реализация в российском законодательстве и судебной практике: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2010. С. 15).

[141] Сюда А.С. Сидоркин относит правовая определенность, осуществление правосудия только судом, независимость судей, язык судопроизводства, гласность, состязательность процесса (см.: Сидоркин А.С. Принципы права: понятие и реализация в российском законодательстве и судебной практике: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2010. С. 15).

одновременно относятся и к частному, и к публичному праву (к последним относится принцип диспозитивности, выводимый из общего принципа «разрешено все, что не запрещено»)[142]. По нашему мнению, выделение межотраслевых принципов не по принадлежности к конкретным отраслям права, а к сфере публичного и частного права, неудачно, поскольку при этом предложенная классификация теряет такие свойства как четкость и определенность в силу дискуссионности отнесения некоторых отраслей права к частному или публичному, сочетания частноправовых и публично-правовых элементов. Таким образом, в интерпретации А.С. Сидоркина классификация принципов права по сфере их действия, сохраняя внешнюю стройность, к сожалению, приобрела размытость, потеряла четкость и собственно систематизационные свойства.

В целом либертарно-юридическая теория практического значения для правоприменения (мы имеем в виду только проблематику принципов права) не имеет. На нормативное регулирование либертарные идеи также влияния не оказывают и, на наш взгляд, в силу специфики самой теории, оказать не могут. Полагаем, что можно говорить только об аксиологической ценности либертарного правопонимания, позволяющего на доктринальном уровне осознать ценность принципов права, а также способствовать путем правотворчества переводу идей правосознания в основополагающие нормативно закрепленные идеи, т.е. в принципы права.

Наконец, обратим внимание еще на одно интересное обстоятельство: либертарно-юридическая теория является российско-армянским феноменом политико-правовой мысли, в то время как прочие типы правопонимания, затронутые в данном исследовании, характерны для мировой философии и теории права в целом.

---

[142] См.: Сидоркин А.С. Принципы права: понятие и реализация в российском законодательстве и судебной практике: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2010. С. 15.

2. Принципы права в позитивистском и интегративном правопонимании[143]

[143] При написании данного параграфа были использованы следующие работы автора: Илюхина В.А. Принципы семейного права Республики Армения // Человек и общество в противоречиях и согласии: сб. научн. тр. по материалам Международной научно-практической конференции. Н. Новгород% Б.и., 2016. С. 253–255. Илюхина В.А. Принципы уголовного судопроизводства Российской Федерации и Республики Армении (сравнительно-правовой анализ) // Уголовное судопроизводство. 2018. № 2. С. 43–48; Илюхина В.А. Принципы уголовного судопроизводства Республики Армения // Проблемы применения уголовно-процессуального законодательства: пути их решения: материалы Международной онлайн-конференции (Нижний Новгород, 31 мая 2018 г.) / под ред. С.В. Власовой. Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2019. С. 209–213; Илюхина В.А. Принципы гражданского процессуального права Республики Армения // Арбитражный и гражданский процесс. 2019. № 3. С. 57–60; Илюхина В.А. Принципы гражданского права Российской Федерации (позитивистский подход) // Конгресс цивилистов правоохранительных органов: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (Нижний Новгород – Барнаул 25–26 марта 2019 г.). М.: Русайнс, 2019. С. 160–163; Илюхина В.А. Принципы уголовно-исполнительного законодательства: опыт Республики Армения // IV Международный пенитенциарный форум «Преступление, наказание, исправление» (к 140-летию уголовно-исполнительной системы России и 85-летию Академии ФСИН России): сб. тез. выступлений и докладов участников (г. Рязань, 20–22 нояб. 2019 г.): в 10-ти т. Рязань: Академия ФСИН России, 2019. Т. 2: материалы международных научно-практических конференций и круглых столов. 2019. С. 88–91; Илюхина В.А. Принципы гражданского процессуального права России: позитивистский подход // Актуальные проблемы государства и права. 2020. Т. 4. № 16. С. 515–522; Илюхина В.А. Принципы арбитражного процессуального права Российской Федерации: понятие и классификация // Второй конгресс цивилистов правоохранительных органов: сб. материалов. М.: Русайнс, 2020. С. 273–280; Илюхина В.А. К вопросу о понятии принципов семейного права // Актуальные проблемы гражданского права. 2021. № 2 (18). С. 204–213; Demichev A., Iliukhina V., Demichev K., Paramonov A. Principles of law in the continental legal family (problematic aspects of determining the essence and classification) // Laplage em Revista. 2021. Vol. 7. № 1. P. 609–616; Формирование и развитие отраслей права в исторической и современной правовой реальности России: в 12-ти т. Т. V. Гражданское право России: монография / под ред. А.А. Демичева, Р.Л. Хачатурова. М.: Юрлитинформ, 2021. С. 67–79; Илюхина В.А. Принципы уголовно-исполнительного права Российской Федерации: понятие, техника закрепления, значение в системе нормативного регулирования // V Международный пенитенциарный форум «Преступление, наказание, исправление» (приуроченный к проведению в 2021 году в Российской Федерации Года науки и технологий): сб. тез. выступ. и докл. участников (г. Рязань, 17–19 нояб. 2021 г.): в 9-ти т. Рязань: Академия ФСИН России, 2021. Т. 6: материалы Всероссийской научно-практической конференции и круглых столов. С. 278–281; Формирование и развитие отраслей права в исторической и современной правовой реальности России: в 12-ти т. Т. VII. Семейное право России: монография / под ред. А.А. Демичева, Р.Л. Хачатурова. М.: Юрлитинформ, 2022. С. 35–40; Формирование и развитие отраслей права в исторической и современной правовой реальности России: в 12-ти т. Т. IX. Гражданское процессуальное право в системе отраслей российского права: монография / под ред. А.А. Демичева, Р.Л. Хачатурова. М.: Юрлитинформ, 2022. С. 29–39; Илюхина В.А. К вопросу о восприятии принципов права в разных концепциях правопонимания // Актуальные проблемы государства и права. 2023. Т. 7. № 1 (25). С. 7–16; Илюхина В.А. Принципы права в национальных правовых системах Российской Федерации и Республики Армения (сравнительно-правовое исследование): монография / под ред. А.А. Демичева. М.: Директ-Медиа, 2024. С. 35–62.

Принципы права в позитивистском правопонимании. В настоящее время наиболее оптимальным и отражающим правовые реалии нам представляется позитивистский подход к принципам права. Среди зарубежных авторов наиболее яркое выражение он нашел в исследованиях Г. Харта[144] и Дж. Раза[145]. В Советском Союзе большинство исследователей в плане принципов права тоже стояли на позитивистских позициях, естественно, скорректированных особенностями социалистического правосознания и правопонимания[146]. К сожалению, высокая политизированность исследований советского периода, как отмечает Н.А. Власенко, нередко вела к отождествлению принципов права с социалистическими закономерностями развития общества[147].

Многие российские ученые продолжают рассматривать принципы права в контексте позитивистского правопонимания[148]. Мы также относимся к их числу.

---

[144] См.: Hart H.L.A. The Concept of Law. Oxford: University Press: N.-Y, 1961.

[145] См.: Raz J. Legal Principles and the Limits of Law // The Yale Law Journal. 1972. № 81. P. 823–854.

[146] См., напр., Александров Н.Г. Социалистические принципы советского права // Советское государство и право. 1957. № 6. С. 16–29; Чечина Н.А. Принципы советского гражданского процессуального права и их нормативное закрепление // Правоведение. 1960. № 3. С. 78–83; Մուսախանյան Վ.Ա. Սոցիալիստական իրավունքի հասկացողությունն ու հիմնական սկզբունքները: Ուս. ձեռնարկ, Երևան, ԵՊՀ հրատ., 1962 (Мусаханян В.А. Понимание и основные принципы социалистического права: учеб. пособие. Ереван: ЕГУ, 1962); Лукашева Е.А. Принципы социалистического права // Советское государство и право. 1970. № 6. С. 21–29; Алексеев С.С. Проблемы теории права: Основные вопросы общей теории социалистического права: курс лекций: в 2-х т. Свердловск: Свердловский юридический институт, 1972. Т. 1; Явич Л.С. Право развитого социалистического общества: Сущность и принципы. М.: Юрид. лит., 1978 и др.

[147] См.: Власенко Н.А. Методологические основания исследования правовых ценностей: монография. М.: Норма, 2023. С. 60–62.

[148] См., напр., Вопленко Н.Н. Сущность, принципы и функции права: учебное пособие. Волгоград: Изд-во Волгогр. ун-та, 1998; Лаврусь С.Ю. Реализация принципов права в юридической практике: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Казань, 2005; Кузнецова О.А. Нормы-принципы российского гражданского права. М.: Статут, 2006; Демичев А.А. Позитивистская классификация принципов современного российского права классификации // Государство и право. 2014. № 5. С. 5–13; Давыдова М.Л. Принципы позитивного права в теоретико-правовом дискурсе // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7: Философия, социология и социальные технологии. 2016. № 3 (33). С. 36–45; Баранов А.В. Нормы-принципы в механизме правового регулирования // Вестник Томского государственного университета. Серия: Право. 2016. № 4 (22). С. 5–14; Проблемы реализации принципов права в предпринимательской деятельности: монография / отв. ред. В.А. Вайган, М.А. Егорова. М.: Юстицинформ, 2016; Безруков С.С. Теоретико-правовые проблемы системы и содержания принципов уголовного процесса: монография. М.: Юрлитинформ, 2016;

Наше исследование базируется именно на позитивистском подходе к пониманию принципов права, и все дальнейшее исследование будет на нем строиться. По этой причине в данной главе мы дадим лишь краткую характеристику принципам права в рамках позитивистской концепции. Кроме того, отметим, что практически во всех монографиях и диссертациях, посвященных принципам права, дается их характеристика с приведением соответствующих цитат взглядов ученых на принципы права.

Прежде, чем привести ряд определений принципов права, отметим, что еще в 1975 г. А.М. Васильев обратил внимание, что каждый принцип права существует на трех уровнях: доктринальном (научные представления, элемент правосознания), нормативном (нормативное закрепление) и социологическом (практическая реализация)[149].

В советской и постсоветской российской и армянской теории права существует множество различных разноаспектных определений принципов права:

– это «нормативные обобщения наиболее высокого уровня, сжатое, концентрированное выражение содержания права, своего рода сгустки правовой материи»[150];

– «это такие начала, отправные идеи его бытия, которые выражают важнейшие закономерности и устои данной общественно-экономической формации, являются однопорядковыми с сущностью права и составляют его главное содержание, обладают универсальностью, высшей императивностью и общезначимостью; соответствуют объективной необходимости упрочения господствующего способа производства»[151];

Карташов В.Н. Принципы права: понятие, структуры, функции // Юридическая техника. 2020. № 14. С. 158–166 и др.

[149] См.: Васильев А.М. О правовых идеях-принципах // Советское государство и право. 1975. № 3. С. 14.

[150] Алексеев С.С. Право: азбука – теория – философия. Опыт комплексного исследования. М.: Статут, 1999. С. 293.

[151] Явич Л.С. Право развитого социалистического общества: Сущность и принципы. М.: Юрид. лит., 1978. С. 11.

– «это основные исходные начала, положения, идеи, выражающие сущность права как специфического социального регулятора»[152];

– «основные идеи, исходные положения или ведущие начала процесса его формирования, развития и функционирования»[153],

– «идеи, отражающие сущность, назначение, закономерности, тенденции развития российского права, закрепленные либо прямо, либо косвенно в правовых нормах»[154];

– «закрепленные в нормах права основополагающие требования, соответствующие моральным, политическим и экономическим ценностям общества, направляющие процесс создания и функционирования права»[155];

– «сформулированные в нормативно-правовых предписаниях либо выводимые из них фундаментальные идеи, выражающие сущность права, определяющие его содержание и общий характер правового регулирования общественных отношений»[156];

– «это руководящие идеи, имеющие общеобязательный характер как для правоприменителя, так и для кодификации»[157];

– «основные идеи, отражающие закономерности и связи развития общественных отношений, нормативно закрепленные в позитивном праве, направляющие правовое регулирование и определяющие сущность и социальное назначение права»[158];

---

[152] Теория государства и права / под ред. Р.А. Ромашова. СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2005. С. 189.

[153] Общая теория государства и права: Академический курс в 2-х т. / под ред. М.Н. Марченко. Т. 2. Теория права. М.: Зерцало, 1998. С. 22.

[154] Ведяхина К.В. Основные нравственно-этические и социально-политические принципы российского права: дис. … канд. юрид. наук. Волгоград, 2001. С. 12.

[155] Смирнов Д.А. Принципы российского налогового права: теоретические и практические аспекты формирования и реализации: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2011. С. 12.

[156] Лаврусь С.Ю. Реализация принципов права в юридической практике: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Казань, 2005. С. 14.

[157] Аветисян С. Проблемы реализации принципов уголовного права (в свете нового Уголовного кодекса Республики Армения) // ՀՂՀ դատական իշխանություն (НКР судебная власть). 2018. № 1. Էջ. 7–13.

[158] Захаров А.Л. Межотраслевые принципы права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2003. С. 7.

– «основные положения, выраженные в законодательстве, руководящие идеи, характеризующие основные черты правового регулирования общественных отношений и их внутреннее единство»[159];

– «это фундаментальные идеи, выражающие и раскрывающие объективные закономерности общественной жизни, которые прямо или косвенно закреплены в правовых нормах, являются основой правовой системы, призванные регулировать общественные отношения»[160];

– «это закрепленные в источниках права общие, основные общеобязательные идеи, предопределяющие общее направление правового регулирования общественных отношений и призванные гарантировать реализацию право и свобод человека»[161] и т.п.[162]

---

[159] См.: Պետրոսյան Գ.Վ. Հայաստանի Հանրապետության աշխատանքային իրավունք:Ընդհանուր մաս. Եր.: ԵՊՀ, 2009. Էջ. 122 (Петросян Г.В. Трудовое право Республики Армения: Общая часть. Ереван: ЕГУ, 2009. С. 122).

[160] ՄԱԼԽԱՍՅԱՆ Լ. Հատուկ իրավական սկզբունքների դերը իրավական համակարգում // ԿԱՆԹԵՂ: Գիտական հոդվածներ. Երևան: ԱՍՈՂԻԿ, 2017. Էջ. 204 (Малхасян Л. Классификация специально-юридических принципов права // КАНТЕХ: научные труды. Ереван: АСОГИК, 2017. С. 204). Перевод сделан нами. В оригинале текст выглядит так: «հիմնարար գաղափարներ են, որոնք արտահայտում են հասարակական կյանքի օբյեկտիվ օրինաչափությունները, ուղղակի կամ անուղղակի ամրագրվում են իրավական նորմերում, իրավական համակարգի հենասյուն են, կոչված են կարգավորելու հասարակական հարաբերությունները, ունեն համապարտադիրության հատկանիշ».

[161] Պետության և իրավունքի տեսություն: Ուսումնական ձեռնարկ / Հեղ. խումբ; Գիտ. խմբ՝ Ա. Ղամբարյան, Մ. Մուրադյան. 3-րդ լրամշակված հրատ. Եր.:Լուսաբաց հրատարակչատուն¦, 2018. էջ. 242 (Теория государства и права: учебное пособие/ под ред. А. Гамбаряна, М. Мурадяна. 3-е изд, перераб. Ереван: Издательство «Лусабац», 2018. С. 242). Перевод сделан нами. В оригинале текст выглядит так: «Իրավունքի սկզբունքները իրավունքի աղբյուրներում ամ-րագրված ընդհանուր, ելակետային և համապարտադիր գաղա-փարներ (դրույթներ) են, որոնք կանխորոշում են հա¬սա-րակական հարաբերությունների իրավական կարգա¬վորման ընդհա¬նուր ուղղվածությունը, կոչված են երաշ¬խավորելու մարդու իրա¬վունքնե¬րի և ազատու¬թյուն¬ների իրականացումը».

[162] Обзор различных подходов к определению принципов права также см.: Смирнов Д.А. О понятии принципов права // Общество и право. 2012. № 4 (41). С. 29–37; Аникушин С.В. Теоретические проблемы определения понятия «принцип права» // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2013. № 4 (60). С. 9–12; Чаннов С.Е., Магомедов Ф.Б. Принципы права: сущность и значение в правовой системе // Гражданин и право. 2014. № 3. С. 47–60; Давыдова М.Л. Принципы позитивного права в теоретико-правовом дискурсе // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7: Философия, социология и социальные технологии. 2016. № 3 (33). С. 36–45; Баранов А.В. Нормы-принципы в механизме правового регулирования // Вестник Томского государственного университета. Серия: Право. 2016. № 4 (22). С. 5–14; Ершов В.В. Принципы права: актуальные теоретические и практические проблемы // Принципы права: проблемы теории и практики: материалы XI международной научно-практической конференции: в 2-х ч. Москва, 18–

Е.В. Тимошина обосновывает положение, что принципы права, являются категорическими (или безусловными) нормами высокой степени абстрактности, имеющие предоставительно-обязывающий характер[163]. По ее мнению, сходство между правовыми принципами и ординарными нормами заключается в том, что они имеют предоставительно-обязывающий характер, а их главное различие состоит в том, что правовые принципы – это нормы высокой степени абстрактности. В нормативной системе правовые принципы выполняют функцию основы. В итоге, Е.В. Тимошина приходит к выводу, что «принципы права имеют не телеологическую, а нормативную природу и отличаются от ординарных норм степенью абстрактности, структурой и интенсивностью нормативной мотивации»[164].

В.М. Шафиров, опираясь на исследования некоторых советских ученых[165], пытается аргументировать положение о разграничении норм права и принципов права, признавая, что последние обладают нормативным содержанием и играют в системе права важную регулятивную роль, оказывая непосредственное воздействие на поведение граждан[166]. Однако каких-либо конкретных критериев

---

22 апреля 2016 г. М.: РГУП, 2017. С. 14–38; Он же. Правовое и индивидуальное регулирование общественных отношений: монография. М.: РГУП, 2018. С. 255–310; Смирнова А.В. Принципы права в системе источников современного российского права: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2020. С. 10–32 и др.

[163] См.: Тимошина Е.В. Власть права: правовые принципы как категорические нормы // Право и власть: основные модели взаимодействия в многополярном мире: сб. тр. международной научной конференции, Воронеж, 2–3 июня 2017 г. Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2017. С. 38–46.

[164] Тимошина Е.В. Нормативность принципов права // Принципы и ценности в праве: доктрина, правотворчество, реализация. Третьи Прокопьевские чтения: материалы Международной научно-практической конференции, Калининград, 6 декабря 2019 г. Калининград: Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта, 2020. С. 12. Также см.: Тимошина Е.В. Принципы права: проблема действительности // Наука СПбГУ – 2020: сб. материалов Всероссийской конференции по естественным и гуманитарным наукам с международным участием, Санкт-Петербург, 24 декабря 2020 г. СПб.: ООО «Скифия-принт», 2021. С. 1145–1146; Юридическая герменевтика в XXI веке: монография / под общ. ред. Е.Н. Тонкова, Ю.Ю. Ветютнева. СПб.: Алетейя, 2016. С. 267.

[165] См., напр., Васильев А.М. Правовые категории: Методологические аспекты разработки системы категорий теории права. М.: Юрид. лит., 1976. С. 222–223; Смирнов О.В. Основные принципы советского трудового права. М.: Юрид. лит, 1977. С. 26–28; Свердлык Г.А. Принципы советского гражданского права. Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1985. С. 15.

[166] См.: Шафиров В.М. Естественно-позитивное право: Введение в теорию: монография. Красноярск: ИЦ КрасГУ, 2004. С. 164–169.

разграничения принципов права и норм права В.М. Шафиров не указывает, а приведенные им примеры регулятивного воздействия принципов на общественные отношения как раз свидетельствуют о том, что принципы права являются нормами права.

Исходя из всего изложенного выше и наших собственных представлений, сформированных на основе анализа научной литературы, нормативных правовых актов и правоприменительной практики, мы полагаем, что с позиции позитивистского правопонимания принципы права – это разновидность правовых норм. В континентальной правовой семье принципами права являются исходные, определяющие, базовые идеи, лежащие в основе отрасли права, совокупности отраслей или всего правового регулирования в целом, закрепленные в тексте нормативных правовых актов и маркированные законодателем в качестве таковых.

Несомненно, принципы права – это определенные идеи. Но идеи не любые, а наиболее значимые в силу их исторической обусловленности и социальной значимости в текущий конкретно-исторический момент. По этой причине они нашли закрепление в Конституции и кодифицированных нормативных правовых актах и играют роль регулятора соответствующей сферы общественных отношений. Принципы права – это не декларация о намерениях законодателя, а четкая императивная установка, адресованная правоприменителю. Как и любые правовые нормы, принципы права обладают императивностью, обязательны для правоприменителя. Являясь основополагающими идеями, принципы права выражают сущность права, отражают его специфику в конкретно-исторический период, исходя из уровня государственно-правового, социально-экономического, культурного развития. Следует согласиться с Н.А. Власенко, что в принципах права аккумулируется объективная реальность (общесоциальная, социально-политическая, экономическая) и одновременно «они являются выразителями содержания права»[167].

[167] Власенко Н.А. Разумность и определенность в правовом регулировании // Избранное. М.: Норма, 2015. С. 358.

Принципы права как основополагающие идеи в определенной сфере правового регулирования не только осознаются законодателем в качестве таковых, играют важную роль при подготовке проектов нормативных правовых актов, но и закрепляются таким образом, чтобы правоприменителю было ясно, что это именно принципы права, а не какая-то иная правовая материя. Мы имеем в виду способ закрепления принципов права в текстах нормативных правовых актов. В Российской Федерации, Республике Армения как, впрочем, и в других странах существуют разные модели закрепления принципов права в текстах нормативных правовых актах (подробно этот вопрос будет рассмотрен в главе 5 данного исследования). Но в любом случае, законодатель акцентирует внимание правоприменителя на том, что перед ним именно принципы права. Делает он это не только путем использования слова «принцип» в названии соответствующих глав или статей, а также в тексте самого документа, но и за счет расположения этих норм в определенных структурных элементах нормативного правового акта. Принципы отраслей права, отнюдь, не разбросаны по всему тексту кодифицированного акта. Поскольку это не любые, а основополагающие идеи отрасли, то они закрепляются в начальных структурных элементах нормативных актов (части, разделы с названиями «Общие положения», «Основные положения»). Идеальным же вариантом представляется, когда принципам права отводится специальная глава или статья, и при этом в самом ее названии используется слово «принцип», а в тексте раскрывается содержание.

Принципы права, закрепленные в текстах нормативных правовых актов, – это элемент правовой системы, системы права и механизма правового регулирования. Также это одна из разновидностей норм права, получившая название нормы-принципа[168]. Образно и художественно, но, по сути, абсолютно верно А.Ф. Воронов охарактеризовал место принципов права в системе правовых норм: «принципы – это главные, общие системообразующие нормы отрасли,

[168] Исследованию норм принципов на материалах гражданского права посвящена интересная монография О.А. Кузнецовой (см.: Кузнецова О.А. Нормы-принципы российского гражданского права. М.: Статут, 2006).

это такие нормы, которые оказывают влияние на содержание всех норм данной отрасли права. Принципы – это каркас, скелет отрасли права, без которых «тело» любой отрасли права не может существовать, оно разрушается. Это ствол и ветви отрасли права, листьями которого являются остальные нормы»[169]. Как справедливо отмечает Л. Малхасян, принципы права, введенные в законодательную систему, обеспечивают неразрывную связь между государством и обществом, государством и частными лицами, устанавливая основы правового государства[170].

От принципов права (принципов позитивного права, нормативно закрепленных принципов права) следует отличать доктринальные принципы (иногда они не вполне корректно называются правовыми принципами). Последние есть проявление не права, а правосознания. Соответственно они не играют и не могут играть непосредственную роль в правовом регулировании. Однако доктринальные принципы как идеи, сформулированные учеными, практиками, общественными деятелями, могут стать основой для законотворческой деятельности, принятия новых нормативных правовых актов, внесения изменений в действующие нормативные акты (подробно о доктринальных принципах пойдет в главах 3 и 4).

По нашему мнению, как бы позитивистское правопонимание ни критиковалось, в современном его варианте оно наиболее адекватно отражает государственно-правовые реалии, поскольку носит не абстрактно-философский, а прагматичный, практико-ориентированный характер. Следует согласиться с О.А. Кузнецовой, что нормативистское (на наш взгляд, все же, более точно – позитивистское) понимание принциппов права «импонирует своей возможностью практического использования»[171]. Знак равенства между правом и законом

---

[169] Воронов А.Ф. Принципы гражданского процесса: прошлое, настоящее, будущее. М.: Издательский дом «Городец», 2009. С. 21.

[170] См.: Մալխասյան Լ. Իրավունքի սկզբունքների հայեցակարգը: Տեսական և գործնական նշանակություն // Արդարադատություն. 2017. № 1 (36). Էջ. 33 (Малхасян Л. Концепция принципов права. Теоретическое и практическое значение // Юстиция. 2017. № 1 (36). С 33).

[171] Кузнецова О.А. Нормы-принципы российского гражданского права. М.: Статут, 2006. С. 31.

позволяет сделать право вполне определенным и понятным и законодателю, и правоприменителю, и населению.

Учитывая, что ряд принципов права в Российской Федерации и Республике Армения закреплен на конституционном уровне (конституционные принципы права) и то, что Конституции РФ и РА обладают прямым действием, можно утверждать, что принципы такого рода также обладают прямым действием. Наконец, следует отметить, что принципы права являются одним из способов устранения пробелов в правовом регулировании.

Принципы права в рамках интегративного правопонимания. Не остались без внимания принципы права и у сторонников достаточно популярного сегодня интегративного правопонимания[172]. Сущность принципов права в рамках интегративного правопонимания носит двойственный характер. Сторонники этого подхода, по сути, механистически, хотя претендуют на интегративность, объединяют явления разного порядка: нормативные и когнитивные. В их представлении принципа права – это и нормы-принципы, и руководящие идеи, закрепленные в законодательстве, и форма права, и стандарты, на которых основываются правовые нормы, и некие универсальные правовые ценности.

Так, наряду с тем, что существуют принципы-нормы, Дж. Даци отмечает, что правовые принципы практически одинаковы во всех правовых системах мира. И это показывает самую истинную природу правового принципа как всеобщей

---

[172] См., напр., Бержель Ж.-Л. Общая теория права / под. общ. ред. В.И. Даниленко / пер. с фр. М.: Издательский дом NOTA BENE, 2000; Cankorel T. Cognitive Classification of legal Principles: a new Approach to international legal Training // Ankara Law Review. 2008. Vol. 5. № 2. P. 153–200; Daci J. Legal Principles, Legal Values and Legal Norms: are they the same or different? // Academicus International Scientific Journal. 2010. № 2. P. 109–115; Ершов В.В. Правовое и индивидуальное регулирование общественных отношений. М.: РГУП, 2018; Ershov V.V. The essence of the principles of law // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2018. № 11 (12). P. 2089–2103; Скоробогатов А.В., Краснов А.В. Философско-правовая природа правового принципа: методологические проблемы исследования // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2020. Т. 24. № 3. С. 547–571; Амосов С.М., Некрасов С.Ю. Современные типы правопонимания и правореализация принципов гражданского процессуального права // Академический юридический журнал. 2020. № 4 (82). С. 48–52; Мазуренко С.В. Природа и классификация принципов российского трудового права: дис. … канд. юрид. наук. М., 2020 и др.

правовой максимы[173]. Также Дж. Даци воспринимает правовые принципы как правовые ценности, очерчивающие основы правовой системы: «По сути, правовые ценности правовой системы можно отождествлять и с основными характеристиками правовой системы, поскольку они как таковые очерчивают основы правовой системы и, таким образом, являются в то же время правовыми принципами»[174].

Основное внимание французского ученого Ж.-Л. Бержеля в вопросах принципов права сконцентрировано на общих принципах. По его мнению, это такие принципы, которые действуют во всех правовых системах[175], распространяются за пределы различных отраслей права[176], «это положения (правила) объективного права (а не естественного или идеального права), которые могут выражаться, а могут и не выражаться в текстах, но (обязательно) применяются в судебной практике и обладают достаточно общим характером»[177].

Говоря о французском праве, Ж.-Л. Бержель подразделят общие принципы права на две группы: фундаментальные принципы (которые закреплены на конституционном уровне) и простые общие принципы (которые закреплены в других нормативных правовых актах или не закреплены в них). Фундаментальные принципы определяют деятельность самого законодателя, простые общие принципы влияют только на регламентирующую власть и на деятельность судов[178]. Независимо от того, закреплены общие принципы в позитивном праве или нет, они являются основной судебной практики – «в случае, когда закон молчит или недостаточно четко высказывается по данному вопросу, суд должен находить решение в свете общих принципов»[179].

---

[173] См.: Daci J. Legal Principles, Legal Values and Legal Norms: are they the same or different? // Academicus International Scientific Journal. 2010. № 2. P. 111.
[174] Ibid, P. 115.
[175] См.: Бержель Ж.-Л. Общая теория права / под. общ. ред. В.И. Даниленко / пер. с фр. М.: Издательский дом NOTA BENE, 2000. С. 157.
[176] См.: Там же. С. 170.
[177] Там же. С. 168.
[178] См.: Там же. С. 191, 193.
[179] Там же. С. 181.

Российские ученые А.В. Скоробогатов и А.В. Краснов в рамках интегративного правовопонимания приходят к выводу, что «правовой принцип как философско-правовая категория является конвенциональным результатом правовой коммуникации и может быть представлен в гносеологическом, онтологическом и аксиологическом аспекте», принципы «могут иметь внешнее нормативное выражение в системе норм права либо содержаться в научной и официальной доктрине»[180]. Названные авторы рассматривают правовой принцип как объективно-субъективное понятие, лхватывающее принципы позитивного права и принципы неформального права[181].

В.В. Ершов в рамках интегративного правопонимания выделяет два его вида: научно дискуссионное и научно обоснованное. Первое, по мнению названного ученого, характеризуется смешением права и неправа. Кроме принципов и собственно норм права в систему права включают и онтологически разнородные правовые и неправовые явления (например, позиции судов, нормы морали, «судебное усмотрение» и пр.). Критикуя научно дискуссионные концепции интегративного правопонимания, В.В. Ершов ратует за научно обоснованную концепцию интегративного правопонимания и утверждает, что она «характеризуется ограничением права прежде всего принципами и нормами только права, содержащимися в единой, развивающейся и многоуровневой системе форм национального и международного права, реализующимися в данном государстве, т.е. интеграцией лишь права и права в различном его внешнем выражении»[182]. Соответственно основополагающие (или общие) принципы национального и (или) международного права рассматриваются им «в качестве фундаментальных форм внутригосударственного и международного права, определяющих сущность права, обеспечивающих его сбалансированное

---

[180] Скоробогатов А.В., Краснов А.В. Философско-правовая природа правового принципа: методологические проблемы исследования // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2020. Т. 24. № 3. С. 567.

[181] См.: Скоробогатов А.В., Краснов А.В. Правовой принцип как философско-правовая категория // Юридическая техника. 2020. № 14. С. 315.

[182] Ершов В.В. Правовое и индивидуальное регулирование общественных отношений. М.: РГУП, 2018. С. 58.

состояние (гомеостазис), взаимосвязь, целостность и внутреннее единство; непротиворечивость, последовательность, ожидаемость и объективность, как правотворческих, так и правореализационных процессов»[183].

Однако в концепции В.В. Ершова имеется серьезное, на наш взгляд, противоречие. Классифицируя принципы права по сферам правового регулирования общественных отношений, он выделяет основополагающие (общие) принципы, специальные межотраслевые принципы, специальные отраслевые принципы и принципы отдельных институтов[184]. При этом он утверждает, что основополагающие (общие) принципы вырабатываются, в первую очередь, в правореализационной практике (вырабатываются и поддерживаются судами) могут быть как «писанными», так и «неписанными»[185]. Как видим, здесь происходит смешение принципов позитивного права и доктринальных принципов, находящихся, соответственно, в сфере права и в сфере правосознания, относящихся к разным социальным материям. И то, что следование правовым позициям высших судов и сложившейся судебной практике для нижестоящих судов становится обязательным, не трансформирует идеи общего характера, сформулированные в судебных решениях и служащие для их аргументации, в принципы права. Кроме того, в силу тех или иных обстоятельств, правовые позиции судов могут противоречить друг другу, а также достаточно быстро меняться в отличие от нормативных правовых актов (в первую очередь, кодифицированных актов,

---

[183] Там же. С. 306–307. В качестве формы права принципы права рассматривают и другие сторонники научно обоснованного интегративного правопонимания (см., напр., Ершова Е.А. Основополагающие принципы российского трудового права // Трудовое право. 2008. № 2. С. 6–10; Воронов И.Ю. Основополагающие принципы российского права и российского трудового права: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М. 2012. С. 8; Мазуренко С.В. Природа и классификация принципов российского трудового права: дис. … канд. юрид. наук. М., 2020. С. 30; Амосов С.М., Некрасов С.Ю. Современные типы правопонимания и правореализация принципов гражданского процессуального права // Академический юридический журнал. 2020. № 4 (82). С. 51).

[184] См.: Ершов В.В. Правовое и индивидуальное регулирование общественных отношений. М.: РГУП, 2018. С. 320.

[185] См.: Там же. С. 322–323.

в которых и закреплены принципы права), для изменения которых предусмотрены специальные процедуры.

Интегративное правопонимание не является на самом деле чем-то единым и устоявшимся. И это прекрасно осознается его сторонниками. Отсюда и попытки выделить концепции научно дискуссионного и научно обоснованного интегративного правопонимания. По сути, ни тот, ни другой вариант интегративного правопонимания не дает именно интегративного, целостного понимания принципов права – имеет место обычная эклектика. Заходя в теоретические дебри и усложняя терминологию, пренебрегая «бритвой Оккама», ученые просто механически объединяют разные подходы. Попытки в этой ситуации выйти на практическую пользу принципов права тоже ничего нового по сравнению с другими подходами к пониманию принципов права не дают.

Так, С.М. Амосов и С.Ю. Некрасов утверждают, что «Концепция научно-обоснованного интегративного правопонимания в отношении принципов гражданского процессуального права как формы права обоснованно может использоваться судами в правоприменительной деятельности»[186]. В приведенном утверждении нет ничего нового по сравнению с позитивистским пониманием принципов права. Естественно, принципы гражданского процессуального права как особый вид правовых норм, как нормативно закрепленные идеи не просто могут, а должны использоваться судами в правоприменительной деятельности. Более того, если судебное решение принято в нарушение принципов гражданского процессуального права, оно должно быть в обязательном порядке отменено вышестоящей судебной инстанцией.

С.В. Мазуренко предприняла попытку проанализировать природу и сформулировать классификацию принципов российского трудового права

---

[186] Амосов С.М., Некрасов С.Ю. Современные типы правопонимания и правореализация принципов гражданского процессуального права // Академический юридический журнал. 2020. № 4 (82). С. 51.

«с позиции научно обоснованной концепции интегративного правопонимания»[187]. Следует согласиться с автором, что принципы трудового права по своей природе выступают «первоосновой», первичными регуляторами трудовых и непосредственно связанных с ними отношений, относятся к «основополагающим элементам российского трудового права, характеризующим его сущность, целостность, внутреннее единство, объективный процесс достижения определенности национального трудового права», однако остается необоснованным утверждение, что «принципы российского трудового права не подлежат отождествлению с неопределенными «началами», «положениями», «идеями», «правовыми идеями», трудовыми правами и обязанностями сторон трудового правоотношения»[188]. Кроме этого надуманного противоречия, новизны в этих положениях, к сожалению, нет.

«Интегративность» подхода С.В. Мазуренко к изучаемой проблематике проявилась в том, что она по форме выражения разделила принципы трудового права на те, которые выражены в письменной форме и те, которые установлены «в результате реализации в фактических общественных отношениях субъектами права»[189]. По сути, автор механически совместила разнопорядковые явления социальной жизни, первое из которых относится к сфере права, а второй – к сфере правосознания. Явления, которые обладают разным происхождением и сущностью и играют различную роль в правовой системе. Что касается авторской классификации принципов трудового права по уровню правового регулирования, в рамках которой они делятся на основополагающие, общие и специальные принципы отдельных институтов[190], если отбросить в сторону камуфляж интегративного правопонимания, то мы увидим вариант традиционного деления принципов права, характерного для позитивистского правопонимания и свойственного еще советской правовой науке.

---

[187] См.: Мазуренко С.В. Природа и классификация принципов российского трудового права: дис. … канд. юрид. наук. М., 2020.
[188] Там же. С. 7.
[189] Там же. С. 8.
[190] См.: Там же. С. 8, 56, 57.

Ради справедливости следует отметить, что проведенный С.В. Мазуренко анализ принципов трудового права, закрепленных в ТК РФ, и вытекающие из него практические рекомендации по совершенствованию действующего законодательства[191], обоснованы и представляют определенный интерес.

Принципы права в концепции Я. Стоилова. Учение о принципах права в рамках концепции интегративного правопонимания продолжает в настоящее время активно развиваться. Ярким примером этому является вышедшая в 2018 г. в Софии книга современного болгарского ученого Янаки Стоилова «Принципы права: понятие и правоприменение», которая была опубликована в русском переводе в 2023 г.[192]

Научный редактор перевода этой книги Е.А. Фролова называет концепцию принципов права Я. Стоилова «синтетической»[193]. Сам Я. Стоилов не использует в тексте своей работы сочетание «интегративное правопонимание» и «синтетическая теория» и считает свою концепцию неким «четвертым путем» в исследовании принципов права. В качестве первых трех путей рассматриваться «естественно-правовой», «позитивистский» и «интегральный», объединяющий теорию права и судебные правовые позиции и отвергающий правовой конвенционализм и прагматизм (здесь автор имеет в виду исследования Р. Дворкина, не относя, вслед за Дж. Мэки, его взгляды к естественно-правовым[194]). Я. Стоилов заявляет, что пытается придерживаться классической неопозитивистской нормативной социальной концепции права и его принципов, которая является синтезом между теорией права и социальной философией[195]. При этом ученый четко обозначает свою позицию относительно объективности принципов права, характерной для естественно-правового подхода, полагая

---

[191] Мазуренко С.В. Природа и классификация принципов российского трудового права: дис. … канд. юрид. наук. М., 2020. С. 185–186.

[192] См.: Стоилов Я. Принципы права: понятие и правоприменение: монография / вступ. ст., научн. ред. пер. Е.А. Фроловой. М.: Проспект, 2023.

[193] См.: Там же. С. 5.

[194] См.: Mackie J. The Third theory philosophy // Public Affairs. 1977. Vol. 7. № 1. P. 3–16.

[195] См.: Стоилов Я. Принципы права: понятие и правоприменение: монография / вступ. ст., научн. ред. пер. Е.А. Фроловой. М.: Проспект, 2023. С. 29.

«неуместным» приписывать принципам права чисто объективный характер и считать их существующими независимо от юридического признания[196].

Интерес Я. Стоилова к проблематике принципов права обусловлен тем, что они, по его мнению, закладывают основу права и являются связующим звеном в правовой системе, обеспечивая как преемственность, так и глубокие изменения права[197]. При этом автор делает акцент на том, что принципы права (за исключением принципов международного права и права Европейского союза) – национальное явление, определяющее национальный правопорядок[198]. Здесь мы видим явное противоречие с естественно-правовой концепцией, проявляющееся в отрицании предопределенности принципов права и их универсального наднационального характера.

Принципы права – это культурно-историческое эволюционировавшее явление. Формируются принципы как результат общественных отношений, процессов и противоречий в разных сферах жизни (в первую очередь, экономической и политической), поэтому в их основе лежат объективные предпосылки. Тем не менее, в своем непосредственном бытии – «это идеальный, духовный феномен, существование которого обусловлено определенными культурными, этическими и иными взглядами», «это предельная степень синтеза моральных, религиозных и прочих требований в правовой форме»[199]. Установление, институирование принципов представляет собой не только интеллектуальный, но, скорее, волевой акт, превращающий их в нечто должное.

Другой исходной посылкой болгарского ученого является тезис о том, что «принципы права занимают свое собственное место в праве и имеют значение для юридической практики»[200]. Отсюда вытекает и практикоориентированный подход в исследовании, вылившийся, в конечном итоге, в составлении Каталога общих принципов права, характерных, по мнению Я. Стоилова, для всей

---

[196] См. Стоилов Я. Принципы права: понятие и правоприменение: монография / вступ. ст., научн. ред. пер. Е.А. Фроловой. М.: Проспект, 2023. С. 45.
[197] См.: Там же С. 13.
[198] См.: Там же. С. 16–17.
[199] См.: Там же. С. 111.
[200] Там же. С. 20.

континентальной правовой системы[201]. У нас вызывает некоторые сомнения как выделение тех или иных конкретных принципов, так и сам подход к их выделению и формулированию. Тем не менее, попытку такого рода можно лишь приветствовать. Наличие каталога принципов может играть и практическую роль, проявляющуюся в возможности национальных законодателей ориентироваться на обобщенный опыт стран романо-германской правовой семьи, и быть полезным в когнитивном плане в компаративистском исследовании принципов права, соотнесении национальных систем принципов права с неким усредненным модельным перечнем.

Следует отметить качественную теоретическую подготовку Я. Стоилова – его исследование основывается на глубокой проработке как теоретического, в том числе концептуального материала, так и законодательства и судебной практики (в первую очередь, что вполне оправданно, своего национального – болгарского). Исследуя болгарское законодательство, автор приходит к совершенно верному для любой страны континентального права, на наш взгляд, выводу, что встречающиеся в текстах нормативных правовых актов термины «принципы» и «основные начала» являются синонимичными[202].

В болгарском законодательстве принципы права закрепляются на конституционном уровне, в кодексах, многочисленных «обычных» законах и даже в подзаконных актах. Несомненно, такая излишняя «заурегулированность» вкупе с указанием большого количества принципов приводит к снижению уровня осознания ценности принципов права. Я. Стоилов оправданно полагает, что принципы права должны закрепляться в национальном праве на уровне законов (в Конституции, кодексах и собственно законах). Если же в исключительном случае принципы права нашли закрепление в подзаконном акте, то для этого необходимы существенные аргументы[203]. Однако, по нашему мнению, в подзаконных актах не должно иметь место закрепление принципов

---

[201] См.: Стоилов Я. Принципы права: понятие и правоприменение: монография / вступ. ст., научн. ред. пер. Е.А. Фроловой. М.: Проспект, 2023. С. 279–286.
[202] См.: Там же. С. 37.
[203] См.: Там же. С. 38.

права, поскольку подзаконные акты должны конкретизировать тексты законов, а не устанавливать основные начала законодательства. Что касается закрепления принципов права в некодифицированных актах, то мы полагаем, что оно должно проводиться только в тех случаях, когда речь идет об основополагающих законах в некодифицированных отраслях права.

По мнению Я. Стоилова, в принципах права отражается большое количество ценностей и идей. И именно вследствие этого такие идеи приобретают правовое значение и становятся частью права. Являясь носителями ценностей, принципы права представляют собой мост, «по которому ценности попадают в право, приобретают юридическую легитимность и реализуются на практике»[204]. Через источники права происходит институализация ценностей, которые превращаются в принципы права, «в конечном счете принципы права – это результат их признания в источниках права»[205]. Если же такой институализации не произошло, то ценности остаются вне сферы права, находятся в правосознании, идеологии, носят субъективный характер и, соответственно, не могут быть надежными основаниями для принятия конкретных правовых решений[206]. Принципы чаще, чем правила опираются на мораль и именно они придают праву моральный облик, способствуют оценке и корректировке правовых действий с моральной точки зрения[207]. Многие принципы находятся между ценностями и намечаемыми целями, и «с этой точки зрения принципы являются ценностно определенными и целеориентированными», «принципы права – это территория целей, поставленных в праве»[208]. Разграничивая цели и принципы, Я. Стоилов отмечает, что сущностно первые наиболее близки ко вторым и при этом часть принципов является носителями целей[209].

---

[204] Стоилов Я. Принципы права: понятие и правоприменение: монография / вступ. ст., научн. ред. пер. Е.А. Фроловой. М.: Проспект, 2023. С. 44.
[205] Там же. С. 111.
[206] См.: Там же. С. 45.
[207] См.: Там же. С. 46.
[208] Там же. С. 47.
[209] См.: Там же. С. 48.

Я. Стоилов справедливо указывает, что принципы права представляют собой юридический феномен только в своем нормативном аспекте и совершенно оправданно полагает, что нет смысла наполнять различным содержанием два синонимичных понятия «принципы права» и «правовые принципы»[210]. По мнению болгарского ученого, право использует нормативные стандарты, которые могут выступать либо в качестве правил, либо в качестве принципов. Соответственно нормы права делятся на нормы-правила и нормы-принципы. И те, и другие характеризуются объединяющим их таким свойством как нормативность[211]. Естественно, в этой ситуации важным является вопрос о разграничении правил и принципов права.

Я. Стоилов обращает внимание на то, что многие принципы «конкретизируются в правилах нормативных актов, в которых они содержатся. Кроме этого происходит оптимизация принципов в процессе индивидуального правоприменения», а сами принципы – это «обязательные направляющие ориентиры для сравнения идеального состояния с фактическим или обязательным критерием для поиска решений правовых казусов в случае наличия конкурирующих оснований»[212]. Принципы являются «чем-то большим, нежели правила», они представляют собой «связующее звено между правом и социальной средой, из которой они происходят и в которой действуют»[213].

Достаточно много внимания Я. Стоилов уделяет проблеме разграничения правил и принципов права. Для этого он предлагает целый комплекс критериев: по проявлению и воздействию на поведение субъектов; как применяются и чему способствует их применение; как решается вопрос конкуренции между ними; как участвуют в правовой аргументации; каким способом вводятся в систему права. В итоге ученый приходит к выводу о валидности (юридической силе, действительности, годности) и тех, и других в правовой системе и юридической

---

[210] См.: Стоилов Я. Принципы права: понятие и правоприменение: монография / вступ. ст., научн. ред. пер. Е.А. Фроловой. М.: Проспект, 2023. С. 51.
[211] См.: Там же. С. 54.
[212] Там же. С. 56.
[213] Там же. С. 205.

защищенности в ней. По мнению исследователя, правовое правило (или норма-правило) – ясное и официально принятое предписание поведения, которое является определяющим и исключающим критерием для установления между должным и осуществленным поведением. А принцип права (или норма-принцип) – это юридически утвержденная идея (ценность) или сентенция, задающая направление поведения, которое является ориентиром для определения соотношения между результатом поведения и идеальным положением посредством оптимизации при ее применении[214]. Значение юридических правил в правовой системе заключается в том, что они гарантируют системе права безопасность и предсказуемость, а принципов права – в обеспечение преемственности, стабильности и способности реагировать на непредвиденные ситуации[215]. Допуская конкуренцию между правилами и принципами, Я. Стоилов формулирует несколько иногда очевидных, а иногда и достаточно спорных требований, которых должны, по его мнению, придерживаться практикующие юристы при разрешении конкуренции принципов и правил[216]. Наиболее интересным и практически полезным нам представляется положение, что при возникновении противоречия между правилами одного и того же ранга, выбор конкретного применяемого правила определяется принципом права.

Также Я. Стоилов, наряду с отграничением принципов от правил, проводит отграничение принципов от политики (в понимании Р. Дворкина)[217] и от правовых постулатов[218]. Причем его представление о правовых постулатах несколько размытое. В его понимании, «постулаты – ментальные инструменты, которые не имеют самостоятельного юридического действия, и исполняют вспомогательную логически обоснованную роль»[219]. По нашему мнению, то, что Я. Стоилов идентифицирует в качестве правовых постулатов, в наибольшей

---

[214] См.: Стоилов Я. Принципы права: понятие и правоприменение: монография / вступ. ст., научн. ред. пер. Е.А. Фроловой. М.: Проспект, 2023. С. 60–64.
[215] См.: Там же. С. 90.
[216] См.: Там же. С. 94.
[217] См.: Там же. С. 66–70.
[218] См.: Там же. С. 71.
[219] См.: Там же. С. 72.

степени соответствует понятию «правовые аксиомы», которое он в своем труде не использует.

Более подробно остановимся на некоторых принципиальных моментах, вытекающих из перечисленного выше.

Во-первых, Я. Стоилов делает акцент на том, что применение принципов представляет собой оценочный процесс, предполагающий зачастую совмещение нескольких принципов. Использование принципов предполагает учет фактических и юридических возможностей, приспособление к конкретным условиям. Принцип не диктует конкретный способ реализации, а предопределяет длительное и постоянное сохранение в нем содержащегося руководящего начала. Отсюда применимость принципов является относительной, а не абсолютной[220].

Во-вторых, Я. Стоилов не обошел вниманием чрезвычайно актуальную проблему конкуренции принципов права[221]. Он полагает, что конкуренция между принципами не ведет к отмене того или иного принципа. Принципы всегда остаются валидными в рамках конкретной системы права. В разных ситуациях один и тот же принцип может иметь разный вес (здесь, по нашему мнению, ощущается концептуальное влияние теории Р. Дворкина). Конкуренция принципов всегда носит ситуационный характер и имеет значение только для разрешения в конкретном случае[222]. При наличии конкуренции принципы «взвешиваются», в одном случае один принцип может иметь больший вес относительно другого принципа, а в другом случае ситуация может быть противоположной. Превалирование в конкретной ситуации одного принципа над другим не приводит к упразднению второго, а лишь ограничивает сферу его применения[223]. Здесь позиция Я. Стоилова близка к позиции хорватского ученого

---

[220] См.: Стоилов Я. Принципы права: понятие и правоприменение: монография / вступ. ст., научн. ред. пер. Е.А. Фроловой. М.: Проспект, 2023. С. 61.

[221] Н.А. Власенко справедливо и обоснованно отмечает, что проблема конкуренции принципов права является в настоящее время одной из наиболее актуальных проблем, связанных с принципами права (см.: Власенко Н.А. Методологические основания исследования правовых ценностей: монография. М.: Норма, 2023. С. 71–75).

[222] См.: Стоилов Я. Принципы права: понятие и правоприменение: монография / вступ. ст., научн. ред. пер. Е.А. Фроловой. М.: Проспект, 2023. С. 62.

[223] См.: Там же. С. 89.

Л. Буразина, который рассматривая принципы права как средство юридической аргументации и как способ устранения пробелов в праве, пришел к выводу, что «противоречие между общими принципами права может возникнуть только при конкретных обстоятельствах, когда противоречащие принципы вступают в конфликт друг с другом через правовые нормы, дедуцируемые из этих принципов»[224].

Как опорные элементы правовой системы принципы права обладают, по мнению Я. Стоилова, абсолютной валидностью, но при этом они относительно применимы к конкретным ситуациям. Что касается непосредственно противоречия между принципами права, то оно обусловливается конкуренцией ценностей, которые лежат в их основе, в них воплощены[225]. Также Я. Стоилов обращает внимание на то, что принципы права находятся в отношениях конкуренции не только друг с другом, но и с другими ценностями (особенно с такими общественными ценностями как национальная безопасность, общественное здоровье, общественный порядок)[226]. С проблемой конкуренции тесно связана и проблема иерархии принципов. Я. Стоилов считает, что в отличие от правил отчетливого соподчинения у принципов права нет. Это обусловливается тем, что в основе каждого принципа лежат определенные ценности, каждая из которых имеет практическое значение и должна приниматься во внимание. Тем не менее, определенная иерархизация принципов существует, т.к. имеет место иерархия идей[227].

В-третьих, по мнению ученого, принципы права, разными способами попадая в систему права, могут быть подразумевающимися (имплицитными) и сформулированными путем обобщения (индукции). Но, все же, как отмечает Я. Стоилов, в континентальном праве в настоящее время принципы права

---

[224] Буразин Л. Критерий специальности как способ разрешения противоречий между основными принципами права (дело «О городском кладбище») // Правоведение. 2011. № 4 (297). С. 82.

[225] См.: Стоилов Я. Принципы права: понятие и правоприменение: монография / вступ. ст., научн. ред. пер. Е.А. Фроловой. М.: Проспект, 2023. С. 205.

[226] См.: Там же. С. 132.

[227] См.: Там же. С. 88.

получают официальное признание через законодательство (особенно в сфере публичного права). И при этом многие принципы попадают в систему права юрисдикционным путем (через судебную практику) и были обоснованы правовой доктриной[228]. Полагаем, что здесь прослеживается некая эклектичность, характерная для интегративного правопонимания в целом. По сути, принципы права в таком варианте могут попадать в правовую систему любым путем, в том числе не находя официального признания на государственном уровне в виде нормативного закрепления.

Существенное место в исследовании принципов права Я. Стоилов уделяет изучению их функций. Исходя из роли, которую принципы играют в праве, функции принципов права делятся на две группы: в первую входят принципы, оформляющие облик права, обеспечивающие его целостность и связь с социальной средой; во вторую – нормативные (практические) функции, использующиеся в процессе правоприменения[229].

К первой группе относятся такие функции как: 1) познавательная; 2) ценностная; 3) системная (обеспечивающая органическую связь права с обществом); 4) толковательная (осуществляющая подготовку и обслуживание реализации права, служащая для аргументации и юридического обоснования).

Ко второй группе функций (к нормативным функциям) Я. Стоилов относит следующие:

1) направление правового регулирования и постановка его в рамки, включающая ориентацию на направление правового регулирования и очерчивание юридической рамки регулирования;

2) решение вопросов, связанных с конкуренцией между различными ценностями и правами, включая оптимизацию отношений между различными принципами и правами и расширение конкуренции принципов и правил;

---

[228] См.: Стоилов Я. Принципы права: понятие и правоприменение: монография / вступ. ст., научн. ред. пер. Е.А. Фроловой. М.: Проспект, 2023. С. 64.
[229] См.: Там же. С. 74.

3) установление правил, подлежащих применению, включая разрешение противоречий между правилами и восполнение пробелов в законодательстве;

4) обоснование правоприменения;

5) определение границы дискреции (т.е. свободной оценки, которая предоставляется государственным органам в рамках их компетенции при осуществлении ими их полномочий) в праве, включая дискрецию в сфере законодательства и сфере правоприменения.

Новым по сравнению с другими исследованиями принципов права в концепции Я. Стоилова является разработка проблемы форм принципов права. Именно это он считает главным новшеством и «изюминкой» своего исследования. Категорию «форма принципов права» автор располагает между понятием принципа права и видами принципов права. Она является центральной в его концепции, когнитивная последовательность которой определяется следующим образом: понятие «принцип права» – функции принципов права – форма принципов права – виды принципов права. По мнению ученого, форма принципа права выражает способ существования, особенности его действия и применения и включает три элемента (или стороны): 1) форму становления; 2) способ выражения и 3) форму существования. В отличие от видов принципов права, перечень которых, как полагает Я. Стоилов, является открытым, количество форм принципов конечное и закрытое[230].

Я. Стоилов обоснованно полагает, что в право принципы попадают через его источники, которые зависят от исторической эпохи и системы права. При этом он придерживается позиции, что это происходит через законодательство, судебную практику и через теорию права и в зависимости от этого подразделяет принципы права на законные (принципы закона), юрисдикционные (или судебные) и юриспруденциальные (теоретико-правовые, теоретико-догматические)[231].

---

[230] См.: Стоилов Я. Принципы права: понятие и правоприменение: монография / вступ. ст., научн. ред. пер. Е.А. Фроловой. М.: Проспект, 2023. С. 110.

[231] См.: Стоилов Я. Принципы права: понятие и правоприменение: монография / вступ. ст., научн. ред. пер. Е.А. Фроловой. М.: Проспект, 2023. С. 112–117.

Принципы закона более характерны для стран континентальной правовой семьи. Я. Стоилов последовательно придерживается мнения, что принципами права являются не только такие нормативные положения, которые прямо названы законодателем принципами права (эксплицитно выраженные принципы), но и имплицитные (подразумевающиеся), которые выводятся из содержания одной или нескольких норм путем индукции, а также толкования[232]. Более того, ученый допускает существование неписанных принципов и считает, что «сам по себе факт переноса принципа в правовое положение не изменяет его природу»[233].

Я. Стоилов критикует четко сформулированную А.А. Демичевым[234] и разделяемую нами и рядом других ученых позицию, заключающуюся в том, что если какая-то идея прямо не закреплена в качестве принципа (основного начала) в тексте нормативного правового акта, то мы имеем дело не с принципом позитивного права, а с так называемым доктринальным принципом (о чем подробно пойдет речь в главах 3 и 4). Полагаем, что если принципы права – это основополагающие идеи отрасли, нескольких отраслей или всего правового регулирования, то они не могут и не должны выводиться из разных норм (да еще и расположенных в различных частях нормативного правового акта). Основополагающая идея должна быть четко сформулирована законодателем в специальном структурном элементе нормативного правового акта и понятна всем субъектам права (подробнее об этом пойдет речь в параграфе 2 главы 5) без какого-либо неаутентичного толкования, особенно проведенного представителями научного сообщества. Никто не должен (по крайней мере, в рамках семьи континентального права) подменять собой законодателя и вместо

---

[232] См.: Там же. С. 57, 58, 63, 113, 118, 119 и др.

[233] Там же. С. 119.

[234] См.: Демичев А.А. Позитивистская классификация принципов современного российского права классификации // Государство и право. 2014. № 5. С. 5–13 (также см.: Демичев А.А. К вопросу о принципах гражданского процессуального, арбитражного процессуального и исполнительного права // Вестник Российской правовой академии. 2005. № 2. С. 32–35; Он же. Принципы гражданского процессуального права Российской Федерации: проблемы сущности и классификации // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2005. № 10. С. 130–133).

него указывать, какие положения считать основополагающими, а какие – нет. Таким образом, расширительное понимание Я. Стоиловым того, какие идеи могут быть отнесены к принципам права, представляется неаргументированным и ошибочным.

Юрисдикционные принципы более характерны для стран англосаксонской правовой семьи, однако они играют определенную роль и в странах семьи континентального права. По нашему мнению, идеи, сформулированные в судебной практике и претендующие на роль основополагающих, не являются и не могут являться принципами права. Они представляют собой разновидность доктринальных принципов. Несомненно, идеи, выработанные и апробированные судебной практикой, представляют собой один из источников формирования норм позитивного права. Однако принципами права они станут только в том случае, если будут закреплены законодателем в тексте нормативного правового акта именно в качестве таковых.

Что касается теоретико-догматических принципов, то Я. Стоилов верно указывает, что в историческом смысле принципы как раз и формируются изначально юридической мыслью, но при этом в современности юридическая доктрина – это лишь косвенный источник принципов права (в тех случаях, когда разработки ученых используются в законотворчестве или при обосновании судебных решений)[235]. При таком подходе непонятным остается, почему тогда автор вообще относит юриспруденциальные принципы к принципам права. На наш взгляд, эта разновидность идей (которую следует относить к доктринальным принципам) является одним из идейных источников принципов позитивного права, но не является формой принципов права.

Отдельное внимание Я. Стоилов уделяет вопросу форм существования принципов права. По его мнению, они охватывают все многообразие принципов, каждый из которых может быть квалифицирован либо как принцип-декларация,

[235] См.: Стоилов Я. Принципы права: понятие и правоприменение: монография / вступ. ст., научн. ред. пер. Е.А. Фроловой. М.: Проспект, 2023. С. 116–117.

либо как принцип-сентенция (или принцип-максима), либо как принцип-право[236]. Если принимать в целом такой весьма спорный подход, то наиболее дискуссионным моментом является выделение принципов-прав. В научной литературе идет оживленная дискуссия, можно ли считать основные права (и иногда обязанности) принципами права. Так, Р. Пошер полагает, что и с логической, и с методологической точки зрения неверно смешивать основные права и принципы права[237]. Р. Алекси, напротив, допускает, ссылаясь на практику Федерального конституционного суда Германии, что конституционные права в ряде случаев могут быть как правилами, так и принципами[238]. Еще более четкую позицию занимает Х. Авила, придя к выводу, что основные (конституционные) права представляют собой принципы, хотя все остальные права – это правила[239]. В свою очередь, А.С. Гамбарян отмечает, что «принципы права часто устанавливаются либо как основные права человека и гражданина, либо как гарантии реализации прав человека и гражданина»[240]. В рамках либертарного правовопонимания Н.В. Варламова обосновывает позицию, что права человека – это принципы права[241]. Наконец, Е.В. Тимошина и А.А. Краевский рассматривают права человека как разновидность принципов права[242].

---

[236] См.: Стоилов Я. Принципы права: понятие и правоприменение: монография / вступ. ст., научн. ред. пер. Е.А. Фроловой. М.: Проспект, 2023. С. 123–124.

[237] См.: Posher R. Insights, Errors and Self-Misconception of the Theory of Principles // Ratio Juris. 2009. Vol. 22. № 4. P. 449.

[238] См.: Alexy R. A Theory of Constitutional Rights. Oxford: Oxford University Press, 2010. P. 69, 80, 84.

[239] См.: Avila H. Theory of Legal Principles. Berlin: Springer, 2007. P. 36.

[240] Պետության և իրավունքի տեսություն: Ուսումնական ձեռնարկ / Հեղ. խումբ; Գիտ. խմբ՝ Ա. Ղամբարյան, Մ. Մուրադյան. 3-րդ լրամշակված հրատ.Եր.:Լուսաբաց հրատարակչատուն¦, 2018. Էջ. 242 (Теория государства и права: учебное пособие/ под ред. А. Гамбаряна, М. Мурадяна. 3-е изд, перераб. Ереван: Издательство «Лусабац», 2018. С. 242). Перевод сделан нами. В оригинале текст выглядит так: «Պատահական չէ, որ իրավունքի սկզբունքները հաճախ ամրագրվում են կամ որպես մարդու և քաղաքացու հիմնական իրավունքներ, կամ մարդու և քաղաքացու իրավունքների իրակա¬նացման երաշխիքներ».

[241] См.: Варламова Н. Права человека как принципы права // Сравнительное конституционное обозрение. 2023. № 6 (157). С. 146–171.

[242] См.: Юридическая герменевтика в XXI веке: монография / под общ. ред. Е.Н. Тонкова, Ю.Ю. Ветютнева. СПб.: Алетейя, 2016. С. 243–278.

Я. Стоилов считает, основные права – это не только принципы права, специфической чертой которых является сочетание декларативности и уполномочивания, но и одна из форм их существования[243]. При этом ученый, рассматривая сходства и различия между основными правами и принципами права, в итоге приходит к выводу, что «двойственное предназначение, которое могут иметь основные права – по своей сути и предмету, с одной стороны, и по образу действия, с другой, дает основания рассматривать их как принципы права. Подобно товарам двойного назначения, которые могут использоваться в гражданских и военных целях, основные права могут служить как права и действовать как принципы»[244].

Действительно в содержательном плане права человека на конституционном уровне (например, в Конституциях Российской Федерации и Республики Армения) закреплены как идеи, обладающие наивысшей ценностью и лежащие в основе всего правового регулирования. При этом российский законодатель не использует в тексте Основного закона слово «принцип» в значении «принцип права» (кроме принципов международного права), а армянский законодатель делает это в очень небольшом количестве случаев (на этом вопросе подробно мы остановимся в параграфе 1 главы 6 данной работы). По этой причине всегда имеет дискуссионность в идентификации того или иного конституционного положения в качестве принципа права. Все же, учитывая, что конституционные права – это определенные идеи, закрепленные на соответствующем уровне, мы полагаем, что в ряде случаев их можно рассматривать в качестве принципов права.

В целом введение в научный оборот и разработка категории «форма принципов права» Я. Стоиловым является несомненным достоинством работы автора и позволяет отнести его концепцию принципов права к числу интегративных. Одновременно представления о форме принципов права являются

---

[243] См.: Стоилов Я. Принципы права: понятие и правоприменение: монография / вступ. ст., научн. ред. пер. Е.А. Фроловой. М.: Проспект, 2023. С. 130, 131.
[244] Там же. С. 145.

и «слабым звеном» в исследовании Я. Стоилова за счет включения правовых и неправовых элементов, что стало как раз следствием «интегративности» его подхода к изучаемому проблемному полю.

Любое комплексное исследование принципов права не может обойтись без рассмотрения вопроса о классификации принципов права. Естественно, Я. Стоилов не мог проигнорировать эту проблему. Он, что вполне оправдано, не пытается создать какую-то всеохватывающую универсальную классификацию принципов права, основанную на целом ряде критериев, а предлагает несколько классификаций, каждая из которых основана на одном-двух критериях. Так, по происхождению и назначению выделяются общественно-политические и присущие праву принципы; по отношению принципов ко всему праву или к отдельным его отраслям – общие (основные) и специальные; на основе деления права на частное и публичное – принципы частного и публичного права; по сфере действия на национальном и международном уровне – принципы национального и международного права и, наконец, по степени юридической обязательности – hard law принципы и soft law принципы[245].

Таким образом, Я. Стоиловым сформировано комплексное оригинальное учение о принципах права в рамках интегративного правопонимания. Видимо, с позиции В.В. Ершова оно должно быть отнесено к так называемым научно дискуссионным концепциям интегративного правопонимания, поскольку в нем имеет место сочетание правовых и неправовых компонентов применительно к пониманию принципов права. При этом следует отметить, что к настоящему времени труд Я. Стоилова является единственным целостным монографическим исследованием принципов права с позиции интегративного правопонимания.

Прежде, чем перейти к обобщениям и выводом по первой главе нашего исследования, считаем необходимым остановиться на нескольких теоретико-методологических моментах, связанных с исследованием принципов права

[245] См.: Стоилов Я. Принципы права: понятие и правоприменение: монография / вступ. ст., научн. ред. пер. Е.А. Фроловой. М.: Проспект, 2023. С. 149–190.

в национальных правовых системах Российской Федерации и Республики Армения.

В первую очередь, необходимо определиться с тем, что именно мы изучаем. Объектом нашего исследования, как указано во Введении работы, являются принципы позитивного права (собственно принципы права)[246] и доктринальные принципы России и Армении. Что касается доктринальных принципов, то вопросы, с ними связанные, будут рассмотрены в главах 3 и 4 нашей работы. Сейчас же мы определимся с принципами позитивного права как объектом исследования. Мы уже оговорили во Введении, что не рассматриваем принципы международного права. Также не уделяется внимание принципам права в практике Европейского суда по правам человека, поскольку эта проблематика уже ранее активно исследовалась, а теперь для России потеряла всякую актуальность. В наши задачи не входит и анализ принципов конституционного права как специфической отрасли (суперотрасли? надотрасли?) российского и армянского права, однако мы исследуем конституционные принципы права России и Армении. А это не одно и то же.

Мы изучаем в компаративистском ключе именно принципы права Российской Федерации и Республики Армения, а не принципы в праве[247].

---

[246] Вне рамок нашего исследования остаются вопросы принципов обычного права, полскольку это отдельная научная проблема, достаточно глубоко исследованная в научнй литературе (см., напр., Зарудный М.И. Законы и жизнь. Итоги исследования крестьянских судов. СПб.: тип. Второго Отд-ния Собств. е. и. в. канцелярии, 1874; Оршанский И.Г. Исследования' по русскому праву обычному и брачному. СПб.: тип. А.Е. Ландау, 1879; Гордон А.В. Крестьянство Востока: исторический субъект, культурная традиция, социальная общность. М.: Наука, 1989; Шатковская Т.В. Правовая ментальность российских крестьян второй половины XIX века: опыт юридической антропометрии: монография. Ростов-на-Дону: Изд-во РГЭУ, 2000; Курашов А.В. Основные принципы обычного права русского крестьянства конца XIX– начала XX вв.: По материалам центральных губерний: дис. ... канд. ист. наук. М., 2003; Ломакина И.Б. Обычное право: институциональный аспект. СПб.: Астерион,, 2005; Шатковская Т.В. Обычное право российских крестьян второй половины XIX – начала XX века (историко-правовой аспект): дис. … д-ра юрид наук. Ростов-на-Дону, 2009 и др.).

[247] И.В. Понкин рассматривает категорию «принцип в праве» и выделяет в рамках этого концепта руководящие принципы в праве, принципы онтологии права и деятельностные принципы в правовой сфере (см.: Понкин И.В. Понятие «принцип» в праве // Юридическая техника. 2020. № 14. С. 282). Если исходить из такого широкового понимания принципов в праве, то в качестве собственно принципов права мы рассматриваем только нормы-принципы, отнесенные И.В. Понкиным к «руководящим принципами в праве».

Следовательно, нами не рассматриваются принципы правовой системы, государственного устройства, общественного строя, организации органов власти и местного самоуправления, правосудия, судебной системы, судоустройства, конституционного строя, законотворческой деятельности, правообразования, правовой политики и т.д. (это перечень можно продолжать, потому что принципы чего только не изучают авторы в правовой сфере). Однако следует понимать, что некоторые из этих принципы одновременно являются и принципами права (например, принцип законности, принцип равенства всех перед законом, независимости судей и др.).

Принципами права являются только те основополагающие идеи современного российского и армянского права, которые прямо закреплены в текстах нормативных правовых актов в качестве таковых. Однако непосредственно в изученных нами нормативных правовых актов встречаются разные уточнения к слову «принцип».

Можно выделить следующие варианты:

– принципы законодательства. Это самый распространенный вариант и в России, и в Армении. Он встречается названии гл. 1 КоАП РФ[248], ст. 8 УИК РФ[249], ст. 1 ЛК РФ[250], ст. 2 ГрК РФ[251], ст. 3 ВК РФ[252], ст. 1 ЗК РФ[253], гл. 2 УК РА[254], ст. 5 УИК РА[255], ст. 3 ГК РА[256], ст. 3 ТК РА[257], ст. 1 СК РА[258];

---

[248] См.: Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 1(ч. I). Ст. 1.

[249] См.: Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 8 января 1997 г. № 1-ФЗ // СЗ РФ. 1997. № 2. Ст. 198.

[250] См.: Лесной кодекс Российской Федерации от 4 декабря 2006 г. № 200-ФЗ // СЗ РФ. 2006. № 50. Ст. 5278.

[251] См.: Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 2004 г. № 190-ФЗ // СЗ РФ. 2005. № 1 (ч. I). Ст. 16.

[252] См.: Водный кодекс Российской Федерации от 3 июня 2006 г. № 74-ФЗ // СЗ РФ. 2006. № 23. Ст. 2381.

[253] См.: Земельный кодекс Российской Федерации от 25 октября 2001 г. № 136-ФЗ // СЗ РФ. 2001. № 44. Ст. 4147.

[254] См.: Уголовный кодекс Республики Армения от 27 мая 2021 г. № ЗР-199 // URL: http://www.parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=7645&lang=rus (дата обращения: 1.03.2024).

– принципы судопроизводства. Это тоже достаточно распространенный вариант, встречающийся в названии гл. 2 УПК РФ[259], ст. 6 КАС РФ[260], гл. 3 УПК РА[261], гл. 2 ГПК РА[262], гл. 2 КАС РА[263], характерный, естественно, только для процессуальных кодексов;

– принципы правового регулирования. Такой вариант нам известен только один – он имеет место в названии ст. 2 ТК РФ[264], которая называется «Основные принципы правового регулирования трудовых отношений и иных непосредственно связанных с ними отношений»;

– принципы кодекса. Такой вариант нам также известен тоже только один – гл. 1 УК РФ[265] называется «Задачи и принципы Уголовного кодекса Российской Федерации».

---

[255] См.: Уголовно-исполнительный кодекс Республики Армения от 18 января 2005 г. № ЗР-60 // URL: http://parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=2256&lang=rus (дата обращения: 1.03.2024).

[256] См.: Гражданский кодекс Республики Армения от 28 июля 1998 г. № ЗР-239 // URL: http://parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=1556&lang=rus (дата обращения: 1.03.2024).

[257] См.: Трудовой кодекс Республики Армения от 14 декабря 2004 г. № ЗР-124 // URL: http://parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=2131&lang=rus (дата обращения: 1.03.2024).

[258] См.: Семейный кодекс Республики Армения от 8 декабря 2004 г. № ЗР-123 // URL: http://parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=2124&lang=rus (дата обращения: 1.03.2024).

[259] См.: Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // СЗ РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

[260] См.: Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 8 марта 2015 г. № 21-ФЗ // СЗ РФ. 2015. № 10. Ст. 1391.

[261] См.: Հայաստանի Հանրապետության քրեական դատավարության օրենսգիրք 27 հուլիսի 2021 թ (Уголовно-процессуальный кодекс Республики Армения от 27 июля 2021 г. № ЗР-306) // URL: https: //www.arlis.am/DocumentView.aspx?DocID=176081 (дата обращения: 1.03.2024). Гл. 3 УПК РА в оригинале называется «Քրեական վարույթի սկզբունքները», что можно перевести и как «Принципы уголовного производства», и как «Принципы уголовного процесса». Пока официального перевода УПК РА 2021 г. на русский язык нет, то оба варианта можно считать правильными.

[262] См.: Гражданский процессуальный кодекс Республики Армения от 27 февраля 2018 г. № ЗР-110 // URL: http://www.parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=6196&lang=rus (дата обращения: 1.03.2024).

[263] См.: Кодекс административного судопроизводства Республики Армения от 28 декабря 2013 г. № ЗР-139 // URL: http://parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=4837&lang=rus (дата обращения: 1.03.2024).

[264] См.: Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 1 (ч. I). Ст. 3.

[265] См.: Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

Таким образом, возникает проблема соотношения понятий «принципы законодательства», «принципы судопроизводства», «принципы правового регулирования», «принципы кодекса» с понятием «принципы права».

Исходя из позитивистского правопонимания, наиболее синонимичным «принципам права» нам представляются «принципы законодательства», поскольку законодательство является формой выражения и существования права. Вероятно, именно по этой причине в большинстве кодифицированных актов законодатель и избрал такой вариант названия принципов.

Однако если подходить формально с точки зрения русского и армянского языков, под принципами законодательства можно понимать и идеи и установки, на которых основывался законодатель, принимая соответствующий нормативный правовой акт. А это не совсем то, что изложено в приведенных нами примерах кодифицированных актов, которые обращены к правоприменителю. Формулировка «принципы кодекса» (как в названии гл. 1 УК РФ) еще более сбивает с толку.

Для правоприменителя в большинстве случаев мотивы законодателя не особо интересны – ему важны конкретные руководства к действию, в том числе и нормы-принципы. Поэтому более верным с точки зрения не филологии, а правоприменения было бы называть главы и статьи кодифицированных актов «принципами правового регулирования» соответствующей сферы общественных отношений, как это сделано в ст. 2 ТК РФ. Ведь принципы права имеют практическую ценность постольку, поскольку они регулируют определенную сферу общественных отношений.

Формулировка «принципы судопроизводства», использованная в процессуальных кодексах, уже реального содержания основополагающих идей нормативно в них закрепленных. По сути, принципы судопроизводства – это наиболее важные идеи, лежащие в основе порядка, процедур рассмотрения дел судами. В реальности процессуальные кодексы регулируют не только судопроизводство, но и иные процедуры, связанные с разрешением споров. Принципами правового регулирования процессуальных отношений являются

не только принципы собственно судопроизводства, но и другие принципы, например, общеправовые. Поэтому, на наш взгляд, более правильно в процессуальных кодексах использовать формулировку «принципы правового регулирования…» или «принципы законодательства».

Второй теоретико-методологический момент, на котором мы считаем необходимым остановиться прежде, чем перейти к выводам по первой главе исследования, касается правовых систем. Мы исследуем не некие абстрактные принципы, существующие вне времени и пространства, а конкретные принципы права России и Армении, закрепленные в Конституциях и кодифицированных актах этих государств. Принципы права существуют не сами по себе, а функционируют в правовых системах. Следовательно, необходимо определиться с тем, что мы понимает под правовой системой.

Если с понятием и сущностью принципов права имеется какая-то определенность хотя бы в разных концепциях правопонимания, то с понятием правовой системы все намного сложнее. По сути, здесь сколько ученых, столько и мнений. Не вдаваясь в дискуссии, согласимся с мнением И.Н. Сенякина, что «правовая система – предельно широкая собирательная категория, отражающая всю правовую организацию данного общества. Ее можно определить как совокупность внутренне согласованных и взаимосвязанных юридических средств, с помощью которых государство оказывает нормативное воздействие на общественные отношения»[266].

В юридической науке существует узкий и широкий подход к пониманию правовой системы. Представителями первого подхода являются Л.С. Явич, Д.А. Керимов, Ю.А. Тихомиров. По мнению Ю.А. Тихомирова, правовая система – это «структурно и функционально упорядоченный массив взаимосвязанных нормативно-правовых актов, создаваемых и действующих на основе единых принципов»[267], а Л.С. Явич и Д.А. Керимов видели в правовой системе лишь

---

[266] Общая теория государства и права: Академический курс в 2-х т. / под ред. М.Н. Марченко. Т. 2. Теория права. М.: Зерцало, 1998. С. 231–232..

[267] См.: Тихомиров Ю.А. Правовая система развитого социалистического общества // Советское государство и право. 1979. № 7. С. 33; Он же. Публичное право: учебник. М.: БЕК, 1995. С. 211.

совокупность так или иначе структурированных правовых норм[268]. Однако большинство авторов придерживается широкого понимания правовой системы. Так, С.С. Алексеев под правовой системой понимал позитивное право в единстве с правовой идеологией и юридической практикой[269]. Вслед за ним В.Н. Синюков рассматривает правовую систему как конкретно-историческую совокупность права (законодательства), юридической практики и господствующей правовой идеологии[270]. Еще более широко данное понятие трактовал Н.И. Матузов, а именно: как совокупность всех правовых явлений и всей правовой действительности[271]. Аналогичную позицию занимает В.Н. Карташов, видя в правовой системе «единый комплекс органически взаимосвязанных и взаимодействующих между собой правовых явлений (права, правосознания, юридической практики и т.п.)»[272]. В.В. Оксамытный под правовой системой понимает «исторически обусловленную и объективно сложившуюся совокупность правовых явлений, институтов и процессов, закрепляющих и поддерживающих нормативно стабильные отношения в государственно организованном обществе (сообществе)»[273], а компонентами правовой системы являются право во всех его проявлениях[274], правопонимание, правотворчество,

---

[268] См.: Явич Л.С. Диалектика формы и содержания в праве // Философские проблемы государства и права. Ленинские идеи и вопросы методологии в юридической науке. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1970. С. 43; Керимов Д.А. Философские проблемы права. М.: Мысль, 1972. С. 278.

[269] См.: Алексеев С.С. Право: азбука – теория – философия: Опыт комплексного исследования. М.: Статут, 1999. С. 47. Также см.: Алексеев С.С. Право и правовая система // Правоведение. 1980. № 1. С. 32.

[270] См.: Синюков В.Н. Российская правовая система: Введение в общую теорию. Саратов: Полиграфист, 1994. С. 163. Также идея проводится автором в докторской диссертации и более поздим вариантом монографии (см.: Синюков В.Н. Российская правовая система (вопросы теории): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 1995; Он же. Российская правовая система. Введение в общую теорию. М.: Норма, 2010).

[271] См.: Матузов Н.И. Правовая система развитого социалистического общества // Советское государство и право. 1983. № 1. С. 18–19. Также см.: Матузов Н.И. Правовая система и личность. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1987. С. 19.

[272] Карташов В.Н. Теория правовой системы общества: в 2-х т. Т. 1. Ярославль: ЯрГУ, 2006. С. 49.

[273] Оксамытный В.В. Личность в правовой системе государства: избранные труды. М.: Издательство «Спутник+», 2016. С. 449.

[274] Именно сюда относятся и принципы позитивного права, и доктринальные принципы.

источники права, юридический массив[275], юридические учреждения, механизм осуществления права, результаты действия права[276]. Наконец, по мнению М.В. Захаровой, широкое понимание правовой системы предполагает «ее структурирование в виде круговой схемы: ядро правовой системы (позитивное право) – орбита правовой системы (юридическая практика, правосознание и правовая культура национального сообщества и иные элементы и институционального и кульурно-ценностного звена правовой системы)»[277].

Вслед за большинством ученых мы рассматриваем понятие правовой системы в широком смысле. В любом случае принципы права играют ведущую роль в правовой системе. В системе нормативного регулирования они выступают в качестве основополагающих идей, реализованных в законодательстве, а в юридической практике – средством устранения пробелов в праве и аргументации выносимых судебных актов, поскольку судебные акты (особенно высших судов) нередко основываются на принципах права при отсутствии иных правовых норм, а также в совокупности с ними.

Принципы права одновременно – это и императивные нормы, составляющие основу всей системы правового регулирования общественных отношений в целом и отдельных их сфер в частности, и ориентир для законодателя и правоприменителя. Последнее подразумевает, что принимая новые нормативные акты и внося изменения в действующие, законодатель обязын учитывать действующие принципы права и, при необходимости, раскрывать, конкретизировать их содержание в новых/измененных нормативных правовых актах.

В Республике Армения, в отличие от Российской Федерации, на законодательном уровне закреплена роль принципов права в толковании нормативных правовых актов (конечно, это не значит, что в России принципы

---

[275] Под ним В.В. Оксамытный понимает действующее законодательство.

[276] См.: Оксамытный В.В. Правовые системы в компаративистском измерении: история и современность // Вестник Брянского государственного университета. 2012. № 2-1. С. 145–146.

[277] Захарова М.В. Учение о юридических картах мира: дис. … д-ра юрид. наук. Казань, 2022. С. 14.

права не используются при толковании норм нормативных правовых актов). Так, в ч. 1 ст. 41 Закона Республики Армения от 28 марта 2018 г. «О нормативных правовых актах»[278] закрепляется положение, что «Норма нормативного правового акта толкуется с учетом цели принимающего его органа при принятии нормативного правового акта, исходя из … принципов, установленных данным нормативным правовым актом, а в случае если такие принципы не установлены, – из принципов сферы права, регулирующей данное правоотношение». Это означает, что в ходе законотворческой деятельности законодатель обязан учитывать отраслевые принципы, закрепленные в толкуемом нормативном акте, а при их отсутствии – «из принципов сферы права, регулирующей данное правоотношение». По нашему мнению, в последнем случае имеются в виду обшеправовые принципы и конституционные отраслевые/межотраслевые принципы, не продублированные в отраслевом законодательстве. Также в ч. 4 ст. 15 Закона РА указывается, что «В случае повторения в одном и том же нормативном правовом акте одного и того же понятия или термина в разных смыслах применяется то содержание понятия или термина, которое вытекает из существа данного правового акта **или принципов права, регулирующих данное правоотношение** (*выделено нами – В.И.*)». Тем самым закрепляется роль принципов права при толковании понятийного аппарата нормативного правового акта.

Полагаем, что если в Российской Федерации когда-нибудь будет принят федеральный закон «О нормативных правовых актах», в него следует ввести нормы, аналогичные нормам, содержащимся в ч. 4 ст. 15, ч. 1 ст. 41 Закона РА «О нормативных правовых актах», касающиеся использования принципов права при толковании нормативных правовых актов.

---

[278] См.: Закон Республики Армения от 28 марта 2018 г. № ЗР-180 «О нормативных правовых актах» // URL: http://www.parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=6269&lang=rus (дата обращения: 27.05.2024).

Подводя итоги главы, сделаем следующие выводы.

Охарактеризовав восприятие принципов права в различных концепциях правопонимания, мы не будем акцентировать внимание на плюсах и минусах того или иного типа правопонимания в рамках интересующей нас проблематики. Отметим лишь аксиологическую составляющую этих подходов. Естественно-правовой, либертарный, позитивистский и интегративный типы правопонимания позволяют сосредоточить внимание на сторонах правовой реальности, связанных с различного рода идеями в сфере права.

По нашему мнению, в правоприменительном плане наибольшее значение имеет позитивистский подход, т.к. он позволяет субъектам права не только понять основные идеи, заложенные в законодательстве, но и ориентирует их на практическую реализацию нормативно определенных принципов права в конкретной исторической обстановке.

Естественно-правовой, либертарный и, отчасти, интегративный подходы обладают теоретико-методологической ценностью – они не имеют значения непосредственно для регулирования общественных отношений, но формируют у законодателя и правоприменителя представление о ценности тех или иных идей, возможности их закрепления в текстах нормативных правовых актов и, следовательно, дальнейшей их практической реализации. Также интегративный подход в той части, где он пересекается с позитивистским подходом, обладает и равной последнему практической ценностью.

Анализ восприятия принципов права в различных концепциях правопонимания приводит нас к выводу, что вести речь о принципах права «вообще» вне контекста определенного типа правопонимания не просто не продуктивно, но и бессмысленно. Понятие, сущность, классификации, место в правовой системе принципов права и ряд прочих, связанных с ними вопросов, необходимо изучать, исходя из определенного типа правопонимания. Далее в работе мы будем исследовать принципы российского и армянского права, опираясь на позитивистское правопонимание. При этом мы придерживаемся функционального подхода к исследованию принципов права – нас интересуют

не только теоретические проблемы, связанные с принципами права, но и механизм нормативного закрепления принципов права и их роль в национальных правовых системах Российской Федерации и Республики Армения.

Несмотря на огромное количество определений принципов права, данное авторами в рамках разных концепций правопонимания, считаем целесообразным сформулировать, исходя из позитивистского правопонимания, анализа законодательства, законотворческой деятельности и правоприменительной практики, определение принципов права, основанное на выделении их сущностных, аксиологических и формально-юридических характеристик.

Принципы права в континентальной правовой семье – это:

1) исходные (базовые, определяющие, основополагающие и т.п.) идеи, лежащие в основе всего правового регулирования, совокупности отраслей права или отдельной отрасли права в конкретном государстве;

2) прямо закрепленные в тексте нормативных правовых актов;

3) четко маркированные законодателем в качестве принципов (основных положений, основных начал);

4) являющиеся разновидностью правовых норм и выступающие непосредственным правовым регулятором общественных отношений;

5) обладающие императивностью для правоприменителя и прочих субъектов права;

6) служащие критерием и ориентиром для законодателя при принятии новых и совершенствовании действующих нормативных правовых актов;

7) отражающие исторически эволюционировавшую к моменту их нормативного закрепления систему ценностей и приоритетов и выражающие сущность права в конкретно-исторический период;

8) обладающие динамичностью в правовой системе как в плане введения/упразднения, так и наполнения содержания.

ГЛАВА 2. КЛАССИФИКАЦИИ ПРИНЦИПОВ ПРАВА

1. Теоретико-методологические проблемы классификации принципов права. Классификация принципов российского и армянского права по сфере действия[279]

[279] При написании данного параграфа были использованы следующие работы автора: Илюхина В.А. Межотраслевые принципы процессуальных отраслей армянского права // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2020. № 2. С. 17–22; Демичев А.А., Илюхина В.А. О некоторых дискуссионных проблемах принципов цивилистического процесса России (аналогия закона и аналогия права, сочетание единоличного и коллегиального начал в судопроизводстве) // Арбитражный и гражданский процесс. 2020. № 7. С. 3–6; Илюхина В.А. Конституционные принципы права как основа гражданского общества (на материалах российского и армянского права) // Гражданское общество в России и за рубежом. 2021. № 1. С. 22–26; Илюхина В.А. К вопросу о специфических отраслевых принципах гражданского права // Третий конгресс цивилистов правоохранительных органов: сб. материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. М.: Русайнс, 2021. С. 232–240; Илюхина В.А. Межотраслевой принцип состязательности сторон в праве Российской Федерации и Республики Армения (сравнительно-правовой анализ) // Новеллы Конституции Российской Федерации и задачи юридической науки: Материалы конференций в рамках X Московской юридической недели; в 5-ти ч., Москва, 24–27 ноября 2020 г. М. РГ–Пресс, 2021. С. 104–107; Demichev A.A., Iliukhina V.A., Safronova E.V. Land law principles in the post-Soviet states // Acta Scientiarum Polonorum Administratio Locorum. 2021. Vol. 20. № 2. P. 89–100; Илюхина В.А. Принцип состязательности сторон в российском и армянском праве (сравнительный анализ) // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2021. № 3 (55). С. 39–43; Demichev A., Iliukhina V., Paramonov A., Engibaryan M. Constitutional principles of law: concept, types and their role in the legal system // AD ALTA – Journal of Interdisciplinary Research. 2021. Vol. 11. № 2. P. 47–50; Илюхина В.А. Принцип состязательности сторон в уголовном судопроизводстве России и Армении (сравнительно-правовой анализ) // Уголовное судопроизводство. 2022. № 1. С. 37–40; Илюхина В.А. Принцип презумпции невиновности как одна из основ гражданского общества (на материалах российского и армянского права) // Гражданское общество в России и за рубежом. 2022. № 2. С. 12–14; Илюхина В.А. Принцип осуществления правосудия только судом как межотраслевой принцип российского и армянского права (сравнительно-правовое исследование) // Мировой судья. 2022. № 8. С. 8–13; Илюхина В.А. Межотраслевой принцип языка судопроизводства в российском и армянском праве (сравнительный анализ) // Администратор суда. 2022. № 3. С. 44–49; Илюхина В.А. Принцип разрешения внутрисемейных вопросов по взаимному согласию в практике российских арбитражных судов // Пятые цивилистические чтения памяти профессора М.Г. Прониной: сб. ст. чтений, Минск, 16 марта 2023 г. / под ред. М.Н. Шимкович, Т.М. Халецкой. Минск: Академия управления при Президенте Республики Беларусь, 2023. С. 106-110; Илюхина В.А. Принцип добровольности брачного союза мужчины и женщины в судебной практике // Пятый конгресс цивилистов правоохранительных органов: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Нижний Новгород – Барнаул, 30–31 марта 2023 г. М.: Русайнс, 2023. С. 191–201; Илюхина В.А. Принципы права в национальных правовых системах Российской Федерации и Республики Армения (сравнительно-правовое исследование): монография / под ред. А.А. Демичева. М.: Директ-Медиа, 2024. С. 63–109.

Во многих общетеоретических и отраслевых монографических исследованиях принципов права авторы уделяют внимание проблеме их классификации[280], небезосновательно считая ее одной из ключевых в данном проблемном поле. При этом подход к классификации обусловливается типом правопонимания, которого придерживается исследователь. Несомненно, разные подходы к пониманию сущности принципов права и их роли в правовой системе неизбежно ведут к систематизации по различающимся основаниям.

В предыдущей главе мы продемонстрировали подходы сторонников естественно-правового, либертарного и интегративного правопонимания к классификации принципов права в рамках их концепций. Далее мы будем классифицировать принципы основных отраслей российского и армянского права, исходя из позитивистского правопонимания. Однако предварительно сделаем три замечания.

Во-первых, учитывая, разработанность данной проблемы в научной литературе, в наши задачи не входит создание новых классификаций принципов права. По нашему мнению, существующие классификации принципов (как минимум, две из них: по сфере действия и по источнику нормативного закрепления) являются методологическим инструментом познания правовой материи, и их вполне достаточно для использования в правоприменительной практике и в учебных целях. Следует понимать, что метод классификации – это лишь один из научных методов, инструмент познания, который формализует

---

[280] См., напр., Ведяхина К.В. Основные нравственно-этические и социально-политические принципы российского права: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Волгоград, 2001. С. 11–37; Фролов С.Е. Принципы права: вопросы теории и методологии: дис. … канд. юрид. наук. Кострома, 2001. С. 31–53; Захаров А.Л. Межотраслевые принципы права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2003. С. 9–19; Вагина Н.М. Принципы публичного права: дис. … канд. юрид. наук. Самара, 2004. С. 169–192; Реуф В.М. Специально-юридические принципы права: дис. … канд. юрид. наук. Самара, 2004. С. 30–52; Ершов В.В. Правовое и индивидуальное регулирование общественных отношений: монография. М.: РГУП, 2018. С. 310–324; Рыженков А.Я. Принципы экологического права: монография. М.:Юрлитинформ, 2018. С. 16–25; Мазуренко С.В. Природа и классификация принципов российского трудового права: дис. … канд. юрид. наук. М., 2020. С. 40–57; Рыженков А.Я. Принципы семейного права. М.: Юрлитинформ. 2021. С. 37–48; Плотников Д.А. Принципы гражданского и административного судопроизводства: сравнительно-правовое исследование: учебное пособие. М.: Проспект, 2022. С. 87–102 и др.

исследуемые объекты действительности, позволяет их систематизировать по определенным основаниям, структурировать изучаемый материал. Согласимся с В.В. Ершовым, что классификация позволяет вырабатывать системное представление о принципах права в целом, а также конкретизировать знания об отдельных принципах[281]. Кроме того, в нашем исследовании классификации принципов права во многом обусловливают дальнейшую структуру всей работы.

Во-вторых, на наш взгляд, классификация принципов права не должна являться исследовательской самоцелью. Как инструмент познания она должна иметь прагматический характер, реальное значение для правоприменителя и/или использоваться в учебно-познавательных целях, а также для структурирования учебного и научного материала. Соответственно, создание классификаций, основанных на множественности критериев и пытающихся охватить «все», представляется нецелесообразным. При этом в литературе проводится рассмотрение классификаций принципов права сразу по нескольким разным основаниям. Например, В.М. Реуф предлагает классифицировать принципы права: 1) по сфере распространения; 2) по характеру; 3) по функциональному назначению; 4) по нормативному закреплению; 5) по способу выражения в источниках права[282]. О.Е. Суркова отмечая, что принципы права могут классифицироваться по различным основаниям и «всякая классификация имеет право на существование», выделяет «общеправовые, межотраслевые, отраслевые принципы, принципы отраслей законодательства, комплексов юридических норм, регулирующих совокупность определенных общественных отношений, принципы отдельных институтов, категорий права»[283]. Е.В. Скурко считает, что принципы права можно классифицировать по уровню абстрагирования и по критерию

---

[281] См.: Ершов В.В. Правовое и индивидуальное регулирование общественных отношений: монография. М.: РГУП, 2018. С. 310.

[282] См.: см.: Реуф В.М. Специально-юридические принципы права: дис. … канд. юрид. наук. Самара, 2004. С. 30–52.

[283] Суркова О.Е. Факторы формирования и реализации принципов права: дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2004. С. 7. Также см.: Ведяхин В.М., Суркова О.Е. Факторы формирования и реализации принципов права. Самара: Изд-во Самар. гос. экон. акад., 2005.

«переходности» (к норме права)[284]. В одном из авторитетных учебников по теории государства и права классификации принципов права предлагаются по таким основаниям, как: тип, характер, сфера распространения права[285]. Кроме того, практически в каждой отраслевой юридической науке имеются различные варианты классификаций принципов права, построенных на разных основаниях и присущих конкретной отрасли права[286].

С одной стороны, подходы, приведенные выше, оправданы, поскольку отражают различные аспекты принципов права как явления исторической и современной правовой действительности. Однако, с другой стороны, такие классификации не всегда аргументированы. А ведь, как справедливо отметил М.И. Байтин, классификация принципов права не должна сводиться к простому перечислению без концептуальной основы их выделения[287].

В-третьих, в данной главе мы классифицируем лишь принципы позитивного права (собственно принципы права). Что касается классификации доктринальных принципов, то эта проблема будет нами рассмотрена непосредственно в следующих двух главах.

Любая классификация всегда субъективна, носит условный характер и имеет, скорее, не практическое (хотя в некоторых случаях наличествует и оно), а научно-познавательное значение. Согласимся с Г.Р. Хабибуллиной, утверждающей, что «на основе системно-коммуникативного подхода возможна

---

[284] См.: Скурко Е.В. Принципы права: монография. М.: Ось-89, 2008. С. 62.

[285] См.: Общая теория государства и права: Академический курс в 2-х т. / под ред. М.Н. Марченко. Т. 2. Теория права. М.: Зерцало, 1998. С. 24–26.

[286] См., напр., Филимонов В.Д. Принципы уголовного права. М.: Центр ЮрИнфоР, 2002. С. 34–42; Потапова О.А. Принципы гражданского права: дис. ... канд. юрид. наук. Ульяновск, 2002. С. 38–62; Смирнов Д.А. Принципы российского налогового права: теоретические и практические аспекты формирования и реализации: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2011. С. 17–18; Соловьев А.А. Классификация принципов уголовного процесса // Судебная власть и уголовный процесс. 2012. № 1. С. 56–65; Рыженков А.Я. Принципы семейного права. М.: Юрлитинформ. 2021. С. 37–48; Плотников Д.А. Принципы гражданского и административного судопроизводства: сравнительно-правовое исследование: учебное пособие. М.: Проспект, 2022. С. 87–102 и др.

[287] См.: Байтин М.И. О принципах и функциях права: новые моменты // Правоведение. 2000. № 3. С. 4–16.

любая классификация принципов права»[288]. Добавим, что любая классификация принципов права, на каких-бы критериях она не строилась, будет отражать определенные элементы правовой реальности.

Следует отметить широко распространенную в теории права и в отраслевых юридических науках классификацию, в рамках которой все принципы по сфере действия (сфере распространения или, как иногда называют, по уровню воздействия) делятся на общие (общеправовые, основные), отраслевые и межотраслевые (иногда также выделяют принципы правовых институтов или институциональные принципы). Впервые такой подход к систематизации принципов права был предложен С.С. Алексеевым[289], чуть позже аналогичная позиция была аргументирована С.Л. Явичем[290]. В дальнейшем эта классификация стала использоваться в исследованиях многих ученых[291].

Н.Н. Вопленко и В.А. Рудковский критикуют классификацию принципов права на общие, межотраслевые и отраслевые, т.к. «она не отвечает на вопрос, откуда и как возникают принципы, а также дает суммативное, механическое перечисление общих принципов, в связи с чем в одном ряду оказываются идеи, генетически связанные с достаточно разными сферами общественной жизни: нравственностью, политикой, юридической практикой и т.п.»[292]. По нашему

---

[288] Хабибуллина Г.Р. Общеправовые принципы и конституционное правосудие в субъектах Российской Федерации: монография. М.: Проспект, 2021. С. 18.

[289] См.: Алексеев С.С. Проблемы теории права: Основные вопросы общей теории социалистического права: курс лекций: в 2-х т. Свердловск: Свердловский юридический институт, 1972. Т. 1. С. 105–106.

[290] См.: Явич Л.С. Общая теория права. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та,, 1976. С. 155–156. То, что С.С. Алексеев называл общими принципами права, Л.С. Явич назвал основными принципами права.

[291] См., напр., Вопленко Н.Н. Сущность, принципы и функции права: учебное пособие. Волгоград: Изд-во Волгогр. ун-та, 1998. С. 36–44; Фурсов Д.А. Предмет, система и основные принципы арбитражного процессуального права (проблемы теории и практики): монография. М.: ИНФРА-М, 1999. С. 363–364; Захаров А.Л. Межотраслевые принципы права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2003. С. 17–18; Кожевников С.Н. Проблемы теории права: курс лекций. Н. Новгород: Нижегородский печатник, 2004. Ч. 1. С. 184–188; Азархин А.В., Карев Д.А., Михайлова М.С. Понятие и классификация правовых принципов // Евразийская адвокатура. 2020. № 1 (44). С. 99–103 и др.

[292] Вопленко Н.Н., Рудковский В.А. Понятие и классификация принципов права // Ленинградский юридический журнал. 2014. № 4 (38). С. 42. Также см.: Вопленко Н.Н.,

мнению, указанная классификация и не должна отвечать на отмеченные уважаемыми учеными вопросы. Ее задача состоит в другом – в систематизации принципов по определенному критерию – наличию конкретного принципа в одной, нескольких или во всех отраслях права. Также нельзя согласиться с утверждением об актуальности и целесообразности дальнейшего развития классификации принципов права на общесоциальные и специально-юридические[293], предложенной совершенно в иных конкретно-исторических условиях Л.С. Явичем[294]. Полагаем, что данная классификация в настоящее время носит абстрактно-теоретический характер и мало что несет нового по сравнению с другими классификациями принципов права.

Значение классификации принципов права по сфере действия заключается в том, что она позволяет систематизировать принципы, выстроить их в определенную систему. Однако эта система имеет, скорее, познавательное значение, она не демонстрирует связь между принципами права, свидетельствует только о распространенности того или иного принципа в правовой системе конкретного государства, показывает в каких сферах общественных отношений действуют определенные принципы.

Главным недостатком рассматриваемой классификации является, на наш взгляд то, что она жестко привязана к представлениям конкретных ученых об отраслевом делении права[295]. Поскольку деление права на отрасли условно, носит доктринальный характер, то классификация принципов права по данному

Рудковский В.А. Основные принципы права: понятие и классификация // Вестник Волгоградского государственного университета. 2013. № 1 (18). С. 7.

[293] См.: Вопленко Н.Н., Рудковский В.А. Понятие и классификация принципов права // Ленинградский юридический журнал. 2014. № 4 (38). С. 42.

[294] См.: Явич Л.С. Право развитого социалистического общества. Сущность и принципы. М.: Юрид. лит.,, 1978. С. 153.

[295] В первые два десятилетия XXI в. выделение новых отраслей права, обоснование их самостоятельности стало модным в юридической науке (если, конечно, слово «мода» может быть применена к научным исследованиям) и приобрело лавионнобразный характер. Р.Л. Хачатуров отмечая чрезвычайную сложность и дискуссионность данной проблемы, указывает, что, например, в 2017 г. выделялось уже около 90 «новых» правовых образований (см.: Формирование и развитие отраслей права в исторической и современной правовой реальности России: в 12-ти т. Т. 1. Теоретико-методологические аспекты образования отраслей российского права: монография / под общ. ред. Р.Л. Хачатурова. М.: Юрлитинформ, 2020. С. 5).

критерию субъективна, обусловливается позицией исследователя в отношении системы права, деления права на отрасли.

Как известно, **отраслевые принципы** – это специфические принципы, присущие только какой-либо одной отрасли права. Это своеобразные правовые эндемики, характерные исключительно для конкретной отрасли и не встречающиеся в других отраслях. Примерами могут служить принцип дифференциации и индивидуализации исполнения наказаний в уголовно-исполнительном праве, принцип свободы труда в трудовом праве, принцип добровольности брачного союза мужчины и женщины и принцип разрешения внутрисемейных вопросов по взаимному согласию в семейном праве и др.

На примере двух последних принципов проиллюстрируем, какую роль специфические отраслевые принципы играют в правовой системе.

Принципа добровольности брачного союза мужчины и женщины в Российской Федерации закреплен в п. ж.1) ч. 1 ст. 72 Конституции РФ[296] и ч. 3 ст. 1 СК РФ[297]. До недавнего времени этот принцип закреплялся только в отраслевом законодательстве – на конституционном уровне соответствующая норма отсутствовала до конституционной реформы 2020 г. В основе принципа добровольности брачного союза мужчины и женщины лежат традиционные российские семейные ценности. Если о добровольности вступления в брак применительно к периоду Российской империи говорить можно далеко не всегда (браки между крепостными крестьянами по воле помещика, высокая роль родителей в выборе пары своему ребенку и т.д.), то в советский период это положение обрело не только формальное, но и реальное воплощение. Кстати, статьями 2040-2044 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных

---

[296] См.: Конституция Российской Федерации: принята 12 декабря 1993 г. всенародным голосованием (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ; с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // СЗ РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.

[297] См.: Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 16.

1845 г.[298] устанавливалась уголовная ответственность за вступление с женщиной в брак против ее воли. Эта традиция была продолжена в советском и современном уголовном законодательстве.

В Республике Армения принцип добровольности брачного союза мужчины и женщины закреплен в ч. 4 ст. 1 СК РА[299], конструкция и содержание которой совпадает с конструкцией и содержанием ч. 3 ст. 1 СК РФ. Конституционного закрепления он не имеет.

Принцип добровольности брачного союза мужчины и женщины конкретизирован в ч. 1 ст. 12 СК РФ, где в качестве одного из условий заключения брака прямо указана необходимость взаимного добровольного согласия мужчины и женщины, вступающих в брак. В случае нарушения этого требования брак может быть признан судом недействительным (ч. 1 ст. 27 СК РФ).

Обратим внимание, что специальных работ, посвященных именно принципу добровольности брачного союза мужчины и женщины очень мало[300]. Однако практически во всех исследованиях принципов семейного права в целом отводится место и принципу добровольности брачного союза мужчины и женщины. Поэтому нельзя сказать, что данный принцип совсем не изучен на теоретическом уровне.

На материалах сайта «Судебные и нормативные акты РФ»[301] рассмотрим, как принцип добровольности брачного союза мужчины и женщины реализуется российскими судами при мотивировании судебных актов. В практике Верховного Суда РФ нами обнаружено только одно дело, где данный принцип упоминается. Причем сделано это было лишь в качестве дополнительной аргументации

---

[298] См.: Уложение о наказаниях уголовных и исправительных от 15 августа 1845 г. // ПСЗРИ. Собр. 2-е. Т. XX. Отд. 1. № 19283.

[299] См.: Семейный кодекс Республики Армения от 8 декабря 2004 г. № ЗР-123 // URL: http://parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=2124&lang=rus (дата обращения: 1.03.2024).

[300] См.: Бутузов С.А. Принцип добровольности брачного союза мужчины и женщины как основа брачных отношений // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. 2008. № 8. С. 28–29; Рыженков А.Я. Принцип добровольности брачного союза мужчины и женщины: теория и практика // Современное общество и право. 2019. № 4 (41). С. 61–69.

[301] См.: https://sudact.ru

при обосновании позиции, что брак в Российской Федерации – это союз исключительно мужчины и женщины, а также для обоснования запрета пропаганды мужеложства, лесбиянства, бисексуализма, трансгендерности[302].

Арбитражными судами, по нашим подсчетам, было вынесено всего 7 актов, в которых упоминается рассматриваемый принцип семейного права. Во всех случаях принцип добровольности брачного союза мужчины и женщины упоминается только в сочетании с другими принципами и без какой-либо расшифровки. Так, в четырех постановлениях Восьмого арбитражного апелляционного суда используется формулировка: «В соответствии с пунктом 3 статьи 1 СК РФ регулирование семейных отношений осуществляется в соответствии с принципами добровольности брачного союза мужчины и женщины, равенства прав супругов в семье, разрешения внутрисемейных вопросов по взаимному согласию»[303]. В постановлениях Третьего арбитражного апелляционного суда, Шестнадцатого арбитражного апелляционного суда и определении Арбитражного суда Красноярского края просто перечислены принципы семейного права, закрепленные в ч. 3 ст. 1 СК РФ: «Согласно пункту 3 статьи 1 СК РФ регулирование семейных отношений осуществляется в соответствии с принципами добровольности брачного союза мужчины и женщины, равенства прав супругов в семье, разрешения внутрисемейных вопросов по взаимному согласию, приоритета семейного воспитания детей, заботы об их благосостоянии и развитии, обеспечения приоритетной защиты прав и интересов несовершеннолетних и нетрудоспособных членов семьи»[304].

---

[302] См.: Определение Верховного Суда РФ от 7 ноября 2012 г. по делу № 3-5/12 // URL: https://sudact.ru/vsrf/doc/yCWXBntZUtZJ/ (дата обращения: 1.03.2024).

[303] См., напр., Постановление Восьмого арбитражного апелляционного суда от 9 июня 2022 г. по делу № А70-6558/2020 // URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/sCeKBi191WdL/ (дата обращения: 1.03.2024).

[304] См.: Постановление Третьего арбитражного апелляционного суда от 10 июня 2015 г. по делу № А33-14905/2009 // URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/54xeCTSiOrmx/ (дата обращения: 1.03.2024); Постановление Шестнадцатого арбитражного апелляционного суда от 4 августа 2022 г. по делу № А25-1087/2018 // URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/1wt3IV5F5hHu/ (дата обращения: 1.03.2024); Определение Арбитражного суда Красноярского края от 10 апреля 2015 г. по делу № А33-14905/2009 // URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/DtiPDFVLM4mq/ (дата обращения: 1.03.2024).

Анализ практики арбитражных судов приводит нас к выводу, что суды делают отсылку к принципам семейного права, включая принцип добровольности брачного союза мужчины и женщины, исключительно формально – для придания «красоты» и солидности судебному акту. В реальности же ни качество мотивировки судебного акта, ни, тем более, его резолютивная часть не изменились бы при отсутствии соответствующей отсылки.

В практике судов общей юрисдикции встречается значительно большее количество дел, в которых суды упоминают принцип добровольности брачного союза мужчины и женщины. По нашим подсчетам это около 300 судебных актов. Во многих делах данный принцип используется в сочетании с другими принципами семейного права и отсылка к нему носит формальный характер, как и в приведенных в предыдущем абзаце судебных актов арбитражных судов.

Однако имеются и весьма необычные дела, где суд делает отсылку к совокупности принципов семейного права для обоснования запрета информации об услугах по заключению фиктивных браков, размещенной по конкретным электронным адресам в информационно-телекоммуникационной сети Интернет[305]. Другое нетипичное использование отсылки к принципам семейного права имеет место при вынесении решения о запрете публичных мероприятий в поддержку гомосексуализма и нетрадиционных сексуальных отношений среди несовершеннолетних. Так, в решении Вахитовского районного суда г. Казани отмечается, что «Учитывая … национальные традиции отношения к семье как биологическому союзу, основанному на браке мужчины и женщины, Семейный кодекс Российской Федерации указывает, что регулирование семейных отношений осуществляется в соответствии, в частности, с принципами добровольности брачного союза мужчины и женщины, приоритета семейного воспитания детей, заботы об их благосостоянии и развитии (статья 1). Таким

[305] См., напр., Решение Центрального районного суда г. Твери № 2А-1257/2020 2А-1257/2020~М-1066/2020 М-1066/2020 от 21 июля 2020 г. по делу № 2А-1257/2020 // URL: https://sudact.ru/regular/doc/3AfCBLRc8aWZ/ (дата обращения: 1.03.2024); Решение Советского районного суда г. Нижнего Новгорода № 2-5475/2017 2-5475/2017~М-4198/2017 М-4198/2017 от 13 ноября 2017 г. по делу № 2-5475/2017 // URL: https://sudact.ru/regular/doc/BETqYVFyc6rl/ (дата обращения: 1.03.2024).

образом, федеральным законодательством к числу семейных ценностей в соответствии с национальными традициями и с учетом международных норм гомосексуальные отношения не отнесены»[306].

Интересным представляется отсылка в судебном акте к принципу добровольности брачного союза при рассмотрении вопроса о признании брака недействительным. Так, ссылаясь сначала на ст. 12–14 и 27 СК РФ суд указал, что «Запрет недееспособным лицам на вступление в брак обусловлен невозможностью недееспособного лица дать осознанное согласие на вступление в брак, что ведет к несоблюдению принципа добровольности брачного союза»[307]. На первый взгляд, здесь нет ничего необычного, но при внимательном прочтении данного фрагмента судебного акта становится ясно, что суд ставит принципы права (в данном случае принцип добровольности брачного союза мужчины и женщины) выше «обычных» норм права (норм о недействительности брака). У нас не вызывает сомнения, что принципы права по своему значению иерархически располагаются выше всех прочих норм, однако в судебной практике указание на это встречается не часто.

Кстати, еще одним подтверждением приоритета принципа добровольности брачного союза над прочими нормами права является указание в решении Ломоносовского районного суда Ленинградской области на то, что «Запрет недееспособным лицам на вступление в брак обусловлено как медицинскими соображениями, так и невозможностью недееспособного лица дать осознанное согласие на вступление в брак, что ведет к несоблюдению принципа

---

[306] Решение Вахитовского районного суда г. Казани № 2А-8731/2017 2А-8731/2017~М-8467/2017 М-8467/2017 от 8 сентября 2017 г. по делу № 2А-8731/2017 // URL: https://sudact.ru/regular/doc/CXKWk6cJ1HJu/ (дата обращения: 1.03.2024); Также см.: Решение Вахитовского районного суда г. Казани № 2А-10760/2016 2А-10760/2016~М-10018/2016 М-10018/2016 от 27 октября 2016 г. по делу № 2А-10760/2016 // URL: https://sudact.ru/regular/doc/umNn9rjjNHod/ (дата обращения: 1.03.2024).

[307] Решение Трусовского районного суда г. Астрахани № 2-2198/2018 2-52/2019 от 12 февраля 2019 г. по делу № 2-2198/2018 // URL: https://sudact.ru/regular/doc/ZCz3dNs8RLlv/ (дата обращения: 1.03.2024). Также см.: Решение Ивановского районного суда № 2-1513/2017 2-1513/2017~М-1587/2017 М-1587/2017 от 6 октября 2017 г. по делу № 2-1513/2017 // URL: https://sudact.ru/regular/doc/XjG6aCp8tK6Q/ (дата обращения: 1.03.2024).

добровольности брачного союза»[308]. Как видно, суд объясняет необходимость запрета вступления в брак недееспособными лицами и необходимостью реализации принципа добровольности брачного союза.

В большинстве случаев суды делают отсылки конкретно к принципу добровольности брачного союза мужчины и женщины при рассмотрении вопроса о расторжении брака. Причем принцип добровольности брака предполагает и свободу расторжения брака. Так, суды общей юрисдикции прямо указывают: «Закрепленный в п. 3 ст. 1 СК РФ принцип добровольности брачного союза мужчины и женщины означает добровольное волеизъявление лиц не только на заключение, но и на прекращение брака»[309], «В соответствии с ч. 3 ст. 1 Семейного кодекса РФ, регулирование семейных отношений осуществляется в соответствии с принципами добровольности брачного союза между мужчиной и женщиной, а, следовательно, и свободы расторжения данного союза»[310].

Позиция судов общей юрисдикции хорошо прослеживается, например, в одном из решений Ленинского районного суда г. Саратова в котором указывается: «Согласно ч. 3 ст. 1 СК РФ регулирование семейных отношений осуществляется в соответствии с принципами добровольности брачного союза мужчины и женщины, из чего следует, что существование брачных отношений и их продолжение возможно лишь при обоюдном согласии на то супругов, а при отсутствии такового хотя бы одного из них, продолжение брачных отношений невозможно»[311].

---

[308] Решение Ломоносовского районного суда Ленинградской области № 2-1792/2016 2-1792/2016~М-1382/2016 М-1382/2016 от 21 сентября 2016 г. по делу № 2-1792/2016 // URL: https://sudact.ru/regular/doc/t8JR7JPYJs1K/ (дата обращения: 1.03.2024).

[309] См., напр., Решение Индустриального районного суда г. Барнаула № 2-1936/2019 2-1936/2019~М-1440/2019 М-1440/2019 от 23 мая 2019 г. по делу № 2-1936/2019 // URL: https://sudact.ru/regular/doc/wxp2ywvOZHL1/ (дата обращения: 1.03.2024).

[310] Решение Волжского районного суда (Самарская область) № 2-2022/2018 2-2022/2018~М-1747/2018 М-1747/2018 от 10 сентября 2018 г. по делу № 2-2022/2018 // URL: https://sudact.ru/regular/doc/eb0gCC0fQogQ/ (дата обращения: 1.03.2024).

[311] См.: Решение Ленинского районного суда г. Саратова № 2-3370/2019 2-3370/2019~М-3403/2019 М-3403/2019 от 17 сентября 2019 г. по делу № 2-3370/2019 // URL: https://sudact.ru/regular/doc/hWW0QqpvzuQZ/ (дата обращения: 1.03.2024).

Принцип добровольности брачного союза мужчины и женщины активно применяется в качестве одного из аргументов при принятии мировым судьей решения о расторжении брака (всего нами обнаружено около 300 актов мировых судей, в которых упоминается исследуемый принцип). Более того, в одном из решений мировой судья не просто сослался на принцип добровольности брачного союза мужчины и женщины, но и разъяснил его содержание: «Данный принцип означает взаимное и добровольное согласие мужчины и женщины на сохранение их брачного союза, а также предполагает возможность расторжения брака как по желанию обоих супругов, так и по заявлению только одного из них»[312].

Такой аспект принципа добровольности брачного союза мужчины и женщины, как свобода расторжения брака, раскрывается и в ряде других решений мировых судей: «Согласно ст. 1 СК РФ основополагающим принципом семейного законодательства является принцип добровольности брачного союза мужчины и женщины. Каждый мужчина и каждая женщина вправе выбрать себе жену или мужа по собственному усмотрению и не допустимо стороннего воздействия на их волю при решении вопроса о заключении брака. Принцип взаимного добровольного согласия сторон для вступления в брак означает и возможность расторжения брака (свобода развода) как по желанию обоих супругов, так и по заявлению одного из них (ст. 16–23 СК РФ)»[313], «… основополагающим принципом семейного законодательства является принципы добровольности брачного союза мужчины и женщины. Принцип добровольного согласия споров для вступления в брак, означает и возможность расторжения

[312] Решение мирового судьи Судебного участка № 7 Ленинского района г. Челябинска от 21 декабря 2015 г. по делу № 2-2072/2015 // URL: https://sudact.ru/magistrate/doc/75M6hHEh7RLC/ (дата обращения: 1.03.2024).

[313] См., напр., Решение мирового судьи Судебного участка № 42 Ахтынского района (Республика Дагестан) от 27 июля 2010 г. по делу № 2-45/2010 // URL: https://sudact.ru/magistrate/doc/rExUhuZmVUUi/ (дата обращения: 1.03.2024); Решение мирового судьи Судебного участка № 42 Ахтынского района (Республика Дагестан) от 27 августа 2010 г. // URL: https://sudact.ru/magistrate/doc/M0I8PkzyMK4/ (дата обращения: 1.03.2024).

брака (свобода развода) как пожеланию обоих супругов, так и по заявлению одного из них»[314].

Подведем некоторые итоги. Во-первых, добровольность брачного союза мужчины и женщины является нормативно закрепленным принципом семейного права. Принципом, в основе которого лежат традиционные ценности. Во-вторых, отсылки к этому принципу имеют место в судебных актах Верховного Суда РФ, арбитражных судов, судов общей юрисдикции и мировых судей. Наиболее часто на принцип добровольности брачного союза мужчины и женщины ссылают суды общей юрисдикции и мировые судьи. Это обусловливается тем, что именно названные суды рассматривают вопросы, связанные с расторжением брака. В-третьих, во многих судебных актах отсылка к принципу добровольности брачного союза мужчины и женщины идет в совокупности с прочими принципами семейного права и носит зачастую формальный характер. Однако в ряде случаев, этот принцип выступает в качестве самостоятельного и играет роль в мотивировке выносимого акта. В-четвертых, практическое значение принцип добровольности брачного союза мужчины и женщины играет в делах о расторжении брака (в качестве одного из его аспектов суды рассматривают свободу расторжения брака). Также данный принцип используется судами при мотивировке решений о недействительности брака, при запрете пропаганды мужеложства, лесбиянства, бисексуализма, трансгендерности, мероприятиями, связанными с их пропагандой, а также запрете интернет-ресурсов, предоставляющих услуги по заключению фиктивных браков.

Таким образом, можно сделать итоговый вывод, что принцип добровольности брачного союза мужчины и женщины является не декларативным, а реальном «работающим» принципом российского права.

Проанализируем принцип разрешения внутрисемейных вопросов по взаимному согласию. Названный принцип закреплен в ч. 3 ст. 1 СК РФ среди

---

[314] Решение мирового судьи Судебного участка № 76 Рутульского района (Республика Дагестан) от 10 августа 2012 г. // URL: https://sudact.ru/magistrate/doc/S3nunX7uXGZ1/ (дата обращения: 1.03.2024).

прочих принципов, на основе которых осуществляется регулирование семейных отношений. Аналогичным образом он закреплен в ч. 4 ст. 1 СК РА.

У нас не вызывает никаких сомнений, что разрешение внутрисемейных вопросов по взаимному согласию является именно принципом семейного права (то есть исходной, базовой идеей, лежащей в основе регулирования семейных отношений), а не какой-то иной правовой или неправовой материей. Некоторые авторы рассматривают данное положение СК РФ только в качестве пожелания законодателя. Так, Б.М. Гонгало пишет: «следует констатировать, что речь идет об идеале, к которому надо стремиться, понимая его недостижимость. А с точки зрения правовой обеспечить торжество «взаимного согласия» попросту невозможно»[315]. Несомненно, разрешение внутрисемейных вопросов по взаимному согласию – это некий идеал. Однако это и объективная реальность – во многих семьях именно так и решаются различные вопросы. То, что в других семьях происходит иначе – это не дефект правового регулирования, а проблема, носящая межличностный и/или социальный характер[316]. И исключительно правовыми средствами решить ее невозможно. С другой стороны, данный принцип не только декларируется, но и обеспечивается конкретными нормами СК РФ, нарушение которых напрямую ведет к правовым последствиям.

В качестве примера конкретизации принципа разрешения внутрисемейных вопросов по взаимному согласию в сфере имущественных отношений можно привести положения ч. 1 ст. 35 СК РФ, в соответствие с которой «владение, пользование и распоряжение общим имуществом супругов осуществляются по обоюдному согласию супругов». Другим примером может служить ч. 4 ст. 60 СК РФ: «дети и родители, проживающие совместно, могут владеть и пользоваться имуществом друг друга по взаимному согласию». Примером конкретизации исследуемого принципа в неимущественной сфере является ч. 2 ст. 65 СК РФ:

---

[315] Гонгало Б. Основные начала семейного законодательства // Семейное и жилищное право. 2006. № 2. С. 11.

[316] См. подробнее: Демичев А.А. Методологические проблемы исследования правового регулирования межличностных отношений // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2017. № 2 (38). С. 23–27.

«все вопросы, касающиеся воспитания и образования детей, решаются родителями по их взаимному согласию исходя из интересов детей и с учетом мнения детей».

Что касается каких-либо бытовых вопросов, споров межличностного характера, то они не регламентируются законодательством, а их нормативное регулирование в рамках семейного права невозможно и нецелесообразно. Значительную роль при этом играют исторически сложившиеся семейные ценности, национальные и религиозные традиции, особенности воспитания и другие неправовые факторы. Критерием того, «работает» или «не работает» конкретная правовая норма, является правоприменительная практика. Среди всего массива российской судебной практики нами установлено, что в мотивировочной части судебных актов отсылка к принципу разрешения внутрисемейных вопросов по взаимному согласию имеется в постановлениях и определениях арбитражных судов, судов общей юрисдикции и мировых судей.

То, что принцип семейного права упоминается в судебных актах судов общей юрисдикции и мировых судей – понятно, поскольку именно эти суды рассматривают семейно-правовые споры, а вот то, что он упоминается в решениях арбитражных судов, на первый взгляд, неожиданно. На самом деле ничего удивительного здесь нет, так как арбитражные суды в Российской Федерации в соответствие с ч. 1 ст. 33 действующей редакции Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»[317] рассматривают и дела о банкротстве граждан. По делам этой категории иногда возникают споры, на какое имущество лица, состоящего в браке, в том числе имеющего или не имеющего несовершеннолетних детей, может или не может быть обращено взыскание.

[317] См.: Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // СЗ РФ. 2002. № 43. Ст. 4190.

Нами обнаружено всего восемь судебных актов арбитражных судов (семь постановлений[318] и одно определение[319]), в которых дается отсылка к принципу разрешения внутрисемейных вопросов по взаимному согласию. Во всех случаях изучаемый принцип упоминается не отдельно, а исключительно в совокупности с другими принципами семейного права, названными в СК РФ.

Так, в Восьмом арбитражном апелляционном суде уже сложилась определенная практика и появилась ставшая традиционной формулировка: «В соответствии с пунктом 3 статьи 1 СК РФ регулирование семейных отношений осуществляется в соответствии с принципами добровольности брачного союза мужчины и женщины, равенства прав супругов в семье, разрешения внутрисемейных вопросов по взаимному согласию»[320]. Отсылка на принципы семейного права в совокупности с указанием на нормы частей 1 и 2 статьи 35 СК РФ делается исключительно с целью обоснования применимости в конкретном деле презумпции согласия супругов при распоряжении общим имуществом. В одном из постановлений отмечается, что «супруги являются аффилированными, заинтересованными, очень близкими лицами, взаимная осведомленность которых о делах, расходах друг друга, согласие по соответствующим вопросам презюмируется»[321].

Интересно, что Восьмой арбитражный апелляционный суд в одном из дел, как мы полагаем, вполне обоснованно распространил указанную презумпцию и на бывших супругов (речь идет о времени, когда они состояли в браке): «при наличии реальных брачных отношений, отсутствии межличностного конфликта супругов законодатель презюмирует наличие у супругов доверия друг другу и их

---

[318] См., напр., Постановление Восьмого арбитражного апелляционного суда от 1 декабря 2021 г. по делу № А75-3550/2018 // URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/GiNj7fqaLjYN/ (дата обращения: 1.03.2024).

[319] См.: Определение Арбитражного суда Красноярского края от 10 апреля 2015 г. по делу № А33-14905/2009 // URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/DtiPDFVLM4mq/ (дата обращения: 1.03.2024).

[320] См., напр., Постановление Восьмого арбитражного апелляционного суда от 25 июня 2021 г. по делу № А70-6558/2020 // URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/jBihRVCkSooK/ (дата обращения: 1.03.2024).

[321] Там же.

осведомленность о делах друг друга, в том числе имущественных. Наличие оснований для неприменения такой презумпции в данном случае бывшая супруга должника не обосновала»[322].

В определении Арбитражного суда Красноярского края от 10 апреля 2015 г. используется такая формулировка: «В силу части 3 статьи 1 Семейного кодекса Российской Федерации регулирование семейных отношений осуществляется в соответствии с принципами добровольности брачного союза мужчины и женщины, равенства прав супругов в семье, разрешения внутрисемейных вопросов по взаимному согласию, приоритета семейного воспитания детей, заботы об их благосостоянии и развитии, обеспечения приоритетной защиты прав и интересов несовершеннолетних и нетрудоспособных членов семьи»[323]. Здесь, как мы видим, перечислены все принципы семейного права, указанные в ч. 3 ст. 1 СК РФ (в упоминавшихся выше актах Восьмого арбитражного апелляционного суда было названо только по три принципа). Однако в данном деле, ссылаясь на эти принципы и нормы ч. 1 и 2 ст. 35 СК РФ, Арбитражный суд Красноярского края пришел к интересному, но весьма сомнительному выводу. Арбитражный суд излишне широко, а, скорее, неверно, на наш взгляд, трактует принцип разрешения внутрисемейных вопросов по взаимному согласию и положения ч. 1 и 2 ст. 35 СК РФ.

Арбитражный суд пришел к выводу, что если супруг, ранее участвовавший в аналогичном деле, знал соответствующие сроки, то и его супруга должна знать эти сроки: «Таким образом, предполагается, что Вещицкая Е.Н. наравне со своим супругом Вещицким В.А. знала о порядке и сроках предъявления требований участниками строительства к застройщику-банкроту ООО «СПК «Вектор Плюс». Возможно фактически это и так, однако в данном случае отсылка на принцип разрешения внутрисемейных вопросов по взаимному согласию некорректна,

---

[322] Постановление Восьмого арбитражного апелляционного суда от 1 декабря 2021 г. по делу № А75-3550/2018 // URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/GiNj7fqaLjYN/ (дата обращения: 1.03.2024).

[323] Определение Арбитражного суда Красноярского края от 10 апреля 2015 г. по делу № А33-14905/2009 // URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/DtiPDFVLM4mq/ (дата обращения: 1.03.2024).

поскольку никакого внутрисемейного спора по этому вопросу не имело место. Равным образом не имеет отношения к делу отсылка на ч. 1 и 2 ст. 35 СК РФ, поскольку в них идет речь о владении, пользовании и распоряжении общим имуществом супругов. Однако обоюдное согласие на владение, пользование и распоряжение общим имуществом совершенно не предполагает презумпции полного равенства знаний супругов по данному предмету. Тем не менее, Третий арбитражный апелляционный суд в своем постановлении от 10 июня 2015 г. по этому же делу полностью подтвердил выводы суда первой инстанции[324].

В постановлении Двадцатого арбитражного апелляционного суда от 9 июня 2022 г. использована следующая отсылка к принципами семейного права: «исходя из того, что в основе регулирования семейных отношений лежат такие принципы, как недопустимость произвольного вмешательства в дела семьи, беспрепятственное осуществление членами семьи своих прав, возможность судебной защиты этих прав, а равно разрешение внутрисемейных вопросов по взаимному согласию и приоритетная защита прав и интересов несовершеннолетних и нетрудоспособных членов семьи (пункты 1 и 3 статьи 1)»[325]. Однако складывается ощущение, что упоминание исследуемого нами принципа (и некоторых других) в контексте рассматриваемого арбитражным судом дела, носит формальный характер. Спорная ситуация касалась защиты интересов несовершеннолетних детей родителя-банкрота (требование заключалось в исключении из конкурсной массы имущества гражданина: величины прожиточного минимума в полном объеме на троих несовершеннолетних детей). И здесь необходимо и достаточно было сослаться на принцип приоритетной защиты прав и интересов несовершеннолетних и нетрудоспособных членов семьи, а в качестве дополнения – на принцип беспрепятственного осуществления членами семьи своих прав, возможность

[324] Постановление Третьего арбитражного апелляционного суда от 10 июня 2015 г. по делу № А33-14905/2009 // URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/54xeCTSiOrmx/ (дата обращения: 1.03.2024).

[325] Постановление Двадцатого арбитражного апелляционного суда от 9 июня 2022 г. по делу № А54-10172/2018 // URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/7YG1E5swUgZQ/ (дата обращения: 1.03.2024).

судебной защиты этих прав. Полагаем, что принцип разрешения внутрисемейных вопросов по взаимному согласию в данном случае не имеет к делу никакого отношения, поскольку именно внутрисемейных проблем здесь не имеется.

Более интересным (и совершенно правильным, на наш взгляд) образом использовал ссылку на принципы семейного права, включая и интересующий нас принцип, Арбитражный суд Уральского округа. Суть рассматриваемого дела заключалась в том, что публичное акционерное общество «Сбербанк России» пыталось привлечь к субсидиарной ответственности супругу умершего банкрота, мотивируя это тем, что супруга по отношению к своему мужу имела статус контролирующего лица и довела его своими неправомерными действиями до банкротства. Арбитражный суд, ссылаясь на то, что «брачно-семейные отношения, как указано в статье 1 обозначенного Кодекса, строятся на чувствах взаимной любви и уважения, принципах взаимопомощи и ответственности перед семьей всех ее членов, равенства прав супругов в семье, разрешения внутрисемейных вопросов по взаимному согласию и т.п. Таким образом, данный Кодекс не содержит в себе положений, допускающих построение брачно-семейных отношений на основе подконтрольности одних его участников другим, поскольку такое регулирование указанной сферы отношений не отвечало бы основным и руководящим началам, заложенным в части 1 статьи 38 Конституции Российской Федерации и явившимся основанием к принятию и введению в действие Семейного кодекса Российской Федерации»[326], а также приведя другие аргументы, не поддержал доводы Сбербанка, оставив без изменения определение Арбитражного суда Свердловской области от 10 июня 2019 г. по делу № А60-52847/2015 и постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 10 июня 2019 г. по тому же делу и без удовлетворения кассационную жалобу публичного акционерного общества «Сбербанк России».

Подводя промежуточные итоги, отметим, что отсылки в мотивировочной части определений и постановлений арбитражных судов к принципам права пока

[326] Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 10 декабря 2019 г. по делу № А60-52847/2015 // URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/2O8gq8oIU5Lm/ (дата обращения: 1.03.2024).

встречается не часто и не всегда используется правильно. Однако практика свидетельствует, что принципы семейного права, включая принцип разрешения внутрисемейных вопросов по взаимному согласию, являются не декларативными идеями, а специфическими нормами права, на которые имеются отсылки в судебных актах арбитражных судов разного уровня.

Межотраслевыми принципами являются принципы, наличие которых присуще сразу нескольким отраслям права. А.Л. Захаров определяет межотраслевые принципы как нормативно закрепленную в позитивном праве основную идею, общую для двух или более отраслей права, отражающую закономерности и связи развития общественных отношений, направляющую правовое регулирование и определяющую сущность и социальное назначение права[327]. Наличие достаточно большого количества межотраслевых принципов привело к попытке их классификации в научной литературе по различным основаниям: по воздействию на сферы общественной жизни; исходя из деления права на материальное и на процессуальное; исходя из деления право на частное и на публичное; по назначению и регулятивным возможностям; по содержанию правовой материи[328]. В научной литературе верно отмечается, что в каждой из смежных отраслей права (а именно в них чаще всего встречаются межотраслевые принципы) действуют как общеправовые, так и межотраслевые принципы. Причем они сохраняют уникальность, обособленность, устойчивость, свой статус в системе принципов и одновременно приобретают специфические формы выражения в зависимости от содержания соответствующей отрасли права, получают дополнительную редакцию в отраслевых сферах правового регулирования[329].

Наиболее яркими примерами межотраслевых принципов являются межотраслевые принципы процессуальных отраслей права. Так, к межотраслевым

---

[327] См.: Захаров А.Л. Межотраслевые принципы права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2003. С. 7.
[328] См.: Там же. С. 8, 18.
[329] См.: Хабибуллина Г.Р. Межотраслевые принципы права и конституционное правосудие в субъектах Российской Федерации: монография. М.: Статут, 2017. С. 7, 9, 12.

принципам, характерным для уголовно-процессуального, гражданского процессуального и административного процессуального права России и Армении, можно отнести принципы осуществления правосудия только судом, независимости судей, разумного срока судопроизводства, языка судопроизводства и другие.

Обратим внимание, что в системе армянского права отсутствует такая отрасль как арбитражное процессуальное право, а соответствующие правоотношения регулируются гражданским процессуальным законодательством. При наличии арбитражных процессуальных правоотношений отдельного Арбитражного процессуального кодекса в Армении не существует. Тем не менее, данная сфера общественных отношений вполне эффективно урегулирована.

В качестве примера межотраслевого принципа процессуального права, характерного для России и Армении, рассмотрим принцип осуществления правосудия только судом.

В юридической литературе существует ошибочное, на наш взгляд, мнение, что «принцип осуществления правосудия только судом и принцип независимости судей лишь формально можно считать двумя разными самостоятельными принципами»[330]. Несомненно, эти два принципа находятся в тесной взаимосвязи, особенно если имеется в виду современное государство. Однако в правовой реальности имели место ситуации, когда правосудие осуществляется внесудебными органами, но при этом собственно судьи были независимыми. Например, в Древней Греции военачальник в военных условиях обладал чрезвычайными полномочиями, включая вынесение и исполнение смертных приговоров. Одновременно процедуры избрания судей в ряде греческих полисов имели демократический характер, создавались гарантии независимости судей от других субъектов. Также вполне возможна ситуация когда юридически правосудие осуществляется только судами, но при этом судьи в реальности не являются независимыми. В качестве примера можно привести советский

[330] Принципы российского уголовного судопроизводства: содержание и проблемы реализации / под ред. Н.Г. Мановой. М.: Юрлитинформ, 2019. С. 120.

период российской и армянской истории, когда на конституционном и отраслевом уровне провозглашалось осуществление правосудия только судом, но в реальности судьи были зависимы от органов исполнительной власти и партийной номенклатуры.

Ч. 1 ст. 118 Конституции РФ закрепляет правило, что «Правосудие в Российской Федерации осуществляется только судом». Аналогичная норма содержится в ст. 162 Конституции РА. В отличие от Конституции РФ статьи в действующей Конституции РА имеют названия. Ст. 162 Конституции РА называется «Осуществление правосудия» и состоит из двух частей. Первая ее часть в содержательном плане аналогична ч. 1 ст. 118 Конституции РФ, но текстуально, конечно, имеются различия («В Республике Армения правосудие осуществляют только суды – в соответствии с Конституцией и законами»). Здесь же во второй части ст. 162 армянский законодатель установил запрет на «какое-либо вмешательство в осуществление правосудия».

Принцип осуществления правосудия только судом представляет собой конкретизацию одного из принципов государственного устройства (обратим внимание, не принципа права, а именно принципа государственного устройства!) – принципа разделения властей. Именно в рамках разделения власти на законодательную, исполнительную и судебную каждая из ветвей власти, включая судебную, наделяется самостоятельностью и независимостью.

В силу того, что Конституции России и Армении обладают прямым действием, принцип осуществления правосудия только судом распространяется на все процессуальные отрасли права, т.е. на те отрасли, реализация норм которых осуществляется при участии судебных органов. Следовательно, в силу своей специфики данный принцип является межотраслевым. Общеправовым он быть не может потому, что не во всех сферах общественных отношений действует суд.

Итак, учитывая, что в Российской Федерации существует четыре кодифицированные отрасли процессуального права (уголовно-процессуальное, гражданское процессуальное, арбитражное процессуальное и административное

процессуальное), то принцип осуществления правосудия только судом является принципом этих отраслей независимо от того, закреплен он в отраслевых кодексах или нет. Практически тоже самое можно сказать и о законодательстве Армении, но с оговоркой, которую мы делали ранее: в Республике Армении нет Арбитражного процессуального кодекса. Таким образом, принцип осуществления правосудия только судом в Армении является межотраслевым применительно к трем процессуальным отраслям: уголовно-процессуальному, гражданскому процессуальному и административному процессуальному.

Перейдем к рассмотрению вопроса, о том, где и как принцип осуществления правосудия только судом закреплен в отраслевом законодательстве России и Армении, а также какое содержание вложил в него законодатель.

Начнем с цивилистического процессуального законодательства. Из пяти цивилистических процессуальных кодексов (ГПК РФ, АПК РФ, КАС РФ, ГПК РА, КАС РА) только в ГПК РФ и АПК РФ закреплен исследуемый нами принцип. Ст. 5 ГПК РФ называется «Осуществление правосудия только судами» и не имеет деления на статьи. По сути, в ней конкретизирована конституционная норма применительно к рассмотрению судами гражданских дел. Названная статья гласит: «Правосудие по гражданским делам, относящимся к компетенции судов общей юрисдикции, осуществляется только этими судами по правилам, установленным законодательством о гражданском судопроизводстве». Таким образом, по сравнению с ч. 1 ст. 118 Конституции РФ в ГПК РФ появилось указание на то, что 1) речь идет о гражданских делах; 2) эти дела рассматриваются судами общей юрисдикции; 3) их рассмотрение осуществляется по правилам, которые установлены законодательством о гражданском судопроизводстве. Нормативное закрепление этих правил представляется совершенно оправданным на фоне того, что в Российской Федерации в настоящее время получают распространение различные альтернативные формы разрешения гражданско-правовых споров несудебными органами (третейскими судами, медиаторами и др.). Следует понимать, что эти органы не являются судебными и не осуществляют правосудия.

В АПК РФ принцип осуществления правосудия только судом закреплен в ст. 1, имеющей название «Осуществление правосудия арбитражными судами». В ней устанавливается, что «правосудие в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности осуществляется арбитражными судами в Российской Федерации…». По сути, нормы этой статьи аналогичны нормам ст. 5 ГПК РФ только применительно к арбитражным судам и рассмотрению экономических споров и иных дел, отнесенных к компетенции арбитражных судов.

То, что в трех из пяти цивилистических процессуальных кодексов России и Армении не закреплен принцип осуществления правосудия только судом, никоим образом не означает, что в ряде процессуальных отраслей российского и армянского права не действует данный принцип. Он действует в силу своего закрепления на конституционном уровне и прямого действия Конституции. Тем не менее, полагаем, что имеет смысл закрепить принцип осуществления правосудия только судом во всех процессуальных кодексах, где он не имеет нормативного выражения[331]. Это, по нашему мнению, необходимо для более полного уяснения содержания этого принципа не только правоприменителем, но и всеми субъектами права, в том числе, не имеющими специальной юридической подготовки.

Что касается уголовно-процессуального законодательства России и Армении, то он закреплен в ст. 8 УПК РФ, также он был закреплен в ст. 24 УПК РА 1998 г. Однако в УПК РА 2021 г. законодатель исключил данный принцип из числа принципов уголовного судопроизводства. Тем не менее, учитывая, конституционное закрепление этого принципа в ст. 162 Основного закона Армении, несомненно, он является и принципом армянского уголовно-процессуального права.

---

[331] Такого рода предложения уже высказывались учеными, например, в отношении Кодекса административного судопроизводства РФ (см.: Балашов А.Н. Принцип независимости судей и осуществление правосудия только су дом как гарантия законности в административном судопроизводстве // Актуальные проблемы государства и права. 2017. Т. 1. № 3/4. С. 74).

В целом, принцип осуществления правосудия только судом в правовых системах России и Армении носит межотраслевой характер и действует во всех процессуальных отраслях. При этом в Российской Федерации он закреплен одновременно на двух уровнях: конституционном и отраслевом (это касается только уголовно-процессуального права, гражданского процессуального и арбитражного процессуального права), а в Республике Армения – только на конституционном уровне. Тем не менее, учитывая конституционный характер рассматриваемого принципа, можно утверждать, что его действие распространяется на все случаи, когда участником общественных отношений является суд.

Другими примером межотраслевого принципа процессуального права, характерного для России (но не для Армении), является принцип состязательности сторон.

Данный принцип является одним из принципов права, обладающих важным не только юридическим, но и социально-политическим значением. Без его нормативного закрепления (по крайней мере, в рамках континентальной и англосаксонской правовых семей) невозможно существование современного демократического государства. Элементы состязательности были присущи процессуальному праву многих государств в различные исторические периоды. Особенно это касается римского права. Однако по большому счету, состязательность – это принцип демократического права, реализовавшийся в полной мере только с переходом общества на буржуазную стадию развития. Если говорить о Российской империи, то, по сути, состязательный процесс – это антипод и альтернатива процессу инквизиционному.

Состязательный процесс, основанный на принципе состязательности сторон, появился в Российской империи вместе с Судебными уставами 1864 г. и введенным ими же судом присяжных заседателей. В гражданском процессе с этого времени указанный принцип практически в полном объеме сохранился и в советскую эпоху. С принципом состязательности в советском уголовном процессе ситуация была иной. Его роль значительно уменьшилась вместе

с упразднением суда присяжных и возрастанием значения обвинительного уклона.

Не вдаваясь более в исторические детали, отметим, что полное возрождение и одновременно новый виток развития принципа состязательности сторон произошел после распада СССР и образования государств на постсоветском пространстве. В их число входят Российская Федерация и Республика Армения. Имея общие корни, идущие из Российской империи и СССР, современные Россия и Армения в плане развития принципа состязательности сторон пошли несколько разными путями. Далее мы сравним особенности нормативного закрепления данного принципа в действующем законодательстве Российской Федерации и Республики Армения.

В Российской Федерации принцип состязательности сторон является конституционным принципом права. Как известно, он закреплен в ч. 3 ст. 123, содержащей лаконичную формулировку: «Судопроизводство осуществляется на основе состязательности и равноправия сторон». Принцип состязательности закреплен во всех процессуальных кодифицированных актах: в УПК РА, АПК РФ, ГПК РФ и КАС РФ. При этом во всех названных нормативных правовых актах содержание данного принципа достаточно подробно раскрывается. Однако отметим, что один и тот же принцип в каждом кодексе раскрывается несколько по-разному, но при сохранении единой сути. Более того, название соответствующих статей в ранее перечисленных кодифицированных актах разное: ст. 9 АПК РФ называется «Состязательность», ст. 15 УПК РФ – «Состязательность сторон», ст. 12 ГПК РФ – «Осуществление правосудия на основе состязательности и равноправия сторон» и ст. 14 КАС РФ – «Состязательность и равноправие сторон». Несмотря на некоторые различия в процессуальном законодательстве, можно с уверенностью утверждать, что принцип состязательности сторон является межотраслевым принципом российского права.

Анализ армянского законодательства по интересующей нас проблеме приводит к неожиданным выводам. Ни в Конституции РА, ни в КАС РА,

ни в ГПК РА принцип состязательности не нашел прямого закрепления. Хотя, например, ранее он был закреплен в ст. 6 ГПК РА 1998 г.[332] и рассматривался учеными как принцип определяющий харктер гражданского процесса[333]. А вот в действующем УПК РА 2021 г. он закреплен в ст. 21 «Принцип равенства и состязательности сторон» (кстати, в УПК РА 1998 г. он тоже имел место – в ст. 23 «Состязательность при уголовном судопроизводстве»). Однако считаем необходимым отметить один нюанс: в Российской Федерации с 1993 г. действует суд присяжных, а в Армении такой институт не функционирует. Мы полагаем, что именно в уголовном судопроизводстве с участием присяжных заседателей в наибольшей степени раскрывается принцип состязательности сторон. Соответственно, с учетом изложенного выше обстоятельства, можно утверждать, что в России состязательность сторон более развита, чем в Армении. Естественно речь в данном случае идет не о глубине раскрытия, а о сфере действия принципа.

Рассмотрев процессуальное законодательство Республики Армения, мы приходим к выводу, что принцип состязательности сторон не является межотраслевым принципом современного армянского права, он представляет собой только отраслевой принцип уголовно-процессуального права. В связи с этим возникает вопрос: характерна ли состязательность для гражданского и административного судопроизводства Республики Армения?

Проанализировав КАС РА и ГПК РА, а также судебную практику, мы приходим к выводу, что состязательность является неотъемлемой чертой административного и гражданского судопроизводства Армении, однако она, видимо, воспринимается законодателем как нечто само собой разумеющееся и не требующее специального нормативного закрепления. Получается, что для гражданского и административного процесса состязательность – доктринальный принцип, то есть некая важная идея, воспринятая научным сообществом,

---

[332] См.: Гражданский процессуальный кодекс Республики Армения от 7 августа 1998 г. № ЗР-247 // URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=3015 (дата обращения: 1.03.2024).

[333] См.: Даллакян В. Развитие гражданского процесса в Республике Армения с 1990 г. // Евразийский гражданский процесс: к 25-летию стран СНГ и Балтии: сб. научн. ст. / под ред. Д.Я. Малешина. М.: Статут. 2015. С. 14.

но не имеющая прямого нормативного выражения. Соответствующие нормы отсутствуют в гл. 2 «Принципы административного судопроизводства» КАС РА и в гл. 2 «Принципы гражданского судопроизводства», что подтверждает, что законодатель не считает принцип состязательности сторон принципами гражданского и административного судопроизводства. Несомненно, это является определенным упущением армянского законодателя. Отсюда и предложения армянских исследователей по закреплению принципа состязательности сторон, например, в административном процессуальном законодательстве[334].

Несмотря на разные формулировки, в сущностном плане принцип состязательности сторон схоже изложен во всех процессуальных кодексах. В наши задачи не входит анализ содержания принципа состязательности сторон, т.к. этот вопрос давно и хорошо проработан исследователями[335]. Тем не менее, отметим справедливость высказанного в научной литературе мнения, что данный принцип «отражает естественно-правовой подход к пониманию прав и свобод личности и характеризует новый уровень государственно-личностных отношений как отношений равнообязанных субъектов»[336].

Сделаем выводы, касающиеся принципы состязательности сторон в России и Армении. Во-первых, законодательству России и Армении известен принцип состязательности сторон. Во-вторых, в названных государствах он закреплен на разных уровнях и занимает различное место в системе принципов национального права. В-третьих, с позиции деления принципов права на отраслевые, межотраслевые и общеправовые в Российской Федерации принцип состязательности является межотраслевым. Причем он закреплен во всех четырех процессуальных кодексах (АПК РФ, ГПК РФ, КАС РФ, УПК РФ). В Республике

---

[334] См., напр., Պետրոսյան Լ. «EX OFFICIO» և մրցակցության սկզբունքների հարաբերակցությունը վարչական դատավարությունում // Օրինականություն, 2020. № 117. Էջ. 75 (Петросян Л. Соотношение принципов «ex officio» и состязательности в административном судопроизводстве // Законность. 2020. № 117. С. 75.

[335] См., напр., Хлебников А.Д. Конституционные принципы состязательности и равноправия сторон в судопроизводстве: особенности юридического содержания и реализации в Российской Федерации: дис. канд. юрид. наук. Белгород, 2012.

[336] Газетдинов Н.И. Сущность и значение принципа состязательности // Вестник Оренбургского государственного университета. 2005. № 3-1 (41). С. 108.

Армения из трех процессуальных кодексов (ГПК РА, КАС РА и УПК РА) принцип состязательности закреплен только в УПК РА. Таким образом, этот принцип является в Армении отраслевым. В-четвертых, с позиции деления принципов права по источнику закрепления в России принцип состязательности относится к числу конституционных принципов, продублированных в отраслевом законодательстве. В Армении этот принцип не зафиксирован в Основном законе, поэтому принцип состязательности является в этой стране сугубо отраслевым. И касается это исключительно уголовно-процессуального права. В-пятых, считаем, что армянскому законодателю целесообразно использовать собственный опыт уголовно-процессуального законодательства, а также всего российского процессуального законодательства, в целях закрепления принципа состязательности в отраслях гражданского процессуального и административного процессуального права. В-шестых, в свою очередь, российскому законодателю следует также заняться совершенствованием нормативных правовых актов в плане унификация структуры и содержания принципа состязательности сторон в ст. 9 АПК РФ, ст. 15 УПК РФ, ст. 12 ГПК РФ и ст. 14 КАС РФ.

Наконец, рассмотрим такой межотраслевой принцип российского и армянского права как принцип языка судопроизводства. Для современных государств традиционным является официальное установление государственного языка (в ряде случаев – нескольких государственных языков). Как правило, закрепление этой нормы имеет место на конституционном уровне, а также в специальном законодательстве. Одним из обязательных аспектов применения государственного языка является ведение судопроизводства на нем.

Ч. 1 ст. 68 Конституции РФ устанавливает, что государственным языком Российской Федерации является русский язык. В ст. 20 «Государственный язык Республики Армения» Конституции РА устанавливается, что государственным языком Армении является армянский язык. При этом нужно учитывать, что Россия является федеративным государством, а Армения – унитарным, и это не могло не отразиться на нормах о государственном языке. И в России, и в Армении, естественно, всячески охраняются языки разных народов,

проживающих на их территориях, и поощряется их развитие. Однако федеративное устройство повлияло в Российской Федерации на нормы о государственном языке. Так, в ч. 2 ст. 68 Конституции РФ закрепляется право республик в составе РФ устанавливать собственные государственные языки, которые в их органах государственной власти, органах местного самоуправления и государственных учреждениях употребляются наряду с русским языком. В Республики Армения такой нормы нет и быть не может в силу унитарной формы государственного устройства.

Конституционные нормы о государственном языке нашли конкретизацию в специальном законодательстве о языке. В России это федеральный закон от 1 июня 2005 г. № 53-ФЗ «О государственном языке Российской Федерации»[337], а в Армении – закон Республики Армения от 17 апреля 1993 г. № ЗР-52 «О языке»[338]. В п. 4 ч. 1 ст. 3 ФЗ «О государственном языке Российской Федерации» прямо указывается, что русский язык подлежит обязательному использованию «в конституционном, гражданском, уголовном, административном судопроизводстве, судопроизводстве в арбитражных судах, делопроизводстве в федеральных судах, судопроизводстве и делопроизводстве у мировых судей и в других судах субъектов Российской Федерации». В законе РА «О языке» такой четкой формулировки нет, но ст. 4 обязывает государственные органы, предприятия, учреждения и организации в Республики Армения вести делопроизводство на армянском языке.

Что касается именно судебной сферы, то правила о языке судопроизводства зафиксированы в России в ст. 10 «Язык судопроизводства и делопроизводства в судах», входящей в гл. 1 «Общие положения» федерального конституционного закона от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской

---

[337] См.: Федеральный закон от 1 июня 2005 г. № 53-ФЗ «О государственном языке Российской Федерации» // СЗ РФ. 2005. № 23. Ст. 2199.

[338] См.: Закон Республики Армения от 17 апреля 1993 г. № ЗР-52 «О языке» // URL: http://parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=1793&lang=rus (дата обращения: 1.03.2024).

Федерации»[339], а в Армении – в ст. 12 «Язык судопроизводства», входящей в гл. 2 «Принципы организации и деятельности судов» Конституционного закона Республики Армения от 10 февраля 2018 г. № ЗР-95 «Судебный кодекс Республики Армения»[340]. Таким образом, принцип языка судопроизводства дважды закреплен в конституционном законодательстве и России, и Армении: первый раз – непосредственно в текстах Конституций, второй раз – в конституционных законах.

В названных выше нормативных правовых актах содержатся единые и обобщенные правила применения принципа языка судопроизводства без какого-либо разделения его на отдельные виды. Однако следует понимать, что в Российской Федерации – это конституционное, гражданское, арбитражное, административное и уголовное судопроизводство (ч. 2 ст. 118 Конституции РФ), а в Республике Армения – то же самое, кроме арбитражного судопроизводства (рассмотрение экономических споров производится в порядке гражданского судопроизводства в соответствие с ГПК РА). Причем ни в Конституции РА, ни в Судебном кодексе РА виды судопроизводства не называются.

В российском законодательстве устанавливается, что судопроизводство в судах общей юрисдикции может вестись безальтернативно только на русском языке (в ч. 1 ст. 10 ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» дан исчерпывающий их перечень) или альтернативно на русском языке либо на государственном языке республик, на территории которых находится суд. Обратим внимание, что речь идет только о таком виде субъектов РФ как республика.

В других видах субъектов, в том числе и образованных по национальному принципу, судопроизводство ведется только на русском языке. Такое положение стало основанием для предложений некоторых авторов о введении

---

[339] См.: Федеральный конституционный закон от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» // СЗ РФ. 1997. № 1. Ст. 1.

[340] См.: Конституционный закон Республики Армения. Судебный кодекс Республики Армения от 10 февраля 2018 г. // URL: http://www.parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=6166&lang=rus#2 (дата обращения: 1.03.2024).

в законодательство норм, устанавливающих, что в судах, находящихся на территории автономной области или автономного округа, судопроизводство ведется, в зависимости от участников процесса, либо на русском языке, либо на языке большинства населения[341]. Несомненно, в этом предложении имеется логика, однако при его реализации мы видим, как минимум, две проблемы: формально-юридическую и практическую. Первая заключается в том, что ни в каких субъектах, кроме республик, не предусмотрен иной государственный язык, кроме русского. Вторая же проблема состоит в том, что весьма проблематично определить значение понятия «языка большинства населения». Возникает вопрос о территории, о которой идет речь (субъект федерации в целом, район, отдельный населенный пункт) и о том, какие показатели (абсолютные или относительные) можно рассматривать в качестве «большинства населения».

Что касается мировых судей субъектов РФ и других судов субъектов РФ, то в соответствие с ч. 2 ст. 10 ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» судопроизводство и делопроизводство осуществляется в них либо на русском языке, либо на государственном языке республики, на территории которой находится суд. Такая формулировка означает, что и в судах субъектов ведение процессов не на русском языке возможно исключительно в республиках (причем только в том случае, если в них установлен иной государственный язык, кроме русского).

В Республики Армения в силу ее унитарного государственного устройства в этом аспекте ситуация значительно проще, чем в Российской Федерации. В ч. 1 ст. 12 Судебного кодекса РА безоговорочно устанавливается, что языком судопроизводства является армянский язык. По общему правилу все документы представляются в судебные органы на армянском языке или с надлежащим переводом на армянский язык. Все государственные органы, органы местного самоуправления, должностные лица должны принимать участие

---

[341] См.: Домрачев И.Г. Принцип языка судопроизводства в гражданском процессе РСФСР и Российской Федерации // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2017. № 2 (38). С. 93. Обратим внимание, что предложения И.Г. Домрачева касаются только изменения ст. 9 ГПК РФ.

в судопроизводстве на армянском языке. При этом в ч. 3 названной статьи Судебного кодекса РА устанавливается, что каждый вправе принимать участие в судопроизводстве на предпочтительном для него языке, но это возможно только в том случае, если он обеспечивает надлежащий перевод на армянский язык.

Сущность принципа языка судопроизводства заключается не только в том, что судопроизводство и делопроизводство в судах ведется на государственном языке, но и в гарантиях, предоставляемых лицам, не владеющих или плохо владеющим государственным языком. В российском конституционном законодательстве эти гарантии прописаны очень схематично. Так, в ч. 3 ст. 10 ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» лица, участвующие в деле и не владеющие языком судопроизводства, обеспечиваются правом «выступать и давать объяснения на родном языке либо на любом свободно избранном языке общения, а также пользоваться услугами переводчика». Конкретизация этого правила в данном нормативном правовом акте отсутствует.

В аналогичном конституционном законе Армении ситуация совсем иная – законодатель более подробно прописал гарантии лицам, не владеющим языком судопроизводства. Так, в соответствие с ч. 5 ст. 12 Судебного кодекса РА суд обязан обеспечить за государственный счет услугами переводчика лицо, не владеющее армянским языком. Исключение составляют те случаи, когда обвиняемый в силу каких-то причин желает обеспечить перевод за свой счет.

В обязательном порядке за государственный счет услуги переводчика обеспечиваются только обвиняемому в уголовном деле. Участники административного и гражданского судопроизводства, а также лица, имеющие статус пострадавшего в уголовном деле, обеспечиваются услугами переводчика за государственный счет только в том случае, если «он не имеет возможности коммуникации на армянском языке и доказывает, что не имеет достаточных средств для обеспечения оплачиваемого перевода» (ч. 6 ст. 12 Судебного кодекса РА).

В отличие от ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» в Судебном кодексе РА закреплен целый комплекс гарантий, связанных

с осуществлением судопроизводства, лицам с инвалидностью (ч. 7–9 ст. 12). Так, если инвалидность связана со слухом или речью, то инвалид по аналогии с переводчиком обеспечивается сурдопереводчиком. Если инвалидность связана со зрением, то по уголовным делам лицо, участвующее в деле доступность процессуальных документов и судебных актов обеспечивает путем предоставления помощника за государственный счет. Что касается аналогичной ситуации в административном и гражданском деле, то получение помощника за счет государства возможно только в том случае, если инвалид докажет, что не имеет достаточных средств на оплату услуг помощника. В этом случае бесплатный помощник назначается по решению суда.

Принцип языка судопроизводства, что вполне естественно, нашел закрепление и на уровне процессуального законодательства – он содержится абсолютно во всех процессуальных кодексах России и Армении. Так, ст. 18 УПК РФ называется «Язык уголовного судопроизводства, ст. 9 ГПК РФ – «Язык гражданского судопроизводства», ст. 12 КАС РФ – «Язык, на котором ведется административное судопроизводство» и ст. 12 АПК РФ – «Язык судопроизводства», ст. 27 УПК РА называется «Язык производства», ст. 16 ГПК РА – «Язык судопроизводства» и ст. 9 КАС РА – «Язык административного судопроизводства». Таким образом, во всех процессуальных кодексах России и Армении соответствующие статьи имеют однотипные названия. В ряду случаев законодатель маркирует, что язык судопроизводства (производства) является именно принципом судопроизводства. В этой ситуации неверным представляется подход А.Г. Давтян, полагающей, что нормы о языке судопроизводства (конкретно гражданского судопроизводства Армении) – не принцип, а гарантия доступности правосудия и средство коммуникации между участниками процесса[342].

[342] См.: Давтян А.Г. Развитие теории принципов в гражданском процессуальном праве Армении // Заметки о современном гражданском и арбитражном процессуальном праве / под ред. М.К. Треушникова. М.: Городец, 2004. С. 247.

И в российском, и в армянском законодательстве отсутствует раскрытие содержания понятий «невладение языком» и «недостаточное владение языком». На практике (по крайней мере, в Российской Федерации) это приводит к тому, что отдельные лица, реально владея русским языком, требуют привлечения переводчика к участию в процессе. Судебная практика часто идет по пути отклонения такого рода ходатайств с мотивировкой о злоупотреблении гражданами соответствующим правом[343]. Вряд ли целесообразно включать раскрытие этих понятий в текст процессуального законодательства. А вот постановление пленума Верховного Суда РФ с четкими разъяснениями на этот счет, на наш взгляд, необходимо.

Сравнение процессуального законодательства России и Армении по вопросу языка судопроизводства приводит к выводу, что оно значительно отличается по объему. Во всех случаях законодательство Республики Армения более детально регламентирует данный вопрос. В отраслевом законодательстве обоих государств имеет место дублирование и конкретизация конституционных положений. В первую очередь, в части 1 статей о языке судопроизводства в кодифицированных актах дублируется положение о том, что судопроизводство ведется в России – на русском языке, а Армении – на армянском. Также в процессуальных кодексах Российской Федерации делаются указания на возможность ведения судопроизводства в республиках на их государственном языке.

В российском процессуальном законодательстве, в котором закрепляется принцип языка судопроизводства, также закрепляются гарантии лицам, участвующим в деле и не владеющим языком судопроизводства. По сути, они дублируют аналогичные нормы ФКЗ «О судебной системе Российской

---

[343] См.: Каац М.Э. О содержательной составляющей принципа языка уголовного судопроизводства // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2021. № 3 (19). С. 209. Также см.: Вилкова Т.Ю. Принцип языка уголовного судопроизводства: содержание и гарантии // Журнал российского права. 2014. № 10 (214). С. 91; Гапонова В.Н., Попова И.П. Действие принципа языка уголовного судопроизводства: вопросы теории и практики // Личность, общество и государство в правовом измерении: материалы национальной научно-практической конференции. Иркутск: Байкальский государственный университет, 2021. С. 319.

Федерации», немного конкретизируя их: суд разъясняет и обеспечивает этим лицам возможность знакомиться с материалами дела, участвовать в различных действиях, выступать в суде на родном языке или свободно выбранном языке общения, пользоваться услугами переводчика в соответствие с законом. Сущностным отличием уголовно-процессуального законодательства от цивилистического в данном случае является то, что в определенных случаях лицу, не владеющему языком судопроизводства, переводчик предоставляется бесплатно. В остальных судопроизводствах предоставление бесплатного переводчика не предусматриваются. Кроме того, особенностью уголовно-процессуального судопроизводства является то, что документы, которые подлежат обязательному вручению его участникам, обязательно должны быть переведены их родной язык или язык, которым они владеют.

Процессуальным законодательством Армении устанавливается требование ведения судопроизводства и делопроизводства на армянском языке. При этом лица, участвующие в судопроизводстве вправе выступать на ином языке, чем армянский. В гражданском и административном судопроизводстве это возможно, если стороны смогут обеспечить перевод на армянский язык. Участники судопроизводства в случае, если докажут, что не имеют возможности общаться на армянском языке и не имеют средств для обеспечения перевода, обладают правом на обеспечение услугами переводчика за государственный счет. В уголовном судопроизводстве обвиняемому, не владеющему армянским языком, по общему правилу услуги переводчика обеспечиваются за государственный счет.

В ст. 9 КАС РА также отдельно закреплены нормы, касающиеся переводчика. В ч. 3 указанной статьи делается акцент на профессионализм переводчика – ни судьи, ни стороны, ни свидетели, ни представители не вправе выполнять функции переводчика, даже если они владеют языком, который необходим для перевода. Ч. 5 той же статьи КАС РА наделяет переводчика правом задавать вопросы для уточнения перевода, знакомиться с протоколами, а также делать замечания, касающиеся протоколирования перевода. Наконец, в ч. 6 ст. 9 КАС РА содержится норма, в соответствие с которой переводчик

в обязательном порядке предупреждается об уголовной ответственности за заведомо неправильный перевод.

Равно, как Судебный кодекс РА (ч. 7–9 ст. 12) КАС РА и ГПК РА содержат комплекс норм, гарантирующих реализацию принципа языка судопроизводства для лиц, имеющих инвалидность. Правда, в содержательном плане имеет место простое дублирование норм Судебного кодекса РА.

Итак, принцип языка судопроизводства – это межотраслевой принцип и российского, и армянского права, закрепленный как на конституционном уровне, так и во всех процессуальных кодексах. Его сущность заключается не только в том, что судопроизводство и делопроизводство ведется в судах на государственном языке, но и в гарантиях, предоставляемых лицам, не владеющим этим языком. При общих концептуальных сходствах принципа языка судопроизводства в России и Армении между его закреплением в соответствующих законодательствах имеются различия. Одно из различий обусловлено разными формами государственного устройства Российской Федерации и Республики Армения. Оно проявляется в том, что в российских республиках допускается ведение судопроизводства и на государственном языке этих республик наряду с русским языком. В Армении в силу ее унитарного государственного устройства судопроизводство ведется исключительно на армянском языке. Другие отличия обусловливаются различиями в подходе законодателя к объему закрепления принципов права в нормативных правовых актах. Исходя из анализа армянского опыта, мы полагаем, что российскому законодателю следует заимствовать армянский опыт закрепления в процессуальном законодательстве норм, гарантирующих инвалидам возможность реализации принципа языка судопроизводства.

Отдельно остановимся на принципе презумпции невиновности, являющимся конституционным межотраслевым принципом российского и армянского права. Сфера его применения ограничена производством по уголовным, административным, налоговым делам. В Конституции РФ принцип презумпции невиновности закреплен ст. 49, а в Конституции РА – в ст. 66. В этом

плане Конституции России и Армении не уникальны – по подсчетам Т.Ю. Вилковой, положения о презумпции невиновности содержатся в Конституциях 147-ми государств из 182-х, входящих в ООН[344].

В научной литературе нет единства по поводу правовой сущности презумпции невиновности[345]. Причем споры такого рода в большей степени инициируются теоретиками права. Что касается науки уголовно-процессуального права, то и российские[346], и армянские ее представители[347] единодушны в восприятии презумпции невиновности в качестве одного из принципов уголовного судопроизводства.

Не вдаваясь в дискуссии, отметим, что мы полностью разделяем позицию, что презумпция невиновности является принципом права, а не каким-то иным явлением правовой реальности. Его содержательное наполнение в Конституциях РФ и РА по объему. В ст. 49 Конституции РФ под презумпцией невиновности понимается совокупность трех составляющих: 1) обвиняемый считается невиновным, пока его вина не будет доказана и установлена вступившим

---

[344] См.: Вилкова Т.Ю. Система принципов российского уголовного судопроизводства: автореф. дис. … д-ра юрид наук. М., 2022. С. 15.

[345] См., напр., Бабаев В.К. Презумпции в российском праве и юридической практике // Проблемы юридической техники: сб. ст. / под ред. В.М. Баранова. Н. Новгород: Б.и., 2000. С. 323–330; Макарейко Н.В. Проблема презумпции невиновности в институте административной ответственности // Юридическая техника. 2010. № 4. С. 343–348; Баранов В.М. «Принцип презумпции невиновности»: симулякр, метафора или искусственная юридическая конструкция? // Юридическая техника. 2020. № 14. С. 58–70; Демичев А.А. Презумпция невиновности как принцип российского уголовного судопроизводства // Уголовное судопроизводство. 2020. № 1. С. 45–48 и др.

[346] См., напр., Принципы современного российского уголовного судопроизводства: монография / науч. ред. И.В. Смолькова; отв. ред. Р.В. Мазюк. М.: Юрлитинформ, 2015; Вилкова Т.Ю. Принцип презумпции невиновности: история, современность, перспективы: монография. М.: Юрайт, 2017; Она же. Презумпция невиновности – принцип уголовного судопроизводства // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2018. № 2 (42). С. 57–65; Принципы российского уголовного судопроизводства: содержание и проблемы реализации / под ред. Н.Г. Мановой. М.: Юрлитинформ, 2019. С. 224–262; Принципы уголовного процесса: монография / под общ. ред. Г.С. Русман, С.М. Даровских. М.: Проспект, 2022. С. 99–113; Вилкова Т.Ю. Система принципов российского уголовного судопроизводства: автореф. дис. … д-ра юрид наук. М., 2022 и др.

[347] См., напр., Ղամբարյան Ա. Անմեղության-կանխավարկածը-ՀՀ-իրավական-համակարգում. Երևան: Կաիսա, 2005 (Гамбарян А. Презумпция невиновности в правовой системе Республики Армения. Ереван: Каиса, 2005); Гамбарян А.С., Даллакян Л.Г. Коллизионные нормы и их конкуренция: монография. М.: Юрлитинформ, 2019 и др.

в законную силу приговором суда; 2) обвиняемый не обязан доказывать свою невиновность, 3) неустранимые сомнения в виновности лица толкуются в пользу обвиняемого. В ст. 66 Конституции РА (которая, кстати, так и называется «Презумпция невиновности»; а в российской Конституции, как известно, статьи не имеют названий) под презумпцией невиновности понимается только первое из приведенных выше положений.

В Российской Федерации презумпция невиновности является межотраслевым принципом, закрепленным, как минимум, в уголовно-процессуальном (ст. 14 УПК РФ[348]), административном (ст. 1.5 КоАП РФ[349]) и налоговом (ч. 7 ст. 3 и ч. 1, 3, 6 ст. 108 НК РФ[350]) законодательстве. Некоторые авторы находят принцип презумпции невиновности и в российском таможенном праве[351]. Анализ же армянского законодательства приводит нас к выводу, что принцип презумпции невиновности продублирован только в уголовно-процессуальном законодательстве (ст. 17 УПК РА[352]).

В ст. 1.5 КоАП РФ, которая называется «Презумпция невиновности», по сути, конкретизируются применительно к административным правоотношениям нормы ст. 49 Конституции РФ. Однако из правила о том, что привлекаемое к административной ответственности лицо, не обязано доказывать свою невиновность, устанавливаются исключения. Так, в соответствие с примечанием к ч. 3 ст. 1.5 КоАП РФ это касается лиц, привлекаемых к административной ответственности за совершение правонарушений в области

---

[348] См.: Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // СЗ РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

[349] См.: Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 1 (ч. I). Ст. 1.

[350] См.: Налоговый кодекс Российской Федерации (часть 1) от 31 июля 1998 г. // СЗ РФ. 1998. № 31. Ст. 3824.

[351] См.: Лядов А.О., Евсеев А.В. Специфика принципа презумпции невиновности в российском таможенном праве // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В.Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. 2020. № 4 (76). С. 103–105.

[352] См.: Հայաստանի Հանրապետության քրեական դատավարության օրենսգիրք 27 հուլիսի 2021 թ (Уголовно-процессуальный кодекс Республики Армения от 27 июля 2021 г. № ЗР-306) // URL: https: //www.arlis.am/DocumentView.aspx?DocID=176081 (дата обращения: 1.03.2024).

дорожного движения, а также некоторых правонарушений в области благоустройства территории.

В налоговом законодательстве Российской Федерации, в отличие от административного и уголовно-процессуального законодательства, принцип презумпции невиновности сформулирован нечетко. В НК РФ отсутствует статья, которая бы называлась «Презумпция невиновности». Нормы, устанавливающие этот принцип в налоговых правоотношениях, содержатся в ч. 7 ст. 3 (толкование всех неустранимых сомнений, противоречий и неясностей нормативных актов о налогах и сборах в пользу налогоплательщика) и в ч. 1, 3 и 6 НК РФ, где конкретизируются положения ст. 49 Конституции РФ применительно к налоговому законодательству. «Разорванность» формулировки принципа презумпции невиновности в НК РФ является, на наш взгляд, недостатком действующего налогового законодательства. Полагаем, что принцип презумпция невиновности должен быть закреплен среди других принципов налогового законодательства в ст. 3 «Основные начала законодательства о налогах и сборах». Его место мы видим в ч. 3 названной статьи. Собственно, как отмечалось ранее, в ней уже содержится один из элементов принципа презумпции невиновности. По нашему мнению, конструкция ч. 7 ст. 3 НК РФ должна быть следующей: «В налоговых правоотношениях действует принцип презумпции невиновности, заключающийся в том, что…». И далее в тексте целесообразно синтезировать положения, имеющие в настоящее время место в ч. 7 ст. 3 и ч. 1, 3, 6 ст. 108 НК РФ.

В классическом виде принцип презумпции невиновности характерен для уголовно-процессуального права многих государств. Как мы уже отмечали ранее, в УПК РФ он закреплен в ст. 14 «Презумпция невиновности», а в УПК РА – в ст. 17 с таким же названием («Անմեղության կանխավարկածը.»). В целом их содержание совпадает. Аналогичны по содержанию ч. 1 ст. 14 УПК РФ и ч. 1 ст. 17 УПК РА, ч. 2 ст. 14 УП РФ и ч. 3 ст. 17 УПК РА, ч. 3 ст. 14 УПК РА и ч. 4 ст. 17 УПК РА. Различия заключаются в том, что в ч. 4 ст. 14 УПК РФ запрещается выносить обвинительный приговор на основании предположений,

а в ч. 2 ст. 17 УПК РА содержится норма, в соответствие с которой обвинительный приговор не может быть основан на предположениях.

Учитывая, что принцип презумпции невиновности и в России, и в Армении закреплен на конституционном и отраслевом уровне, можно сделать вывод, что законодатель прекрасно осознает не только юридическую, но и социальную роль презумпции невиновности в жизни общества. Презумпция невиновности – это не только юридическая конструкция, но и одна из основ гражданского общества, придающая ему стабильность, гарантирующая независимость личности от произвола со стороны государства. При этом для Армении характерно лаконичное закрепление данного принципа в Конституции и более его подробное изложение в уголовно-процессуальном законодательстве. В России же, сущность принципа презумпции невиновности подробно закреплена в Конституции РФ, а отраслевое законодательство (уголовно-процессуальное, административное и налоговое) конкретизирует и адаптирует его применительно к соответствующим правоотношениям.

Если рассматривать принципы права как критерий выделения отраслей права[353], то «работает» он в настоящее время далеко не всегда. Это связано с тем, что в некоторых отраслях права практически не осталось специфических отраслевых принципов. Например, такая ситуация имеет место в российском гражданском процессуальном и арбитражном процессуальном праве. Вообще схожесть структуры действующих Гражданского процессуального кодекса РФ[354] и Арбитражного процессуального кодекса РФ[355], а также содержащихся в них норм привело некоторых авторов к выводу о том, что гражданское

[353] См., напр., Дембо Л.И. О принципах построения системы права // Советское государство и право. 1956. № 8. С. 88–89; Азми Д.М. Значение отраслевого деления права. Критерии выделения и иерархия отраслей права // Государство и право. 2011. № 2. С. 87.

[354] См.: Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.

[355] См.: Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3012.

процессуальное право и арбитражное процессуальное право являются отраслями-дублерами[356].

Далеко не все положения, расположенные в главах кодифицированных актов, где закреплены принципы права, являются именно принципами права. Проиллюстрируем данное утверждение на примере двух такого рода положений российских цивилистических процессуальных кодексов, а именно на 1) аналогии закона и аналогии права и 2) единоличном и коллегиальном рассмотрении дел.

Во всех трех цивилистических процессуальных кодексах содержится положение о применении аналогии закона и аналогии права (ч. 4 ст. 1; ч. 3 ст. 11 ГПК РФ; ч. 6 ст. 13 АПК РФ, ч. 6 ст. 15 КАС РФ[357]). Во всех случаях соответствующие нормы расположены в главе 1 «Основные положения». Кстати, в ГК РФ[358] (ст. 6) также имеются нормы о применении аналогии закона и аналогии права. В связи с этим возникает вопрос, можно ли рассматривать аналогию закона и аналогию права в качестве принципа законодательства, принципа цивилистических отраслей права?

Во-первых, ни в одном из указанных выше кодексов законодатель не использует формулировку «принцип аналогии закона и аналогии права».

Во-вторых, во всех трех цивилистических процессуальных кодексах данные нормы помещены не среди принципов права, а там, где идет речь о законодательстве, регулирующим правоотношения в соответствующей сфере. Так, в АПК РФ нормы об аналогии закона и аналогии права находятся в ч. 6 ст. 13 «Нормативные правовые акты, применяемые при рассмотрении дел». В ГПК РФ законодатель дважды упоминает аналогию закона и аналогию права: в ч. 4 ст. 1 «Законодательство о гражданском судопроизводстве» и ч. 3 ст. 11 «Нормативные правовые акты, применяемые судом при разрешении гражданских дел». В КАС РФ положения об аналогии закона и аналогии права закреплены в ч. 6

---

[356] См.: Попова Ю.А. Теоретические проблемы судопроизводства по делам, возникающим из публично-правовых отношений: дис. … д-ра юрид. наук. Краснодар, 2002. С. 64.

[357] См.: Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 8 марта 2015 г. № 21-ФЗ // СЗ РФ. 2015. № 10. Ст. 1391.

[358] См.: Гражданский кодекс Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (Часть первая) // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

ст. 15 «Нормативные правовые акты, применяемые при разрешении административных дел».

Таким образом, мы приходим к выводу, что аналогия закона и аналогия права, несмотря на нормативное закрепление в главах «Основные положения» цивилистических процессуальных кодексов, не является принципом права, принципом законодательства, принципом судопроизводства, а представляет собой стандартный способ устранения пробелов правового регулирования, характерный для ряда отраслей российского права. Кстати, в непроцессуальных российских кодексах имеет место схожая ситуация с применением аналогии. Наппример, в ст. 1 Жилищного кодекса РФ[359] аналогии не нашлось места среди основных начал жилищного законодательства, но применению жилищного законодательства по аналогии посвящена отдельная статья (ст. 7). Это означает, что и в ЖК РФ законодатель не рассматривает аналогию права и аналогию закона в качестве прицнипа права.

Схожая ситуация имеет место в армянском праве. Причем в ГПК РА она является более определенной. Принципам гражданского судопроизводства посвящена отдельная глава – гл. 2 ГПК РА, а положения об аналогии закона и аналогии права закреплены в ч. 1 ст. 4 ГПК РА, входящей в гл. 1 «Основные положения». А в КАС РА[360] аналогия закона и аналогия права не упоминается вообще ни в гл. 1 «Основные положения», ни в гл. 2 «Принципы административного судопроизводства». Таким образом, аналогию закона и аналогию права нельзя считать и принципом армянского права.

Несмотря на сказанное выше, обратим внимание на то, что в Армении действует Закон Республики Армения от 28 марта 2018 г. «О нормативных

---

[359] См.: Жилищный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 2004 г. № 188-ФЗ // СЗ РФ. 2005. № 1 (ч. I). Ст. 14.

[360] См.: Кодекс административного судопроизводства Республики Армения от 28 декабря 2013 г. № ЗР-139 // URL: http://parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=4837&lang=rus (дата обращения: 1.03.2024).

правовых актах»[361], аналога которому в России, несмотря на определенные действия в этом направлении, так и не принято. В ч. 2 ст. 39 этого закона, называющейся «Применение права и аналогии закона» устанавливается, что в тех случаях, когда в законодательстве отсутствует правовая норма, регулирующая конкретное общественное отношение, и невозможно применения аналогии закона, «к таким отношениям применяются принципы данной отрасли права или общие принципы права (аналогия права) – в соответствии с существом данного правового отношения». Тем самым армянский законодатель прямо указывает на то, что принципы права (отраслевые и общие) являются средством устранения пробелов в правовом регулировании.

Перейдем к рассмотрению вопроса о том, является сочетание единоличного и коллегиального начала в судопроизводстве принципом цивилистического процесса. Если аналогию закона и аналогию права практически не рассматривают в качестве принципа права, то ряд авторов прямо идентифицирует соответствующие нормы как принципы гражданского процессуального, арбитражного процессуального и административного процессуального права[362].

Ст. 7 ГПК РФ называется «Единоличное и коллегиальное рассмотрение гражданских дел» и расположена между статьями 5, 6, 6.1, 8, 9, 10 в которых сформулированы принципы гражданского судопроизводства (осуществление правосудия только судами; равенство всех перед законом и судом; разумный срок судопроизводства и разумный срок исполнения судебного постановления;

---

[361] См.: Закон Республики Армения от 28 марта 2018 г. № ЗР-180 «О нормативных правовых актах» // URL: http://www.parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=6269&lang=rus (дата обращения: 27.05.2024).

[362] См., напр., Степанова Н.М. Некоторые аспекты принципа коллегиальности в уголовном и гражданском процессах // Lex russica. 2006. № 5. С. 971–975; Дивин И.М. Основные принципы административного судопроизводства в арбитражном процессе // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2009. № 1. С. 168–169; Федина А.С. Содержание принципов арбитражного процессуального права // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. 2014. № 1. С. 165; Томчик С.Ю. Законодательное регулирование принципов административного судопроизводства // Российский журнал правовых исследований. 2016. № 2 (7). С. 142; Проблемы реализации принципов гражданского судопроизводства в правоприменительной деятельности: монография / отв. ред. В.М. Жуйков, С.С. Завриев. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; Норма; ИНФРА-М, 2024. С. 96–111.

независимость судей; язык гражданского судопроизводства; гласность судебного разбирательства). Это создает некоторую иллюзию, что авторы ГПК РФ воспринимают единоличное и коллегиальное рассмотрение дел в качестве принципа гражданского судопроизводства.

По нашему мнению, указанные нормы не являются нормами-принципами.

Во-первых, вызывает сомнение, насколько идея рассмотрения гражданских дел в единоличном и коллегиальном составе является базовой, основополагающей для всего гражданского судопроизводства, чтобы претендовать на роль его принципа. Дело в том, что по своей сути эти нормы раскрывают не какую-то идею, а устанавливают правило технического характера, в каких случаях дело может рассматриваться единолично, а в каких – коллегиально.

Во-вторых, не вся гл. 1 ГПК РФ посвящена принципам гражданского процессуального законодательства и не все принципы изложены последовательно в рамках этой главы. Так, в ст. 1 характеризуется законодательство о гражданском судопроизводстве, в ст. 2 излагаются задачи гражданского судопроизводства, в ст. 3 устанавливается право на обращение в суд, в ст. 4 идет речь о возбуждении гражданского дела в суде, а в ст. 11 законодатель вновь возвращается к нормативным правовым актам, применяемым судом при разрешении гражданских дел.

Наконец, в-третьих, целесообразно рассмотреть, как в других кодексах закреплены аналогичные нормы. Так, в УПК РФ нормы о единоличном и коллегиальном рассмотрении дел «разбросаны» по всему тексту документа, но ни в одной статье они не сконцентрированы. В КАС РФ ст. 29 называется «Единоличное и коллегиальное рассмотрение административных дел» и помещена она не в гл. 1 «Основные положения, а в гл. 3 «Состав суда. Отводы». Аналогичным образом нормы о единоличном и коллегиальном рассмотрении дел закреплены в ст. 17 «Единоличное и коллегиальное рассмотрение дел» АПК РФ, входящую в гл. 2 «Состав арбитражного суда».

В Армении имеет место аналогичная ситуация: в КАС РА ст. 12 «Единоличное и коллегиальное рассмотрение дел» входит в гл. 4 «Состав суда и

самоотвод», а в ГПК РА статья с таким же название (ст. 27) также входит в гл. 4 «Состав суда».

Таким образом, можно с уверенностью утверждать, что нормативно закрепленные положения о единоличном и коллегиальном рассмотрении дел представляют собой не принцип процессуального законодательства, а относятся к характеристике состава суда.

Итак, не всегда нормативное закрепление тех или иных идей в тексте закона и даже расположение их в соответствующем структурном элементе нормативного правового акта означает, что мы имеем дело именно с принципом права. Наиболее яркими примерами в данном случае являются положения об аналогии закона и аналогии права, а также о единоличном и коллегиальном рассмотрении дел в цивилистическом процессе.

Общеправовые принципы (или общие принципы права) – это принципы, наличествующие во всех отраслях права, основополагающие идеи, пронизывающие все правовое регулирование в рамках национальной правовой системы.

Я. Стоилов образно характеризуя общеправовые принципы (сам он их называет в данном случае основополагающими), пишет, что «это что-то вроде корней дерева. Как корни соединяют дерево с землей, так и принципы связывают право с обществом»[363].

В научной литературе существуют разные мнения по поводу того, как называть характеризуемую сейчас нами группу принципов. Так, В.В. Ершов полагает, что теоретически более точно общеправовые принципы называть основополагающими (общими) принципами права[364]. В.М. Реуф то, что мы вслед за С.С. Алексеевым и рядом других ученых называем общеправовыми/общими принципами, В.В. Ершов и Я. Стоилов – основополагающими, называет

[363] Стоилов Я. Принципы права: понятие и правоприменение: монография / вступ. ст., научн. ред. пер. Е.А. Фроловой. М.: Проспект, 2023. С. 209.

[364] См.: Ершов В.В. Правовое и индивидуальное регулирование общественных отношений: монография. М.: РГУП, 2018. С. 315–316.

специально-юридическими[365]. Он полагает, что общеправовые принципы включают кроме специально-юридических принципов, охватывающих все право в целом и действующих во всех его отраслях, нравственно-этические и социально-политические принципы[366]. В армянской научной литературе также встречается наименование общеправовых принципов специально-юридическими[367].

Легальной дефиниции общеправовых принципов ни в России, ни в Армении не существует. Однако в судебной практике определение общеправовых принципов имеет место. Так, Конституционный Суд РФ еще в 1993 г. в одном из своих постановлений сформулировал правовую позицию, заключающуюся в том, что общеправовые принципы[368] «обладают высшей степенью нормативной обобщенности, предопределяют содержание конституционных прав человека, отраслевых прав граждан, носят универсальный характер и в связи с этим оказывают регулирующее воздействие на все сферы общественных отношений»[369]. В другом Постановлении Конституционного Суда РФ отмечается,

---

[365] См.: Реуф В.М. Специально-юридические принципы права: дис. … канд. юрид. наук. Самара, 2004. С. 7.

[366] См.: Там же. С. 5.

[367] ՄԱԼԻՍԱՍՅԱՆ Լ. Հատուկ իրավական սկզբունքների դերը իրավական համակարգում // ԿԱՆԹԵՂ: Գիտական հոդվածներ. Երևան: ԱՍՈՂԻԿ, 2017. Էջ. 205 (Малхасян Л. Классификация специально-юридических принципов права // КАНТЕХ: научные труды. Ереван: АСОГИК, 2017. С. 205). Перевод сделан нами. В оригинале текст выглядит так: «Հատուկ իրավական սկզբունքները հիմնադրույթներ են, որոնք սահմանում են ամբողջությամբ վերցրած իրավունքի առավել էական գծերը, նրա բովանդակությունը և առանձնահատկությունները՝ որպես ողջ հասարակական հարաբերությունների կարգավորիչ:».

[368] В упомянутом Постановлении Конституционный Суд РФ в качестве общеправовых назвал четыре принципа: 1) принцип справедливости; 2) принцип юридического равенства; 3) принцип гарантированности государством прав и свобод человека и гражданина; 4) принцип возмещения государством всякого ущерба, причиненного личности незаконными действиями государственных органов и должностных лиц.

[369] Постановление Конституционного Суда РФ от 27 января 1993 г. № 1-П «По делу о проверке конституционности правоприменительной практики ограничения времени оплаты вынужденного прогула при незаконном увольнении, сложившейся на основе применения законодательства о труде и постановлений Пленумов Верховного Суда СССР, Верховного Суда Российской Федерации, регулирующих данные вопросы» // ВСНД РФ и ВС РФ. 1993. № 14. Ст. 508.

что общеправовые принципы «имеют фундаментальное значение и по своей сути относятся к отправным началам конституционного правопорядка»[370].

По нашему глубокому убеждению, если какой-либо принцип присутствует в подавляющем большинстве отраслей права, но отсутствует, хотя бы в одной из них, то он не может быть отнесен к общеправовым, а является межотраслевым.

На первый взгляд, может показаться, что для выявления общеправовых принципов требуется анализ принципов абсолютно всех кодифицированных и некодифицированных отраслей права, что является весьма сложной и трудоемкой задачей, особенно на фоне того, что само выделение тех или иных отраслей представляет собой дискуссионную проблему. Аналитическим выходом из обозначенной проблемной ситуации представляется, на наш взгляд, обращение к принципам права, закрепленным на конституционном уровне.

Учитывая специфику деления права на материальное и процессуальное, частное и публичное, расхождения представлений об общеправовых принципах в доктрине и судебной практике, вызывает определенные сложности практическое выделение общеправовых принципов. Например, большинство принципов процессуального права никоим образом не может быть свойственно материальным отраслям, в силу различного характера регулируемых общественных отношений. Так, принципы состязательности сторон, языка судопроизводства, рассмотрения дела в разумный срок и др. носят исключительно процессуальный характер и не могут действовать в отраслях материального права.

Выделяемый некоторыми авторами в качестве общеправового принцип взаимной ответственности человека и государства[371], на наш взгляд, таковым не является, поскольку существуют не только публично-правовые, но и

---

[370] Постановление Конституционного Суда РФ от 27 марта 2023 г. № 11-П «По делу о проверке конституционности части 2 статьи 2.1 и статьи 12.32 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой государственного бюджетного учреждения города Москвы "Автомобильные дороги Зеленоградского административного округа"» // СЗ РФ. 2023. № 15. Ст. 2745.

[371] См., напр., Ахвердян А.Г. Система принципов права и общеправовые принципы: соотношение и аспекты взаимодействия // Право и государство: теория и практика. 2023. № 5 (221). С. 66; Он же. Роль общеправовых принципов в функционировании основных отраслей права // Вестник Поволжского института управления. 2023. Т. 23. № 3. С. 103.

частноправовые отношения. Применительно к сфере частного права некорректно говорить о принципах взаимной ответственности личности и государства как публично-правового образования. Кроме того, необходимо ответить, что прямого четкого закрепления данный принцип не имеет, а соответствующую идею можно идентифицировать в качестве имеющего межотраслевой характер доктринального принципа права, Также более верным представляется идентификация идеи взаимной ответственности человека и государства не в качестве принципа права, а как одного из принципов правового государства[372].

В армянской и российской правовой науке в качестве общеправового выделяется принцип верховенства права. Однако, по сути, речь идет не о принципе права в том значении, в котором принципы рассматриваются в нашем исследовании, а о целостной доктрине, концепции, находящейся во взаимосвязи с концепцией правовой государства[373].

Так как принципы – это исходные, основополагающие, базовые идеи, то общеправовые принципы – это такие идеи, которые лежат в основе всего правового регулирования, в основе всех отраслей права, правовой системы и системы права. Отсюда возникает вопрос уровня их закрепления. Теоретически общеправовыми принципами являются такие принципы, которые закреплены в каждом отраслевом кодексе, а в некодифицированных отраслях права – в каждом базовом их нормативном правовом акте, играющим в отраслеобразующем плане роль кодекса. Однако реальность несколько иная

---

[372] См.: Дуэль В.М. К вопросу о закреплении принципа взаимной ответственности государства и личности в Конституции Российской Федерации // Социально-политические науки. 2019. № 3. С. 48.

[373] См., напр., Ասատրյան Ա.Լ. ԻՐԱՎՈՒՆՔԻ ԳԵՐԱԿԱՅՈՒԹՅԱՆ ՍԿԶԲՈՒՆՔԸ ԱՐԴԻ ԻՐԱՎԱԿԱՆ ՀԱՄԱԿԱՐԳԻ ԽՈՐԱՊԱՏԿԵՐՈՒՄ: Ատենախոսության ամփոփագիր գիտությունների թեկնածուի գիտական աստիճանի հայցման ատենախոսության. Երևան, 2013 (Асатрян А.Л. Принцип верховенства права в контексте современной правовой системы: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Ереван, 2013); Доктрины Правового Государства и Верховенства Права в современном мире: сб. ст. / отв. ред. В.Д. Зорькин, П.Д. Баренбойм. М.: ЛУМ, Юстицинформ, 2013; Ավետիսյան Տ. ԻՐԱՎՈՒՆՔԻ ԳԵՐԱԿԱՅՈՒԹՅԱՆ ՍԿԶԲՈՒՆՔԻ ՊԱՏՄԱԻՐԱՎԱԿԱՆ ՆԱԽԱԴՐՅԱԼՆԵՐԸ // ԵՊՀ իրավագիտության ֆակուլտետի ասպիրանտների և հայցորդների 2014 թ. նստաշրջանի նյութերի ժողովածու. Երևան: Երևանի պետական համալսարան, 2015. Էջ. 86–101 (Аветисян Т. Историко-правовые предпосылки принципа верховенства права // Материалы сессии аспирантов и соискателей юридического факультета ЕГУ в 2014 году. Ереван: ЕГУ, 2015. С. 86–101).

(об этом пойдет речь позже). Принципы отраслей права находят закрепление не только в отраслевом законодательстве, но и на конституционном уровне. При этом законодатель далеко не всегда считает нужным продублировать конституционные нормы в отраслевых кодексах. Следовательно, является ошибочной позиция В.Н. Баландина, исследовавшего принципы юридического процесса, заключающаяся в том, что «все общеправовые принципы выражены в процессе через систему специальных процессуальных принципов»[374]. Как будет видно из классификационных таблиц, представленных в следующем параграфе данной главы, большинство общеправовых принципов как раз не продублировано в процессуальном законодательстве. Поэтому они действуют непосредственно в соответствующей сфере общественных отношений, не выражаясь через специальные процессуальные принципы.

Актуальной, на наш взгляд, является проблема соотношения конституционных и общеправовых принципов. Т.Ю. Вилкова небезосновательно утверждает, что «особенностью правового регулирования общих принципов права является отсутствие нормативного акта, в котором все они были бы прямо и определенно закреплены в качестве таковых»[375]. По нашему мнению, нормативным правовым актом, в котором закреплены все общие принципы права (общеправовые принципы), является Конституция. К сожалению, в Конституции РФ действительно нет четкого перечня идей, сформулированных именно в качестве принципов права (кстати, не только общих, но и межотраслевых и отраслевых).

Мы полностью согласны с Г.А. Гаджиевым, что в России все общие принципы права относятся к конституционным[376]. Исходя из позитивистского правопонимания и того, что в Конституции изложены наиболее общие и важные

---

[374] Баландин В.Н. Принципы юридического процесса: дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 1998. С. 7.

[375] Вилкова Т.Ю. Принципы уголовного судопроизводства в системе принципов национального права: общеправовой и межотраслевой аспекты: монография. М.:Норма; ИНФРА-М, 2020. С. 8.

[376] См.: Гаджиев Г.А. Конституционные принципы рыночной экономики (Развитие основ гражданского права в решениях Конституционного суда Российской Федерации). М.: Юристъ, 2002. С. 54.

нормы, мы полагаем, что в странах континентальной правовой семьи не может быть общеправовых принципов, не закрепленных в Конституции. Даже теоретически трудно предположить, что в настоящее время существует некая основополагающая идея, которая нашла нормативное закрепление во всех отраслях права, но при этом не зафиксирована в Основном законе. Однако некоторые суды придерживаются ошибочной, на наш взгляд, позиции, которая заключается в том, что Конституционный Суд РФ в своих постановлениях может формулировать общеправовые принципы (например, «общеправовой принцип запрета различного обращения с лицами, находящимися в одинаковых или сходных ситуациях»)[377]. А вот в странах англосаксонской правовой семьи принято говорить и неписанных конституционных принципах права[378], которые оказывают влияние не только на систему права, но и процесс принятия политических решений. Г.А. Гаджиев, выражая мнение судейского сообщества, формулирует идею, что общие принципы права могут выражаться или не выражаться в текстах законов, но обязательно должны применяться в судебной практике[379]. Здесь мы усматриваем противоречие с тем, что все общие / общеправовые принципы в настоящее время закреплены на конституционном уровне.

Некоторые исследователи высказывают ошибочное, на наш взгляд, мнение, что между общеправовыми и конституционными принципами можно поставить

---

[377] См., напр., Решение Люберецкого городского суда Московской области № 2А-6552/2020 2А-6552/2020~М-6832/2020 М-6832/2020 от 15 октября 2020 г. по делу № 2А-6552/2020 // URL: https://sudact.ru/regular/doc/dsjFEJRBXYJ9/ (дата обращения: 1.03.2024).

[378] См., напр., MacDonnell V. Foundation and Framework: How Unwritten Constitutional Principles Shape Political Decision-Making. 2019. // URL: https://blog-iacl-aidc.org/unwritten-constitutional-principles/2019/6/12/foundation-and-framework-how-unwritten-constitutional-principles-shape-political-decision-making (дата обращения: 1.03.2024). Об общем и особенном в восприятии принципов права в различных правовых системах см.: Скурко Е.В. Принципы права в современном нормативном правопонимании. М.: Юрлитинформ, 2008. С. 105–171.

[379] См.: Гаджиев Г.А. Конституционные принципы рыночной экономики (Развитие основ гражданского права в решениях Конституционного суда Российской Федерации). М.: Юристъ, 2002. С. 55.

знак тождества[380]. Мы полагаем, что в Российской Федерации и в Республике Армения (впрочем, как и во всех странах семьи континентального права) все общеправовые принципы являются конституционными, т.к. Конституция представляет собой своеобразное цементирующее звено как для системы права, так и для всей правовой системы. Однако далеко не все конституционные принципы являются общеправовыми. Н.В. Витрук справедливо отметил, общеправовые принципы проявляются в конституционных принципах, но конституционные принципы не исчерпываются общеправовыми – общеправовые принципы составляют лишь часть конституционных принципов[381].

Так, закрепленные на конституционном уровне[382] принцип осуществления правосудия только судом (ч. 1 ст. 118 Конституции РФ, ст. 162 Конституции РА), независимости судей (ч. 1 ст. 120 Конституции РФ), состязательности сторон (ч. 3 ст. 123 Конституции РФ), справедливого судебного разбирательства (ч. 1 и 2 ст. 63 Конституции РА), презумпции невиновности (ст. 49 Конституции РФ, ст. 66 Конституции РА) и ряд других являются не общеправовыми, а межотраслевыми, характерными для процессуальных отраслей права.

Ряд конституционных принципов носит отраслевой характер. В качестве примера приведем принцип свободы труда, закрепленный в ч. 1 и 2 ст. 37 Конституции РФ и ст. 57 Конституции РА, являющийся только принципом трудового права. Другим примером может служить принцип государственной

---

[380] См.: Плотникова И.Н., Место и роль конституционных принципов в системе принципов российского права // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2021. № 3. С. 34.

[381] Витрук Н.В. Верность Конституции: монография. М.: Изд-во РАП, 2008. С. 27–28. Т.Д. Зражевская также полагает, что конституционные принципы представляют собой форму выражения общих принципов права (см.: Зражевская Т.Д. Конституционные принципы как основа методологии разработки показателей в сфере прав человека // Юридическая техника. 2020. № 14. С. 29.

[382] См.: Конституция Российской Федерации: принята 12 декабря 1993 г. всенародным голосованием (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ; с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // СЗ РФ. 2014. № 31. Ст. 4398; Конституция Республики Армения от 5 июля 1995 г. (в редакции Законов Республики Армения от 27 ноября 2005 г., 6 декабря 2015 г.; Поправки в Конституцию Республики Армения от 22 июня 2020 г.) // URL: https://www.president.am/ru/constitution-2015 (дата обращения: 1.03.2024).

защиты семьи, материнства и детства в семейном праве (ч. 1 ст. 38 Конституции РФ, ст. 16, 37 Конституции РА)[383].

Ниже наглядно в табличной форме представим конституционные общеправовые принципы российского и армянского права.

Таблица 1

Общеправовые конституционные принципы российского и армянского права

Российская Федерация	Республика Армения
1. Принцип законности (ч. 1, 2, 3 ст. 15 Конституции РФ).	**1. Принцип законности** (ст. 6 Конституции РА)
2. Принцип гарантированности охраны прав и свобод человека и гражданина (ст. 2, 17, 18, 45, 55, 56 Конституции РФ)	**2. Принцип гарантированности охраны прав и свобод человека и гражданина** (ст. 3, 75, 76 Конституции РА).
3. Принцип равенства перед законом (ст. 19 Конституции РФ)	**3. Принцип всеобщего равенства перед законом** (ст. 28, 29, 30 Конституции РА)
4. Принцип уважения чести и достоинства личности (ст. 21, 22 Конституции РФ)	**4. Принцип физической и психической неприкосновенности личности** (ст. 25, 26, 27 Конституции РА)
5. Принцип неприкосновенности частной жизни (ч. 1 ст. 23, ч. 1 ст. 24 Конституции РФ).	**5. Принцип неприкосновенности частной и семейной жизни, чести и доброго имени** (ст. 31 Конституции РА)
6. Принцип тайны переписки, телефонных и иных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений (ч. 2 ст. 23 Конституции РФ)	**6. Принцип свободы и тайны сообщения** (ст. 33 Конституции РА)
7. Принцип гарантированности судебной защиты прав и свобод (ст. 46 Конституции РФ)	**7. Принцип судебной защиты и права на обращение в международные органы по защите прав человека** (ст. 61 Конституции РА)

[383] Если рассматривать право социального обеспечения в качестве самостоятельной отрасли российского и армянского права, то принцип государственной защиты семьи, материнства и детства следует идентифицировать в качестве межотраслевого.

8. Принцип гарантированности права на получение квалифицированной юридической помощи (ст. 48 Конституции РФ)	**8. Принцип обеспечения права на получение юридической помощи** (ст. 64 Конституции РА)
	9. Принцип соразмерности (ст. 78 Конституции РА)
	10. Принцип определенности (ст. 79 Конституции РА)

Перечисленные в Таблице 1 общеправовые принципы характерны в большей или меньшей степени абсолютно для всех отраслей российского и армянского (соответственно) права. Именно поэтому они и являются общеправовыми.

В выделении общеправовых конституционных принципов (как и любых конституционных принципов) остается много дискуссионных моментов. Подробнее на них мы остановимся в главе 6 данной работы. Сейчас лишь отметим, что из-за специфики юридической техники Конституций, когда принципы права маркируются в качестве таковых редко или не маркируются вовсе, не всегда ясно, какие положения конституционных актов можно считать принципами права, а какие – нет. Например, следует ли такие положения Конституции РФ как «Основные права и свободы человека неотчуждаемы и принадлежат каждому от рождения» (ч. 2 ст. 17) и «Осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц» (ч. 3 ст. 17) рассматривать в качестве принципов права или же это другое явление, например, правовые аксиомы или что-что иное? Такой же вопрос возникает в отношении положения ч. 2 ст. 38 Конституции РФ «Забота о детях, их воспитание – равное право и обязанность родителей». Этот перечень можно продолжать. Кроме того, как мы отмечали в параграфе 2 главы 1 нашей работы, дискуссионным является вопрос об отнесении основных (конституционных) прав к принципам права.

В советский период российской и армянской истории среди ученых не было единства в выделении общих принципов права[384].

С.С. Алексеев выделял такие общеправовые принципы, как:

1) принцип законности;

2) принцип справедливости;

3) принцип юридического равенства;

4) принцип социальной свободы;

5) принцип социального, гражданского долга (дисциплины);

6) принцип объективной истины;

7) принцип ответственности за вину[385].

В современной литературе высказывается разное мнение о количестве и составе общеправовых принципов России и Армении.

Г.В. Петросян, анализируя трудовое право Армении, насчитывает девять общеправовых принципов и относит к ним:

1) принцип социальной свободы;

2) принцип социальной справедливости;

3) принцип демократии;

4) принцип гуманизма;

5) принцип равенства;

6) принцип единства прав и обязанностей;

7) принцип законности;

8) принцип ответственности при наличии вины;

9) принцип примата общих норм над конкретными правовыми нормами[386].

---

[384] Подробнее см.: Вилкова Т.Ю. Принципы уголовного судопроизводства в системе принципов национального права: общеправовой и межотраслевой аспекты: монография. М.: Норма; ИНФРА-М, 2020. С. 9–10.

[385] См.: Алексеев С.С. Проблемы теории права: Основные вопросы общей теории социалистического права: курс лекций: в 2-х т. Свердловск: Свердловский юридический институт, 1972. Т. 1. С. 108–109.

[386] См., напр., Պետրոսյան Գ.Վ. Հայաստանի Հանրապետության աշխատանքային իրավունք:Ընդհանուր մաս. Եր.: ԵՊՀ, 2009. Էջ. 122–125 (Петросян Г.В. Трудовое право Республики Армения: Общая часть. Ереван: ЕГУ, 2009. С. 122–125). Также см.: Պետրոսյան Գ. Աշխատանքային իրավունքի ընդհանուր-իրավական և միջճյուղային սկզբունքները // Իրավագիտության հարցեր. 2000. № 3-4. Էջ. 51–56 (Петросян Г. Общеправовые

Л. Малхасян также насчитывает в армянском праве девять общеправовых принципов, называя их специально-юридическими. По ее мнению, специально-юридические принципы – это «основные положения, устанавливающие наиболее важные черты права, определяющие его содержание и особенности как общедоступного регулятора общественных отношений»[387]. Ей выделяются следующие специально-юридические принципы:

1) верховенства права;

2) законности;

3) равенства;

4) единства юридических прав и обязанностей;

5) гуманизма;

6) демократизма;

7) социальной справедливости;

8) социальной свободы;

9) ответственность за вину и соразмерности наказания.

С.Д. Дмитриев, исследуя российское право, выделяет всего четыре общеправовых принципа:

1) принцип справедливости;

2) принцип законности, понимаемый как обязательность предписаний позитивного права;

3) принцип определения юрисдикции;

4) принцип недопустимости злоупотребления правом[388].

и межотраслевые принципы трудового права // Вопросы юриспруденции. 2000. № 3–4. С. 51–56).

[387] ՄԱԼԽԱՍՅԱՆ Լ. Հատուկ իրավական սկզբունքների դերը իրավական համակարգում // ԿԱՆԹԵՂ: Գիտական հոդվածներ. Երևան: ԱՍՈՂԻԿ, 2017. Էջ. 205 (Малхасян Л. Классификация специально-юридических принципов права // КАНТЕХ: научные труды. Ереван: АСОГИК, 2017. С. 205). Перевод сделан нами. В оригинале текст выглядит так: «Հատուկ իրավական սկզբունքները հիմնադրույթներ են, որոնք սահմանում են ամբողջությամբ վերցրած իրավունքի առավել էական գծերը, նրա բովանդակությունը և առանձնահատկությունները՝ որպես ողջ հասարակական հարաբերությունների կարգավորիչ:».

[388] См.: Дмитриев С.Д. Общеправовые принципы: теоретические проблемы конкретизации и реализации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2012. С. 9.

Специфическое представление об общеправовых принципах имеется у А.Я. Курбатова. Названный автор полагает, что они, как правило, прямо в нормах права не закрепляются, но при этом «общеправовые принципы одновременно рассматриваются и как конституционные»[389]. Такое понимание общеправовых принципов представляется весьма странным: с одной стороны утверждается, что общеправовые принципы не имеют нормативного закрепления, с другой, – они являются конституционными. Исходя из правил формальной логики, напрашивается вывод, что, по мнению А.Я. Курбатова, конституционные принципы не имеют прямого нормативного закрепления, что не соответствует ни правовым позициям высших судов, ни правовой доктрине, ни здравому смыслу.

Одновременно А.Я. Курбатов совершенно верно утверждает, что общеправовые принципы распространяются на всю систему права и носят общеобязательный характер. Но при этом вновь приходит к нелогичному выводу, что в российской правовой системе имеется всего три общеправовых принципа:

1) приоритета нормы, обладающей более высокой юридической силой;

2) приоритета специальной нормы перед общей;

3) приоритета нормы, принятой позднее[390].

Особенно странно выделение именно этих принципов выглядит на фоне того, что им приписывается конституционный характер.

При всем сказанном выше, следует отметить, что Верховный Суд РФ называет правило «lex specialis derogat generali» («специальный закон имеет приоритет над общим») общеправовым принципом[391], что (не само правило, а идентификация его в качестве общеправового принципа) представляется нам ошибочным.

В.М. Ведяхин и А.Ф. Галузин находят в российской правовой системе большое количество общеправовых принципов и предлагают их подразделять на

---

[389] Курбатов А.Я. Защита прав потребителей финансовых услуг: монография. М.: Юстицинформ, 2023 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 1.03.2024).

[390] См.: Курбатов А.Я. Защита прав потребителей финансовых услуг: монография. М.: Юстицинформ, 2023 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 1.03.2024).

[391] См.: Определение Верховного Суда РФ от 27 апреля 2021 г. по делу № А41-9815/2020 // URL: https://sudact.ru/vsrf/doc/6rn3FUTQocU5/ (дата обращения: 1.03.2024).

1) социально-политические;

2) нравственно-этические;

3) собственно правовые (специально-юридические) принципы[392].

В.М. Шафиров, развивая так называемую теорию естественно-позитивного права (или права в человеческом измерении), говорит о «примерном каталоге» общеправовых принципов. В этом «каталоге» названный автор выделяет три группы общеправовых принципов:

1) принципы, раскрывающие общую меру свободы личности (приоритет человека, его прав и свобод или принцип верховенства права, неотчуждаемость прав и свобод и др.);

2) принципы, представляющие общую меру справедливости (правовое равенство, законность, недопустимость злоупотребления правами и свободами и др.);

3) принципы, обеспечивающие признание, соблюдение и защиту прав и свобод (уважение достоинства личности, защита прав и свобод человека и гражданина и др.)[393].

В научной литературе существуют и другие варианты набора общеправовых принципов[394]. Отметим интересное обстоятельство: в большинстве случаев приводимые исследователями перечни общеправовых принципов являются

---

[392] К социально-политическим общеправовым принципам В.М. Ведяхин и А.Ф. Галузин относят разделение властей, народовластие, федерализм, демократизм, идеологический и экономический плюрализм и пр., к нравственно-этическим – справедливость, гуманизм, незыблемость и неотчуждаемость прав человека и др., к специально-юридическим – верховенство Конституции РФ и закона, законность, равенство граждан перед законом, недопустимость обратной силы закона, ответственность за вину и т.д. Кроме этого к общеправовым принципам относятся и признаваемые Россией общие принципы международного права: равенство, сотрудничество, добросовестное исполнение обязательств, уважение фундаментальных прав человека, принцип соразмерности и др. (см.: Ведяхин В.М., Галузин А.Ф. Конституционный Суд РФ о недопустимости нарушения общеправовых принципов права // Актуальные проблемы правоведения. 2007. № 3. С. 3; Они же. Ведяхин В.М., Галузин А.Ф. Конституционный Суд РФ об общеправовых принципах // Российский юридический журнал. 2009. № 1 (64). С. 180.

[393] См.: Шафиров В.М. Естественно-позитивное право: Введение в теорию: монография. Красноярск: ИЦ КрасГУ, 2004. С. 170.

[394] См. подробнее, напр., Смирнова А.В. Принципы права в системе источников современного российского права: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2020. С. 116–117.

открытыми. Это, на наш взгляд, является следствием сложности проблемы выделения общеправовых принципов.

По нашему мнению, в Конституции РФ закреплено 8 общеправовых принципа, а в Конституции РА – 10. Причем все 8 общеправовых принципа российского права совпадают с 8 общеправовыми принципами армянского права, что свидетельствует о некоей их универсальности, выходящей за рамки национальных правовых систем. Что касается еще двух общеправовых принципа армянского права – принципа соразмерности (Համաչափության սկզբունքը) и принципа определенности (Որոշակիության սկզբունքը), то они прямо закреплены в ст. 78 и 79 Конституции РА именно как принципы. В России они не имеют прямого нормативного закрепления в качестве принципов права и, следовательно, являются только доктринальными принципами.

Что касается совпадения тех или иных принципов, то оно не носит абсолютного текстуального характера. Во-первых, это определяется условностью названия (кроме некоторых принципов, имеющих конкретное название в Конституции РА). Во-вторых, в ряде случаев один принцип может излагаться в нескольких статьях Конституции, а в одной статье может быть закреплено несколько принципов. В-третьих, имеются различия в объеме регламентации одного и того же принципа. В-четвертых, иногда имеет место и различие в содержании принципа.

Так, при анализе общеправового принципа законности, одновременно являющегося и одной из основ гражданского общества и правового государства, выявляются различия в его содержании в Конституциях России и Армении. Армянский законодатель в ст. 6 Конституции РА, которая так и называется «Принцип законности», в содержание этого принципа вкладывает три составляющие:

1) государственные органы, органы местного самоуправления и должностные лица вправе выполнять только действия, на которые они уполномочены Конституцией или законами;

2) уполномоченные органы вправе принимать подзаконные нормативные правовые акты;

3) законы и подзаконные нормативные правовые акты вступают в силу после их опубликования.

В ч. 1–3 ст. 15 Конституции РФ, не имеющей названия, как и все прочие статьи этого документа, содержится следующее понимание принципа законности:

1) Конституция обладает высшей юридической силой, все остальные нормативные правовые акты не должны ей противоречить;

2) все субъекты права должны соблюдать Конституцию и законы;

3) неопубликованные законы не применяются.

Как видим, прямое совпадение имеется только в одном – в необходимости опубликования нормативного акта для его действия. В отраслевом законодательстве России и Армении, а также судебной практике происходит конкретизация принципа законности. К этому вопросу мы вернемся в главе 6. Там же мы рассмотрим и содержание прочих общеправовых принципов.

В судебной практике, а также у ряда исследователей имеется иной подход к пониманию общеправовых принципов. Явное различие по этому вопросу в доктрине (и внутри доктрины) и судебной практике привело к тому, что некоторые исследователи попытались разграничить общеправовые принципы права, основополагающие принципы права и принципы законодательства. Так, С.Д. Дмитриев полагает, что общеправовые принципы представляют собой результат любой профессиональной юридической деятельности, а основополагающие принципы – результате толкования норм позитивного права исключительно специально уполномоченными судебными органами. Что касается принципов законодательства, то они являются результатом не правоприменения, а правотворчества, имеют позитивный характер и представляют собой самостоятельный вид нормативно-правового предписания[395]. Такой подход свидетельствует о том, что названный автор рассматривает общеправовые

[395] См.: Дмитриев С.Д. Общеправовые принципы: теоретические проблемы конкретизации и реализации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2012. С. 10, 11–12.

принципы (и, кстати, основополагающие принципы тоже) вне рамок позитивистского правопонимания, опираясь на некоторые абстрактные представления, юридическую практику в отрыве от норм, закрепленных в Конституции, что не соответствует правовым реалиям.

В научной литературе имеет место и отождествление общеправовых принципов с общими принципами конституционного права[396]. Такая позиция представляется нам в корне неверной, поскольку конституционное право – это лишь одна, хотя и весьма важная, отрасль права. И не все принципы этой отрасли присущи прочим отраслям права. Не следует смешивать понятие «конституционные принципы права» и «принципы конституционного права». Первое из названных понятий охватывает все принципы права, которые закреплены на конституционном уровне и характерны для всех, нескольких или отдельных отраслей права. Что касается принципов конституционного права, то это принципы, характерные для отрасли конституционного права.

В российской судебной практике отсылка к общеправовым принципам носит массовый характер. Это касается правовых позиций Конституционного Суда РФ, многочисленных судебных актов Верховного Суда РФ (около 100 актов), арбитражных судов (около 36 00 актов), судов общей юрисдикции (более 66 00 актов) и мировых судей (порядка 2 500 актов). Нередко такие отсылки носят формальный характер для придания большей внешней солидности и авторитетности выносимому постановлению, определению, решению, приговору, для псевдоусиления аргументации. В названных случаях ценность принципов права как специфического регулятора общественных отношений только размывается, а сама аргументация такого рода представляется избыточной.

В армянской судебной практике также имеются отсылки к общеправовым принципам. Однако Конституционный Суд РА и другие суды Армении не используют в своих актах сочетание «общеправовой принцип»,

[396] См., напр., Хабибуллина Г.Р. Общеправовые принципы и конституционное правосудие в субъектах Российской Федерации: монография. М.: Проспект, 2021. С. 3.

«общеправовые принципы», а делают указание на конкретные общеправовые принципы. Чаще всего имеется апеллирование к принципам законности, гарантированности охраны прав и свобод человека и гражданина, определенности, соразмерности, равенства всех перед законом[397].

[397] См., напр., Постановление Конституционного Суда Республики Армения № 780 от 25 ноября 2008 г. «По делу об определении вопроса соответствия статьи 2 Гражданского кодекса РА, части 5 статьи 26 закона Республики Армения “О налогах”, части 2 статьи 2 закона Республики Армения “О налоге на добавленную стоимость”, статьи 115 и части 1 статьи 118 Административно-процессуального кодекса РА Конституции Республики Армения на основании заявления гражданина Арама Шмавоняна» // URL: https://www.concourt.am/decision/full_text/780.pdf (дата обращения: 10.11.2023); Постановление Конституционного Суда Республики Армения № 851 от 14 января 2010 г. «По делу об определении вопроса соответствия части1 статьи 343 Уголовного кодекса РА Конституции Республики Армения на основании заявления Защитника прав Человека» // URL: https://www.concourt.am/decision/full_text/851.pdf (дата обращения: 1.03.2024); Постановление Конституционного Суда Республики Армения № 1224 от 7 июля 2015 г. // «По делу об определении вопроса соответствия принятого Национальным собранием РА 21.06.2014 г. Закона РА “О внесении изменений в Закон РА “О накопительных пенсиях” /зр-67-н/ и связанных с ним законов зр-68-н, зр-69-н, зр-70-н, зр-71-н, зр-72-н, зр-73-н, зр-74-н, зр-75-н, зр-76-н и зр-77-н, а также статей 6 и 10 находящегося в системной связи с ними Закона РА “О подоходном налоге” (зр-246-н) Конституции Республики Армения на основании обращения депутатов Национального собрания РА» // // URL: https://www.concourt.am/decision/full_text/1224.pdf (дата обращения: 1.03.2024); Постановление Конституционного Суда Республики Армения № 1436 от 27 ноября 2018 г. «По делу об определении вопроса соответствия подпункта “а” пункта 11 части 4 статьи 109 и подпункта “б” пункта 2 части 1 статьи 123 Налогового кодекса РА, подпункта 2 пункта 3 и подпункта 2 пункта 15 порядка, установленного приложением n 1, утвержденным Постановлением Правительства РА от 5 октября 2017 г. n1373-н, Конституции на основании обращения Защитника прав человека» // URL: https://www.concourt.am/decision/full_text/2018-ru-sdv-1436.pdf (дата обращения: 1.03.2024); Постановление Конституционного Суда Республики Армения № 1449 от 19 марта 2019 г. «По делу об определении вопроса соответствия пункта 9 части 1 статьи 109 и части 2 статьи 105 Трудового кодекса Республики Армения Конституции на основании обращения Гаяне Айроян» // https://www.concourt.am/decision/full_text/1449.pdf (дата обращения: 1.03.2024); Постановление Конституционного Суда Республики Армения № 1515 от 10 марта 2020 г. «По делу об определении вопроса соответствия пункта 2 части 1 статьи 182, части 8 статьи 183, статьи 203 Гражданского процессуального кодекса РА Конституции на основании обращения суда общей юрисдикции первой инстанции города Еревана» // URL: https://www.concourt.am/decision/full_text/626bc7e813e7f_1515.pdf (дата обращения: 1.03.2024); Հայաստանի Հանրապետության վճռաբեկ դատարանի որոշումների գիտագործնական մեկնաբանություններ. Հատոր 2. Եր.: 2013 (Решения Кассационного суда Республики Армения: научные комментарии. Т. 2. Ереван. 2013); Հայաստանի Հանրապետության Վճռաբեկ դատարանի քաղաքացիական և վարչական գործերով միջանկյալ դատական ակտերի վերաբերյալ որոշումների ընտրանի (2010–2012). Եր.: Փրինթինֆո, 2013. Հատոր I. (Подборка постановлений Кассационного суда Республики Армения о промежуточных судебных актах по гражданским и административным делам (2010–2012 гг.). Ереван: Принтинфо, 2013. Т. I); Հայաստանի Հանրապետության Վճռաբեկ դատարանի քաղաքացիական և վարչական գործերով որոշումների ընտրանի (հունվար-դեկտեմբեր 2013). Եր.: Փրինթինֆո, 2014. Հատոր VII (Подборка решений Кассационного суда РА

Как мы уже отметили ранее, в России, в отличие от Армении, суды всех уровней часто используют сочетания «общеправовой принцип», «общеправовые принципы». Причем делают они это, на наш взгляд, нередко, некорректно в том плане, что:

1) в массовом порядке называют общеправовыми принципами межотраслевые и отраслевые принципы;

2) называют общеправовыми принципами идеи, не имеющие нормативного выражения, т.е. не являющиеся не только общеправовыми, но и, вообще, принципами права.

Приведем конкретные примеры из судебной практики. Так, в нескольких Постановлениях Конституционного Суда РФ неприкосновенность собственности и свобода договора называются общеправовыми принципами, которые предполагают «равенство, автономию воли и имущественную самостоятельность участников **гражданских правоотношений** (*выделено нами – В.И.*), а также недопустимость произвольного вмешательства в частные дела»[398]. Как видим, в самом тексте Постановления видно противоречие между сочетанием «общеправовые принципы» и тем, что они регулируют только гражданские

по гражданским и административным делам (январь–декабрь 2013 г.). Ереван: Принтинфо, 2014. Т. VII); ՀԱՅԱՍՏԱՆԻ ՀԱՆՐԱՊԵՏՈՒԹՅԱՆ ՎՃՌԱԲԵԿ ԴԱՏԱՐԱՆԻ ՔԱՂԱՔԱՑԻԱԿԱՆ ԵՎ ՎԱՐՉԱԿԱՆ ԳՈՐԾԵՐՈՎ ՈՐՈՇՈՒՄՆԵՐԻ ԸՆՏՐԱՆԻ: ՀՈՒՆՎԱՐ-ԴԵԿՏԵՄԲԵՐ 2018, ՀԱՏՈՐ XII. Եր.: «ԹԱՍԿ» ՍՊԸ, 2020 (Подборка решений по гражданским и административным делам Арбитражного суда Республики Армения. Январь–декабрь 2018, Т. XII. Ереван: ООО «ТАСК», 2020) и др.

[398] П. 2 Постановления Конституционного Суда РФ от 6 июня 2000 г. № 9-П «По делу о проверке конституционности положения абзаца третьего пункта 2 статьи 77 Федерального закона "О несостоятельности (банкротстве)" в связи с жалобой открытого акционерного общества "Тверская прядильная фабрика"» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 1.03.2024). Также см.: П. 3 Постановления Конституционного Суда РФ от 10 апреля 2003 г. № 5-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 84 Федерального закона "Об акционерных обществах" в связи с жалобой открытого акционерного общества "Приаргунское"» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 1.03.2024); Определение Конституционного Суда РФ от 28 сентября 2023 г. № 2365-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гаражного кооператива "Станкоремонт-2" на нарушение его конституционных прав пунктом 1 статьи 15, пунктом 2 статьи 209 Гражданского кодекса Российской Федерации, абзацем третьим пункта 4 статьи 26 Федерального закона "Об электроэнергетике", абзацем первым пункта 6 Правил недискриминационного доступа к услугам по передаче электрической энергии и оказания этих услуг, абзацем первым пункта 2 Правил вывода объектов электроэнергетики в ремонт и из эксплуатации» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 1.03.2024).

правоотношения. Речь в данном случае можно вести только об отраслевых принципах гражданского права, но никак не о принципах, присущих всем отраслям права. В своем постановлении от 19 июня 2023 г. № 33-П Конституционный Суд РФ прямо относит к общеправовым принципам непосредственность и устность судебного разбирательства[399]. Однако непосредственность и устность по своей сущности могут являться и являются исключительно принципами процессуальных отраслей права.

К общеправовым принципам Конституционный Суд РФ относит и закрепленное в ч. 1 ст. 50 Конституции РФ правило «non bis in idem» – никто не может быть повторно осужден за одно и то же преступление[400]. Несомненно, данное положение носит конституционный характер, однако в нем прямо используется понятие «преступление», которое входит в терминологический аппарат исключительно уголовного права. Кроме того, указанное правило является одним из элементов принципа уголовного права – принципа справедливости, закрепленного в ч. 2 ст. 6 УК РФ. Следовательно, использовать прилагательное «общеправовые» применительно к «non bis in idem» – некорректно, поскольку применение этого правила возможно только в сфере уголовно-правовых отношений. Также общеправовым принципом Конституционный Суд РФ называет положение «pacta sunt servanda»[401] (договоры

---

[399] См.: п. 5 Постановления Конституционного Суда РФ от 19 июня 2023 г. № 33-П «По делу о проверке конституционности положений статей 82 и 240 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и ряда иных его статей в связи с жалобой гражданина В.Г. Скотникова» // URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/406970288/?ysclid=lqy9le4ew3394528147 (дата обращения: 1.03.2024).

[400] См., напр., Постановление Конституционного Суда РФ от 14 февраля 2013 г. № 4-П «По делу о проверке конституционности Федерального закона "О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях и Федеральный закон "О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях" в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы и жалобой гражданина Э.В. Савенко» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 1.03.2024).

[401] См., напр., Постановление Конституционного Суда РФ от 7 февраля 2023 г. № 6-П «По делу о проверке конституционности подпункта 1 пункта 12 статьи 61.11 Федерального закона "О несостоятельности (банкротстве)" и пункта 3.1 статьи 3 Федерального закона "Об обществах с ограниченной ответственностью" в связи с жалобой гражданина И.И. Покуля» // СЗ РФ. 2023. № 8. Ст. 1414.

должны соблюдаться), сформулированное еще римскими юристами. Однако при всей значимости данного правила оно даже теоретически не может иметь общеправового характера, поскольку сфера его действия ограничивается, в первую очередь, сферами частного и международного права. В практике Верховного Суда РФ ошибочно общеправовым принципом называется специфический межотраслевой принцип презумпции невиновности[402].

В актах Конституционного Суда РФ (и вслед за ними и в актах других судов) принципы разумности, справедливости, соразмерности называются общеправовыми[403], но при этом они не закреплены на конституционном уровне, а принцип соразмерности и разумности вообще не имеют прямого нормативного закрепления в российском законодательстве. Что касается принципа справедливости, то с позиции позитивистского правопонимания он является межотраслевым принципом, закрепленном в уголовном и административном процессуальном законодательстве (подробнее на этой проблеме мы остановимся в главах 3 и 4 данного исследования).

Иногда Конституционный Суд РФ называет общеправовыми принципами то, что вообще не имеет никакого отношения именно к принципам права. Например, считает общеправовыми принципами действие закона во времени, пространстве и по кругу лиц[404]. А Верховный Суд РФ к общеправовым

---

[402] См., напр., Решение Верховного Суда РФ от 24 ноября 2006 г. // URL: https://sudact.ru/vsrf/doc/GJH4rCY3mrdV/ (дата обращения: 1.03.2024).

[403] См., напр., Постановление Конституционного Суда РФ от 17 июля 2023 г. № 42-П «По делу о проверке конституционности части 2 статьи 1.7 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с запросом Костромского областного суда» // СЗ РФ. 2023. № 30. Ст. 5751; Определение Конституционного Суда РФ от 28 сентября 2023 г. № 2348-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Фединой Ирины Юрьевны на нарушение ее конституционных прав пунктом 4 статьи 252 Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 1.03.2024) и др.

[404] См., напр., Определение Конституционного Суда РФ от 25 апреля 2023 г. № 843-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Заниной Валентины Сергеевны на нарушение ее конституционных прав подпунктом 4 пункта 12 и пунктом 12.1 статьи 189.49 Федерального закона "О несостоятельности (банкротстве)", а также частью 4 статьи 9 Федерального закона от 1 мая 2017 года № 84-ФЗ "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации"» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 1.03.2024).

принципам относит правило «специальный закон отстраняет общий закон»[405]. Также Верховный Суд РФ в одном из своих определений назвал правовую аксиому «никто не может передать другому лицу прав больше, чем имеет сам»[406], не имеющую нормативного закрепления, общеправовым принципом.

В ряде актов Верховного Суда РФ в качестве общеправовых принципов называются такие доктринальные принципы как недопустимость злоупотребления правом[407], исполнимость судебных актов[408], стабильность договора (контракта)[409], не ухудшение положения налогоплательщика[410]. «общеправовой принцип, согласно которому при одновременном возникновении в соответствии с законодательством Российской Федерации нескольких оснований для компенсационных и иных выплат выплаты осуществляются только по одному основанию по выбору получателя»[411] и др. Другие суды, наряду с указанными выше, также называют общеправовыми принципами некоторые идеи, не являющиеся принципами позитивного права (например, недопустимость двойной ответственности за нарушение одного обязательства[412]).

---

[405] См., напр., Определение Верховного Суда РФ от 9 марта 2021 г. по делу № А56-18086/2016 // URL: https://sudact.ru/vsrf/doc/163mJEPDQCrT/ (дата обращения: 1.03.2024); Определение Верховного Суда РФ от 27 апреля 2021 г. по делу № А41-9815/2020 // URL: https://sudact.ru/vsrf/doc/6rn3FUTQocU5/ (дата обращения: 1.03.2024) и др.

[406] См.: Определение Верховного Суда РФ от 8 декабря 2016 г. по делу № А60-33798/2013 // URL: https://sudact.ru/vsrf/doc/AtZ77EZ9uZZR/ (дата обращения: 1.03.2024).

[407] См., напр., п. 48 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 20 «О применении судами законодательства о добровольном страховании имущества граждан» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 1.03.2024).

[408] См., напр., Определение Верховного Суда РФ от 27 апреля 2023 г. № 305-ЭС23-4816 по делу № А40-93110/2022 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 1.03.2024). Обратим внимание, что в названном судебном акте несоответствие обстоятельств дела «общеправовому принципу исполнимости судебных актов» стало основанием для отказа в удовлетворении жалобы на постановление апелляционного кассационного суда. Таким образом, доктринальный принцип исполнимости судебных актов, не являясь принципом позитивного права, выступил в качестве специфического регулятора общественных отношений.

[409] См.: Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 12 августа 2021 г. // URL: https://sudact.ru/vsrf/doc/MPccQkHBtOmg/ (дата обращения: 1.03.2024).

[410] См., напр., Определение Верховного Суда РФ от 24 июня 2009 г. по делу № 2-2113/08 // URL: https://sudact.ru/vsrf/doc/YImaDs4P9Q8/ (дата обращения: 1.03.2024).

[411] См.: Решение Верховного Суда РФ от 25 августа 2008 г. по делу № ГКПИ08-1571 // https://sudact.ru/vsrf/doc/4raJIwgN6zbO/ (дата обращения: 1.03.2024).

[412] См., напр., Постановление Арбитражного суда Приморского края от 28 июня 2023 г. по делу № А51-15697/2022 // URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/gEm0HtOsrM1E/ (дата обращения: 1.03.2024).

Таким образом, представления судей расходятся с представлениями большинства ученых[413] об общеправовых принципах как базовых идеях, лежащих в основе всего правового регулирования и характерных абсолютно для всех отраслей права. Судя по текстам судебных актов, судьи подменяют понятие «общеправовые» применительно к межотраслевым и отраслевым принципам понятием «основополагающие» в соответствующей сфере общественных отношений. Мы уже неоднократно отмечали в данной работе, что любой принцип права в рамках позитивистского правопонимания представляет собой основополагающую идею, лежащую в основе правового регулирования одной, нескольких или всех отраслей права. Сейчас же акцентируем внимание на том, что только в последнем случае можно говорить об общеправовых принципах. Видимо, называя отдельные отраслевые и межотраслевые принципы общеправовыми, суды пытаются показать их значимость в регулировании соответствующей сферы общественных отношений.

[413] Отметим, что некоторые ученые, базирующие свои работы на анализе судебной практики, вслед за судами, называют общеправовыми принципы, которые таковыми не являются (см.. напр., Хабибуллина Г.Р. Общеправовые принципы и конституционное правосудие в субъектах Российской Федерации: монография. М.: Проспект, 2021).

2. Классификация принципов российского и армянского права по источнику закрепления[414]

[414] При написании данного параграфа были использованы следующие работы автора: Илюхина В.А. Принципы семейного права Республики Армения // Человек и общество в противоречиях и согласии: сб. научн. тр. по материалам Международной научно-практической конференции. Н. Новгород: Б.и., 2016. С. 253–255; Илюхина В.А., Демичев А.А. Принципы семейного права Российской Федерации и Республики Армения (сравнительно-правовой анализ) // Семейное и жилищное право. 2016. № 4. С. 7–11; Илюхина В.А. Принципы уголовного судопроизводства Российской Федерации и Республики Армении (сравнительно-правовой анализ) // Уголовное судопроизводство. 2018. № 2. С. 43–48; Илюхина В.А. Принципы уголовного судопроизводства Республики Армения // Проблемы применения уголовно-процессуального законодательства: пути их решения: материалы Международной онлайн-конференции (Нижний Новгород, 31 мая 2018 г.) / под ред. С.В. Власовой. Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2019. С. 209–2134 Илюхина В.А. К вопросу о критериях классификации принципов права // Критерии в праве: теория, практика, техника: сб. ст. по материалам Всероссийской научно-практической конференции (Нижний Новгород, 24–25 мая 2018 г.) / под общ. ред. В.А. Толстика, П.В. Васильева. Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2018. С. 162–165; Илюхина В.А. Классификация принципов семейного права Республики Армения // Актуальные проблемы частного и публичного права: сб. науч. тр. Всерос. науч.-практ. конф., г. Волгоград, 26 октября 2018 г. / редкол.: А.Н. Садков, П.М. Филиппов, Н.В. Котельников, Н.И. Батурина. Вып. 11. Волгоград: ВА МВД России, 2019. С. 54–58; Demichev A., Iliukhina V. Positivist classification of the principles of administrative proceedings in Russia and Armenia – a comparative legal analysis // Kazan University Law Review. 2019. Т. 4. № 1. P. 37–50; Илюхина В.А. Принципы гражданского процессуального права Республики Армения // Арбитражный и гражданский процесс. 2019. № 3.С. 57–60; Илюхина В.А. Принципы уголовно-исполнительного законодательства: опыт Республики Армения // IV Международный пенитенциарный форум «Преступление, наказание, исправление» (к 140-летию уголовно-исполнительной системы России и 85-летию Академии ФСИН России): сб. тез. выступлений и докладов участников (г. Рязань, 20–22 нояб. 2019 г.): в 10-ти т. Рязань: Академия ФСИН России, 2019. Т. 2: материалы международных научно-практических конференций и круглых столов. С. 88–91; Илюхина В.А. Принципы гражданского права Российской Федерации (позитивистский подход) // Конгресс цивилистов правоохранительных органов: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (Нижний Новгород – Барнаул 25–26 марта 2019 г.). М.: Русайнс, 2019. С. 160–163; Илюхина В.А. Принципы российского и армянского гражданского права (сравнительно-правовой анализ) // Российский правовой журнал. 2019. № 1. С. 49–53; Илюхина В.А. Баланс интересов личности, гражданского общества и государства в принципах уголовно-исполнительного права Российской Федерации // Гражданское общество в России и за рубежом. 2020. № 1. С. 35–37; Илюхина В.А. Принципы гражданского процессуального права России: позитивистский подход // Актуальные проблемы государства и права. 2020. Т. 4. № 16. С. 515–522; Илюхина В.А. Принципы арбитражного процессуального права Российской Федерации: понятие и классификация // Второй конгресс цивилистов правоохранительных органов: сб. материалов. М.: Русайнс, 2020. С. 273–280; Demichev A., Iliukhina V., Demichev K., Paramonov A. Principles of law in the continental legal family (problematic aspects of determining the essence and classification) // Laplage em Revista. 2021. Vol. 7. № 1. P. 609–616; Demichev A.A., Iliukhina V.A., Safronova E.V. Land law principles in the post-Soviet states // Acta Scientiarum Polonorum Administratio Locorum. 2021. Vol. 20. № 2. P. 89–100; Формирование и развитие отраслей права в исторической и современной правовой реальности России: в 12-ти т. Т. V. Гражданское право России: монография / под ред. А.А. Демичева, Р.Л. Хачатурова.

Рассмотрев классификацию принципов права по сфере действия, перейдем к классификации принципов по источнику их закрепления. Эта классификация достаточно широко распространена и в том или ином варианте используется разными авторами, но в четко выраженном виде она была сформулирована А.А. Демичевым[415].

В соответствие с позитивистским подходом, исходя из сферы действия, принципы всех отраслей права можно разделить на три группы:

М.: Юрлитинформ, 2021. С. 67–79; Илюхина В.А. Классификация принципов семейного права России // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2022. № 1 (57). С. 44–51; Илюхина В.А. Механизм закрепления принципов российского и армянского трудового права (сравнительно-правовой анализ) // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2022. № 4. С. 95–101; Илюхина В.А. Принцип неприкосновенности личности в уголовном судопроизводстве России и Армении (сравнительно-правовой анализ) // Администратор суда. 2022. № 4. С. 50–53; Формирование и развитие отраслей права в исторической и современной правовой реальности России: в 12-ти т. Т. VII. Семейное право России: монография / под ред. А.А. Демичева, Р.Л. Хачатурова. М.: Юрлитинформ, 2022. С. 40–52; Формирование и развитие отраслей права в исторической и современной правовой реальности России: в 12-ти т. Т. IX. Гражданское процессуальное право в системе отраслей российского права: монография / под ред. А.А. Демичева, Р.Л. Хачатурова. М.: Юрлитинформ, 2022. С. 39–48; Илюхина В.А. Классификация принципов российского уголовно-исполнительного права // VI Международный пенитенциарный форум «Преступление, наказание, исправление» приуроченный к 30-летию со дня принятия Конституции Российской Федерации и Закона Российской Федерации от 21 июля 1993 г. № 5473-I «Об учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации»): сб. тез. Выступл. и докл. участников (г. Рязань, 15–17 нояб. 2023 г.): в 9-ти т. Рязань: Академия ФСИН России, 2023. С. 244–249; Илюхина В.А. Сравнительная классификация принципов уголовно-процессуального права Российской Федерации и Республики Армения // Правовое государство: теория и практика. 2024. № 1 (75). С. 52–60; Илюхина В.А. Принципы уголовно-исполнительного законодательства Российской Федерации и Республики Армения (сравнительно-правовой анализ) // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2024. № 3. С. 2–6; Илюхина В.А. Принципы права в национальных правовых системах Российской Федерации и Республики Армения (сравнительно-правовое исследование): монография / под ред. А.А. Демичева. М.: Директ-Медиа, 2024. С 109–148.

[415] См.: Демичев А.А. К вопросу о принципах гражданского процессуального, арбитражного процессуального и исполнительного права // Вестник Российской правовой академии. 2005. № 2. С. 32–35; Он же. Позитивистская классификация принципов гражданского процессуального права Российской Федерации // Арбитражный и гражданский процесс. 2005. № 7. С. 5–10; Он же. Принципы гражданского процессуального права Российской Федерации: проблемы сущности и классификации // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2005. № 10. С. 130–133; Он же. К вопросу о принципах гражданского процессуального права // Вестник Саратовской государственной академии права. 2005. № 1 (42). С. 92–98; Он же. Позитивистская классификация принципов современного российского права классификации // Государство и право. 2014. № 5. С. 5–13 и др.

1) конституционные принципы, не продублированные в отраслевых кодексах;

2) конституционные принципы, продублированные в отраслевых кодексах;

3) принципы отрасли права, нашедшие отражение в отраслевых кодексах.

По нашему мнению. данная классификация обладает следующими достоинствами: 1) позволяет увидеть место каждого принципа в системе как принципов отрасли права, так и правового регулирования в целом; 2) имеет практическое значение – позволяет уяснить характер и способы закрепления принципов в том или ином нормативном акте, оптимизировать их систему, унифицировать закрепление одного и того же принципа в разных нормативных правовых актах. Соответственно данная классификация, обладая четкостью и конкретностью, представляет практическую пользу и для правоприменителя.

Далее проиллюстрируем, как «работает» данная классификация применительно к различным отраслям российского и армянского права. Материал будет излагаться в виде сравнительных таблиц и небольших комментариев к ним.

При отборе материала для сравнения мы руководствуемся следующим:

1) проводится классификация принципов только кодифицированных отраслей права. Соответственно не рассматриваются принципы конституционного, экологического, предпринимательского и других некодифицированных отраслей российского и армянского права;

2) поскольку наше исследование носит компаративистский характер, не проводится классификация принципов отраслей права, которые являются самостоятельными и кодифицированными в одном государстве и не являются таковыми в другом. В этом контексте, например, не рассматриваются принципы арбитражного процессуального права, принципы жилищного права;

3) не приводится сравнительная классификация принципов отраслей права, хотя и кодифицированных, но при этом в кодифицированном акте одного государства принципы права имеют нормативное закрепление, а в аналогичном кодексе другого государства принципы права никоим образом не сформулированы и не маркированы. Соответственно нами не будут

сравниваться принципы административного и земельного права России и Армении;

4) с учетом отмеченного выше, предлагается классификация только традиционных, устоявшихся, на наш взгляд, отраслей права России и Армении.

Исходя из вышеизложенного, нами проводится сравнительная классификация принципов права следующих отраслей современного права Российской Федерации и Республики Армения:

1) уголовного;

2) уголовно-исполнительного;

3) гражданского;

4) семейного;

5) трудового;

6) уголовно-процессуального;

7) административного процессуального;

8) гражданского процессуального права.

Таблица 2

Сравнительная классификация принципов уголовного права Российской Федерации и Республики Армения

Принципы уголовного права	
Российская Федерация	**Республика Армения**
I. Конституционные принципы уголовного права, не продублированные в УК РФ[416] и УК РА[417]	
В целях минимизации дублирования материалов в этой и еще семи последующих таблицах мы не называем полностью общеправовые конституционные принципы, не продублированные в уголовном законодательстве, а делаем отсылку к номерам соответствующих принципов, приведенных в Таблице 1 «Общеправовые конституционные принципы	

[416] См.: Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

[417] См.: Уголовный кодекс Республики Армения от 27 мая 2021 г. № ЗР-199 // URL: http://www.parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=7645&lang=rus (дата обращения: 1.03.2024).

российского и армянского права»	
Общеправовые принципы № 2, 4–8 из Таблицы 1	**Общеправовые принципы № 2–10** из Таблицы 1
Принцип компенсации (возмещения вреда) (ст. 42, 52, 53 Конституции РФ)[418]	**Принцип возмещения вреда** (ст. 62 Конституции РА)
II. Конституционные принципы уголовного права, продублированные и (или) конкретизированные в УК РФ и УК РА	
Принцип законности (ч. 1, 2, 3 ст. 15 Конституции РФ, ст. 3 УК РФ)	**Принцип законности** (ст. 6, 72 Конституции РА, ст. 4 УК РА)
Принцип равенства граждан перед законом (ст. 19 Конституции РФ, ст. 4 УК РФ)	
	Принцип ответственности за вину (ч. 1 ст. 71 Конституции РА, ст. 5 УК РА)
	Принцип справедливости и индивидуализации ответственности (ч. 2 ст. 71 Конституции РА, ст. 7 УК РА)
III. Отраслевые принципы уголовного права, нашедшие отражение в УК РФ и УК РА	
Принцип вины (ст. 5 УК РФ)	
Принцип справедливости (ст. 6 УК РФ)	
Принцип гуманизма (ст. 7 УК РФ)	
	Принцип личной ответственности (ст. 5 УК РА)

Как следует из Таблицы 2, в настоящее время в уголовном законодательстве России и Армении нормативно закреплено 12 и 14 принципов уголовного права

[418] Подробнее о принципе компенсации см.: Илюхина В.А., Енгибарян М.А. Принцип компенсации в механизме защиты прав и свобод человека в Российской Федерации // Вестник Нижегородского института управления. 2020. № 3. С. 2–7; Demichev A.A., Engibaryan M.A., Iliukhina V.A., Paramonov A.V. The Principle of Compensation as a Guarantee of Human Rights and Freedoms (As Exemplified by the Legislation of the Russian Federation) // Revista Gênero e Direito. 2020. Vol. 9. № 4. P. 788–806. Также общетеоретическое исследование компенсации проведено в монографии М.А. Енгибаряна (см.: Енгибарян М.А. Компенсация как институт права / под ред. В.А. Илюхиной М.: Русайнс, 2021).

(соответственно). Половина (в России) или большая часть их (в Армении) относится к конституционным общеправовым принципам, не продублированным в Уголовных кодексах (6 и 9 принципов). Кроме того, межотраслевой принцип компенсации (возмещения вреда), сфера действия которого распространяется и на уголовно-правовые отношения, также не продублирован ни в УК РФ, ни в УК РА. Следовательно, в первую группу (конституционные принципы уголовного права, не продублированные в Уголовном кодексе) входит 7 и 10 принципов.

Принципы второй группы (конституционные принципы уголовного права, продублированные и (или) конкретизированные в Уголовном кодексе) в России представлены двумя принципами – законодатель посчитал необходимым продублировать в УК РФ принцип законности и равенства граждан перед законом. В Республике Армения во вторую группу входит три принципа – принцип законности, принцип ответственности за вину и принцип справедливости и индивидуализации ответственности. Последние два принципа являются конкретизацией специфического конституционного принципа армянского права – принципа вины и принцип соразмерности наказания[419]. Что касается принципа законности, закрепленного в ст. 4 УК РА, то он конкретизирует не только общеправовой принцип законности (ст. 6 Конституции РА), но и специальный конституционный уголовно-правовой принцип законности при установлении преступлений и назначении наказаний (ст. 72 Конституции РА)[420].

---

[419] Указанный принцип (или принципы?) сформулирован в ст. 71 «Принцип вины и принцип соразмерности наказания» Конституции РА следующим образом:
«1. Основание для наказания лица, совершившего преступление – его вина.
2. Установленное законом наказание, а также назначенные вид наказания и мера наказания должны быть соразмерны совершенному деянию».

[420] Ст. 72 «Принцип законности при установлении преступлений и назначении наказаний» Конституции РА гласит: «Никто не может быть осужден за такое действие или бездействие, которое в момент совершения не являлось преступлением. Не может быть назначено более строгое наказание, чем то, которое подлежало применению в момент совершения преступления. Закон, отменяющий наказуемость деяния или смягчающий наказание, имеет обратную силу».

Наконец, в третью группу в соответствие с УК РФ входит три принципа (принцип вины, принцип справедливости, принцип гуманизма), а в соответствие с УК РА – только один принцип (принцип личной ответственности). Обратим внимание, что российские принцип вины и принцип справедливости из третьей группы совпадают с армянскими принципами ответственности за вину и справедливости и индивидуализации ответственности, входящими во вторую группу. Отметим, что принцип справедливости имеет в УК РА более широкое название – «принцип справедливости и индивидуализации ответственности». Наконец, в УК РА в качестве самостоятельного выделен принцип личной ответственности, а в УК РФ назван принцип гуманизма.

В целом сравнивая принципы уголовного права Российской Федерации и Республики Армения мы не находим существенных различий основополагающих идеях, на которых базируется отрасль уголовного права.

Таблица 3

Сравнительная классификация принципов уголовно-исполнительного права Российской Федерации и Республики Армения

Принципы уголовно-исполнительного права	
Российская Федерация	**Республика Армения**
I. Конституционные принципы уголовно-исполнительного права, не продублированные в УИК РФ[421] и УИК РА[422]	
Общеправовые принципы № 2, 4–8 из Таблицы 1	**Общеправовые принципы № 2, 4–10** из Таблицы 1
Принцип компенсации (возмещения вреда) (ст. 42, 52, 53 Конституции РФ)	**Принцип возмещения вреда** (ст. 62 Конституции РА)
II. Конституционные принципы уголовно-исполнительного права, продублированные и (или) конкретизированные в УИК РФ и УИК РА	

[421] См.: Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 8 января 1997 г. № 1-ФЗ // СЗ РФ. 1997. № 2. Ст. 198.

[422] См.: Уголовно-исполнительный кодекс Республики Армения от 18 января 2005 г. № ЗР-60 // URL: http://parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=2256&lang=rus (дата обращения: 1.03.2024).

Принцип законности (ч. 1, 2, 3 ст. 15 Конституции РФ, ст. 8 УИК РФ)	**Принцип законности** (ст. 6 Конституции РА, ст. 5, 7 УИК РА)
Принцип равенства осужденных перед законом (ст. 19 Конституции РФ, ст. 8 УИК РФ)	**Принцип равенства осужденных перед законом** (ст. 28, 29, 30 Конституции РА, ст. 5, 8 УИК РА)
III. Отраслевые принципы уголовно-исполнительного права, нашедшие отражение в УИК РФ и УИК РА	
Принцип демократизма (ст. 8 УИК РФ)	
Принцип дифференциации и индивидуализации исполнения наказаний (ст. 8 УИК РФ)	**Принцип дифференциации и индивидуализации исполнения наказания** (ст. 5, 9 УИК РА)
Принцип гуманизма (ст. 8 УИК РФ)	**Принцип гуманизма** (ст. 5, 6 УИК РА)
Принцип рационального применения мер принуждения, средств исправления осужденных и стимулирования их правопослушного поведения (ст. 8 УИК РФ)	
Принцип соединения наказания с исправительным воздействием (ст. 8 УИК РФ)	**Принцип сочетания наказания и средств исправления** (ст. 5, 10 УИК РА)

Как следует из Таблицы 3, в уголовно-исполнительном законодательстве России и Армении нормативно закреплено по 14 принципов уголовно-исполнительного права. При этом в первую группу входят 7 и 9 принципов, из которых 6 и 8 – общеправовые, а один принцип – конституционный принцип компенсации носит не общеправовой, а межотраслевой характер. Обратим внимание, что в конце 2019 г. в главу 2 УИК РФ, посвященную правовой регламентации положения осужденных, была введена ст. 12.1 «Право на компенсацию за нарушение условий содержания в исправительном учреждении»[423]. Однако это не означает, что конституционный принцип компенсации перешел в категорию конституционных принципов,

[423] См.: Федеральный закон от 27 декабря 2019 г. № 494-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2019. № 52 (ч. I). Ст. 7812.

продублированных в отраслевом законодательстве, поскольку законодатель не поместил эту норму в главу 1 «Общие положения» и не дополнил статью 8 соответствующим положением. Следовательно, он не рассматривает идею о необходимости компенсации заключенным в качестве основополагающей для всей отрасли уголовно-исполнительного права. Тем не менее, таковой она является в силу ее конституционности.

Принципы второй группы в России и Армении полностью совпадают, а вот со специфическими принципами уголовно-исполнительного права ситуация иная. В ст. 8 УИК РФ таковых закреплено пять, а в ст. 10 УИК РА – только три принципа. Причем текстуально совпадает название лишь принципов дифференциации и индивидуализации исполнения наказаний (ст. 8 УИК РФ и ст. 5 и 9 УИК РА) и гуманизма (ст. 8 УИК РФ и ст. 5 и 6 УИК РА). Формулировки еще одного принципа идентичны по содержанию, но незначительно различаются текстуально: в ст. 8 УИК закреплен принцип «соединения наказания с исправительным воздействием», а в ст. 5 и 10 УИК РА он называется принципом сочетания наказания и средств исправления».

Также необходимо отметить, что в ст. 8 УИК РФ названы два принципа уголовно-исполнительного законодательства, которые отсутствуют в УИК РА, а именно: принцип демократизма и принцип рационального применения мер принуждения, средств исправления осужденных и стимулирования их правопослушного поведения.

Важные различия, в том числе и влияющие на эффективность правоприменения, имеют место в юридической технике закрепления принципов уголовно-исполнительного права в законодательстве России и Армении. В ст. 8 УИК РФ принципы просто перечисляются без раскрытия их содержания. В УИК РА, кроме аналогичной по структуре и содержанию статьи 5, в следующих пяти статьях раскрывается содержание каждого из принципов, в ней названных, придерживаясь техники изложения «один принцип – одна статья». При этом армянский законодатель четко маркирует в статьях 6–10, что раскрывается содержание именно принципов уголовно-исполнительного законодательства,

а не чего-либо иного. Прямым указанием на это является слово «սկզբունք» («принцип»), используемое в названии каждой из статей 6–10.

Отсутствие даже минимального раскрытия содержания принципов уголовно-исполнительного права является дефектом УИК РФ и ведет к тому, что российский правоприменитель в ряде случаев не понимает, что имеется ввиду (вероятно, и сам законодатель не всегда имел четкое представление об этом, принимая в 1997 г. УИК РФ[424]. Мы не будем раскрывать содержание конкретных принципов, однако считаем необходимым остановиться сейчас на принципе демократизма, который упоминается в ст. 8 УИК РФ и аналога которому в УИК РА нет. У нас вызывает недоумение, как вообще этот принцип оказался среди принципов уголовно-исполнительного права (уголовно-исполнительного законодательства). Учитывая, что его смысл заключается в осуществлении власти народом через органы государственной власти и органы местного самоуправления, то, по нашему мнению, принцип демократизма сущностно не соответствует цели и задачам уголовно-исполнительной системы. Именно по этой причине имеющиеся в научной литературе попытки исследования принципа демократизма в уголовно-исполнительной системе[425] оказались неубедительными.

Нецелесообразность закрепления принципа демократизма в уголовно-исполнительном законодательстве обусловливается еще двумя обстоятельствами. Во-первых, как справедливо отмечает О.А. Гинатулина, он не нашел закрепления на конституционном уровне[426], а ведь Конституция могла бы «пролить свет» на его содержание. Во-вторых, что более важно, он совершенно не востребован судебной практикой. Так, по нашим подсчетам, проведенным по материалам

---

[424] См.: Гришко А.Я. О принципах уголовно-исполнительного права // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2014. № 4. С. 74.

[425] См.: Иванов В.А. Реализация принципа демократизма при исполнении наказания в виде лишения свободы: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Рязань, 2006; Королев Р.В. Принцип демократизма в уголовно-исполнительной системе России: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2010.

[426] См.: Гинатулина О.А. Принцип демократизма и принцип равенства осужденных перед законом в уголовно-исполнительном праве // VIII Педагогические чтения, посвященные памяти профессора С.И. Злобина: сб. материалов: в 2-х т., Пермь, 5–7 октября 2022 г. Пермь: Пермский институт Федеральной службы исполнения наказаний, 2022. С. 43.

сайта «Судебные и нормативные акты РФ» (sudact.ru), нет ни одного судебного акта Верховного Суда РФ, в котором бы упоминался принцип демократизма. Что касается практики судов общей юрисдикции, то данный принцип упоминается примерно в 600 судебных актах. Это количество само по себе невелико в масштабах Российской Федерации, но важно другое. Абсолютно во всех судебных актах судов общей юрисдикции содержание принципа демократизма не раскрывается, а называется он исключительно в контексте механического перечисления принципов уголовно-исполнительного законодательства, закрепленных в ст. 8 УИК РФ. Соответственно он не играет никакой роли и в реальной аргументации выносимых судебных актов.

В результате формального сравнения принципов уголовно-исполнительного права Российской Федерации и Республики Армения можно сделать вывод, что принципы первой и второй группы имеют почти полное совпадение, но вот в специфических отраслевых принципах, не имеющих конституционного закрепления, существуют различия. Однако в содержательном плане сравнить их не представляется возможным из-за различий в юридической технике их закрепления. Несмотря на это, принцип демократизма целесообразно исключить из ст. 8 УИК РА, как не имеющего отношения к пенитенциарной сфере.

В целом, хотя в принципах уголовно-исполнительного законодательства соблюдается баланс интересов личности, гражданского общества и государства, приоритет, по нашему мнению, отдается защите прав лиц, отбывающих наказания. Такой подход нужно считать правильным в контексте того, что после отбытия наказания общество должно получить нормального и полноценного своего субъекта.

Таблица 4

Сравнительная классификация принципов гражданского права Российской Федерации и Республики Армения

Принципы гражданского права	
I. Конституционные принципы гражданского права, не продублированные в ГК РФ[427] и ГК РА[428]	
Общеправовые принципы № 1, 2, 4, 6, 8 из Таблицы 1	**Общеправовые принципы № 1, 2, 4, 6, 8–10** из Таблицы 1
II. Конституционные принципы гражданского права, продублированные и (или) конкретизированные в ГК РФ и ГК РА	
Принцип равенства участников гражданско-правовых отношений (ч. 1 ст. 1 ГК РФ). Данный принцип является конкретизацией конституционного принципа равенства перед законом, закрепленного в ст. 19 Конституции РФ	**Принцип равенства** (ст. 28, 29, 30 Конституции РА, ч. 1 ст. 3 ГК РА)
Принцип неприкосновенность собственности (ч. 1 ст. 1 ГК РФ). Данный принцип конкретизирует конституционный принцип признания и зашиты различных форм собственности (ч. 2 ст. 8, ст. 35 Конституции РФ)	**Принцип неприкосновенности собственности** (ч. 1, 2 ст. 3 ГК РА). Данный принцип конкретизирует конституционный принцип признания и зашиты различных форм собственности (ст. 10, 60 Конституции РА)
Принцип недопустимости произвольного вмешательства кого-либо в частные дела (ч. 1 ст. 1 ГК РФ). Данный принцип конкретизирует конституционный принцип неприкосновенности частной жизни (ст. 23 Конституции РФ	**Принцип недопустимости произвольного вмешательства кого-либо в частные дела** (ч. 1 ст. 3 ГК РА). Данный принцип конкретизирует конституционный принцип неприкосновенности частной и семейной жизни, чести и доброго имени (ст. 31 Конституции РА)
Принцип беспрепятственного осуществления гражданских прав,	**Принцип необходимости беспрепятственного осуществления**

[427] См.: Гражданский кодекс Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (Часть первая) // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

[428] См.: Гражданский кодекс Республики Армения от 28 июля 1998 г. № ЗР-239 // URL: http://parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=1556&lang=rus (дата обращения: 1.03.2024).

обеспечения восстановления нарушенных прав, их судебной защиты (ч. 1 ст. 1 ГК РФ). Данный принцип конкретизирует конституционный принцип гарантированности судебной защиты прав и свобод (ст. 46 Конституции РФ)	**гражданских прав, обеспечения восстановления нарушенных прав, их судебной защиты** (ч. 1 ст. 3 ГК РА). Данный принцип конкретизирует конституционный принцип права на судебную защиту и права на обращение в международные органы по защите прав человека (ст. 61 Конституции РА)
Принцип свободного перемещения товаров, услуг и финансовых средств на всей территории Российской Федерации (ч. 5 ст. 1 ГК РФ, ч. 1 ст. 8 Конституции РФ)[429]	
III. Отраслевые принципы гражданского права, нашедшие отражение только в ГК РФ и ГК РА	
Принцип свобода договора (ч. 1 ст. 1 ГК РФ).	**Принцип свобода договора** (ч. 1, 2 ст. 3 ГК РА)
Принцип автономии воли (ч. 2 ст. 1 ГК РФ)[430]	**Принцип автономии воли и имущественной самостоятельности участников гражданских правоотношений** (ч. 1, 2 ст. 3 ГК РА)
Принцип добросовестности (ч. 3, 4 ст. 1 ГК РФ).	
	Принцип свободного перемещения товаров, услуг и финансовых средств на всей территории Республики Армения (ч. 3 ст. 3 ГК РА)

Законодатели России и Армении по-разному подошли к закреплению принципов права в гражданском законодательстве. В Гражданском кодексе Российской Федерации нет какого-либо структурного элемента (раздела, главы или статьи), в названии которого фигурирует слово «принцип». Тем не менее,

[429] Данный принцип является закрепленным на конституционном уровне специфическим отраслевым принципом гражданского права России.

[430] Данный принцип никак не назван в ГК РФ, однако, сравнивая его содержание с аналогичными нормами, закрепленным в ГК РА и имеющим название, можно назвать данный принцип по аналогии – «Принцип автономии воли».

учитывая, что принципы гражданского права – это основополагающие идеи гражданского законодательства, то статью 1 ГК РФ «Основные начала гражданского законодательства» следует рассматривать как содержащую принципы гражданского законодательства. Нормы-принципы, хотя и обладают определенной спецификой (в них имеется только диспозиция при отсутствии гипотезы и санкции), тем не менее – это нормы права[431]. Следовательно, они адресованы правоприменителю и обязательны для всех субъектов правоотношений. В связи с этим вызывает сомнение высказывание В.В. Кулакова, что в ст. 1 ГК РФ «принципы не предписаны в виде юридических обязанностей участникам гражданских правоотношений, а адресованы самому законодателю»[432]. Полагаем, что законодатель, кодифицируя нормы гражданского права, имел своей целью создание непротиворечивого законодательства, направленного на эффективное регулирование гражданско-правовых отношений, а не на нормативное закрепление установок для самого себя на будущее.

Армянский законодатель избрал, на наш взгляд, более удачный подход к закреплению принципов гражданского законодательства своей страны. В ГК РА он посвятил принципам гражданского законодательства отдельную статью – статью 3 «Принципы гражданского законодательства».

Внутри соответствующих статей (ст. 1 ГК РФ и ст. 3 ГК РА) также имеются различия. Так, ГК РФ по непонятным причинам избегает употребления слова «принцип», а в ч. 1 ст. 3 ГК РА использована такая конструкция: «Гражданское законодательство основывается на принципах…» и далее через запятую перечисляются принципы.

А вот в остальном в формальном плане ст. 1 ГК РФ и ст. 3 ГК РА похожи. И там, а там в первой части перечисляются основные начала или принципы

---

[431] О.А. Кузнецова дает следующее определение норм-принципов гражданского права: это «специализированные императивные предельно общие нормы, определяющие содержание всех других гражданско-правовых норм и обладающие по отношению к ним высшей юридической силой, имеющие нетипичную структуру и выполняющие специфические функции в гражданско-правовом регулировании» (Кузнецова О.А. Нормы-принципы российского гражданского права. М.: Статут, 2006. С. 47, 245).

[432] Кулаков В.В. Основные принципы гражданского права как особая форма права // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2013. Вып. 4. С. 186.

гражданского законодательства, а в последующих частях содержание не всех, а некоторых положений раскрывается. При этом слово «принцип» не употребляется.

Обратим внимание, что названия всех принципов гражданского права Российской Федерации носят условный характер, т.к. в ГК РФ нет сочетания «принцип …», а вот названия принципов гражданского права Республики Армения более точны. Исключение составляет принцип свободного перемещения товаров, услуг и финансовых средства на всей территории Республики Армения, закрепленный в ч. 3 ст. 3 ГК РА. К сожалению, в указанной части ст. 3 ГК РА не используется слово «принцип», а в ч. 1 той же статьи, где перечисляются принципы гражданского права, он тоже не назван. Тем не менее, мы полагаем, что речь идет именно о принципе свободного перемещения товаров, услуг и финансовых средств на всей территории Республики Армения, т.к. соответствующие нормы размещены в ст. 3 ГК РА, имеющей название «Принципы гражданского законодательства».

В результате сравнения классификации нормативно закрепленных в Конституциях РФ и РА и Гражданских кодексах РФ и РА принципов гражданского права мы пришли к следующим выводам.

1. В Российской Федерации можно выделить 13, а в Республике Армения 14 принципов гражданского права. 5 и 7 из них (соответственно) составляют общеправовые конституционные принципы, не продублированные в отраслевом законодательстве.

2. Спецификой принципов второй группы является то, что большинство из них в отличие от ряда других отраслей права представляет собой не дублирование, а конкретизацию общеправовых конституционных принципов, что наглядно отражено в Таблице 4. Всего в эту группу в России входит 5 принципов, в Армении – 4. Отличие заключается в том, что в России данная группа представлена принципом свободного перемещения товаров, услуг и финансовых средств, а в Армении он не закреплен на конституционном уровне и является отраслевым принципом гражданского права, нашедшем отражение

только в ГК РА (ч. 3 ст. 3). Что касается остальных конституционные принципы гражданского права, продублированные и (или) конкретизированные в ГК РФ и ГК РА, то они совпадают.

3. Отраслевые принципы гражданского права, закрепленные в ГК РФ и ГК РФ, представлены по 3 в каждой стране. По два из них (свободы договора и автономии воли) совпадают. Про принцип свободного перемещения товаров, услуг и финансовых средств на всей территории республики Армения мы уже сказали выше. Специфическим для России и отсутствующим в гражданском законодательстве Армении является принцип добросовестности.

4. С точки зрения юридической техники в плане закрепления принципов права ГК РА представляется более совершенным, чем ГК РФ. Это обуславливается тем, что армянский законодатель прямо использует термин «принцип» в названии статьи (ст. 3 ГК РА), а также употребляет его непосредственно в тексте самой статьи. В российском гражданском законодательстве статья, содержащая основные начала гражданского законодательства (ст. 1) ни в названии, ни в тексте данным понятием не оперирует. Полагаем, что такой подход не вполне удачен. В данном случае армянский опыт представляется более удачным.

5. Считаем целесообразным изменить название статьи 1 ГК РФ на «Принципы гражданского законодательства», использовать в тексте статьи термин «принцип», дополнить ч. 1 ст. 1 ГК РФ принципом свободного перемещения товаров, услуг и финансовых средств на всей территории Российской Федерации.

Таким образом, предлагаем изложить ч. 1 ст. 1 ГК РФ в следующей редакции:

«Статья 1. Принципы гражданского законодательства

1. Гражданское законодательство основывается на принципах признании равенства участников регулируемых им отношений, неприкосновенности собственности, свободы договора, недопустимости произвольного вмешательства кого-либо в частные дела, необходимости беспрепятственного осуществления

гражданских прав, обеспечения восстановления нарушенных прав, их судебной защиты, свободного перемещения товаров, услуг и финансовых средств на всей территории Российской Федерации».

Таблица 5

Сравнительная классификация принципов семейного права Российской Федерации и Республики Армения

Принципы семейного права	
I. Конституционные принципы гражданского права, не продублированные в СК РФ[433] и СК РА[434]	
Общеправовые принципы № 1–6, 8 из Таблицы 1	**Общеправовые принципы № 1–6, 8–10** из Таблицы 1
Принцип дуализма прав и обязанностей родителей по заботе и воспитанию детей (ч. 2 ст. 38 Конституции РФ)	**Принцип дуализма прав и обязанностей родителей по заботе и воспитанию детей** (ч. 1 ст. 36 Конституции РА)
Принцип обязанности трудоспособных совершеннолетних детей заботиться о своих нетрудоспособных родителях (ч. 3 ст. 38, п. ж. 1) ч. 1 ст. 72 Конституции РФ)	**Принцип обязанности трудоспособных совершеннолетних детей заботиться о своих нетрудоспособных родителях** (ч. 3 ст. 36 Конституции РА)
Принцип защиты института брака как союза мужчины и женщины (п. ж. 1) ч. 1 ст. 72 Конституции РФ)	
	Принцип лишения или ограничения родительских прав только по закону, в судебном порядке в соответствие с интересами ребенка (ч. 2 ст. 36 Конституции РА)
II. Конституционные принципы семейного права, продублированные и (или) конкретизированные в СК РФ и СК РА	
Принцип государственной защиты семьи, материнства, отцовства	**Принцип государственной защиты семьи, материнства и детства**

[433] См.: Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 16.

[434] См.: Семейный кодекс Республики Армения от 8 декабря 2004 г. № ЗР-123 // URL: http://parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=2124&lang=rus (дата обращения: 1.03.2024).

и детства (ч. 2 ст. 7, ч. 1 ст. 38, п. ж. 1) ч. 1 ст. 72 Конституции РФ, ч. 1 ст. 1 СК РФ)	**и оказание им покровительства** (ст. 16, ч. 4 ст. 37 Конституции РА, ч. 1 ст. 1 СК РА)
Принцип судебной защиты прав членов семьи (ч. 1 ст. 1 СК РФ). Данный принцип конкретизирует конституционный принцип гарантированности судебной защиты прав и свобод (ст. 46 Конституции РФ)	**Принцип судебной защиты прав членов семьи** (ч. 1 ст. 1 СК РА). Данный принцип конкретизирует конституционный принцип судебной защиты и права на обращение в международные органы по защите прав человека (ст. 61 Конституции РА)
Принцип добровольности брачного союза мужчины и женщины (п. ж. 1) ч. 1 ст. 72 Конституции РФ, ч. 3 ст. 1 СК РФ).	**Принцип свободы вступления в брак** (ст. 35 Конституции РА, ч. 4 ст. 1 СК РА)
	Принцип равноправия женщин и мужчин (ст. 30 Конституции РА, ч. 3, 4 ст. 1 СК РА)
III. Отраслевые принципы семейного права, нашедшие отражение только в СК РФ и СК РА	
Принцип недопустимости произвольного вмешательства кого-либо в дела семьи, обеспечения беспрепятственного осуществления членами семьи своих прав (ч. 1 ст. 1 СК РФ).	**Принцип недопустимости произвольного вмешательства кого-либо в дела семьи, обеспечения беспрепятственного осуществления членами семьи своих прав** (ч. 1 ст. 1 СК РА)
Принцип признания брака, заключенного только в органах записи актов гражданского состояния (ч. 2 ст. 1 СК РФ)	**Принцип признания брака, заключенного только в органах записи актов гражданского состояния** (ч. 2 ст. 1 СК РА)
Принцип равенства прав супругов в семье (ч. 3 ст. 1 СК РФ)	
Принцип разрешения внутрисемейных вопросов по взаимному согласию (ч. 3 ст. 1 СК РФ)	**Принцип разрешения семейных вопросов по взаимному согласию** (ч. 4 ст. 1 СК РА)
Принцип приоритета семейного воспитания детей, заботы об их благосостоянии и развитии (ч. 3 ст. 1 СК РФ)	**Принцип приоритета воспитания детей в семье** (ч. 1 ст. 1 СК РА)
Принцип обеспечения приоритетной защиты прав и интересов несовершеннолетних	**Принцип обеспечения приоритетной защиты прав и интересов несовершеннолетних**

и нетрудоспособных членов семьи (ч. 3 ст. 1 СК РФ).	**и нетрудоспособных членов семьи** (ч. 4 ст. 1 СК РА)
Принцип запрещения любых формы ограничения прав граждан при вступлении в брак и в семейных отношениях по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности (ч. 4 ст. 1 СК РФ)	**Принцип запрета дискриминации граждан по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности при вступлении в брак и в семейных отношениях** (ч. 5 ст. 1 СК РА)

Если законодатели России и Армении по-разному подошли к закреплению принципов гражданского законодательства, то в сфере семейного права имеет место совершенно иная ситуация. Принципы семейного права Российской Федерации и Республики Армения обладают значительным сходством не только в механизме из закрепления, но и в плане формулировок и содержания. Правда, следует отметить, что при аналогичности и структуры содержания ст. 1 СК РФ и ст. 1 СК РА, называются, хотя сущностно схоже, но формально по-разному: «Основные начала семейного законодательства» и «Основные принципы семейного законодательства». Армянский вариант в данном случае представляется нам более предпочтительным.

Всего можно выделить 20 принципов семейного права России и 22 принципа семейного права Армении. Из них 10 и 12 (соответственно) относятся к первой группе, в том числе 7 и 9 принципов – общеправовые, а по 3 принципа, хотя и закреплены на конституционном уровне, носят семейно-правовой характер. Два принципа (дуализма прав и обязанностей родителей по заботе и воспитанию детей и обязанности трудоспособных совершеннолетних детей заботиться о своих нетрудоспособных родителях) совпадают. В результате конституционной реформы 2020 г. в Конституции РФ получил нормативное выражение новый, ориентированный на традиционные духовно-нравственные ценности, принцип защиты института брака как союза мужчины и женщины (п. ж. 1) ч. 1 ст. 72 Конституции РФ). В Армении аналога ему нет, хотя сами традиционные духовно-нравственные ценности в плане восприятия брака исключительно как союза мужчины и женщины, у россиян и армян очень близки.

В отличие от России в Армении на конституционном уровне закреплен принцип лишения или ограничения родительских прав только по закону, в судебном порядке в соответствие с интересами ребенка (ч. 2 ст. 36 Конституции РА). Его реализации способствуют нормы статей 60 и 63 СК РА. Однако это не означает, что этот конституционный принцип продублирован в СК РА именно в качестве основополагающей идеи всего семейного права, семейного законодательства, поскольку законодатель не поместил соответствующие нормы в ст. 1 «Основные принципы семейного законодательства», а отвел им место в гл. 11 «Права и обязанности родителей». В Российской Федерации правила о лишении и ограничении родительских прав также изложены в гл. 12 «Права и обязанности родителей» в ст. 69 и 73 СК РФ и не маркированы на каком-либо уровне в качестве основополагающей идеи отрасли семейного права.

По аналогичным причинам мы включаем принцип обязанности трудоспособных совершеннолетних детей заботиться о своих нетрудоспособных родителях в первую группу. Названный принцип является конституционным принципом российского и армянского права, но считать его продублированным в отраслевом законодательстве именно в качестве отраслевого принципа семейного права некорректно, поскольку эта идея не получила закрепления в Семейных кодексах в качестве принципа права (видимо, законодатель посчитал, что достаточно наличия соответствующих норм в Конституции). Однако необходимо отметить, что в ч. 1 ст. 87 СК РА содержится следующая норма: «Трудоспособные совершеннолетние дети обязаны содержать своих нетрудоспособных нуждающихся в помощи родителей и заботиться о них», а в ч. 1 ст. 75 СК РА содержится норма, идентичная не только по содержанию, но и по формулировке с ч. 1 ст. 87 СК РФ.

Во вторую группу принципов семейного права, как следует из Таблицы 5 входит три совпадающих принципа России и Армении. Имеются некоторые различия в формулировках, но в содержательном плане особой разницы между ними нет. Обратим внимание, что конституционный принцип добровольности

брачного союза мужчины и женщины (в Армении – принцип свободы вступления в брак) продублирован не только в ч. 3 ст. 1 СК РФ (ч. 4 ст. 1 СК РА). Он получает развитие в ряде других норм, касающихся условий заключения брака и признания брака недействительным (ч. 1 ст. 12, ч. 1 ст. 27 СК РФ и ч. 1 ст. 10, ч. 2 ст. 20 СК РА).

И в Республике Армения, и в Российской Федерации нормативно закрепленным принципом семейного права является принцип равноправия женщин и мужчин (принцип равенства прав супругов в семье). Однако уровень их закрепления различается. В Армении этот принцип является конституционным, продублированным в отраслевом законодательстве, а в России – специфическим отраслевым принципом семейного права, нашедшем отражение только на уровне СК РФ.

На первый взгляд может показаться, что принцип равенства прав супругов в семье представляет собой частный случай, конкретизацию конституционного принципа равенства всех перед законом и судом. На самом деле эти принципы, хотя частично и перекрываются, но у каждого из них имеется собственная сфера действия. Так, принцип равенства прав супругов действительно предполагает их равенство перед законом и судом, но при этом речь идет не только о равенстве в правоотношениях, но и равенстве в отношениях, не регулируемых нормами права (распределение домашних обязанностей, интимная сфера, решение вопросов о совместном или раздельном времяпрепровождении и др.). Следовательно, в данном аспекте можно утверждать, что принцип равенства прав супругов в семье шире, чем принцип равенства всех перед законом.

В то же время принцип равенства всех перед законом и судом реализуется в сфере семейных правоотношений более широко, чем принцип равенства прав супругов в семье, т.к. охватывает правоотношения не только супругов, но и иных субъектов семейных правоотношений, а также отношения с другими субъектами права, не являющимися членами семьи.

В целом из 20-ти принципов семейного права России и 22-х принципов семейного права Армении 13 и 16 принципов (соответственно), в том числе и

специфические отраслевые принципы, имеют закрепление на самом высшем нормативном уровне. По нашему мнению, это свидетельствует о внимании, которое в Российской Федерации и Республики Армения уделяется семейной сфере жизни общества.

Что касается принципов третьей группы, то в России их 7, а в Армении – 6. О принципе равенства прав супругов в семье, уровень закрепления которого в исследуемых государства различается, речь шла ранее. Что касается прочих отраслевых принципов семейного права, то их формулировки и содержание практически не различаются, либо вовсе идентичны.

В ч. 1 ст. 1 СК РФ закреплены такие положения как построение семейных отношений на чувствах взаимной любви и уважения, взаимопомощь и ответственность перед семьей всех ее членов. Некоторые авторы рассматривают их в качестве специфических принципов отрасли семейного права Российской Федерации[435]. Точно такие же положения, как и в ч. 1 ст. 1 СК РФ, имеют место в ч. 1 ст. 1 СК РА (построение семейных отношений на взаимной любви и взаимном уважении, взаимопомощи и ответственности всех членов семьи).

По нашему мнению, несмотря на их включение законодателем в СК РФ и СК РА, посвященную основам (принципам) семейного законодательства, все же, мы имеем дело не с принципами права, а материей иного рода. По сути, наряду с принципами семейного права, в ст. 1 СК РФ и ст. 1 СК РА нашли нормативное закрепление некие ориентиры в семейных отношениях, семейные ценности, которые в свою очередь опираются на нормы морали и нравственности. Естественно эти ориентиры носят характер пожеланий законодателя и рекомендаций участникам семейных правоотношений, на каких началах должны строиться межличностные отношения между членами семьи.

Следует согласиться с Б.М. Гонгало, что «включение в закон рассматриваемых положений, наверное, нельзя оценивать отрицательно. Быть

---

[435] См., напр., Рыженков А.Я. Принципы семейного права. М.: Юрлитинформ. 2021. С. 95–104; Кулаков В.В. Принципы семейного права // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 5. С. 16–20.

может, следует приветствовать. Но при этом надо отдавать себе отчет в том, что «перевести на юридический язык» такие категории, как любовь и уважение (в семье), еще никогда не удавалось и вряд ли когда-нибудь удастся»[436]. Конечно, ни в каких нормативных актах нет, и не может быть прописано механизма реализации этих пожеланий. Следовательно, отсутствуют и меры юридической ответственности за их нарушение (да это и невозможно в силу их неправового характера). Таким образом, рассматриваемые положения ч. 1 ст. 1 СК РФ и ч. 1 ст. 1 СК РА, хотя и имеют важное морально-нравственное, ценностно-ориентационное значение, но не являются принципами семейного права.

Н.С. Шерстнева, пытаясь систематизировать принципы российского семейного права, предлагает собственную их классификацию. Все принципы права она делит на две группы: 1) общесемейные принципы и 2) принципы внутри институтов, которые подразделяются на приоритетные, взаимные и ценностные[437]. Сама по себе данная классификационная идея представляется интересной и имеющей научный потенциал, однако ее реализация вызывает возражения.

Во-первых, Н.С. Шерстнева к первой группе принципов относит исключительно положения, закрепленные в ч. 1 ст. 1 СК РФ. Однако, как мы уже отмечали ранее, часть их не является принципами права, а имеет иной характер.

Во-вторых, хотя под принципами права понимаются исключительно нормативно закрепленные положения (что, несомненно, может только приветствоваться), автор придерживается позиции, что «принципы внутри институтов закреплены а) в виде общих положений, б) в виде косвенного выражения в общей части семейного права, в) в специально посвященных им институтах, г) в конкретных нормах других институтов»[438]. Такой подход нам представляется неудачным. Он ведет к субъективизму и дискуссионности

---

[436] Гонгало Б. Основные начала семейного законодательства // Семейное и жилищное право. 2006. № 2. С. 11.

[437] См.: Шерстнева Н.С. Принципы российского семейного права: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. М., 2007. С. 12–13

[438] См.: Там же. С. 13.

в выделении принципов права, их наименовании и определении содержания, а также в ряде случаев не соответствует прямому указанию законодателя на то, что он считает основами семейного законодательства, прямо закрепленных в ст. 1 СК РФ.

В-третьих, в данной классификации не определено место и значение общеправовых принципов, закрепленных в Конституции РФ.

Таблица 6

Сравнительная классификация принципов трудового права Российской Федерации и Республики Армения

Принципы трудового права	
I. Конституционные принципы трудового права, не продублированные в ТК РФ[439] и ТК РА[440]	
Общеправовые принципы № 1–8 из Таблицы 1	**Общеправовые принципы № 1–10** из Таблицы 1
II. Конституционные принципы трудового права, продублированные и (или) конкретизированные в ТК РФ и ТК РА	
Принцип свободы труда (ч. 1 и 2 ст. 37 Конституции РФ, абз. 2 ст. 2 ТК РФ)	**Принцип свободы труда** (ст. 57 Конституции РА, п. 1 ч. 1 ст. 3 ТК РА)
III. Отраслевые принципы трудового права, нашедшие отражение только в ТК РФ и ТК РА	
Принцип запрещения принудительного труда (абз. 3 ст. 2 ТК РФ)	**Принцип запрещения любой формы (любого характера) принудительного труда и насилия в отношении работников** (п. 2 ч. 1 ст. 3 ТК РА)
Принцип запрещения	

[439] См.: Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 1 (ч. I). Ст. 3.

[440] См.: Трудовой кодекс Республики Армения от 14 декабря 2004 г. № ЗР-124 // URL: http://parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=2131&lang=rus (дата обращения: 1.03.2024).

дискриминации в сфере труда (абз. 3 ст. 2 ТК РФ)	
Принцип защиты от безработицы и содействие в трудоустройстве (абз. 4 ст. 2 ТК РФ)	
Принцип обеспечения права каждого работника на справедливые условия труда (абз. 5 ст. 2 ТК РФ)	**Принцип обеспечения для каждого работника права на справедливые условия труда** (п. 4 ч. 1 ст. 3 ТК РА)
Принцип равенство прав и возможностей работников (абз. 6 ст. 2 ТК РФ)	**Принцип равенства прав и возможностей работников** (п. 5 ч. 1 ст. 3 ТК РА)
Принцип обеспечения права каждого работника на своевременную и в полном размере выплату справедливой заработной платы (абз. 7 ст. 2 ТК РФ)	**Принцип обеспечения для каждого работника права на своевременное и в полном объеме справедливое вознаграждение за труд не ниже установленного законом минимального размера заработной платы** (п. 6 ч. 1 ст. 3 ТК РА)
Принцип обеспечение равенства возможностей работников без всякой дискриминации на продвижение по работе (абз. 8 ст. 2 ТК РФ)	
Принцип обеспечение права работников и работодателей на объединение для защиты своих прав и интересов (абз. 9 ст. 2 ТК РФ)	**Принцип обеспечения права работодателей и работников на свободное объединение для защиты трудовых прав и интересов** (п. 7 ч. 1 ст. 3 ТК РА)
Принцип обеспечения права работников на участие в управлении организацией в предусмотренных законом формах (абз. 10 ст. 2 ТК РФ)	
Принцип сочетания государственного и договорного регулирования трудовых отношений и иных непосредственно связанных с ними отношений (абз. 11 ст. 2 ТК РФ)	
Принцип социального партнерства (абз. 12 ст. 2 ТК РФ)	
Принцип обязательности возмещения вреда, причиненного работнику в связи с исполнением им трудовых обязанностей (абз. 13 ст. 2 ТК РФ)	

Принцип установления государственных гарантий по обеспечению прав работников и работодателей, осуществление государственного контроля (надзора) за их соблюдением (абз. 14 ст. 2 ТК РФ)	
Принцип обеспечение права каждого на защиту государством его трудовых прав и свобод, включая судебную защиту (абз. 15 ст. 2 ТК РФ)	
Принцип обеспечение права на разрешение индивидуальных и коллективных трудовых споров, а также права на забастовку (абз. 16 ст. 2 ТК РФ)	
Принцип обязанность сторон трудового договора соблюдать условия заключенного договора (абз. 17 ст. 2 ТК РФ)	
Принцип обеспечения права представителей профессиональных союзов осуществлять профсоюзный контроль за соблюдением трудового законодательства и иных актов, содержащих нормы трудового права (абз. 18 ст. 2 ТК РФ)	
Принцип обеспечения права работников на защиту своего достоинства в период трудовой деятельности (абз. 19 ст. 2 ТК РФ)	
Принцип обеспечения права на обязательное социальное страхование работников (абз. 20 ст. 2 ТК РФ)	
	Принцип равноправия сторон трудовых отношений независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, гражданства, социального положения, вероисповедания, состояния в супружестве и семейного положения, возраста, убеждений или взглядов, принадлежности

	к партиям, профессиональным союзам или общественным организациям, иных обстоятельств, не связанных с деловыми качествами работника (п. 3 ч. 1 ст. 3 ТК РА)
	Принцип стабильности трудовых отношений (п. 8 ч. 1 ст. 3 ТК РА)
	Принцип свободы коллективных переговоров (п. 9 ч. 1 ст. 3 ТК РА)
	Принцип ответственности сторон коллективного и трудового договоров соответственно их обязанностям (п. 10 ч. 1 ст. 3 ТК РА)

Как следует из Таблицы 6, в российском законодательстве получили нормативное закрепление 28 принципов трудового права, а в армянском – 20 принципов. В отличие от всех ранее рассмотренных классификаций отраслей права, ни один из общеправовых принципов российского и армянского права не продублирован в отраслевом законодательстве. Также обратим внимание, что на конституционном уровне закреплен всего один специфический принцип трудового права – принцип свободы труда. В обоих государствах он продублирован и в Трудовых кодексах.

Весьма заметна разница в количестве принципов трудового права, закрепленных в ТК РФ и ТК РА. В первом случае это 20 принципов, во втором – 10 принципов. Причем, как мы уже отметили выше, только один принцип (свободы трудового договора) входит во вторую группу принципов, а 19 и 9 принципов (соответственно) составляют третью группу принципов трудового права России и Армении.

Российский и армянский законодатель при существовании достаточно разнообразных вариантов закрепления принципов права в текстах кодифицированных актов в сфере трудового законодательства избрали одну и ту же модель, что, несомненно, упрощает процедуру сравнения принципов трудового права Российской Федерации и Республики Армения. Принципы

российского трудового права закреплены в ст. 2 ТК РФ «Основные принципы правового регулирования трудовых отношений и иных непосредственно связанных с ними отношений», а трудового законодательства Армении – в ст. 3 ТК РА «Принципы трудового законодательства». Различие формулировок в названиях приведенных статей носит, на наш взгляд, редакционный характер. Что касается сущности регулируемых отношений, то в обоих случаях речь идет об отношениях трудового характера и связанных с ними отношений, регламентируемых трудовым законодательством, нормами трудового права. Следовательно, в ст. 2 ТК РФ и ст. 3 ТК РА закрепляются именно принципы трудового права.

В обоих кодифицированных актах законодатель прямо указал, что в соответствующих статьях изложены не все, а только основные принципы. В ТК РФ в ст. 2 это сделано дважды: в названии и в первом ее абзаце. В ст. 3 ТК РА это сделано один раз – в первой ее части имеется формулировка «Основными принципами трудового законодательства являются…». Российский законодатель избрал похожую, но более подробную и содержательную формулировку «Исходя из общепризнанных принципов и норм международного права и в соответствии с Конституцией Российской Федерации основными принципами правового регулирования трудовых отношений и иных непосредственно связанных с ними отношений признаются…».

Характеризуя юридическую технику закрепления принципов трудового права, отметим еще некоторые особенности.

Во-первых, ст. 2 ТК РФ не имеет деления на части, принципы трудового права изложены в ней без нумерации. Всего в девятнадцати абзацах изложено двадцать принципов российского трудового права. Как правило, один принцип закрепляется в одном абзаце. Исключение составляет абз. 3 ст. 2 ТК РФ, в котором одновременно закреплены два принципа: принцип запрещения принудительного труда и принцип запрещения дискриминации в сфере труда. Очевидно, что это не две стороны одного принципа, а два совершенно разных

принципа, поэтому непонятно, что заставило законодателя поместить их в одном абзаце ст. 2 ТК РФ.

Ст. 3 ТК РА более четко структурирована – она состоит из двух частей. В первой части имеется десять пунктов, каждый из которых посвящен одному из десяти принципов трудового права Армении. Вторая часть этой статьи закрепляет положение, что государство обеспечивает осуществление трудовых прав в соответствие с законодательством Армении. По нашему мнению, ч. 2 ст. 3 ТК РА находится не совсем на своем месте. В первой части ст. 3 ТК РА перечисляются основные принципы трудового законодательства, а во второй части гарантируется осуществление трудовых прав граждан. Следует ли это понимать как знак равенства между принципами трудового права и трудовыми правами граждан? Полагаем, что нет. Анализ содержания принципов трудового права Армении приводит к выводам, что часть из них действительно связана с трудовыми правами, однако не все. Получается, что ч. 2 ст. 3 ТК РА имеет не просто самостоятельное значение, но она прямо не связана с частью 1 той же статьи. По нашему мнению, было бы более правильно трансформировать ч. 2 ст. 3 ТК РА в отдельную, самостоятельную статью.

Во-вторых, и в ТК РФ, и в ТК РА использована не очень удачная, на наш взгляд, конструкция закрепления принципов права, когда после статьи, в которой содержатся основные принципы трудового права, располагаются нормы, которые также касаются принципов трудового права. Так, в ТК РА имеется ст. 3.1 «Запрет дискриминации», введенная Законом Республики Армения от 2 октября 2019 г. № ЗР-173 «О внесении дополнения в Трудовой кодекс Республики Армения»[441]. В ней конкретизируется принцип равноправия сторон трудовых отношений, установленный в п. 2 ч. 1 ст. 3 ТК РФ, путем уточнения, что именно считается дискриминацией в сфере трудовых отношений, а также что таковой не является.

---

[441] См.: Закон Республики Армения от 2 октября 2019 г. № ЗР-173 «О внесении дополнения в Трудовой кодекс Республики Армения» // URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=120208&ysclid=lq8mh8r65f373940647 (дата обращения: 1.03.2024).

Аналогичная ситуация имеет место в ТК РФ. Ст. 4 «Запрещение дискриминации в сфере труда» конкретизирует содержание принципа равенства прав и возможностей работников (абз. 6 ст. 2 ТК РФ) и принципа запрещения дискриминации в сфере труда (абз 3 ст. 2 ТК РФ). При этом акцент на том, что не является дискриминацией, сделан не в меньшей степени, чем на том, что является дискриминацией. В армянском законодательстве разъяснению того, что не является дискриминацией, уделено меньше внимания.

Также в ст. 4 ТК РФ конкретизируется содержание принципа запрещения принудительного труда, закрепленного в абз. 3 ст. 2 ТК РФ. В ней четко прописывается, что такое принудительный труд, что к нему относится, а также, что не включает в себя принудительный труд.

Остановимся на конструкции закрепления принципов трудового права непосредственно в тексте ст. 2 ТК РФ. Текстуальное выражение принципов здесь сформулировано таким образом, что их содержание понятно и в достаточно лаконичной форме (например, «равенство прав и возможностей работников», «обязательность возмещения вреда, причиненного работнику в связи с исполнением им трудовых обязанностей», «обеспечение права на обязательное социальное страхование работников» и др.). В то же время, в некоторых случаях законодатель использует такие конструкции: 1) «…, а также …», 2) «…, включая …» и 3) «…, в том числе …», позволяющие расширительно толковать изначально изложенное содержание принципа.

Примером первой конструкции может служить норма: «обеспечение права на разрешение индивидуальных и коллективных трудовых споров, **а также** *(выделено нами – В.И.)* права на забастовку в порядке, установленном настоящим Кодексом и иными федеральными законами», примером второй конструкции – «обеспечение права работников и работодателей на объединение для защиты своих прав и интересов, **включая** *(выделено нами – В.И.)* право работников создавать профессиональные союзы и вступать в них, право работодателей создавать объединения работодателей и вступать в них», примером третьей конструкции – «обеспечение права каждого работника на справедливые условия

труда, **в том числе** *(выделено нами – В.И.)* на условия труда, отвечающие требованиям безопасности и гигиены, права на отдых, включая ограничение рабочего времени, предоставление ежедневного отдыха, выходных и нерабочих праздничных дней, оплачиваемого ежегодного отпуска».

При изложении принципов права в тексте нормативного акта важной задачей законодателя является их закрепление таким образом, чтобы содержание каждого принципа было понятно правоприменителю. Использование отмеченных выше конструкций способствует, по нашему мнению, эффективному решению этой задачи в России.

Что касается ТК РА, то в ст. 3 этого кодифицированного акта законодатель ограничился четкими и лаконичными формулировками без специальных уточнений, аналогичных имеющимся в российском законодательстве.

Ранее мы уже акцентировали внимание на том, что в ТК РФ и ТК РА закреплены не все, а только основные принципы трудового законодательства. Это вызывает вопросы, а какие еще принципы трудового права существуют, в каких нормативных правовых актах они закреплены? В гипотезе ст. 2 ТК РФ, изложенной в абз. 1, содержится ответ на второй из поставленных вопросов – источниками закрепления принципов трудового права признаются, кроме ТК РФ, принципы и нормы международного права и Конституция РФ. Одним из международных актов, содержащих некие основополагающие идеи, лежащие в основе регулирования трудовых отношений, является Декларация Международной организации труда «Об основополагающих принципах и правах в сфере труда», принятая в Женеве 18 июня 1998 г.[442]

Мы не являемся специалистом в области международного права, однако можем предположить, что указанная Декларация – не единственный источник международного трудового права. Принципы трудового права могут содержаться

[442] См.: Декларация Международной организации труда «Об основополагающих принципах и правах в сфере труда», принятая в Женеве 18 июня 1998 г. // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 1.03.2024).

и в иных международных актах[443]. Однако, по нашему мнению, все это не так важно особенно в свете российской конституционной реформы 2020 г. Вряд ли у кого в настоящее время вызывает сомнение приоритет норм Конституции РФ над нормами международного права – если международный акт не соответствует российской Конституции, то его нормы не имеют юридической силы на территории Российской Федерации.

В Конституции РА (ч. 3 ст. 5) устанавливается, что «в случае противоречия между нормами международных договоров, ратифицированных Республикой Армения, и законов Республики Армения применяются нормы международных договоров». Учитывая, что национальный законодатель, как правило, не ратифицирует международные договоры, противоречащие Основному закону своей страны, можно утверждать, что в Республике Армения нормы Конституции приоритетны по отношению к международному праву. Тем не менее, мы не отрицаем, что теоретически в международных правовых актах, не противоречащих национальным конституционным актам России и Армении, могут содержаться принципы трудового права. В реальности же эти принципы давно закреплены в том или ином виде в законодательстве и России, и Армении.

По нашему мнению, именно конституционными принципами, не продублированными и/или не конкретизированными в ТК РФ и ТК РА, исчерпывается перечень «иных» принципов трудового права. В прочих нормативных правовых актах, регулирующих трудовые отношения, не может быть принципов права, которые бы не были закреплены в Трудовых кодексах России и Армении. Дело в том, что Трудовой кодекс является кодифицированным актом – общим актом по отношению ко всем остальным актам в сфере регулирования трудовых правоотношений. Соответственно, в прочих актах не может быть норм, носящих более основополагающий характер, чем в отраслевом кодексе.

---

[443] См.: Казакова М.В. Применение судами принципов и норм трудового права, содержащихся в международных договорах Российской Федерации: дис. … канд. юрид. наук. М., 2019; Она же. Применение судами специальных принципов международного трудового права // Российское правосудие. 2019. № 5. С. 71–77.

В отличие от других отраслей российского и армянского права в трудовом праве очевидны различия в специфических отраслевых принципах. Во-первых, оно проявляется в существенно разном количестве самих принципов трудового права (19 против 9). Во-вторых, совпадает всего пять принципов трудового права России и Армении (сюда еще следует добавить конституционной принцип свободы труда, продублированный в отраслевом законодательстве). Полагаем, это обстоятельство обусловливается не различиями правовых систем России и Армении, национальными правовыми традициями, а спецификой социально-экономического и политического развития, оказывающими влияние на фактическое развитие трудовых отношений, влекущим за собой и дальнейшее их правовое регулирование.

Таблица 7

Сравнительная классификация принципов уголовно-процессуального права Российской Федерации и Республики Армения

Принципы уголовно-процессуального права	
I. Конституционные принципы уголовно-процессуального права, не продублированные в УПК РФ[444] и УПК РА[445]	
Общеправовые принципы № 3, 5, 7, 8 из Таблицы 1	**Общеправовые принципы № 1, 2, 6, 7, 9, 10** из Таблицы 1
Принцип освобождения от обязанности давать показания (ст. 51 Конституции РФ)	**Принцип освобождения от обязанности давать показания** (ст. 65 Конституции РА)
Принцип запрета использования доказательств, полученных с нарушением федерального закона (ч. 2 ст. 50 Конституции РФ)	**Принцип запрета использования доказательств, полученного с нарушением основных прав или нарушающего право на справедливое судебное разбирательство** (ч. 3 ст. 63

[444] См.: Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // СЗ РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

[445] См.: Հայաստանի Հանրապետության քրեական դատավարության օրենսգիրք 27 հուլիսի 2021 թ (Уголовно-процессуальный кодекс Республики Армения от 27 июля 2021 г. № ЗР-306) // URL: https: //www.arlis.am/DocumentView.aspx?DocID=176081 (дата обращения: 1.03.2024).

	Конституции РА)
Принцип компенсации (возмещения вреда) (ст. 42, 52, 53 Конституции РФ)	**Принцип возмещения вреда** (ст. 62 Конституции РА)
Принцип недопустимости повторного осуждения за одно и то же преступления (ч. 1 ст. 50 Конституции РФ)	
Принцип открытости судебного разбирательства (ч. 1, 2 ст. 123 Конституции РФ)	
	Принцип осуществление правосудия только судом (ст. 162 Конституции РА)
	Принцип независимости и беспристрастности судей (ч. 1 ст. 63, ч. 1 ст. 164 Конституции РА)
	Принцип неприкосновенности жилища (ст. 32 Конституции РА)
II. Конституционные принципы уголовно-процессуального права, продублированные и (или) конкретизированные в УПК РФ и УПК РА	
Принцип законности при производстве по уголовному делу (ст. 15 Конституции РФ, ст. 7 УПК РФ)	
Принцип уважения чести и достоинства личности (ст. 21, 22 Конституции РФ, ст. 9 и 10 УПК РФ). В УПК РФ данный принцип разделен на два принципа: непосредственно **принцип уважения чести и достоинства личности** (ст. 9) и **принцип неприкосновенности личности** (ст. 10)	**Принцип личной свободы и личной неприкосновенность** (ст. 25, 26, 27 Конституции РА, ст. 18 УПК РА)
Принцип неприкосновенности жилища (ст. 25 Конституции РФ, ст. 12 УПК РФ)	
Принцип тайны переписки, телефонных и иных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений (ч. 2 ст. 23 Конституции РФ, ст. 13 УПК РФ)	
Принцип языка уголовного	**Принцип языка производства** (ст. 20

судопроизводства (ст. 69 Конституции РФ, ст. 18 УПК РФ)	Конституции РА, ст. 27 УПК РА)
Принцип презумпции невиновности (ст. 49 Конституции РФ, ст. 14 УПК РФ)	**Принцип презумпции невиновности** (ст. 66 Конституции РА, ст. 17 УПК РА)
Принцип осуществление правосудия только судом (ст. 124 Конституции РФ, ст. 8 УПК РФ)	
Принцип независимости судей (ч. 1 ст. 120 Конституции РФ, ст. 8.1 УПК РФ)	
Принцип гарантированности охраны прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве (ст. 2, 17, 18, 45, 55, 56 Конституции РФ, ст. 11 УПК РФ)	
Принцип состязательности сторон (ч. 3 ст. 123 Конституции РФ, ст. 15 УПК РФ)	
Принцип обеспечение подозреваемому и обвиняемому права на защиту (ст. 48 Конституции РФ, ст. 16 УПК РФ)	**Принцип обеспечения юридической помощи** (ст. 64 Конституции РА, ст. 19 УПК РА)
	Принцип равенства всех перед законом (ст. 28, 29, 30 Конституции РА, ст. 16 УПК РА)
	Принцип конфиденциальности частной и семейной жизни (ст. 31 Конституции РА, ст. 26 УПК РА)
	Принцип обеспечения судебной защиты (ст. 61 Конституции РА, ст. 23 УПК РА)
	Принцип разумного срока производства (ч. 1 ст. 63 Конституции РА, ст. 24 УПК РА)
	Принцип публичности судебного производства (ч. 1 ст. 63 Конституции РА, ст. 28 УПК РА)
	Принцип обеспечения защиты обвиняемого (ст. 67 Конституции РА, ст. 20 УПК РА).
	Принцип недопустимости повторного осуждения (ст. 68 Конституции РА, ст. 25 УПК РА)

III. Отраслевые принципы уголовно-процессуального права, нашедшие отражение только в УПК РФ и УПК РА	
Принцип свободной оценки доказательств (ст. 17 УПК РФ)	
Принцип разумного срока уголовного судопроизводства (ст. 6.1 УПК РФ)	
	Принцип публичности производства (ст. 15 УПК РА)
	Принцип равенства и состязательности сторон (ст. 21 УПК РА)
	Принцип использования надлежащих доказательств (ст. 22 УПК РА)
	Принцип запрета неправомерного поведения (ст. 29 УПК РА)

В Таблице 7 наглядно продемонстрировано, что в системе принципов уголовно-процессуального права России и Армении имеются различия, касающиеся подхода законодателя к выстраиванию их системы, количества и видов принципов. В период действия в Армении УПК РА 1998 г.[446] соответствующих расхождений было меньше[447].

В ходе реформирования уголовного судопроизводства в Армении существенно изменился подход к нормативному закреплению принципов права в УПК РА. В частности в УПК РА 2021 г. законодатель отказался от дублирования ряда конституционных принципов в отраслевом законодательстве. Так, в новом УПК РА не нашлось места общеправовым принципам законности, тайны переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, а также таким специфическим отраслевым и/или

[446] См.: Уголовно-процессуальный кодекс Республики Армения от 1 сентября 1998 г. № ЗР-248 // URL: http://parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=1450&lang=rus (дата обращения: 31.01.2024).

[447] Сравнение принципов уголовного судопроизводства России и Армении по УПК РА 1998 г. и УПК РФ было проведено нами в работе: Илюхина В.А. Принципы уголовного судопроизводства Российской Федерации и Республики Армении (сравнительно-правовой анализ) // Уголовное судопроизводство. 2018. № 2. С. 43–48;

межотраслевым принципам как освобождение от обязанности давать показания, осуществления правосудия только судом, неприкосновенности жилища. Это, несмотря на то, что в одном из проектов УПК РА планировалось сохранение принципов неприкосновенности частной жизни, жилища и имущества[448].

Также из УПК РА исчезли такие ранее имевшие нормативное закрепление принципы как справедливое рассмотрение дела, восстановление прав пострадавших от судебных ошибок, свободная оценка доказательств, неприкосновенность личности, неприкосновенности имущества. Однако на отраслевом уровне был продублированы, отсутствовавшие в УПК РА 1998 г., общеправовой конституционный принцип конфиденциальности частной и семейной жизни и конституционный межотраслевой принцип разумного срока производства.

В УПК РА 2021 г. появились новые (имеется в виду для отраслевого кодекса) принципы уголовного судопроизводства: публичности производства (в армянском праве разграничиваются принципы публичного производства и принцип публичности судебного разбирательства), обеспечение судебной защиты, разумного срока производства, использования надлежащих доказательств, запрета неправомерного поведения, конфиденциальности частной и семейной жизни. Наибольший интерес в плане заимствования армянского опыта российским законодателем представляет принцип запрета неправомерного поведения, который мы подробно рассмотрим в главе 3 нашего исследования.

В настоящее время можно выделить 22 принципа российского уголовно-процессуального права и 27 принципов армянского уголовно-процессуального права. Полагаем, что количественная разница в 5 принципов может рассматриваться в качестве достаточно серьезной. При этом в первую группу

---

[448] См.: Բիշարյան Կ., Ղամբարյան Ա. ՀՀ քրեական դատավարության նոր օրենսգրքի հայեցակարգային առանձին դրույթների և քրեական դատավարության օրենսգրքի նախագծի ընդհանուր մասի տեսագործնական վերլուծություն. Եր.: Վարդհրատ, 2012, էջ. 54–55 (Бишарян К., Гамбарян А. Практический анализ отдельных концептуальных положений нового УПК РА и общей части проекта УПК. Ереван: ВардГрат, 2012. С. 54–55).

входят 8 и 12 принципов (соответственно), из них в России 3 общеправовых и 5 конституционных отраслевых (межотраслевых), в Армении – 6 и 6.

Количество принципов второй группы почти одинаково – 12 в России и 11 в Армении. Обратим внимание, что два принципа российского уголовно-процессуального права (принцип уважения чести и достоинства личности и принцип свободы и личной неприкосновенность) в армянском уголовно-процессуальном праве представляют собой единый принцип – принцип личной свободы и личной неприкосновенности.

Также следует отметить, что конституционный общеправовой принцип равенства всех перед законом в Армении закреплен и в Конституции РА (ст. 28, 29, 30), и в УПК РА (ст. 16), в России же он не продублирован в УПК РФ и является только конституционным принципом уголовно-процессуального права России (ст. 19 Конституции РФ).

Аналогичная ситуация имеет место с

– конституционным общеправовым принципом неприкосновенности частной жизни, который в УПК РФ не продублирован, а в УПК РА закреплен в ст. 26;

– конституционным межотраслевым принципом открытости (публичности) судебного разбирательства, который в УПК РФ не продублирован, а в УПК РА закреплен в ст. 28;

– конституционным отраслевым принципом недопустимости повторного осуждения за одно и то же преступления, который в УПК РФ не закреплен, а в УПК РА продублирован в ст. 25.

Общеправовой принцип законности в Армении (ст. 6 Конституции РА) не продублирован в УПК РА, т.е. входит в первую группу принципов, а в России он относится к принципам второй группы, поскольку закреплен в ст. 15 Конституции РФ и конкретизирован применительно к уголовному судопроизводству в ст. 7 УПК РФ.

Тоже относится к

– конституционному общеправовому принципу гарантированности охраны прав и свобод человека и гражданина. Применительно к уголовному судопроизводству он конкретизирован в ст. 11 УПК РФ, а в УПК РА отсутствует,

– конституционному общеправовому принципу тайны переписки, телефонных и иных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, продублированному в ст. 13 УПК РФ и отсутствующему в УПК РА;

– конституционному межотраслевому принципу неприкосновенности жилища – в Армении он не продублирован в УПК РА, а в УПК РФ ему отведено место в ст. 12;

– конституционному межотраслевому принципу независимости судей. В России он продублирован в ст. 8.1 УПК РФ, в УПК РА ему не нашлось места;

– конституционному межотраслевому принципу осуществления правосудия только судом, закрепленному в ст. 8 УПК РФ и отсутствующему в УПК РА.

Специальных отраслевых принципов уголовно-процессуального права, входящих в третью группу, в УПК в России только 2, а в Армении – 4. Однако, в реальности различий меньше, чем может показаться. Так, армянский принцип равенства и состязательности сторон (ст. 21 УПК РА) является аналогом российского принципа состязательности сторон, сторон, закрепленного сразу на двух уровнях: конституционном (ч. 3 ст. 123 Конституции РФ) и отраслевом (ст. 15 УПК РФ). Наоборот, принцип разумного срока уголовного судопроизводства (ст. 6.1 УПК РФ), входящий в России в третью группу, в Армении закреплен и в Конституции РА (ч. 1 ст. 63), и в УПК РА (ст. 24).

Сравнительная классификация принципов уголовно-процессуального права Российской Федерации и Республики Армения приводит к следующим выводам. В целом можно отметить ярко выраженную тенденцию преобладания принципов уголовно-процессуального права, закрепленных в Конституции. Всего таковых в России 20 из 22-х, а в Армении 23 из 27-ми.

Что касается не количественных, а сущностных показателей, то в плане наименования о содержания принципов уголовно-процессуального права

по УПК РФ и УПК РА 1998 г. было больше сходства, чем между принципами, закрепленными в УПК РФ и УПК РА 2021 г.

Тем не менее, если не принимать во внимание уровни закрепления того иного принципа уголовно-процессуального права Российской Федерации и Республики Армения, то складывается следующая картина. В России существует только один специфический отраслевой принцип (принцип свободной оценки доказательств), аналога которому нет среди принципов армянского права. Все остальные российские принципы, несмотря на некоторые нюансы, касающиеся их формулировок, сущностно совпадают с принципами соответствующей отрасли права Армении.

Однако в Республике Армения имеется целых семь принципов уголовно-процессуального права, которые не имеют нормативного закрепления в российском законодательстве. Это два общеправовых принципа (принцип соразмерности и принцип определенности). В Армении они являются общеправовыми конституционными принципами. В России же это доктринальные принципы, поскольку они не имеют нормативного закрепления ни на конституционном, ни на отраслевом уровнях. Из-за различий в Конституциях России и Армении имеются расхождения в принципах второй группы (конституционные принципы, продублированные в отраслевом законодательстве). В Армении два принципа этой группы, аналогов которым нет в России: принцип обеспечения судебной защиты и принцип обеспечения защиты обвиняемого. Наконец, среди принципов третьей группы (специфические отраслевые принципы уголовно-процессуального права, закрепленные только в УПК) в УПК РА имеется три принципа, у которых нет аналогов в УПК РФ: принцип публичности производства, принцип использования надлежащих доказательств и принцип запрета неправомерного поведения.

Учитывая, что компаративистское исследование преследует не только когнитивную, но и прагматическую цель, считаем необходимым отметить, что российскому законодателю целесообразно задуматься, как минимум, по поводу

заимствования такого принципа уголовно-процессуального права Армении в российское законодательство как принцип запрета неправомерного поведения.

Таблица 8

Сравнительная классификация принципов административного процессуального права Российской Федерации и Республики Армения

Принципы административного процессуального права	
Российская Федерация	**Республика Армения**
I. Конституционные принципы административного процессуального права, не продублированные в КАС РФ[449] и КАС РА[450]	
Общеправовые принципы № 2, 4–8 из Таблицы 1	**Общеправовые принципы № 1–10** из Таблицы 1
Принцип освобождения от обязанности давать показания (ст. 51 Конституции РФ)	**Принцип освобождения от обязанности давать показания** (ст. 65 Конституции РА)
Принцип запрета использования доказательств, полученных с нарушением федерального закона (ч. 2 ст. 50 Конституции РФ)	**Принцип запрета использования доказательств, полученного с нарушением основных прав или нарушающего право на справедливое судебное разбирательство** (ч. 3 ст. 63 Конституции РА)
Принцип компенсации (возмещения вреда) (ст. 42, 52, 53 Конституции РФ)	**Принцип возмещения вреда** (ст. 62 Конституции РА)
Принцип осуществление правосудия только судом (ст. 124 Конституции РФ)	**Принцип осуществление правосудия только судом** (ст. 162 Конституции РА)
	Принцип независимости и беспристрастности судей (ч. 1 ст. 63, ч. 1 ст. 164 Конституции РА)
	Принцип разумного срока производства (ч. 1 ст. 63 Конституции РА)

[449] См.: Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 8 марта 2015 г. № 21-ФЗ // СЗ РФ. 2015. № 10. Ст. 1391.

[450] См.: Кодекс административного судопроизводства Республики Армения от 28 декабря 2013 г. № ЗР-139 // URL: http://parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=4837&lang=rus (дата обращения: 1.03.2024).

II. Конституционные принципы административного процессуального права, продублированные и (или) конкретизированные в КАС РФ и КАС РА	
Принцип независимости судей (ч. 1 ст. 120 Конституции РФ, п. 1 ст. 6, ст. 7 КАС РФ)	
Принцип равенства перед законом и судом (ст. 19 Конституции РФ, п. 2 ст. 6, ст. 8 КАС РФ)	
Принцип законности и справедливости при рассмотрении и разрешении административных дел (ст. 15 Конституции РФ, п. 3 ст. 6, ст. 9 КАС РФ)	
Принцип гласности и открытости судебного разбирательства (ч. 1, 2 ст. 123 Конституции РФ, п. 5 ст. 6, ст. 11 КАС РФ)	**Принцип гласности (публичности) судебного производства** (ч. 1 ст. 63 Конституции РА, ст. 8 КАС РА)
Принцип языка административного судопроизводства (ст. 69 Конституции РФ, ст. 12 КАС РФ)	**Принцип языка административного судопроизводства** (ст. 20 Конституции РА, ст. 9 КАС РА)
Принцип состязательности и равноправия сторон (ч. 3 ст. 123 Конституции РФ, п. 7 ст. 6, ст. 14 КАС РФ)	
III. Отраслевые принципы административного процессуального права, нашедшие отражение в КАС РФ и КАС РА	
Принцип осуществления административного судопроизводства в разумный срок и исполнение судебных актов по административным делам в разумный срок (п. 4 ст. 6, ст. 10 КАС РФ)	
Принцип непосредственности судебного разбирательства (п. 6 ст. 6, ст. 13 КАС РФ)	
Принцип обязательности судебных актов (ст. 16 КАС РФ)	
	Принцип установление фактических обстоятельств по должности (ст. 5

	КАС РА)
	Принцип осуществление административного судопроизводства на основе равноправия сторон (ст. 6 КАС РА)
	Принцип устности рассмотрения дел (ст. 7 КАС РА)

И в КАС РФ, и в КАС РА четко выделяются принципы административного судопроизводства. При этом российский и армянский законодатель пошли разными путями их закрепления.

В КАС РФ принципы административного судопроизводства перечисляются в отдельной статье – статье 6, которая так и называется «Принципы административного судопроизводства». В ней названо семь принципов. Однако законодатель в ряде последующих статей КАС РФ посчитал необходимым раскрыть содержание принципов административного судопроизводства. При этом оказалось, что перечень принципов, содержащиеся в ст. 6 КАС РФ не является исчерпывающим.

С.А. Майоровой было достаточно убедительно обосновано положение, что в КАС РФ закреплено не семь, а девять принципов административного судопроизводства – к семи принципам, содержащимся в ст. 6 добавляются также принцип языка административного судопроизводства (ст. 12) и принцип обязательности судебных актов (ст. 16)[451].

С.Ю. Томчик также отмечает два противоречия в КАС РФ, допущенные законодателем: «1) отсутствие принципов языка судопроизводства и обязательности судебных решений в перечне ст. 6 КАС; 2) выделение от остальной части принципов административного судопроизводства принципа обязательности судебных решений ст. 15 «Нормативные правовые акты, применяемые при разрешении административных дел»»[452].

---

[451] См.: Майорова С.А. Принципы административного судопроизводства // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2016. № 1 (33). С. 137–138.

[452] Томчик С.Ю. Законодательное регулирование принципов административного судопроизводства // Российский журнал правовых исследований. 2016. № 2 (7). С. 141.

В целом конструкция закрепления принципов административного судопроизводства в КАС РФ представляется неудачной. Выделив отдельную статью, перечисляющую соответствующие принципы, законодатель решил раскрыть их содержание в последующих статьях, добавив два принципа, не указанных в ранее приведенном перечне. Если исходить из замысла закрепления принципов административного судопроизводства в одной статье, то имело смысл там же и раскрыть их содержание. Следовательно, нельзя согласиться с С.А. Майоровой, что «с точки зрения законодательной техники закрепление принципов административного судопроизводства в КАС в целом представляется достаточно удачным»[453].

Более предпочтительной, на наш взгляд, является конструкция закрепления принципов административного судопроизводства, использованная в КАС РА. В названном документе выделена отдельная глава – гл. 2 «Принципы административного судопроизводства». В ней в ст. 5–9 не только имеется перечисление, но и раскрывается содержание пяти принципов. И каждому принципу посвящена отдельная статья закона в рамках гл. 2. Таким образом, отсутствуют основания для дискуссий, имеются ли еще какие-либо иные, закрепленные в КАС РА, положения, которые являются принципами административного судопроизводства.

Общим недостатком и КАС РФ, и КАС РА является, на наш взгляд, то, что кроме как в названиях ст. 6 КАС РФ и гл. 2 КАС РА законодатель не использует слово «принцип». В некоторых случаях это позволило бы снять сомнения в идентификации того или иного положения, в качестве принципа административного судопроизводства.

Из Таблицы 8 следует, что в российском праве существует 19 принципов административного процессуального права, а в армянском праве – 21 принцип. При этом в первую группу в России входят 10 принципов, в Армении – 16, из них общеправовые принципы составляют 6 и 10, а конституционные межотраслевые –

[453] Майорова С.А. Принципы административного судопроизводства // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2016. № 1 (33). С. 137.

4 и 6 (соответственно). Обратим внимание, что из девяти принципов административного процессуального права, перечисленных в КАС РФ, на конституционном уровне закреплено шесть. В Армении в КАС РА продублировано два конституционных принципа – принцип гласности (или публичности) судебного производства, совпадающий в целом с российским принципом гласности и открытости судебного разбирательства и принцип языка административного судопроизводства. Что касается принципов третьей группы, то в России и Армении их по 3, но при этом ни один из них не совпадает.

Однако в реальности указанные расхождения не такие значительные, как может показаться на первый взгляд. Дело в том, что вне зависимости от уровня закрепления (здесь мы не берем в расчет отличия в общеправовых принципах) подавляющее большинство принципов совпадает. В России нормативно закреплено только два принципа, которые не закреплены в Армении (принцип непосредственности судебного разбирательства и принцип обязательности судебных актов). В Армении также нормативно закреплено всего два принципа административного процессуального права, которых нет в российском административном процессуальном праве: принцип установление фактических обстоятельств по должности и принцип устности рассмотрения дел. Все отмеченное выше в совокупности свидетельствует о близости соответствующей отрасли российского и армянского права.

Исходя из сравнительно-правового анализа принципов административного судопроизводства России и Армении, можно сделать ряд практических рекомендаций по совершенствованию нормативного закрепления принципов права обоих государств.

Во-первых, конструкция закрепления принципов административного судопроизводства в отдельной главе представляется более предпочтительной, чем в отдельной статье с последующим их раскрытием в других статьях. Мы осознаем, что в рамках совершенствования КАС РФ законодатель вряд ли пойдет на введение дополнительной главы «Принципы административного судопроизводства», поэтому предлагаем совершенствовать имеющуюся

конструкцию следующим образом. Считаем целесообразным дополнить ст. 6 пунктом 8: «8) принцип языка административного судопроизводства» и пунктом 9: «9) принцип обязательности судебных актов», т.к. в настоящее время имеется нормативная несогласованность, выражающаяся в том, что в ст. 6 КАС РФ названо семь принципов административного судопроизводства, а среди последующих статей, раскрывающих их содержание, закреплено еще два принципа.

Во-вторых, во избежание разночтений в идентификации нормативно закрепленных положений именно в качестве принципов административного судопроизводства целесообразно в названиях соответствующих статей КАС РФ и КАС РА использовать слово «принцип». Например, ст. 7 КАС РФ должна называться не «Независимость судей», а «Принцип независимости судей», ст. 8 – не «Равенство всех перед законом и судом», а «Принцип равенство всех перед законом и судом» и т.д.

В-третьих, законодателю России, исходя из армянского опыта, было бы целесообразно рассмотреть возможность нормативного закрепления в КАС РФ принципа активной роли суда в административном судопроизводстве (принцип установления фактических обстоятельств по должности) и принципа устности судебного разбирательства, а армянскому законодателю, исходя из российского опыта, – закрепить в КАС РА принцип непосредственности судебного разбирательства и принцип обязательности судебных актов.

Таблица 9

Сравнительная классификация принципов гражданского процессуального права Российской Федерации и Республики Армения

Принципы гражданского процессуального права
I. Конституционные принципы гражданского процессуального права, не продублированные в ГПК РФ[454] и ГПК РА[455]

[454] См.: Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.

Общеправовые принципы № 1, 2, 4–8 из Таблицы 1	**Общеправовые принципы № 1, 2, 4–10** из Таблицы 1
Принцип освобождения от обязанности давать показания (ст. 51 Конституции РФ)	**Принцип освобождения от обязанности давать показания** (ст. 65 Конституции РА)
Принцип запрета использования доказательств, полученных с нарушением федерального закона (ч. 2 ст. 50 Конституции РФ)	**Принцип запрета использования доказательств, полученного с нарушением основных прав или нарушающего право на справедливое судебное разбирательство** (ч. 3 ст. 63 Конституции РА)
Принцип компенсации (возмещения вреда) (ст. 42, 52, 53 Конституции РФ)	**Принцип возмещения вреда** (ст. 62 Конституции РА)
	Принцип осуществление правосудия только судом (ст. 162 Конституции РА)
	Принцип независимости и беспристрастности судей (ч. 1 ст. 63, ч. 1 ст. 164 Конституции РА)
	Принцип разумного срока производства (ч. 1 ст. 63 Конституции РА)
II. Конституционные принципы гражданского процессуального права, продублированные и (или) конкретизированные в ГПК РФ и ГПК РА	
Принцип осуществление правосудия только судом (ст. 124 Конституции РФ, ст. 5 ГПК РФ)	
Принцип равенства всех перед законом и судом (ст. 19 Конституции РФ, ст. 6 ГПК РФ)	**Принцип равенства всех перед законом и судом** (ст. 28, 29, 30 Конституции РА, ст. 11 ГПК РА)
Принцип независимости судей (ч. 1 ст. 120 Конституции РФ, ст. 8 ГПК РФ)	
Принцип государственного языка судопроизводства (ст. 69 Конституции РФ, ст. 9 ГПК РФ)	**Принцип языка судопроизводства** (ст. 20 Конституции РА, ст. 16 ГПК РА)
Принцип гласности судебного разбирательства (ч. 1, 2 ст. 123 Конституции РФ, ст. 10 ГПК РФ)	**Принцип публичности судебного производства** (ч. 1 ст. 63 Конституции РА, ст. 17 ГПК РА)

[455] См.: Гражданский процессуальный кодекс Республики Армения от 27 февраля 2018 г. № ЗР-110 // URL: http://www.parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=6196&lang=rus (дата обращения: 1.03.2024).

Принцип осуществления правосудия на основе состязательности и равноправия сторон (ч. 3 ст. 123 Конституции РФ, ст. 12 ГПК РФ)	
III. Отраслевые принципы гражданского процессуального права, нашедшие отражение только в ГПК РФ и ГПК РА	
Принцип разумного срока судопроизводства и разумного срока исполнения судебного постановления (ст. 6.1 ГПК РФ)	
Принцип обязательности судебных постановлений (ст. 13 ГПК РФ)	
	Принцип диспозитивности (ст. 12 ГПК РА)
	Принцип конкуренции (состязательности) (ст. 13 ГПК РА)
	Принцип недопустимости злоупотребления процессуальными правами (ст. 14 ГПК РА)
	Принцип устности рассмотрения дел (ст. 15 ГПК РА)

Проблемным моментом при выделении принципов гражданского процессуального права является неудачная конструкция их закрепления в ГПК РФ. Дело в том, что в названном нормативно правовом акте отсутствует структурный элемент с названием «принципы», однако ряд базовых положений соответствующей отрасли закреплен в статьях, находящихся в первом разделе ГПК РФ «Общие положения» в гл. 1 «Основные положения». Также непосредственно в названии статей, входящих в эту главу, и ее тексте законодатель не использует термин «принцип», что вызывает неудобство не столько при выделении принципов гражданского процессуального права, сколько при их наименовании.

Такая же ситуация имела место в ГПК РА 1998 г.[456] В нем не было отдельного структурного элемента, который назывался бы «Принципы права». В гл. 1 «Основные положения» раздела 1 «Общие положения» имелось несколько статей, которые закрепляли принципы гражданского процессуального права, но при этом само понятие «принцип» не использовалось[457]. Кардинальные изменения произошли в 2018 г. с принятием нового ГПК РА. В нем в разделе 1 «Общие положения» выделена специальная гл. 2 «Принципы гражданского судопроизводства». Само по себе это обстоятельство позволяет отбросить какие-либо сомнения относительно того, считает ли законодатель то или иное нормативно закрепленное в ГПК РА положение принципом гражданского процессуального права или нет. Также следует отметить, что если в ГПК РА 1998 г. был достаточно лаконичен в раскрытии содержания принципов (за исключением, пожалуй, только принципа гласности разбирательства дел), то в ГПК РА 2018 г. содержание всех принципов раскрывается более подробно. В гл. 2 ГПК РА 2018 г. содержится семь статей (ст. 11–17), каждая из которых посвящена одному принципу гражданского судопроизводства. Обратим внимание, что понятие «принципы» используется только в названии главы, но не в названии статей.

В целом, как наглядно продемонстрировано в Таблице 9, существует 18 принципов гражданского процессуального права Российской Федерации и 22 принципа гражданского процессуального права Республики Армения. Большинство их, как и во многих других отраслях российского и армянского права, относятся к принципам первой группы: 10 и 15 (соответственно). Причем, как и для других процессуальных отраслей, для гражданского процессуального права России и Армении характерно наличие не только конституционных общеправовых принципов (7 и 9), но и специфических межотраслевых принципов, не продублированных в отраслевых кодексах (3 и 6). Продублировано

---

[456] См.: Гражданский процессуальный кодекс Республики Армения от 7 августа 1998 г. № ЗР-247 // URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=3015 (дата обращения: 1.03.2024).

[457] Подробнее см.: Илюхина В.А. Принципы гражданского процессуального права Республики Армения // Арбитражный и гражданский процесс. 2019. № 3. С. 57–60.

в ГПК РФ и ГПК РА 6 и 3 конституционных принципа (соответственно). Что касается собственно специфических отраслевых принципов, закрепленных только ГПК, то в России их 2, а в Армении – 4.

Как и в административном процессуальном праве, отмеченные расхождения в реальности не такие значительные, как может показаться на первый взгляд. Подавляющее большинство принципов совпадает – просто часть их закреплена в России и Армении на разных уровнях. Единственным принципом гражданского процессуального права России, которого нет в Армении, является принцип обязательности судебных постановлений (ст. 13 ГПК РФ). Обратим внимание, что ст. 5 ГПК РА называется «Судебные акты по гражданским делам и их обязательность», а в ее ч. 5 излагается правило: «Вступивший в законную силу судебный акт, а также требования суда обязательны для исполнения их адресатами и подлежат исполнению на всей территории Республики Армения». Однако указанная статья входит не в гл. 2 «Принципы гражданского судопроизводства», а в гл. 1 1 «Основные положения». Вряд ли армянский законодатель сделал это неосознанно. Несомненно, правило об обязательности судебного акта, хотя и играет важную роль в гражданском судопроизводстве, но не относится законодателем к принципам гражданского процессуального права Армении. Тем не менее, такая позиция представляется нам ошибочной, Полагаем, что нормам об обязательности судебных актов должно быть отведено в главе, посвященной принципам права.

В отличие от ГПК РФ в ГПК РА закреплено три следующих принципа: принцип диспозитивности (ст. 12 ГПК РА), принцип недопустимости злоупотребления процессуальными правами (ст. 14 ГПК РА) и принцип устности рассмотрения дел (ст. 15 ГПК РА).

Завершая рассмотрение классификации принципов российского и армянского гражданского процессуального права по источнику закрепления, отметим, что, по нашему мнению, российскому законодателю было бы целесообразно использовать армянский опыт закрепления принципов гражданского судопроизводства, выделив в ГПК РФ отдельную главу «Принципы

гражданского судопроизводства», переместив туда нормы, содержащие основополагающие идеи гражданского процессуального права.

Классифицировав принципы права России и Армении, мы не можем не остановиться на взаимосвязанных проблемах иерархии и конкуренции принципов права. Если проблеме иерархичности принципов права уделяется определенное, хотя и очень небольшое, внимание в научной литературе[458], то проблема конкуренции принципов права, как справедливо отмечает Н.А. Власенко, является малоизученной[459], а И.В. Решетникова обращает внимание, что «говорить о конкуренции принципов у нас не принято»»[460]. Действительно, вопросы, связанные с конкуренцией принципов права рассматривается лишь в небольшом количестве российских цивилистических исследований[461], а в армянской юридической науке – в общетеоретических исследованиях А.С. Гамбаряна[462].

Классификация принципов права по сфере их действия не дает прямого и четкого ответа на вопрос об иерархичности системы права. Отнесение того или иного принципа к общеправовым, межотраслевым или отраслевым свидетельствует о степени его распространенности в правовой системе, а не роли

---

[458] Проблеме иерархии принципов права уделяется место в непозитивистских концепциях Р. Дворкина, Я. Стоилова, А.В. Коновалова, о чем речь шла в первой главе нашей работы. Что касается позитивистского правопонимания, то в его рамках целенаправленная попытка рассмотреть иерархию принципов права была предпринята только А.А. Подшибякиной (см.: Подшибякина А.А. Обоснование иерархии в системе принципов финансового права // Финансовое право. 2013. № 1. С. 39–44).

[459] См.: Власенко Н.А. Конкуренция принципов права // Юридическая техника. 2020. № 14. С. 52. Также см.: Власенко Н.А. Методологические основания исследования правовых ценностей: монография. М.: Норма, 2023. С. 71–75.

[460] Решетникова И.В. Российское судопроизводство: Избранное. М.: Статут, 2019. С. 83.

[461] См.: Решетникова И.В. Конкуренция принципов в цивилистическом процессе // Вестник гражданского процесса. 2013. № 5. С. 10–20; Сырбо В.А. Конкуренция принципов семейного и гражданского права // Тенденции развития юридической науки на современном этапе: сб. тр. Международной научно-практической конференции, посвященной 40-летию юридического факультета Кемеровского государственного университета, Кемерово, 28 мая 2015 г. Кемерово: Кемеровский государственный университет, 2015. С. 323–326; Решетникова И.В. Российское судопроизводство: Избранное. М.: Статут, 2019. С. 83–93.

[462] См.: Гамбарян А.С. Внесистемные коллизии и внутрисистемные конфликты принципов права: доктрина, практика, техника // Юридическая техника. 2020. № 14. С. 36–45. Также см.: Гамбарян А.С., Даллакян Л.Г. Коллизионные нормы и их конкуренция: монография. М.: Юрлитинформ, 2019. С. 100–139.

в ней. Поэтому попытки выстроить иерархическую систему принципов права, исходя из выделения общих, межотраслевых, отраслевых (а также принципов подотраслей и институтов права)[463] представляются не адекватными правовой действительности и бесперспективными.

Однако, учитывая, что все общеправовые принципы в настоящее время в странах континентального права, включая Россию и Армению, являются конституционными, то при конкуренции между общеправовыми и иными принципами приоритет безоговорочно должен отдаваться общеправовым принципам. При этом следует учитывать, что конкуренция может иметь место между отдельными общеправовыми принципами.

Классификация принципов права по источнику закрепления дает более ясное, но, все же, не абсолютно четкое представление об иерархии принципов права. Полагаем, что конституционно закрепленные принципы права имеют приоритет над принципами права, сформулированными только в отраслевом законодательстве. Спорным моментом представляется наличие конкуренции между конституционными принципами права, продублированными и не продублированными в отраслевом законодательстве. С одной стороны, дублирование или конкретизация конституционного принципа в отраслевом законодательстве свидетельствует о понимании законодателем значимости соответствующей идеи для отрасли. С другой стороны, отказ от дублирования конституционных принципов в отраслевых кодексах может быть осознанным волеизъявлением законодателя, вызываться намерением не перегружать кодифицированный акт дублированием конституционных положений. «Замысел» и «намерения» законодателя – это не нормы права, тем более, они не всегда известны и понятны, поэтому суды не обязаны ими руководствоваться. Другое дело, если они использованы в правовых позициях высших судов, являющихся разновидностью судебной практики.

---

[463] См., напр., Смирнова А.В. Принципы права в системе источников современного российского права: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2020. С. 96.

Таким образом, мы приходим к выводу, что конкуренция между конституционными принципами, продублированными и конституционными принципами, не продублированными в отраслевом законодательстве, существует не как системная проблема. Она может возникать только при рассмотрении конкретных дел (категорий дел). И для разрешения такого рода коллизии не существует универсальных правил – суды должны решать конкретное дело, исходя из его обстоятельств, применяя принципы права, им соответствующие. По мнению Р. Алекси, «правовые возможности реализации определенного принципа зависят не только от норм, но и в значительной степени от других, противоположных принципов. Последнее подразумевает, что принципы могут и должны быть сбалансированы. Достижение баланса между принципами (оценка веса, взвешивание принципов) является типичной формой реализации принципов»[464]. Именно суды и занимаются «взвешиванием» принципов и определяют их применимость к той или иной ситуации.

Сказанное выше позволяет поставить вопрос: существует ли внутренняя иерархия конституционных принципов права? Полагаем – нет. Мы имеем в виду именно конституционные принципы, которые по сфере действия могут быть и общеправовыми, и межотраслевыми, и отраслевыми. Для разрешения спора, возникшего в конкретной жизненной ситуации, имеет значение применимость к ней определенной нормы, а не ее потенциальная применимость к другим жизненным ситуациям. Следовательно, вопрос о конкуренции конституционных принципах права должен решать суд, исходя из обстоятельств рассматриваемого дела. По отдельным категориям дел может и должна складываться единообразная судебная практика, но далеко не всегда она должна быть такой же по другим категориям дел.

Что касается конкуренции принципов права и других правовых норм, то, как верно отмечает А.С. Гамбарян, ученые сходятся во мнении, что при коллизиях между принципами права и другими правовыми нормами приоритетное значение

---

[464] См.: Алекси Р. Понятие и действительность права (ответ юридическому позитивизму) / пер. с нем. М.: Инфотропик Медиа, 2011. С. 89.

имеют принципы права[465]. В Армении это правило получило государственное признание на уровне постановления Конституционного Суда РА[466].

В научной литературе общеупотребительным стало сочетание «система принципов права», однако, зачастую характеристика системы принципов права подменяется их классификацией. Одним из ярких примеров является диссертационное исследование Н.М. Вагиной, посвященное принципам публичного права. Автор отводит исследованию системы принципов права отдельный параграф[467], но приходит к банальным выводам. По ее мнению, система принципов публичного права состоит из трех элементов: общеправовых принципов в публичном праве, принципов публичного права как некоего целого системно-функционального образования и принципов отраслей и институтов публичного права. По сути, это очередная версия классификации принципов права на общеправовые, межотраслевые и отраслевые. Причем если сама по себе конструкция выглядит логичной, то ее наполнение вызывает серьезные сомнения вследствие того, что Н.М. Вагина не разграничивает принципы, непосредственно закрепленные в текстах нормативных правовых актов, и принципы выводимые учеными и правоприменителм путем толкования закона[468]. Тем самым

---

[465] См.: Гамбарян А.С. Внесистемные коллизии и внутрисистемные конфликты принципов права: доктрина, практика, техника // Юридическая техника. 2020. № 14. С. 38.

[466] См.: Там же; Постановление Конституционного Суда Республики Армения № 1081 от 16 апреля 2013 г. «По делу об определении вопроса соответствия части 4 статьи 44 закона Республики Армения «Регламент Национального Собрания» Конституции Республики Армения на основании обращения депутатов Национального Собрания РА» // URL: https://www.concourt.am/decision/full_text/2013-ru-sdv-1081.pdf (дата обращения: 1.03.2024).

[467] См.: Вагина Н.М. Принципы публичного права: дис. … канд. юрид. наук. Самара, 2004. С. 169–192.

[468] Так, к принципам второй группы (принципы публичного права как особое системно-функциональное образование) Н.М. Вагина относит принцип приоритета публичных интересов; принцип ограничения государственной власти, принцип преобладания императивных норм в публичном праве, принцип централизации правового регулирования, принцип ответственности государственных служащих за неисполнение либо ненадлежащее исполнение своих должностных обязанностей ответственности должностных лиц, а принципам третьей группы (принципы отраслей и институтов публичного права) – осуществления правосудия только судом, принцип сочетания единоличных и коллегиальных начал при рассмотрении дел, принцип гласности, принцип непосредственности в судебном разбирательстве, принцип государственного языка судопроизводства, принцип состязательности, принцип определенности налогообложения и принцип единства налоговой системы и др. (см.: Вагина Н.М. Принципы публичного права: дис. … канд. юрид. наук. Самара, 2004. С. 10–11).

происходит смешение принципов позитивного права и доктринальных принципов, игнорируются их сущностные различия, включая их место в правовой системе.

В диссертационном исследовании К.С. Захаровой, посвященном исследованию системных связей принципов права, предлагается определение системы принципов права. Под ней понимается «суммативное структурно упорядоченное единство принципов права, обладающее системной связью, относительной самостоятельностью, устойчивостью, автономностью функционирования в целях урегулирования общественных отношений»[469]. Однако, к сожалению, предприняв попытку рассмотреть различные системные связи принципов права, диссертант так и не предложила собственного целостного видения системы принципов права.

Исходя из изложенного выше, возникает вопрос, можно ли говорить о существовании системы принципов права. Наш ответ – да, система принципов права существует.

По нашему мнению, система принципов права включает всего два уровня:

1) конституционные принципы права и

2) отраслевые принципы права, закрепленные только в отраслевом законодательстве.

При конкуренции принципов из разных уровней, естественно, приоритет должен отдаваться принципам первого уровня. При конкуренции принципов одного уровня иерархичности не существует. Отдавать приоритет какому-либо конституционному принципу потому, что он действует только в одной или нескольких, а не во всех сферах общественных отношений, – контрпродуктивно с

Как видим, все принципы второй группы, выделенные автором, являются доктринальными. Что касается принципов третьей группы, то в нее включены и нормативно закрепленные принципы (например, принцип государственного языка судопроизводства, принцип состязательности), и доктринальные принципы (например, принцип непосредственности в судебном разбирательстве), и нормативно закрепленные положения, вообще не относящиеся к принципам права (например, «принцип» сочетания единоличных и коллегиальных начал при рассмотрении дел).

[469] Захарова К.С. Системные связи принципов права: теоретические проблемы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2009. С. 8-9, 14.

точки зрения правоприменительной практики. Равным образом контрпродуктивно отдавать приоритет одному отраслевому принципу права перед другим только потому, что законодатель расположил его в соответствующей главе или статье кодифицированного акта выше, чем другой принцип.

Верной, на наш взгляд, является позиция авторов компаративистского исследования принципов уголовного права России и Армении, полагающих, что «принципы уголовного права (законодательства) образуют целостную систему. Среди них нет более или менее значимых, все они в равной степени важны и их диалектическое взаимодействие друг с другом учитывается законодателем при формулировании уголовно-правовых предписаний»[470]. Это же в полной мере относится и к принципам любой другой отрасли права.

Вызывает недоумение позиция авторов коллективной монографии, посвященной принципам публичного права, о неоднородности императивности принципов права. Они полагают, что императивность у принципов публичного права значительно выше, чем у остальных принципов[471]. Следовательно, можно сделать вывод, что при конкуренции принципов публичного и частного права приоритет должен отдаваться принципам публичного права. По нашему мнению, само по себе утверждение о разной степени императивности, в том числе применительно к принципам права, это нонсенс. Оно опровергается не только элементарной логикой, но и многочисленной судебной практикой.

По нашему мнению, во всех случаях при конкуренции принципов права одного уровня критерием истины является правоприменительная практика. Кстати, в литературе уже имеются попытки систематизировать правила толкования при коллизии правовых принципов[472]. Такого рода попытки можно только приветствовать, а систематизация судебной практики разрешения

---

[470] Уголовное право Армении и России. Общая и Особенная части / отв. ред. С.С. Аветисян, А.И. Чучаев. М.: КОН ТРАКТ, 2014. С. 17.

[471] См.: Принципы публичного права: монография / под ред. Е.В. Титовой, Т.П. Подшивалова. М.: Проспект, 2019. С. 9.

[472] См.: Стратегии судебного толкования и принципы права: учебное пособие / под ред. Е.В. Тимошиной. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского гос. ун-та, 2022. С. 270–274.

коллизий между принципами права должна стать предметом специального исследования.

Подводя итоги главы, сделаем следующие выводы.

Проблема классификации принципов права активно исследуется учеными и занимает важное место в теории принципов права. Однако следует понимать, что классификация является не самоцелью, а служит лишь инструментом познания, методом научного исследования. Наиболее соответствующими целям нашего исследования, позволяющими структурировать и систематизировать материал, представляются две классификации принципов права: по сфере правового регулирования и по источнику закрепления. И та, и другая классификации, кроме методологического познавательного значения обладают и практической значимостью. Первая представляет интерес в учебных целях, вторая обладает практической пользой для правоприменителя, поскольку позволяет ему сориентироваться, в каких нормативных актах закреплены принципы права и каков уровень этих актов.

Сравнительное классифицирование принципов ряда отраслей российского и армянского права позволило выявить ряд закономерностей:

1) во всех отраслях и российского, и армянского права большинство конституционных (в первую очередь, общеправовых) принципов не продублировано в отраслевых кодексах;

2) наряду с общеправовыми принципами, характерными для всех отраслей права соответствующего государства, имеют место конституционные принципы межотраслевого и отраслевого характера;

3) один и тот же принцип в разных отраслях права (как только одного государства, так и обоих) может быть закреплен на разных уровнях, а именно: только на конституционном уровне, может быть продублирован в отраслевом кодексе, может быть закреплен только в отраслевом кодексе;

4) наибольшее сходство наблюдается в принципах уголовного, уголовно-исполнительного, гражданского, семейного, административного процессуального и гражданского процессуального права России и Армении;

5) наибольшие различия наблюдаются в принципах трудового и уголовно-процессуального права России и Армении (в основном, он заключается в специфических отраслевых принципах).

Являясь методологическим инструментом познания принципов права, классификации принципов права позволяют сформировать определенные представления об их иерархии, конкуренции и системности.

Система принципов права включает два уровня: 1) конституционные принципы права и 2) отраслевые принципы права, закрепленные только в отраслевом законодательстве. Принципы второго уровня обладают меньшей юридической силой по сравнению с конституционными принципами, но внутренней иерархии между принципами одного уровня не существует. Спорная ситуация в случае конкуренции принципов одного уровня может быть разрешена только правоприменителем, исходя из обстоятельств конкретного дела.

РАЗДЕЛ 2. ДОКТРИНАЛЬНЫЕ ПРИНЦИПЫ ПРАВА В НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРАВОВЫХ СИСТЕМАХ РОССИИ И АРМЕНИИ

ГЛАВА 3. ПОНЯТИЕ И КЛАССИФИКАЦИЯ ДОКТРИНАЛЬНЫХ ПРИНЦИПОВ ПРАВА. ДОКТРИНАЛЬНЫЕ ПРИНЦИПЫ ПРАВА В ПРАВОТВОРЧЕСТВЕ[473]

Принципы права являются разновидностью юридических научных идей. При этом необходимо отграничивать принципы права в позитивистском понимании от доктринальных принципов права. Первые представляют собой нормативно закрепленные исходные, руководящие, базовые идеи, лежащие в основе всего правового регулирования, совокупности отраслей права, отдельной отрасли или института права. Вторые – это социально значимых идеи,

[473] При написании данной главы были использованы следующие работы автора: Формирование и развитие отраслей права в исторической и современной правовой реальности России: в 12-ти т. Т. 1. Теоретико-методологические аспекты образования отраслей российского права: монография / под общ. ред. Р.Л. Хачатурова. М.: Юрлитинформ, 2020. С. 231–266; Илюхина В.А. Доктринальные принципы права: понятие и специфика // Актуальные проблемы государства и права. 2021. Т. 5. № 17. С. 9–21; Iliukhina V., Gertsog T., Demichev A. Legal functional literacy: the concept and levels // Laplage em Revista (International). 2021. Vol. 7. № 3D. P. 336–341; Источники и формы права в современной юридической науке / под ред. Р.Л. Хачатурова. М.: Юрлитинформ, 2021. С. 162–170; Илюхина В.А. Развитие принципов семейного права в контексте конституционной реформы 2020 г. в России // Тамбовские правовые чтения имени Ф.Н. Плевако: материалы V Международной научно-практической конференции. 28–29 мая 2021 г.: в 2-х т. Т. 1 / отв. ред. В.Ю. Стромов. Тамбов: Издательский дом «Державинский», 2021. С. 324–326; Демичев А.А., Илюхина В.А. Идеологическая функция науки теории государства и права // Юридическое образование и наука. 2022. № 9. С. 23–27; Илюхина В.А. Принцип разумного срока судопроизводства в цивилистических процессуальных отраслях российского права // Вестник Нижегородского института управления. 2022. № 2 (64). С. 4–14; Илюхина В.А. К вопросу о принципах кондиционного права // Теоретико-прикладные перспективы правового обеспечения развития экономики: материалы междунар. круглого стола, Минск, Беларусь, 21 октября 2022 г. / под ред. Н.Л. Бондаренко, А.В. Гавриленко, Т.М. Халецкой. Минск: БГУ, 2022. С. 123–128; Илюхина В.А. Запрет неправомерного поведения как новый принцип уголовно-процессуального права Республики Армения // Уголовное судопроизводство. 2023. № 1. С. 29–33; Илюхина В.А. Классификация доктринальных принципов права // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2023. № 3. С. 10–25; Илюхина В.А., Демичев А.А. Принцип диспозитивности в правовых системах государств постсоветского пространства // Арбитражный и гражданский процесс. 2024. № 9. С. 3–8; Илюхина В.А. Принципы права в национальных правовых системах Российской Федерации и Республики Армения (сравнительно-правовое исследование): монография / под ред. А.А. Демичева. М.: Директ-Медиа, 2024. С. 149–183.

сформулированных отдельными учеными и практиками в научных работах, публичных выступлениях, а также в судебных актах и не нашедшие нормативного закрепления.

Доктринальные принципы права представляют собой теоретический конструкт, не объективированный в правовой реальности и относящийся, как верно отметила Е.А. Лукашова, к сфере правосознания[474]. К аналогичному выводу пришел Д.А. Фурсов, исследуя принципы арбитражного процессуального права, По его мнению, если принцип не имеет нормативного закрепления, то он относится не к принципам права, а к принципам правосознания[475]. К.П. Уржинский полагал, что принципы, которые на зафиксированы в юридических нормах, не имеют качества правового принципа, а представляют собой элементы правосознания или принципы морали[476]. В.М. Семенов писал, что до закрепления в праве принципы права таковыми не являются – «они представляют собой принципы науки или правосознания, политики или идеологии, но не принципы права»[477]. О разной природе принципов права и правосознания писал Н.И. Матузов[478]. Наконец, отметим позицию А.Л. Захарова, полагающего, что «пока основная идея, претендующая на роль принципа права, не закреплена в законе, она не может быть принципом права. Она остается лишь теоретической, научной идеей-принципом»[479]. Вообще же, по меткому замечанию В.Н. Кудрявцева, «никакое пожелание, убеждение или

---

[474] См.: Лукашева Е.А. Принципы социалистического права // Советское государство и право. 1970. № 6. С. 21.

[475] См.: Фурсов Д.А. Предмет, система и основные принципы арбитражного процессуального права (проблемы теории и практики). М.: Инфра-М, 1999. С. 360–361.

[476] См.: Уржинский К.П. К вопросу о принципах правового регулирования общественных отношений // Правоведение. 1968. № 3. С. 125.

[477] Семенов В.М. Конституционные принципы гражданского судопроизводства. М.: Юридическая литература, 1982. С. 47. Также см.: Семенов В.М. Принципы советского социалистического права // Правоведение. 1964. № 1. С. 20.

[478] См.: Принципы российского права: общетеоретический и отраслевой аспекты / под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. Саратов: Саратовская гос. акад. права, 2010. С. 11–29.

[479] Захаров А.Л. Межотраслевые принципы права / под общ. ред. В.М. Ведяхина. Самара: Самар. отд-ние Литфонда, 2005. С. 37.

мнение не могут рассматриваться как правовая норма, коль скоро они не выражены в юридическом акте, принятом надлежащим образом»[480].

Принципы права, закрепленные в текстах нормативных правовых актов (принципы позитивного права), – это элемент правовой системы, системы права и механизма правового регулирования. Также это одна из разновидностей норм права, получившая название нормы-принципа.

В.А. Четвернин считает, что доктринальные принципы права – это выработанные правовой доктриной нормативные правоположения, представляющие собой основополагающие суждения о праве, на которых строятся большие группы правовых норм. В качестве примеров названный ученый относит: «все, что не запрещено, разрешено», «все, что не разрешено, запрещено», «договоры должны соблюдаться», «субъективному праву всегда соответствует юридическая обязанность» и «всякое правонарушение предполагает юридическую ответственность»[481].

Полагаем, что перечисленные выше идеи далеко не всегда находят нормативное закрепление, поэтому трудно согласиться, что это во всех случаях «выработанные доктриной нормативные правовоположения». По нашему мнению, такого рода идеи являются не доктринальными принципами права, а, скорее, правовыми аксиомами. Последние же, как верно указывал Г.Н. Манов, представляют собой «простейшие юридические суждения эмпирического уровня, сложившиеся в результате многовекового опыта социальных отношений и взаимодействия человека с окружающей средой»[482]. Правовая аксиома

---

[480] Кудрявцев В.Н. О правопонимании и законности // Государство и право. 1994. № 3. С. 6. Ср.: «Никакие научные идеи, не получившие закрепления в законе, не могут считаться правовыми принципами, они не могут регулировать правовые действия и правовые отношения» (Зажицкий В.И. Правовые принципы в законодательстве Российской Федерации // Государство и право. 1996. № 11. С. 92).

[481] См.: Четвернин В.А. Введение в курс общей теории права и государства: учебное пособие. М.: Институт государства и права РАН, 2003. С. 164–169.

[482] Манов Г.Н. Аксиомы в советской теории права // Советское государство и право. 1986. № 3. С. 29. Также см.: Давыдова М.Л. К вопросу о понятии правовых аксиом: теоретические и технико-юридические аспекты // Юридическая техника. 2007. № 1. С. 203-207; Зяблова Т.Е., Масленников А.В. Правовые аксиомы: монография / под ред. В.В. Мамчуна. Владимир: Владимирский юридический институт ФСИН России, 2009.

и доктринальный принцип – это разные явления, хотя между ними имеется и определенное сходство. Проблема соотношения правовых аксиом и принципов права уже становилась объектом внимания ученых[483]. Следует согласиться с Л.С. Явичем, полагавшим, что аксиомы представляют собой идеи правосознания, их истинность не требует каких-то специальных, особых доказательств, на самое главное – они служат идеологическими предпосылками принципов права[484]. В то же время прав и А.А. Ференс-Сороцкий, считающий, что правовые могут проходить определенный путь развития: от идей правосознания через практическую проверку в качестве норм права к фиксированию в правосознании как аксиомы[485].

В представлениях некоторых исследователей до сих пор понятия правовых аксиом и принципов права не имеют четкого разграничения. Более того, делаются попытки ввести новое понятие – «универсальные правовые принципы». В частности, в одной из коллективных монографий, посвященной принципам права, утверждается: «Часть принципов права, являясь своего рода «кульминацией», аксиомами в сфере понимания и развития права на современном этапе, … отражают сущностные свойства многих правовых явлений и приобрели в своем историческом развитии характер наиболее универсальных принципов…»[486]. И к таким «универсальным принципам права» (они же «универсальные правовые принципы») относят добросовестность, справедливость, разумность, гуманность[487]. Полагаем, что такого рода теоретические конструкции не обогащают юридическую науку, а лишь вносят дополнительную путаницу в и без того сложную терминологическую ситуацию.

---

[483] См.: Ференс-Сороцкий А.А. Аксиомы в праве // Правоведение. 1988. № 5. С. 27–31; Он же. Аксиомы и принципы гражданско-процессуального права: дис. … канд. юрид. наук. Л., 1989; Мишутина Э.И., Балашов А.Н. К вопросу о значении правовых аксиом // Юрист. 2007. № 7. С. 60–64; Юридическая техника: учебник / под ред. В.М. Баранова. М.: Проспект, 2021. С. 300–304.

[484] См.: Явич Л.С. Общая теория права. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та,, 1976. С. 150.

[485] См.: Ференс-Сороцкий А.А. Аксиомы в праве // Правоведение. 1988. № 5. С. 29.

[486] Принципы публичного права: монография / под ред. Е.В. Титовой, Т.П. Подшивалова. М.: Проспект, 2019. С. 114.

[487] См.: Там же. С. 114–156.

В рамках либертарного правопонимания А.С. Сидоркин, сравнивая аксиомы и принципы права, пришел к выводу, что их содержание совпадает и при этом «едва ли не все общепризнанные аксиомы права выводятся из принципа формального равенства»[488]. А.Л. Захаров, исходя из позитивистского правопонимания, пришел к выводу, что аксиомы могут быть как элементом принципа права, так и представлять собой самостоятельный принцип[489].

Говоря не о принципах права и правовых аксиомах, а именно о доктринальных принципах и правовых аксиомах, считаем необходимым отметить следующие моменты. Сходство заключается в том, что и то, и другое – это идеи. Однако правовые аксиомы – это всегда идеи социально важные и апробированные историческим опытом, а доктринальные принципы могут быть абсолютно любыми, в том числе новыми, совпадающими или не совпадающими с потребностями общества. Другое отличие состоит в том, что доктринальные принципы всегда нормативно не закреплены – в этом и заключается их основная специфическая черта. В случае нормативного закрепления они перестают быть доктринальными и становятся принципами позитивного права. Что касается правовых аксиом, то они могут как не иметь нормативного закрепления (например, «нет судьи без истца», «где есть право, там есть и его защита»), так и содержаться в тексте нормативного акта. Примерами закрепления правовых аксиом в текстах нормативных актов являются: «нельзя дважды судить за одно преступление» (ч. 1 ст. 59 Конституции РФ, ч. 1 ст. 68 Конституции РА), «никто не обязан свидетельствовать против себя» (ч. 1 ст. 51 Конституции РФ, ст. 65 Конституции РА) и др.

В теории права встречается разграничение правовых принципов и принципов права. Некоторые ученые считают эти понятия синонимами, однако

---

[488] Сидоркин А.С. Принципы права: понятие и реализация в российском законодательстве и судебной практике: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2010. С. 14.

[489] Примером первого является аксиома «не запрещенное законом дозволено», представляющая элементом принципа демократизма, примером второго – положение «закон обратной силы не имеет» (см.: Захаров А.Л. Межотраслевые принципы права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2003. С. 10).

их разграничение было характерно уже для советской юридической науки[490]. В фундаментальной монографии «Логические основания общей теории права» В.М. Сырых разграничивает правовые принципы и принципы права. Первые понимаются им как категория правосознания, а вторые как совокупность первых, которая получила закрепление в системе действующих норм права[491].

В настоящее время, основываясь на традициях научной школы Института государства и права РАН, Е.А. Скурко отстаивает целесообразность выделения правовых принципов и принципов права. Под правовыми принципами она понимает «исходные идеи правовой системы и их воплощение в любой из форм в характерных для правовой системы компонентах (в правосознании, нормативном компоненте, при структурировании и функционировании организационного компонента правовой системы, в правотворчестве и правореализации/правоприменении), а под принципами права – «нормативно закрепленные в этом качестве базовые идеи, позитивирующиеся в виде норм-принципов, представляющих собой не имеющую самостоятельного значения и/или «вырожденную» норму права, гипотеза и санкция которой определяются другими нормами права…»[492]. Понятия «правовой принцип» и «принцип права» «не совпадают, в том числе и по критерию нормативности – однако соотносятся как целое и часть (категория «правовые принципы», очевидно, является более широкой)»[493]. Е.А. Скурко не оперирует понятием «доктринальные принципы права». Полагаем, что оно частично совпадает, но далеко не идентично понятию правового принципа, т.к. в последний включается и нормативный компонент.

Подход к разграничению принципов права и правовых принципов имеет место и на отраслевом уровне. Например, Т.Р. Сабитов выделяет принципы

---

[490] Обратим внимание, что в рамках либертарного правопонимания отрицается различие между понятиями «принцип права» и «правовой принцип» (см.: Сидоркин А.С. Принципы права: понятие и реализация в российском законодательстве и судебной практике: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2010. С. 12).

[491] См.: Сырых В.М. Логические основания общей теории права в 2-х т. Т. 1: Элементный состав. 2-е изд., испр. и доп. М.: Юстицинформ, 2001. С. 63.

[492] Скурко Е.В. Правовые принципы в правовой системе, системе права и системе законодательства: теория и практика // Правоведение. 2006. № 2. С. 57–58.

[493] Там же. С. 58.

уголовного права и уголовно-правовые принципы. Первые оотносятся к позитивному праву и являются только статическим компонентом правовой системы, а вторые – к сфере уголовно-правового регулирования и представляют собой статический и динамический компоненты правовой системы, являются элементом правосознания и не входят в систему уголовного права[494]. По сути же, то, что Т.Р. Сабитов называет принципами уголовного права – это принципы позитивного права (собственно принципы права, в конкретном случае – уголовного права), а уголовно-правовые принципы – ни что иное как доктринальные принципы уголовного права.

Доктринальные идеи могут быть востребованы или не востребованы обществом в конкретно-исторический период. Есть идеи, «опередившие время», а есть идеи устаревшие, которые не отвечают социальным потребностям новой эпохи. Первые в течение длительного времени остаются неактуальными для общества, в котором они возникли. Вторые – уже не актуальны, носят реакционный, а иногда и ретроградский характер. В качестве примера можно привести идею равенства всех перед законом. В настоящее время она трактуется как равенство граждан, независимо от пола, национальности, социального статуса, имущественного положения и других факторов, а также как недопущение какой-либо дискриминации по этим основаниям. Предложения об ограничении граждан, например, по половому признаку в развитых государствах в XXI в. никто, включая законодателя, всерьез не воспринимает. Совершенно иной была ситуация еще век-полтора назад. Тогда идея о юридическом равенстве полов носила характер доктринального принципа права, и долгое время воспринималась как нонсенс. Только постепенно она стала находить закрепление в нормативных актах и переходить из разряда доктринальных идей в разряд принципов права. В настоящее время идея равенства прав граждан перед законом является уже не доктринальным, а нормативно закрепленным принципом права. Если говорить о Российской Федерации и Республике Армения, то этот принцип закреплен как

[494] См.: Сабитов Т.Р. Уголовно-правовые принципы: понятие, система и виды: автореф. дис ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2019. С. 11.

на конституционном уровне (ч. 1 ст. 19 Конституции РФ, ст. 28, 29, 30 Конституции РА), так и в отраслевом законодательстве (напр., ст. 6 ГПК РФ, ст. 11 ГПК РА, ст. 8 УПК РА, ст. 7 АПК РФ, ст. 4 УК РФ, ст. 6 УК РА и др.) и в целом является общеправовым принципом. Под общеправовыми принципами следует понимать нормативно закрепленные принципы, действующие во всех отраслях права.

Без доктринальных принципов невозможно развитие законодательства. Сначала доктринальный принцип появляется именно как идея одного или нескольких ученых (реже – как результат творчества судейского сообщества)[495]. Затем эта идея распространяется в научном сообществе и если она актуальна и представляет практический интерес для государства, то может быть реализована на уровне законопроекта, а потом и стать частью нового закона или дополнения к закону. Е.О. Мадаев верно отмечает, что «все актуальные и необходимые на современном этапе правовые акты первоначально возникают в виде доктринальных идей в научных статьях и работах видных ученых-правоведов и юристов-практиков»[496].

Согалсимся с В.В. Трофимовым в том, что «отдельные принципы правового регулирования имеют непосредственно научное (доктринальное) происхождение»[497], однако спорным представляется, что «в основной своей массе правовые принципы проходят научную инфильтрацию и уже затем находят закрепление в нормативных правовых актах»[498]. Так должно быть, но, к сожалению, в реальности далеко не все принципы и не все нормативные

---

[495] В.Н. Карташов полагает, что «начала, которые формируются в практической деятельности и закрепляются обычно в актах-документах вышестоящих компетентных органов (например, конституционных и верховных судов)» составляют самостоятельный вид принципов права – практически-прикладные принципы (Карташов В.Н. Принципы права: понятие, структуры, функции // Юридическая техника. 2020. № 14. С. 158). Вряд ли с этим можно согласиться. Полагаем, что практически-прикладные принципы есть ни что иное как разновидность доктринальных принципов.

[496] Мадаев Е.О. Доктрина в правовой системе Российской Федерации: дис. … канд. юрид. наук. Иркутск, 2012. С. 138.

[497] Трофимов В.В. Юридические принципы как основа правовой системы: проблема формирования // Правоведение. 2015. № 1 (318). С. 18–34.

[498] Там же.

правовые акты, в которых они содержатся проходят «научную фильтрацию». Тем не менее, идеи по отношению к принципам права представляют «предпосылки, логические, нравственные и ценностные основы, формирующие представления о нормах права и механизме их справедливого применения», а сами принципы права «есть не что иное, как проекция формирующегося или уже сформированного системного, обусловленного реалиями правовой материи правосознания законодателей, правоприменителей и ученых-юристов на правовую систему…»[499].

Таким образом, доктринальные принципы – это основа новационных изменений в праве. Правда, необходимо учитывать, что разработка доктринальных идей может идти не только «изнутри» научного сообщества, но и являться следствием государственного заказа. По нашему мнению, абсолютно нормально, когда авторскому коллективу (рабочей группе) поручается разработка нормативного правового акта. В его основу могут быть положены как уже существующие доктринальные принципы, так и идеи, которые возникли в процессе его создания.

Некоторые правовые идеи могут иметь длительное историческое развитие, закрепляться в нормативных правовых актах, но при этом не маркироваться законодателем в качестве основополагающих. Соответственно они так и остаются доктринальными принципами права, не трансформируясь в принципы права. Примером такого принципа является принцип генерального деликта в гражданском праве[500].

Выделим несколько отличий доктринальных принципов от нормативно закрепленных принципов права (обратим внимание, что в рамках позитивистского правопонимания принципы права и принципы законодательства – суть одно и то же, т.к. право не может существовать вне его форм).

---

[499] Принципы частного права: монография / под ред. Т.П. Подшивалова, В.В. Кваниной, М.С. Сагандыкова. М.: Проспект, 2023. С. 17.

[500] Подробнее см.: Хужин А.М. О трансформации принципа генерального деликта: анализ законодательства и судебной практики // Юридическая техника. 2020. № 14. С. 340–342.

Во-первых, принципы права объективизируются в нормативных правовых актах, а доктринальные принципы содержатся в текстах научных работ либо могут вообще не иметь текстуального выражения (например, были устно высказаны на научных мероприятиях, в выступлениях по телевидению, радио, в сети «Интернет», но при этом не формулировались в письменном виде). По этой причине доктринальные принципы всегда субъективны и вариативны. Позитивные принципы тоже могут быть подвержены интерпретации, но при этом само их существование не вызывает сомнения в силу закрепленности в тексте нормативного правового акта. Позитивных принципов существует определенное количество, т.к. они перечисляются в нормативных актах (правда, иногда их перечень является открытым), а доктринальных принципов может быть бесконечно много. Последнее обусловлено множеством ученых и практиков, а также вариативностью их мнений.

Во-вторых, принципы позитивного права обладают императивностью, а доктринальные принципы – это всего лишь идеи, формально не имеющие юридического значения. Как верно отмечает А.Л. Захаров, надпозитивность «принципов» ставит под сомнение их статус как исходных, основных идей, противоречит самому понятию «принцип права» и позволяет «в конкретной ситуации один принцип права заменить другим, а подобное применение ведет к произволу и беззаконию»[501].

Доктринальные принципы могут признаваться или не признаваться разными учеными, получать или не получать распространение за пределами научного сообщества, а нормативно закрепленные принципы, как минимум, известны правоприменителю (в идеале они должны быть известны всем субъектам права). Следование доктринальным принципам в правоприменительной практике не только не является обязательным, но и в ряде случаев может привести к нарушению норм права и повлечь наступление юридической ответственности. В то же время (об этом пойдет речь в следующей

[501] Захаров А.Л. Межотраслевые принципы права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2003. С. 13.

главе) ряд доктринальных принципов воспринимается судами как руководство к действию. Таким образом, доктринальные принципы в ряде случаев могут рассматриваться в качестве средств правового регулирования.

Доктринальные принципы могут противоречить действующему законодательству, а позитивные принципы – это часть законодательства (конечно, нередко имеют место коллизионные нормы, но это уже другая проблема[502]). Среди ученых и любых прочих лиц могут быть противники и сторонники как доктринальных, так позитивных принципов. Однако правоприменитель может быть противником какого-либо позитивного принципа только неофициально, а в своей деятельности он обязан реализовывать соответствующие нормативно закрепленные принципы. Что касается доктринальных принципов, то правоприменители могут по-разному относиться к одному и тому же принципу, иногда диаметрально противоположно.

В качестве примера приведем доктринальный принцип объективной истины. Подробно мы на нем остановимся в следующей главе. Сейчас лишь отметим, что, в одних случаях арбитражные суды отрицают целесообразность следования принципу объективной истины, поскольку он, по их мнению, противоречит принципу состязательности и не соответствует духу экономического правосудия[503]. В других случаях – мотивируют свои акты следованием принципу объективной истины[504]. При этом суды общей

---

[502] См.: Власенко Н.А. Коллизионные нормы в советском праве. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1984; Гамбарян А.С., Даллакян Л.Г. Коллизионные нормы и их конкуренция: монография. М.: Юрлитинформ, 2019.

[503] См., напр., Решение Арбитражного суда Ростовской области от 19 августа 2015 г. по делу № А53-6501/2015 // URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/i5YzNeW5FFVo/ (дата обращения: 1.03.2024).

[504] См., напр., Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 22 марта 2022 г. по делу № А60-38083/2021 // URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/9uawB8J9Jl5V/ (дата обращения: 1.03.2024); Постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 14 октября 2021 г. по делу № А27-25819/2015 // https://sudact.ru/arbitral/doc/TvHo4lzBEAot/ (дата обращения: 1.03.2024).

юрисдикции прямо называют принцип объективной истины принципом гражданского процессуального права[505].

В-третьих, свойством нормативно закрепленных принципов является понятность для правоприменителя и реальная возможность их реализации в правоотношениях. Доктринальные принципы могут быть сформулированы как угодно, в том числе так, что практическая реализация их невозможна вообще или невозможна в конкретно-исторических условиях. О.А. Кузнецова абсолютно права в том, что «ни один применяющий право гражданин не сможет избрать вариант своего поведения на основе принципов права как «идей правосознания», «как основных начал законодательства», как «нетипичных предписаний», как «особых правовых феноменов» и подобных названным характеристик»[506], а любой практик применяет не правовые идеи, начала и т.п., а реальную норму права[507].

В-четвертых, принципы позитивного права – это элемент системы права и правовой системы. Также они в отличие от доктринальных принципов могут использоваться в качестве инструмента ликвидации пробелов в праве и пробелов в законодательстве. Доктринальные же принципы не являются элементом системы права, но представляют собой важный элемент правовой системы, играя определенную роль в правотворчестве и правоприменении. Кроме того, как отмечает В.Н. Карташов, «доктринальные принципы составляют мировоззренческую основу юридического толкования»[508], «мировоззренческую деятельность субъектов права»[509].

---

[505] См., напр., Решение Майкопского городского суда (Республика Адыгея) № 2-491/2017 2-491/2017(2-7780/2016;)~М-7635/2016 2-7780/2016 М-7635/2016 от 25 мая 2017 г. по делу № 2-491/2017 // URL: https://sudact.ru/regular/doc/ZUotynSDyGL8/ (дата обращения: 1.03.2024).

[506] Кузнецова О.А. Нормы-принципы российского гражданского права. М.: Статут, 2006. С. 31.

[507] См.: Там же. С. 32.

[508] Карташов В.Н. Принципы права: понятие, структуры, функции // Юридические записки Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова. Вып. 10. Принципы права / под ред. В.Н. Карташова, Л.Л. Кругликова, В.В. Бутнева. Ярославль: ЯрГУ, 2006. С. 4.

[509] Карташов В.Н. Принципы права: понятие, структуры, функции // Юридическая техника. 2020. № 14. С. 158.

В-пятых, доктринальные принципы более реактивны, чем нормативно закрепленные. Как известно, законодательство характеризуется стабильностью – его изменение требует определенного времени и специальных процедур. Что касается доктринальных принципов, то они могут меняться как по объективным, так и по субъективным причинам. Один и тот же ученый может неоднократно, в том числе в короткий промежуток времени, менять свои взгляды на определенную проблему, имеет возможность отказаться от сформулированного им же доктринального принципа, скорректировать его или предложить новый.

Реализация доктринальных идей до уровня отраслевых, межотраслевых или общеправовых принципов может идти разными путями.

Первый путь – принятие Конституции, в которой закреплены общеправовые и наиболее важные, с точки зрения законодателя, межотраслевые и отраслевые принципы. Конституция РФ и Конституция РА лежат в основе соответствующих правовых систем и имеют определяющее значение для системы права. Конституция РФ, принятая 12 декабря 1993 г.[510], кардинальным образом отличается от Конституции СССР от 7 октября 1977 г.[511] и Конституции РСФСР от 12 апреля 1978 г.[512] Это касается и принципов права. Изменение государственного и общественного строя после 1991 г. привело к закреплению в Конституции РФ идей, которые до этого времени являлись доктринальными, но одномоментно стали не только нормативно закрепленными принципами позитивного права, но и в ряде случаев приобрели характер общеправовых принципов. Аналогичная ситуация имела место с принятием на референдуме

---

[510] См.: Конституция Российской Федерации: принята 12 декабря 1993 г. всенародным голосованием (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ; с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // СЗ РФ. 2014. №31. Ст. 4398.

[511] См.: Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик (принята на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета СССР девятого созыва 7 октября 1977 г.) // Ведомости ВС СССР. 1977. № 41. Ст. 617.

[512] См.: Конституция (Основной закон) Российской Советской Федеративной Социалистической Республики от 12 апреля 1978 г. // Ведомости ВС РСФСР. 1978. № 15. Ст. 407.

Конституции Республики Армения 5 июля 1995 г.[513], заменившей Конституцию СССР от 7 октября 1977 г. и Конституцию Армянской ССР от 14 апреля 1978 г.[514]

После принятия Конституции РФ 1993 г. в России проходили кодификационные процессы. В настоящий момент действует 20 федеральных кодексов. Наиболее интенсивно кодификация законодательства велась с середины 1990-х гг. по середину 2000-х гг. Именно в этот промежуток времени было принято большинство кодифицированных актов. Причем арбитражное процессуальное право подверглось кодификации дважды (первый Арбитражный процессуальный РФ был принят 5 мая 1995 г.[515], второй – 24 июля 2002 г.[516]), а Таможенный кодекс РФ от 28 мая 2003 г.[517] утратил силу в связи с принятием федерального закона от 27 ноября 2010 г. «О таможенном регулировании в Российской Федерации»[518]. Последним из кодексов стал Кодекс административного судопроизводства от 8 марта 2015 г.[519]

В Армении после принятия Конституции РА 1995 г. также активно велась кодификационная работа. На сегодняшний день в Республике Армения действует 16 кодифицированных актов. Причем среди них один нормативный правовой акт, конечно, с изменениями и дополнениями, сохраняет действие с советского

---

[513] См.: Конституция Республики Армения от 5 июля 1995 г. (В редакции Законов Республики Армения от 27 ноября 2005 г., 6 декабря 2015 г.; Поправки в Конституцию Республики Армения от 22 июня 2020 г.) // URL: https://www.president.am/ru/constitution-2015 (дата обращения: 1.03.2024).

[514] См.: Конституция (Основной Закон) Армянской Советской Социалистической Республики, принятая на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета АрмССР девятого созыва 14 апреля 1978 г. // Советские конституции. Хрестоматия: в 4-х ч. Ч. 4. СССР, 1977–1991 гг. / сост. Д.В. Кузнецов. Благовещенск: Благовещенский государственный педагогический университет, 2015. С. 371–387.

[515] См.: Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 5 мая 1995 г. № 70-ФЗ // СЗ РФ. 1995. № 19. Ст. 1709.

[516] См.: Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3012.

[517] См.: Таможенный кодекс Российской Федерации от 28 мая 2003 г. № 61-ФЗ // СЗ РФ. 2003. № 22. Ст. 2066.

[518] См.: Федеральный закон от 27 ноября 2010 г. № -ФЗ «О таможенном регулировании в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2010. № 48. Ст. 6252.

[519] См.: Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 8 марта 2015 г. № 21-ФЗ // СЗ РФ. 2015. № 10. Ст. 1391.

периода истории. Это Кодекс об административных правонарушениях Республики Армения от 6 декабря 1985 г.[520]

В независимой Армении дважды проводилась кодификация следующих отраслей права: гражданского процессуального права (в 1998 и 2018 гг.)[521], уголовно-процессуального права (в 1998 и 2021 гг.)[522], уголовного права (в 2003 и 2021 гг.)[523], административного процессуального права (в 2007 и 2013 гг.)[524].

В отличие от Российской Федерации в Республике Армения нормы, регулирующие избирательные правоотношения кодифицированы. Причем сделано это было уже трижды: в 1999, 2011 и 2016 гг.[525] Также следует отметить, что действующий Избирательный кодекс РА носит статус конституционного закона. Другим отличием, имеющим место в системе кодифицированных актов Российской Федерации и Республики Армения является то, что в России

---

[520] См.: Кодекс об административных правонарушениях Республики Армения от 6 декабря 1985 г. // URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=77148 (дата обращения: 1.03.2024).

[521] См.: Гражданский процессуальный кодекс Республики Армения от 7 августа 1998 г. № ЗР-247 // URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=3015 (дата обращения: 1.03.2024) и Гражданский процессуальный кодекс Республики Армения от 27 февраля 2018 г. № ЗР-110 // URL: http://www.parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=6196&lang=rus (дата обращения: 1.03.2024).

[522] См.: Уголовно-процессуальный кодекс Республики Армения от 1 сентября 1998 г. № ЗР-248 // URL: http://parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=1450&lang=rus (дата обращения: 31.01.2024) и Հայաստանի Հանրապետության քրեական դատավարության օրենսգիրք 27 հուլիսի 2021 թ (Уголовно-процессуальный кодекс Республики Армения от 27 июля 2021 г. № ЗР-306) // URL: https: //www.arlis.am/DocumentView.aspx?DocID=176081 (дата обращения: 1.03.2024).

[523] См.: Уголовный кодекс Республики Армения от 29 апреля 2003 г. № ЗР-528 // URL: http://parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=1349&lang=rus (дата обращения: 1.03.2024) и Уголовный кодекс Республики Армения от 27 мая 2021 г. № ЗР-199 // URL: http://www.parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=7645&lang=rus (дата обращения: 1.03.2024).

[524] См.: Кодекс административного судопроизводства Республики Армения от 10 декабря 2007 г. № ЗР-269 // URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=52229 (дата обращения: 1.03.2024) и Кодекс административного судопроизводства Республики Армения от 28 декабря 2013 г. № ЗР-139 // URL: http://parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=4837&lang=rus (дата обращения: 1.03.2024).

[525] См.: Избирательный кодекс Республики Армения от 17 февраля 1999 г. № ЗР-284 // URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=27342 (дата обращения: 1.03.2024), Избирательный кодекс Республики Армения от 14 июня 2011 г. № ЗР-164 // URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=46765 (дата обращения: 1.03.2024), Конституционный закон Республики Армения. Избирательный кодекс Республики Армения от 28 мая 2016 г. № ЗР-54 // URL: http://parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=5479&lang=rus (дата обращения: 1.03.2024).

кодифицировано судебное право (в 2007 и 2018 гг.)[526] и законодательство о недрах (в 2002 и 2011 гг.)[527]. Кстати, действующий Судебный кодекс РА аналогично Избирательному кодексу РА имеет статус конституционного закона.

Аналогично Российской Федерации в Армении ранее действовал Таможенный кодекс Республики Армения от 9 августа 2000 г. № ЗР-83[528], который утратил силу со 2 января 2015 г. в связи с принятием Закона Республики Армения от 30 декабря 2014 г. № ЗР-241 «О таможенном регулировании»[529].

Все кодексы Российской Федерации и Республики Армения принимались после Конституции РФ и Конституции РА, соответствуют им и восприняли принципы права, в них закрепленные. В ряде случаев конституционные принципы были продублированы и/или конкретизированы в отраслевых кодексах. Кстати, учитывая прямое действие конституционных актов, принципы отраслей права, которые закреплены в Конституции, но не нашли отражения в тексте отраслевых кодексов, все равно являются и принципами соответствующих отраслей права.

Второй путь реализация доктринальных идей до уровня отраслевых, межотраслевых или общеправовых принципов – закрепление в отраслевом законодательстве какой-либо идеи, а потом «доращивание» ее до конституционного уровня. Этот путь является для России новым, причем он оказался очень специфическим. Применительно к Армении аналогичных примеров мы привести не можем.

---

[526] См.: Судебный кодекс Республики Армения от 7 апреля 2007 г. № ЗР-135 // URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=58329 (дата обращения: 1.03.2024) и Конституционный закон Республики Армения. Судебный кодекс Республики Армения от 10 февраля 2018 г. // URL: http://www.parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=6166&lang=rus#2 (дата обращения: 1.03.2024).

[527] См.: Кодекс Республики Армения о недрах от 2 декабря 2002 г. № ЗР-456 // URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=28605 (дата обращения: 1.03.2024) и Кодекс Республики Армения о недрах от 17 декабря 2011 г. № ЗР-280 // URL: http://parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=4343&lang=rus (дата обращения: 1.03.2024).

[528] См.: Таможенный кодекс Республики Армения от 9 августа 2000 г. № ЗР-83 // URL: http://parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=1208&lang=rus (дата обращения: 1.03.2024).

[529] См.: Закон Республики Армения от 30 декабря 2014 г. № ЗР-241 «О таможенном регулировании» // URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=80265#A000000312 (дата обращения: 1.03.2024).

Для российского права и в имперский, и в советский периоды всегда было характерно отрицательное отношение к интимным отношениям между лицами одного пола (отношение к однополым бракам в Армении, пожалуй, еще более отрицательное в силу национальных традиций). Что касается разрешения однополых браков, то этот вопрос в России и Армении никогда даже не ставился ни на каком уровне. Тем не менее, следуя за США и странами Западной Европы, в первую очередь, у отдельных общественных деятелей возникла идея о целесообразности придания юридической силы однополым бракам в России.

В ч. 3 ст. 1 Семейного кодекса РФ от 29 декабря 1995 г.[530] в качестве одной из основ российского семейного законодательства назван «принцип добровольности брачного союза мужчины и женщины». Этот принцип был закреплен и в предшествующем кодифицированном семейном акте – Кодексе о браке и семье РСФСР от 30 июля 1969 г.[531] (ст. 1). Тем не менее, пытаясь воспрепятствовать дальнейшему развитию доктринальной идеи о разрешении однополых браков в России, государство посчитало целесообразным, а народ в ходе общероссийского голосования согласился с внесением соответствующей поправки в Конституцию. Так, в новом п. ж. 1 ч. 1 ст. 72 Конституции РФ к совместному ведению Российской Федерации и субъектов Российской Федерации отнесена «защита института брака как союза мужчины и женщины». Полагаем, что на этом дискуссия о нормативном закреплении однополых браков в России завершена. Конечно, норму о том, что брак является союзом мужчины и женщины, следовало бы поместить в ст. 38. К сожалению, это не реально, т.к. ст. 135 Конституции РФ устанавливает невозможность изменения положений глав 1, 2 и 9, а ст. 38 входит во вторую главу. Кстати, в Конституции Республики Армении (в редакции 2015 г.) в ст. 35 «Свобода вступления в брак» о браке говорится только как о союзе мужчины и женщины.

---

[530] См.: Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 16.

[531] См.: Кодекс о браке и семье РСФСР от 30 июля 1969 г. // Ведомости ВС РСФСР. 1969. № 32. Ст. 1086.

Получается, что к изменению Конституции РФ привела доктринальная идея (о разрешении однополых браков), прямо противоположная той, которая была до этого закреплена в СК РФ и ставшая в дальнейшем конституционной нормой (брак – это союз мужчины и женщины).

Третий путь реализация доктринальных идей до уровня отраслевых или межотраслевых принципов (обратим внимание, речь в данном случае не идет об общеправовых принципах) – это принятие специального федерального закона, которым вводится норма-принцип в один кодифицированный акт или одновременно вводятся аналогичные нормы-принципы в несколько отраслевых кодексов. Другими словами доктринальный принцип становится сразу отраслевым или межотраслевым принципом права. Именно так произошло с закреплением принципа добросовестности в гражданском праве и процессуального принципа разумного срока судопроизводства.

В течение более чем ста лет принцип добросовестности в российском праве носил характер доктринального[532]. Ситуация кардинально изменилась 30 декабря 2012 г. в связи с принятием федерального закона № 302-ФЗ «О внесении изменений в главы 1, 2, 3 и 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»[533]. Этим нормативным актом в ч. 3 ст. 1 ГК РФ «Основные начала гражданского законодательства» было закреплено положение «При установлении, осуществлении и защите гражданских прав и при исполнении гражданских обязанностей участники гражданских правоотношений должны действовать добросовестно». Другими словами, доктринальный принцип добросовестности превратился в принцип позитивного права. Причиной этого, на наш взгляд, стало интенсивное и разнообразное развитие гражданских правоотношений в России, а также рост различного рода недобросовестных, но при этом ненаказуемых действий в сфере гражданского оборота. Удивительно, что некоторые авторы,

---

[532] Подробнее см.: Вердиян Г.В. Добросовестность как общий принцип права. М.: Издательство «ЮРКОМПАНИ», 2010. С. 64–80; Нам К.В. Принцип добросовестности: развитие, система, проблемы теории и практики. М.: Статут, 2019. С. 188–211.

[533] См.: Федеральный закон от 30 декабря 2012 г. № 302-ФЗ «О внесении изменений в главы 1, 2, 3 и 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. № 53 (ч. I). Ст. 7627.

несмотря на факт нормативного закрепления данного принципа и очевидную его практическую значимость, продолжают находить в нем все новую природу (видимо, исходя из естественно-правового подхода), рассматривая добросовестность как проекцию человеческой совести на правовую плоскость с необходимыми изменениями[534]. Полагаем, что как раз в практической плоскости подобного рода философско-абстрактные рассуждения не представляют какого-либо интереса. Что касается Армении, то принцип добросовестности остается там доктринальным принципом. При этом армянскими учеными обосновывается необходимость его нормативного закрепления[535].

В новом Гражданском процессуальном кодексе Республики Армения от 27 февраля 2018 г. № ЗР-110[536] бывший до этого доктринальным принцип диспозитивности получил нормативное закрепление (ст. 12). Ю.В. Айрапетян называет это неоспоримым преимуществом нового ГПК РА по сравнению с ранее действующим ГПК РА 1998 г. и ГПК РФ, а сам принцип диспозитивности – «фундаментальным»[537]. Отметим, что в ГПК РА 2018 г. законодатель отказался он нормативного закрепления, имевших место в ГПК РА 1998 г., принципов независимости судей и непосредственности. Первый из названных принципов как был принципом позитивного права, так им и остался – он закреплен в ст. 7 Судебного кодекса Республики Армения от 10 февраля 2018 г., кстати, носящего

---

[534] См.: Двалишвили Л.З. О правовой природе принципа добросовестности // Мировой судья. 2023. № 4. С. 33-37.

[535] См.: Григорян Г.В. Правовые проблемы реализации принципа недопустимости злоупотребления правом в гражданских правоотношениях: дис. … канд. юрид. наук. Ереван, 2018. С. 10.

[536] См.: Гражданский процессуальный кодекс Республики Армения от 27 февраля 2018 г. № ЗР-110 // URL: http://www.parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=6196&lang=rus

[537] См.: Айрапетян Ю.В. Принципы гражданского процессуального права в свете нового Гражданского процессуального кодекса Республики Армения // Научные труды. Российская академия юридических наук. Вып. 19. М.: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство «Юрист», 2019. С. 544; Он же. Краткий обзор принципов гражданского процессуального права по новому гражданскому процессуальному кодексу Республики Армения // Актуальные проблемы юридической науки и практики: Гатчинские чтения–2018: сб. научн. тр. по материалам Международной научно-практической конференции, Гатчина, 25 мая 2018 г. Т. 1. Гатчина: Государственный институт экономики, финансов, права и технологий, 2018. С. 121.

статус конституционного закона[538]. Что касается принципа непосредственности, то он из категории принципов позитивного права перешел в категорию доктринальных принципов.

30 апреля 2010 г. в России был принят федеральный закон «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок»[539]. Его целью являлось урегулирование отношений, связанных с компенсацией за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок. Необходимость данного закона становилась все более очевидной в связи с существенно возросшей в тот момент ролью решений Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ) в российской правовой системе. Однако не следует рассматривать принцип разумного срока судопроизводства и разумного срока исполнения судебного постановления как нечто чуждое и навязанное России извне. К 2010 г. необходимость закрепления данного принципа осознавалась на уровне доктрины, имелись соответствующие разработки, что вызывалось логикой развития процессуальных отраслей права и конституционными гарантиями защиты прав и свобод граждан. В настоящее время решения ЕСПЧ, по сути, не имеют правового значения для Российской Федерации, однако принцип разумного срока судопроизводства и разумного срока исполнения судебного постановления остается одной из наиболее важных идей, лежащих в основе регулирования гражданских процессуальных отношений, и оказывающих существенное влияние на правоприменительную практику.

Значение нормативного закрепления рассматриваемого принципа не вызывает сомнения. Ведь если такого принципа не существует в правовом поле, а он имеется только на доктринальном уровне как явление правосознания,

---

[538] См.: Конституционный закон Республики Армения. Судебный кодекс Республики Армения от 10 февраля 2018 г. // URL: http://www.parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=6166&lang=rus#2 (дата обращения: 1.03.2024).

[539] См.: Федеральный закон от 30 апреля 2010 г. № 68-ФЗ «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» // СЗ РФ. 2010. № 18. Ст. 2144.

то и компенсация за его нарушение проблематична. Прямым следствием федерального закона «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» стал федеральный закон от 30 апреля 2010 г. № 69-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона "О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок"»[540].

Статьей 2 указанного выше нормативного акта была введена ст. 6.1 «Разумный срок уголовного судопроизводства» в УПК РФ, статьей 4 – ст. 6.1 «Разумные сроки судопроизводства в арбитражных судах и исполнения судебного акта» в АПК РФ и статьей 5 – ст. 6.1 «Разумный срок судопроизводства и разумный срок исполнения судебного постановления» в ГПК РФ. Таким образом, все три действовавших в тот момент процессуальных кодекса одновременно получили закрепление принципа разумного срока судопроизводства и разумного срока исполнения судебного постановления, который до этого являлся доктринальным принципом. Интересно, что и в УПК РФ, и в АПК РФ, и в ГПК РФ этот принцип оказался помещенным в статьях с одинаковым номером «6.1», что, на наш взгляд, свидетельствует о едином подходе законодателя к данному вопросу и попытке привести правоприменителя к единообразному пониманию содержания принципа разумного срока судопроизводства. Правда, полного единообразия не получилось – тексты соответствующих статей различаются как по объему, так в определенной мере и по содержанию, но концептуально они схожи (об этом речь пойдет позже). Несмотря на отличия в законодательной технике, которая использовалась при формулировании УПК РФ, АПК РФ и ГПК РФ в плане закрепления принципов права (в УПК РФ соответствующая статья находится в гл. 2 «Принципы уголовного судопроизводства, а в АПК РФ и ГПК РФ – в гл. 1 «Основные

[540] См.: Федеральный закон от 30 апреля 2010 г. № 69-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона "О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок"» // СЗ РФ. 2010. № 18. Ст. 2145.

положения» среди других норм-принципов), не вызывает сомнения, что «разумный срок судопроизводства и разумный срок исполнения судебного постановления» – это именно межотраслевой процессуальный принцип, а не какое-то иное правовое явление.

Если для уголовно-процессуального, арбитражного процессуального и гражданского процессуального законодательства принцип разумного срока судопроизводства и разумного срока исполнения судебного постановления в 2010 г. стал новеллой, то в принятом 8 марта 2015 г. Кодеке административного судопроизводства Российской Федерации он изначально являлся интегрированным в систему других принципов административного судопроизводства. В ст. 6 КАС РФ «Принципы административного судопроизводства» он именно в таком качестве назван среди прочих принципов, а ст. 10 «Разумный срок административного судопроизводства и разумный срок исполнения судебных актов по административным делам» непосредственно посвящена раскрытию его содержания.

Сравним форму закрепления и содержание данного принципа в процессуальных цивилистических кодексах Российской Федерации. Для наглядности сгруппируем соответствующие принципы в Таблицу 10.

Таблица 10

Принцип разумного срока судопроизводства и разумного срока исполнения судебного постановления в цивилистическом процессуальном законодательстве Российской Федерации

Статья 6.1 «Разумный срок судопроизводства и разумный срок исполнения судебного постановления» ГПК РФ	**Статья 6.1 «Разумные сроки судопроизводства в арбитражных судах и исполнения судебного акта» АПК РФ**	**Статья 10 «Разумный срок административного судопроизводства и разумный срок исполнения судебных актов по административным делам» КАС РФ**
1. Судопроизводство в судах и исполнение	1. Судопроизводство в арбитражных судах	1. Административное судопроизводство

судебного постановления осуществляются в разумные сроки.	и исполнение судебного акта осуществляются в разумные сроки.	и исполнение судебных актов по административным делам осуществляются в разумный срок.
2. Разбирательство дел в судах осуществляется в сроки, установленные настоящим Кодексом. Продление этих сроков допустимо в случаях и в порядке, которые установлены настоящим Кодексом, но судопроизводство должно осуществляться в разумный срок.	2. Разбирательство дел в арбитражных судах осуществляется в сроки, установленные настоящим Кодексом. Продление этих сроков допустимо в случаях и в порядке, которые установлены настоящим Кодексом. В любом случае судопроизводство в арбитражных судах должно осуществляться в разумный срок.	2. При определении разумного срока административного судопроизводства, который включает в себя период со дня поступления административного искового заявления в суд первой инстанции до дня принятия последнего судебного акта по административному делу, учитываются такие обстоятельства, как правовая и фактическая сложность административного дела, поведение участников судебного процесса, достаточность и эффективность действий суда, осуществляемых в целях своевременного рассмотрения административного дела, а также общая продолжительность судопроизводства по административному делу.
3. При определении разумного срока судебного разбирательства, который включает в себя период со дня поступления искового	3. При определении разумного срока судопроизводства в арбитражных судах, который включает в себя период со дня	3. Разбирательство административных дел в судах осуществляется в сроки, установленные настоящим Кодексом. Продление этих сроков

заявления или заявления в суд первой инстанции до дня принятия последнего судебного постановления по делу, учитываются такие обстоятельства, как правовая и фактическая сложность дела, поведение участников гражданского процесса, достаточность и эффективность действий суда, осуществляемых в целях своевременного рассмотрения дела, и общая продолжительность судопроизводства по делу.	поступления искового заявления или заявления в арбитражный суд первой инстанции до дня принятия последнего судебного акта по делу, учитываются такие обстоятельства, как правовая и фактическая сложность дела, поведение участников арбитражного процесса, достаточность и эффективность действий суда, осуществляемых в целях своевременного рассмотрения дела, а также общая продолжительность судебного разбирательства.	допустимо в случаях и порядке, установленных настоящим Кодексом.
4. Обстоятельства, связанные с организацией работы суда, в том числе с заменой судьи, а также рассмотрение дела различными инстанциями не может приниматься во внимание в качестве оснований для превышения разумного срока судопроизводства по делу.	4. Обстоятельства, связанные с организацией работы суда, в том числе предусмотренные пунктом 2 части 3 статьи 18 настоящего Кодекса и требующие замены судьи, а также рассмотрение дела различными инстанциями не может приниматься во внимание в качестве оснований для превышения разумных сроков судопроизводства по делу.	4. Обстоятельства, связанные с организацией работы суда, в том числе предусмотренные пунктом 2 части 3 статьи 28 настоящего Кодекса и требующие замены судьи, а также рассмотрение административного дела различными инстанциями не может приниматься во внимание в качестве оснований для превышения разумного срока административного судопроизводства.
5. Правила определения	5. Правила определения	5. Правила определения

разумного срока судопроизводства по делу, предусмотренные частями третьей и четвертой настоящей статьи, применяются также при определении разумного срока исполнения судебных актов.	разумного срока судопроизводства, предусмотренные частями 3 и 4 настоящей статьи, применяются также при определении разумного срока исполнения судебных актов.	разумного срока административного судопроизводства, предусмотренные частями 2 и 4 настоящей статьи, применяются также при определении разумного срока исполнения судебных актов по административным делам.
6. В случае если после принятия искового заявления или заявления к производству дело длительное время не рассматривалось и судебный процесс затягивался, заинтересованные лица вправе обратиться к председателю суда с заявлением об ускорении рассмотрения дела.	6. В случае если после принятия искового заявления или заявления к производству арбитражного суда дело длительное время не рассматривается и судебный процесс затягивается, заинтересованные лица вправе обратиться к председателю арбитражного суда с заявлением об ускорении рассмотрения дела.	6. В случае если после принятия административного искового заявления к производству суда административное дело длительное время не рассматривается и судебный процесс явно затягивается, председатель суда по своей инициативе или на основании соответствующего заявления заинтересованного лица об ускорении рассмотрения административного дела вправе вынести мотивированное определение об ускорении рассмотрения административного дела.
7. Заявление об ускорении рассмотрения дела рассматривается председателем суда в пятидневный срок со дня поступления заявления в	7. Заявление об ускорении рассмотрения дела рассматривается председателем арбитражного суда в пятидневный срок со дня	7. В заявлении об ускорении рассмотрения административного дела должны быть, в частности, указаны обстоятельства, на

суд. По результатам рассмотрения заявления председатель суда выносит мотивированное определение, в котором может быть установлен срок проведения судебного заседания по делу и (или) могут быть указаны действия, которые следует осуществить для ускорения судебного разбирательства.	поступления заявления в арбитражный суд. По результатам рассмотрения заявления председатель арбитражного суда выносит мотивированное определение, в котором может быть установлен срок проведения судебного заседания по делу и (или) могут быть указаны действия, которые следует совершить для ускорения рассмотрения дела.	которых лицо, подающее заявление, основывает свое требование. Заявление об ускорении рассмотрения административного дела рассматривается председателем суда не позднее следующего рабочего дня после дня поступления этого заявления в суд без извещения лица, подавшего заявление, и иных лиц, участвующих в деле. По результатам рассмотрения заявления председатель суда выносит мотивированное определение об удовлетворении заявления и ускорении рассмотрения административного дела или об отказе в этом. 8. В определении об удовлетворении заявления и ускорении рассмотрения административного дела могут быть указаны действия, которые следует совершить для ускорения его рассмотрения, а также установлен срок, в пределах которого должно быть проведено судебное заседание. 9. Копия определения об удовлетворении

		заявления и ускорении рассмотрения административного дела или об отказе в этом направляется лицам, участвующим в деле, не позднее следующего рабочего дня после дня вынесения определения.

Первое, на что обращается внимание, это различия в названии анализируемых статей, закрепляющих разумный срок судопроизводства принцип и разумный срок исполнения судебного постановления. В ГПК РФ и КАС РФ законодатель использовал единственное число («разумный срок»), и в АПК РФ – множественное число («разумные сроки»).

Второй формальный момент заключается в том, что в ГПК РФ и АПК РФ в статьях, регламентирующих изучаемый принцип, содержится по 7 частей, а в КАС РФ – 9 частей.

Наконец, третий момент связан с текстуальным объемом закрепления принципа. В приведенной нами таблице даже визуально заметно, что наиболее лаконичным при изложении принципа разумного срока судопроизводства и разумного срока исполнения судебного постановления законодатель оказался в ГПК РФ, чуть более подробно раскрывается данный принцип в АПК РФ и еще более подробно – в КАС РФ. Если сравнить количество использованных слов, то разница конкретизируется более явно – в ГПК РФ законодатель использовал 247 слов, в АПК РФ – 271 слово, а в КАС РФ – 361 слово.

Перейдем к сравнению содержания изучаемого принципа в цивилистических процессуальных кодексах. Первые части статей сущностно полностью совпадают – в них провозглашается, что судопроизводство и исполнение судебного постановления (судебного акта, судебных актов) осуществляется в разумные сроки (в ГПК РФ и АПК РФ) или в разумный срок (КАС РФ). Различия имеются лишь в деталях формулировок. В частности, в АПК РФ используется сочетание «судопроизводство в арбитражных судах»,

в КАС РФ – «административное судопроизводство», а в ГПК РФ просто «судопроизводства». Как видим, первая часть соответствующих статей излагает сущность принципа разумного срока судопроизводства и разумного срока исполнения судебного постановления.

Вторые части статей 6.1 ГПК РФ и АПК РФ практически идентичны – здесь указывается, что разбирательство дел в судах (арбитражных судах) должно осуществляться в сроки, которые установлены соответствующим кодексом, также отмечается, что в законном порядке допустимо продление этих сроков. Аналогичны им по содержанию ч. 3 КАС РФ.

В ч. 3 ст. 6.1 ГПК РФ, ч. 3 ст. 6.1 АПК РФ и ч. 2 ст. 10 КАС РФ содержатся схожие нормы, определяющие правила разумного срока судопроизводства.

В четвертях частях всех анализируемых статей также аналогичных по содержанию устанавливаются обстоятельства, которые не могут рассматриваться в качестве оснований для превышения разумного срока судопроизводства по делу. В пятых частях статей указывается, что ранее установленные правила о разумных сроках судопроизводства применяются и при определении разумного срока исполнения судебных актов.

В доктрине существует множество разных определений разумного срока судопроизводства и разумного срока исполнения судебных постановлений[541]. Анализ же процессуального законодательства приводит к выводу, что ни в одном из действующих кодексов нет четкой дефиниции, что считается разумным сроком судопроизводства и разумного срока исполнения судебных постановлений. Однако у нас возникает сомнение в том, насколько целесообразно вводить легальную дефиницию разумного срока в законодательство – достаточно общих правил, имеющихся в законодательстве. Устанавливать какой-то предельный срок

[541] См., напр., Поляков И.Н. Разумные сроки судопроизводства: понятие и значение // Российская юстиция. 2011. № 4. С. 33–38; Суздальцева Т.И. Основания права на компенсацию за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 395. С. 155–159.

судопроизводства, как предлагают некоторые ученые[542], также представляется неправильным, т.к. в этом случае не учитывается сложность дел и ряд других объективных обстоятельств, влияющих на длительность судопроизводства.

В шестых частях ст. 6.1 ГПК РФ, ст. 6.1 АПК РФ и ст. 10 КАС РФ устанавливается, что в случае, когда дело длительное время не рассматривалось, и процесс затягивался, заинтересованные лица вправе обратиться к председателю суда (арбитражного суда) с заявлением об ускорении рассмотрения дела. При этом в КАС РФ, в отличие от ГПК РФ и АПК РФ председатель суда вправе по своей инициативе (равно как и на основании заявления заинтересованного лица) вынести мотивированное определение об ускорении рассмотрения административного дела. Эти заявления в соответствие с частями 7 ст. 6.1 ГПК РФ и ст. 6.1 АПК РФ должны быть рассмотрены председателем суда (арбитражного суда) в пятидневный срок, а в соответствие с ч. 7 ст. 10 КАС РФ – председателем суда не позднее следующего рабочего дня после дня поступления этого заявления. По рассмотрении заявления должно быть вынесено мотивированное определение об ускорении дела – должен быть указан срок судебного заседания и (или) указаны действия, которые следует совершить для ускорения рассмотрения дела (ч. 7 ст. 6.1 ГПК РФ, ч. 7 ст. 6.1 УПК РФ и ч. 8 ст. 10 КАС РФ). Интересно, что в арбитражном судопроизводстве председатель суда наделяется правом вынести мотивированный отказ в ускорении дела. В ГПК РФ и АПК РФ аналогичная норма отсутствует. С одной стороны, такое право председателя суда может полностью нивелировать практическое применение принципа разумного срока судопроизводства. С другой стороны, отсутствие этого права приводит председателя суда к необходимости придумывать какие-то иные способы обхода данного принципа в случаях, если по каким-то объективным причинам дело невозможно ускорить.

В завершение сравнительного анализа ст. 6.1 ГПК РФ, ст. 6.1 АПК РФ и ст. 10 КАС РФ, отметим, что в ч. 9 ст. 10 КАС РФ в отличие от ГПК РФ

[542] См.: Федулова С.Н. Принципы гражданского процессуального права: понятие и нормативное закрепление: автореф. … дис. канд. юрид. наук. СПб., 1993.

и АПК РФ содержится положение, что «копия определения об удовлетворении заявления и ускорении рассмотрения административного дела или об отказе в этом направляется лицам, участвующим в деле, не позднее следующего рабочего дня после дня вынесения определения». Несомненно, это правило способствует быстрому информированию участников судопроизводства, поэтому его целесообразно распространить на гражданское процессуальное и арбитражное процессуальное законодательство.

Итак, принцип разумного срока судопроизводства и разумного срока исполнения судебного постановления является самым молодым принципом цивилистических процессуальных отраслей российского права. В 2010 г. давно известная научному сообществу доктринальная идея разумного срока судопроизводства трансформировалась в принцип позитивного права. Анализ ГПК РФ, АПК РФ, КАС РФ, а также УПК РФ приводит к выводу о том, что при незначительной разнице в некоторых формулировках содержание принципа разумного срока судопроизводства и разумного срока исполнения судебного постановления в них идентично. При этом в КАС РФ соответствующие нормы изложены чуть более подробно, чем в других процессуальных кодексах, что объясняется, скорее всего, более поздним принятием КАС РФ, когда нормы других кодексов о разумном сроке судопроизводства уже прошли практическую апробацию. Несомненно, закрепление принципа разумного срока судопроизводства положительно сказалось на судебной практике в плане защиты законных прав и интересов граждан, однако актуальными остаются критерии разумности[543]. Полагаем, что в законе его установить сложно, да и нецелесообразно. Поэтому соответствующие критерии должны быть выработаны судебной практикой.

В науке армянского уголовно-процессуального права высказывалась идея о необходимости нормативного закрепления принципа разумного срока уголовного

[543] См.: Колоколов Н.А. Срок предварительного расследования, содержания под стражей: критерий разумности // Уголовное судопроизводство. 2014. № 4. С. 3–7.

судопроизводства[544]. В итоге армянский законодатель также осознал целесообразность нормативного закрепления разумного срока судопроизводства (разумного срока производства). Однако принципом позитивного права данный принцип стал только в уголовно-процессуальном праве – он закреплен в ст. 24 УПК РА 2021 г. Ни в ГПК РА 2018 г., ни в КАС РА 2013 г. его нет. Сравнительный анализ норм ст. 24 УПК РА и российским процессуальным законодательством о разумном сроке судопроизводства приводит к выводу, что армянское законодательство более лаконично, более абстрактно и в меньшей степени, чем российское, регламентирует вопросы, касающиеся разумного срока производства по уголовному делу. Правда, стоит отметить, что в ч. 4 ст. 24 УПК РА 2021 г. содержатся нормы, которым нет аналога в российском законодательстве. В частности судья при определении очередности рассмотрения уголовных дел в своем производстве должен отдавать предпочтение рассмотрению таких дел, по которым обвиняемый находится под стражей и когда обвиняемый находится в заключении дольше, чем обвиняемые – участники других процессов.

Приведем другие примеры, когда в Республике Армения доктринальные принципы стали нормативно закрепленными. Неотъемлемым свойством права как системы является динамичность. Естественным представляется процесс совершенствования не только отдельных правовых норм, но и периодически повторяющиеся кодификации отраслей права. Уголовно-процессуальная отрасль здесь не исключение. Одним из последних примеров динамичности уголовно-процессуального права в рамках континентальной правовой системы служит принятие нового Уголовно-процессуального кодекса Республики Армения от 27 июля 2021 г. № ЗР-306[545], который вступил в силу 1 июля 2022 г.

---

[544] См., напр., Ավագյան Գ.Պ. Քրեական դատավարության «ողջամիտ ժամկետ» սկզբունքի հասկացությունը և բովանդակությունը // Տարածաշրջան և աշխարհ. 2019. № 3. Էջ. 120–129 (Авагян Г.П. Понятие и содержание принципа «разумного срок» в уголовном процессе // Регион и мир. 2019. № 3. С. 120–120).

[545] См.: Հայաստանի Հանրապետության քրեական դատավարության օրենսգիրք 27 հուլիսի 2021 թ (Уголовно-процессуальный кодекс Республики Армения от 27 июля 2021 г. №ЗР-306) // URL: https: //www.arlis.am/DocumentView.aspx?DocID=176081 (дата обращения: 1.03.2024).

Наибольшее значение доктринальные принципы права приобретают в то время, когда идет активное обсуждение законодательных изменений.

В уголовно-процессуальном праве Армении изменения назрели давно – ведь первый Уголовно-процессуальный кодекс в Республике Армения был принят 1 сентября 1998 г.[546] До принятия нового УПК РА в 2021 г. в УПК РА 1998 г. были внесены изменения более чем ста законами. Некоторые из изменений касались и принципов уголовно-процессуального права – основополагающих идей уголовного судопроизводства. Новеллы были введены Законом Республики Армения от 29 марта 2018 г. № ЗР-211 «О внесении изменений и дополнения в Уголовно-процессуальный кодекс Республики Армения»[547], Законом Республики Армения от 30 января 2018 г. № ЗР-69 «О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Республики Армения»[548], Законом Республики Армения от 27 мая 2021 г. №ЗР-200 «О внесении дополнений и изменения в Уголовно-процессуальный кодекс Республики Армения»[549] и Законом Республики Армения от 15 февраля 2022 г. № ЗР-23 «О внесении дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Республики Армения»[550].

---

[546] См.: Уголовно-процессуальный кодекс Республики Армения от 1 сентября 1998 г. № ЗР-248 // URL: http://parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=1450&lang=rus (дата обращения: 31.01.2024).

[547] См.: Закон Республики Армения от 29 марта 2018 г. № ЗР-211 «О внесении изменений и дополнения в Уголовно-процессуальный кодекс Республики Армения» // URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=110040&ysclid=li7u6wpk8y304986489 (дата обращения: 1.03.2024).

[548] См.: Закон Республики Армения от 30 января 2018 г. № ЗР-69 «О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Республики Армения» // URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=108514&ysclid=li7uahif8q135083984 (дата обращения: 1.03.2024).

[549] См.: Закон Республики Армения от 27 мая 2021 г. № ЗР-200 «О внесении дополнений и изменения в Уголовно-процессуальный кодекс Республики Армения» // URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=133716&ysclid=li7uczsmyq126673689 (дата обращения: 1.03.2024).

[550] См.: Закон Республики Армения от 15 февраля 2022 г. № ЗР-23 «О внесении дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Республики Армения» // URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=138149&ysclid=li7uehquap840387525 (дата обращения: 1.03.2024).

Обратим внимание, что не любые идеи, нормативно закрепленные в УПК РА, являются принципами уголовно-процессуального права, а только те основополагающие идеи, которые воспринимаются законодателем в качестве таковых. Указанием на это является их формулирование в гл. 2 УПК РА 1998 г. «Принципы уголовного судопроизводства» и гл. 3 УПК РА 2021 г. «Принципы уголовного производства». Среди новых принципов уголовного судопроизводства (уголовного производства) Армении можно назвать запрет неправомерного поведения и разумный срок производства.

Далее мы остановимся на одном из новых принципов уголовно-процессуального права Республики Армения – запрете неправомерного поведения. Кстати, в гражданском процессуальном законодательстве этот принцип появился немного раньше, а именно: в ст. 14 ГПК РА 2018 г.

Необходимость нормативного закрепления этого принципа, по нашему мнению, вызывается такими факторами, как:

1) рост значения права человека в современном обществе;

2) повышение уровня правовой грамотности населения;

3) увеличению вследствие повышения уровня правовой грамотности субъектов правоотношений попыток недобросовестного (но ненаказуемого) поведения и злоупотребления правами и обязанностями участников уголовного судопроизводства.

По мнению некоторых авторов, истоки принципа запрета неправомерного поведения кроются в нормах международного права и практике Европейского суда по правам человека[551]. Впервые в уголовно-процессуальном праве Армении указанный принцип появился в Уголовно-процессуальном кодексе Республики Армения от 27 июля 2021 г. № ЗР-306, ст. 29 которого называется «Запрет неправомерного поведения». УПК РА 2021 г. вступил в силу 1 июля 2022 г. Однако еще до этого (но после принятия УПК РА 2021 г.) законодатель посчитал

[551] Подробнее см.: Рехтина И.В., Боловнев М.А. Принцип добросовестного пользования и запрет злоупотребления процессуальными правами в практике Европейского суда по правам человека и Конституционного Суда РФ // Современное право. 2018. № 3. С. 62–68.

необходимым ввести принцип запрета неправомерного поведения в действующий в то время УПК РА 1998 г. Сделано это было Законом Республики Армения от 15 февраля 2022 г. № ЗР-23 «О внесении дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Республики Армения»[552]. Тогда гл. 2 УПК РА 1998 г. была дополнена статьей 20.1 «Запрет неправомерного поведения». Такой подход, по нашему мнению, является прямым свидетельством значимости данного принципа в восприятии армянского законодателя. В противном случае можно было бы просто подождать вступления в силу УПК РА 2021 г. По сути, принцип запрета неправомерного поведения в УПК РА 1998 г. действовал всего четыре месяца: с конца февраля по конец июля 2022 г. Однако в отличие, например, от принципа разумного срока производства, было сочтено целесообразным не ждать эти четыре месяца, а ввести соответствующий принцип в действовавший в тот момент УПК РА.

Наглядно в Таблице 11 проиллюстрируем сравнение закрепление принцип запрета неправомерного поведения в уголовно-процессуальном законодательстве Республики Армения.

Таблица 11

Принцип запрета неправомерного поведения в уголовно-процессуальном законодательстве Республики Армения

Уголовно-процессуальный кодекс Республики Армения от 27 июля 2021 г. № ЗР-306 (вступил в силу 1 июля 2022 г.)	**Уголовно-процессуальный кодекс Республики Армения от 1 сентября 1998 г. № ЗР-248 (в редакции Закона Республики Армения от 15 февраля 2022 г. № ЗР-23 «О внесении дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Республики Армения») (редакция вступила в силу 25 февраля 2022 г.)**

[552] См.: Закон Республики Армения от 15 февраля 2022 г. № ЗР-23 «О внесении дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Республики Армения» // URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=138149&ysclid=li7uehquap840387525 (дата обращения: 1.03.2024).

Статья 29. Запрет неправомерного поведения	**Статья 20.1. Запрет неправомерного поведения**
1. Частные участники производства и лица, содействующие производству, должны пользоваться своими правами и исполнять свои обязанности добросовестно.	1. Лица, участвующие в уголовном судопроизводстве, должны добросовестно пользоваться своими правами и исполнять свои обязанности.
2. Запрещается злоупотребление правами, которое вредит другим лицам или интересам правосудия.	2. Запрещается злоупотребление правами, которое наносит вред интересам других лиц или правосудия.
3. В отношении лица, допустившего злоупотребление правами или злонамеренно не исполнившего свои обязанности, в случаях, предусмотренных настоящим Кодексом, может быть применена судебная санкция, соразмерная его поведению, если ее неприменение может поставить под угрозу нормальный ход производства.	3. В отношении лица, допустившего злоупотребление правами или злоумышленно не исполнившего обязанности, в случаях, предусмотренных настоящим Кодексом, может быть применена судебная санкция, соразмерная его поведению, если ее неприменение может поставить под угрозу нормальный ход производства.
4. В случае злонамеренного неисполнения обвиняемым своих обязанностей в отношении него может быть применена мера пресечения, либо примененная мера пресечения может быть заменена другой, более подходящей мерой пресечения.	4. В случае злоумышленного неисполнения обвиняемым своих обязанностей в отношении него может быть применена мера пресечения, либо примененная мера пресечения может быть заменена другой, более подходящей мерой пресечения.

Обратим внимание, что в обоих случаях запрет неправомерного поведения – это именно принцип уголовного судопроизводства, а не иная правовая материя, т.к. в УПК РА 1998 г. он был закреплен в гл. 2 «Принципы уголовного судопроизводства», а в УПК РА 2021 г. – в гл. 3 «Принципы уголовного производства». Помещая ту или иную норму в эти главы, законодатель прямо маркировал, какие идеи уголовного судопроизводства (производства) он считает

основополагающими. За пределами этих глав содержатся иные нормы уголовно-процессуального права. Они могут быть сколь угодно значимыми, но при этом принципами уголовно-процессуального права они не являются.

Сравнение содержания принципа запрета неправомерного поведения по двум Уголовно-процессуальным кодексам Республики Армения приводит к выводу о практически полном их совпадении. Так, ч. 3 и 4 ст. 29 УПК РА 2021 г. и ст. 20.1 УПК РА 1998 г. идентичны. В одном случае употребляются слова «злонамеренно» и «злонамеренного», в другом – «злоумышленно» и «злоумышленного». Однако здесь мы сталкиваемся не с использованием армянским законодателем разных слов, а с проблемой перевода с армянского языка на русский. В оригинале в обоих случаях в армянском уголовно-процессуальном законодательстве используются слова «չարամտորեն» (что можно перевести и как «злонамеренно», и как «злоумышленно») и «չարամիտ» (что может быть переведено и как «злонамеренного», и как «злоумышленного»).

Что касается расхождения формулировок во вторых частях рассматриваемых статей УПК РА 2021 г. и УПК РА 1998 г., то они носят редакционный характер и сущностно не различаются. Отличие имеется только в первых частях ст. 29 УПК РА 2021 г. и ст. 20.1 УПК РА 1998 г. Оно обусловлено тем, что в действующем законодательстве используется вместо термина «судопроизводство» более широкое понятие «производство».

Рассмотрим, в чем заключается сущность принципа запрета неправомерного поведения в уголовно-процессуальном праве Армении. Анализ текста ст. 29 УПК РА 2021 г. приводит нас к выводу, что законодатель понимает принцип запрета неправомерного поведения как совокупность двух взаимосвязанных элементов: 1) добросовестности (ч. 1 ст. 29) и 2) запрета злоупотребления правами (ч. 2 той же статьи). Можно дискутировать по поводу того, что добросовестность и запрет злоупотребления правами – два самостоятельных принципа. Действительно, недобросовестное поведение далеко не всегда равнозначно злоупотреблению правами. Однако позиция законодателя нашла абсолютно четкое выражение в ст. 29 УПК РА 2021 г.: принцип запрета

неправомерного поведения – самостоятельный принцип, содержание которого составляют добросовестность, запрет злоупотребления правами, а также гарантии реализации этого принципа (ч. 3 и 4 ст. 29). Гарантиями реализации принципа запрета неправомерного поведения выступают применение судебных санкций и мер пресечения, предусмотренных уголовно-процессуальным законодательством.

Обратим внимание, что для армянского законодателя характерно закрепление добросовестности вкупе с запретом злоупотребления правами не только в уголовно-процессуальном законодательстве. Так, ст. 14 Гражданского процессуального кодекса Республики Армения от 27 февраля 2018 г. № ЗР-110, входящая в гл. 2 «Принципы гражданского судопроизводства», называется «Недопустимость злоупотребления процессуальными правами». В первой ее части на участников судебного производства возлагается обязанность добросовестного пользования своими процессуальными правами и исполнения процессуальных обязанностей. Во второй части ст. 14 ГПК РА устанавливается возможность применения судебных санкций к лицам, злоупотребивших процессуальными правами.

По сути, принцип недопустимости злоупотребления процессуальными правами в ГПК РА в содержательном плане аналогичен принципу запрета неправомерного поведения в УПК РА, разница имеется только в его названии. В третьем процессуальном кодексе – Кодексе административного судопроизводства Республики Армения от 28 декабря 2013 г. № ЗР-139 в гл. 2 «Принципы административного судопроизводства» принцип запрета неправомерного поведения (принцип недопустимости злоупотребления процессуальными правами) не нашел нормативного закрепления.

В отличие от армянского права в российском праве принцип запрета неправомерного поведения или принцип недопустимости злоупотребления правами нормативно не закреплен в кодифицированных актах, он носит доктринальный характер. Исследователи находят его истоки в ч. 3 ст. 17 Конституции РФ, считают общеправовым конституционным принципом

российского права[553]. В российской судебной практике имеются отсылки к данному принципу. Так, в п. 27 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17 марта 2004 г. № 2 «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации» принцип недопустимости злоупотребления правом называется общеправовым[554]. Интересно, что в постановлении Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 14 июня 2022 г. по делу № А32-5712/2021 конкретизируется, что «конституционный принцип запрета злоупотребления правом в трудовых отношениях проявляется в соблюдении сторонами трудового договора действующего законодательства, добросовестности их поведения, в том числе и со стороны работника»[555]. А вот в постановлении Двенадцатого арбитражного апелляционного суда от 8 апреля 2022 г. по делу № А06-204/2021 из анализа содержания ч. 3 ст. 17 Конституции РФ делается вывод, что «в Основном Законе страны установлен межотраслевой принцип запрета злоупотребления правом, который действует, в том числе, в гражданском и арбитражном процессе»[556]. Таким образом, в судебной практике нет единого подхода к определению статуса принципа запрета злоупотребления правом.

В российской научной литературе более принято оперировать понятием «принцип добросовестности». Причем для большинства отраслей права он также носит доктринальный характер, а нормативное закрепление ему нашлось в ГК РФ.

---

[553] См., напр., Куликов М.Ю. Конституционный принцип запрета злоупотребления правами (некоторые подходы к определению его содержания в избирательном праве) // Избирательное право. 2014. № 2 (26). С. 2–4; Шукюрова К.В. Запрет злоупотребления правом как общеправовой принцип: применение в регулировании гражданско-правовых отношений с участием учреждений УИС // Пермский период: сб. материалов V Международного научно-спортивного фестиваля курсантов и студентов, Пермь, 14–19 мая 2018 г. Т. II. Пермь: Пермский институт Федеральной службы исполнения наказаний, 2018. С. 295–299.

[554] См.: Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17 марта 2004 г. № 2 «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 1.03.2024).

[555] Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 14 июня 2022 г. по делу № А32-5712/2021 // URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/9MXayAgXwKLc/ (дата обращения: 1.03.2024).

[556] Постановление Двенадцатого арбитражного апелляционного суда от 8 апреля 2022 г. по делу № А06-204/2021 // URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/lpCxuwNmIOWa/ (дата обращения: 1.03.2024).

Отметим, что сделано это было не в 1994 г., когда была принята первая часть ГК РФ, а только в 2012 г. Федеральным законом от 30 декабря 2012 г. № 302-ФЗ «О внесении изменений в главы 1, 2, 3 и 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации». Принцип добросовестности получил закрепление в части 3 статьи 1 «Основные начала гражданского законодательства». Кстати, как отмечает М.В. Хесселинк, «добросовестность закреплена в качестве общего принципа в большинстве гражданских кодексов европейских стран»[557]. Однако в Гражданском кодексе Республики Армения от 28 июля 1998 г. № ЗР-239 в ст. 3 «Принципы гражданского законодательства» ни принципу добросовестности, ни принципу запрета неправомерного поведения (принципу недопустимости злоупотребления правами) места не нашлось.

Итак, закрепление принципа запрета неправомерного поведения в уголовно-процессуальном законодательстве Армении является новшеством для права стран постсоветского пространства. Традиционно на уровне доктрины этот принцип больше принято видеть в цивилистических отраслях права, да и нормативное закрепление в системе отраслевых принципов ранее он также находит в гражданском процессуальном законодательстве Армении и в гражданском законодательстве России, Беларуси, Молдовы (в виде принципа добросовестности).

Учитывая, что в УПК РФ в гл. 2 «Принципы уголовного судопроизводства» не закреплен принцип запрета неправомерного поведения (в том числе, в виде принципа запрета недопустимости злоупотребления правами или принципа добросовестности участников уголовно-процессуальных отношений), было бы целесообразно в российском законотворчестве заимствовать соответствующий опыт Республики Армения.

Мы привели ряд примеров, когда доктринальные принципы становятся принципами позитивного права. Такого рода трансформация может иметь место в ходе реформирования отраслевого законодательства, но чаще это происходит

---

[557] Хесселинк М.В. Принцип добросовестности // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2020. № 8. С. 157.

в процессе создания новых кодифицированных актов. В новом кодексе всегда имеет место иная совокупность принципов права, чем в предыдущем аналогичном кодифицированном акте.

Также законодатель в связи с изменившимися конкретно-историческими условиями может отказаться от некоторых нормативно закрепленных принципов. Тогда они переходят в разряд доктринальных. Как правило, это происходит в ходе кодификационных процессов. Например, в ГПК РСФСР 1964 г. произошел отказ от принципа разрешения дел судом на основании действующих нормативных актов, постановлений местных органов власти, а при их недостаточности – руководствуясь общими началами советского законодательства и общей политикой Рабоче-Крестьянского Правительства, закрепленном в ст. 3 и 4 ГПК РСФСР 1923 г. и бывшим относительно кратковременных порождением советующей исторической эпохи, когда революционное правосознание являлось источником права. Другими примером может служить отсутствие в постсоветских процессуальных кодексах нормативного закрепления принципов объективной истины и процессуальной активности суда, характерных для советского права.

В юридической науке, как мы рассматривали в гл. 2 данной работы, существуют различные классификации принципов права. Однако до настоящего времени не предпринималось попыток классифицировать доктринальные принципы права. Далее мы восполним данный пробел.

Как и любое другое сложное явление правосознания и права, доктринальные принципы могут быть классифицированы по разным основаниям. Прежде, чем перейти к классификации доктринальных принципов, необходимо выделить их особенности, влияющие на возможность классификации, создающие определенные проблемы при классификации доктринальных принципов. Ранее мы уже затрагивали специфические черты доктринальных принципов права, однако сейчас сделаем акцент на тех особенностях, которые влияют на создание классификаций.

Если принципы позитивного права – явление стабильное, обеспечиваемое стабильностью самого законодательства, то доктринальные принципы права –

явление динамичное. Динамичность доктринальных принципов проявляется в том, что в любой момент они могут превратиться в нормативно закрепленные. Чаще всего это происходит в процессе создания новых кодифицированных актов. В новом кодексе всегда имеет место иная совокупность принципов права, чем в предыдущем аналогичном кодифицированном акте. Однако доктринальные принципы могут переходить в принципы позитивного права и вне кодификационных процессов, а в ходе реформирования отраслевого законодательства. Так, например, произошло с принципом разумного срока судопроизводства (в 2010 г. он был закреплен в ст. 6.1 УПК РФ, ст. 6.1 АПК РФ и ст. 6.1 ГПК РФ) и с принципом добросовестности (в 2012 г. он был закреплен в ч. 3 ст. 1 ГК РФ).

Также законодатель в связи с изменившимися конкретно-историческими условиями может отказаться от некоторых нормативно закрепленных принципов. Тогда они переходят в разряд доктринальных. Как правило, это происходит в ходе кодификационных процессов. Например, в ГПК РСФСР 1964 г. произошел отказ от принципа разрешения дел судом на основании действующих нормативных актов, постановлений местных органов власти, а при их недостаточности – руководствуясь общими началами советского законодательства и общей политикой Рабоче-Крестьянского Правительства, закрепленном в ст. 3 и 4 ГПК РСФСР 1923 г. и бывшим относительно кратковременным порождением советующей исторической эпохи, когда революционное правосознание являлось источником права. Другими примером может служить отсутствие в постсоветских процессуальных кодексах нормативного закрепления принципов объективной истины и процессуальной активности суда, характерных для советского права.

Следует понимать, что количество принципов позитивного права, хотя и велико, но ограничено перечнем, который закреплен в текстах нормативных правовых актов. Количество доктринальных принципов не ограничено какими-либо рамками. Более того, даже подсчитать их общее число – проблематично.

Принципы позитивного права обладают определенностью постольку, поскольку они сформулированы в текстах нормативных правовых актов. Также

они маркированы законодателем именно в качестве принципов или основных начал соответствующей сферы правовой регулирования, законодательства, отрасли права. Нарушение принципов права, как и других правовых норм (а принципы позитивного права являются, хотя и специфическими, но правовыми нормами), влечет правовые последствия.

Содержание доктринальных принципов зависит от субъекта их толкования. Причем один и тот же субъект может в любой момент истолковать один и тот же доктринальный принцип по-разному. И это не будет нарушать какие-либо нормы права, не будет иметь правовых последствий.

По сути, классификация доктринальных принципов – это классификация идей. Как правило, идеи могут классифицироваться по каким-либо признакам, связанным с их содержанием. Однако нас интересует классификации доктринальных принципов в целом как определенного явления правосознания. Соответственно теоретически классифицировать их по содержанию можно (например, выделить доктринальные принципы, имеющие отношение к конкретным отраслям права), но это не будет иметь какого-либо практического да даже и теоретического значения.

Наконец, еще одной проблемой классификации доктринальных принципов является то, что одна и та же идея может быть нормативно закреплена в одной отрасли права (то есть являться принципом позитивного права), а в другой отрасли не иметь нормативного закрепления (то есть представлять собой доктринальный принцип). Например, принцип справедливости закреплен только ст. 6 УК РФ и в п. 3 ст. 6 и ст. 9 КАС РФ, а принцип добросовестности – в ч. 3 ст. 1 ГК РФ. Соответственно принцип справедливости является собственно принципом права только для уголовного и административного процессуального права, а принцип добросовестности – для гражданского права. Для всех прочих отраслей российского права они являются исключительно доктринальными принципами[558]. Н.А. Колоколов, ведя речь об уголовном судопроизводстве,

[558] В этом нас убеждают многочисленные исследования как общетеоретического, так и отраслевого характера (см., напр., Белов В.А. Добросовестность, разумность, справедливость

рассматривает справедливость в более широком смысле: как особый феномен[559] и как базовую ценность[560].

Аналогичная ситуация имеет, например, место с принципом справедливости в Армении, получившим нормативное закрепление только в ст. 7 УК РА. Это означает, что он является исключительно принципом уголовного права, а для всех прочих отраслей является доктринальным принципом[561].

как принципы гражданского права. М.: АО «Центр ЮрИнфоР», 1998; Вязов А.Л. Принцип справедливости в современном российском праве и правоприменении (теоретико-правовое исследование): автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2001; Деревесников А.В. Справедливость как принцип права: историко-теоретический аспект: дис. ... канд. юрид. наук. Кострома, 2005; Иванова С.А. Принцип справедливости в гражданском праве России: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. Владимир, 2006; Кондратюк Д.Л. Нравственно-правовые принципы в гражданском праве России (на примере справедливости, гуманизма, разумности и добросовестности): автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2006; Арендаренко А.В. Общеправовой принцип социальной справедливости и его реализация в современном уголовном праве России: теоретико-правовые аспекты: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2009; Дядюн К.В. Гендерный подход в уголовном и уголовно-исполнительном законодательстве Российской Федерации: влияние на реализацию принципов равенства граждан перед законом, справедливости и гуманизма: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток, 2009; Вердиян Г.В. Добросовестность как общий принцип права. М.: Издательство «ЮРКОМПАНИ», 2010; Татарников А.В. Принципы разумности и добросовестности в гражданском праве России: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2010; Комарова Т.А. Разумность, справедливость и верховенство права как основные начала гражданского судопроизводства: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2019.; Винницкий И.Е. Функции справедливости и законности как принципов права: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011; Василенко Е.В. Категории «добросовестность» и «разумность» в гражданском праве: вопросы соотношения: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Краснодар, 2012.; Нам К.В. Принцип добросовестности: развитие, система, проблемы теории и практики. М.: Статут, 2019; Принципы гражданского процессуального права: учебное пособие / А.В. Юдин, Т.А. Комарова, О.В. Исаенкова, М.А. Агаларова. М.: Русайнс, 2021; Нифталиева И.А. Принцип справедливости в уголовном праве: проблемы реализации в законодательстве и правоприменительной практике: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2022; Нифталиева И.А. Принцип справедливости в уголовном праве. М.: Юрлитинформ, 2024).

[559] См.: Колоколов Н.А. Феномен справедливости в уголовном судопроизводстве // Уголовный процесс. 2008. № 12. С. 3–13.

[560] См.: Колоколов Н.А. Истина и справедливость – базовые ценности уголовного судопроизводства // Мировой судья. 2012. № 8. С. 2–8; № 9. С. 2–8; № 10. С. 2–6; № 11. С. 2–9; № 12. С. 2–8.

[561] См.: Ղամբարյան Ա. Արդարադատության սկզբունքների դասակարգման խնդիրները // Դատական իշխանություն. 2005. № 4 (69). Էջ. 31–37 (Гамбарян А. Проблемы классификации принципов справедливости // Судебная власть. 2005. № 4 (69). С. 31–37); Մալխասյան Լ. Սոցիալական ազատության սկզբունքի հիմնախնդիրները համընդհանուր իրավական սկզբունքների համակարգում // Արդարադատություն. 2018. № 2 (43). Էջ. 26–29 (Малхасян Л. Проблема принципа социальной справедливости в системе правовых принципов // Юстиция. 2018. № 2 (43). С. 26–29).

Учитывая, указанные ранее проблемы, перейдем непосредственно к классификациям по разным признакам доктринальных принципов права.

Первая классификация.

Критерии – источник происхождения и источник, в котором сформулирован доктринальный принцип.

1. Доктринальные принципы, сформулированные в нарративах учеными, политиками и иными субъектами и нашедшие отражение в судебной практике:

– выводимые из содержания и смысла нормативного правового акта и/или их совокупности путем авторского толкования текста.

Примеры: принцип транспарентности, принцип запрета поворота к худшему, принцип процессуальной экономии и др. (подробнее эти и другие доктринальные принципы будут рассмотрены нами в следующей главе). Выделение таких принципов обычно проводится исследователями, придерживающимися позитивистского правопонимания и воспринимающих их в качестве принципов позитивного права. Однако данный подход является, на наш взгляд, ошибочным, т.к. в этом случае принцип права можно будет найти чуть ли не в любой статье нормативного правового акта. То, что доктринальный принцип признается научным сообществом, активно используется в судебной практике, рассматривается правоприменителем как определенное руководство к действию, не превращает его автоматически в принцип позитивного права, а лишь служит индикатором дефектности действующего законодательства, сигнализирует о соответствующей потребности общества и необходимости нормативного закрепления конкретного принципа в кодифицированных отраслевых нормативных правовых актах. Учитывая, что Россия и Армения в своем государственном строительстве исходят из принципа разделения властей, суд не может подменять собой законодателя, не может творить нормы права. При этом доктринальные принципы права могут являться средством правового регулирования общественных отношений, если они используются при вынесении судебных актов, однако судебная практика не может подменять законодательство на постоянной основе. Ситуация, когда положения судебных актов подменяют

нормы права, в странах романо-германской правовой семьи должна являться временной (подробнее на обозначенной проблеме мы остановимся в следующей главе);

– выводимые из общих представлений о праве должном и существующем, справедливости, разумности и прочих морально-этических категорий.

В качестве примеров можно привести принцип формального равенства (в трактовке В.С. Нерсесянца), принцип справедливости (кроме отдельных отраслей), принцип разумности и др. Акцент на такого рода принципах с отведением им ведущей роли в правовой и общественно-политической жизни делается, как правило, в рамках естественно-правового (особенно ярко в концепции А.В. Коновалова) и либертарного правопонимания.

Доктринальные принципы этой группы сформулированы чаще всего в научных работах и одновременно они упоминаются (реже раскрывается их содержание) в текстах судебных актов. Отметим, что в данном случае не всегда можно утверждать что первично: текстуальное их использование в судебных актах или в исследованиях ученых. Я. Стоилов называет принципы, выработанные в судебной практике юрисдикционными принципами[562].

2. Доктринальные принципы, выводимые отдельными авторами из общего анализа законодательства, доктрины и собственных представлений о праве.

Примеры: принцип соответствия позитивного права естественному праву, принцип процессуального формализма, принцип сочетания (единства) прав и обязанностей, принцип сочетания стимулов и ограничений, право быть выслушанным и быть услышанным, принцип взаимной ответственности личности и государства, принцип концентрации гражданского процесса, принцип контроля государства за состоянием брачно-семейной сферы общества, принцип двухуровневого правового регулирования семейных отношений, принцип ответственности за нарушение семейного законодательства, принцип компромисса, принцип научной обоснованности, принцип патриотизма

[562] См.: Стоилов Я. Принципы права: понятие и правоприменение: монография / вступ. ст., научн. ред. пер. Е.А. Фроловой. М.: Проспект, 2023. С. 112, 114–116.

в уголовно-исполнительном праве, принцип полного разрешения трудовых споров и др. Доктринальные принципы этой группы тоже достаточно часто (но не всегда) воспроизводятся в судебных актах.

3. Доктринальные принципы, названные только в судебных актах.

Примеры: «принцип разумной необходимости в ограничении его права на свободу в целях защиты основ общества»[563], «принцип разумной достаточности – достаточности с точки зрения поставленной цели»[564], принцип логичности[565], принцип сотрудничества[566]. Доктринальные принципы из этой группы встречаются достаточно редко.

Обратим внимание, что принципы позитивного права существуют исключительно в письменной форме. Подавляющее большинство доктринальных принципов также существует в письменной форме. Однако они первоначально могут быть сформулированы и устно (например, высказаны Президентом Российской Федерации, иными должностными лицами, государственными и общественными деятелями в публичных выступлениях непосредственно перед гражданами или в средствах массовой информации). Как правило, устно сформулированные принципы в таком виде существуют недолго – они очень быстро приобретают письменное выражение.

Вторая классификация.

Критерий – признание научным сообществом.

Данный критерий чрезвычайно субъективен. Восприятие той или иной идеи в качестве правильной, значимой и т.д. зависит не только от личной научной

---

[563] См., напр., Апелляционное постановление Кемеровского областного суда № 22К-5606/2014 от 25 ноября 2014 г. по делу № 22К-5606/2014 // URL: https://sudact.ru/regular/doc/3TtZH00sJFUj/ (дата обращения: 1.03.2024).

[564] См., напр., Решение Ярославского областного суда № 3А-99/2022 3А-99/2022~М-687/2021 М-687/2021 от 4 марта 2022 г. по делу № 3А-99/2022 // URL: https://sudact.ru/regular/doc/AzlCUM0V5qlv/ (дата обращения: 1.03.2024).

[565] См., напр., Постановление Четвертого арбитражного апелляционного суда от 29 апреля 2015 г. по делу № А19-17095/2014 // URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/PgMNU76GceZR/ (дата обращения: 1.03.2024).

[566] См., напр., Определение Верховного Суда РФ от 30 мая 2016 г. по делу № А40-31186/2014 // URL: https://sudact.ru/vsrf/doc/vZDpRjnowF5O/ (дата обращения: 1.03.2024). Следует отметить, что Верховный Суд РФ никак не раскрывает содержание названного им в качестве общеправового принципа сотрудничества.

(а иногда и общественно-политической) позиции ученого, но и принадлежности его к определенной научной школе, конкретному научному направлению, поэтому сложно определить, насколько тот или иной доктринальный принцип признается научным сообществом в целом.

Исходя из критерия признания научным сообществом, можно выделить следующие доктринальные принципы права.

1. Доктринальные принципы, признаваемые научным сообществом, составляющие часть научной доктрины в целом или доктрины отдельных отраслей права.

Как правило, здесь сложно именно в силу его общеизвестности и общепризнанности установить авторство конкретного принципа, хотя иногда это получается. Ученые и правоприменитель могут находить какие-либо нюансы в трактовке содержания, сфере распространения и пр. одного и того же доктринального принципа, но в целом сходятся в оценке самого факта его существования и роли, которую он играет или должен играть в правоприменении.

Те доктринальные принципы, которые становятся признанными в научном сообществе, в которых научное сообщество видит потенциал и сумело довести свои взгляды до законодателя, чаще всего имеют потенциал перехода в принципы позитивного права. Так, например, как мы уже отмечали ранее, стало с принципом добросовестности и принципом разумного срока судопроизводства.

2. Доктринальные принципы, нейтрально воспринимаемые научным сообществом, не вызывающие ни серьезной критики, ни активной поддержки.

Чаще всего принципы этого вида являются плодом индивидуального творчества автора или небольшой группы. Как правило, они формулируются, исходя из толкования отдельных нормативных правовых актов или их совокупности. В качестве примера можно привести принцип ответственности за нарушение семейного законодательства, принцип судебной специализации, принцип компромисса, принцип научной обоснованности, принцип патриотизма в уголовно-исполнительном праве, принцип прозрачности искусственного интеллекта, принцип надлежащего извещения лиц, участвующих в деле, принцип

социальности жилищного права и др. Потенциал перехода таких доктринальных принципов в разряд нормативно закрепленных принципов достаточно низок.

3. Доктринальные принципы, не признаваемые научным сообществом, игнорируемые им или иногда вызывающие его отрицательное отношение.

– устаревшие принципы, которые ранее являлись нормативно закрепленными или являлись частью доктрины, но от которых произошел отказ вследствие изменения конкретно-исторических условий.

В качестве примера можно привести принцип разрешения дел судом на основании действующих нормативных актов, постановлений местных органов власти, а при их недостаточности – руководствуясь общими началами советского законодательства и общей политикой Рабоче-Крестьянского Правительства, закреплявшийся в ГПК РФСФСР 1923 г. У части исследователей и практиков вызывает негативное отношение принцип объективной истины, который был присущ советскому праву;

– принципы, не соответствующие традиционным духовно-нравственным ценностям, идущие вразрез с политикой государства.

Такого рода принципы провозглашаются, как правило, не столько в научных, сколько в иных целях. В качестве примера можно привести принцип признания полигамных браков, принцип признания однополых браков. Идея признания однополых браков активно пропагандируется представителями и сторонниками ЛГБТ-сообщества, ориентированными на иные, чем традиционные российские ценности.

Третья классификация.

Критерий – сфера общественных отношений, на которую распространяется или может распространяться доктринальный принцип. Это классификация схожа с классификацией принципов позитивного права, критерием которой является сфера правового регулирования (общие, межотраслевые, отраслевые принципы права). Однако критерий, используемый для принципов позитивного права здесь неприемлем, т.к. доктринальные принципы не имеют прямого регулятивного

воздействия, соответственно говорить о сфере правового регулирования в данном случае некорректно.

Исходя из такого критерия как сфера общественных отношений, на которую распространяется или может распространяться доктринальный принцип, можно выделить следующие доктринальные принципы права.

1. Общие доктринальные принципы права.

Примеры: принцип разумности, принцип правовой определенности, принцип сразмерности и др.

2. Межотраслевые доктринальные принципы права.

Примеры: принцип непосредственности судебного разбирательства, принцип транспарентности и др.

3. Отраслевые доктринальные принципы права.

Примеры: принцип запрещения злоупотребления российским трудовым правом, принцип ответственности за нарушение семейного законодательства, принцип генерального деликта в гражданском праве и др.

Подводя итоги главы, сделаем следующие выводы.

1. Доктринальные принципы права – это социально значимые идеи, сформулированные учеными, практиками, политиками в научных работах и иных текстах (включая судебные акты), а также в публичных выступлениях и не нашедшие нормативного закрепления.

В отличие от принципов позитивного права доктринальные принципы формулируются не законодателем, а учеными, государственными деятелями, судами и прочими субъектами, исходя из их представлений о праве и не-праве, должном и сущем, справедливом и несправедливом, правовой системе и прочей правовой и неправовой материи. Если принципами позитивного права являются только нормативно закрепленные основополагающие идеи, то доктринальными принципами могут быть абсолютно любые идеи, независимо от того, имеют ли они связь с реальностью или же они есть плод воображения только их авторов. Сформулированная в тексте идея становится доктринальной, превращаясь

в элемент герменевтической реальности и обретая самостоятельное существование, уже не зависящее от ее автора. В этом контексте принципов позитивного права много, но их количество ограничено механизмами правотворчества и действующими нормативными правовыми актами, а вот доктринальных принципов может быть сколько угодно, они могут формулироваться в любое время и в любом количестве.

2. Доктринальные принципы следует отличать от правовых аксиом и нормативного закрепленных принципов права (принципов позитивного права).

3. Доктринальные принципы обладают огромной социальной значимостью и играют важную роль в правовых системах России и Армении, т.к. являются основой новационных изменений в праве, представляют собой движущую силу развития законодательства, исходя из уровня развития научного знания и потребностей общества в конкретно-исторический период.

4. Процесс развития правовых систем России и Армении идет таким образом, что некоторые доктринальные принципы влияют на развитие законодательства: некоторые доктринальные принципы становятся принципами позитивного права, но при этом некоторые нормативные принципы становятся доктринальными, также под влиянием доктринальных идей может меняться уровень закрепления нормативных принципов

5. Классификация доктринальных принципов права – задача достаточно сложная как сама по себе, так и по сравнению с классификацией принципов позитивного права. Этому способствует ряд сущностных различий между доктринальными принципами и собственно принципами права. Классификация доктринальных принципов права может быть проведена по разным основаниям (критериям): 1) по источнику происхождения и источнику, в котором сформулирован доктринальный принцип; 2) по признанию научным сообществом; 3) по сфере общественных отношений, на которую распространяется или может распространяться доктринальный принцип.

ГЛАВА 4. ДОКТРИНАЛЬНЫЕ ПРИНЦИПЫ ПРАВА В ПРАВОПРИМЕНЕНИИ[567]

В современном мире суды в любом государстве должны выносить законные и обоснованные решения. В соответствие с пунктом 2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2003 г. № 23 «О судебном решении», законным решение является тогда, «когда оно принято при точном соблюдении норм процессуального права и в полном соответствии с нормами материального права, которые подлежат применению к данному правоотношению, или основано на применении в необходимых случаях аналогии закона или аналогии права». А обоснованным, как разъясняется в пункте 3 того же Постановления Пленума

[567] При написании данной главы были использованы следующие работы автора: Илюхина В.А. Доктринальные принципы права: понятие и специфика // Актуальные проблемы государства и права. 2021. Т. 5. № 17. С. 9–21; Илюхина В.А. Доктринальные принципы гражданского процессуального права России // Четвертый конгресс цивилистов правоохранительных органов: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Нижний Новгород – Барнаул, 24–25 марта 2022 г. М.: Русайнс, 2022. С. 231–238; Илюхина В.А. Принцип разумности как доктринальный принцип права// История государства и права. 2023. № 8. С. 57–62; Илюхина В.А. Доктринальные принципы права в правоприменительной практике // Алтайский юридический вестник. 2023. № 3 (43). С. 5–11; Илюхина В.А. Принцип правовой определенности в российской и армянской правовой системе (сравнительный анализ) // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2023. № 3. С. 32–38; Илюхина В.А. Принцип процессуальной экономии как доктринальный принцип российского и армянского права // Администратор суда. 2023. № 3. С. 35–38; Илюхина В.А. Принципы объективной истины и активности суда как доктринальные принципы права // Вестник Воронежского института МВД России. 2023. № 3. С. 262–266; Илюхина В.А. Принцип непосредственности судебного разбирательства в российской правовой системе // Мировой судья. 2023. № 10. С. 33–37; Илюхина В.А. Доктринальные принципы транспарентности и запрета поворота к худшему // История государства и права. 2023. № 11. С. 64–69; Илюхина В.А. Доктринальные принципы права в деятельности российских судов // Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (к 25-летию Санкт-Петербургского университета МВД России: в 2-х ч.: материалы XX международной научно-теоретической конференции. Санкт-Петербург, 27–28 апреля 2023 г. Ч. 1 / под ред. Н.С. Нижник. СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2023. С. 1147–1153; Илюхина В.А. Принцип экономии репрессии как доктринальный принцип // Человек и общество в противоречиях и согласии: сб. научн. тр. по материалам Международной научно-теоретической конференции. Н. Новгород: Гладкова О.В., 2023. С. 334–337; Илюхина В.А. Принцип неотвратимости ответственности как доктринальный принцип российского и армянского права // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2024. № 1. С. 46–51; Илюхина В.А. Принципы права в национальных правовых системах Российской Федерации и Республики Армения (сравнительно-правовое исследование): монография / под ред. А.А. Демичева. М.: Директ-Медиа, 2024. С. 184–226.

Верховного Суда РФ, решение является, «когда имеющие значение для дела факты подтверждены исследованными судом доказательствами, удовлетворяющими требованиям закона об их относимости и допустимости, или обстоятельствами, не нуждающимися в доказывании (ст. 55,59–61, 67 ГПК РФ), а также тогда, когда оно содержит исчерпывающие выводы суда, вытекающие из установленных фактов»[568].

В своей деятельности, мотивируя выносимые судебные акты, российские арбитражные суды, суды общей юрисдикции и мировые судьи в настоящее время активно ссылаются на принципы права, в том числе доктринальные. Таким образом, принципы права являются не абстрактными теоретическими конструктами, а, оказывая влияние на правоприменительную практику, представляют собой средство регулирования общественных отношений.

Разновидностью доктринальных принципов являются идеи отрасли права, идеи правового регулирования определенной сферы общественных отношений, которые выводятся правоприменителем и/или учеными путем толкования текстов нормативных правовых актов. Мы категорически не разделяем позицию авторов, полагающих, что принципы позитивного права не обязательно могут закрепляться в нормах права[569], могут выводиться из содержания нормативных актов путем их толкования[570], вытекать из законодательства, правовых норм и институтов[571],

---

[568] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2003 г. № 23 «О судебном решении» // Российская газета. 2003. 26 декабря.

[569] См.: Городилов В.В. О понятии принципа советского уголовного процесса // Научные труды Омской ВШМ МВД СССР. Омск, 1969. Вып. 5. С. 80–81.

[570] См.: Барышникова Ю.Р. Принципы частного права: теоретико-правовое исследование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2006. С. 8; Кузнецова О.А. Специализированные нормы российского гражданского права: теоретические проблемы: дис. … д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2007. С. 83–85, Афанасьев С.Ф., Исаенкова О.В. Развитие системы гражданских процессуальных принципов: недавнее прошлое и настоящее // Правоведение. 2011. № 2 (295). С. 195; Егорова А.С. Принцип стабильности договора по гражданскому законодательству Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. С. 6.

[571] См.: Պետության և իրավունքի տեսություն: Ուսումնական ձեռնարկ / Հեղ. խումբ; Գիտ. խմբ՝ Ա. Ղամբարյան, Մ. Մուրադյան. 3-րդ լրամշակված հրատ. Եր.:Լուսաբաց հրատարակչատուն¦, 2018. էջ. 244 (Теория государства и права: учебное пособие/ под ред. А. Гамбаряна, М. Мурадяна. 3-е изд, перераб. Ереван: Издательство «Лусабац», 2018. С. 244); Хабибуллина Г.Р. Межотраслевые принципы права и конституционное правосудие в субъектах Российской Федерации: монография. М.: Статут, 2017. С. 13.

существовать не в виде конкретного нормативного предписания, а содержаться в ряде норм закона[572], носить не текстуальный, а смысловой характер[573], выводиться из смысла законов[574], закрепляться в судебныъ актах[575]. Армянские исследователи А.Г. Давтян и Г.В. Антонян считают, что вне зависимости от характера законодательной регламентации все принципы (и текстуальные, и смысловые), придают единство правовому регулированию[576].

Если признать указанные выше подходы правильными, то, по сути, в любой статье нормативного правового акта можно найти какой-нибудь «принцип» права, потому что бессмысленных статей нет – в основе любой статьи нормативного акта лежит какая-либо идея (если, конечно, исходить из презумпции разумности законодателя). Однако здесь важно учитывать, какой уровень обобщенности имеет идея, какую роль она играет в правовом регулировании определенной сферы общественных отношений, является ли она идеей, лежащей в основе всей соответствующей отрасли права, или носит более узкий характер. Верной представляется позиция авторов, что «отсутствие прямого указания правового

---

[572] См.: Зажицкий В.И. Правовые принципы в законодательстве Российской Федерации // Государство и право. 1996, № 11. С. 93. С. Аветисян применительно к принципам уголовного права высказывает мысль, что они могут отражаться в законодательстве «в трех основных формах: «1) непосредственно через нормы, специально им посвященные; 2) посредством понятий и институтов Общей части УК и 3) в нормах Особенной части УК» (Аветисян С. Проблемы реализации принципов уголовного права (в свете нового Уголовного кодекса Республики Армения) // ՀՂՀ դատական իշխանություն (НКР судебная власть). 2018. № 1. Էջ. 7.).

[573] См.: Фурсов Д.А. Предмет, система и основные принципы арбитражного процессуального права (проблемы теории и практики): монография. М.: ИНФРА-М, 1999. С. 363. Также В.В. Лазарев пишет: «Принципы не всегда выражены текстуально, да и тексты могут быть разные – нормативные и доктринальные» (Лазарев В.В. Функциональная характеристика принципов права // Юридическая техника. 2020. № 14. С. 212).

[574] См.: Братусь С.Н. Предмет и система советского гражданского права. М.: Госюриздат, 1963. С. 137; Романовская В.Б., Романовская Л.Р. Правовые принципы как источник гражданского права // Основные тенденции развития современного права: проблемы теории и практики: Материалы IV Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием), Казань, 6–7 февраля 2020 года / под ред. Р.Ф. Степаненко, С.Н. Тагаевой. Казань: Университет управления «ТИСБИ», 2020. С. 10–13.

[575] См.: Гамбарян А.С. Внесистемные коллизии и внутрисистемные конфликты принципов права: доктрина, практика, техника // Юридическая техника. 2020. № 14. С. 36.

[576] См.: Давтян А.Г., Антонян Г.В. Актуальные доктринальные принципы гражданского процесса // Двенадцатая годичная научная конференция: сб. научн. ст.: Социально-гуманитарные науки, Ереван, 4–8 декабря 2017 г. Ч. I. Ереван: Российско-Армянский (Славянский) университет, 2018. С. 111.

принципа в законе делает невозможным его восприятие всеми участниками общественных от ношений, поскольку именно закон в идеальном представлении выступает ориентиром при определении правомерности или неправомерности поведения каждого субъекта»[577]. Следует согласиться и с С.С. Безруковым, исследовавшим принципы уголовного процесса Российской Федерации и пришедшим к верному выводу, что «единственно возможным способом законодательного закрепления принципа уголовного процесса выступает размещение соответствующего предписания в главе 2 УПК. В условиях действующего нормативного правового регулирования принципы не могут располагаться за ее пределами, выводиться из совокупности частных процессуальных норм»[578].

Толкователь и правоприменитель, по нашему мнению, не должен подменять собой законодателя. Последний прекрасно осознавал, какие идеи он считает основополагающими, а какие – нет, и отразил это в соответствующих структурных элементах нормативных правовых актов. Естественно, мы понимаем, что в реальности многие нормативные правовые акты далеко не идеальны, имеют разное качество (как в плане глубины содержательной проработки, так и юридической техники) по сравнению друг с другом, а иногда даже дефектны. Однако это является стимулом для их совершенствования. Полагаем, что в этом случае правоприменительная практика служит индикатором несовершенства законодательства, подсказывает возможные пути его развития и служит на этом поприще стимулом для законодателя. Поскольку российская и армянская правовые системы входят в континентальную правовую семью, то право здесь вовсе не то, что о нем думают судьи и не то, во что выливаются их решения (как тут не вспомнить фигуру «юридического Геркулеса», знающего все принципы права и обладающего неограниченным временем на вынесение

---

[577] Азархин А.В., Карев Д.А., Михайлова М.С. Понятие и классификация правовых принципов // Евразийская адвокатура. 2020. № 1 (44). С. 100.

[578] Безруков С.С. Принципы уголовного процесса: автореф. дис. д-ра юрид. наук. М., 2016. С. 13.

справедливого судебного решения, в концепции Р. Дворкина[579]!), а то, что непосредственно закреплено в текстах нормативных правовых актов и иных источниках права.

Однако в российской правоприменительной практике нередко имеет место ситуация, когда Конституционный Суд РФ и Верховный Суд РФ в своих актах ссылаются на доктринальные принципы. Более того, высшие суды иногда не просто называет доктринальные принципы, но и раскрывают их содержание. Например, в постановлении Конституционного Суда РФ от 20 октября 2015 г. № 27-П дается формулировка принципа процессуальной экономии[580], в постановлении Конституционного Суда РФ от 14 февраля 2002 г. № 4-П – принципа диспозитивности[581], в постановлении Конституционного Суда РФ от 5 февраля 2007 г. № 2-П – принципа правовой определенности[582]. В Апелляционном определении Верховного Суда РФ от 27 марта 2019 г. по делу № 3А-234/2018 содержится понятие принципа непосредственности судебного разбирательства[583].

---

[579] Dworkin R. Law's Empire. Harvard University Press: Cambridge, 1986.

[580] См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 20 октября 2015 г. № 27-П «По делу о проверке конституционности части третьей статьи 333 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан А.И. Карабанова и В.А. Мартынова» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2016. № 1.

[581] См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 14 февраля 2002 г. № 4-П «По делу о проверке конституционности статьи 140 Гражданского процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданки Л.Б. Фишер» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 1.03.2024).

[582] См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 5 февраля 2007 г. № 2-П «По делу о проверке конституционности положений статей 16, 20, 112, 336, 376, 377, 380, 381, 382, 383, 387, 388 и 389 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом кабинета министров Республики Татарстан, жалобами открытых акционерных обществ "Нижнекамскнефтехим" и "Хакасэнерго", а также жалобами ряда граждан» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 1.03.2024). В Постановлении Конституционного Суда РА от 3 апреля 2018 г. № 1411 также раскрывается содержания принципа правовой определенности (см.: Постановление Конституционного Суда Республики Армения № 1411 от 3 апреля 2018 г. «По делу об определении вопроса соответствия статьи 2211 Гражданского процессуального кодекса РА Конституции Республики Армения на основании обращения ООО "ЭС ДИ ЭЙ ТРЭВЕЛ"» // URL: https://www.concourt.am/decision/full_text/2018-ru-sdv-1411.pdf (дата обращения: 1.03.2024) и др.

[583] См.: Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 27 марта 2019 г. по делу № 3А-234/2018 // URL: https://sudact.ru/vsrf/doc/1eVkVfqpUuVT/ (дата обращения: 1.03.2024).

Доктринальные принципы, оставаясь вне сферы права, а будучи явлением правосознания, тем не менее, играют реальную роль в правоприменительной практике. Упоминание доктринальных принципов в актах Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ является своеобразной их легитимацией в судебной деятельности. Нижестоящие суды вслед за высшими судами начинают активно использовать соответствующие формулировки, делать отсылки к доктринальным принципам в мотивировочной части судебных актов[584]. Однако это никоим образом не превращает эти принципы в нормативно закрепленные. Следует согласиться с Д.А. Плотниковым, что «все трактовки принципов в актах высших судебных инстанций следует рассматривать исключительно как доктринальные принципы…»[585].

Обратим внимание, что арбитражные суды и суды общей юрисдикции разных уровней, а также мировые судьи делают отсылки не только к доктринальным принципам, которые упоминаются Конституционным Судом РФ и Верховным Судом РФ, но и к доктринальным принципам, которые не упоминаются высшими судами. Причем исследование российской судебной практики приводит нас к выводу, что по большому счету для судей нет никакой разницы на принцип позитивного права или доктринальный принцип они ссылаются, выражен ли он в конкретной статье нормативного акта или же нет. Особенно если этот принцип упоминается в актах Конституционного Суда РФ, постановлениях Пленума Верховного Суда РФ или определениях Верховного Суда РФ.

При отсылке к доктринальным принципам российские судьи, как правило, не указывают их источник, где они ранее были сформулированы или, хотя бы, назывались, что учитывая доктринальный характер этих принципов, вполне логично – далеко не всегда можно установить первичный текст, где они были

---

[584] Тем самым судебная практика опровергает утверждение О.А. Кузнецовой, что нормативной основной решения суда могут выступать только нормы-принципы (см.: Кузнецова О.А. Нормы-принципы российского гражданского права. М.: Статут, 2006. С. 46).

[585] Плотников Д.А. Принципы гражданского и административного судопроизводства: сравнительно-правовое исследование: учебное пособие. М.: Проспект, 2022. С. 33.

сформулированы. Доктринальные принципы – это не просто определенные идеи, но и составная часть доктрины. При этом следует учитывать, что в юридической науке нет единого устоявшегося подхода к определению и пониманию сущности феномена доктрины[586]. Как мы уже отмечали ранее, доктринальными принципами являются любые идеи, касающиеся регулирования определенной сферы общественных отношений, независимо от того, признаются ли они большинством научного сообщества или значительной его частью, одобряются ли властью или нет. В этом контексте не все доктринальные принципы права являются частью доктрины (в самом широком ее понимании), а только те из них, которые признаются научным сообществом в целом, отдельными научными школами, наиболее авторитетными учеными.

В целом у российских судей не принято в решениях ссылаться на научную литературу, но такая практика уже имеет место. Например, в Постановлении Восьмого арбитражного апелляционного суда от 9 декабря 2019 г. по делу № А46-20788/2018[587] упоминается некое «общепринятое доктринальное толкование» и при этом делается ссылка на **одну (!)** научную статью, опубликованную в «Вестнике экономического правосудия Российской Федерации»[588]. В практике арбитражных судов встречаются ссылки на так называемую доктрину «снятия корпоративной вуали»[589], а также на работы отдельных ученых[590]. Иногда, хотя и достаточно редко, в судебных актах упоминаются различные принципы

---

[586] См.: Самсонов Н.В. Доктрина гражданского процессуального права и ее значение для отечественного судопроизводства // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2022. № 13 (2). С. 416–419.

[587] См.: Постановление Восьмого арбитражного апелляционного суда от 9 декабря 2019 г. по делу № А46-20788/2018 // URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/kFK498wpFGWl/ (дата обращения: 1.03.2024).

[588] См.: Ширвиндт А.М. Актуальные вопросы представительства. Комментарий к п. п. 122–132 Постановления Пленума ВС РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации"» // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2015. № 12. С. 61–144.

[589] См.: Шишмарева Е.С. Проблемы применения доктрины «снятия корпоративной вуали» в России // Отечественная юриспруденция. 2018. № 3(28). С. 48–50.

[590] См.: Дьячук Я. Некоторые доктринальные наработки современных цивилистов в решениях арбитражных судов (к публикации Алексея Елаева) // URL: https://zakon.ru/blog/2020/9/27/nekotorye_doktrinalnye_narabotki_sovremennyh_civilistov_v_resheniyah_arbitrazhnyh_sudov_k_publikacii?ysclid=leibivq0ye100511405 (дата обращения: 1.03.2024).

и институты римского права. Причем это имеет место и в практике Верховного Суда РФ[591], и в практике арбитражных судов[592], и в практике судов общей юрисдикции[593]. При этом нами не было обнаружено ни одного судебного акта мировых судей, в которых бы они ссылались на римское право.

В Республике Армения, суды в своих актах ссылаются на юридические словари, на положения римского права, на доктринальные комментарии законодательства и специальную юридическую литературу. А.С. Гамбарян и Л.Г. Даллакян приводят примеры конкретных решений судов Армении, в которых имеются ссылки на доктринальное толкование законов, на учебную литературу, принципы и положения римского права[594]. Более того, названные авторы предлагают нормативно закрепить положения, «наделяющих участников судопроизводства правом ссылаться на определения, содержащиеся в юридических словарях, доктринальные позиции ученых-юристов, а также на научные комментарии закона в качестве дополнительной аргументации своей правовой позиции в случаях, когда в законе наличествуют правовые неопределенности, противоречия, либо в случаях, когда при применении судом

---

[591] См., напр., Апелляционное определение Верховного Суда Российской Федерации от 22 декабря 2022 г. // URL: https://sudact.ru/vsrf/doc/lsoBjfLS6Bxu/ (дата обращения: 1.03.2024).

[592] См., напр., Решение Арбитражного суда города Москвы от 26 августа 2022 г. по делу № А40-228915/2021 // URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/hX5lf7C08JlJ/ (дата обращения: 1.03.2024); Решение Арбитражного суда Краснодарского края от 14 апреля 2020 г. по делу № А32-45051/2019 // URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/ZEBnhDUePSlO/ (дата обращения: 1.03.2024); Решение Арбитражного суда Краснодарского края от 31 июля 2019 г. по делу № А32-21123/2019 // URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/JZle46IX5BJX/ (дата обращения: 1.03.2024); Решение Арбитражного суда Краснодарского края от 16 июня 2019 г. по делу № А32-8387/2019 // URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/Uwr0lqLlksJ1/ (дата обращения: 1.03.2024); Решение Арбитражного суда Краснодарского края от 14 июня 2019 г. по делу № А32-19942/2018 // URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/9fIIHMjETggX/ (дата обращения: 1.03.2024).

[593] См., напр., Решение Ленинского районного суда г. Екатеринбурга № 2-5193/2018 от 20 июля 2018 г. по делу № 2-5193/2018 // URL: https://sudact.ru/regular/doc/oJ1a33qyajJ9/ (дата обращения: 1.03.2024); Апелляционное постановление Заводоуковского районного суда Тюменской области № 10-27/2017 от 19 декабря 2017 г. по делу № 10-27/2017 // URL: https://sudact.ru/regular/doc/M1vHl9ISDuX/ (дата обращения: 1.03.2024).

[594] См.: Гамбарян А.С., Даллакян Л.Г. Применение правовой доктрины в судебной практике: перспективы правового регулирования // Евразийская адвокатура. 2016. № 6 (25). С. 120.

толкования contra legem (вопреки закону) необходимо обосновать неправовой характер законодательного регулирования»[595].

Далее мы остановимся на доктринальных принципах, которые используются в судебной практике российских судов для аргументации выносимых судебных актов. При этом следует обратить внимание на то, что в реальности иногда достаточно сложно отграничить принцип как средство правовой аргументации от принципа как правового основания судебного решения. В последнем случае принцип права, являясь опорным аргументом в мотивировочной части, выступает одновременно и одним из оснований резолютивной части судебного акта[596]. По нашему мнению, сказанное касается и доктринальных принципов и принципов позитивного права. Учитывая колоссальный объем судебных актов и многообразие сочетаний и вариантов названий различных доктринальных принципов, мы, естественно, не претендуем на полноту охвата упоминаемых в правоприменительной практике доктринальных принципов.

Еще раз отметим, что речь идет об идеях, которые не сформулированы в текстах нормативных правовых актов в качестве принципов позитивного права. В правоприменительной практике нет единообразия не только в количестве и наименовании доктринальных принципов, но и в их связках, устоявшихся сочетаниях. Нередко в мотивировочной части решения суды ссылаются не на один какой-либо принцип, а на их совокупность. Причем они не пытаются разграничить нормативно закрепленные и доктринальные принципы.

В качестве одного из примеров такого неразграничения приведем Решение Арбитражного суда Красноярского края от 24 августа 2022 г. по делу № А33-6710/2022, в котором в сочетании упоминаются общеправовые принципы «справедливости, гуманизма и соразмерности ответственности за совершенное

---

[595] Гамбарян А.С., Даллакян Л.Г. Применение правовой доктрины в судебной практике: перспективы правового регулирования // Евразийская адвокатура. 2016. № 6 (25). С. 121.

[596] См.: Стоилов Я. Принципы права: понятие и правоприменение: монография / вступ. ст., научн. ред. пер. Е.А. Фроловой. М.: Проспект, 2023. С. 83.

деяние его реальной общественной опасности»[597]. В данном случае первые два принципа носят нормативный характер, а третий – доктринальный. Обратим внимание, что арбитражный суд называет все эти принципы общеправовыми. Здесь мы имеет дело со специфическим пониманием судами того, что такое общеправовые принципы (об этом уже речь шла ранее в главе 2 данной работы). В реальности, нормативно принцип справедливости закреплен только ст. 6 УК РФ и в п. 3 ст. 6 и ст. 9 КАС РФ (причем в КАС РФ принцип справедливости идет в сочетании с принципом законности), а принцип гуманизма – в ст. 7 УК РФ и ст. 8 УИК РФ. Таким образом, все три упоминавшихся в рассматриваемом решении арбитражного суда принципа именно для отрасли арбитражного процессуального права являются доктринальными.

А.В. Должиков высказывает весьма спорное и недостаточно аргументированное, на наш взгляд, мнение, что принцип соразмерности в России носит конституционный характер[598], не давая конкретных указаний, в каких именно статьях Конституции РФ он имеет определенное и четкое выражение. Еще раньше Д.И. Дедов отмечал, что принцип соразмерности признается на уровне Конституции РФ, федеральных законов, в рамках судебной практики[599], также не указывая где именно этот принцип (а не некий его общий смысл)

---

[597] Решение Арбитражного суда Красноярского края от 24 августа 2022 г. по делу № А33-6710/2022 // URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/ZoqGA7YiLRx0/ (дата обращения: 1.03.2024). Конституционный Суд РФ также не всегда отграничивает нормативно закрепленные и доктринальный принципы. Так, в Постановлении от 17 мая 2023 г. № 24-П он как к равным по юридической силе делает отсылку к принципам справедливости, равенства и неотвратимости ответственности правонарушителя (см.: Постановление Конституционного Суда РФ от 17 мая 2023 г. № 24-П «По делу о проверке конституционности статьи 12.18, части 2 статьи 12.24 и пункта 7 части 1 статьи 24.5 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой гражданина Р.А. Чепурного» // СЗ РФ. 2023. № 21. Ст. 3794). Аналогичную позицию занимает и Верховный Суд РФ, который, например, в одном из своих определений использовал формулировку: «Назначенное … административное наказание признано судами соответствующим принципам законности, справедливости, неотвратимости и целесообразности юридической ответственности» (Определение Верховного Суда РФ от 24 ноября 2021 г. № 305-ЭС21-21526 по делу № А41-70432/2020 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 1.03.2024).

[598] См.: Должиков А.В. Соразмерность как общеправовой принцип в конституционном правосудии России (на примере основных социальных прав): дис. … д-ра юрид. наук. СПБ., 2022. С. 18–19.

[599] См.: Дедов Д.И. Реализация принципа соразмерности в правовом регулировании предпринимательской деятельности: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2005. С. 11.

конкретно закреплен в Конституции РФ. Что касается апеллирования к принципу соразмерности в судебной практике, то его наличие не вызывает сомнения.

Авторы имеющихся в настоящее время серьезных диссертационных исследований принципа соразмерности относят его к общим принципам права[600]. Однако все они подходят к пониманию общих принципов права (общеправовых принципов) как значимых для государства и общества основополагающих идей, не обязательно выраженных в позитивном праве, зафиксированных в нормах законодательства. Принцип соразмерности как раз и относится к таким «принципам». А это означает, что с позиции позитивситского правопонимания он является исключительно доктринальным принципом российского права, носящим общеправовой характер.

По нашему мнению, российские суды воспринимают принцип соразмерности именно как доктринальный принцип. Видимо, поэтому, А.А. Бажанов, проанализировав решения Конституционного Суда РФ, пришел к выводу, что этот судебный орган «ссылается на принцип соразмерности, но фактически не использует тест на пропорциональность, детально не проводит проверку в рамках ни одного из его элементов»[601].

Что касается Республики Армения, то конституционный характер принципа соразмерности в этом государстве не вызывает сомнения – ст. 78 Конституции РА так и называется «Принцип соразмерности».

---

[600] См.: Дедов Д.И. Реализация принципа соразмерности в правовом регулировании предпринимательской деятельности: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2005. С. 10; Должиков А.В. Соразмерность как общеправовой принцип в конституционном правосудии России (на примере основных социальных прав): дис. … д-ра юрид. наук. СПБ., 2022. С. 18. А.А. Бажанов прямо не называет принцип соразмерности общеправовым принципом или общим принципом права, однако он пишет, что «принцип соразмерности пронизывает всю правовую систему – от отдельных норм до целых институтов и отраслей, что предопределяет необходимость его общетеоретического исследования» (Бажанов А.А. Соразмерность как принцип права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019. С. 4). По сути, это означает признание принципа соразмерности общеправовым принципом.

[601] Бажанов А.А. Соразмерность как принцип права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019. С. 26.

По нашим подсчетам[602], более чем в двухстах актах Верховного Суда РФ встречается формулировка «В соответствии с общими правилами назначения административного наказания, основанными на **принципах справедливости, соразмерности и индивидуализации ответственности** (*выделено нами – В.И.*) …»[603]. Для административного права все три названных принципа являются доктринальными, хотя, как мы уже отмечали выше, принцип справедливости имеет нормативное закрепление в УК РФ и КАС РФ.

В своих актах суды часто ссылаются на принцип диспозитивности. Нормативно именно с использованием слова «диспозитивность» он не закреплен ни в одном нормативном правовом акте России и Армении (за исключение ст. 12 ГПК РА 2018 г.). Некоторые авторы полагают, что принцип диспозитивности закреплен в ч. 2 ст. 1 и ч. 1 ст. 9 ГК РФ[604]. В ГК РА понятие «принцип диспозитивности» также не используется, однако в ч. 1 ст. 3 ГК РА назван принцип автономии воли и имущественной самостоятельности участников гражданских правоотношений, а в ч. 2 раскрывается его сущность. В содержательном плане армянский принцип автономии воли и имущественной самостоятельности участников гражданских правоотношений аналогичен положениям, закрепленным в указанных выше статьях ГК РФ.

Определение принципу диспозитивности, но не как одному из основных начал гражданского законодательства, а как принципу гражданского судопроизводства было дано и Конституционным Судом РФ[605].

---

[602] Здесь и далее подсчет произведен нами по материалам сайта «Судебные и нормативные акты РФ» (см.: URL: https://sudact.ru). Расчеты носят приблизительный характер, поскольку на указанном сайте размещены не все судебные акты за все годы.

[603] См., напр., Постановление Верховного Суда РФ от 19 января 2023 г. по делу № 5-434/2021 // URL: https://sudact.ru/vsrf/doc/jgvaMRVzj7rX/(дата обращения: 1.03.2024).

[604] См.: Прохорко Т.Н. Диспозитивность как принцип российского гражданского права: автореф. … дис. канд. юрид наук. Краснодар, 2010. С. 8.

[605] «Присущий гражданскому судопроизводству **принцип диспозитивности** *(выделено нами – В.И.)* означает, что процессуальные отношения в гражданском судопроизводстве возникают, изменяются и прекращаются, главным образом, по инициативе непосредственных участников спорного материального правоотношения, которые имеют возможность с помощью суда распоряжаться своими процессуальными правами, а также спорным материальным правом» (Постановление Конституционного Суда РФ от 14 февраля 2002 г. № 4-П «По делу о проверке

На уровне доктрины принцип диспозитивности считается принципом цивилистических процессуальных отраслей российского и армянского права: гражданского процессуального[606] (при этом обратим внимание, что после введения ГПК РА 2018 г. доктринальный принцип диспозитивности гражданского процессуального права Армении стал нормативно закрепленным принципом гражданского процессуального права), арбитражного процессуального[607] и административного процессуального права[608]. В настоящее время имеются

конституционности статьи 140 Гражданского процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданки Л.Б. Фишер» // СПС «КонсультантПлюс») (дата обращения: 1.03.2024).

[606] См., напр., Боннер А.Т Принцип диспозитивности советского гражданского процессуального права: учебное пособие / отв. ред. М.С. Шакарян. М.: Изд-во ВЮЗИ, 1987; Ярошенко Т.В. Принцип диспозитивности в современном российском гражданском процессе: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1998; Шананин А.А. Принцип диспозитивности гражданского процессуального права: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1999; Полянская Н.Ю. Реализация принципа диспозитивности в механизме гражданского процессуального регулирования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2005; Сапожников С.А. Принцип диспозитивности в гражданском процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006; Հովհաննիսյան Վ. Տնօրինչականության սկզբունքի գործառության քաղաքացիադատավարական առանձնահատկությունները դատական ակտերի վերաքննության փուլում // Բանբեր Երևանի համալսարանի. Իրավագիտություն. 2013. № 3. Էջ. 15–24 (Оганесян В. Гражданско-процессуальные особенности действия принципа диспозитивности на этапе апелляционного пересмотра судебных актов // Вестник Ереванского университета. Правоведение. 2013. № 3. С. 15–24); Եսայան Վ. XX ԴԱՐՈՒՄ ՁԵՎԱՎՈՐՎԱԾ ՀԻՄՆԱԿԱՆ ՏԵՍՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԸ ԴԻՍՊՈԶԻՏԻՎՈՒԹՅԱՆ ՍԿԶԲՈՒՆՔԻ ԺԱՄԱՆԱԿԱԿԻՑ ԸՆԿԱԼՄԱՆ ՁԵՎԱՎՈՐՄԱՆ ՀԱՐՑՈՒՄ// Պետություն և իրավունք. 2015. № 3–4 (69–70). Էջ. 27–30 (Есаян В. Основные теории в вопросе формирования современного восприятия принципа диспозитивности, сформировавшиеся в XX веке // Государство и право. 2015. № 3–4 (69–70). С. 27–30); Եսայան Վ. Տնօրինչականության սկզբունքի բովանդակությունը (տնօրինչական դատավարական իրավունքներ, տնօրինչական գործողություններ) // ԵՊՀ իրավագիտության ֆակուլտետի ասպիրանտների և հայցորդների 2014 թ. նստաշրջանի նյութերի ժողովածու. Երևան: Երևանի պետական համալսարան, 2015. Էջ. 310–332 (Есаян В. Содержание принципа диспозитивности (распорядительные процессуальные права, распорядительные действия) // Материалы сессии аспирантов и соискателей юридического факультета ЕГУ в 2014 году. Ереван: ЕГУ, 2015. С. 310–322); Оганезова А.В. Институт медиации как альтернативный способ разрешения споров в Республике Армения // Право и государство: теория и практика. 2019. № 8 (176). С. 127–129.

[607] См., напр., Моисеев С.В. Принцип диспозитивности арбитражного процесса: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001; Щербакова Л.Г. Принцип диспозитивности и его реализация в арбитражном судопроизводстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2010; Щербакова Л.Г. Принцип диспозитивности и его реализация на стадиях арбитражного процесса. Саратов: ООО «Милика», 2015. Напомним, что в Армении не существует самостоятельной отрасли арбитражного процессуального права. Соответствующие нормы содержатся в ГПК РА.

[608] См., напр., ՊԵՏՐՈՍՅԱՆ Լ. ՏՆՕՐԻՆՉԱԿԱՆՈՒԹՅԱՆ ՍԿԶԲՈՒՆՔԻ ԴՐՍԵՎՈՐՄԱՆ ԱՌԱՆՁՆԱՀԱՏԿՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԸ ՎԱՐՉԱԿԱՆ ԴԱՏԱՎԱՐՈՒԹՅՈՒՆՈՒՄ // Արդարադատություն. 2020. № 2 (51). Էջ. 30–36 (Петросян Л. Особенности реализации

и исследования, в которых принцип диспозитивности рассматривается в качестве принципа уголовного процесса[609], уголовного права[610], семейного права[611]. Отсылки к данному принципу имеют место в актах и Конституционного Суда РФ[612], и Верховного Суда РФ (по нашим подсчетам, более 100 судебных актов), и судов общей юрисдикции (более 100 000 судебных актов), и мировых судей (более 10 000 судебных актов), и арбитражных судов (более 27 000 судебных актов). В судебной практике Республики Армения также имеют место отсылки к принципу диспозитивности[613].

В отличие от многих доктринальных принципов, которые просто называются в судебных актах без раскрытия их содержания и служат, скорее, для «украшения» судебного акта, придания ему внешней солидности, принцип диспозитивности, судя по правоприменительной практике, действительно является функциональным. Суды не просто называют его, но и демонстрируют механизмы его практической реализации. Например, в определении Верховного Суда РФ от 2 сентября 2022 г. по делу № А01-2496/2021 указывается, что «Из

принципа диспозитивности в административном судопроизводстве // Юстиция. № 2 (51). С. 30–36); Плотников Д.А. Принципы гражданского и административного судопроизводства: сравнительно-правовое исследование: учебное пособие. М.: Проспект, 2022. С. 150–158.

[609] См. напр., Шамардин А.А. Частные начала обвинения и становление принципа диспозитивности в уголовном процессе России: дис. ... канд. юрид. наук. Оренбург, 2001.

[610] См. напр., Сидоренко Э.Л. Принципы диспозитивности в уголовном праве: поиск методологической основы уголовной политики // Библиотека криминалиста. 2012. № 3 (4). С. 112–117.

[611] См., напр., Кузнецова О.А. Принципы семейного права // Вестник Челябинского государственного университета. 2003. № 2. С. 73.

[612] См., напр., Определение Конституционного Суда РФ от 21 мая 2015 г. № 1119-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы открытого акционерного общества "Аэрофлот" на нарушение конституционных прав и свобод частью 2 статьи 41 и частью 1 статьи 49 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 1.03.2024); .Постановление Конституционного Суда РФ от 20 октября 2015 г. № 27-П «По делу о проверке конституционности части третьей статьи 333 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан А.И. Карабанова и В.А. Мартынова» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2016. № 1.

[613] См., напр., Постановление Конституционного Суда Республики Армения № 1515 от 10 марта 2020 г. «По делу об определении вопроса соответствия пункта 2 части 1 статьи 182, части 8 статьи 183, статьи 203 Гражданского процессуального кодекса РА Конституции на основании обращения суда общей юрисдикции первой инстанции города Еревана» // URL: https://www.concourt.am/decision/full_text/626bc7e813e7f_1515.pdf (дата обращения: 1.03.2024). Напомним, что с принятием ГПК РА 2018 г. принцип диспозитивности стал нормативно закрепленным принципом гражданского процессуального права.

принципа диспозитивности следует, что процессуальные отношения в арбитражном судопроизводстве возникают, изменяются и прекращаются, как правило, по инициативе непосредственных участников спорных правоотношений. Данный принцип подразумевает свободу распоряжения лицами, участвующими в деле, принадлежащими им процессуальными правами и средствами защиты», что в конечном итоге стало основанием для удовлетворения ходатайства заявителя о возвращении кассационной жалобы[614]. В решении Арбитражного суда Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 29 сентября 2022 г. по делу № А56-68672/2022 указывается, что «применительно к производству в арбитражном суде диспозитивность означает, что арбитражные процессуальные отношения возникают, изменяются и прекращаются главным образом по инициативе непосредственных участников спорных материальных правоотношений, которые имеют возможность с помощью суда распоряжаться процессуальными правами и спорным материальным правом. В рассматриваемой ситуации это означает, что ответчик, являющийся участником спорных правоотношений, сам определяет объем реализуемых им процессуальных прав, в том числе на участие в судебном заседании и на представление отзыва (возражений) на иск»[615].

К числу доктринальных принципов права относится принцип транспарентности. В научной литературе идут бурные споры по поводу соотношения понятий «гласность», «публичность», «открытость» и «транспарентность» в процессуальном праве[616].

---

[614] Определение от 2 сентября 2022 г. по делу № А01-2496/2021 // URL: https://sudact.ru/vsrf/doc/BwlmsqRdTLWS/ (дата обращения: 1.03.2024).

[615] Решение Арбитражного суда Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 29 сентября 2022 г. по делу № А56-68672/2022 // URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/ffnAI7zoaaZL/ (дата обращения: 1.03.2024).

[616] См. подробнее: Анишина В.И. Принцип гласности, открытости и транспарентности судебной власти: проблемы теории и практики реализации // Мировой судья. 2006. № 11. С. 21–23; Аносова Л.С. Соотношение понятий гласности, открытости и транспарентности судопроизводства: конституционно-правовые аспекты // Конституционное и муниципальное право. 2009. № 21. С. 25–29.

Под транспарентностью следует понимать открытость, свободу получения информации, возможность контроля над деятельностью власти.

В первую очередь, транспарентность в научной литературе рассматривается как принцип организации судебной власти[617], а также как конституционный принцип правосудия[618], как конституционный принцип деятельности органов государственной власти и местного самоуправления[619]. В ряде исследований авторы пытаются обосновать позицию, что транспарентность является принципом гражданского судопроизводства[620], арбитражного процесса[621], экологического права[622], бюджетного права[623] и, вообще, публичного права[624]. На этом фоне абсолютно верным представляется утверждение М.Л. Давыдовой и И.А. Усенкова, что транспарентность является доктринальным принципом[625].

В правоприменительной практике суды ссылаются на принцип транспарентности достаточно редко. Нами не обнаружено ни одного судебного акта Верховного Суда РФ, а также актов мировых судей, где бы имелась отсылка к данному принципу. Что касается судов общей юрисдикции, то нами найдено только одно определение, в котором суд указывает, что «принципы

---

[617] См., напр., Стребкова Е.Г. Принцип транспарентности судебной власти и его реализация. Саратов: Саратовская государственная юридическая академия, 2018.

[618] См., напр., Ярошенко Н.И. Принцип транспарентности как конституционный принцип осуществления правосудия в России // Лесной вестник. 2013. № 5. С. 125–129.

[619] См., напр., Манченко П.А. Конституционно-правовой принцип транспарентности деятельности органов государственной власти и органов местного самоуправления в Российской Федерации и зарубежных государствах: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012.

[620] См., напр., Кострова Н.М., Омаркадиева М.К. Проблемы развития принципа транспарентности в гражданском судопроизводстве: теория и практика // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2011. № 2. С. 49–52; Осеева Е.А. Транспарентность – принцип гражданского судопроизводства // Марийский юридический вестник. 2015. № 2 (13). С. 105–106.

[621] См., напр., Пашина Я.А. Реализация принципа транспарентности в арбитражном процессе нарушена? // Вестник Арбитражного суда Московского округа. 2016. № 3. С. 81–85.

[622] См., напр., Коробка Л.Е. Факторы, влияющие на развитие принципа транспарентности в экологическом праве // Аграрное и земельное право. 2017. № 10 (154). С. 111–115.

[623] См., напр., Кожушко С.В. Принцип транспарентности бюджетного права: дис. … канд. юрид. наук. М., 2021.

[624] См., напр., Талапина Э.В. Принцип транспарентности в публичном праве // Государство и право. 2015. № 5. С. 40–47.

[625] См.: Давыдова М.Л., Усенков И.А. Взаимодействие принципов транспарентности судебной власти и независимости судей при их практическом применении в РФ // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право. 2017. № 3. С. 63.

транспарентности, открытости, демократичности и недискриминации были соблюдены»[626]. Обратим внимание, что приведенная конструкция носит тавтологический характер – через запятую указываются транспарентность и открытость, но в данном контексте эти понятия синонимичны. Очевидно, что суд сослался здесь на сочетание принципов не в силу сущностной необходимости, а исключительно для внешнего украшения своей аргументации, да еще и используя «красивое» и «непонятное» иностранное слово.

Арбитражными судами города Москвы и Самарской области принцип транспарентности рассматривается в качестве принципа деятельности государственных и муниципальных органов. По их мнению, соблюдение этого принципа «в деятельности аккредитованных лиц служит гарантией обеспечения ими при осуществлении публичной функции по оценке соответствия общественных интересов, включая права неограниченного круга лиц на качественную и безопасную продукцию, находящуюся в обращении на территории Российской Федерации»[627]. Арбитражным судом Приморского края принцип транспарентности также воспринимается в качестве одной из основ деятельности органов публичной власти и лиц, на которых возложено осуществление публичных функций. При этом арбитражный суд конкретизирует применительно к спорной ситуации содержание принципа транспарентности: «в рассматриваемом случае концептуальным является **принцип транспарентности** *(выделено нами – В.И.)*, предполагающий для аккредитованных лиц

---

[626] Апелляционное определение Московского городского суда № 11-16249/2012 от 28 августа 2012 г. по делу № 11-16249/2012 // URL: https://sudact.ru/regular/doc/9Q0eTSlVSsNC/ (дата обращения: 1.03.2024).

[627] Решение Арбитражного суда города Москвы от 30 июня 2017 г. по делу № А40-5723/2017 // URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/tK8mbqePDRUh/ (дата обращения: 1.03.2024); Решение Арбитражного суда города Москвы от 17 февраля 2020 г. по делу № А40-304812/2019 // URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/2v0ARh4Xc5WT/ (дата обращения: 1.03.2024); Решение Арбитражного суда города Москвы от 23 октября 2020 г. по делу № А40-188946/2020 // URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/joiJ0omC4o18/ (дата обращения: 1.03.2024); Решение Арбитражного суда Самарской области от 3 августа 2021 г. по делу № А55-10588/2021 // URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/mRmecpheItmQ/ (дата обращения: 1.03.2024); Постановление Арбитражного суда Самарской области от 20 октября 2021 г. по делу № А55-10588/2021 // URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/oImbE86DzE5R/ (дата обращения: 1.03.2024).

необходимость документирования процесса осуществления деятельности в области аккредитации»[628].

Отметим, что использование термина «транспарентность» в научной литературе и судебной практике стало в свое время данью моде на активное употребление иностранных слов в русском языке. Кстати, ни в одном российском (а также ни в одном армянском) нормативном правовом акте он не используется. Следует согласиться с Н.А. Власенко, полагающим, что с позиции юридической техники использование термина «транспарентность», имеющего иностранное происхождение и непривычное звучание, нежелательно[629]. Применяя методологический инструмент, получивший название бритвы Оккама («сущности не должны умножаться сверх необходимости»), можно с уверенностью утверждать, что доктринальный принцип транспарентности есть один из примеров излишне надуманной, избыточной сущности, не представляющей ни теоретической, ни практической ценности. По сути, когда говорят о транспарентности, имеют в виду то, что регулируется нормативно закрепленным на конституционном уровне (ч. 1 ст. 123 Конституции РФ[630]) принципом открытости (публичности, гласности) судопроизводства и гарантируется механизмами контроля над судебной властью в контексте принципа государственного устройства России – принципа разделения властей, а также нормами отраслевого законодательства. По нашему мнению, именно по этим причинам принцип транспарентности никогда не был и никогда не станет принципом позитивного права (собственно принципом права). Транспарентность навсегда останется доктринальным принципом, в содержание которого каждый ученый и практик может вкладывать свое наполнение.

---

[628] Решение Арбитражного суда Приморского края от 16 июля 2021 г. по делу № А51-614/2021 // URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/5idKDxVBZcZQ/ (дата обращения: 1.03.2024).

[629] Власенко Н.А. Законодательная технология: Теория. Опыт. Правила: учебное пособие. Иркутск: Восточно-Сибирская издательская компания, 2001. С. 58.

[630] В качестве принципа позитивного права принцип открытости (публичности, гласности) закреплен в ст. 11 АПК РФ, ст. 10 ГПК РФ, ст. 11 КАС РФ. Также соответствующие нормы содержатся в ст. 24.3 КоАП РФ и ст. 241 УПК РФ.

Полагаем, что в связи с принятием федерального закона от 28 февраля 2023 г. № 52-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "О государственном языке Российской Федерации"»[631], как минимум, в судебных актах слово «транспарентность» должно перестать использоваться.

Иногда ученые предлагают выделять принципы права, не опираясь ни на судебную практику, ни на подход законодателя к формулированию основополагающих идей в текстах кодифицированных актов, выводя свои идеи из общего анализа законодательства, доктрины и собственных представлений о праве. Так появились такие доктринальные принципы, как принцип соответствия позитивного права естественному праву[632], принцип компромисса[633], принцип сочетания (единства) прав и обязанностей[634], право быть выслушанным и быть услышанным[635], принцип сочетания стимулов и ограничений[636], принцип сочетания убеждения и принуждения[637], принцип взаимной ответственности

---

[631] Собрание законодательства Российской Федерации. 2023. № 10. Ст. 1575.

[632] См., напр., Лаврусь С.Ю. Реализация принципов права в юридической практике: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Казань, 2005. С. 14.

[633] См.: Демичев А.А. Компромисс как доктринальный принцип права // Компромисс в праве: теория, практика, техника: сб. ст. по материалам Международной научно-практической конференции (г. Н. Новгород, 29–30 мая 2014 г.): в 2-х т. / под общ. ред. В.А. Толстика, В.М. Баранова, А.В. Парфенова. Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2014. Т. 1. С. 333–339.

[634] См., напр., Պետրոսյան Գ.Վ. Հայաստանի Հանրապետության աշխատանքային իրավունք:Ընդհանուր մաս. Եր.: ԵՊՀ, 2009. Էջ. 122–125 (Петросян Г.В. Трудовое право Республики Армения: Общая часть. Ереван: ЕГУ, 2009. С. 122–125); ՄԱԼԽԱՍՅԱՆ Լ. Հատուկ իրավական սկզբունքների դերը իրավական համակարգում // ԿԱՆԹԵՂ: Գիտական հոդվածներ. Երևան: ԱՍՈՂԻԿ, 2017. Էջ. 205 (Малхасян Л. Классификация специально-юридических принципов права // КАНТЕХ: научные труды. Ереван: АСОГИК, 2017. С. 205); Лаврусь С.Ю. Реализация принципов права в юридической практике: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Казань, 2005. С. 14; Грачев Т.С. Единство прав и обязанностей как принцип права: общетеоретический аспект: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2010.

[635] См., напр., Шерстюк В.М. Право быть выслушанным и быть услышанным – принцип гражданского процессуального права // Заметки о современном гражданском и арбитражном процессуальном праве / под ред. М.К. Треушникова. М.: Городец, 2004. С. 57–63; Айрапетян Ю.В., Григорян Л.Н. К вопросу о принципе права быть выслушанным в гражданском процессе // Двенадцатая годичная научная конференция: сб. научн. ст.: Социально-гуманитарные науки, Ереван, 4–8 декабря 2017 г. Ч. I. Ереван: Российско-Армянский (Славянский) университет, 2018. С. 97–104.

[636] См., напр., Лаврусь С.Ю. Реализация принципов права в юридической практике: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Казань, 2005. С. 14.

[637] См., напр., Реуф В.М. Специально-юридические принципы права: дис. … канд. юрид. наук. Самара, 2004. С. 8.

личности и государства[638], принцип концентрации гражданского процесса[639], принцип процессуального формализма[640], принцип самостоятельности и независимости следователя, руководителя следственного органа во взаимоотношениях с прокурором и судом[641], принцип контроля государства за состоянием брачно-семейной сферы общества[642], принцип двухуровневого правового регулирования семейных отношений[643], принцип ответственности за нарушение семейного законодательства[644], принцип научной обоснованности[645], принцип эффективности судопроизводства[646], принцип запрещения злоупотребления российским трудовым правом[647], принцип патриотизма в уголовно-исполнительном праве[648], принцип полного разрешения трудовых

---

[638] См., напр., Лаврусь С.Ю. Реализация принципов права в юридической практике: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Казань, 2005. С. 14.

[639] См., напр., Малюкина А.В. Принцип концентрации гражданского процесса: основные теоретические положения и их реализация: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008.

[640] См., напр., Першин А.А. Формализм как принцип гражданского судопроизводства // Вестник Саратовской государственной академии права. 2010. № 6 (76). С. 136–138.

[641] См.: Пьянкова Н.В. Реализация принципа самостоятельности и независимости следователя, руководителя следственного органа во взаимоотношениях с прокурором и судом: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2023.

[642] См.: Косова О.Ю. Семейное право: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. Иркутск: Иркутский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2016. С. 67–68.

[643] См.: Там же. С. 68.

[644] См.: Рыженков А.Я. Принципы семейного права. М.: Юрлитинформ. 2021. С. 144–155; Он же. О доктринальных принципах семейного права (на примере принципа ответственности за нарушение норм семейного законодательства) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2021. Т. 21. № 2. С. 169–177.

[645] См., напр., Бринчук М.М. Научная обоснованность как принцип экологического права // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2016. № 5 (112). С. 159–162.

[646] См.: Постановление Конституционного Суда Республики Армения от 10 марта 2020 г. «По делу об определении вопроса соответствия пункта 2 части 1 статьи 182, части 8 статьи 183, статьи 203 Гражданского процессуального кодекса РА Конституции на основании обращения суда общей юрисдикции первой инстанции города Еревана» // URL: https://www.concourt.am/decision/full_text/626bc7e813e7f_1515.pdf (дата обращения: 1.03.2024). Обратим внимание, что хотя речь о принципе эффективности судопроизводства идет в Постановлении Конституционного Суда РА, но это не официальная позиция суда, а изложение позиции стороны истца – представителя Национального Собрания – начальника Отдела правового обеспечения и обслуживания Аппарата Национального Собрания К. Мовсисяна.

[647] См., напр., Мазуренко С.В. Природа и классификация принципов российского трудового права: дис. … канд. юрид. наук. М., 2020. С. 118–133.

[648] См., напр., Гришко А.Я., Гришко Л.Е. Принцип патриотизма в уголовно-исполнительном праве // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2019. № 4 (48). С. 120–124.

споров[649], принцип прозрачности искусственного интеллекта[650], принцип судебной специализации[651], принцип надлежащего извещения лиц, участвующих в деле[652], принцип социальности жилищного права[653] и др. В теоретическом плане такого рода принципы ничем ни хуже и не лучше других доктринальных принципов, но по сравнению с доктринальными принципами, на которые делаются отсылки в судебных актах, их практическая ценность незначительна.

В судебной практике крайне редко встречаются отсылки к принципам права, к их нестандартным сочетаниям или интерпретациям, сформулированным именно судейским сообществом, и которые ранее не были предметом специального научного исследования. Объяснением этому, по нашему мнению, является то, что суды, в первую очередь, основывают свои решения на законах, а не на принципах права, тем более, доктринальных. Примером таких принципов, их сочетаний, интерпретаций могут служить «принцип разумной необходимости в ограничении его права на свободу в целях защиты основ общества»[654], «принцип

---

649 См., напр., Պետրոսյան Գ., Զոհրաբյան Լ. Աշխատանքային վեճերի լիակատար քննության սկզբունքը // Պետություն և իրավունք. 2016. № 4 (74). Էջ. 33–44 (Петросян Г., Зограбян Л. Принцип полного разрешения трудовых споров // Государство и право. 2016. № 4 (74). С. 33–44).

650 См., напр., Медведев А.И. Принцип прозрачности искусственного интеллекта в системе принципов российского права // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. 2023. Т. 33. № 3. С. 516–526.

651 См., напр., Джулаев С.И. Судебнаяопределнности ация как принцип гражданского процессуального права // Вестник Саратовской государственной академии права. 2006. № 6 (52). С. 62–64.

652 См., напр., Коршакова К.В., Иванченко С.В. Надлежащее извещение лиц, участвующих в деле как принцип гражданского процессуального права // Право и практика. 2019. № 4. С. 215–219.

653 См., напр., Филиппов П.М., Ковалева О.А. Принцип социальности жилищного права // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 5: Юриспруденция. 2016. Т. 15. № 3 (32). С. 31–37.

654 См., напр., Апелляционное постановление Кемеровского областного суда № 22К-5606/2014 от 25 ноября 2014 г. по делу № 22К-5606/2014 // URL: https://sudact.ru/regular/doc/3TtZH00sJFUj/ (дата обращения: 1.03.2024).

разумной достаточности – достаточности с точки зрения поставленной цели»[655], принцип логичности[656].

Чаще всего, судьи при аргументации выносимых актов ссылаются на принципы, которые ранее, в большей или меньшей степени, уже рассматривались в научной литературе. Ранее мы касались доктринальных принципов диспозитивности, транспарентности, соразмерности, индивидуализации ответственности.

Кроме названных выше, рассмотрим еще ряд доктринальных принципов, на которые либо имеются многочисленные отсылки в судебной практике, либо они являются предметом активного обсуждения исследователей:

– *принцип баланса частных и публичных интересов.* В научной литературе данный принцип рассматривается и в качестве конституционного, и доктринального в различных отраслях права[657]. В практике Верховного Суда РФ нами обнаружено только два судебных акта, в которых упоминается принцип баланса частных и публичных интересов[658]. Зато в практике арбитражных судов и судов общей юрисдикции этот принцип встречается многократно – почти

---

[655] См., напр., Решение Ярославского областного суда № 3А-99/2022 3А-99/2022~М-687/2021 М-687/2021 от 4 марта 2022 г. по делу № 3А-99/2022 // URL: https://sudact.ru/regular/doc/AzlCUM0V5qlv/ (дата обращения: 1.03.2024).

[656] См., напр., Постановление Четвертого арбитражного апелляционного суда от 29 апреля 2015 г. по делу № А19-17095/2014 // URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/PgMNU76GceZR/ (дата обращения: 1.03.2024).

[657] См., напр., Кабанова И.Е. Принцип баланса частных и публичных интересов в доктрине и правоприменительной практике // Власть Закона. 2016. № 2 (26). С. 74–84; Лесных А.В. Баланс публичных и частных интересов как принцип правового регулирования прав на земельные участки сельскохозяйственного назначения // Аграрное и земельное право. 2017. № 5 (149). С. 28–35; Запорожцев А.Г. Конституционный принцип баланса частных и публичных интересов в наследственных правоотношениях // Юридическая наука в XXI веке: история, теория, практика: материалы международной научно-практической конференции, Белгород, 27 марта 2018 г. Белгород: Белгородский университет кооперации, экономики и права, 2018. С. 334–343; Садчиков М.Н. Принцип баланса частных и публичных интересов в налоговых правоотношениях как гарантия налогового суверенитета государства // Налоги. 2020. № 1. С. 23–25.

[658] См.: Определение Верховного Суда РФ от 26 декабря 2017 г. по делу № А40-170463/2016 // URL: https://sudact.ru/vsrf/doc/sgQ4TwgrBLZT/; Определение Верховного Суда РФ от 16 июня 2021 г. по делу № А53-36694/2019 // URL: https://sudact.ru/vsrf/doc/rgh1jj6Ifadv/ (дата обращения: 1.03.2024). Причем во втором случае Верховный Суд РФ назвал принцип баланса частных и публичных интересов принципом соблюдения баланса частных и публичных интересов.

в 44 000 и почти 93 000 судебных актах соответственно. Что касается судебных актов мировых судов, то отсылка к принципу баланса частных и публичных интересов нами установлена всего в десяти случаях. Интересно, что в трех своих постановлениях мировые судьи из разных субъектов России указывают, что принцип баланса частных и публичных интересов был сформулирован Конституционным Судом РФ в постановлениях от 5 февраля 2007 г. № 2-П и от 19 марта 2010 г. № 7-П[659]. На самом деле ни в этом, ни в других постановлениях Конституционного Суда формулировка данного принципа не дана, имеется лишь его упоминание. Приведенные выше цифры касаются использования судебными органами понятия «принцип баланса частных и публичных интересов», просто же упоминание баланса частных и публичных интересов имеет место в значительно большем количестве судебных актов;

– *принцип запрета поворота к худшему (варианты: принцип недопустимости поворота к худшему, принцип недопущения поворота к худшему, принцип невозможности поворота к худшему).* Этот принцип является доктринальным в российском и армянском процессуальном праве[660] и восходит к римскому праву. Тем не менее, внимания именно как принципу права ему уделяется в настоящее время не очень много. Это касается и ученых, и

---

[659] См.: Постановление мирового судьи Судебного участка № 61 Каякентского района (Республика Дагестан) от 16 июня 2014 г. по делу № 3-498/2014 // URL: https://sudact.ru/magistrate/doc/Rq3rSoFthnVq/ (дата обращения: 1.03.2024); Постановление мирового судьи Судебного участка № 4 по Ленинскому району г. Уфы (Республика Башкортостан) от 13 ноября 2015 г. по делу № 5-562/2015 // URL: https://sudact.ru/magistrate/doc/A6xGIo4ef4Ug/ (дата обращения: 1.03.2024); Постановление мирового судьи Судебного участка № 3 Октябрьского округа г. Иркутска (Иркутская область) от 7 апреля 2016 г. по делу № 5-79/2016 // URL: https://sudact.ru/magistrate/doc/xs7lF2CElzoW/ (дата обращения: 1.03.2024).

[660] См., напр., Афанасьев С.Ф. Применение принципа запрета поворота к худшему в гражданском процессе // Российская юстиция. 2011. № 7. С. 21–25; Гильманов И.Р., Зубенко Е.В. Правило о запрете на поворот к худшему в интерпретациях Конституционного Суда России // Российская наука и образование сегодня: проблемы и перспективы. 2015. № 2 (5). С. 69–71; Айрапетян Ю.В. Обжалование судебных актов и процессуальные гарантии доступности правосудия по гражданским делам в суде апелляционной инстанции Республики Армения // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2015. № 2 (51). С. 287–293; Он же. Принцип запрета поворота к худшему в гражданском процессуальном праве Армении // Актуальные проблемы юридической науки и практики, Гатчина, 31 марта 2017 г. Гатчина: Государственный институт экономики, финансов, права и технологий, 2017. С. 111–115.

использования в судебной практике. Отметим, что суды предпочитают оперировать понятиями «запрет поворота к худшему» и «правила запрета поворота к худшему», не употребляя слово «принцип». Тем не менее, нам известно одно определение Верховного Суда РФ, в котором используется сочетание «принцип недопустимости поворота к худшему»[661] и одно определение, в котором упоминается, но содержательно не раскрывается «принцип судопроизводства невозможности поворота к худшему»[662].

Из практики арбитражных судов нам также известен только один судебный акт, в котором дана отсылка к принципу запрета поворота к худшему. Причем в нем арбитражный суд предпринял попытку раскрыть содержание этого принципа: «**принцип запрета поворота к худшему** (*выделено нами – В.И.*) не позволяет суду апелляционной инстанции вмешиваться в необжалованную часть не вступившего в законную силу судебного акта, ухудшая тем самым правовое положение лица, обратившегося с жалобой, если при этом не допущены нарушения норм процессуального права, влекущие безусловную отмену судебного акта»[663].

По нашим подсчетам суды общей юрисдикции делали отсылку к принципу запрета поворота к худшему чуть более 20 раз, а мировые судьи не сделали этого ни разу.

Полагаем, что нецелесообразно нормативно закреплять в качестве принципа права нормы о запрете поворота к худшему. Суд должен всегда выносить

---

[661] См.: Определение Верховного Суда РФ от 25 июля 2012 г. // URL: https://sudact.ru/vsrf/doc/x2CCgaBMY9JW/ (дата обращения: 1.03.2024). В данном определении Верховный Суд РФ в некоторой степени раскрывает содержание принципа недопустимости поворота к худшему: «В соответствии с **принципом недопустимости поворота к худшему** *(выделено нами – В.И.)* суд надзорной инстанции, рассматривая дело по надзорным жалобам стороны защиты, не вправе сам устанавливать наличие фактических обстоятельств дела и доказательств, подтверждающих особо активную роль Трофимова в совершении преступлений, либо опровергающих вывод о противоправности поведения потерпевшего по преступлению, совершенному Трофимовым совместно с Емцовым, а также приводить мотивы в обоснование принятых судами первой и кассационной инстанций решений».

[662] См.: Определение Верховного Суда РФ от 22 ноября 2011 г. по делу № 02-2-7/11 // URL: https://sudact.ru/vsrf/doc/qDOSJLrDNZN8/ (дата обращения: 1.03.2024).

[663] См.: Постановление Третьего арбитражного апелляционного суда от 30 апреля 2021 г. по делу № А33-23272/2020 // URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/mXY0dkOKCpLh/ (дата обращения: 1.03.2024).

законные и обоснованные решения, исходя из обстоятельств конкретного дела, поэтому абсолютизация принципа запрета поворота к худшему может привести к недостижению целей правосудия;

– *принцип единства судебной практики (варианты: принцип единообразия судебной практики, принцип единства правоприменительной практики).* Данный принцип рассматривается исследователями в совершенно разных аспектах: как принцип судоустройства[664], как принцип законодательства[665], как фактор развития правовой культуры[666], как принцип судопроизводства[667]. Однако в интересующем нас аспекте принцип единства судебной практики – это доктринальный принцип гражданского процессуального права[668]. Под принципом единства судебной практики П.А. Гук и Е.П. Гук предлагают понимать, независимо от того закреплен он законодательно или нет, или выработан высшими судебными органами, «основополагающее начало, идею, обеспечивающую судам в судопроизводстве единообразное применение нормативных правовых актов и их толкование, выработанное высшими судебными органами, при разрешении юридических дел»[669].

Насколько нам известно, судами не было сформулировано определение именно принципа единства судебной практики, но, например, в Постановлении Президиума Верховного Суда РФ от 23 марта 2005 г. № 25пв04 раскрывается понятие единства судебной практики – это «правильное и единообразное применение судами на всей территории Российской Федерации федерального

---

[664] См.: Орлова Н.Ю. Единство судебной практики как принцип судоустройства // Альманах современной науки и образования. 2014. № 2 (81). С. 131–135.

[665] См.: Петрунина А.А. Единство судебной практики как принцип законодательства // Правовая политика и правовая жизнь. 2014. № 4. С. 156–160.

[666] См.: Петрунина А.А. Принцип единства судебной практики как фактор развития правовой культуры // Правовая культура. 2015. № 1 (20). С. 72–75.

[667] См.: Гук П.А., Гук Е.П. Принцип единства судебной практики в российском судопроизводстве // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2016. № 3 (39). С. 83–90.

[668] См.: Осеева Е.А. О принципе единства судебной практики в гражданском процессуально праве // Марийский юридический вестник. 2016. № 3 (18). С. 94–96.

[669] Гук П.А., Гук Е.П. Принцип единства судебной практики в российском судопроизводстве // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2016. № 3 (39). С. 88.

законодательства при рассмотрении и разрешении гражданских дел»[670]. Отсылки в судебных актах к рассматриваемому принципу имеют место наиболее часто в судах общей юрисдикции. Так, по нашим подсчетам упоминание принципа единства судебной практики встречается в судебных актах Верховного Суда РФ чуть менее 20 раз, в актах арбитражных судов – порядка 250 раз, судов общей юрисдикции – более 29 000 раз, мировых судей – около 30 раз;

– *принцип правовой определенности.* Этот принцип, берущий истоки еще в римском праве, многократно исследовался учеными совершенно в разных ракурсах: в теоретическом аспекте[671], а также в качестве более широких категорий определенности и неопределенности в праве[672], как принцип уголовного права[673], гражданского права[674], уголовного процесса[675], гражданского процесса[676],

---

[670] См.: Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 23 марта 2005 г. № 25пв04 // URL: https://sudact.ru/vsrf/doc/nSswVrycmUNh/ (дата обращения: 1.03.2024).

[671] См., напр., Դանիելյան Գ. Իրավական որոշակիության, իրավունքի անալոգիայի (համանմանության) և իրավական ակտի մեկնաբանության փոխհարաբերության արդի հիմնախնդիրները // Բանբեր Երևանի համալսարանի. Իրավագիտություն, Երևան 2016. № 2 (20). Էջ. 3–17 (Даниелян Г. Современные проблемы правовой определенности, правовой аналогии (сходства) и толкования правовых актов // Вестник Ереванского университета. Правоведение. 2016. № 2 (20). С. 3–17); Дербышева Е.А. Место принципа правовой определенности в системе принципов российского права // Право и политика. 2017. № 2. С. 29–41; Крыжан В.А. О содержании принципа правовой определенности // Пермский юридический альманах. 2018. № 1. С. 81–88; Дербышева Е.А. Принцип правовой определенности: понятие, аспекты, место в системе принципов права: дис. … канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2020. и др.

[672] См.: Власенко Н.А. Разумность и определенность в правовом регулировании // Избранное. М.: Норма, 2015. С. 336–432. В 2017 г. Российским государственным университетом правосудия была проведена масштабная конференция, посвященная проблеме определенности и неопределенности в праве (см.: Определенность и неопределенность права как парные категории: проблемы теории и практики: материалы XII междунар. науч.-практ. конф. 17–21 апреля 2017 г.: в 2–х ч. / отв. ред. В.М. Сырых, В.Н. Власенко. М.: РГУП, 2018. Ч. 1. 460 с.; Ч. 2. 312 с.).

[673] См., напр., Иванов Н.Г. Принцип правовой определенности в уголовном праве // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 4 (44). С. 161–166; Баласанов М.Р. К вопросу о принципе правовой определенности в российском уголовном законодательстве // Закон и право. 2022. № 7. С. 178–183; ՀՀ ՔՐԵԱԿԱՆ ՆՈՐ ՕՐԵՆՍԳՐՔՈՒՄ ՏԵՂ ԳՏԱԾ ՀԱՅԵՑԱԿԱՐԳԱՅԻՆ ՄՈՏԵՑՈՒՄՆԵՐԻ ԵՎ ՆՈՐ ԻՆՍՏԻՏՈՒՏՆԵՐԻ ՄԵԿՆԱԲԱՆՄԱՆ ՈՒՂԵՑՈՒՅՑ. 2022 (Руководство по новому Уголовному кодексу РА: концептуальные подходы и новые интерпретации институтов. Б.м.: Б.и., 2022) и др.

[674] См., напр., Принципы гражданского права и их реализация: монография / под ред. Т.П. Подшивалова, Г.С. Демидовой. М.: Проспект, 2017. С. 66–75; Подшивалов Т.П. К вопросу о способах достижения реализации принципа правовой определенности в гражданском праве // Седьмой Пермский конгресс ученых-юристов: сб. научн. ст., Пермь, 18–19 ноября 2016 г. / отв. ред. В.Г. Голубцов, О.А. Кузнецова. Пермь: ООО «Издательство «СТАТУТ», 2017. С. 292–297.

арбитражного процесса[677], цивилистического процесса в целом[678], конституционного правосудия[679], конституционного контроля[680] и пр.

Поскольку в России данный принцип не имеет нормативного закрепления на каком бы то ни было уровне и носит исключительно доктринальный характер, существует множество взглядов как на его содержание, так и на место среди других принципов, место в правовой системе. В период Российской империи И.А. Покровский, исходя из теории естественного права, рассматривал правовую определенность как одно из естественных, неотъемлемых, данных от природы прав каждой личности[681]. В настоящее время Е.А. Дербышева приходит к выводу, что данный принцип характеризуется многоаспектностью, касается всего правового регулирования и относится к общеправовым, специально-юридическим принципа российского права[682]. Л.А. Морозова рассматривает его как «общеправовой универсальный принцип, действие которого распространяется на все сферы правового регулирования, все отрасли права и законодательства, обладающий постоянным действием и имеющий общеобязательное значение для

---

675 См., напр., Дикарев И.С. Принцип правовой определенности и законная сила судебного решения в уголовном процессе. Волгоград: Волгоградский государственный университет, 2015.

676 См., напр., Блажеев В.В. О принципе правовой определенности в гражданском процессуальном праве России // Актуальні проблеми застосування Цивільного процесуального Кодексу та Кодексу адміністративного судочинства України: тези доп. та наук. пов. уч-ків міжнародної науково-практичної конференції, Харьков, 25–26 января 2007 г. Харьков: Нац. юрид. акад. України, 2007. С. 22–25; Манташян А.О. Принцип определенности в современном гражданском процессе // Мировой судья. 2011. № 5. С. 18–20; Свирин Ю.А. Принцип правовой определенности в гражданском процессе // Современное право. 2013. № 11. С. 95–98 и др.

677 См., напр., Белов С.А., Ревазов М.А. Принцип правовой определенности в практике арбитражных судов Российской Федерации // Арбитражные споры. 2023. № 1 (101). С. 4.

678 См.: Принципы частного права: монография / под ред. Т.П. Подшивалова, В.В. Кваниной, М.С. Сагандыкова. М.: Проспект, 2023. С. 312–319.

679 См., напр., Гаджиев Г.А., Коваленко К.А. Принцип правовой определенности в конституционном правосудии // Журнал конституционного правосудия. 2012. № 5. С. 12–20.

680 См., напр., Бондарь Н.С. Правовая определенность – универсальный принцип конституционного нормоконтроля (практика Конституционного Суда РФ) // Конституционное и муниципальное право. 2011. № 10. С. 4–11.

681 См.: Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. Петроград: изд. юрид. кн. скл. «Право», 1917. С. 64–82.

682 См.: Дербышева Е.А. Место принципа правовой определенности в системе принципов российского права // Право и политика. 2017. № 2. С. 29–41.

всех субъектов права»[683]. В.С. Синенко относит принцип правовой определенности к общеправовым принципам[684]. А.В. Лапаева и Е.В. Приймак считают, что правовая определенность – это один из фундаментальных общих принципов права, лежащих в основе правовой системы в целом[685]. Н.С. Бондарь полагает, что данный принцип носит универсальный характер и является универсальным принципом всех сфер юридической деятельности[686]. С.М. Воробьев и Н.И. Полищук называют принцип правовой определенности метаюридическим принципом и считают его базовым, системообразующим, общеправовым принципом, «который диалектически дополняет и развивает иные общеправовые, межотраслевые и отраслевые принципы, обосновывает их функциональную необходимость, устанавливает точность, ясность и понятность юридических предписаний, определяет порядок и пределы их действия»[687].

Однако в научной литературе имеются и иные подходы к пониманию принципа правовой определенности. Так, Т.Н. Нешатаева считает правовую определенность, наряду с правовой эффективностью и балансом публичных и частных интересов, одним из главных элементов основополагающего принципа верховенства права[688], Н.В. Варламова – одним из основополагающих аспектов

---

[683] См.: Морозова Л.А. Правовая определенность как общеправовой универсальный принцип реализации права // Социально-экономические явления и процессы. 2017. Т. 12, № 3. С. 254. Вслед за Л.А. Морозовой М.В. Сидоренко под принципом правовой определенности понимает «самостоятельную, фундаментальную, общеправовую идею мировоззренческого характера» (Сидоренко М.В. Правовая определенность российского уголовно-процессуального права: дис. … д-ра юрид. наук. М., 2019. С. 16.

[684] См.: Синенко В.С. К вопросу о содержании принципа правовой определенности // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 2013. № 9 (152). С. 154–158.

[685] См.: Лапаева А.В., Приймак Е.В. К вопросу о содержании принципа правовой определенности в российском и зарубежном праве // Современные вопросы государства, права, юридического образования: сб. научн. тр. по материалам XVI Международной научно-практической конференции. Тамбов, 22 декабря 2020 г. / отв. редактор А.В. Лапаева. Тамбов: Издательский дом «Державинский», 2021. С. 29.

[686] См.: Бондарь Н.С. Правовая определенность – универсальный принцип конституционного нормоконтроля (практика Конституционного Суда РФ) // Конституционное и муниципальное право. 2011. № 10. С. 4–11.

[687] Воробьев С.М, Полищук Н.И. Теоретико-правовой анализ метаюридического принципа правовой определенности // Теория государства и права. 2019. № 2 (14). С. 88.

[688] См.: Нешатаева Т.Н. Суд и общепризнанные принципы и нормы международного права // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2004. № 3. С. 124–140.

принципа верховенства права, его необходимым следствием и условием реализации[689], а А.А. Рукавишникова (Плашевская) рассматривает его в качестве признака верховенства права[690]. Наконец, СА. Мосин рассматривает правовую определенность как одну из составляющих конституционного принципа доверия граждан к закону и действиям государства[691].

Некоторые авторы высказывают мнение, что правовая определенность – это не принцип, а особое социальное явление, отражающее стабильность общественных отношений и находящее отражение в ряде принципов права, направленных на обеспечение стабильности правового регулирования общественных отношений[692], а В.В. Ершов вообще полагает, что правовую определенность контрпродуктивно относить к принципам права[693].

В целом же большинство авторов сходится в том, что принцип правовой определенности, хотя в российском законодательстве и не имеет нормативного закрепления, тем не менее, носит общеправовой характер. По нашему мнению, следует согласиться, что правовая определенность имеет значение для правового регулирования в целом и регулирования отношений в рамках всех отраслей права, однако в настоящее время это не принцип позитивного права. Возможно, это одна из правовых аксиом. Принцип правовой определенности – важная идея, оказывающая влияние на правотворчество и правоприменение. Однако главная проблема состоит в том, что содержание ее вариативно, размыто, толкуется учеными и правоприменителями по-разному. Пока доктринальный принцип правовой определенности не станет нормой-принципом, он так и не получит, как это ни тавтологично звучит, правовой определенности.

---

[689] См.: Варламова Н. Принцип правовой определенности в практике Европейского Суда по правам человека // Конституционное право: восточноевропейское обозрение. 2002. № 4 (41). С. 94.

[690] См.: Рукавишникова (Плашевская) А.А. Генезис категории «правовая определенность» в современной юридической науке // Вестник Томского государственного университета. Право. 2014. № 3 (13). С. 79.

[691] См.: Мосин С.А. Конституционные принципы и презумпции-принципы: монография. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юстицинформ, 2018. С. 87.

[692] См.: Чимакадзе Ф.В. Правовая определенность: принцип или явление? // Фемида. Science. 2016. № 1 (2). С. 7.

[693] См., напр., Ершов В.В. Определенность права // Российское правосудие. 2017. № 1. С. 6–7.

Полагаем, что принцип правовой определенности относится к тем доктринальным принципам в России, которые имеют потенциал и должны перейти в категорию принципов позитивного права. В этом контексте верным представляется предложение Л.А. Морозовой о необходимости закрепления правовой определенности на законодательном уровне как универсального регулятора общественных отношений, «а также разработки правового механизма государственного мониторинга за соблюдением данного принципа и эффективным его действием»[694]. Технически сделать это не сложно, но весьма трудоемко из-за масштабов законодательных изменений. Поскольку изменить текст Конституции РФ проблематично, то нормы о правовой определенности нужно вводить в каждый кодифицированный акт, в структурный его элемент, посвященный принципам права (основным началам правового регулирования) в соответствующей сфере общественных отношений.

Следует отметить, что исследования доктринального принципа правовой определенности базируются на анализе судебной практики. В первую очередь, речь идет о практике Европейского суда по правам человека и национальных Конституционных Судов России и Армении[695]. Обратим внимание, что в международных правовых актах данный принцип также не имеет нормативного закрепления. В связи с тем, что решения ЕСПЧ больше не имеют юридического значения для Российской Федерации, интерес к практике этого суда сокращается,

---

[694] Морозова Л.А. Правовая определенность как общеправовой универсальный принцип реализации права // Социально-экономические явления и процессы. 2017. Т. 12. № 3. С. 254.

[695] См., напр., Варламова Н. Принцип правовой определенности в практике Европейского Суда по правам человека // Конституционное право: восточноевропейское обозрение. 2002. № 4 (41). С. 94–109; Анишина В.И., Назаренко Т.Н. Реализация принципа правовой определенности в российской судебной системе // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2013. № 2 (33). С. 40–47; Сидоренко А.И. Принцип правовой определенности в судебной практике: имплементация решений Европейского Суда по правам человека: дис. … канд. юрид. наук. Пермь, 2016; Դանիելյան Գ. Իրավական որոշակիության, իրավունքի անալոգիայի (համանմանության) և իրավական ակտի մեկնաբանության փոխհարաբերության արդի հիմնախնդիրները // Քանքեր Երևանի համալսարանի. Իրավագիտություն, Երևան 2016. № 2 (20). Էջ. 3–17 (Даниелян Г. Современные проблемы правовой определенности, правовой аналогии (сходства) и толкования правовых актов // Вестник Ереванского университета. Правоведение. 2016. № 2 (20). С. 3–17); Дербышева Е.А. Соотношение принципа правовой определенности с принципом равенства всех перед законом и судом // Вестник Гуманитарного университета. 2021. № 4 (35). С. 32–35 и др.

и доктринальный принцип правовой определенности целесообразно рассматривать в контексте российского правоприменения. Однако анализ практики ЕСПЧ остается актуальной для армянских ученых и правоприменителей.

Конституционный Суд РФ прямо называет принцип правовой определенности общеправовым принципом и предпринимает попытку дать ему определение[696]. В то же время во многих Постановлениях Верховный Суд РФ называет определенность (формальную определенность) не принципом, а общеправовым критерием, которому должны соответствовать нормативные положения[697], что сущностно является на наш взгляд, правильным.

Всего, как отмечают некоторые исследователи, данный принцип был положен в основу 119 постановлений Конституционного Суда РФ[698]. В практике других судов, по нашим подсчетам, принцип правовой определенности также играет существенную роль и является одним из самых часто используемых доктринальных принципов в аргументации выносимых судебных решений,

---

[696] «**Общеправовой принцип правовой определенности** *(выделено нами – В.И.)* предполагает стабильность правового регулирования и исполнимость вынесенных судебных решений. Поэтому при установлении оснований для обжалования и пересмотра вступивших в законную силу судебных актов, сроков, в пределах которых допускается такое обжалование, а также при определении судебных инстанций, которые правомочны рассматривать соответствующие жалобы (представления), законодателю – в силу указанного принципа – надлежит исходить из того, что участники гражданских правоотношений должны иметь возможность в разумных пределах предвидеть последствия своего поведения и быть уверенными в неизменности своего официально признанного статуса, приобретенных прав и обязанностей» (Постановление Конституционного Суда РФ от 5 февраля 2007 г. № 2-П «По делу о проверке конституционности положений статей 16, 20, 112, 336, 376, 377, 380, 381, 382, 383, 387, 388 и 389 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом кабинета министров Республики Татарстан, жалобами открытых акционерных обществ "Нижнекамскнефтехим" и "Хакасэнерго", а также жалобами ряда граждан» // СПС «КонсультантПлюс») (дата обращения: 1.03.2024).

[697] См., напр., Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 20 ноября 2018 г. // URL: https://sudact.ru/vsrf/doc/IEn28Ki6LTrT/ (дата обращения: 1.03.2024); Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 12 октября 2021 г. // URL: https://sudact.ru/vsrf/doc/CkPGAVKDfjUV/ (дата обращения: 1.03.2024); Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 9 июня 2022 г. // URL: https://sudact.ru/vsrf/doc/WnKuXqDEMwrQ/ (дата обращения: 1.03.2024) и др.

[698] См.: Дербышева Е.А. Место принципа правовой определенности в системе принципов российского права // Право и политика. 2017. № 2. С. 33. Е.А. Дробышева приводила данные по состоянию на начало 2017 г. сейчас постановлений Конституционного Суда РФ, в которых дана отсылка к принципу правовой определенности, значительно больше.

определений, постановлений. Так, к принципу правовой определенности дана отсылка более чем в 1 200 актах Верховного Суда РФ, более чем в 100 000 актах арбитражных судов, более чем в 100 000 актах судов общей юрисдикции и более 5 000 актах мировых судей.

В правовой системе Республики Армения принцип правовой определенности занимает совершенно иное место, чем в правовой системе Российской Федерации – в отличие от России в Армении он являет не доктринальным, а нормативно закрепленным принципом права. Ст. 79 Конституции РА называется «Принцип определенности» и лаконично раскрывает содержание этого принципа[699]. Принцип правовой определенности в Армении является конституционным общеправовым принципом. Подробнее мы его рассмотрим в гл. 6 нашего исследования.

Итак, принцип правовой определенности формально занимает разное место в правовых системах России и Армении. В Российской Федерации – это доктринальный принцип, не имеющий прямого нормативного закрепления, он является элементом правовой системы, но не системы права. В Республике Армения – это принцип-норма, закрепленный на конституционном уровне, общеправовой принцип, являющийся элементом и правовой системы, и системы права. Тем не менее, в правоприменительной практике обоих государств их роль одинаковая – Конституционные Суды, арбитражные суды и суды общей юрисдикции (а в России еще и мировые судьи) активно используют принцип правовой определенности при мотивировке выносимых ими судебных актов. Полагаем, что России следует заимствовать армянский опыт в плане нормативного закрепления принципа правовой определенности;

[699] Ст. 79 Конституции РА гласит: «При ограничении основных прав и свобод законы должны устанавливать основания и объем этих ограничений, быть в достаточной мере определенными, чтобы носители и адресаты этих прав и свобод были в состоянии проявлять соответствующее поведение».

– *принцип разумности.* Данный доктринальный принцип рассматривается учеными в качестве принципа гражданского права[700], частного права в целом[701], гражданского процессуального права[702]. уголовного процесса[703]. Некоторые исследователи, считая принцип разумности одним из принципов правосудия, предлагают его закрепить в качестве принципа гражданского процесса[704].

По нашему мнению, разумность – это не просто доктринальный принцип, идея, носящая правовой характер, но это и идея, которую можно отнести к аксиомам права[705]. Очевидно, что закон должен быть разумным. Поэтому удивительно, что ученые исследуют доктринальный принцип разумности применительно не ко всем, а только к некоторым отраслям права.

---

[700] См., напр., Белов В.А. Добросовестность, разумность, справедливость как принципы гражданского права. М.: АО «Центр ЮрИнфоР», 1998; Волосатова Л.В. Принцип разумности в реализации субъективных гражданских прав: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2005; Татарников А.В. Принципы разумности и добросовестности в гражданском праве России: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2010.

[701] См., напр., Анциферова Э.Ю. Принципы разумности, добросовестности и справедливости как основополагающие категории частного права // Вестник Марийского государственного университета. Серия: Исторические науки. Юридические науки. 2016. Т. 2, № 2 (6). С. 42–47.

[702] См., напр., Белякова А.В. Принцип разумности в системе принципов гражданского процессуального права // Вестник арбитражной практики. 2014. № 1. С. 36–40; Комарова Т.А. Разумность, справедливость и верховенство права как основные начала гражданского судопроизводства: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2019.

[703] См., напр., Рябцева Е.В. Соотношение принципа разумности, публичности и диспозитивности в уголовном процессе // Общество и право. 2011. № 5 (37). С. 219–222; Она же. Принцип разумности в уголовном процессе России: монография. М.: Юрлитинформ, 2011.

[704] См.: Борисова Л.В. О значении и законодательном закреплении принципа разумности гражданского процесса // Власть Закона. 2011. № 4 (8). С. 111–115.

[705] Согласимся с А.А. Демичевым, пришедшим к выводу о неоднородности правовой природы требований добросовестности, гуманности, разумности и справедливости и полагающим, что в целом их можно рассматривать в качестве правовых аксиом (см.: Демичев А.А. О правовой природе требований добросовестности, гуманности, разумности и справедливости в российском праве // Пятый конгресс цивилистов правоохранительных органов: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Нижний Новгород – Барнаул, 30–31 марта 2023 г. М.: «Русайнс», 2023. С. 44–45). Принадлежность разумности (а также добросовестности) к правоым аксиомам пытался обосновать в своем диссертаицонном исследовании Е.В. Василенко (см.: Василенко Е.В. Категории «добросовестность» и «разумность» в гражданском праве: вопросы соотношения: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Краснодар, 2012. С. 9).

Принцип разумности, как верно отмечает Д.Л. Кондратюк, имеет нравственно-правовой характер[706], поэтому какие-то четкие критерии соответствия ему установить проблематично. Отсюда, по нашему мнению, его нормативное закрепление, если теоретически и возможно, то нецелесообразно.

Специфический характер принципа разумности привел к тому, что практически никогда он не рассматривается в качестве отдельного принципа, а исследуется в совокупности с другими принципами (в первую очередь, добросовестности, справедливости, публичности, диспозитивности). А.В. Коновалов вообще считает, что разумность и справедливость – это аспекты добросовестности[707]. При этом сам принцип добросовестности относится к таким принципам, которые нормативно закреплены в одних отраслях права (а именно, только в гражданском праве – в ч. 3 ст. 1 ГК РФ), но являются доктринальными для других отраслей[708]. Некоторые авторы полагают, что принцип

---

[706] См.: Кондратюк Д.Л. Нравственно-правовые принципы в гражданском праве России (на примере справедливости, гуманизма, разумности и добросовестности): автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2006. В свою очередь Н.А. Власенко отмечает, что «так называемые надпозитивные принципы (справедливость, гуманизм, разумность, добросовестность)» представляют собой нравственные феномены и поэтому вряд ли их можно называть принципами права (см.: Власенко Н.А. Методологические основания исследования правовых ценностей: монография. М.: Норма, 2023. С. 71).

[707] См.: Коновалов А.В. Принцип разумности в гражданском праве // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 8 (105). С. 20; Он же. Принципы гражданского права: методологические и практические аспекты исследования: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2019. С. 19. Правда, необходимо учитывать, что у данного автора естественно-правовые воззрения на принципы права, в рамках которых имеет существенно отличающееся от позитивистского представление о понятии и классификации принципов права, что нами ранее рассматривалось в параграфе 1 главы 2 данной работы.

[708] См., напр., Иванова С.А. Принцип справедливости в гражданском праве России: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. Владимир, 2006. С. 17–18; Данилян М.А. Алиментные обязательства родителей по содержанию несовершеннолетних детей и ответственность за их нарушение: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2015. С. 10; Аверьянова М.И. Принцип добросовестности как общеправовой принцип трудового права // Экономика и право: анализ тенденций и перспектив развития: материалы Всероссийской научно-практической конференции: в 2-х ч., Нижний Новгород, 15 ноября 2016 г. Ч. I. Н. Новгород: Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет, 2016. С. 3–7; Егорова Д.В., Ларькова К.О. Принцип добросовестности в арбитражном процессе // Актуальные проблемы гражданского права и процесса: сб. научн. ст. Вып. III. Саранск: Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева, 2017. С. 42–45; Демичев К.А. Принцип добросовестности в семейном законодательстве // Человек и общество в противоречиях и согласии: сб. науч. тр. по материалам международной научно-практической конференции, Нижний Новгород, 21 ноября 2019 г. Н. Новгород: Гладкова О.В., 2019. С. 177–179; Принципы

добросовестности является общеправовым принципом[709]. Н.В. Власенко рассматривает категорию «разумность» в разных аспектах в качестве сложного явления действительности, в том числе и принципа права[710]. Под принципом разумности им понимается «начало, обеспечивающее его реальное действие, его гибкость ив итоге эффективность», а его содержанием «является баланс интересов и целесообразность действий субъектов в правовом регулировании»[711].

К принципу добросовестности достаточно часто имеют место отсылки в судебных актах. По нашим подсчетам, это сделано примерно в 200 актах Верховного Суда РФ, более чем в 100 000 актах арбитражных судов, более чем в 100 000 актах судов общей юрисдикции (наряду с понятием «принцип добросовестности» судами общей юрисдикции используется понятие «принцип добросовестного поведения»), более чем 23 000 актах мировых судей (мировые судьи в большинстве случаев предпочитают использовать формулировку «принцип добросовестного поведения».

В судебной практике часто имеют место отсылки к сочетанию принципов разумности и добросовестности, разумности и справедливости, разумности и соразмерности. Несмотря на неясность того, что собой представляет принцип разумности, суды часто используют его при мотивировке своих актов. По нашим подсчетам, Верховный Суд РФ сделал это более 3 300 раз, арбитражные суды – более 100 000 раз, мировые судьи – более 100 000 раз. При этом суды общей юрисдикции всего чуть более 50 раз сослались в своих судебных актах

гражданского процессуального права: учебное пособие / А.В. Юдин, Т.А. Комарова, О.В. Исаенкова, М.А. Агаларова. М.: Русайнс, 2021. С. 53–65; Напсо М.Б. Принцип добросовестности в налоговом праве: варианты правовой регламентации // Современное право. 2021. № 2. С. 53–59; Жильцов М.А., Майфат А.В. Принцип добросовестности в гражданском и трудовом праве // Трудовое право в России и за рубежом. 2023. № 1. С. 6–9.

[709] См., напр., Поляков М.А. Общеправовой принцип добросовестности в современном российском праве // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2011. № 1 (14). С. 385–389; Доброродный Р.В. Добросовестность как общеправовой принцип // Наука XXI века: актуальные направления развития. 2022. № 2–2. С. 121–124.

[710] См.: Власенко Н.А. Разумность и определенность в правовом регулировании // Избранное. М.: Норма, 2015. С. 303–336; Он же. Власенко Н.А. Разумность и право: связь явлений и пути исследования // Избранное. М.: Норма, 2015. С. 553–569.

[711] Власенко Н.А. Разумность и право: связь явлений и пути исследования // Избранное. М.: Норма, 2015. С. 560.

на принцип разумности. Какого-либо рационального объяснения этому обстоятельству мы дать не можем, кроме как предположить, что поскольку принцип разумности не имеет нормативного закрепления, его содержание не раскрывается в судебных актах и часто отсылки к нему носят общий характер, то такой дисбаланс в судебных актах судов общей юрисдикции и других судов можно объяснить лишь сложившейся практикой в разных судах.

Проанализировав объемную судебную практику, мы пришли к выводу, что суды, хотя и многократно ссылаются на принцип разумности, однако делают это, скорее, для «украшения» судебных актов. Нами не обнаружено ни одного судебного решения, определения или постановления, в котором бы отсылка к принципу разумности носила не общий, абстрактный, а сущностный характер и реально повлияла бы на результаты рассмотрения дела.

Категория «разумность» носит во многом абстрактно-нравственный характер, ее сложно наполнить таким конкретным содержанием, которое можно было бы перевести в императивные нормы, реальные для исполнения субъектами правоотношений. Видимо, по этой причине суды и не пытаются дать определение принципу разумности и/или раскрыть его содержание. Следовательно, можно сделать вывод, что нормативное закрепление доктринального принципа разумности в качестве принципа позитивного права нецелесообразно;

– *принцип процессуальной экономии* начал изучаться еще в СССР[712]. В советский период он не получил нормативного закрепления, доктринальным он остается и в настоящее время не только в Российской Федерации, но и в Республике Армения. Принцип процессуальной экономии является доктринальным принципом для процессуального права и выводится из содержания разных статей соответствующих процессуальных кодексов России и Армении, а также наполняется авторским содержанием ученых, его

[712] См.: Тихонович В.В. Принцип процессуальной экономии в советском гражданском процессуальном праве: автореф. дис. … канд. юрид наук. Минск, 1975. Еще ранее о процессуальной экономии (но не о принципе процессуальной экономии) писал дореволюционный юрист Е.В. Васьковский (см.: Васьковский Е.В. Учебник русского гражданского процесса. М.: Зерцало, 2003. С. 95).

анализирующих[713]. Некоторые авторы полагают, что принцип процессуальной экономии имеет место и в конституционном судебном процессе[714]. Также следует отметить, что в научной литературе предпринимаются попытки определить место данного принципа среди других принципов. В ряде случаев они не конструктивны, поскольку исследователи пытаются установить соотношение одного доктринально принципа с другими доктринальными принципами (например, с принципом концентрации доказательственного материала[715], принципом непрерывности[716]). Более продуктивным представляется рассмотрение соотношение принципа процессуальной экономии с принципами позитивного права (с принципом разумного срока судопроизводства[717] и принципом независимости судей[718]).

---

[713] См., напр., Поляков М.П., Смолин А.Ю. Принцип процессуальной экономии в уголовном судопроизводстве: монография. Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2011; Давтян А.Г., Антонян Г.В. Актуальные доктринальные принципы гражданского процесса // Двенадцатая годичная научная конференция: сб. научн. ст.: Социально-гуманитарные науки, Ереван, 4–8 декабря 2017 г. Ч. I. Ереван: Российско-Армянский (Славянский) университет, 2018. С. 111–118; Долотин Р.Р. Понятие принципа процессуальной экономии в гражданском судопроизводстве: методологические проблемы // Российский правовой журнал. 2020. № 4 (5). С. 69–72; Агеев А.Н., Пишина С.Г. Процессуальная экономия: подходы к определению уголовно-процессуального принципа // Юридическая техника. 2020. № 14. С. 75–77; Мазуренко М.А. Принцип процессуальной экономии в практике арбитражных судов Российской Федерации // Юридическая наука. 2023. № 2. С. 4–9; Щербаков А.А. Принцип процессуальной экономии в арбитражном процессе // Тенденции развития науки и образования. 2023. № 93–5. С. 175–178.

[714] См., напр., Усольцев М.М. Принцип процессуальной экономии в конституционном судебном процессе России: необходимо ли нормативное закрепление? // Российский юридический журнал. 2017. № 5 (116). С. 90–94.

[715] См.: Чубарова Е.В. Соотношение принципа концентрации доказательственного материала и принципа процессуальной экономии // Lex Russica (Русский закон). 2008. Т. 67. № 5. С. 1262–1265.

[716] См.: Тюфякова О.А., Морозов С.Г. К вопросу о соотношении принципа процессуальной экономии и принципа непрерывности в гражданском судопроизводстве // Традиционная и инновационная наука: история, современное состояние, перспективы: сб. ст. Международной научно-практической конференции: в 6-ти ч., Екатеринбург, 15 ноября 2016 г. Ч. 5. Екатеринбург: Общество с ограниченной ответственностью «Аэтерна», 2016. С. 118–121; ԼԱԶԱՐՅԱՆ Ա. ԱՆՓՈՓՈԽԵԼԻՈՒԹՅԱՆ ԵՎ ԴԱՏԱՔՆՆՈՒԹՅԱՆ ԱՆԸԴՀԱՏՈՒԹՅԱՆ ՍԿԶԲՈՒՆՔԻ ԳՈՐԾՈՂՈՒԹՅՈՒՆՆ ԱՌԱՋԻՆ ԱՏՅԱՆԻ ԴԱՏԱՐԱՆՈՒՄ // Դատական իշխանություն, 2018. № 7–8 (229–230). Էջ. 55–63 (Лазарян А. Неизменность состава суда и действие принципа непрерывности судебного разбирательства в суде первой инстанции // Судебная власть. № 7–8 (229–230). С. 55–63).

[717] См.: Смолин А.Ю. Разумный срок уголовного судопроизводства – проявление принципа процессуальной экономии // Российский следователь. 2010. № 19. С. 9–11; Артизанов А.И.

Во время пандемии COVID-19 интерес исследователей к принципу процессуальной экономии активизировался в изменившихся условиях[719]. Некоторые авторы предлагают его нормативно закрепить[720]. В армянской доктрине сложился аналогичный подход к решению вопроса о нормативном закреплении принципа процессуальной экономии. Так, А.Г. Давтян и Г.В. Антонян полагают, что если Конституционный Суд «назвал процессуальную экономию принципом, следовательно, на практике возникает необходимость нормативной фиксации данного положения»[721]. Тем самым судебная практика рассматривается в качестве одной из основ совершенствования действующего законодательства.

В одном из Постановлений Конституционного Суда Республики Армения была приведена интересная позиция ответчика – представителя Национального Собрания – начальника Отдела правового обеспечения и обслуживания Аппарата Национального Собрания К. Мовсисяна на соотношение некоторых принципов

Разумный срок гражданского судопроизводства как гарантия принципа процессуальной экономии // Российская юстиция. 2020. № 10. С. 22–24.

[718] См.: Плешанов А.Г. О конфликте принципов независимости судей и процессуальной экономии в контексте реформы процессуального законодательства // Арбитражный и гражданский процесс. 2017. № 12. С. 15–16.

[719] См., напр., Артизанов А.И. Реализация принципа процессуальной экономии в гражданском судопроизводстве в условиях пандемии // Перспективы развития гражданского процессуального права: сб. по материалам IV Международной научно-практической конференции, посвященной 90-летию СЮИ-СГЮА, Саратов, 3 октября 2020 г. / под ред. О.В. Исаенковой. Саратов: Саратовская государственная юридическая академия, 2020. С. 33–38; Бугров Н.О. Обеспечение принципа процессуальной экономии в российском уголовном процессе в современный период // Юридический процесс в России: сб. материалов Всероссийской межвузовской студенческой научно-практической конференции, Нижний Новгород, 29 ноября 2019 г. Н. Новгород: Общество с ограниченной ответственностью Издательство «Автор», 2021. С. 399–402.

[720] См., напр., Артизанов А.И. Процессуальная экономия в системе принципов гражданского процесса // Вестник Марийского государственного университета. Серия: Исторические науки. Юридические науки. 2021. Т. 7. № 1 (25). С. 100, 102; Изотов Ю.Г. Принцип процессуальной экономии // Вопросы российской юстиции. 2020. № 9. С. 1216–1217. Причем Ю.Г. Изотов Предлагает нормативно закрепить этот принцип, но под названием принципа оперативности судебного разбирательства, чтобы «предотвратить возможный соблазн включить в его содержание защиту интересов бюджета, а не лиц, участвующих в деле».

[721] Давтян А.Г., Антонян Г.В. Актуальные доктринальные принципы гражданского процесса // Двенадцатая годичная научная конференция: сб. научн. ст.: Социально-гуманитарные науки, Ереван, 4–8 декабря 2017 г. Ч. I. Ереван: Российско-Армянский (Славянский) университет, 2018. С. 117.

права. В частности К. Мовсисян полагает, что «принцип процессуальной экономии средств обеспечивает рациональное использование сил, более быстрое и эффективное осуществление правосудия с приложением минимальных усилий, а принцип правовой определенности включает также принцип окончательности судебных решений, который, в свою очередь, является важнейшей гарантией как принципа процессуальной экономии средств, так и принципа эффективности судопроизводства»[722].

В судебной практике всех судов России четко сформировалась позиция рассмотрения процессуальной экономии именно как принципа права, а в Постановлении Конституционного Суда РФ от 20 октября 2015 г. № 27-П раскрывается его содержание[723]. Однако суды (в первую очередь, арбитражные суды) предпочитают ссылаться не на названное постановление, а на Постановление Конституционного Суда РФ от 5 февраля 2007 г. № 2-П, в котором лишь разъясняется, что законодатель, исходя из своих дискреционных полномочий по определению способов и процедур судебной защиты, обеспечению эффективности правосудия, руководствовался принципами процессуальной экономии и стабильности судебных решений[724].

---

[722] См.: Постановление Конституционного Суда Республики Армения от 10 марта 2020 г. «По делу об определении вопроса соответствия пункта 2 части 1 статьи 182, части 8 статьи 183, статьи 203 Гражданского процессуального кодекса РА Конституции на основании обращения суда общей юрисдикции первой инстанции города Еревана» // URL: https://www.concourt.am/decision/full_text/626bc7e813e7f_1515.pdf (дата обращения: 1.03.2024).

[723] «… **принцип процессуальной экономии** *(выделено нами – В.И.)* позволяет избежать неоправданного использования временных, финансовых и кадровых ресурсов органов судебной власти государства в ходе рассмотрения дела; при этом процедуры, учитывающие данный принцип, имеют значение не столько с точки зрения рационального расходования публичных ресурсов, которое само по себе не могло бы являться достаточным конституционно-правовым основанием для отступления от порядка судопроизводства на основе публичного слушания с участием сторон в судебном заседании, сколько с точки зрения создания условий для скорейшего предоставления лицам, участвующим в деле, судебной защиты, своевременность осуществления которой, учитывая характер поставленного перед судом вопроса, может оказаться не менее значимой, чем сама возможность ее получения» (Постановление Конституционного Суда РФ от 20 октября 2015 г. № 27-П «По делу о проверке конституционности части третьей статьи 333 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан А.И. Карабанова и В.А. Мартынова» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2016. № 1).

[724] См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 5 февраля 2007 г. № 2-П «По делу о проверке конституционности положений статей 16, 20, 112, 336, 376, 377, 380, 381, 382, 383,

По нашим подсчетам, отсылка к принципу процессуальной экономии имеет место в 19 судебных актах Верховного Суда РФ, чуть более чем в 20 актах мировых судей, примерно в 14 000 актах судов общей юрисдикции и более чем в 100 000 актах арбитражных судов.

Таким образом, несмотря на то, что данный принцип носит доктринальный характер, суды им руководствуются, по сути, как принципом позитивного права, используют в качестве средства правового регулирования общественных отношений. В связи с этим возникает вопрос, целесообразно ли закрепление доктринального принципа процессуальной экономии в процессуальных кодексах России и Армении? Полагаем, что нет.

Делать это, по нашему мнению, нецелесообразно, потому что ни в научной литературе, ни в судебной практике, несмотря на достаточно большое количество исследований ученых, а также судебных актов, в которых дается отсылка к этому принципу, до сих пор эта идея не приобрела четкого оформления, многие ее аспекты остаются дискуссионными. Не имеет смысла просто закрепить среди принципов процессуального права принцип процессуальной экономии – необходимо раскрыть его содержание. А вот с конкретизацией его содержания в настоящее время, как раз и имеются проблемы. Поэтому пусть принцип процессуальной экономии остается доктринальным принципом, успешно используемым в правоприменительной практике;

– *принцип экономии репрессии.* В научной литературе данный принцип относят к принципам уголовного права[725] и принципам административного принуждения[726]. Его суть сводится к тому, что достижение целей наказания должно производиться с использованием наиболее экономных средств наказания,

---

387, 388 и 389 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом кабинета министров Республики Татарстан, жалобами открытых акционерных обществ "Нижнекамскнефтехим" и "Хакасэнерго", а также жалобами ряда граждан» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 1.03.2024).

[725] См., напр., Степашин В.М. Экономия репрессии как принцип уголовного права и его реализация в назначении мер уголовной ответственности: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Омск, 2019.

[726] См.: Сафоненков П.Н. Система принципов административного принуждения // Административное и муниципальное право. 2016. № 5 (101). С. 422.

но при обязательном условии их достаточности, при выборе мер наказания следует применять наименьшую меру, способствующую достижению цели наказания.

В материалах судебной практики нами найдено только два дела, в которых суд ссылается на принцип экономии репрессии в административном процессе. В одном случае Забайкальский краевой суд в своем решении указывает, что принцип экономичности наказания (экономии репрессии) предполагает, что «более строгий вид административного наказания избирается, если менее строгий вид не сможет обеспечить достижение его цели»[727]. В другом случае Кинешемский городской суд обратил внимание на то, что правовой механизм, предусмотренный ст. 4.1.1 КоАП РФ «позволяет обеспечить необходимый баланс между принципами неотвратимости ответственности и экономии репрессии»[728].

А вот на принцип экономии уголовной репрессии имеются отсылки в деятельности судов общей юрисдикции примерно в 80 судебных актах. В нескольких делах сторона защиты апеллировала к нарушению этого принципа и просила отменить ранее принятый судебный акт. Однако во всех известных нам случаях суды вышестоящей инстанции оставили обжалуемые судебные акты без изменения[729].

При рассмотрении некоторых уголовных дел суды общей юрисдикции предприняли достаточно робкую попытку раскрыть содержание принципа экономии уголовной репрессии, указывая, что данный принцип обеспечивает реализацию конституционных прав граждан на обращение с просьбой

---

[727] См.: Решение Забайкальского краевого суда № 21-255/2019 7-21-255/2019 от 26 августа 2019 г. по делу № 21-255/2019 // URL: https://sudact.ru/regular/doc/TRriE70KDsNT/ (дата обращения: 1.03.2024).

[728] См.: Решение Кинешемского городского суда (Ивановская область) № 12-133/2017 от 8 декабря 2017 г. по делу № 12-133/2017 // URL: https://sudact.ru/regular/doc/RvszVnp1cmZf/ (дата обращения: 1.03.2024).

[729] См.: Определение Орловского областного суда от 10 июля 2012 г. // URL: https://sudact.ru/regular/doc/FfeD6txVagWl/ (дата обращения: 1.03.2024); Апелляционное постановление Суда Ямало-Ненецкого автономного округа № 22-937/2015 от 12 октября 2015 г. по делу № 22-937/2015 // URL: https://sudact.ru/regular/doc/D0F52RjAUSLa/ (дата обращения: 1.03.2024); Апелляционное постановление Пермского краевого суда № 22-2042/2015 от 9 апреля 2015 г. по делу № 22-2042/2015 // URL: https://sudact.ru/regular/doc/MisUoP4zAHdQ/ (дата обращения: 1.03.2024).

о смягчении наказания и «подразумевает применение лишь необходимых и достаточных принудительных мер уголовно-правового реагирования»[730].

Следует отметить, что наряду с часто встречающимся формальным упоминанием принципа экономии уголовной репрессии вкупе с другими принципами, в некоторых судебных актах он выступает в качестве действительного аргумента при вынесении приговора (отказ от дополнительного наказания в силу достаточности основного наказания в конкретном случае)[731].

В практике мировых судей нами обнаружено только одно уголовное дело, в котором при вынесении постановления мировой судья руководствовался принципом экономии уголовной репрессии. При этом указанный доктринальный принцип не являлся исключительным аргументом – он сочетался с отсылкой к характеру и степени общественной опасности преступления, характеристикой личности подсудимого, его условиями жизни и воспитания и т.д., а также с принципами справедливости и гуманизма[732].

Наконец, обратим внимание, что чуть более чем в 30 судебных актах судов общей юрисдикции при их мотивировании использована конструкция: «воплощая на практике начала гуманизма, справедливости, целесообразности и экономии мер уголовно-процессуальной репрессии…» и далее указывается, какое именно

---

[730] Апелляционное постановление Белгородского областного суда № 22-372/2018 от 12 марта 2018 г. по делу № 22-372/2018 // URL: https://sudact.ru/regular/doc/FGmAB3BB56ZY/ (дата обращения: 1.03.2024). Также см,: Апелляционное определение Верховного Суда Карачаево-Черкесской Республики № 22-24/2015 от 17 февраля 2015 г. по делу № 22-24/2015 // URL: https://sudact.ru/regular/doc/d6TE09yYqmxT/ (дата обращения: 1.03.2024) и др.

[731] См., напр., Приговор Хабаровского краевого суда № 2-68/2013 от 29 октября 2013 г. по делу № 2-68/2013 // URL: https://sudact.ru/regular/doc/ot9PAPJr1k6l/ (дата обращения: 1.03.2024); Приговор Хабаровского краевого суда № 2-34/2017 от 2 ноября 2017 г. по делу № 2-34/2017 // URL: https://sudact.ru/regular/doc/SbxD9SMeoc5T/ (дата обращения: 1.03.2024).

[732] См.: Постановление мирового судьи Судебного участка № 307 Измайловского судебного района (город Москва) от 13 июля 2010 г. по делу № 01-0081/307/2010 // URL: https://sudact.ru/magistrate/doc/KqcPILGfyCUO/ (дата обращения: 1.03.2024). Другой мировой судьи в своем постановлении не использовал слово «принцип», но отнес экономию уголовной репрессии к «требованиям», наряду с законностью, равенством и справедливостью, а также экономией процессуальных мер (см.: Постановление мирового судьи Судебного участка № 3 Советского района г. Н. Новгород от 29 июля 2016 г. по делу № 1-40/2016 // URL: https://sudact.ru/magistrate/doc/Xecxl7TjDsoQ/ (дата обращения: 1.03.2024)).

меры уголовной ответственности применяются к подсудимому[733]. Как видим, слово «принцип» здесь не применяется, вместо него используется синонимичное в данном контексте «начало». Сочетание ряда начал, включая экономию мер уголовно-процессуальной репрессии, нивелирует, на наш взгляд, практическую ценность каждого из них при мотивировании судебного акта.

В целом принцип экономии репрессии, как и некоторые другие ранее рассмотренные доктринальные принципы, в судебной практике выступает в качестве регулятора определенных общественных отношений. Однако в настоящее время он еще недостаточно активно используется в правоприменительной практике, отсутствуют правовые позиции высших судов по его поводу и на доктринальном уровне ему посвящено относительно небольшое количество исследований. В силу названных обстоятельств считаем, что в обозримой перспективе у рассматриваемого доктринального принципа нет серьезных шансов трансформироваться в принцип позитивного права;

– *принцип неотвратимости ответственности.* Основанием для утверждения, что идея неотвратимости ответственности – именно доктринальный принцип, является то, что в настоящее время она не имеет прямого нормативного закрепления ни в российском, ни в армянском законодательстве. Тем не менее, значимость этой идеи не вызывает сомнения. По сути, она пронизывает все отрасли права и носит по сфере распространения общеотраслевой характер. В целом она присуща всем отраслям российского и армянского права, поскольку в каждой из них есть охранительные нормы. Однако в частном праве юридическая ответственность может иметь диспозитивный характер и не наступать в зависимости от воли стороны, права и/или законные интересы которой нарушены. Так, наступление материальной и дисциплинарной ответственности в трудовых правоотношениях даже при установленном факте вины работника может не наступить при соответствующем волеизъявлении работодателя.

---

[733] См., напр., Приговор Советского районного суда г. Нижнего Новгорода № 1-228/2020 от 22 июля 2020 г. по делу № 1-228/2020 // URL: https://sudact.ru/regular/doc/nTRUWklidzlT/ (дата обращения: 1.03.2024).

По делам частного обвинения в уголовных правоотношениях принцип неотвратимости юридической ответственности также может быть нивелирован волей потерпевшего. Д.А. Липинский справедливо отмечает, что «обязательное применение наказания невозможно в связи с наличием института освобождения от ответственности и наказания»[734].

Практически весь период существования СССР принцип неотвратимости ответственности не имел прямого нормативного закрепления, то есть являлся доктринальным принципом. Ситуация могла измениться (изменилась?) с принятием Верховным Советом СССР 2 июля 1991 г. Основ уголовного законодательства Союза ССР и республик[735]. В статье 2 этого нормативного правового акта, носившей название «Принципы уголовного законодательства», принцип неотвратимости ответственности назывался среди принципов уголовного законодательства Союза ССР и республик. Вступить в силу Основы уголовного законодательства Союза ССР и республик 1991 г. в соответствие со ст. 1 Постановления ВС СССР от 2 июля 1991 г. № 2282-1 «О введении в действие Основ уголовного законодательства Союза ССР и республик» должны были с 1 июля 1992 г.[736] Однако этого так и не произошло в связи с распадом СССР в декабре 1991 г. Тем не менее, в Модельном Уголовном кодексе для государств – участников Содружества Независимых Государств, принятого Постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств – участников Содружества Независимых Государств 17 февраля 1996 г.[737] и носящим рекомендательный характер, в статье 4 среди шести принципов Уголовного

---

[734] Липинский Д.А. Принцип неотвратимости юридической ответственности с позиции ее двухаспектного понимания // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2015. № 3 (33). С. 9.

[735] См.: Основы уголовного законодательства Союза ССР и республик (приняты ВС СССР 2 июля 1991 г. № 2281-1) // Ведомости СНД СССР и ВС СССР. 1991. № 30. Ст. 862.

[736] См.: Постановление ВС СССР от 2 июля 1991 г. № 2282-1 «О введении в действие Основ уголовного законодательства Союза ССР и республик» // Ведомости СНД СССР и ВС СССР. 1991. № 30. Ст. 863.

[737] См.: Модельный Уголовный кодекс для государств – участников Содружества Независимых Государств, принятый Постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств – участников Содружества Независимых Государств 17 февраля 1996 г. // СПС «Гарант» (дата обращения: 1.03.2024).

кодекса и уголовной ответственности был назван и принцип неотвратимости ответственности, а в ст. 7 раскрывалось его содержание.

В Уголовном кодексе Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ в гл. 1 «Задачи и принципы Уголовного кодекса Российской Федерации» принципу неотвратимости ответственности места не нашлось. В Республике Армения ситуация была иной. В Уголовном кодексе Республики Армения от 29 апреля 2003 г. № ЗР-528 имела место ст. 7 «Принцип неотвратимости ответственности», в которой не только закреплялся данный принцип, но и в двух пунктах статьи раскрывалось его содержание, которое сводилось к тому, что каждое совершившее преступление лицо подлежит наказанию, предусмотренному УК РА или иному уголовно-правовому воздействию, а освобождение от уголовной ответственности и наказания возможно только при наличии оснований и условий, предусмотренных УК РА. Отметим, что в ст. 7 УК РА практически дублировались положения ст. 7 Модельного Уголовного кодекса. Таким образом, с 2003 г. принцип неотвратимости ответственности в Армении являлся принципом позитивного права.

Обратим внимание, что Республика Армения не была единственным государством постсоветского пространства, воспринявшим нормы Модельного Уголовного кодекса о принципе неотвратимости ответственности. Так, принцип неотвратимости ответственности закреплен в ст. 3 Уголовного кодекса Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. № 275-З[738], в ст. 3 и 6 Уголовного кодекса Республики Таджикистан от 21 мая 1998 г. № 574[739], ст. 10 Уголовного кодекса Кыргызской Республики от 28 октября 2021 г. № 127[740].

В Армении ситуация изменилась с принятием Уголовного кодекса Республики Армения от 27 мая 2021 г. № ЗР-199, в котором принципы уголовного

---

[738] См.: Уголовный кодекс республики Беларусь от 9 июля 1999 г. № 275-З // URL: https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=Hk9900275 (дата обращения: 1.03.2024).

[739] См.: Уголовный кодекс Республики Таджикистан от 21 мая 1998 г. № 574 // URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30397325&pos=56;-60#pos=56;-60 (дата обращения: 1.03.2024).

[740] См.: Уголовный Кодекс Кыргызской Республики от 28 октября 2021 г. № 127 // URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=36675065&sub_id=100000&pos=535;-18#pos=535;-18 (дата обращения: 1.03.2024).

законодательства получили закрепление в гл. 2 с соответствующим названием. Данная глава содержит четыре статьи, каждая из которых посвящена одному из принципов уголовного законодательства Армении (принципу законности, принципу личной ответственности, принципу ответственности за вину и принципу справедливости и индивидуализации ответственности).

Как видим, законодатель в главе «Принципы уголовного законодательства» не указал принцип неотвратимости ответственности. Учитывая, что в предыдущем УК РА 2003 г. этот принцип был, можно уверенно утверждать, что мы имеем дело не с технической ошибкой, упущением законодателя, а с его осознанной позицией. Армянские авторы, комментируя новый УК РА, отмечают, что законодатель намеренно сократил по сравнению с предшествующим законодательством количество принципов, исключив принципы равенства перед законом, гуманности и неотвратимости уголовной ответственности. Сделал он это не потому, что они неприменимы в уголовном праве, а потому, что «не счел целесообразным закрепить общеправовые начала, он дал законодательное регулирование лишь тем принципам, которые имеют особенности с уголовно-правовой точки зрения»[741]. С.С. Аветисян полагает, что отсутствие этого принципа в новом УК РА мотивируется тем, что уголовное законодательство предусматривает освобождение от уголовной ответственности при наличии определенных условий[742]. Таким образом, принцип неотвратимости ответственности потерял в Армении статус принципа позитивного права и вновь стал доктринальным принципом.

---

[741] ՀՀ ՔՐԵԱԿԱՆ ՆՈՐ ՕՐԵՆՍԳՐՔՈՒՄ ՏԵՂ ԳՏԱԾ ՀԱՅԵՑԱԿԱՐԳԱՅԻՆ ՄՈՏԵՑՈՒՄՆԵՐԻ ԵՎ ՆՈՐ ԻՆՍՏԻՏՈՒՏՆԵՐԻ ՄԵԿՆԱԲԱՆՄԱՆ ՈՒՂԵՑՈՒՅՑ. 2022. Էջ. 26 (Руководство по новому Уголовному кодексу РА: концептуальные подходы и новые интерпретации институтов. Б.м.: Б.и., 2022. С.26).

[742] См.: Аветисян С.С. Некоторые перспективы развития уголовного права в свете принятого нового Уголовного кодекса Республики Армения // Проблемы и перспективы развития государства и права в XXI веке: материалы XII-й Международной научно-практической конференции, посвященной 15-летию Юридического факультета, Улан-Удэ, 24–27 июня 2021 г. Улан-Удэ: Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления, 2021. С. 5–6.

На уровне доктрины внимание рассматриваемому принципу уделяется специалистами в области теории права[743], гражданского права[744], трудового права[745], уголовно-исполнительного права[746], но, в основном, принцип неотвратимости ответственности является предметом оживленных дискуссий среди представителей науки уголовного права[747], причем, как верно отмечается в научной литературе, «разногласия мнений ученых в отношении принципа неотвратимости варьируются от его абсолютизации до полного отрицания»[748]. Следует отметить, что принцип неотвратимости ответственности исследуется и в качестве принципа административного наказания[749]. Также еще 20 января

---

[743] См., напр., Малеин Н.С. Правонарушение: понятие, причины, ответственность. М.: Юрид. лит., 1985. С. 172; Малаш Т.А. Принцип неотвратимости юридической ответственности: дис. … канд. юрид. наук. М., 1996; Липинский Д.А. Принцип неотвратимости юридической ответственности с позиции ее двухаспектного понимания // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2015. № 3 (33). С. 8–14; Каленов А.А. Неотвратимость как принцип юридической ответственности // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Право». 2019. № 1 (22). С. 116–119.

[744] См., напр., Мильков А.В. Заметки к вопросу о принципах гражданско-правовой ответственности // Закон. 2018. № 11. С. 162–172.

[745] См., напр., Пресняков М.В. Принцип неотвратимости как необходимое условие эффективности дисциплинарной ответственности на государственной службе и в трудовых отношениях // Современное право. 2022. № 5. С. 56–66.

[746] См., напр., Шевелева С.В., Можайкина В.А. Принцип неотвратимости наказания в уголовно-исполнительном праве: от декларирования к возможности реализации // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2021. № 4. С. 722–753; Сизая Е.А. Доктринальные принципы уголовно-исполнительного права // Человек: преступление и наказание. 2008. № 4. С. 43–45. Обратим внимание, что Е.А. Сизая абсолютно обоснованно относят данный принцип к доктринальным, а не нормативно закрепленным принципам уголовно исполнительного права.

[747] См., напр., Фефелов П.А. Неотвратимость наказания – важнейший принцип советского уголовного права: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Свердловск, 1965; Нечепуренко А.А. Неотвратимость наказания как принцип уголовного права: учебное пособие. Омск: Омский юрид. ин-т МВД России, 1996; Филимонов В.Д. Принципы уголовного права. М.: Центр ЮрИнфоР, 2002. С. 42–46; Сабитов Т.Р. О принципе неотвратимости ответственности в российском уголовном законодательстве // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2006. Вып. 11 (62). С. 63–65; Сабитов Т.Р. Принцип неотвратимости наказания и его трансформация в уголовно-правовой науке и законодательстве // Актуальные проблемы российского права. 2010. № 3 (16). С. 261–269; Зорина Е.А. Принцип неотвратимости уголовной ответственности и вопросы освобождения от нее // Вестник Санкт-петербургского университета МВД России. 2023. № 1 (97). С. 66–74.

[748] Липинский Д.А. Принцип неотвратимости юридической ответственности с позиции ее двухаспектного понимания // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2015. № 3 (33). С. 9.

[749] См., напр., Дерюга А.Н., Шаклеин С.Н. Пенологический аспект реализации принципа неотвратимости административного наказания // Вестник Воронежского института МВД России. 2019. № 3. С. 147–152.

2015 г. группой депутатов Государственной Думы РФ был внесен Проект федерального закона № 703192-6 «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (Общая часть)»[750], в котором в гл. 2 «Административная ответственность и ее принципы» предусматривается ст. 2.8 «Принцип неотвратимости административной ответственности». В случае принятия этого законопроекта, принцип неотвратимости ответственности станет принципом позитивного права.

Интересно, что если в научном сообществе основное внимание акцентируется на неотвратимости ответственности как принципе уголовного права, то в судебной практике он активно используется при мотивировании актов по административным делам. Рассматривая именно административные дела, Конституционный Суд РФ выработал ряд правовых позиций по принципу неотвратимости ответственности. Так, в Постановлении Конституционного Суда РФ от 14 февраля 2013 г. № 4-П содержится положение, что использование возможности освобождения от административной ответственности при малозначительности административного правонарушения «допустимо лишь в исключительных случаях, поскольку иное способствовало бы формированию атмосферы безнаказанности и было бы несовместимо с принципом неотвратимости ответственности правонарушителя»[751]. Особенно этот механизм нужно использовать в тех случаях, когда вследствие нарушения порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия,

---

[750] См.: Проект федерального закона № 703192-6 «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (Общая часть)» (внесен 20 января 2015 г. депутатами ГД А.А. Агеевым, Д.Ф. Вяткиным, В.Н. Плигиным) // URL: https://base.garant.ru/57717097/53070549816cbd8f006da724de818c2e/?ysclid=lnm9t2q0k0848800800 (дата обращения: 1.03.2024).

[751] Постановление Конституционного Суда РФ от 14 февраля 2013 г. № 4-П «По делу о проверке конституционности Федерального закона "О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях и Федеральный закон "О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях" в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы и жалобой гражданина Э.В. Савенко» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 1.03.2024). Также см.: Определение Конституционного Суда РФ от 3 июля 2014 г. № 1552-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Харланова Алексея Леонтьевича на нарушение его конституционных прав частью 3 статьи 14.13 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 1.03.2024).

пикетирования или организация массового одновременного пребывания и (или) передвижения граждан в общественных местах повлекли за собой причинение вреда здоровью человека или имуществу[752].

Обратим внимание, что Конституционный Суд РФ рассматривает принцип неотвратимости ответственности в качестве конституционного принципа[753]. Вслед за ним, что совершенно логично, эту же позицию занимают и другие российские суды. В судебных актах содержится утверждение, что принцип неотвратимости ответственности за нарушение закона вытекает из статей 4 (часть 2), 15 (часть 2) и 19 (части 1 и 2) Конституции Российской Федерации[754]. Однако все это не превращает доктринальный принцип неотвратимости ответственности в принцип позитивного права, тем более, конституционный принцип, поскольку прямого закрепления он не имеет ни в Конституции РФ, ни в других нормативных правовых актах.

Вообще, в судебной практике упоминания принципа неотвратимости ответственности встречаются часто: Верховный Суд РФ делал это около 80 раз, арбитражные суды – более 36 000 раз, суды общей юрисдикции – почти 29 000 раз, мировые судьи – около 12 000 раз. В большинстве случаев это отсылки к правовым позициям Конституционного Суда РФ. Кроме того, арбитражные суды, суды общей юрисдикции и мировые судьи используют отсылку к принципу неотвратимости ответственности в качестве реального аргумента при вынесении судебных актов.

В целом, исходя из анализа российского и армянского законодательства, а также судебной практики, мы приходим к выводу, что принцип неотвратимости ответственности – исключительно доктринальный принцип, не представляющий

---

[752] См.: Там же.

[753] См., напр., Постановление Конституционного Суда РФ от 21 июля 2021 г. № 39-П «По делу о проверке конституционности положений части 2 статьи 2.1, части 2 статьи 2.2, части 1 статьи 4.5 и части 1 статьи 11.15.2 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью "Востокфлот"» // СЗ РФ. 2021. № 31. Ст. 5988.

[754] См., напр., Постановление мирового судьи Судебного участка г. Новоульяновска (Ульяновская область) от 1 июня 2017 г. по делу № 5-212/2017 // https://sudact.ru/magistrate/doc/48K8BFHYDOog/ (дата обращения: 1.03.2024).

собой нормы права (совокупности норм права), но являющийся специфическим регулятором общественных отношений, оказывающим влияние на правоприменительную практику;

– *принцип объективной истины.* Данный принцип считается одним из принципов советского процессуального права[755], а сегодня является одним из часто обсуждаемых современных доктринальных принципов процессуального права[756]. Во многом проблема упирается в вопросы о цели процесса, средствах ее достижения, типах процесса. Несомненно, существует определенное противоречие между нормативно закрепленным принципом состязательности сторон (ст. 15 УПК РФ, ст. 12 ГПК РФ, ст. 9 АПК РФ, ст. 14 КАС РФ) и доктринальным принципом объективной истины. При этом некоторые авторы считают целесообразным закрепить принцип объективной истины в УПК РФ[757]. Другие исследователи полагают, что реализация принципа объективной истины означает отказ от состязательности уголовного процесса[758]. Наконец, ряд ученых пытается обосновать сочетание этих принципов в правоприменительной деятельности[759].

---

[755] См.: Ершов В.В. Правовое и индивидуальное регулирование общественных отношений. М.: РГУП, 2018. С. 272; Ершова Е.А. Правовая природа принципов трудового права // Российское правосудие. 2014. № 9. С. 22.

[756] См., напр., Селина Е.В. Принцип объективной истины в уголовном процессе в Российской Федерации // Юстиция. 2014. № 4. С. 38–44; Самсонов Н.В. Принцип объективной истины в современном административном и гражданском судопроизводстве // Административное право и процесс. 2019. № 2. С. 26–29.

[757] См., напр., Гереев А.Г., Филиппов М.Н. О целесообразности закрепления принципа объективной истины в уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации // Вестник Пермского института ФСИН России. 2015. № 2 (17). С. 88–91.

[758] См., напр., Грачев С.А., Ушаков А.Ю. Возвращение принципа объективной истины как отказ от состязательности уголовного судопроизводства // Четвертые Бабаевские чтения «Государственно-правовые закономерности: теория, практика, техника»: сб. ст. по материалам Международной научно-практической конференции, Нижний Новгород, 23–24 мая 2013 г. Т. 1. Н. Новгород: Нижегородская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2013. С. 291–300.

[759] См., напр., Шумилова Л.Ф. Принципы состязательности и объективной истины как фундаментальные начала правоприменительной практики // Журнал российского права. 2005. № 11 (107). С. 54–61; Воскобитова Л.А. Состязательность и истина: взаимоисключение или взаимодополнение // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 10 (47). С. 2119–2129; Коробейникова Е.С. Принцип состязательности и принцип объективной истины: перспективы развития в Российской Федерации // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2018. № 3. С. 102–109.

В судебной практике отношение к принципу объективной истины весьма противоречиво. В судебных актах Верховного Суда РФ нами не обнаружено ни одной отсылки к принципу объективной истины, да и само понятие «объективная истина» встречается всего в двух его актах. В практике мировых судов отсылка к принципу объективной истины имеет место 14 раз, судов общей юрисдикции (иногда при этом в скобках указывается «объективное вменение») – менее чем 30 раз, арбитражных судов – порядка 120 раз.

Отметим два интересных факта:

1) при том, что в актах судов общей юрисдикции отсылка к принципу объективной истины встречается около 30 раз, более чем в 460 актах делается отсылка к принципу судебной истины[760], по содержанию не отличающемуся от принципа объективной истины (объяснить это мы можем попыткой судей судов общей юрисдикции уйти от «старого», «советского» по названию принципа, кстати, в практике других судов понятие «принцип судебной истины» нам ни разу не встретилось);

2) в 63 актах арбитражных судов (примерно из 120) используется формулировка «так называемый принцип объективной истины».

Как мы уже отметили ранее, отношение судов к принципу объективной истины является противоречивым. Например, в решении Арбитражного суда Ростовской области от 19 августа 2015 г. по делу № А53-6501/2015 акцентируется внимание на том, что в соответствии с принципом состязательности и диспозитивности суд не имеет права по своей инициативе осуществлять сбор доказательств, он должен лишь способствовать заинтересованным лицам в сборе доказательств при условии, что эти лица не имеют возможности самостоятельно получить необходимое им доказательство, самостоятельный сбор доказательств

[760] «**Принцип судебной истины** *(выделено нами – В.И.)* обусловливает такое поведение суда в процессе рассмотрения и разрешения юридического дела, которое направлено на установление юридических фактов и оценку доказательств с соблюдением установленных законом правил, поэтому судебные акты считаются истинными, пока не доказано иное» (Решение Октябрьского районного суда г. Новосибирска № 2-1636/2020 2-1636/2020~М-486/2020 М-486/2020 от 27 июля 2020 г. по делу № 2-1636/2020 // URL: https://sudact.ru/regular/doc/CwaILn3XRCJn/ (дата обращения: 1.03.2024)).

«посредством направления запросов в органы государственной власти, организации, должностным лицам в целях сбора доказательственной базы идет в разрез с функцией арбитражного суда, искажает смысл правосудия, отправляемого арбитражными судами. Суд не может в силу своей независимости заниматься сбором доказательств необходимых и достаточных для рассмотрения дела, поскольку в противном случае это идет в разрез с принципом состязательности, **влечет подмену данного принципа так называемым принципом объективной истины и не соответствует духу экономического правосудия** (*выделено нами – В.И.)*»[761]. Напротив, Семнадцатый арбитражный апелляционный суд «исходит из того, что принятие дополнительных доказательств, исследование данных документов способствует всестороннему и объективному исследованию обстоятельств, имеющих значение для дела, установлению фактических обстоятельств. **Данный подход основывается на соблюдении принципа объективной истины** *(выделено нами – В.И.)*, что также согласуется с положениями о повторном рассмотрении дела судом апелляционной инстанции (часть 1 статьи 268 Кодекса), которое предполагает полное выяснение обстоятельств, имеющих значение для дела»[762]. Седьмой арбитражный апелляционный суд также полагает, что «факультативное приостановление производства по делу в связи с назначением экспертизы обусловлено необходимостью совершения процессуального действия в целях полной и относительно скорой реализации принципа объективной истины»[763].

Существование принципа объективной истины не вызывает сомнения у судов общей юрисдикции. Так, в решении Майкопского городского суда (Республика Адыгея) прямо указывается, что «содержание ч. 2 ст. 12 ГПК РФ подтверждает существование в гражданском процессуальном праве принципа

---

[761] Решение Арбитражного суда Ростовской области от 19 августа 2015 г. по делу № А53-6501/2015 // URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/i5YzNeW5FFVo/ (дата обращения: 1.03.2024).

[762] Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 22 марта 2022 г. по делу № А60-38083/2021 // URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/9uawB8J9Jl5V/ (дата обращения: 1.03.2024).

[763] Постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 14 октября 2021 г. по делу № А27-25819/2015 // URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/TvHo4lzBEAot/ (дата обращения: 1.03.2024).

объективной истины, так как только на основании правильного установления фактов, имеющих значение для дела, возможно его правильное разрешение»[764]. Таким образом, независимо от того, что принцип объективной истины не закреплен в текстах процессуальных кодексах, на практике суды, не сбрасывая со счета принцип состязательности, руководствуются им в своей практической деятельности;

– *принцип активности суда.* Данный принцип напрямую связан с принципами состязательности и объективной истины. Полагаем, что активность суда ограничивается состязательностью сторон. По сути же, активность суда – это способ достижения объективной истины. Если ряд ученых рассматривает принцип активности суда как самостоятельный принцип гражданского и административного судопроизводства[765], то судами он в качестве такового не воспринимается. Во всем многообразии судебной практики нами было обнаружено лишь одно дело, в котором имеет место отсылка к принципу

---

[764] Решение Майкопского городского суда (Республика Адыгея) № 2-491/2017 2-491/2017(2-7780/2016;)~М-7635/2016 2-7780/2016 М-7635/2016 от 25 мая 2017 г. по делу № 2-491/2017 // URL: https://sudact.ru/regular/doc/ZUotynSDyGL8/ (дата обращения: 1.03.2024). А в решении Тайшетского городского суда (Иркутская область) № 12-147/2018 от 19 ноября 2018 г. по делу № 12-147/2018 зафиксировано: «**Принцип объективной истины** *(выделено нами – В.И.)* по делам об административных правонарушениях обеспечивается при строгом соблюдении порядка рассмотрения таких дел, установления фактических обстоятельств дела и объективной оценки, имеющихся в материалах дела доказательств, в том числе фактическая виновность лица в совершении административного правонарушения, обстоятельства, смягчающие административную ответственность, характер и размер ущерба, причиненного административным правонарушением, причины и условия совершения административного правонарушения, иные обстоятельства, имеющие значение для правильного решения дела. Доказательства по делу об административном правонарушении должны оцениваться всесторонне, полно, объективно и справедливо» (Решение Тайшетского городского суда (Иркутская область) № 12-147/2018 от 19 ноября 2018 г. по делу № 12-147/2018 // URL: https://sudact.ru/regular/doc/GRw4mGMB106K/ (дата обращения: 1.03.2024)).

[765] См., напр., Чесовской Е. Принцип процессуальной активности суда в гражданском судопроизводстве // Российская юстиция. 2003. № 8. С. 23–25; Глодина А.В. Сочетание принципа активной роли суда с отдельными принципами административного судопроизводства // Административное право и процесс. 2018. № 11. С. 65–71; Громошина Н.А. О принципе активности суда в административном судопроизводстве // Вестник гражданского процесса. 2019. Т. 9. № 4. С. 96–112; Мерзеханов С.Ф. Принцип процессуальной активности суда в административном судопроизводстве // Северо-Кавказский юридический вестник. 2021. № 2. С. 135-139; Дулепина О.В., Шумилов А.И. О самостоятельности принципа активности суда в административном судопроизводстве // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2022. № 12-1 (75). С. 105–109.

активности суда. В постановлении Арбитражного суда Новгородской области от 24 января 2020 г. по делу № А44-9173/2019 отмечается, что «принцип активности суда создает условия для помощи суда лицам, участвующим в деле, в собирании, получении доказательства в тех случаях, когда они не имеют возможности самостоятельно исполнить эту обязанность»[766].

Ради справедливости следует отметить, что в КАС РФ законодатель попытался «примирить» принципы состязательности и равноправия сторон с принципом активности суда, что выразилось в названии одного из принципов административного судопроизводства, закрепленного в п. 7 ст. 6 и содержании ст. 14 КАС РФ[767]. Однако положения ч. 2 ст. 14 КАС РФ можно рассматривать в качестве раскрывающих активность роли суда в административном судопроизводстве, можно лишь с большой натяжкой.

В целом принципы объективной истины и активности суда не случайно являются в настоящее время не принципами позитивного права, а лишь доктринальными принципами. Полагаем, российский законодатель вполне осознанно нормативно закрепил состязательную модель российского судопроизводства, отдав приоритет принципу состязательности. При этом суды не лишены возможности при вынесении своих актов опираться и на доктринальные принципы, исходя из конкретных обстоятельств дела.

Ранее мы отмечали, в российской правовой системе существуют принципы права, которые в одних отраслях права нормативно закреплены, а в других носят доктринальный характер (например, принципы справедливости и добросовестности). К такого рода принципам относится и принцип непосредственности судебного разбирательства. Принципом позитивного права он является в арбитражном процессуальном праве (ст. 10 АПК РФ) и

---

[766] Постановление Арбитражного суда Новгородской области от 24 января 2020 г. по делу № А44-9173/2019 // URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/TG6q8Vtp6smI/ (дата обращения: 1.03.2024).

[767] В п. 7 ст. 6 КАС РФ принцип административного судопроизводства называется «состязательность и равноправие сторон административного судопроизводства при активной роли суда». При этом в названии статьи, посвященной раскрытию содержания данного принципа (ст. 14 КАС РФ называется «Состязательно и равноправие сторон»), исчезло упоминание об активной роли суда.

административном процессуальном праве (ст. 13 КАС РФ). При этом в арбитражном процессуальном законодательстве не используется сочетание «Принцип непосредственности судебного разбирательства» (ст. 10 АПК РФ называется «Непосредственность судебного разбирательства»). Однако помещение соответствующих норм в главе 1 «Основные положения» раздела 1 «Общие положения» АПК РФ свидетельствует, что законодатель рассматривает нормы о непосредственности судебного разбирательства именно в качестве основополагающих, исходных, т.е. в качестве принципов правового регулирования арбитражных процессуальных отношений. В отличие от АПК РФ в КАС РФ, принятым позже и отличающимся более совершенной юридической техникой, непосредственность прямо названа одним из принципов административного судопроизводства (ст. 6 КАС РФ). Содержание же данного принципа, хотя и весьма лаконично, раскрывается в ст. 13 КАС РФ.

Совершенно иная ситуация имеет место в двух других отраслях российского процессуального права. В УПК РФ нормы о непосредственности судебного разбирательства закреплены в ст. 240 (входит в гл. 35 «Общие условия судебного разбирательства»), а в ГПК РФ – в ч. 1 ст. 157 (входит в гл. 15 «Судебное разбирательство»). Такое расположение указанных норм свидетельствует о том, что в этих случаях законодатель не рассматривал идею непосредственности как основополагающую для уголовно-процессуального и гражданского процессуального права.

Учитывая содержательное сходство положений ст. 10 АПК РФ, ст. 13 КАС РФ, ст. 240 УПК РФ и ч. 1 ст. 157 ГПК РФ, а также то, что Верховный Суд РФ прямо назвал непосредственность судебного разбирательства принципом, обобщил и раскрыл его содержание[768], свидетельствует о том, что законодатель в ГПК РФ и УПК РФ допустил ошибку юридико-технического характера. Полагаем, что нормы о непосредственности судебного разбирательства должны

[768] См., напр., Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 27 марта 2019 г. по делу № 3А-234/2018 // URL: https://sudact.ru/vsrf/doc/1eVkVfqpUuVT/(дата обращения: 1.03.2024).

быть перемещены в гл. 2 «Принципы уголовного судопроизводства» УПК РФ, и, соответственно, в гл. 1 «Основные положения» ГПК РФ.

Принцип непосредственности судебного разбирательства многократно становился объектом рассмотрения ученых-процессуалистов[769]. При этом его исследование всегда носило не только теоретический, но и практический характер, поскольку независимо от того, где закреплены нормы о непосредственности судебного разбирательства, они успешно применялись и применяются на практике. Интерес к изучению этого принципа, как и некоторым другим принципам[770], активизировался в условиях пандемии COVID-19, поскольку суды вынуждены были приспосабливать свою деятельность к изменившимся условиям[771]. Соответственно потребовалась корректировка подходов к его содержанию и механизму реализации.

---

[769] См., напр., Колосова М.В. Принцип непосредственности гражданского процессуального права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2004; Склизков А.Н. Принцип непосредственности уголовного судопроизводства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток, 2007; Митрофанова М.А. Электронные доказательства и принцип непосредственности в арбитражном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2013; Курченко В.Н. Толкование принципа непосредственности судебного разбирательства в уголовном судопроизводстве // Уголовное право. 2019. № 6. С. 104–110; Плотников Д.А. Принципы гражданского и административного судопроизводства: сравнительно-правовое исследование: учебное пособие. М.: Проспект, 2022. С. 167–175.

[770] См., напр., Денисова Е.Л., Борисова И.Д. Столкновение интересов государства и личности в контексте соблюдения принципа неприкосновенности частной собственности // Вестник Владимирского юридического института. 2023. № 3 (68). С. 114–117; Они же. Эволюция понимания принципа неприкосновенности частной собственности в современном праве // Образование и право. 2023. № 7. С. 129–132; Они же. Ограничение принципа неприкосновенности частной собственности в период пандемии: сравнительный анализ // Образование. Наука. Научные кадры. 2024. № 1. С. 17–22.

[771] См., напр., Сахарных А.В. К вопросу об особенностях реализации принципа непосредственности судебного разбирательства в условиях коронавирусной пандемии // Мировой судья. 2021. № 6. С. 25–32; Клекачев Н.С. Применение систем видеоконференцсвязи в судебном разбирательстве гражданского процесса: исключение из принципа непосредственности // Принципы гражданского, арбитражного и административного судопроизводства: проблемы теории и практики: сб. научн. ст. / сост. и ред. Л.В. Войтович. СПб.: Центр научно-информационных технологий «Астерион», 2021. С. 296–301; Григоревский В.А. Обеспечение доказательств в его связи с принципом непосредственности судебного разбирательства // Законодательство. 2023. № 2. С. 52–58; Пахомова О.А. Актуальные проблемы реализации принципа непосредственности судебного разбирательства в условиях информатизации гражданского судопроизводства // Арбитражный и гражданский процесс. 2023. № 3. С. 44–46.

В своей практике суды делают отсылку к принципу непосредственности судебного разбирательства, независимо от того, является ли он в соответствующей отрасли права нормативно закрепленным или доктринальным. Суды мотивируют свои решения, постановления и определения ссылкой на рассматриваемый принцип и по уголовным, и по административным, и по арбитражным, и по гражданским делам. Суды общей юрисдикции, видимо, исходя из правовой позиции Верховного Суда РФ, без каких-либо сомнений рассматривают нормы ст. 157 ГПК РФ, как закрепляющие принцип непосредственности судебного разбирательства, и используют конструкцию «принцип непосредственности судебного разбирательства, закрепленный в ст. 157 ГПК РФ»[772]. Из одного судебного акта судов общей юрисдикции в другое «кочует» (всего нами их обнаружено более 200 актов судов общей юрисдикции и только один акт арбитражного суда) определение принципа непосредственности судебного разбирательства: «**Непосредственность судебного разбирательства** *(выделено нами – В.И.)* – это принцип гражданского процесса, определяющий метод исследования доказательств судом и являющийся правовой гарантией их надлежащей оценки, установления действительных обстоятельств дела, формулирования правильных выводов и вынесения правосудного решения. Он заключается в том, что суд, рассматривающий дело, обязан лично воспринимать доказательства по делу, а судебное постановление должно быть основано лишь на исследованных в судебном заседании доказательствах»[773].

По сути, в судебной практике сформулировано не только доктринальное определение принципа непосредственности судебного разбирательства, но и раскрыто его содержание[774]. Обратим внимание, что суды общей

---

[772] См., напр., Решение Октябрьского районного суда г. Рязани № 2-1409/2012 от 26 октября 2012 г. // URL: https://sudact.ru/regular/doc/FdOyyivnI0HR/ (дата обращения: 1.03.2024).

[773] См., напр., Кассационное определение Астраханского областного суда № 33-2203/2011 от 3 августа 2011 г. по делу № 33-2203/2011 // URL: https://sudact.ru/regular/doc/tqG7eiG5LWlw/ (дата обращения: 1.03.2024); Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 23 августа 2018 г. по делу № А03-21930/2016 // URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/VKR2mFoRyJUq/ (дата обращения: 1.03.2024).

[774] «Соблюдение названного принципа непосредственности судебного разбирательства направлено на обеспечение прав сторон в судебном разбирательстве, предусматривает

юрисдикции в ряде случаев не просто копировали приведенное выше определение, но и творчески его развивали применительно к конкретным обстоятельствам рассматриваемого дела.

По нашим подсчетам Верховный Суд РФ оперирует принципом непосредственности судебного разбирательства почти в 80 своих актах, арбитражные суды – более чем в 18 000 актах, суды общей юрисдикции – более чем в 5 000 актах, мировые судьи – примерно в 100 актах. Таким образом, принцип непосредственности судебного разбирательства относится к числу принципов, которые реально применяются в деятельности судов, независимо от того, маркирован он законодателем в качестве принципа соответствующей отрасли права или нет.

Обратим внимание, что большинство рассмотренных нами доктринальных принципов носит процессуальный характер. Это, по нашему мнению, обусловливается тем, что основным правоприменителем в данном случае являются суды, деятельность которых определяется нормами именно процессуального права.

Подводя итоги главы, сделаем следующие выводы.

Рассмотренные нами в данной главе принципы, хотя и носят доктринальный характер, но в целом играют разную роль в правовом регулировании общественных отношений. Российская и армянская судебная практика свидетельствует, что доктринальные принципы, не обладая нормативностью и не являясь элементом системы права, тем не менее, обладают регулятивным воздействием на общественные отношения.

Одни доктринальные принципы редко встречаются в судебной практике (например, принцип транспарентности, принцип запрета поворота к худшему),

---

возможность участия сторон в исследовании всех доказательств, имеющих значение для правильного разрешения дела, и гарантирует, что ни одно доказательство, не исследованное судом при участии сторон, не будет положено судом в основание судебного акта» (Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 27 марта 2019 г. по делу № 3А-234/2018 // URL: https://sudact.ru/vsrf/doc/1eVkVfqpUuVT/ (дата обращения: 1.03.2024)).

другие – часто (принцип правовой определенности, принцип баланса частных и публичных интересов, принцип единства судебной практики, принцип процессуальной экономии и др.). Отсылки к одним из них носят формальный характер, служат для придания внешней солидности судебному акту, другие же доктринальные принципы реально работают.

Особенно часто отсылки к доктринальным принципам в силу уже сложившейся в России традиции имеют в деятельности арбитражных судов. При этом суды не делают какой-либо разницы, на доктринальные или нормативно закрепленные принципы они ссылаются. Это касается и тех принципов, которые вообще не нашли нормативного закрепления, и тех принципов, которые являются нормативно закрепленными в одних отраслях права, но доктринальными для других.

В любом случае доктринальные принципы не просто являются вполне рабочим инструментом правоприменителя, но и несут серьезный потенциал в плане правотворчества, поскольку теоретические идеи, апробированные на практике, в ряде случаев требуют нормативного закрепления в целях дальнейшего повышения эффективности все той же правоприменительной практики.

РАЗДЕЛ 3. ПРИНЦИПЫ ПОЗИТИВНОГО ПРАВА В НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРАВОВЫХ СИСТЕМАХ РОССИИ И АРМЕНИИ

ГЛАВА 5. ЮРИДИЧЕСКАЯ ТЕХНИКА ЗАКРЕПЛЕНИЯ ПРИНЦИПОВ ПРАВА В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИИ И АРМЕНИИ

1. Эволюция юридической техники закрепления принципов права в кодифицированных правовых актах[775]

Юридическая техника как «теоретико-прикладная юридическая наука, предметом изучения которой являются закономерности рациональной юридической деятельности по созданию, толкованию, реализации, систематизации права» на современном этапе развития достигла достаточно высокого уровня[776]. В данной работе термин «юридическая техника» мы используем не в смысле науки, а в его инструментальном значении, как некую систему «профессиональных юридических правил и средств, используемых при составлении правовых актов и осуществлении иной юридической деятельности в сферах правотворчества, правоинтерпретации, властной

[775] При написании данного параграфа были использованы следующие работы автора: Илюхина В.А. Принципы гражданского процессуального законодательства РСФСР (историко-правовой анализ ГПК РСФСР 1923 г. и ГПК РСФСР 1964 г.) // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. 2019. № 2. С. 55–59; Илюхина В.А. Принципы уголовного судопроизводства РСФСР: историко-правовой анализ советского уголовно-процессуального законодательства // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. 2019. № 4. С. 182–188; Илюхина В.А. Принцип равенства всех перед судом в России: история и современность // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. 2020. № 3. С. 31–41; Илюхина В.А. Традиции и инновации в закреплении принципов права // Юридическая техника. 2021. № 15. С. 329–334. Илюхина В.А. Эволюция принципов семейного права в РСФСР // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. 2022. № 2. С. 112–118; Илюхина В.А. Эволюция юридической техники закрепления принципов права в российском законодательстве // Журнал юридической антропологии и конфликтологии. 2023. № 1. С. 44–50; Илюхина В.А. Принципы права как динамичное явление правовой системы // Юридическая техника. 2023. № 17. С. 286–289; Илюхина В.А. Принципы права в национальных правовых системах Российской Федерации и Республики Армения (сравнительно-правовое исследование): монография / под ред. А.А. Демичева. М.: Директ-Медиа, 2024. С. 227–245.

[776] См.: Юридическая техника: учебник / под ред. В.М. Баранова. М.: Проспект, 2021. С. 16–31.

и невластной реализации права, обеспечивающих совершенство его формы и содержания»[777].

В указанной выше ситуации вряд ли у кого вызывает сомнение важность технико-юридических аспектов закрепления принципов права. М.Л. Давыдова совершенно верно, на наш взгляд, обосновывает необходимость закрепления в законе системы или переченя принципов следуюшими аргументами: 1) «благодаря строгому перечню «правовых принципов» закон выглядит более проработанным, логически завершенным, концептуально выдержанным»; 2) «для субъектов правореализации становятся более понятны основные руководящие идеи, основной смысл правового регулирования»; 3) «требование установления системы принципов должно заставить законодателя более четко формулировать содержание нормативного акта»; 4) «при зафиксированной в законе системе «основных принципов» более наглядно выступают недостатки этого нормативного акта, слабо разработанные или противоречивые моменты в его содержании»[778].

Из относительно абстрактной теоретической конструкции принципы права уже давно превратились в эффективный инструмент правового регулирования. Чем качественнее с точки зрения юридической техники закреплены принципы права в текстах нормативных правовых актов, тем выше и эффективность правового регулирования общественных отношений в целом.

По нашему мнению, механизм закрепления принципов права в текстах нормативных правовых актов должен вести к четкому пониманию того, что именно законодатель рассматривает в качестве принципов права, основополагающих идей соответствующей сферы правового регулирования, а также каково конкретное содержание этих идей. Причем при формулировании принципов должен соблюдаться баланс между абстрактностью формулировки

---

[777] Юридическая техника: учебник / под ред. В.М. Баранова. М.: Проспект, 2021. С. 38.

[778] См.: Давыдова М.Л. Правовой принцип как нормативно-правовое предписание: техника закрепления и механизм действия // Принципы права: проблемы теории и практики: материалы XI международной научно-практической конференции: в 2-х ч. Москва, 18–22 апреля 2016 г. М.: РГУП, 2017. С. 210.

(в этом случае нельзя забывать, что нормы-принципы носят наиболее обобщенный характер) и конкретным указанием, адресованным правоприменителю. Полагаем, что свидетельством удачной юридической техники закрепления принципов права в кодифицированных актах является их маркированность в качестве таковых (в крайнем случае – в качестве основ или основных начал соответствующей сферы правового регулирования), раскрытие их содержания при лаконичности формулировок, понятность содержания для субъектов правоотношений.

Способы, методы, приемы и средства подготовки нормативных правовых актов когда-то возникли, эволюционировали и в настоящее время постоянно совершенствуются. Следует отметить, что и сами принципы права, и техника их закрепления – явление историческое, эволюционировавшее во времени. Верным представляется утверждение ученых о характерности для каждой исторический эпохи своих основополагающих начал, принципов[779] и том, что система принципов права «не является раз и навсегда застывшим образованием и подлежит переосмыслению с учетом проводимых в обществе реформ»[780].

Представляя собой специфические правовые нормы, принципы права изменяются только вместе с позитивным правом. Это означает, что принципы права представляют собой динамичное явление.

Под динамичностью принципов права в правовой системе мы понимаем совокупность следующих элементов:

– не закрепление/закрепление (его объем) принципов права на конституционном и отраслевом уровнях;

– увеличение или сокращение количества нормативно закрепленных принципов права в зависимости от изменения конкретно-исторической ситуации;

– изменения юридической техники закрепления принципов права.

---

[779] См.: Келина С.Г., Кудрявцев В.Н. Принципы советского уголовного права. М.: Наука, 1988. С. 16.

[780] Смирнова А.В. Принципы права в системе источников современного российского права: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2020. С. 7.

В силу указанных выше обстоятельств, прежде чем перейти к рассмотрению действующих моделей закрепления принципов права в кодифицированных правовых актах, мы проследим эволюцию закрепления в российском законодательстве принципов права. В армянском законодательстве, как и в законодательстве прочих союзных республик имели место аналогичные особенности и тенденции.

В Российской империи говорить о юридической технике в доктринальном плане, конечно, не приходится, поскольку учеными не было разработано соответствующей целостной концепции подготовки нормативных правовых актов, не было пособий по использованию различных технико-юридических приемов в законотворчестве. Однако юридическая техника как совокупность определенных методов, средств и приемов, использованных при подготовке нормативных правовых актов, несомненно, имела и имеет место во всех случаях, когда разрабатывается нормативный правовой акт. Другой вопрос – насколько осознанно используются эти методы, средства и приемы, а также насколько они эффективны.

В дореволюционной доктрине серьезного внимания принципам права не уделялось. В трудах некоторых теоретиков права и представителей отраслевых наук принципы права воспринимались как некие идеи, выражающие определенные ценности и лежащие в основе правовых норм[781]. Правда, некоторые современные авторы приписывают дореволюционным исследователям

[781] См., напр., Капустин М.Н. Теория права: (юридическая догматика). Т. 1: Общая догматика. М.: Унив. тип. (Катков и К°), 1868; Муромцев С.А. Образование права по учениям немецкой юриспруденции. 2-е изд., испр. и доп. М.: Тип. А.И. Мамонтова и К°, 1886; Капустин М.Н. Юридическая энциклопедия (догматика): Лекции заслуженного профессора М.Н. Капустина. СПб.: Тип. С-Петербургской одиночной тюрьмы, 1893; Чичерин Б.Н. Курс государственной науки. Ч. 1: Общее государственное право. М.: Типо-лит. Т-ва И.Н. Кушнерев и К°, 1894; Новгородцев П.И. Государство и право // Вопросы философии и психологии. 1904. Кн. 74 (IV). С. 397–450; Кн. 75 (V). С. 507–538; Хвостов В.М. Общая теория права: Элементарный очерк. М.: Унив. тип., 1905; Шершеневич Г.Ф. Общая теория права. Вып. 3. М.: Изд. Бр. Башмаковых, 1910; Он же. Учебник русского гражданского права. 10-е изд. М.: Тип. т-ва И.Н. Кушнерев и К°, 1912; Виноградов П.Г. Очерки по теории права. М.: Т-ва скоропечатн. А.А. Левенсон, 1915.

(в частности, М.Н. Капустину) особый интерес к принципам права[782]. Однако при этом происходит модернизация представления ученых прошлого о принципах права, исходя из современного их понимания. По нашему мнению, такой подход не соответствует историческим реалиям.

Для исследователей в Российской империи было характерно в качестве синонимов «принципов права» использовать «основные начала» и «руководящие начала». Р.Р. Сахапов верно отметил, что «каких-либо специальных исследований, посвященных анализу понятия принципов права, в дореволюционный период практически не существовало»[783]. Н.А. Власенко также пришел к выводу, что «в дореволюционной теоретичсекой и отраслевой юридической литературе, в том числе учебной, принципам права внимания практически не уделялось, а если и уделялсь, то очень небольшое»[784].

Соответственно и в нормативных правовых актах слово «принцип» не использовалось ни в названиях глав и статей, ни в самом тексте. В нормативных правовых актах отсутствовали какие-либо маркеры, указывающие на то, что то или иное положение законодатель рассматривает именно в значении принципа права, а на уровне доктрины не было сформулировано общих правил закрепления принципов права.

Несомненно, в основе любого нормативного правового акта лежит совокупность определенных идей, которые и хотел заложить в нем законодатель. Однако при анализе текстов нормативных правовых актов периода Российской

---

[782] См.: Никитчик А.А. Принципы права в интерпретации М.Н. Капустина // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. 2023. № 2. С. 49–58. Также Т.Е. Грязнова попыталась в небольшой статье сделать подборку взглядов на принципы права нескольких известных дореволюционных юристов (см.: Грязнова Т.Е. Принципы права в интерпретации российских либеральных юристов конца XIX – начала XX веков // Юридическая техника. 2020. № 14. С. 132–134). Однако эта подборка как раз убеждает в том, что разработка проблемы принципов права не была приоритетной для дореволюционных юристов, и носила спорадический характер.

[783] Сахапов Р.Р. Определение принципов права в дореволюционной литературе // Ученые записки Казанского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2007. Т. 149. № 6. С. 13.

[784] Власенко Н.А. Методологические основания исследования правовых ценностей: монография. М.: Норма, 2023. С. 59. Аналогичный вывод делает и М.Г. Смирнова (см.: Смирнова М.Г. Принципы права и оценочные категории: проблемы соотношения // Принципы гражданского, арбитражного и административного судопроизводства: проблемы теории и практики: сб. научн. ст. / сост. и ред. Л.В. Войтович. СПб.: Астерион, 2021. С. 12).

империи исследователь сталкивается с тем, что основополагающие идеи можно выявить только путем интерпретации содержания нормативного акта, что ведет всегда к научной дискуссионности. Следствием неразработанности соответствующей категории в науке стало отсутствие четкого закрепления принципов права в текстах имперских нормативных актов.

Ситуация с закреплением принципов права стала меняться в первые десятилетия советской власти. Кратко проиллюстрируем процесс эволюции юридической техники закрепления принципов права на материалах российского гражданского процессуального, уголовно-процессуального и семейного права. При этом оговоримся, что в Армянской ССР шли аналогичные процессы.

Мы берем для рассмотрения только гражданское процессуальное, уголовно-процессуальное и семейное право по той причине, что в прочих отраслях в советских кодифицированных актах принципы либо вообще нормативно не закреплялись (как, например, в трудовом законодательстве России и Армении), либо получили нормативное выражение лишь в период кодификации 60–70-х гг. XX в. (в большинстве остальные отраслей), что не позволяет проследить именно динамику принципов советского права.

В Гражданском процессуальном кодексе РСФСР от 10 июля 1923 г.[785] законодатель назвал главу 1 «Основные положения». В одиннадцати ее статьях были закреплены наиболее важные идеи, положенные в основу гражданского процессуального законодательства. Сами принципы при этом никак не назывались, поскольку статьи ГПК РСФСР 1923 г. не имели названий. Надо понимать, что «основные начала» и «основные положения» – это не одно и то же. Если «основные начала» можно рассматривать как синоним «принципов права», то «основные положения» – понятие более широкое. Это вполне четко продемонстрировал законодатель, включив в главу 1 ГПК РСФСР 1923 г. наряду с принципами права и ряд других норм, относящихся к основным положениям гражданского процессуального законодательства, но не являвшихся принципами

[785] См.: Гражданский процессуальный кодекс РСФСР от 10 июля 1923 г. // СУ РСФСР. 1923. № 46–47. Ст. 478.

права. Так, вряд ли можно найти принципы гражданского процессуального права в ст. 11, закреплявшей процессуальные права сторон, прокурора и третьих лиц на знакомство с материалами дела, делать выписки из них, получать копии документов.

Мы полагаем, что среди нормативных положений гл. 1 ГПК РСФСР 1923 г. принципами гражданского процессуального законодательства являлись:

– принцип единства гражданского процесса (ст. 1). Суть данного принципа заключалась в том, что правила ведения гражданского процесса были едиными для всех судебных учреждений (народного, губернского и Верховного суда), а также для иных учреждений, наделенных судебными функциями;

– принцип разрешения дел судом на основании действующих нормативных актов, постановлений местных органов власти, а при их недостаточности – руководствуясь общими началами советского законодательства и общей политикой Рабоче-Крестьянского Правительства (ст. 3, 4). Этот принцип был порождением соответствующей эпохи. В этот период революционное правосознание являлось источником права, в том числе и гражданского процессуального;

– принцип процессуальной активности суда (ст. 5). Законодатель обязывал суд «всемерно стремиться к уяснению действительных прав и взаимоотношений тяжущихся», оказывать «обращающимся к суду трудящимся активное содействие к ограждению их прав и законных интересов, дабы юридическая неосведомленность, малограмотность и подобные тому обстоятельства не могли быть использованы им во вред»;

– принцип добросовестности сторон (ст. 6) – стороны были обязаны добросовестно пользоваться всеми, принадлежащими им процессуальными правами, а суд должен был немедленно пресекать различного рода «злоупотребления и заявления, имеющие целью затянуть или затемнить процесс»;

– принцип языка судопроизводства (ст. 9). Интересно, что формулируя данный принцип, законодатель не упоминает русский язык, предлагает вести производство на языке большинства населения данной местности. В случае

невладения языком, на котором велось судопроизводство, суд обязан был пригласить переводчика.

Названия всех перечисленных пяти принципов условны – законодатель их никак не называл, просто излагая нормы в определенных статьях ГПК РСФСР. Обратим внимание, что некоторые из этих принципов (в первую очередь, мы имеем в виду положение, закрепленное в ст. 3 и 4 ГПК РСФСР 1923 г.), носили исключительно конъюнктурный характер, вызванный конкретно-историческими условиями. Другие же принципы, например, языка судопроизводства сохраняют значение и в наше время.

В следующем нормативном кодифицированном акте в сфере гражданского процессуального права – Гражданском процессуальном кодексе РСФСР от 11 июня 1964 г.[786] – сохранился тот же подход законодателя к закреплению принципов права. Они были изложены в главе 1 «Основные положения» без использования слова «принцип». При этом у статей появились названия, что, несомненно, облегчает понимание замысла законодателя. Также самих основополагающих идей гражданского процессуального права стало больше – мы их насчитали десять (ст. 5–10, 13, 14). В частности, это

– принцип осуществления правосудия только судом (ст. 5). Обратим внимание, что в ст. 1 ГПК РСФСР 1923 г. допускалась возможность рассмотрения гражданских дел и несудебными органами;

– принцип равенства граждан перед законом и судом (ст. 5). Законодатель закрепил в ст. 5 ГПК РСФСР сразу два принципа гражданского процессуального права. При этом раскрывается содержание принципа равенства граждан перед законом и судом. Уточняется, что под равенством понимается независимость в суде от социального, имущественного и служебного положения граждан, их национальной, расовой принадлежности и вероисповедания;

– принцип участия населения в отправлении правосудия (ст. 6). ГПК РСФСР 1964 г. предусматривал только одну форму такого участия –

[786] См.: Гражданский процессуальный кодекс РСФСР от 11 июня 1964 г. // Ведомости ВС РСФСР. 1964. № 24. Ст. 407.

в качестве народных заседателей. Как известно, в судах первой инстанции дела рассматривались в составе судьи и двух народных заседателей;

– принцип коллегиального рассмотрения гражданских дел (ст. 6). В судах первой инстанции, как мы отметили выше, дела рассматривались в составе судьи и двух народных заседателей. В кассационной инстанции суд состоял из трех членов, а в надзорной – не менее, чем из трех членов;

– принцип независимости судей и подчинения их только закону (ст. 7). Формально судьи были независимы – устанавливалось, что «судьи и народные заседатели разрешают гражданские дела на основе закона, в соответствии с социалистическим правосознанием, в условиях, исключающих постороннее воздействие на судей», однако в реальности в этот период партийные и советские органы в силу сложившейся практики нередко оказывали прямое давление на судей, распространенным стало «телефонное право»;

– принцип языка судопроизводства (ст. 8). В ГПК РСФСР в отличие от своего предшественника в качестве основного правила закреплялось, что судопроизводство ведется на русском языке. В автономных республиках, автономных областях, национальных округах в составе РСФСР предполагалось ведение судопроизводства на языке автономной республики, автономной области, национального округа или на языке большинства местного населения. В случае невладения языком судопроизводства обязательным было участие переводчика в процессе;

– принцип гласности судебного разбирательства (ст. 9). По общему правилу разбирательство гражданских дел было открытым. Исключение составляли случаи, когда затрагивались вопросы государственной тайны (это было обязательно) и в целях предотвращения разглашения сведений об интимных сторонах жизни участвующих в деле лиц (по мотивированному определению суда). Однако и в этих случаях кроме сторон, их представителей, свидетелей, экспертов и переводчиков (естественно, если требовалось их участие в деле) на заседании суда присутствовали представители общественных организаций и коллективов трудящихся. В качестве вполне логичного ограничения принципа

гласности гражданского судопроизводства было недопущение в зал судебного заседания граждан моложе шестнадцати лет, если они не являются лицами, участвующими в деле, или свидетелями;

– принцип разрешения дел на основании действующего законодательства (ст. 10). Данный принцип предполагал вынесение решений на основании норм действующего советского законодательства, норм иностранного права, а в случае их отсутствия – применение аналогии закона и аналогии права;

– принцип обязательности решения, определения и постановления суда (ст. 13);

– принцип процессуальной активности суда (ст. 14). Аналогично нормам ГПК РСФСР 1923 г. и в отличие от действующего ГПК РФ 2002 г., ГПК РСФСР 1964 г. требовал от суда не ограничиваться представленными материалами и объяснениями, а принимать «все предусмотренные законом меры для всестороннего, полного и объективного выяснения действительных обстоятельств дела, прав и обязанностей сторон».

Обратим внимание, что законодатель не придерживался жестко правила «один принцип – одна статья». Например, в ст. 5 ГПК РСФСР 1964 г., по нашему мнению, было закреплено два разных принципа: принцип осуществления правосудия только судом и принцип равенства граждан перед законом и судом (кстати, последний принцип можно рассматривать не как один, а как два разных). В ст. 6 тоже было изложено два принципа: принцип участия населения в отправлении правосудия и принцип коллегиального рассмотрения гражданских дел.

Следует отметить, что изменение исторической ситуации влияло на то, какие идеи становятся актуальными и должны получить нормативное закрепление, а какие утратили свое практическое значение. Так, из числа принципов исчез принцип разрешения дел судом на основании действующих нормативных актов, постановлений местных органов власти, а при их недостаточности – руководствуясь общими началами советского законодательства и общей политикой Рабоче-Крестьянского Правительства.

Итак, если в ГПК РСФСР 1923 г. можно выделить пять принципов гражданского судопроизводства, то в ГПК РСФСР 1964 г. их количество возросло до десяти. Это является следствием развития как самого гражданского процессуального законодательства, так и науки гражданского процессуального права – имелся широкий пласт научных трудов авторов советского периода, в которых велась дискуссия о выделении принципов гражданского процессуального права и их характеристике[787]. В основном исследования советских ученых проводились в отношении принципов гражданского процессуального прав РСФСР по ГПК РСФСР 1964 г. Принципы же гражданского процессуального права по ГПК РСФСР 1923 г. практически не исследовались.

Следующим этапом в развитии принципов гражданского процессуального права стало принятие Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации от 14 ноября 2002 г.[788] В нем сохранилась традиция закрепления принципов данной отрасли права в главе 1 «Основные положения» с неиспользованием слова «принцип», в которых сформулированы основополагающие идеи гражданского процессуального права.

Перейдем к рассмотрению эволюции юридической техники закрепления принципов права в уголовно-процессуальном законодательстве России. Советские ученые уделяли проблеме принципов уголовного процессуального права много

---

[787] См., напр., Чечина Н.А. Принципы советского гражданского процессуального права и их нормативное закрепление // Правоведение. 1960. № 3. С. 78–83; Семенов В.М. Принципы советского гражданского процессуального права: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Свердловск, 1965; Гурвич М.А. Принципы советского гражданского процессуального права // Труды ВЮЗИ. Т. 3. М., 1965. С. 3–61; Елисейкин П.Ф. Предмет и принципы советского гражданского процессуального права. Ярославль, 1974; Боннер А.Т. К вопросу о принципах гражданского процессуального права // Труды ВЮЗИ. Т. 38. М., 1975. С. 35–71; Букина В.С. Принципы советского гражданского процессуального права: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Л., 1975; Берутович В. О понятии основных принципов гражданского процесса // Вопросы развития и защиты прав граждан: межвуз. тематич. сб. Калинин: Изд-во Калин, ун-та, 1977. С. 91–97; Чечина Н.А. Принципы гражданского процессуального права // Актуальные проблемы теории и практики гражданского процесса. Л.: Изд-во ЛГУ, 1979. С. 36–60; Основные принципы гражданского процесса / под ред. М.К. Треушникова, З. Чешки. М.: Изд-во МГУ, 1991.

[788] См.: Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.

внимания, споря, в первую очередь, об их системе[789]. Среди современных ученых различные принципы советского уголовного процесса рассматривались Т.Ю. Вилковой[790]. Ей же был проведен интересный историографический обзор становления и развития системы принципов российского уголовного судопроизводства в 1864–1991 гг.[791]

Т.Ю. Вилкова утверждает, что «Принципы советского уголовного процесса были сформулированы уже в первых декретах о суде, а позднее получили развитие в союзных (1924, 1936, 1977 гг.) и республиканских (1918, 1925, 1937, 1978 гг.) Конституциях, Основах уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик 1924 и 1958 гг., Уголовно-процессуальных кодексах РСФСР 1922, 1923 и 1960 гг.»[792]. Мы не будем останавливаться на вопросе закрепления принципов уголовного процесса в первых декретах Советской власти, т.к. этот вопрос требует отдельного изучения. Специального рассмотрения требует и вопрос о конституционных принципах права. Эта проблема представляет интерес не только в историческом аспекте, но и имеет практическое значение для современности.

Мы сконцентрируем внимание на анализе пяти нормативных правовых актов советского периода: Уголовно-процессуального кодекса РСФСР от 25 мая 1922 г.[793], Уголовно-процессуального кодекса РСФСР от 15 февраля 1923 г.[794], Основах уголовного судопроизводства Союза ССР и Союзных Республик,

---

[789] Подробнее см.: Вилкова Т.Ю. Становление и развитие системы принципов российского уголовного судопроизводства в 1864–1991 гг. // Судебная власть и уголовный процесс. 2017. № 1. С. 99–103.

[790] См., напр., Вилкова Т.Ю. Принцип презумпции невиновности: история, современность, перспективы: монография. М.: Юрайт, 2017; Она же. Принцип языка уголовного судопроизводства: история, современность, перспективы. М.: Юрлитинформ, 2018; Она же. Принцип гласности уголовного судопроизводства: история, современность, перспективы. М.: Юрайт, 2019.

[791] См.: Вилкова Т.Ю. Становление и развитие системы принципов российского уголовного судопроизводства в 1864–1991 гг. // Судебная власть и уголовный процесс. 2017. № 1. С. 99–103.

[792] Там же. С. 100.

[793] См.: Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР от 25 мая 1922 г. // СУ РСФСР. 1922. № 20–21. Ст. 230.

[794] См.: Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР от 15 февраля 1923 г. // СУ РСФСР. 1923. № 7. Ст. 106.

утвержденных Постановлением Президиума ЦИК СССР от 31 октября 1924 г.[795], Основах уголовного судопроизводства Союза ССР и Союзных Республик, утвержденных Законом СССР от 25 декабря 1958 г.[796] и Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, утвержденного ВС РСФСР 27 октября 1960 г.[797]

Техника закрепления принципов в уголовно-процессуальном законодательстве в 1920-е гг. не отличалась от того, что имело место в гражданском процессуальном законодательстве. В УПК РСФСР 1922 г. и практически идентичном ему в вопросах принципов права УПК РСФСР 1923 г. принципы закреплялись в главе 1 «Основные положения». Статьи не имели здесь названий и слово «принцип» в них не употреблялось. Мы можем выделить только три принципа уголовно-процессуального права:

– принцип законности (ст. 5–7). Отметим, что А.В. Токунов в ст. 5 видит закрепление принципа неприкосновенности личности[798]. Полагаем, что ключевым моментом в данном случае являлось, все же, не неприкосновенность личности, а именно следование предписания закона при ограничении неприкосновенности личности;

– принцип публичности (ст. 19). В литературе иногда этот принцип называют принципом гласности[799];

– принцип языка судопроизводства (ст. 22).

В УПК РСФСР 1923 г. глава 1 была идентична в интересующем нас аспекте главе 1 УПК РСФСР 1922 г. Соответственно, можно выделить в тех же статьях те же принципы уголовного судопроизводства.

---

[795] См.: Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и Союзных Республик от 31 октября 1924 г. // СЗ СССР. 1924. № 24. Ст. 206.

[796] См.: Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и Союзных Республик от 25 декабря 1958 г. // Ведомости ВС СССР. 1959. № 1. Ст. 15.

[797] См.: Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР от 27 октября 1960 г. // Ведомости ВС РСФСР. 1960. № 40. Ст. 592.

[798] См.: Токунов А.В. Право подозреваемого, обвиняемого и подсудимого на защиту в советском уголовном процессе по УПК РСФСР 1922 и 1923 гг. // Балтийский гуманитарный журнал. 2017. Т. 6. № 1 (18). С. 191.

[799] См.: Вилкова Т.Ю. Принцип гласности в советском уголовном процессе в период действия УПК РСФСР 1923 года // Юридическая наука. 2016. № 2. С. 103–104.

Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и Союзных Республик 1924 г. представляли собой небольшой по объему документ и не внесли ничего нового относительно принципов уголовного судопроизводства. Можно выделить все те же три принципа:

– принцип законности (ст. 9–11);

– принцип публичности (ст. 14);

– принцип языка судопроизводства (ст. 15).

Следующей вехой в закреплении принципов уголовного судопроизводства стало принятие Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и Союзных Республик 1958 г. В плане юридической техники этот нормативный правовой акт был более совершенным, нежели рассмотренные нами ранее документы. В нем статьи получили название, выражающие их содержание. И хотя термин «принципы» по-прежнему не использовался, стало проще выделять основные идеи уголовного судопроизводства, закрепленные законодателем в тексте Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и Союзных Республик 1958 г.

По нашему мнению, в указанном документе законодатель закрепил следующие принципы советского уголовного судопроизводства:

– принцип законности (ст. 4 «Недопустимость привлечения в качестве обвиняемого иначе как на основаниях и в порядке, установленных законом»);

– принцип неприкосновенности личности (ст. 6 «Неприкосновенность личности»);

– принцип осуществления правосудия только судом (ст. 7 «Осуществление правосудия только судом»);

– принцип равенства граждан перед законом и судом (ст. 8 «Осуществление правосудия на началах равенства граждан перед законом и судом»);

– принцип участия населения в отправлении правосудия (ст. 9 «Участие народных заседателей и коллегиальность в рассмотрении дел»);

– принцип коллегиальности в рассмотрении дел (ст. 9 «Участие народных заседателей и коллегиальность в рассмотрении дел»). Обратим внимание, что ст. 9

закрепляет сразу два, хотя и смежных, но разных принципа уголовного судопроизводства;

– принцип независимости судей (ст. 10 «Независимость судей и подчинение их только закону»);

– принцип языка судопроизводства (ст. 11 «Язык, на котором ведется судопроизводство»);

– принцип гласности судебного разбирательства (ст. 12 «Гласность судебного разбирательства»). Обратим внимание, что ранее законодатель, регулируя соответствующие общественные отношения, использовал термин «публичность». Теперь же он заменил его на «гласность». Именно по этим причинам ранее данный принцип мы называли принципом публичности, а теперь – принципом гласности судебного разбирательства;

– принцип обеспечения обвиняемому права на защиту (ст. 13 «Обеспечение обвиняемому права на защиту»);

– принцип всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела (ст. 14 «Всестороннее, полное и объективное исследование обстоятельств дела»).

Таким образом, в Основах уголовного судопроизводства Союза ССР и Союзных Республик 1958 г. было появилось еще восемь новых принципов уголовного судопроизводства, а всего их стало двенадцать.

УПК РСФСР 1960 г., что изначально и предполагалось, базировался на Основах уголовного судопроизводства Союза ССР и Союзных Республик 1958 г. При этом, по сути, произошло механическое копирование принципов уголовного судопроизводства из одного нормативного акта в другой. В УПК РСФСР 1960 г. статьи также имели названия, и всего было закреплено тринадцать принципов, из которых одиннадцать принципов, названных в документе 1958 г. было просто продублировано:

– принцип законности (ст. 4 «Недопустимость привлечения в качестве обвиняемого иначе как на основаниях и в порядке, установленных законом»);

– принцип неприкосновенности личности (ст. 11 «Неприкосновенность личности»);

– принцип осуществления правосудия только судом (ст. 13 «Осуществление правосудия только судом»);

– принцип равенства граждан перед законом и судом (ст. 14 «Осуществление правосудия на началах равенства граждан перед законом и судом»);

– принцип участия населения в отправлении правосудия (ст. 15 «Участие народных заседателей и коллегиальность в рассмотрении дел»);

– принцип коллегиальности в рассмотрении дел (ст. 15 «Участие народных заседателей и коллегиальность в рассмотрении дел»);

– принцип независимости судей (ст. 16 «Независимость судей и подчинение их только закону»);

– принцип языка судопроизводства (ст. 17 «Язык, на котором ведется судопроизводство»);

– принцип гласности судебного разбирательства (ст. 18 «Гласность судебного разбирательства»).

– принцип обеспечения обвиняемому права на защиту (ст. 19 «Обеспечение обвиняемому права на защиту»);

– принцип всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела (ст. 20 «Всестороннее, полное и объективное исследование обстоятельств дела»).

Одновременно впервые в советском праве в УПК РСФСР 1960 г. получили закрепление еще два новых принципа: принцип неприкосновенности жилища и принцип неприкосновенности тайны переписки. Им была посвящена одна статья – ст. 12 «Неприкосновенность жилища и тайна переписки».

Подводя итог эволюции принципов советского уголовно-процессуального права, отметим, что как того и требует поступательное развитие исторического процесса со временем росло количество нормативно закрепленных принципов, так и совершенствовалась техника их формулирования. Если в 1922–1924 гг.

в уголовно-процессуальном законодательстве было всего три принципа, то в 1958 г. их стало одиннадцать, а в 1960 г. – уже тринадцать.

Если в сфере гражданского процессуального права в отношении принципов в современном законодательстве «прорыва» не произошло, то в уголовно-процессуальном праве ситуация иная. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации 18 декабря 2001 г.[800] в плане закрепления принципов права представляет собой существенный шаг вперед по сравнению с предшествующим законодательством. В нем содержится не глава (как ранее), а раздел с названием «Основные положения» (раздел 1), в который входит четыре главы. Вторая глава УПК РФ не просто посвящена принципам права, но и имеет соответствующее название «Принципы уголовного судопроизводства». Так впервые в российском уголовно-процессуальном законодательстве появилось слово «принцип». Законодатель четко придерживается правила: одна статья – один принцип. Однако, к сожалению, ни в названии статей, ни в их тексте по-прежнему не используется слово «принцип».

Рассмотрим эволюцию механизма закрепления принципов семейного права. Семейное право становится самостоятельной отраслью права только в советский период, выделившись из гражданского и церковного права. Смена государственного строя, секуляризационные процессы (в первую очередь, отделение церкви от государства и школы от церкви), введение новой идеологии, предполагающей равенство прав граждан, включая равенство мужчины и женщины, в своей совокупности как раз и привели к конституированию отрасли семейного права. Весьма показательно, что первым кодифицированным советским актом являлся Кодекс об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве РСФСР от 16 сентября 1918 г.[801]

В Кодексе законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве от 16 сентября 1918 г. не было ни в структурном,

---

[800] См.: Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // СЗ РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

[801] См.: Кодекс об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве РСФСР от 16 сентября 1918 г. // СУ РСФСР. 1918. № 76–77. Ст. 818.

ни в содержательном плане чего-либо похожего на принципы семейного права. Здесь отсутствовала даже глава «Основные положения». Этот кодекс носил предельно конкретный характер: его первый раздел назывался «Акты гражданского состояния», а первая глава в нем – «Отделы записей актов гражданского состояния».

В плане закрепления принципов семейного права ничего не изменилось и с принятием Кодекса законов о браке, семье и опеке от 19 ноября 1926 г.[802] Первый раздел его назывался «О браке», а первая глава в нем – «Общие положения». Анализ содержания последней приводит к выводу, что в ней закреплялись некоторые общие положения, касающиеся только института брака, а не семейных правоотношений в целом. Таким образом, можно утверждать, что новое семейное законодательство в интересующем нас аспекте шло в рамках дореволюционных традиций, игнорирующих нормативное закрепление принципов права.

Впервые принципы семейного права получили закрепление не в отраслевом кодифицированном акте, а на конституционном уровне. Конституция (Основной Закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики, принятая V Всероссийским съездом Советов в заседании от 10 июля 1918 г.[803], не содержала принципов семейного права. То же самое можно сказать о Конституции (Основном законе) Союза Советских Социалистических Республик, принятом II Всесоюзным съездом Советов 31 января 1924 г.[804] и Конституции (Основном законе) Российской Социалистической Федеративной

---

[802] См.: Кодекс законов о браке, семье и опеке от 19 ноября 1926 г. // СУ РСФСР. 1926. № 82. Ст. 612.

[803] См.: Конституция (Основной Закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (Принята V Всероссийским съездом Советов в заседании от 10 июля 1918 г.) // СУ РСФСР. 1918. № 51. Ст. 582.

[804] См.: Основной закон (Конституция) Союза Советских Социалистических Республик» (Утверждена постановлением II Съезда Советов СССР от 31 января 1924 г.) // Вестник ЦИК, СНК и СТО СССР. 1924. № 2. Ст. 24.

Советской Республики, утвержденной постановлением XII Всероссийского Съезда Советов от 11 мая 1925 г.[805]

А вот в Конституции (Основном законе) Союза Советских Социалистических Республик, утвержденной Чрезвычайным VIII съездом Советов Союза ССР 5 декабря 1936 г.[806] и во многом дублировавшей ее положения Конституции (Основному закону) Российской Советской Федеративной Социалистической Республики, утвержденной постановлением Чрезвычайного XVII Всероссийского Съезда Советов от 21 января 1937 г.[807], законодатель закрепил положения, которые являлись первыми принципами семейного права в России. Таковыми, на наш взгляд, являются всего два конституционных положения – принципа права: 1) равенство прав мужчины и женщины (ст. 122 Конституции СССР 1936 г. и ст. 125 Конституции РСФСР 1937 г.) и 2) равноправие граждан СССР (ст. 123 Конституции СССР 1936 г. и ст. 126 Конституции РСФСР 1937 г.).

Более того, в отличие от действующей Конституции Российской Федерации, принятой всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.[808], в советских конституционных актах 1930-х гг. содержание принципов получило раскрытие. Так, в ст. 122 Конституции СССР 1936 г. и ст. 126 Конституции РСФСР 1937 г. устанавливалось, что в СССР (и РСФСР) женщине предоставляются равные с мужчиной права «во всех областях хозяйственной, государственной, культурной и общественно-политической жизни». При этом в качестве возможностей

---

[805] См.: Конституция (Основной закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (Утверждена постановлением XII Всероссийского Съезда Советов от 11 мая 1925 г.) // СУ РСФСР. 1925. № 30. Ст. 218.

[806] См.: Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик (Утверждена Чрезвычайным VIII съездом Советов Союза ССР 5 декабря 1936 г.) // Известия ЦИК СССР и ВЦИК. 1936. № 283.

[807] См.: Конституция (Основной закон) Российской Советской Федеративной Социалистической Республики (Утверждена постановлением Чрезвычайного XVII Всероссийского Съезда Советов от 21 января 1937 г.) // СУ РСФСР. 1937. № 2. Ст. 11.

[808] См.: Конституция Российской Федерации: принята 12 декабря 1993 г. всенародным голосованием (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ; с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // СЗ РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.

осуществления этих прав женщин назывались предоставление равенства с мужчинами в праве на труд, в оплате труда, праве на отдых, социальном страховании, образовании. Также содержались нормы, наличие которых, по нашему мнению, свидетельствовало не о равенстве прав мужчины и женщины, а о формировании другого принципа семейного права – принципа охраны материнства и детства. Последнее выражалось в «государственной охраной интересов матери и ребенка, предоставлением женщине при беременности отпусков с сохранением содержания, широкой сетью родильных домов, детских яслей и садов». Однако говорить о том, что на конституционном уровне был закреплен самостоятельный принцип охраны материнства и детства – некорректно, т.к. сам законодатель дал четко понять, что рассматривает соответствующие нормы в качестве гарантии реализации принципа равенства мужчины и женщины.

Вторым конституционным принципом семейного права стал, как мы уже отмечали ранее, принцип равноправия граждан СССР. Этот принцип, несомненно, является общеправовым, и его действие распространялось на все отрасли советского права. По сути, принцип равенства прав мужчины и женщины представляет собой частное проявление принципа равноправия граждан СССР. Однако, изучая историческое прошлое, ученый, следуя принципу историзма, должен подходить к нему не только с позиции современности, но и с мерками той эпохи, когда это событие имело место[809].

Следовательно, если законодатель рассматривал принцип равенства мужчины и женщины и принцип равноправия граждан как два самостоятельных принципа, то мы не вправе ретроспективно «додумывать» за него и обосновывать положение, что речь шла о разных проявлениях одного принципа. Что касается содержательного аспекта принципа равноправия граждан СССР,

[809] См.: Демичев А.А. О роли исторического подхода в методологии хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения // Актуальные проблемы и перспективы развития научной школы Хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения: сб. научн. тр. по материалам Третьей всероссийской научной конференции / под ред. А.А. Демичева, К.А. Демичева. Н. Новгород: НИУ РАНХиГС, 2020. С. 14–17.

то подразумевалось равноправие граждан во всех областях жизни, независимо от национальности и расы. При этом устанавливалось, что прямое или косвенное ограничение прав граждан или же, напротив, установление прямых или косвенных преимуществ граждан в зависимости от их расовой и национальной принадлежности карается законом.

Итак, принципы семейного права впервые получили нормативное закрепление только в 1930-е гг., причем сразу (и только) на конституционном уровне. Раньше это и не могло произойти, т.к. только в 30-40-е гг. XX в. по справедливому замечанию П.Л. Полянского, были заложены основы предмета и метода семейного права, собственно именно в это время семейное право и превратилось из отрасли законодательства в отрасль права[810].

27 июня 1968 г. в контексте широко ведшихся кодификационных процессов в СССР указом Президиума Верховного Совета СССР от 27 июня 1968 г. были утверждены Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о браке и семье[811]. В разделе 1 «Общие положения» этого нормативного правового акты были впервые на отраслевом уровне закреплены положения, которые можно идентифицировать в качестве принципов семейного права. При этом мы полагаем, что положения, которые содержались в преамбуле к нормативному акту, нельзя рассматривать в качестве содержащих принципы права[812]. Конечно, в преамбуле тоже закладываются определенные идеи и, раз они изложены в тексте нормативного правового акта, то они носят нормативный характер. Тем не менее, идеи из преамбулы и идеи-принципы – далеко не одно и то же. Преамбула носит декларативно-информативный характер, а принципы права – это конкретное руководство к действию, адресованное правоприменителю.

---

[810] См.: Полянский П.Л. Формирование семейного права как отрасли в России (постановка проблемы) // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2010. № 2. С. 30.

[811] См.: Основы законодательства Союза ССР и союзных республик о браке и семье от 27 июня 1968 г. // Ведомости ВС СССР. 1968. № 27. Ст. 241.

[812] Мы не можем согласиться с А.С. Гамбаряном, что принципы права могут содержаться в преамбулах нормативных правовых актов (см.: 413. Гамбарян А.С. Внесистемные коллизии и внутрисистемные конфликты принципов права: доктрина, практика, техника // Юридическая техника. 2020. № 14. С. 36).

Когда речь идет о любом нормативном правовом акте (за исключением Конституции), принципы права могут быть закреплены не где угодно, а только в определенных начальных структурных элементах. Мы уже отметили выше, что в Основах законодательства Союза ССР и союзных республик о браке и семье они содержались в разделе 1 «Общие положения». Этот раздел состоит всего из восьми статей. Ни в одной из них ни в названии, ни в тексте слово «принцип» или сочетание «основные начала» не используются. Не во всех этих статья закреплены принципы семейного права. Так, ст. 1 называется «Задачи советского законодательства о браке и семье». Учитывая, что принципы и задачи – это функционально разные понятия, вряд ли имеется необходимость обоснования, что в названной статье принципы права не нашли и не должны были найти своего закрепления. Ст. 2 «Отношения, регулируемые законодательством о браке и семье», что уже вытекает из ее названия, также не содержит принципов семейного права. То же следует и из названия ст. 7 «Законодательство Союза ССР и союзных республик о браке и семье. Применение законодательства союзных республик о браке и семье». Наконец, ст. 8 посвящена исковой давности в брачных и семейных правоотношениях. Здесь излагаются общие технические правила применения судом срока давности в семейном праве.

Собственно принципы семейного права нашли закрепление в ст. 3–6 Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о браке и семье.

Так, в ст. 3 «Равноправие женщины и мужчины в семейных отношениях» конкретизируется конституционный принцип равноправия женщины и мужчины. Причем эта статья по объему меньше, чем соответствующие статьи Конституции СССР 1936 г., но в отличие от конституционной нормы, на которую дана отсылка в тексте самой статьи, в ней появляется нечто новое, а именно: в ней устанавливается, что мужчина и женщина «имеют в семейных отношениях равные личные и имущественные права».

В ст. 4 «Равноправие граждан в семейных отношениях» был закреплен одноименный принцип семейного права. При этом законодатель практически

продублировал конституционную норму, конкретизируя ее к семейным правоотношениям[813].

Статья 5 называлась «Защита семьи государством. Охрана и поощрение материнства». В ней впервые нашел четкое выражение принцип семейного права, название которого применительно к изучаемой конкретно-исторической ситуации можно назвать «принцип защиты семьи, материнства и детства». Здесь же раскрывалось содержание этого принципа. Конкретизировалось, как государство проявляет заботу о семье (развитие сети роддомов, яслей и детских садов и других детских учреждений, совершенствование службы быта и общепита, выплата различных пособий). Также отмечались меры по обеспечению интересов матери и ребенка (сюда входили меры по охране труда и здоровья женщин, материальная поддержка материнства и детства, установление различных льгот и др.).

Наконец, в ст. 6 «Правовое регулирование брачных и семейных отношений государством» Основ законодательства был установлен еще один, четвертый, принцип семейного права – принцип признания брака, заключенного только в органах записи актов гражданского состояния.

Исходя из Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о браке и семье 30 июля 1969 г. был принят Кодекс о браке и семье РСФСР[814], действовавший до 1 марта 1996 г., когда вступил в силу Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г.[815] Ничего нового в плане принципов семейного права в этом нормативном правовом акте по сравнению с Основами законодательства не было. В ст. 3–6 КоБС 1969 г. с небольшими редакционными расхождениями дублировались положения ст. 3–6 Основ законодательства

---

[813] Данная статья гласила: «Не допускается какое бы то ни было прямое или косвенное ограничение прав, установление прямых либо косвенных преимуществ при вступлении в брак и в семейных отношениях в зависимости от происхождения, социального и имущественного положения, расовой и национальной принадлежности, пола, образования, языка, отношения к религии, рода и характера занятий, места жительства и других обстоятельств».

[814] См.: Кодекс о браке и семье РСФСР от 30 июля 1969 г. // Ведомости ВС РСФСР. 1969. № 32. Ст. 1086.

[815] См.: Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 16.

1968 г., закреплялись те же четыре принципа семейного права, рассмотренных нами ранее.

Уже после КоБС РСФСР 1969 г. появилось еще две советские Конституции – Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик, принятая внеочередной седьмой сессии Верховного Совета СССР девятого созыва 7 октября 1977 г.[816] и Конституция (Основной закон) Российской Советской Федеративной Социалистической Республики, принятая Верховным Советом РСФСР 12 апреля 1978 г.[817]

В последних двух советских Конституциях было закреплено три принципа семейного права. Это ставшие уже традиционными принципы равноправия граждан (ст. 34 Конституции СССР 1936 г. и ст. 32 Конституции РСФСР 1937 г.) и равноправия мужчины и женщины (ст. 35 Конституции СССР 1936 г. и ст. 33 Конституции РСФСР 1937 г.), помещенные в главу 6 «Гражданство СССР. Равноправие граждан» и главу 5 «Гражданство РСФСР. Равноправие граждан» соответственно. А вот третий принцип – защиты (или охраны) материнства и детства нашел закрепление в другой главе (гл. 7 «Основные права, свободы и обязанности граждан СССР» в Конституции СССР 1977 г. и гл. 6 «Основные права, свободы и обязанности граждан РСФСР»). В содержательном плане раскрытие этих принципов было практически таким же, как в Конституциях предшествующего периода. При этом принцип признания брака, заключенного только в органах записи актов гражданского состояния не перешел из КоБС в разряд конституционных и остался исключительно в статусе отраслевого принципа, закрепленного только в КоБС.

В целом к распаду СССР принципы семейного права представляли собой наиболее важные нормативно закрепленные идеи, лежащие в основе правового регулирования семейных отношений. Всего можно выделить четыре принципа

---

[816] См.: Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик (Принята на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета СССР девятого созыва 7 октября 1977 г.) // Ведомости ВС СССР. 1977. № 41. Ст. 617.

[817] См.: Конституция (Основной закон) Российской Советской Федеративной Социалистической Республики от 12 апреля 1978 г. // Ведомости ВС РСФСР. 1978. № 15. Ст. 407.

семейного права. Три из них были одновременно закреплены и на конституционном, и на отраслевом уровне (принцип равноправия граждан, принцип равноправия мужчины и женщины и принцип защиты материнства и детства), а четвертый – принцип признания брака, заключенного только в органах записи актов гражданского состояния, – отобразился только на уровне отраслевого законодательства, а именно: Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о браке и семье 1968 г. и Кодекса о браке и семье РСФСР 1969 г.

Конечно, можно сетовать, что законодатель мог бы закрепить на разных уровнях и другие принципы семейного права (как это было сделано в постсоветский период), но в контексте каждого конкретно-исторического периода имелись свои потребности, обусловленные спецификой политического, экономического, социального и культурного развития, каждому времени соответствовал свой уровень юридической техники, характеризующийся использованием тех или иных приемов. Как нами было установлено, принципы семейного права стали нормативно закрепляться лишь в 1930-е гг. и только на конституционном уровне. На уровне же отраслевого законодательства это произошло еще через три десятилетия.

В Семейном кодексе Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. новшеством стало появление ст. 1 «Основные начала семейного законодательства», входящей в гл. 1 «Семейное законодательство» раздела 1 «Общие положения». Напомним, что еще в дореволюционной доктрине «основные начала» рассматривались в качестве синонима «принципов». Однако современный законодатель не имеет, видимо, четкого представления об их соотношении (скорее всего, такую задачу он и не ставил перед собой). Свидетельством этому является то, что в ч. 3 ст. 1 СК РФ содержится формулировка «регулирование семейных отношений осуществляется в соответствии с принципами (*выделено нами – В.И.*) …» и далее перечисляется ряд принципов, но об этом пойдет речь в другой главе данного исследования.

Обобщая все сказанное ранее, выделим ряд традиционных и новационных моментов в закреплении принципов права. В наглядной табличной форме соотношение традиций и новаций в закреплении принципов права представлено в Таблице 12. При этом, что касается современности, ряд вопросов будет освещен в следующем параграфе.

Таблица 12

Традиции и новации в юридической технике закрепления принципов права в Российской империи, РСФСР и Российской Федерации

Российская империя	**РСФСР**	**Российская Федерация**
1. Принципы права не закрепляются в текстах кодифицированных актов. *Пример: Свод законов Российской империи в 16-ти томах*[818].	1. В некоторых кодексах принципы права никак не закрепляются *(традиция).* *Примеры: Кодекс законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве 1918 г., Кодекс законов о браке, семье и опеке 1926 г.*	1. В некоторых кодексах принципы права никак не закрепляются (*отмирающая традиция).* *Примеры: Воздушный кодекс РФ, НК РФ.*
2. Понятие «принцип» не используется в текстах нормативных правовых актов.	2. Понятие «принцип» не используется в текстах нормативных правовых актов *(традиция).*	2. В некоторых кодексах основополагающие идеи отрасли закрепляются в главах / разделах «Основные положения» / «Общие положения» *(традиция).* *Примеры: ГК РФ, СК РФ, АПК РФ, ГПК РФ.*

[818] См.: Свод законов Российской империи. СПб.: Тип. Второго Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1857–1868. Т. I–XVI.

	3. В некоторых кодексах основополагающие идеи отрасли закрепляются в главе «Основные положения» раздела «Общие положения» *(новация)*. *Примеры: ГПК РСФСР 1923 г., ГПК РСФСР 1964 г., УПК РСФСР 1922 г, УПК РСФСР 1923 г., УПК РСФСР 1960 г., Кодексе о браке и семье РСФСР 1969 г.*	3. Понятие «принцип» не используется в текстах ряда кодифицированных актов *(традиция)*. *Примеры: ГК РФ, ГПК РФ, АПК РФ.*
	4. Содержание принципов не раскрывается.	4. В некоторых кодексах принципы права закрепляются в отдельной главе, содержащей в названии слово «принцип» *(новация)*. *Примеры: УК РФ, УПК РФ, КоАП РФ.* 5. В некоторых кодексах принципы права закрепляются в отдельной статье, содержащей в названии слово «принцип» *(новация)*. *Примеры: УИК РФ, КАС РФ, ГрК РФ, ЛК РФ, ВК РФ, ЗК РФ, ТК РФ.* 6. Понятие «принцип» используется в текстах статей *(новация)*. Примеры: СК РФ, ТК РФ, ЛК РФ, ВК РФ.

		7. Содержание некоторых принципов раскрывается достаточно подробно *(новация)*. Примеры: УК РФ, УПК РФ, КАС РФ.

Для дореволюционного и раннего периода советской истории традиционным является отсутствие закрепления принципов права в текстах нормативных актов, в каком бы то ни было виде.

В советский период новационным становится то, что в качестве руководящих, базовых идей, основных начал принципы права закрепляются в тексе нормативных актов, но само слово «принцип» нигде не используется. Традиционным для этого периода становится закрепление руководящих идей отрасли в начальной части кодифицированного акта – как правило, в главе «Основные положения».

Указанная выше традиция существует и в настоящее время. В постсоветский период в интересующем нас аспекте новационным стало выделение в некоторых кодексах глав и статей, содержащих в названии слово «принцип», а также раскрытие содержания отдельных принципов.

При этом, с одной стороны, наблюдается разнообразие способов закрепления принципов в разных кодексах. С другой стороны, имеются тенденции унификации закрепления отдельных принципов (в качестве примера можно привести принцип разумного срока судопроизводства).

2. Действующие и универсальная модели закрепления принципов права в кодифицированных правовых актах[819]

Перейдем к анализу действующих моделей закрепления принципов права в кодифицированных правовых актах. Ни у российского, ни у армянского законодателя в настоящее время нет единого подхода по вопросу закрепления принципов права в нормативных правовых актах. Проанализировав кодексы Российской Федерации и Республики Армения, мы пришли к выводу, что существует несколько вариантов такого закрепления.

В плане компаративистского исследования определенную сложность всегда представляет перевод текста нормативного акта с одного языка на другой. Это

---

[819] При написании данного параграфа были использованы следующие работы автора: Демичев А.А., Илюхина В.А. К вопросу о месте закрепления принципов права в нормативных правовых актах (сравнительный анализ российского и армянского опыта) // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2019. № 2. С. 23–27; Формирование и развитие отраслей права в исторической и современной правовой реальности России: в 12-ти т. Т. 1. Теоретико-методологические аспекты образования отраслей российского права: монография / под общ. ред. Р.Л. Хачатурова. М.: Юрлитинформ, 2020. С. 250–266; Илюхина В.А. Универсальная модель закрепления принципов права в кодифицированных нормативных правовых актах (общетеоретическое исследование) // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2021. № 2. С. 31–35; Илюхина В.А. Кодифицированные правовые акты Российской Федерации и Республики Армения в ракурсе компаративистики // Правовой акт: из архаики в XXI век: материалы Первой ежегодной международной научно-практической конференции, Воронеж, 30 июня 2021 года / под ред. Ю.Н. Старилова, С.Н. Махиной. Воронеж: Воронежский государственный университет, 2021. С. 216–222; Илюхина В.А. Механизм закрепления принципов российского и армянского трудового права (сравнительно-правовой анализ) // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2022. № 4. С. 95–101; Илюхина В.А. Механизм закрепления принципов гражданского судопроизводства в законодательстве стран СНГ // Четвертые цивилистические чтения памяти профессора М.Г. Прониной: сб. материалов, Минск, 11 марта 2022 г. Минск: Академия управления при Президенте Республики Беларусь, 2022. С. 158–163; Илюхина В.А. Проблемные аспекты закрепления принципов трудового права России // Приоритетные направления развития правовой системы общества: материалы IX Международной научно-практической конференции (Гомель, 12–13 мая 2022 г.): в 2-х ч. Ч. 2 / редкол.: И.И. Эсмантович (гл. ред.) [и др.]. Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины, 2022. С. 9–11; Илюхина В.А. Механизм закрепления принципов гражданского процессуального права в ГПК РФ и ГПК РА (сравнительный анализ) // Вестник Нижегородского института управления. 2022. № 3 (65). С. 3–10; Илюхина В.А. Конструкция закрепления принципов трудового права в законодательстве Республики Армения // Человек и общество в противоречиях и согласии: сб. научн. тр. по материалам Международной научно-теоретической конференции. Н. Новгород: Гладкова О.В., 2022. С. 305–310; Илюхина В.А. Принципы права в национальных правовых системах Российской Федерации и Республики Армения (сравнительно-правовое исследование): монография / под ред. А.А. Демичева. М.: Директ-Медиа, 2024. С. 245–256.

касается и принципов права. Приведем пример, характерный для исследуемого предметного поля. Так, в Уголовно-процессуальном кодексе Республики Армения от 1 июля 1998 г.[820] глава 2 называется «Քրեական դատավարության սկզբունքները», что в русском переводе, сделанном как носителями языка, так и российскими переводчиками, звучит как «Принципы уголовного судопроизводства». С точки зрения сущности, это абсолютно правильный перевод, однако если перевести фразу буквально дословно, сохраняя порядок слов, то получается «Уголовного судопроизводства основы» или «Уголовного судопроизводства начала». Армянское слово «սկզբունքները» в данном контексте переводится как «принципы», но это именно контекстный перевод. Общеупотребительное, главное значение слова «սկզբունքները» – «начала», «основы».

В Уголовно-процессуальном кодексе Республики Армения от 27 июля 2021 г.[821] принципы уголовного судопроизводства закреплены в главе 3, которая носит название «Քրեական վարույթի սկզբունքները», которое можно перевести как «Принципы уголовного производства» или «Принципы уголовного процесса». Вообще, в УПК РА 2021 г. законодатель последовательно отказался от термина «судопроизводство» («դատավարության»), заменив его более широким термином «производство» («վարույթի»).

Далее, говоря о принципах армянского права, мы будем встречающийся в нормативных правовых актах Армении термин «սկզբունքները» переводить как «принципы».

Первый вариант закрепления принципов права в нормативных правовых актах – принципы права закрепляются в отдельной главе кодифицированного акта.

---

[820] См.: Уголовно-процессуальный кодекс Республики Армения от 1 сентября 1998 г. № ЗР-248 // URL: http://parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=1450&lang=rus (дата обращения: 31.01.2024).

[821] См.: Հայաստանի Հանրապետության քրեական դատավարության օրենսգիրք 27 հուլիսի 2021 թ (Уголовно-процессуальный кодекс Республики Армения от 27 июля 2021 г. № ЗР-306) // URL: https: //www.arlis.am/DocumentView.aspx?DocID=176081 (дата обращения: 1.03.2024).

Данный способ использован российским законодателем в Уголовном кодексе Российской Федерации от 13 июня 1996 г.[822], Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации от 18 декабря 2001 г.[823] и Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г.[824], а законодателем Армении – в Кодексе административного судопроизводства Республики Армения от 28 декабря 2013 г.[825], Гражданском процессуальном кодексе Республики Армения от 27 февраля 2018 г.[826], Уголовном кодексе Республики Армения от 27 мая 2021 г.[827] и Уголовно-процессуальном кодексе Республики Армения от 27 июля 2021 г.[828]

В УПК РФ глава 2 называется «Принципы уголовного судопроизводства». В действующем УПК РА глава 3 называется, как мы уже отмечали ранее, «Принципы уголовного производства» (в УПК РА от 1 сентября 1998 г. принципы закреплялись в главе 2 «Принципы уголовного судопроизводства»). Во всех случаях в названии соответствующих глав фигурирует слово «принцип», а в статьях, в них входящих, перечисляются конкретные принципы и раскрывается их содержание. Аналогичным образом армянский законодатель поступил при формулировании принципов административного судопроизводства в главе 2 КАС РА и главе ГПК РА.

---

[822] См.: Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

[823] См.: Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // СЗ РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

[824] См.: Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 1 (ч. I). Ст. 1.

[825] См.: Кодекс административного судопроизводства Республики Армения от 28 декабря 2013 г. № ЗР-139 // URL: http://parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=4837&lang=rus (дата обращения: 1.03.2024).

[826] См.: Гражданский процессуальный кодекс Республики Армения от 27 февраля 2018 г. № ЗР-110 // URL: http://www.parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=6196&lang=rus (дата обращения: 1.03.2024).

[827] См.: Уголовный кодекс Республики Армения от 27 мая 2021 г. № ЗР-199 // URL: http://www.parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=7645&lang=rus (дата обращения: 1.03.2024).

[828] См.: Հայաստանի Հանրապետության քրեական դատավարության օրենսգիրք 27 հուլիսի 2021 թ (Уголовно-процессуальный кодекс Республики Армения от 27 июля 2021 г. № ЗР-306) // URL: https: //www.arlis.am/DocumentView.aspx?DocID=176081 (дата обращения: 1.03.2024).

Наиболее удачной представляется техника закрепления (механизм закрепления) принципов права в действующем УК РА. Глава 2 этого кодекса называется «Принципы уголовного законодательства», в названии каждой из четырех входящих в нее статей используется слово «принцип»[829]. Одному принципу посвящается по одной статье, в которых раскрывается его содержание.

Более сложным и, как нам представляется, менее рациональным путем пошел российский законодатель в УК РФ и КоАП РФ. Так, в первом из названных нормативных правовых актов глава 1 называется «Задачи и принципы Уголовного кодекса Российской Федерации». Как уже следует из названия главы, не все входящие в нее статьи посвящены принципами уголовного права. Собственно принципы формулируются в ст. 3–7, а именно: законности, равенства граждан перед законом, вины, справедливости, гуманизма. Обратим внимание, что во всех названных статьях законодатель использует слово «принцип».

В КоАП РФ глава 1 называется «Задачи и принципы законодательства об административных правонарушениях». При этом отсутствует четкость в формулировании принципов внутри главы. Можно выделить только три принципа законодательства об административных правонарушениях: принцип равенства перед законом (ст. 1.4, кстати, это единственная статья в данной главе КоАП РФ, где используется слово «принцип»), принцип презумпции невиновности (ст. 1.5) и принцип обеспечения законности при применении мер административного принуждения в связи с административным правонарушением (ст. 1.6).

Второй вариант закрепления принципов права в нормативных правовых актах – принципы права закрепляются в отдельной статье закона.

Этот вариант является в настоящее время самым распространенным и в законодательстве России, и в законодательстве Армении. В России он имеет место в Уголовно-исполнительном кодексе Российской Федерации от 8 января

[829] Ст. 4 УК РА называется «Принцип законности», ст. 5 – «Принцип личной ответственности», ст. 6 – «Принцип ответственности за вину» и ст. 7 – «Принцип справедливости и индивидуализации ответственности».

1997 г.[830], Земельном кодексе Российской Федерации от 25 октября 2001 г.[831], Трудовом кодексе Российской Федерации от 30 декабря 2001 г.[832], Градостроительном кодексе Российской Федерации от 29 декабря 2004 г.[833], Лесном кодексе Российской Федерации от 4 декабря 2006 г.[834], Водном кодексе Российской Федерации от 3 июня 2006 г.[835], Кодексе административного судопроизводства Российской Федерации от 8 марта 2015 г.[836], в Армении – в Гражданском кодексе Республики Армения от 28 июля 1998 г.[837], Водном кодексе Республики Армения от 29 июня 2002 г.[838], Семейном кодексе Республики Армения от 8 декабря 2004 г.[839], Трудовом кодексе Республики Армения от 14 декабря 2004 г.[840] и Уголовно-исполнительном кодексе Республики Армения от 18 января 2005 г.[841]

В рамках такого варианта закрепления принципов права в кодексах можно выделить четыре подварианта:

1) в статье через запятую перечисляются принципы без последующего их раскрытия.

---

[830] См.: Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 8 января 1997 г. № 1-ФЗ // СЗ РФ. 1997. № 2. Ст. 198.

[831] См.: Земельный кодекс Российской Федерации от 25 октября 2001 г. № 136-ФЗ // СЗ РФ. 2001. № 44. Ст. 4147.

[832] См.: Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 1 (ч. I). Ст. 3.

[833] См.: Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 2004 г. № 190-ФЗ // СЗ РФ. 2005. № 1 (ч. I). Ст. 16.

[834] См.: Лесной кодекс Российской Федерации от 4 декабря 2006 г. № 200-ФЗ // СЗ РФ. 2006. № 50. Ст. 5278.

[835] См.: Водный кодекс Российской Федерации от 3 июня 2006 г. № 74-ФЗ // СЗ РФ. 2006. № 23. Ст. 2381.

[836] См.: Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 8 марта 2015 г. № 21-ФЗ // СЗ РФ. 2015. № 10. Ст. 1391.

[837] См.: Гражданский кодекс Республики Армения от 28 июля 1998 г. № ЗР-239 // URL: http://parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=1556&lang=rus (дата обращения: 1.03.2024).

[838] См.: Водный кодекс Республики Армения от 29 июня 2002 г. № ЗР-373 // URL: http://parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=1310&lang=rus (дата обращения: 1.03.2024).

[839] См.: Семейный кодекс Республики Армения от 8 декабря 2004 г. № ЗР-123 // URL: http://parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=2124&lang=rus (дата обращения: 1.03.2024).

[840] См.: Трудовой кодекс Республики Армения от 14 декабря 2004 г. № ЗР-124 // URL: http://parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=2131&lang=rus (дата обращения: 1.03.2024).

[841] См.: Уголовно-исполнительный кодекс Республики Армения от 18 января 2005 г. № ЗР-60 // URL: http://parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=2256&lang=rus (дата обращения: 1.03.2024).

Примером может служить ст. 8 «Принципы уголовно-исполнительного законодательства Российской Федерации» УИК РФ, закрепляющая семь принципов уголовно-исполнительного законодательства, а также ст. 5 «Основные принципы управления, использования и охраны водных ресурсов и водных систем» ВК РА, в которой перечислено двадцать четыре принципа соответствующих принципа.

В ч. 1 ст. 3 «Принципы гражданского законодательства» ГК РА перечисляется семь принципов гражданского законодательства. Правда, при толковании ст. 3 ГК РА возникают некоторые сложности. Дело в том, что в названии всей статьи имеется слово «принципы», в ее ч. 1 содержится формулировка «Гражданское законодательство основывается на принципах…». В связи с этим возникает вопрос, можно ли в качестве принципов гражданского законодательства рассматриваться положения ч. 2 и 3 ст. 3 ГК РА, которые не упоминаются в ч. 1 этой статьи и при формулировании которых не используется слово «принцип»?

2) в одной статье через запятую перечисляются принципы, а в следующих статьях последовательно раскрывается их содержание.

Примером может служить КАС РФ и УИК РА. В ст. 6 «Принципы административного судопроизводства» КАС РФ перечисляются принципы административного судопроизводства, а в статьях ст. 7–14 раскрывается их содержание. В ст. 5 «Принципы уголовно-исполнительного законодательства» УИК РА перечисляются соответствующие принципы, а в ряде последующих статей (ст. 6–10) их содержание раскрывается;

3) принципы перечисляются в одной статье, каждому принципу посвящается отдельный абзац, пункт или часть, но содержание принципов не раскрывается. Так, в ГрК РФ в ст. 2 «Основные принципы законодательства о градостроительной деятельности» в отдельных пунктах статьи закрепляется 13 принципов. В ст. 1 «Основные принципы лесного законодательства» ЛК РФ в 11-ти пунктах перечисляются 11 принципов лесного законодательства. В ч. 1 ст. 3 «Принципы трудового законодательства» ТК РА в 10-ти пунктах

закрепляется 10 принципов трудового законодательства Армении. В пяти частях ст. 1 «Основные принципы семейного законодательства» СК РА закрепляется пять принципов. При этом во втором абзаце ч. 1 и втором абзаце ч. 5 дается определенный комментарий к предыдущим абзацам, не являющийся раскрытием содержания самого приведенного принципа.

4) принципы перечисляются в одной статье, каждому принципу посвящается отдельный абзац, пункт или часть и при этом раскрывается содержание каждого принципа. Этот способ закрепления принципов имеется в водном и земельном законодательстве России. Так, в 16-ти пунктах ст. 3 «Основные принципы водного законодательства» ВК РФ указывается 16 принципов водного законодательства и раскрывается их содержание. В ч. 1 ст. 1 «Основные принципы земельного законодательства» ЗК РФ в отдельных пунктах сформулировано 11 принципов, содержание которых раскрывается. Кроме того, в абз. 2 п. 11 дополнительно формулируются еще два принципа – «принцип разграничения действия норм гражданского законодательства и норм земельного законодательства в части регулирования отношений по использованию земель, а также принцип государственного регулирования приватизации земли». Названные принципы только декларируются без раскрытия их содержания.

Специфический способ закрепления принципов права применяется в ТК РФ. В ч. 1 ст. 2 «Основные принципы правового регулирования трудовых отношений и иных непосредственно связанных с ними отношений» перечисляется 20 принципов. В абз. 3 ст. 2 качестве названо сращу два принципа: запрещения принудительного труда и запрещения дискриминации в сфере труда». Однако в ст. 3 подробно регламентируется вопросы запрещения дискриминации в сфере труда, а в ст. 4 – запрещения принудительного труда. Несомненно, эти проблемы весьма важны в современных трудовых правоотношениях, однако в таком случае остается неясным, почему законодатель в абз. 3 ст. 2 объединил их, а в последующем рассмотрел в отдельных статьях (ст. 3 и 4). Также остается непонятным, почему остальным принципам в последующем изложении текста

нормативного акта не было уделено внимания. Наконец, отметим еще одну особенность закрепления принципов в ст. 2 ТК РФ. Она заключается в том, что в ряде случаев законодатель предпринял попытку их конкретизации путем использования такой формулировки, как «включая…» (абз. 2, 5, 9, 17 ст. 2 ТК РФ) и «включающее» (абз. 12 ст. 2 ТК РФ). Сам по себе данный технико-юридический прием вполне приемлем, однако он должен применяться продуманно и комплексно ко всем принципам, закрепленным в статье кодифицированного акта.

Третий вариант закрепления принципов права в нормативных правовых актах – отсутствует структурный элемент, в названии которого используется термин «принципы».

В рамках данного варианта можно выделить два подварианта.

1) в тексте отсутствует структурный элемент с названием «принципы», однако ряд базовых положений соответствующей отрасли закреплен в статьях, находящихся в первом разделе кодекса «Общие положения». Такой подход имеется в части первой Гражданского кодекса Российской Федерации 30 ноября 1994 г.[842], Семейном кодексе Российской Федерации от 29 декабря 1995 г.[843], Арбитражном процессуальном кодексе Российской Федерации от 24 июля 2002 г.[844], Гражданском процессуальном кодексе Российской Федерации от 14 ноября 2002 г.[845], Жилищном кодексе Российской Федерации от 20 декабря

[842] См.: Гражданский кодекс Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (Часть первая) // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
[843] См.: Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 16.
[844] См.: Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3012.
[845] См.: Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.

2004 г.[846], Кодексе Республики Армения о недрах от 17 декабря 2011 г.[847], Избирательном кодексе Республики Армения от 28 мая 2016 г.[848]

В ГК РФ в разделе 1 «Общие положения» в подразделе 1 «Основные положения» в главе 1 «Гражданское законодательство» в ч. 1 ст. 1 «Основные начала гражданского законодательства» без использования слова «принципы» законодатель изложил основополагающие идеи гражданского законодательства: равенство участников гражданско-правовых отношений, неприкосновенность собственности, свобода договора, недопустимость произвольного вмешательства кого-либо в частные дела, необходимость беспрепятственного осуществления гражданских прав, обеспечения восстановления нарушенных прав, их судебной защиты. Е.Г. Комиссарова, в докторской диссертации попыталась разграничить понятия «основные начала» и «принципы права», однако это привело ее к выводам, что «основные начала» – это явление общественного сознания, а правовые принципы – явление нормативно-правовой действительности. При этом нормативные гражданско-правовые принципы были признаны неоднородными и среди них были выделены две группы: 1) заглавные для всей сферы отраслевого регулирования в виде основных начал гражданского законодательства и 2) иные гражданско-правовые принципы (или субпринципы)[849]. Такая искуственная дифференциация основных начал и принципов права с дальнейшим разделением последних на заглавные и субпринципы, несомненно, обладает новизной, но новизной из разряда «излишне плодящихся сущностей», не приводящией к достижению практической пользы.

---

[846] См.: Жилищный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 2004 г. № 188-ФЗ // СЗ РФ. 2005. № 1 (ч. I). Ст. 14.

[847] См.: Кодекс Республики Армения о недрах от 17 декабря 2011 г. № ЗР-280 // URL: http://parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=4343&lang=rus (дата обращения: 1.03.2024).

[848] См.: Конституционный закон Республики Армения. Избирательный кодекс Республики Армения от 28 мая 2016 г. № ЗР-54 // URL: http://parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=5479&lang=rus (дата обращения: 1.03.2024).

[849] См.: Комиссарова Е.Г. Принципы в праве и основные начала гражданского законодательства: дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2002. С. 3–20.

В СК РФ в разделе 1 «Общие положения» в главе 1 «Семейное законодательство» основные идеи, лежащие в основе семейного законодательства, закреплены в ст. 1 «Основные начала семейного законодательства». Всего в четырех частях данной статьи нашли выражение семь принципов семейного законодательства.

Достаточно сложная ситуация наблюдается с определением принципов арбитражного процессуального и гражданского процессуального права России. В АПК РФ и ГПК РФ первые разделы, аналогично ГК РФ и СК РФ, называются «Общие положения». Первые главы в АПК РФ и ГПК РФ также называются идентично – «Основные положения». Ряд статей этих глав содержит положения, являющиеся по своей сути принципами соответствующих отраслей права.

В Избирательном кодексе Республики Армения в разделе 1 «Общие положения» имеется глава 1 «Основные положения». Понятие «принцип» здесь не фигурирует, но статьи из этой главы содержат некие основополагающие идеи избирательного права Армении (общее, равное, свободное, прямое, избирательное право, конфиденциальность голосования, обязательность и периодичность выборов, публичность выборов), которые и являются принципами избирательного права.

В главе 1 «Общие положения» Кодексе Республики Армения о недрах от 17 декабря 2011 г. можно также выделить несколько принципов права. В качестве примера можно привести принцип гласности деятельности, связанной с использованием недр (ст. 9) и принцип платности недропользования (ст. 10);

2) принципы права не закреплены, в каком бы то ни было виде. Если в приведенных выше нормативных актах России и Армении положения, которые не называются принципами права, но являются таковыми, как по сущности, так и по месту, занимаемому в документе, закреплены в тексте кодекса, то существуют и кодексы, в которых принципы права не закреплены в каком бы то ни было виде. Примером могут служить Кодекс об административных

правонарушениях Республики Армения от 6 декабря 1985 г.[850] (этот документ, принятый еще в советский период армянской истории, продолжает с изменениями и дополнениями действовать и в настоящее время), Воздушный кодекс Российской Федерации от 19 марта 1997 г.[851], Налоговый кодекс Российской Федерации (Часть 1) от 31 июля 1998 г.[852], Земельный кодекс Республики Армения от 4 июня 2001 г.[853], Лесной кодекс Республики Армения от 26 ноября 2005 г.[854]

Не вполне ясная ситуация имеет место с закреплением принципов российского бюджетного законодательства – в преамбуле к Бюджетному кодексу Российской Федерации от 31 июля 1998 г.[855] отмечается, что в нем устанавливаются «общие принципы бюджетного законодательства Российской Федерации», однако как таковых принципов именно законодательства там нет. Гл. 5 БК РФ посвящена принципам бюджетной системы РФ (принципы и перечисляются, и подробно раскрывается их содержание). При этом следует понимать, что принципы бюджетного законодательства и принципы бюджетной системы – далеко не одно и то же.

Сложной нам представляется ситуация и с закреплением принципов армянского налогового законодательства. В Налоговом кодексе Республики Армения от 1 ноября 2016 г.[856] ст. 3 называется «Принципы налоговой системы Республики Армения». С одной стороны, формально принципы налоговой системы и принципы правового регулирования налоговых отношений – не одно и

---

[850] См.: Кодекс об административных правонарушениях Республики Армения от 6 декабря 1985 г. // URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=77148 (дата обращения: 1.03.2024).

[851] См.: Воздушный кодекс Российской Федерации от 19 марта 1997 г. № 60-ФЗ // СЗ РФ. 1997. № 12. Ст. 1383.

[852] См.: Налоговый кодекс Российской Федерации (Часть 1) от 31 июля 1998 г. // СЗ РФ. 1998. № 31. Ст. 3824.

[853] См.: Земельный кодекс Республики Армения от 4 июня 2001 г. № ЗР-185 // http://parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=1361&lang=rus (дата обращения: 1.03.2024).

[854] См.: Лесной кодекс Республики Армения от 26 ноября 2005 г. № ЗР-211 // URL: http://parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=2423&lang=rus (дата обращения: 1.03.2024).

[855] См.: Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31 июля 1998 г. № 145-ФЗ // СЗ РФ. 1998. № 31. Ст. 3823.

[856] См.: Налоговый кодекс Республики Армения от 1 ноября 2016 г. № ЗР-165 // URL: http://parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=5600&lang=rus (дата обращения: 1.03.2024).

то же. Однако анализ положений указанной статьи позволяет утверждать, что речь идет в ней не только о принципах налоговой системы Армении, но и, отчасти, о принципах правового регулирования налоговых отношений. Всего в ст. 3 НК РА названо 14 принципов налоговой системы с кратким раскрытием содержания каждого, а именно: 1) ясность и четкость; 2) консолидация; 3) равенство; 4) отсутствие дискриминации; 5) всеобщая обязательность; 6) прозрачность и отчетность; 7) самодекларирование и налоговая дисциплина; 8) уравновешенность налогового администрирования; 9) неизбежность ответственности; 10) соразмерность ответственности; 11) плюрализм и гласность; 12) актуальность; 13) конкурентоспособность; 14) эффективность.

Учитывая маркированность законодателем перечисленных в ст. 3 НК РА принципов именно в качестве принципов налоговой системы Армении, мы полагаем, что рассматривать их как принципы правового регулирования налоговых отношений, как принципы налогового права Республики Армения будет не совсем корректным.

Императивность, конкретность и понятность формулировок – это черты, которыми должны обладать принципы права. Соответственно, принципы права необходимо закреплять в текстах нормативных правовых актов так, чтобы их содержание, значение и роль в правовом регулировании были понятны не только законодателю, но и правоприменителю, и всем субъектам правоотношений. Следовательно, наличие того или иного принципа не должно быть дискуссионным – на каждый принцип необходимо прямое указание в тексте закона. И уж тем более те или иные принципы не могут выводиться субъектами толкования (законодателем, судебными инстанциями, учеными и пр.) из содержания нормативных актов.

Как мы установили ранее, в российском и армянском законодательстве отсутствует единый подход к закреплению принципов права. Это касается не только способа закрепления, но и содержания принципов.

Вряд ли у кого-то вызывает сомнение, что не достаточно просто закрепить принцип права в тексте кодифицированного акта, но и необходимо донести его

смыл, раскрыть содержание до субъектов, которым адресованы соответствующие нормы. Отсюда вытекает, что изложение содержания принципов права также чрезвычайно важно. К сожалению, в этом плане в российском и армянском законодательстве ситуация весьма неоднозначная.

Раскрывается содержания принципов в АПК РФ, ГПК РФ, УПК РФ, КАС РФ, УК РФ, КоАП РФ, УИК РА, КАС РА, ГПК РА, УПК РА, УК РА. Здесь законодатель идет по верному, на наш взгляд, пути: один принцип изложен в одной статье нормативного акта. В ЗК РФ и ВК РФ, поскольку принципам посвящена только одна статья (ст. 1 ЗК РФ, ст. 3 ВК РФ), содержание каждого принципа раскрывается в отдельном пункте статьи (ст. 3 ВК РФ) или части статьи (ч. 1 ст. 1 ВК РФ).

Наиболее подробно раскрытие содержания принципов права имеет место в КоАП РФ, УК РА и процессуальном законодательстве России и Армении. В ГК РФ раскрывается содержание отдельных принципов (например, принципа свободы договора), однако большинство только называется. В ТК РФ, как мы отмечали в предыдущем параграфе, законодатель специфическим образом отнесся к закреплению формы и содержания принципов правового регулирования трудовых отношений. Просто перечисляются принципы в СК РФ, ЛК РФ, ЖК РФ, УИК РФ, ГрК РФ, ГК РА.

Отметим еще одну важную, по нашему мнению, особенность закрепления принципа права в российском и армянском законодательстве: отсутствие единообразия изложения (это касается и формулировок, и полноты раскрытия) одного и того же принципа в нормативных правовых актах. В первую очередь, это касается процессуального законодательства. Естественно, в разных отраслях какой-либо принцип может приобретать определенную специфику, но некое единообразие должно присутствовать.

Вызывает недоумение, почему, например, принцип разумного срока судопроизводства, одновременно закрепленный в 2010 г. в УПК РФ, АПК РФ и ГПК РФ, а также изначально введенный в КАС РФ при его принятии в 2013 г., при содержательной идентичности имеет текстуальные различия редакционного и

структурного характера: в одних случаях говорится о разумном сроке, в других – о разумных сроках и т.д.; в соответствующих статьях разных нормативных актов имеется от семи до девяти статей. Вызывает большие сомнения то, что эти различия вызваны спецификой конкретных отраслей права. Скорее всего, никто просто и не пытался унифицировать содержание принципа разумного срока судопроизводства или, хотя бы, провести согласование с коллегами-разработчиками аналогичных нормативных актов. Отметим, что в армянском процессуальном праве в плане принципа разумного срока имеет место аналогичная ситуация несогласованности норм КАС РА, ГПК РА и УПК РА.

Рассмотрим еще одну проблему, касающуюся закрепления принципов права в кодифицированных актах России и Армении. В одних кодексах структурные элементы, в которых закрепляются принципы права, называются «Принципы …» (напр., ГК РА, КАС РФ, КАС РА, ТК РА, УПК РФ, УПК РА и др.), в других – «Основные принципы …» (напр., ВК РФ, ВК РА, ГрК РФ, ЗК РФ, ЛК РФ, ТК РФ и др.) или «Основные начала …» (напр., ГК РФ, ЖК РФ, СК РФ, СК РА и др.). В связи с этим возникает вопрос, какая из этих конструкций более адекватно отражает правовую реальность и насколько эффективно использование их в плане правоприменения.

Как мы уже неоднократно отмечали в данной работе, независимо от того, продублированы или нет общеправовые принципы в отраслевом законодательстве, они являются принципами каждой отрасли национального права. При этом ни в одном кодифицированном акте Российской Федерации и Республики Армения общеправовые принципы не продублированы в полном объеме (см. Таблицы 2–9). Поэтому юридически более точно говорить в кодексах об «основных принципах» либо, что представляется нам оптимальным, дублировать все общеправовые принципы в отраслевых кодифицированных актах (в этом случае нужна формулировка не «основные принципы», а «принципы». Некоторые авторы считают бессмысленных дублирование общеправовых

принципов в отраслевом законодательстве[857]. С таким подходом мы согласиться не можем хотя бы по той причине, что правоприменителю должно быть удобно пользоваться нормативным правовым актом в своей деятельности – «все должно быть под рукой».

Отметим, что по конструкции закрепления в ряде случаев, хотя и используется сочетание «основные принципы», перечень принципов является закрытым. Так, в ст. 2 ГрК РФ, ст. 3 ВК РФ, ст. 5 ВК РА, ст. 1 ЛК РФ перечисляются не «основные», а «обычные» принципы соответствующей сферы регулирования общественных отношений, отрасли права, законодательства. Кроме того, не предусматривается, что, кроме названных принципов, существуют какие-либо еще принципы.

Иная ситуация имеет место в ЗК РФ. Так, в ч. 1 ст. 1 указанного нормативного акта перечисляются принципы земельного законодательства[858], а в ч. 2 той же статьи содержится положение, что «Федеральными законами могут быть установлены и другие принципы земельного законодательства, не противоречащие установленным пунктом 1 настоящей статьи принципам». Таким образом, перечень принципов земельного законодательства здесь является открытым. Однако, насколько нам известно, в Российской Федерации нет ни одного федерального закона, в котором бы формулировались принципы земельного права, не названные в ч. 1 ст. 1 ЗК РФ. Рассматривая классификацию принципов трудового права России и Армении в гл. 3 данной работы, мы пришли к выводу, что «иные» принципы могут быть закреплены только в Конституциях. Этот же вывод можно распространить и на все прочие отрасли права.

Исходя из всего изложенного ранее в данном параграфе, в конечном итоге мы приходим к выводу, что в Российской Федерации и Республике Армения

---

[857] См.: Сивицкий В.А., Ильин А.В. Принципы правового регулирования в структуре федерального закона: монография. М.: Юстицинформ, 2021. С. 68, 207, 226.

[858] Обратим внимание, что ст. 1 ЗК РФ называется «Основные принципы земельного законодательства», но ч. 1 названной статьи выглядит следующим образом: «Настоящий Кодекс и изданные в соответствии с ним иные акты земельного законодательства основываются на следующих принципах: …», т.е. законодатель перечисляет не основные принципы, а просто принципы.

в целях повышения эффективности правоприменения и с учетом значимости принципов позитивного права в правовом регулировании общественных отношений, необходима унификация закрепления принципов права в текстах кодифицированных актов.

Итогом унификации должно стать использование общей универсальной модели закрепления принципов права во всех отраслевых кодексах – модели, синтезирующей новационные моменты из ныне действующих кодексов.

Унификация, по нашему мнению, должна идти в двух основных направлениях:

1) нормативная конкретизация принципов, проявляющая в единообразном наименовании глав и статей с использованием слова «принцип» и

2) содержательная конкретизация, проявляющаяся в однотипном раскрытии содержания принципов и идентичности содержания одних и тех же принципов в разных кодифицированных актах.

Полагаем, что *модельное (типовое) закрепление принципов права в кодифицированном акте должно содержать следующие элементы:*

– название главы с использованием слова «принципы». Как мы обосновали в первой главе нашего исследования, наиболее оптимальной нам представляется формулировка «принципы правового регулирования…» либо, как менее удачный, но допустимый вариант «принципы законодательства. Соответственно оптимальной нам представляются такие формулировки: «Принципы семейного (трудового, уголовного и т.д.) законодательства» либо «Принципы правового регулирования семейных (трудовых, уголовных и т.д.) отношений». В любом случае указанная глава кодифицированного акта должна располагаться в разделе «Общие положения»;

– название каждой статьи, входящей в соответствующую главу, с использованием слова «принцип» (например, «Принцип законности», «Принцип состязательности сторон», «Принцип добросовестности сторон», «Принцип добровольности брачного союза мужчины и женщины», «Принцип неприкосновенности частной жизни», «Принцип приоритета семейного

воспитания детей, заботы об их благосостоянии и развитии» и т.д.). При этом законодатель должен придерживаться правила: «одна статья – один принцип»;

– дублирование конституционных принципов, лежащих в основе отрасли права, в кодифицированном отраслевом кодексе. Это касается и общеправовых принципов, и специфических отраслевых принципов, закрепленных на конституционном уровне;

– изложение принципов права в единообразном порядке для всех кодексов: сначала закрепляются (дублируются) конституционные принципы (сначала – общеправовые, потом остальные конституционные принципы), далее – межотраслевые принципы, не нашедшие места в Конституции, потом – специфические отраслевые принципы (конституционные и не закрепленные в Конституции;

– раскрытия содержания принципа права в каждой статье. Оно должно быть в меру подробным, отражать сущность принципа, а не представлять собой перефразирование его названия, но при этом являться лаконичным. Как верно отмечают В.А. Сивицкий и А.В. Ильин, раскрытие содержания принципа позволит применить его «напрямую, непосредственно при разрешении правовых коллизий, когда имеющихся в законе других норм для этого будет недостаточно»[859]. При этом, по нашему мнению, содержание одного и того же принципа в разных кодексах должно быть либо идентичным, либо аналогичным с учетом конкретизации специфики отрасли права.

[859] Сивицкий В.А., Ильин А.В. Принципы правового регулирования в структуре федерального закона: монография. М.: Юстицинформ, 2021. С. 99.

3. Проблемы закрепления принципов права в некодифицированных отраслях права[860]

В научной литературе достаточно много внимания уделяется принципам кодифицированных отраслей права[861]. При этом позиции отдельных ученых могут различаться по поводу количества и сущности отдельных принципов, но в целом они сходятся в том, что принципы права находят нормативное выражение в Конституции и/или в кодифицированных правовых актах. Однако с выделением принципов некодифицированных отраслей права возникает целый комплекс проблем. Их выявлению и, отчасти, определению путей решения и посвящен данный параграф.

В Конституции РФ и Конституции РА нашли закрепление как общеправовые, так отраслевые и межотраслевые принципы права. Акцентируем внимание на двух уже ранее отмеченных нами в данной работе моментах:

---

[860] При написании данного параграфа были использованы следующие работы автора: Илюхина В.А. Проблемные аспекты выделения принципов некодифицированных отраслей права // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2022. № 4. С. 5–15; Илюхина В.А. Принципы права в национальных правовых системах Российской Федерации и Республики Армения (сравнительно-правовое исследование): монография / под ред. А.А. Демичева. М.: Директ-Медиа, 2024. С. 256–267.

[861] См., напр., Фурсов Д.А. Предмет, система и основные принципы арбитражного процессуального права (проблемы теории и практики): монография. М.: ИНФРА-М, 1999; Дмитриева И.К. Принципы российского трудового права: монография. М.: Цифровичок, 2004; Демичев А.А. К вопросу о принципах гражданского процессуального, арбитражного процессуального и исполнительного права // Вестник Российской правовой академии. 2005. № 2. С. 32–35; Воронов А.Ф. Принципы гражданского процесса: прошлое, настоящее, будущее. М.: Издательский дом «Городец», 2009; Смирнов Д.А. Принципы российского налогового права: понятие, формирование, реализация. М.: Юрлитинформ, 2011; Сабитов Т.Р. Уголовно-правовые принципы: методы познания, сущность и содержание. М.: Юрлитинформ, 2012; Пилипенко А.А. Принципы финансового права России. М.: Юрлитинформ, 2013; Рыженков А.Я. Основные начала (принципы) российского гражданского законодательства и смежных отраслей права. М.: Юрлитинформ, 2015; Принципы российского уголовного судопроизводства: содержание и проблемы реализации / под ред. Н.Г. Мановой. М.: Юрлитинформ, 2019; Мазуренко С.В. Природа и классификация принципов российского трудового права: дис. … канд. юрид. наук. М., 2020; Рыженков А.Я. Принципы семейного права. М.: Юрлитинформ, 2021; .Плотников Д.А. Принципы гражданского и административного судопроизводства: сравнительно-правовое исследование: учебное пособие. М.: Проспект, 2022 и др.

1) общеправовые принципы в силу их специфики действуют во всех сферах общественных отношений, во всех отраслях права;

2) в Конституциях закреплены отраслевые и межотраслевые принципы как кодифицированных, так и некодифицированных отраслей.

По большому счету для Основного закона нет разницы, в каких отраслях права действуют закрепленные в нем принципы – важно, что общественные отношения урегулированы конституционными нормами-принципами. И, по сути, в этом контексте совершенно не имеет значения, к каким отраслям права на уровне доктрины будут отнесены те или иные нормы-принципы. Нормы права объективны, а вот деление права на отрасли – доктринально и, хотя и отражает некие реалии, все же, субъективно. То, что один ученый считает какое-то правовое образование отраслью права, а другой таковой ее не считает, никоим образом не влияет на эффективность правового регулирования в конкретной сфере общественных отношений. В этом контексте некоторые сомнения ряда автором в целесообразности деления права на отрасли не выглядят совершенно беспочвенными[862]. Тем не менее, по нашему мнению, представления об отраслевом строении права вовсе не устарели. Это деление имеет значение для правотворческой деятельности и в образовательном процессе. Что касается правоприменения, то для него более важно, чтобы соответствующие нормы права успешно реализовывались, а не то, к какой отрасли права их относит тот или иной ученый.

Как мы проанализировали в предыдущем параграфе, в российской и армянской практике в настоящее время существует несколько моделей закрепления принципов права в текстах кодифицированных актов. Не вдаваясь в детали, отметим, что в любом случае принципы закреплены в кодексах не хаотично, а сконцентрированы в начальной их части и маркированы особым образом (оптимальный вариант – использование слова «принцип» в названии глав

[862] См.: Тонков Е.Е., Синенко В.С. Комплексные отрасли права: плодотворная идея или отказ от формальной определенности в правовой науке? // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2016. № 2 (25). С. 56–57.

и статей, а также в самом их тексте). Соответственно, мы не разделяем позицию авторов, полагающих, что принцип может быть расположен в любой части нормативного акта или может быть не прямо сформулирован в тексте, а выведен учеными путем толкования нормативного правового акта. Например, В.А. Сивицкий и А.В. Ильин полагают, что принципы могут быть расположены в любой части нормативного правового акта, включая преамбулу, могут находиться в статье с кратким описанием сущности или детальной конкретизацией, «а равно и не получить отражения в конкретной статье, отражаясь во всех или в части правовых норм данного нормативного правового акта»[863].

В первом случае выделение «принципов» по всему тексту не согласуется с замыслом законодателя, маркировавшего основные идеи в соответствующих главах и/или статьях. Во втором случае мы имеем дело с доктринальной интерпретацией, толкованием, но не с четко выраженной волей законодателя.

Значительно более сложная ситуация складывается, когда речь идет о некодифицированных отраслях права. Здесь возникает целый комплекс проблем, связанных с выделением принципов права соответствующей отрасли.

Первая проблема заключается в том, какие правовые образования относятся к некодифицированным отраслям права. В последние два десятилетия в научной среде активно идет процесс обоснования существования новых отраслей права. По нашему мнению, формирование новых правовых образований, в том числе и отраслей права, носит объективный характер, связанный с необходимостью урегулирования общественных отношений, возникших после распада СССР и возникающих в связи с изменениями, происходящими в обществе. Однако выделение отраслей права на уровне доктрины во многих случаях субъективно и связано не только с методологической позицией ученого, но и с желанием любой ценой внести «вклад в науку». Ничем иным как такими обстоятельствами невозможно объяснить то, что в настоящее время предпринята попытка

---

[863] См.: Сивицкий В.А., Ильин А.В. Принципы правового регулирования в структуре федерального закона: монография. М.: Юстицинформ, 2021. С. 40.

обоснования самостоятельности порядка девяноста отраслей российского права, в том числе артистического права, аптечного права, модного права, музейного права, футбольного права и т.п.[864]

Следовательно, если мы хотим выделить принципы некодифицированных отраслей права, необходимо определиться, какие правовые образования являются отраслями права, а какие – нет. Вопрос этот чрезвычайно дискуссионный в настоящее время и рассмотрение его в рамках данного исследования в наши задачи не входит. Если отбросить в сторону откровенно надуманные «отрасли» (некоторые из них были названы в предыдущем абзаце), то, по нашему мнению, в настоящее время не кодифицированы, как правило, комплексные отрасли, характеризующиеся большим объемом и разнородностью материала, и молодые, активно развивающиеся отрасли, которые пока еще не кодифицированы, но в перспективе теоретически это возможно. Вопрос о перспективных и молодых отраслях чрезвычайно дискуссионный и в этой работе мы его рассматривать не будем.

Остановимся на комплексных отраслях права. В научной литературе и здесь нет единства. Многие ученые отрицают существование комплексных отраслей права, признавая наличие только комплексных отраслей законодательства. Если исходить из позитивистского правопонимания, то право не может существовать вне его форм. Основной формой права в романо-германской правовой семье, как известно, является нормативный правовой акт. Таким образом, отрасль права объективируется в законодательстве. Для правоприменителя, как мы уже отмечали ранее, важно именно законодательное закрепление тех или иных норм, а не представление ученых о системе права. Однако ставить знак равенства между системой права и системой законодательства нельзя вследствие того, что эти понятия представляют собой разнопорядковые явления: выделение отраслей права лежит в сфере правосознания, а система законодательства – в сфере

---

[864] См.: Формирование и развитие отраслей права в исторической и современной правовой реальности России: в 12-ти т. Т. 1. Теоретико-методологические аспекты образования отраслей российского права: монография /под общ. ред. Р.Л. Хачатурова. М.: Юрлитинформ, 2020. С. 5.

собственно права; первое во многом субъективно, второе – во многом объективно. Учитывая, названные обстоятельства, мы не видим препятствий к использованию в научной литературе категории «комплексная отрасль права».

В настоящее время выделяют несколько комплексных некодифицированных отраслей права: экологическое, предпринимательское, муниципальное, медицинское, транспортное и другие. Но, наверное, среди подобного рода правовых образований экологическое право – это единственная отрасль российского права, самостоятельность которой практически ни у кого не вызывает сомнений. При этом те ученые, для кого самостоятельность и комплексность – не противоречащие друг другу понятия, считают экологическое право самостоятельной комплексной отраслью. Мы разделяем именно эту позиции. Однако для нас в контексте настоящего исследования важным является не спор о характере и месте экологического права в системе права, а то, что это самостоятельная отрасль и то, что она не кодифицирована.

На сегодняшний день имеется, как минимум, две серьезные монографии, посвященные принципам экологического права[865], а также огромное количество работ этих и других авторов, в которых исследуются отдельные принципы экологического права. В силу указанных обстоятельств представляется нецелесообразным в настоящем исследовании пытаться охарактеризовать систему принципов экологического права и проанализировать содержание принципов, а вот выявить ряд основных проблем в этой сфере, на наш взгляд, вполне реально.

Так как экологическое право не кодифицировано, то неэффективными являются критерии распознавания принципов права, свойственные кодифицированным отраслям. Раз нет кодифицированного акта, то возникает несколько взаимосвязанных проблем:

– в каких нормативных правовых актах закреплены принципы экологического права (в кодифицированных отраслях права – в соответствующем кодексе, а в экологическом праве – где?);

---

[865] См.: Бринчук М.М. Принципы экологического права: монография. М.: Юрлитинформ, 2013; Рыженков А.Я. Принципы экологического права: монография. М.: Юрлитинформ, 2018.

– можно ли рассматривать как принципы всей отрасли экологического права принципы, которые закреплены в Федеральном законе от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды»[866];

– можно ли рассматривать в качестве принципов экологического права принципы, которые закреплены в ЛК РФ, ВК РФ и т.д.;

– существует ли (и должна ли вообще существовать) иерархия принципов экологического права, если должна, то где и каким образом эта иерархия должна быть закреплена,

– как соотносятся между собой принципы, закрепленные в ФЗ «Об охране окружающей среды» с принципами, закрепленными в других нормативных правовых актах.

Как мы отмечали ранее, в любой отрасли права действуют общеправовые принципы, которые закреплены на конституционном уровне. Экологическое право здесь не исключение.

Вряд ли у кого вызывает сомнение, что ФЗ «Об охране окружающей среды» является в настоящий момент базовым, основополагающим в сфере регулирования отношений в экологической сфере. Ст. 3 «Основные принципы охраны окружающей среды» названного закона, несмотря на название, устанавливает не только собственно принципы охраны окружающей среды, но и принципы взаимодействия человека, общества и природы, а также принципы природопользования. В научной литературе верно отмечается, что «в данном законе принципы охраны окружающей среды идентичны принципам экологического права»[867].

Всего в ст. 3 ФЗ «Об охране окружающей среды» прямо перечислено 24 принципа экологического права. В связи с этим вызывает недоумение высказывание В.А. Виноградова и Л.В. Солдатовой, что «препятствиями на пути реализации принципов охраны окружающей среды в правоприменительной

---

[866] См.: Федеральный закон от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» // СЗ РФ. 2002. № 2. Ст. 133.

[867] Гиззатуллин Р.Х., Мусина З.Р. Принципы экологического права // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2019. № 9–1. С. 158.

деятельности являются отсутствие законодательного закрепления принципов права…»[868].

Научная дискуссионность системы экологического права приводит к существенной разнице во взглядах на принципы экологического права. Причем если в содержательном плане практически все принципы более-менее характеризуются одинаково с некоторыми нюансами и степенью подробности, то подходы к их системе обусловливаются позициями, касающимися системы экологического права.

Традиционное для российского правоведения деление принципов права на общеправовые, межотраслевые и отраслевые наполняется своей спецификой. Одни авторы, наряду с ними рассматривает институциональные принципы экологического права (принципы охраны атмосферного воздуха, принципы обращения с отходами, принципы обеспечения радиационной и ядерной безопасности, принципы охраны Байкальской природной территории, принципы законодательства об охране животного мира)[869]. При этом выделяются и доктринальные принципы экологического права[870].

Другие авторы исходя из того что в рамках экологического права как отрасли имеется общая и особенная часть, выделяют специфические отраслевые принципы общей и особенной части экологического права[871]. Соответственно, по их мнению, принципы особенной части должны подчиняться принципам общей части.

Третьи авторы выделяют общие и специальные принципы экологического права. К первой группе они относят принципы, закрепленные в ст. 3 ФЗ

---

[868] Виноградов В.А., Солдатова Л.В. О значении принципов в экологическом праве и их применении // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2021. № 5. С. 106.

[869] См.: Рыженков А.Я. Принципы экологического права: монография. М. Юрлитинформ, 2018. С. 258–303.

[870] См.: Там же. С. 304–350.

[871] См.: Лю Хуан Янь. Принципы экологического права России и Китая // Аграрное и земельное право. 2007. № 5 (29). С. 84.

«Об охране окружающей среды», ко второй – закрепленные в природоресурсном законодательстве РФ[872].

Ряд исследователей, находя в системе экологического права подотрасли и институты, выделяют дополнительно принципы подотраслей и институтов. Здесь тоже имеет место широкий спектр подходов: земельное, лесное, водное, горное и пр. право рассматриваются в качестве самостоятельных отраслей российского права, в качестве подотраслей экологического права, в качестве институтов экологического права. Соответственно различается и характер выделяемых принципов, а также их соотношение друг с другом[873].

В целом все ученые сходятся в том, что в экологической сфере принципы, закрепленные в ст. 3 ФЗ «Об охране окружающей среды» носят определяющий характер в отношении всего законодательства, регулирующего общественные отношения, связанные как с охраной окружающей среды, так и природопользованием. Так, М.М. Бринчук справедливо отметил: «Даже если принципы экологического права не отражены соответствующим образом в принципах природоресурсных отраслей, такие принципы (экологического права как комплексной отрасли) должны непосредственно применяться на стадии исполнения норм природоресурсной отрасли»[874]. По нашему мнению, данный подход является верным не только с теоретической, но и с практической точки зрения.

Более сложной представляется ситуация с принципами еще одной некодифицированной отрасли – предпринимательского права. В отличие от ранее упоминавшегося экологического права, где имеется основополагающий закон

---

[872] См.: Краснова И.Л. Экологическое право: понятие, система, принципы // Аграрное и земельное право. 2007. № 1 (25). С. 28–30.

[873] См.: Баишева З.В. Классификация принципов экологического права России // Актуальные проблемы современной науки: теория и практика: материалы Международной (заочной) научно-практической конференции. Научное (непериодическое) электронное издание, Душанбе, Таджикистан, 14 марта 2016 г. / под общ. ред. А.И. Вострецова. Душанбе, Таджикистан: Научно-издательский центр «Мир науки», 2016. С. 142-151; Бринчук М.М. Принципы экологического права: монография. М.: Юрлитинформ, 2013.

[874] Бринчук М.М. Принципы экологического права: монография. М.: Юрлитинформ, 2013. С. 144.

в соответствующей сфере (ФЗ «Об охране окружающей среды»), в предпринимательском праве такого основополагающего нормативного правового акта нет. Отсюда и разнообразие не просто в выделении учеными принципов предпринимательского права (или принципов правового регулирования предпринимательской деятельности), но и разнообразие в подходах к выделению этих принципов и их системе.

Другая причина разнообразия подходов к выделению принципов предпринимательского права кроется, по нашему мнению, в определении места предпринимательского права в системе российского права. Набор принципов предпринимательского права, рассматриваемого в качестве подотрасли гражданского права, оказывается совсем иным, чем набор принципов предпринимательского права, рассматриваемого в качестве комплексной отрасли права[875].

Мы разделяем позицию, что предпринимательское право относится к комплексным отраслям права. Соответственно проблема выделения принципов правового регулирования предпринимательской деятельности нас интересует именно в этом контексте. В настоящее время имеются специальные исследования, посвященные принципам предпринимательского права[876]. При этом некоторыми учеными отмечается, что принципы предпринимательского права включают в свою систему ряд принципов гражданского, коммерческого, корпоративного, договорного и хозяйственного права[877]. Следует отметить, что практически для

---

[875] Подробнее см.: Демичев А.А. Принципы правового регулирования предпринимательской деятельности в Российской Федерации // Актуальні проблеми юридичної науки: Збірник тез міжнародної наукової конференції «Десяті осінні юридичні читання» (м. Хмельницький, 18–19 листопада 2011 року): у 4–х частинах. Частина третя. Хмельницький: Видавництво Хмельницького університету управління та права, 2011. С. 119–123.

[876] См., напр., Проблемы реализации принципов права в предпринимательской деятельности: монография / отв. ред. В.А. Вайган, М.А. Егорова. М.: Юстицинформ, 2016. Также в коллективной монографии, посвященной принципам частного права, принципам предпринимательского права отведен отдельный раздел, состоящий из двух глав (см.: Принципы частного права: монография / под ред. Т.П. Подшивалова, В.В. Кваниной, М.С. Сагандыкова. М.: Проспект, 2023. С. 161–229).

[877] См.: Глотов С.А., Алешкова И.А. Принципы предпринимательского права: традиции и инновации // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2020. № 4. С. 113.

всех специалистов, занимающихся данной проблематикой, характерно смешение нормативно закрепленных и доктринальных принципов предпринимательского права без какой-либо попытки их разграничения.

Выделение принципов предпринимательского права в современной научной литературе не имеет привязки к какому-либо типу правопонимания и носит в некоторой степени методологически спонтанный характер. Исключением является небольшая статья А.А. Демичева, в которой он, придерживаясь позитивистской концепции принципов права, исходя исключительно из анализа Конституции РФ, выделил только три принципа правового регулирования предпринимательской деятельности: принцип свободы предпринимательской деятельности; принцип единства экономического пространства, свободного перемещения товаров, услуг и финансовых средств и принцип юридического равенства и неприкосновенности частной, государственной, муниципальной и иных форм собственности[878].

Полагаем, что А.А. Демичев прав в том, что в качестве принципов правового регулирования предпринимательской деятельности рассматривает исключительно нормативно закрепленные основополагающие идеи в регулировании соответствующей сферы общественных отношений. Однако, по нашему мнению, неоправданно ограничивать круг принципов только конституционными принципами. Тем более, что существуют и общеправовые принципы, которые в силу их характера распространяют свое действие и на отношения в сфере предпринимательской деятельности.

В целом еще раз отметим, что вследствие того, что предпринимательское право является комплексной отраслью права, существует серьезная проблема выделения его принципов.

---

[878] См.: Демичев А.А. Принципы правового регулирования предпринимательской деятельности в Российской Федерации // Актуальні проблеми юридичної науки: Збірник тез міжнародної наукової конференції «Десяті осінні юридичні читання» (м. Хмельницький, 18–19 листопада 2011 року): у 4–х частинах. Частина третя. Хмельницький: Видавництво Хмельницького університету управління та права, 2011. С. 119–123.

Не менее сложной и практически нерешенной в настоящее время остается проблема принципов таких правовых образований как медицинское, муниципальное, транспортное право, право социального обеспечения (этот перечень можно продолжить). С определенностью о названных правовых образованиях можно сказать только то, что они не кодифицированы, все остальное представляется дискуссионным.

Несмотря на отсутствие у научного сообщества устоявшегося представления о самостоятельности названных комплексных правовых образований (отраслей права?), уже имеются немногочисленные исследования, в которых предпринимаются попытки выделить их принципы.

Так, попытка выделить принципы медицинского права в целом предпринималась, например, Н.Ю. Ембулаевой и А.А. Михайлик[879], М.А. Соколовой[880], Е.В. Епифановой[881]. Причем наборы (системой это назвать сложно) предлагаемых названными авторами принципов не совпадают.

Принципы муниципального права сформулированы в докторской диссертации и монографии А.Н. Костюкова[882], статьях А.В. Колесникова[883] и А.С. Милосердова[884]. Как и в случае с принципами медицинского права, подходы авторов к пониманию принципов муниципального права, их видам и соотношению очень разнятся. Наиболее разработанная и целостная концепция принципов муниципального права представлена в работах А.Н. Костюкова.

---

[879] См.: Ембулаева Н.Ю., Михайлик А.А. Специальные принципы российского медицинского права // Власть Закона. 2018. № 3 (35). С. 115–125.

[880] См.: Соколова М.А. Медицинское право как надотрасль права // Медицинское право: теория и практика. 2022. Т. 8. № 1–2 (15–16). С. 68–73.

[881] См.: Епифанова Е.В. Содержательная характеристика и принципы публично-правового регулирования охраны здоровья граждан в Российской Федерации // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2022. № 3 (50). С. 153–167.

[882] См.: Костюков А.Н. Муниципальное право как отрасль российского права (предмет, принципы, режимы, конструкции, система): дис. … д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2003; Он же. Муниципальное право как отрасль российского права: монография. М.: Закон и право: ЮНИТИ, 2003.

[883] См.: Колесников А.В. Конституционные принципы муниципального права // Правовая политика и правовая жизнь. 2006. № 1. С. 19–27.

[884] См.: Милосердов А.С. Принципы муниципального права и принципы организации местного самоуправления: проблемы разграничения // Образование и право. 2016. № 3. С. 105–109.

Что касается принципов транспортного права, то здесь среди авторов тоже нет единодушия в отношении подходов к их выделению и классификации[885]. В наиболее четком виде система принципов транспортного права представлена в статье обобщающего характера Р.В. Пузикова и О.А. Евдокимовой[886].

Аналогичные проблемы имеют место и с выделением принципов права социального обеспечения[887]. Правильным представляется подход автором коллективной монографии, посвященной принципам частного права, заключающийся в том, что принципы права социального обеспечения отождествляются «с законодательно закрепленными руководящими началами, основополагающими положениями, находящимися в фундаменте системы социального обеспечения и социальной защиты …»[888]. Теоретический выход из этой ситуации специалистам видится в принятии Социального кодекса

---

[885] См.: Стрельникова И.А. Понятие и место транспортного права в системе права России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009; Гречуха В.Н. Понятие и принципы транспортного права // Известия Московского государственного индустриального университета. 2010. № 1 (18). С. 44-48; Корякин В.М. Принципы транспортного права // Транспортное право. 2016. № 1. С. 3–6.

[886] См.: Пузиков Р.В., Евдокимова О.А. Транспортное право и его принципы // Донецкие чтения 2018: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности: материалы III Международной научной конференции, Донецк, 25 октября 2018 г. / под общ. ред. С.В. Беспаловой. Т. 8. Донецк: Донецкий национальный университет, 2018. С. 214–217.

[887] См., напр., Истомина Е.А. К вопросу о реализации принципов права социального обеспечения // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2013. № 3 (21). С. 96–101; Лушников А.М. Становление и развитие учения о принципах трудового права и принципах права социального обеспечения // Вестник трудового права и права социального обеспечения. 2014. № 8. С. 7–25; Александрова А.В. Принципы права социального обеспечения: теория и практика применения в Российской Федерации // Принципы и ценности в праве: доктрина, правотворчество, реализация. Третьи Прокопьевские чтения: материалы Международной научно-практической конференции, Калининград, 6 декабря 2019 г. Калининград: Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта, 2020. С. 169–177; Хохлов И.А. Понятие и принципы права социального обеспечения в России // Юридический аналитический журнал. 2020. Т. 15. № 1. С. 65–66.

[888] Принципы частного права: монография / под ред. Т.П. Подшивалова, В.В. Кваниной, М.С. Сагандыкова. М.: Проспект, 2023. С. 259.

Российской Федерации[889], но одновременно осознается, что это в ближайшее время маловероятно[890].

По нашему мнению, выделение принципов права в некодифицированных отраслях в ситуации, когда нет основополагающего отраслеобразующего нормативного правового акта (аналогично ФЗ «Об охране окружающей среды» в экологическом праве) всегда будет приводить к дискуссионности выделения как отдельных из принципов, так и системы принципов в целом.

Подводя итоги главы, сделаем следующие выводы.

Исходя из всего изложенного выше, можно утверждать, что принципы права являются исторически обусловленным динамичным явлением правовой системы.

В Российской империи в нормативных правовых актах слово «принцип» не использовалось ни в названиях глав и статей, ни в самом тексте. Ученые не уделяли особого внимания принципам права ни в понятийном, ни в технико-юридическом аспектах. Что касается непосредственно дореволюционных нормативных правовых актов, то из их содержания непонятно, какие нормативные положения законодатель рассматривает именно в значении принципов права. При анализе текстов нормативных правовых актов периода Российской империи исследователь сталкивается с тем, что основополагающие идеи можно выявить только путем интерпретации содержания нормативного акта, что ведет всегда к научной дискуссионности.

Советский период истории с точки зрения развития принципов права существенно отличался от дореволюционного. Законодатель стал более четко формулировать сразу на двух уровнях (конституционном и отраслевом) основополагающие идеи всего правового регулирования. Но при этом ни в одном

---

[889] См.: Также см.: Васильева Ю.В. Кодификация российского законодательства о социальном обеспечении: теоретические и практические проблемы. Пермь: ПГУ, 2009.

[890] См.: Евстигнеева Л.А. Принципы права социального обеспечения: в преддверии кодификации // Вестник Томского государственного университета. Право. 2015. № 2 (16). С. 138.

нормативном правовом акте не выделялись структурные элементы, в названии которых употреблялось понятие «принцип», равным образом отсутствовало это слово и непосредственно в тексте нормативных правовых актов.

Принципы как исходные идеи закреплялись в текстах советских союзных и республиканских Конституций и в кодифицированных актах в главах, носящих название «Основные положения». Обратим внимание, что в некоторых отраслях права (например, в трудовом) в советский период принципы так и не были закреплены, а в некоторых отраслях (например, в семейном), появились только в период поздней советской кодификации.

В отраслях права, в которых принципы права нашли в том или ином виде нормативное закрепление, со временем наметилась тенденция к увеличению количества принципов права. Также динамичность принципов права проявилась в том, что изменения в общественно-политическом и социально-экономическом устройстве привели не только к закреплению новых принципов права, но и к отказу от принципов, не соответствующих новых реалиям.

В современный период можно говорить о закреплении принципов права практически во всех отраслях. При этом существенно совершенствуется техника закрепления. Постсоветский период характеризуется появлением новых принципов права. Причем их возникновение в правовой системе России и Армении происходит не только в связи с принятием новых более совершенных кодифицированных актов, но и в связи с другими обстоятельствами, когда новый принцип, ранее носивший доктринальный характер, становится принципом позитивного права и закрепляется в тексте нормативного акта среди других принципов. Также в зависимости от современных реалий может повышаться уровень законодательного закрепления того или иного принципа.

При этом ни в России, ни в Армении нет единого подхода, единых правил, единой терминологии при закреплении принципов права в кодификационных актах. Принципы права закрепляются в отдельной главе в трех российских и четырех армянских кодексах, в отдельных статьях (в том или ином варианте) – в семи российских и пяти армянских кодексах. В остальных кодексах России

и Армении принципы права не закреплены в таких специальных структурных элементах нормативного акта как глава или статья. Однако если в одних кодексах вообще отсутствуют такие положения, которые можно рассматривать в качестве принципов права, то в некоторых (пяти российских и двух армянских) имеются формально неструктурированные положения, которые можно идентифицировать в качестве принципов права.

Полагаем, что в настоящее время объективно назрела необходимость совершенствования действующего российского и армянского законодательства в плане унификации принципов права в кодифицированных актах. Способствовать этому должна предлагаемая нами универсальная модель закрепления принципов права в кодифицированных правовых актах.

При выделении принципов некодифицированных отраслей права возникает целый комплекс взаимосвязанных проблем.

Во-первых, в настоящее время, когда в научном сообществе стало модным придавать различным правовым образованиям статус самостоятельных отраслей права, далеко не всегда ясно, является ли конкретное правовое образование именно отраслью права или нет. Особенно это сложно в отношении некодифицированных отраслей права.

Во-вторых, при выделении принципов некодифицированных отраслей права не работают некоторые критерии распознавания принципов права, характерные для кодифицированных отраслей. В последних принципы права не просто так или иначе маркируются, но и расположены в начале нормативного правового акта. В кодексах законодатель в большинстве случаев уделяет специальное место принципам соответствующей сферы правового регулирования.

В-третьих, в кодифицированных отраслях права отраслевые принципы закреплены только в Конституции РФ и (или) отраслевых кодексах. В некодифицированных отраслях источником закрепления принципов права является Конституция РФ и отраслевое некодифицированное законодательство, представляющее собой совокупность нормативных правовых актов. В этой ситуации возникает проблема, в любом ли нормативном правовом акте могут

закрепляться принципы соответствующей отрасли или только в некоем основополагающем акте, заменяющим акт кодифицированный?

В четвертых, если признавать возможность закрепления принципов права в различных нормативных правовых актах, то возникает проблема иерархии и соотношения принципов из разных нормативных актов.

Первая из названных проблем может быть решена конвенциально – научное сообщество теоретически может прийти к единодушию по вопросам количества и названия отраслей права. В реальности же это, вряд ли, возможно.

Способом решения остальных проблем могла бы стать кодификация некодифицированных отраслей права, но, например, в случае с комплексными отраслями это невозможно в силу огромного объема и разнородности норм, их составляющих.

Более реальным представляется внесение изменений в действующее отраслевое законодательство. На наш взгляд, имеет смысл в нормативном правовом акте, составляющим основу комплексной отрасли, не просто закрепить перечень принципов права, установить их иерархию (если таковая требуется), но и указать на невозможность или возможность установления принципов этой же отрасли прав в других нормативных актах. В последнем случае необходима отсылка к конкретным статьям в конкретных нормативных правовых актах.

Хотя в Российской Федерации официально судебная практика не является источником права, однако, правовые позиции Конституционного Суда РФ и постановления Пленумов Верховного Суда РФ восполняют пробелы в правовом регулировании. Следовательно, высшими судебными инстанциями в порядке толкования действующего законодательства может быть разъяснено, в каких нормативных актах содержатся принципы правового регулирования определенной сферы общественных отношений, как соотносятся принципы, закрепленные в рамках некодифицированной отрасли права в разных нормативных правовых актах, а также ряд других возникающих в данном проблемном поле вопросов. Данный способ решения проблем, связанных с принципами некодифицированных отраслей права, является более быстрым, чем

внесение законодательных изменений. Однако, мы полагаем, что суд не должен подменять законодателя, и подобного рода судебное регулирование общественных отношений должен носить исключительно временный характер. Таким образом, наиболее оптимальным путем решения проблем некодифицированных отраслей права представляется законодательный путь.

ГЛАВА 6. ОБЩЕПРАВОВЫЕ ПРИНЦИПЫ В НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРАВОВЫХ СИСТЕМАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ

1. Генезис и эволюция общеправовых и иных конституционных принципов права в РСФСР и АрмССР[891]

Нормативный правовой акт, как известно, является основным источником права в странах континентальной правовой семьи. Среди нормативных актов важнейшая роль принадлежит Конституции как акту, обладающему высшей юридической силой и аккумулирующему основополагающие идеи в сфере организации общества, государства и права. Наиболее значительную роль в системе принципов права играют конституционные принципы права, т.е. основополагающие идеи, нашедшие нормативное закрепление в Конституции.

---

[891] При написании данного параграфа были использованы следующие работы автора: Илюхина В.А. Принципы права как предмет хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения // Актуальные проблемы и перспективы развития научной школы Хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения: сб. научн. тр. по материалам Второй всероссийской научной конференции / под ред. А.А. Демичева, К.А. Демичева. Н. Новгород: НИУ РАНХиГС, 2019. С. 39–47; Демичев А.А., Илюхина В.А. Женщина перед судом присяжных в Российской империи (к вопросу о принципе гендерного равенства) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2020. Т. 24. № 1. С. 98–112; Demichev A., Iliukhina V., Paramonov A., Engibaryan M. Constitutional principles of law: concept, types and their role in the legal system // AD ALTA – Journal of Interdisciplinary Research. 2021. Vol. 11. № 2. P. 47–50; Демичев А.А., Демичев К.А., Илюхина В.А., Леонов А.П., Лонская С.В., Парамонов А.В., Тимощук А.С. Хронодискретное моногеографическое сравнительное правоведение: проблемы методологии: монография / под ред. А.А. Демичева. М.: Русайнс, 2021; Илюхина В.А. Независимость судей как хронодискретный принцип российского права // Актуальные проблемы и перспективы научной школы хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения: сб. научн. тр. По материалам IV Всероссийской научной конференции. 17 ноября 2021 г. Н. Новгород: НИУ РАНХИГС, 2021. С. 63–72; Илюхина В.А. Принцип равенства всех перед законом в РСФСР // Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (к 100-летию образования СССР): в 2-х ч.: Материалы XIX международной научно-теоретической конференции. Санкт-Петербург, 28–29 апреля 2022 г. Ч. / под ред. Н.С. Нижник. СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2022. С. 393–398; Илюхина В.А. Генезис и эволюция конституционных принципов права Армении в советский период армянской истории // Историко-правовые проблемы: Новый ракурс. 2023. № 4. С. 175–184; Илюхина В.А. Принципы права в национальных правовых системах Российской Федерации и Республики Армения (сравнительно-правовое исследование): монография / под ред. А.А. Демичева. М.: Директ-Медиа, 2024. С. 268–285.

На этом фоне несколько странной выглядит позиция И.А. Алебастровой, заключающаяся в том, что закрепление принципов права в Конституции не всегда может оцениваться однозначно положительно, а «перегруженность» Основного закона правовыми принципами снижает его значимость в практической деятельности и повышает опасность их произвольного толкования со стороны судей[892]. По нашему мнению, напротив, чем более четко и системно принципы права будут закреплены в Конституции, тем больше создается условий для качественного правоприменения. Особенно с учетом того, что Конституция обладает прямым действием.

В научной литературе нередко не разграничиваются понятия «конституционные принципы права» и «принципы конституционного права» либо имеет место их смешение[893], что приводит к подмене сущности этих понятий. Использование понятий «конституционные принципы права» и «принципы конституционного права» как синонимов значительно сужает содержание каждого из них. Несомненно, эти понятия частично перекрываются, но далеко не идентичны.

По нашему мнению, конституционные принципы права – это нормативно закрепленные в Конституции (обязательный элемент) и в некоторых случаях продублированные и/или конкретизированные в отраслевом законодательстве (факультативный элемент) наиболее важные, значимые, базовые, исходные идеи и положения, лежащие в основе определенной отрасли права, совокупности

---

[892] См.: Алебастрова И.А. Конституционные принципы: форма выражения, место в системе права и его источников // Конституционное и муниципальное право. 2007. № 8. С. 12–16.

[893] См., напр., Gosalbo Bono R. The Development of General Principles of Law at National and Community Level // Richterrecht und Rechtsfortbildung in der Europäischen Rechtsgemeinschat. Tübingen: Mohr Siebeck, 2003. S. 99–142; Арапов Н.А. К вопросу о понятии «принцип» в конституционном праве: его определение и функции // Петербургский юрист. 2016. № 1. С. 102–113; Алешкова И.А. Соотношение принципов и норм конституционного права // Аграрное и земельное право. 2019. № 2. С. 19–24; Она же. Понятие и признаки принципов конституционного права // Право и государство: теория и практика. 2019. № 4. С. 27–33; Принципы публичного права: монография / под ред. Е.В. Титовой, Т.П. Подшивалова. М.: Проспект, 2019. С. 11–99; Плотникова И.Н. Место и роль конституционных принципов в системе принципов российского права // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2021. № 3. С. 28–37.

отраслей права или всего правового регулирования в рамках конкретной правовой системы.

Принципы конституционного права – это принципы отрасли конституционного права, то есть особого рода нормы «конституционного законодательства, обладающие высшей юридической силой, позволяющей упорядочить соответствующие социальные отношения; универсальным содержанием, позволяющим принципам оказывать руководящее воздействие на всех субъектов, все сферы социальных отношений в пределах государства; императивным характером воздействия»[894]. С учетом того, что принципы конституционного права хорошо исследованы в научной литературе[895], мы их касаемся в нашем исследовании только в том случае, когда они одновременно являются и конституционными принципами права.

Конституционные принципы права лежат в основе различных отраслей права, а принципы конституционного права – в основе отрасли конституционного права. Обратим внимание, что конституционные принципы права являются основой системы права, а принципы конституционного права закладывают основы государственного устройства и конституционного строя. В последнем случае можно говорить о закрепленных в Конституции принципах государственного устройства (например, принцип народовластия, принцип суверенитета, принцип разделения властей и др.) или принципах организации публичной власти, конституционных принципах правосудия, принципах конституционного строя, принципах конституционализма и так далее.

---

[894] Осавелюк Е.А. Понятие и виды принципов конституционного права России // Право и образование. 2020. № 3. С. 61.

[895] См., напр., Мосин С.А. Презумпции и принципы в конституционном праве Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007; Джагарян А.А. О природе конституционных принципов в национальной правовой системе // Конституционное и муниципальное право. 2009. № 17. С. 2–4; Алешкова И.А. Принципы конституционного права: опыт комплексного исследования и применения: монография / под общ. ред. И.А. Умновой-Конюховой. М.: ИНИОН РАН, 2022 и др.

В научной литературе иногда говорится о конституционных принципах (не конституционных принципах права, а просто о конституционных принципах)[896], которые, по сути, оказываются равнозначны принципам конституционного права.

В качестве конкретного и показательного примера приведем позицию армянского ученого Б. Казиняна, который отмечает, что «в современных конституционных исследованиях конституционные принципы определяются как базовые отправные точки, закрепленные в конституциях конкретных государств, которые определяют содержание общественных отношений, являющихся предметом конституционного регулирования. Конституционные принципы могут относиться ко всему конституционному устройству государства, а также к его отдельным институтам, таким как политическая система, конституционно-правовой статус гражданина, территориальная организация государства и т.д.»[897].

Следует отметить, что армянские ученые больше уделяют внимания не столько изучению конституционных принципов права, сколько именно конституционным принципам, принципам конституционного права (например, принципу верховенства права[898], принципу разделения и уравновешивания властей[899], принципу социальной справедливости[900] и др.).

---

[896] См., напр., Мосин С.А. Конституционные принципы и презумпции-принципы: монография. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юстицинформ, 2018. С. 17–25. В коллективной монографии «Проблемы реализации принципов гражданского судопроизводства в правоприменительной деятельности» отмечается, что принципы права и конституционные принципы сочетаются, но не охватываются друг другом (см.: Проблемы реализации принципов гражданского судопроизводства в правоприменительной деятельности: монография / отв. ред. В.М. Жуйков, С.С. Завриев. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; Норма; ИНФРА-М, 2024. С. 23_.

[897] Ղազինյան Բ. Իշխանությունների տարանջատումը՝ որպես իրավական պետության հիմնարար սահմանադրական սկզբունք // 21-րդ ԴԱՐ. 2012. № 3 (43). Է. 70 (Казинян Б. Разделение властей как основополагающий конституционный принцип правового государства // 21-й век. 2012. № 3 (43). С. 70). Перевод сделан нами. В оригинале текст выглядит так: «Արդի սահմանադրագիտության մեջ սահմանադրական սկզբունքները բնորոշվում են որպես կոնկրետ պետությունների սահմանադրություններում ամրագրված հիմնարար ելակետային դրույթներ, որոնք պայմանավորում են սահմանադրաիրավական կարգավորման առարկա հանդիսացող հասարակական հարաբերությունների բովանդակությունը: Սահմանադրական սկզբունքները կարող են վերաբերել ինչպես պետության ամբողջ սահմանադրական կարգին, այնպես էլ նրա առանձին ինստիտուտներին, ինչպիսիք են քաղաքական համակարգը, մարդու քաղաքացու սահմանադրաիրավական կարգավիճակը, պետության տարածքային կազմակերպումը այլն:».

[898] См., напр., Ասատրյան Ա.Լ. ԻՐԱՎՈՒՆՔԻ ԳԵՐԱԿԱՅՈՒԹՅԱՆ ՍԿԶԲՈՒՆՔԸ ԱՐԴԻ ԻՐԱՎԱԿԱՆ ՀԱՄԱԿԱՐԳԻ ԽՈՐԱՊԱՏԿԵՐՈՒՄ: Ատենախոսության ամփոփագիր

Подводя итог исследованию соотношения конституционных принципов права и принципов конституционного права, мы приходим к выводу, что речь идет не только о понятиях, наполненных разным содержанием, но и о совершенно разных элементах правовой системы.

Далее в данном параграфе мы проанализируем генезис и эволюцию общеправовых и иных конституционных принципов права России и Армении в советский период российской и армянской истории: с момента их возникновения в РСФСР и Советской Армении до Конституции СССР от 7 октября 1977 г.[901], Конституции РСФСР 12 апреля 1978 г.[902], Конституции Армянской ССР от 14 апреля 1978 г.[903] Обратим внимание, что мы исследуем принципы именно права, не затрагивая иные конституционные принципы (например, государственного, общественного устройства).

գիտությունների թեկնածուի գիտական աստիճանի հայցման ատենախոսության. Երևան, 2013 (Асатрян А.Л. Принцип верховенства права в контексте современной правовой системы: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Ереван, 2013); Ավետիսյան Տ. ԻՐԱՎՈՒՆՔԻ ԳԵՐԱԿԱՅՈՒԹՅԱՆ ՍԿԶԲՈՒՆՔԻ ՊԱՏՄԱԻՐԱՎԱԿԱՆ ՆԱԽԱԴՐՅԱԼՆԵՐԸ // ԵՊՀ իրավագիտության ֆակուլտետի ասպիրանտների և հայցորդների 2014 թ. նստաշրջանի նյութերի ժողովածու. Երևան: Երևանի պետական համալսարան, 2015. Էջ. 86–101 (Аветисян Т. Историко-правовые предпосылки принципа верховенства права // Материалы сессии аспирантов и соискателей юридического факультета ЕГУ в 2014 году. Ереван: ЕГУ, 2015. С. 86–101).

[899] См., напр., Կեսոյան Հ. Իշխանությունների բաժանման և հավասարակշռման սկզբունքի ապահովման հիմնախնդիրը Հայաստանի Հանրապետությունում // Արդարադատություն. 2016. № 4 (35). Էջ. 36–45 (Кесоян А. Проблема обеспечения принципа разделения и уравновешивания властей в Республике Армения // Юстиция. 2016. № 4 (35). С. 36–45).

[900] См., напр., Մալխասյան Լ. Սոցիալական ազատության սկզբունքի հիմնախնդիրները համընդհանուր իրավական սկզբունքների համակարգում // Արդարադատություն. 2018. № 2 (43). Էջ. 26–29 (Малхасян Л. Проблема принципа социальной справедливости в системе правовых принципов // Юстиция. 2018. № 2 (43). С. 26–29).

[901] См.: Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик (Принята на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета СССР девятого созыва 7 октября 1977 г.) // Ведомости ВС СССР. 1977. № 41. Ст. 617.

[902] См.: Конституция (Основной закон) Российской Советской Федеративной Социалистической Республики от 12 апреля 1978 г. // Ведомости ВС РСФСР. 1978. № 15. Ст. 407.

[903] См.: Конституция (Основной Закон) Армянской Советской Социалистической Республики, принятая на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета АрмССР девятого созыва 14 апреля 1978 г. // Советские конституции: хрестоматия: в 4-х ч. Ч. 4. СССР, 1977–1991 гг. // сост. Д.В. Кузнецов. Благовещенск: Благовещенский государственный педагогический университет, 2015. С. 371–387.

Источниками нам служат две Конституции СССР[904], четыре российские Конституции и четыре армянские Конституции советского периода:

– Конституция (Основной закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (Принята V Всероссийским съездом Советов в заседании от 10 июля 1918 г.)[905];

– Конституция (Основной закон) Социалистической Советской Республики Армении, утвержденная постановлением I Всеармянского Съезда Советов от 4 февраля 1922 г.[906];

– Конституция (Основной закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (Утверждена постановлением XII Всероссийского Съезда Советов от 11 мая 1925 г.)[907];

– Конституция (Основной закон) Социалистической Советской Республики Армении, утвержденная постановлением V Всеармянского Съезда Советов от 3 апреля 1927 г.[908];

– Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик (Утверждена Чрезвычайным VIII съездом Советов Союза ССР 5 декабря 1936 г.)[909];

---

[904] В Конституции СССР 1924 г. отсутствовали положения, которые можно рассматривать в качестве принципов права (см.: Основной закон (Конституция) Союза Советских Социалистических Республик» (Утверждена постановлением II Съезда Советов СССР от 31 января 1924 г.) // Вестник ЦИК, СНК и СТО СССР. 1924. № 2. Ст. 24.

[905] См.: Конституция (Основной Закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (Принята V Всероссийским съездом Советов в заседании от 10 июля 1918 г.) // СУ РСФСР. 1918. № 51. Ст. 582.

[906] См.: Конституция (Основной закон) Социалистической Советской Республики Армении, утвержденная постановлением I Всеармянского Съезда Советов от 4 февраля 1922 г. // Советские конституции: хрестоматия: в 4-х ч. Ч. 1. Первые советские республики, 1918–1922 гг. / сост. Д.В. Кузнецов. Благовещенск: Благовещенский государственный педагогический университет, 2015. С. 74–80.

[907] См.: Конституция (Основной закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (Утверждена постановлением XII Всероссийского Съезда Советов от 11 мая 1925 г.) // СУ РСФСР. 1925. № 30. Ст. 218.

[908] См.: Конституция (Основной закон) Социалистической Советской Республики Армении, утвержденная постановлением V Всеармянского Съезда Советов от 3 апреля 1927 г. // Советские конституции: хрестоматия: в 4-х ч. Ч. 2. СССР, 1922–1936 гг. / сост. Д.В. Кузнецов. Благовещенск: Благовещенский государственный педагогический университет, 2015. С. 207–216..

– Конституция (Основной закон) Российской Советской Федеративной Социалистической Республики (Утверждена постановлением Чрезвычайного XVII Всероссийского Съезда Советов от 21 января 1937 г.)[910];

– Конституция Армянской ССР, утверждена Чрезвычайным девятым съездом Советов Армянской ССР 23 марта 1937 г.[911];

– Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик (Принята на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета СССР девятого созыва 7 октября 1977 г.);

– Конституция (Основной закон) Российской Советской Федеративной Социалистической Республики от 12 апреля 1978 г.;

– Конституция (Основной Закон) Армянской Советской Социалистической Республики, принятая на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета АрмССР девятого созыва 14 апреля 1978 г.

Характеризуя источниковую основу исследования в данном параграфе, считаем необходимым отметить несколько моментов.

Во-первых, в Конституциях СССР, АрмССР, РСФСР (как, впрочем, и других союзных республик) принципы права не маркировались, что, несомненно, осложняет исследование конституционных принципов права. Тем не менее, Конституции – это квинтэссенция основополагающих идей государственно-правового и социального устройства в определенный конкретно-исторический момент, поэтому не вызывает сомнения, что в них нормативно закреплены принципы права.

---

[909] См.: Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик (Утверждена Чрезвычайным VIII съездом Советов Союза ССР 5 декабря 1936 г.) // Известия ЦИК СССР и ВЦИК. 1936. № 283.

[910] См.: Конституция (Основной закон) Российской Советской Федеративной Социалистической Республики (Утверждена постановлением Чрезвычайного XVII Всероссийского Съезда Советов от 21 января 1937 г.) // СУ РСФСР. 1937. № 2. Ст. 11.

[911] См.: Конституция Армянской ССР, утверждена Чрезвычайным 9-м съездом Советов Армянской ССР 23 марта 1937 г. // Советские конституции: хрестоматия: в 4-х ч. Ч. 3. СССР, 1936–1977 гг. / сост. Д.В. Кузнецов. Благовещенск: Благовещенский государственный педагогический университет, 2015. С. 256–265.

Во-вторых, в настоящее время, как мы отмечали в главе 1 нашего исследования, дискуссионным является вопрос, наиболее активно обсуждаемый зарубежными авторами, следует ли относить конституционные права (иногда и конституционные обязанности) к принципам права. Мы придерживаемся позиции, что конституционные права – это определенные идеи, причем закрепленные на высшем иерархическом уровне, поэтому в ряде случаев их можно рассматривать в качестве принципов права.

В-третьих, источником ряда российских и армянских конституций советского периода являлись в соответствующие исторические отрезки времени Конституции СССР 1924, 1936 и 1977 гг.

В-четвертых, дискуссионным является вопрос о количестве армянских конституций.

Не вызывает сомнения, что первая советская конституция Армении была принята 4 февраля 1922 г. на I Всеармянском Съезде Советов. Однако до этого в ноябре 1921 г. был Федеративный Союз Социалистических Советских Республик Закавказья, получивший с 13 декабря 1922 г. название Закавказской Социалистической Федеративной Советской Республики (ЗСФСР). В состав этого государственного образования, наряду с Социалистической Советской Республикой Армения вошли Социалистическая Советская Республика Азербайджан и Социалистическая Советская Республика Грузия. И 13 декабря 1922 г. на I Закавказском Съезде Советов рабочих, крестьянских, красноармейских и матросских депутатов была принята Конституция Закавказской Социалистической Федеративной Советской Республики[912].

В образованный 30 декабря 1922 г. СССР Армения, Азербайджан и Грузия вошли не в качестве самостоятельных субъектов, а как ЗСФСР. Поскольку за принятием Конституции СССР 31 января 1924 г. последовал процесс принятия

[912] См.: Конституция Закавказской Социалистической Федеративной Советской Республики, утвержденная постановлением I Закавказского Съезда Советов рабочих, крестьянских, красноармейских и матросских депутатов от 13 декабря 1922 г. // Советские конституции: хрестоматия: в 4-х ч. Ч. 1. Первые советские республики, 1918–1922 гг. / сост. Д.В. Кузнецов. Благовещенск: Благовещенский государственный педагогический университет, 2015. С. 91–95.

собственных конституционных актов советскими республиками, ЗСФСР также не могла остаться в стороне. В итоге 14 апреля 1925 г. III Закавказским Съездом Советов был утвержден Основной закон (Конституция) Закавказской Социалистической Федеративной Советской Республики[913]. Тем не менее, 3 апреля 1927 г. на V Всеармянском Съезде Советов была принята отдельная Конституция (Основной закон) Социалистической Советской Республики Армении.

В качестве самостоятельного субъекта Армения под названием Армянской Советской Социалистической Республики вошла в состав СССР 5 декабря 1936 г., когда была принята новая Конституция СССР. Как и в прочих союзных республиках, в Армянской СССР в 1937 г. была принята новая Конституция. Произошло это 23 марта 1937 г. на Чрезвычайном девятом съезде Советов Армянской ССР. Также вслед за Конституцией СССР от 7 октября 1977 г. на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета АрмССР девятого созыва 14 апреля 1978 г. была принята последняя советская Конституция Армении – Конституция (Основной Закон) Армянской Советской Социалистической Республики.

В связи с изложенным выше закономерным является вопрос, можно ли рассматривать Конституции ЗСФСР и как Конституции Армении? По нашему мнению, нет. Дело в том, что нормативные правовые акты ЗСФСР – это акты федеративного уровня, действовавшие на территории всего федеративного государственного образования, а акты каждой из входивших в него республик, должны были соответствовать им. По сути, после вхождения ЗСФСР в состав СССР Армения оказалась в составе специфической двухуровневой федерации, в которой иерархия конституционных актов имела следующий вид (сверху вниз): Конституция СССР – Конституция ЗСФСР – Конституция Социалистической

---

[913] См.: Основной закон (Конституция) Закавказской Социалистической Федеративной Советской Республики, утвержденный III Закавказским Съездом Советов 14 апреля 1925 г. // Советские конституции: хрестоматия: в 4-х ч. Ч. 2. СССР, 1922–1936 гг. / сост. Д.В. Кузнецов. Благовещенск: Благовещенский государственный педагогический университет, 2015. С. 252–258.

Советской Республики Армении. Далее в нашей работе мы будем рассматривать принципы права, закрепленные непосредственно в Конституциях Армении, не затрагивая Конституции СССР и ЗСФСР.

С учетом всех указанных выше оговорок перейдем к непосредственному рассмотрению конституционных принципов российского и армянского советского права.

В первой советской Конституции – Конституции РСФСР 1918 г. мы можем выделить только два принципа права[914]:

1) принцип обязательности труда, сформулированный в п. е) ст. 3 в виде положения о всеобщей трудовой повинности, вводимой «в целях уничтожения паразитических слоев общества и организации хозяйства» и в ст. 18, прямо закреплявшей обязательность граждан трудиться с провозглашением лозунг: «Не трудящийся, да не ест!»;

2) принцип равенства прав граждан, независимо от расовой и национальной принадлежности (ст. 22).

Первый из названных принципов является специфическим отраслевым принципом трудового права, а второй – общеправовым.

В Конституции ССРА 1922 г. закреплялись те же самые два принципа права: принцип равенства прав граждан (ст. 2) и принцип обязательности труда (ст. 3). Обратим внимание, что в первой армянской Конституции расположение этих принципов оказалось иным, чем в первой российской Конституции. Принцип равенства прав граждан формулировался раньше, чем принцип обязательности труда, что представляется нам более логичным.

Нормативное закрепление именно этих принципов в изучаемый период вполне понятно. Принцип равенства прав граждан – ключевое требование всех буржуазных и социалистических революций. Причем, если принцип буржуазного равенства предусматривал формально-юридическое равенство для всех,

---

[914] Мы не можем согласиться с А.В. Парамоновым, который находит в Конституции РСФСР 1918 г. только один принцип права – принцип равенства прав граждан (см.: Парамонов А.В. К вопросу о закреплении принципов права в Конституции РСФСР 1918 г. // Вестник Нижегородского института управления. 2020. № 1 (55). С. 17–19).

то принцип социалистического равенства (с акцентом на снятие национальных и вероисповедных ограничений) предполагал поражение в правах представителей бывшего эксплуататорского класса, проявляющееся, в первую очередь, в лишении их политических прав, возможности несения воинской службы с оружием в руках. Что касается принципа обязательности труда, то это уже специфический принцип социалистического права, позволявший отграничить новый правящий класс от «тунеядцев» и бывших «эксплуататоров». Труд провозглашался единственной основной социальной жизни, а трудящийся – творцом всех ценностей. В целом принцип обязательности труда в Конституции СССР 1922 г. выражался емкой экономико-идеологической формулой-лозунгом: «Кто не работает, тот не ест» (прямой аналог российского «Не трудящийся, да не ест!»).

В Конституции РСФСР 1925 г. и в Конституции СССР 1927 г. закреплялись с несколько иными формулировками те же два принципа права:

– принцип обязательности труда (ст. 9 Конституции РСФСР 1925 г., ст. 10 Конституции СССР 1927 г.);

– принцип равенства граждан (ст. 13 Конституции РСФСР 1925 г., ст. 14 Конституции СССР 1927 г.).

Что касается первого принципа, то он оказался сформулированным ранее принципа равенства граждан и был выражен более четко, чем в предшествующих Конституциях, без использования лозунгов.

В изложении содержания принципа равенства был сделан акцент, в первую очередь, на национальном равенстве, что было чрезвычайно актуально и для многонациональной России, и для Армении, в которой национальный вопрос являлся крайне актуальным. Также впервые на конституционном уровне провозглашалось право пользования родным языком во всех сферах жизни, что рассматривалось в качестве одного из элементов равенства населения. При этом четко устанавливалось, что принцип равенства не является абсолютным – исходя из интересов трудящихся, государство вправе лишать «отдельных лиц и отдельные группы прав, которыми они пользуются в ущерб интересам

социалистической революции» (ст. 14 Конституции РСФСР 1925 г., ст. 15 Конституции СССР 1927 г.).

Одной из новелл Конституции СССР 1936 г., повлекших за собой и введение аналогичных глав в Конституциях союзных республик, стало выделение главы, специально посвященной правам и обязанностям. Другой особенностью Конституции СССР 1936 г. в интересующем нас аспекте стало увеличение количества закрепленных принципов права.

Ключевым в Конституции СССР 1936 г., Конституции РСФСР 1937 г. и Конституции АрмССР 1937 г. оставался отраслевой принцип обязательности труда (ст. 12 Конституции СССР, ст. 12 Конституции РСФСР, ст. 12 Конституции АрмССР). Его значение подчеркивалось помещением в первую главу Конституций «Общественное устройство», а не в гл. 10 «Основные права и обязанности граждан» (в Конституции РСФСР это была гл. 11, в Конституции АрмССР – гл. 7). На конституционном уровне было расширено понимание принципа обязательности труда за счет того, что теперь труд объявлялся не только обязанностью, но и делом чести каждого способного к труду гражданина. Также в текст ст. 12 всех трех рассматриваемых Конституций было включено два «принципа»: вновь «Кто не работает, тот не ест» и «принцип социализма»: «От каждого по его способности, каждому – по его труду».

Традиционный для советского права общеправовой принцип равенства (равноправия) граждан получил закрепление в ст. 123 Конституции СССР 1936 г., ст. 127 Конституции РСФСР 1937 г. и ст. 98 Конституции АрмССР 1937 г. При этом уже не было упоминания о поражении в правах каких-либо категорий населения. Видимо, это обусловливалось тем, что в СССР в целом, а также в РСФСР и Советской Армении, к 1937 г. не осталось «эксплуататорских слоев» населения либо по причине их выезда из страны, либо физического уничтожения, либо превращения в «трудящийся элемент». Однако, как отмечалось в одном

из постановлений Пленума Верховного Суда СССР, на практике суды в некоторых случаях отступали от принципа равенства перед законом и судом[915].

Впервые на конституционном уровне был закреплен принцип равенства прав женщины и мужчины во всех областях жизни (ст. 122 Конституции СССР, ст. 126 Конституции РСФСР, ст. 97 Конституции АрмССР), что, несомненно, было одним из важнейших достижений советского государства. Одним из аспектов конкретизации этого принципа стало специальное закрепление права женщин избирать и быть избранными наравне с мужчинами (ст. 137 Конституции СССР, ст. 141 Конституции РСФСР, ст. 112 Конституции АрмССР). Отметим, что принцип равноправия женщин и мужчин не был декларативным, а действительно реализовывался на практике. Гарантиями данного принципа являлись равенство в праве на труд, его оплату, отдых, социальное страхование и образование и, особенно, государственная охрана интересов матери и ребенка, государственная помощь многодетным и одиноким матерям, предоставление оплачиваемых отпусков по беременности, широкая сеть родильных домов, детских яслей и садов. Наличие этих гарантий свидетельствует, что в советской правовой системе уже в 1930-е гг. начал формироваться принцип государственной защиты материнства и детства.

Кроме названных выше, в Конституциях впервые было закреплено еще три новых принципа, имевших общеправовой характер[916]:

– принцип неприкосновенности личности, проявляющийся, в первую очередь, в том, что никто не может быть подвергнут аресту иначе как по постановлению суда или с санкции прокурора (ст. 127 Конституции СССР, ст. 131 Конституции РСФСР, ст. 102 Конституции АрмССР);

---

[915] См.: Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 18 марта 1963 г. № 2 с изменениями, внесенными постановлениями Пленумов от 26 апреля 1984 г. № 7 и от 18 апреля 1986 г. № 10 // «О строгом соблюдении законов судами при рассмотрении уголовных дел» // Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР (1924–1986 гг.) / под общ. ред. В.И. Теребилова. М.: Издательство «Известия Советов народных депутатов СССР», 1987. С. 392.

[916] По не совсем понятным причинам во всех трех Конституциях два разных принципа (принцип неприкосновенности жилища и принцип тайны переписки) излагались не в отдельных статьях, а в одной.

– принцип неприкосновенности жилища (ст. 128 Конституции СССР, ст. 132 Конституции РСФСР, ст. 103 Конституции АрмССР);

– принцип тайны переписки (ст. 128 Конституции СССР, ст. 132 Конституции РСФСР, ст. 103 Конституции АрмССР).

Наконец, в Конституциях появилась глава «Суд и прокуратура» (гл. IX Конституции СССР 1936 г., гл. X Конституции РСФСР 1937 г., гл. VII Конституции АрмССР), в которых были закреплены четыре межотраслевые принципа права:

– принцип осуществления правосудия только судом (ст. 102 Конституции СССР, ст. 107 Конституции РСФСР, ст. 81 Конституции АрмССР). Данный принцип был сформулирован не лаконично, а путем перечисления судов;

– принцип языка судопроизводства (ст. 110 Конституции СССР, ст. 114 Конституции РСФСР, ст. 86 Конституции АрмССР);

– принцип открытости судебного разбирательства (ст. 111 Конституции СССР, ст. 115 Конституции РСФСР, ст. 87 Конституции АрмССР);

– принцип независимости судей (ст. 112 Конституции СССР, ст. 116 Конституции РСФСР, ст. 88 Конституции АрмССР).

После принятия Конституции СССР 7 октября 1977 г., в РСФСР, в Армении, как и в других республиках Советского Союза, были разработаны новые Конституции. Названные нормативные правовые акты по сравнению с аналогичными предшественниками стали более объемными и охватывали больший круг общественных отношений.

Впервые в советском праве на конституционном уровне был провозглашен общеправовой принцип социалистической законности (ст. 4 Конституции СССР 1977 г., ст. 4 Конституции РСФСР 1978 г. и ст. 4 Конституции АрмССР 1978 г). Он подразумевал, что государственные и общественные организации, все должностные лица обязаны соблюдать Конституцию СССР, республиканские Конституции и советские законы. Социалистическая законность рассматривалась в качестве основы всего Советского государства и деятельности всех его органов.

При этом предполагалось единство прав и обязанностей граждан (ст. 59 Конституции СССР, ст. 57 Конституции РСФСР и ст. 57 Конституции АрмССР).

Как и в предшествующих Конституциях, в новых Конституциях большое внимание уделялось вопросам труда. В ст. 14 всех трех Конституций, по-прежнему имелась отсылка к «принципу социализма» «От каждого – по способностям, каждому – по труду», но уже не было упоминание формулы «Кто не работает, тот не ест». Видимо последнее стало следствием того, что тунеядство с 1970-х гг. стало уголовно наказуемым деянием. Труд рассматривался как мера положения в обществе и как источник благосостояния народа. При этом собственно принцип обязательности труда переместился в главу, посвященную основным правам, свободам и обязанностям граждан (ст. 60 Конституции СССР, ст. 58 Конституции РСФСР, ст. 58 Конституции АрмССР). Уклонение от общественно полезного труда определялось как несовместимое с принципами социалистического общества.

Ставший традиционным общеправовой принцип равенства всех перед законом нашел закрепление в ст. 34 Конституции СССР, ст. 32 Конституции РСФСР и ст. 32 Конституции АрмССР. При том, что отмечалось равенство во всех областях жизни, независимо «от происхождения, социального и имущественного положения, расовой и национальной принадлежности, **пола** (*выделено нами – В.И.*), образования, языка, отношения к религии, рода и характера занятий, места жительства и других обстоятельств», принцип равноправия женщины и мужчины был установлен в качестве отдельного в ст. 35 Конституции СССР, ст. 33 Конституции РСФСР, ст. 33 Конституции АрмССР. И здесь же, как и в Конституциях 1930-х гг., перечислялись гарантии женщинам в соответствующей сфере, но круг их стал более широким. Исходя из анализа этих положений и содержания абз. 2 ст. 53, абз. 2 ст. 51 Конституции РСФСР, абз. 2 ст. 51 Конституции АрмССР, что в 1977–1978 гг. состоялось закрепление принципа государственной защиты семьи, материнства и детства. Подтверждением этой мысли является то, что в постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 25 марта 1982 г. № 2 прямо указывалось, что

принимаемые в Советском Союзе «меры по охране материнства и детства, прав и законных интересов членов семьи являются выражением конституционного принципа защиты семьи социалистическим государством»[917].

Для многонационального Советского Союза был актуален вопрос национального равенства, поэтому, наряду с принципом равенства всех перед законом, в отдельной статье сделал особый акцент на равноправии «различных рас и национальностей» (ст. 36 Конституции СССР, ст. 34 Конституции РСФСР, ст. 34 Конституции АрмССР).

Впервые в Конституциях получили закрепление некоторые принципы семейного права. Кроме принципа государственной защиты семьи, материнства и детства, в Основных законах СССР, РСФСР и АрмССР нашлось место еще трем отраслевым принципам семейного права, а именно:

– принципу добровольности брака (абз. 1 ст. 53 Конституции СССР, абз. 1 ст. 51 Конституции РСФСР, абз. 1 ст. 51 Конституции АрмССР);

– равноправия супругов в семейных отношениях (абз. 1 ст. 53 Конституции СССР, абз. 1 ст. 51 Конституции РСФСР, абз. 1 ст. 51 Конституции АрмССР);

– взаимной заботы родителей и детей (ст. 66 Конституции СССР, ст. 64 Конституции РСФСР, ст. 64 Конституции АрмССР).

Как и в Конституциях 1930-х гг., в Конституциях 1970-х гг., были закреплены декларативные, но имевшие важное идеологическое значение на международном уровне в той конкретно-исторической ситуации общеправовые принципы неприкосновенности личности (ст. 54 Конституции СССР, ст. 52 Конституции РСФСР, ст. 52 Конституции АрмССР), жилища (ст. 55 Конституции СССР, ст. 53 Конституции РСФСР, ст. 53 Конституции АрмССР). Что касается существовавшего ранее принципа тайны переписки, то теперь он был расширен до принципа охраны личной жизни граждан, тайны переписки, телефонных

[917] Постановление Пленума Верховного Суда СССР 25 марта 1982 г. № 2 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел об установлении отцовства и о взыскании алиментов на детей и других членов семьи» // Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР (1924–1986 гг.) / под общ. ред. В.И. Теребилова. М.: Издательство «Известия Советов народных депутатов СССР», 1987. С. 255.

переговоров и телеграфных сообщений (ст. 56 Конституции СССР, ст. 54 Конституции РСФСР, ст. 54 Конституции АрмССР). Кроме того, появился общеправовой принцип уважения личности, охраны прав и свобод граждан как обязанности государства (ст. 57 Конституции СССР, ст. 55 Конституции РСФСР, ст. 55 Конституции АрмССР). Его содержание заключалось в праве на судебную защиту «от посягательств на честь и достоинство, жизнь и здоровье, на личную свободу и имущество». Другой гарантией являлось закрепленное в ст. 58 Конституции СССР, ст. 56 Конституции РСФСР и ст. 56 Конституции АрмССР право граждан на обжалование действий должностных лиц, государственных и общественных органов, а также на возмещение вреда, ими причиненного.

В Конституции СССР 1977 г. в гл. 20 «Суд и арбитраж», в Конституции РСФСР 1978 г. в гл. 21 с точно таким же названием, а в Конституции АрмССР в гл. 18 «Суд» был закреплен ряд межотраслевых принципов процессуального права. Перечень их по сравнению с советскими Конституциями 1930-х гг. расширился и включал в себя:

– принцип осуществления правосудия только судом (ст. 151 Конституции СССР, ст. 163 Конституции РСФСР, ст. 149 Конституции АрмССР);

– принцип независимости судей и народных заседателей (ст. 155 Конституции СССР, ст. 167 Конституции РСФСР, ст. 153 Конституции АрмССР). Как разъяснялось в Постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 5 декабря 1986 г. № 15 «принцип независимости судей и подчинения их только закону обязывает суды пресекать любые попытки вмешательства в разрешение конкретных дел. Судам надлежит ставить перед соответствующими органами вопрос о привлечении к ответственности таких должностных лиц»[918];

– принцип равенства всех перед законом и судом (ст. 156 Конституции СССР, ст. 168 Конституции РСФСР, ст. 154 Конституции АрмССР);

---

[918] Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 5 декабря 1986 г. № 15 «О дальнейшем укреплении законности при осуществлении правосудия» // Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР (1924–1986 гг.) / под общ. ред. В.И. Теребилова. М.: Издательство «Известия Советов народных депутатов СССР», 1987. С. 837.

– принцип открытости судебного разбирательства (ст. 157 Конституции СССР, ст. 169 Конституции РСФСР, ст. 155 Конституции АрмССР);

– принцип обеспечения обвиняемому права на защиту (ст. 158 Конституции СССР, ст. 170 Конституции РСФСР, ст. 156 Конституции АрмССР);

– принцип языка судопроизводства (ст. 159 Конституции СССР, ст. 171 Конституции РСФСР, ст. 157 Конституции АрмССР);

– принцип презумпции невиновности (ст. 160 Конституции СССР, ст. 172 Конституции РСФСР, ст. 158 Конституции АрмССР);

– принцип участия представителей общественности в уголовном и гражданском судопроизводстве (ст. 162 Конституции СССР, ст. 160 Конституции АрмССР).

Таким образом, вместо четырех межотраслевых принципов процессуального права, закрепленных в Конституциях 1930-х гг., в Конституциях 1970-х гг. их стало уже восемь. Кроме того, изменилась формулировка принципа независимости судей – он трансформировался в принцип независимости судей и народных заседателей.

Акцентируем внимание на принципе равенства всех перед законом и судом. Такая формулировка представляется в настоящее время уже устоявшейся (она использована и в ст. 19 Конституции РФ[919]), но неудачной по следующим причинам:

1) равенство перед законом является общеправовым принципом, предполагающим равенство прав граждан во всех сферах общественных отношений, включая судебную. Следовательно, конкретизация на конституционном уровне еще равенство перед судом является избыточной;

2) если рассматривать принцип равенства перед судом в качестве самостоятельного, то это не общеправовой, а межотраслевой принцип

---

[919] См.: Конституция Российской Федерации: принята 12 декабря 1993 г. всенародным голосованием (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ; с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // СЗ РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.

процессуального права, поэтому объединять два разноуровневых принципа в одной статье Конституции нецелесообразно.

Кстати, в действующей Конституции РА[920] законодатель отказался от формулировки «равенство перед законом и судом», предпочтя более верную формулировку «всеобщее равенство перед законом» (ст. 19 Конституции РА).

Как отдельный самостоятельный принцип принцип равенства перед судом впервые был закреплен еще в Российской империи. Он появился совсем не в глубокой древности. Основным препятствием к его возникновению был классовый характер права. Сословный характер судов, формировавшийся на протяжении веков, начиная с создания Древнерусского государства, был окончательно нормативно закреплен в ходе судебно-административной реформы Екатерины II. А вот отказ от него осуществился только при Александре II.

В Именном, данном Сенату, указе «Об учреждении судебных установлений и о Судебных уставах» от 20 ноября 1864 г[921]. император Александр II озвучил идеи, которые лежали в основе нового судебного законодательства. Одной из этих идей была «водворить в России суд … равный для всех подданных Наших…». Таким образом, в тексте названного нормативного правового акта, наряду с несколькими другими (справедливость, гуманизм, самостоятельность суда) четко была сформулированы основополагающая, лежащая в основе судоустройства, уголовного и гражданского судопроизводства, идея равенства подданных Российской империи перед судом. Другими словами, можно с уверенностью утверждать, что в указе «Об учреждении судебных установлений и о Судебных уставах» был сформулирован принцип равенства всех перед судом.

Обратим внимание, что мы имеем дело не с выводимым из текста нормативного акта доктринальным принципом, а именно с «настоящим»

---

[920] См.: Конституция Республики Армения от 5 июля 1995 г. (в редакции Законов Республики Армения от 27 ноября 2005 г., 6 декабря 2015 г.; Поправки в Конституцию Республики Армения от 22 июня 2020 г.) // URL: https://www.president.am/ru/constitution-2015 (дата обращения: 1.03.2024).

[921] См.: Именной, данный Сенату, указ «Об учреждении судебных установлений и о Судебных Уставах» от 20 ноября 1864 г. // Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗ РИ). Собр. 2.-е. Т. XXXIX. Отд. 2. № 41473.

принципом права, который воспринимался законодателем в качестве основополагающей идеи и был закреплен в тексте нормативного правового акта. Регламентация принципа равенства всех перед судом проводилась в двух процессуальных пореформенных кодифицированных актах Российской империи – Уставе уголовного судопроизводства от 20 ноября 1864 г. и Уставе гражданского судопроизводства от 20 ноября 1864 г[922]. При этом отметим, что в этих нормативных актах данный принцип не формулировался – в законодательных актах Российской империи отсутствовали структурные элементы, посвященные принципам законодательства. Кстати, само слово «принцип» также не использовалось.

Анализ текстов Судебных уставов 1864 г. приводит к выводу, что при привлечении к суду, судебном разбирательстве и вынесении судебного акта какой-либо дифференциации в зависимости от сословной принадлежности субъекта, его пола и иных обстоятельств не предусматривалось – для всех существовал единый порядок судопроизводства по уголовным и гражданским делам. Также никто не был ограничен в праве на судебную защиту своих нарушенных прав и законных интересов.

В дальнейшем в истории принципа равенства всех перед судом имелся временной разрыв, в течение которого была прервана соответствующая историческая традиция. Это позволяет отнести данный принцип к хронодискретным принципам российского и армянского права[923].

К числу хронодискретных принципов права относится и принцип независимости судей. Впервые он был введен в Российской империи, как

---

[922] См.: Устав уголовного судопроизводства от 20 ноября 1864 г. // ПСЗ РИ. Собр. 2-е. Т. XXXIX. Отд. 2. № 41476.

[923] Подробнее см. наши работы: Илюхина В.А. Принципы права как предмет хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения // Актуальные проблемы и перспективы развития научной школы Хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения: сб. научн. тр. по материалам Второй всероссийской научной конференции / под ред. А.А. Демичева, К.А. Демичева. Н. Новгород: НИУ РАНХиГС, 2019. С. 39–47; Демичев А.А., Демичев К.А., Илюхина В.А., Леонов А.П., Лонская С.В., Парамонов А.В., Тимощук А.С. Хронодискретное моногеографическое сравнительное правоведение: проблемы методологии: монография / под ред. А.А. Демичева. М.: Русайнс, 2021. С. 105–113.

и принцип равенства всех перед судом, в Именном указе, данном Сенату 20 ноября 1864 г. «Об учреждении судебных установлений и о Судебных уставах». В нем отмечалось, что при проведении судебной реформы император желает «возвысить судебную власть, дать ей надлежащую самостоятельность». Формулировка «независимость судей» в данном документе отсутствует, но если переложить то, что имелось на современный язык, то становится очевидным, что речь идет именно о независимости судебной власти, независимости суда, независимости судей.

Конкретизировался принцип независимости судей непосредственно в Учреждении судебных установлений от 20 ноября 1864 г[924]. Так, в соответствие с ч. 1 ст. 1 Учреждения судебных установлений судебной властью в Российской империи наделялся исчерпывающий круг органов, а именно: мировые судьи, съезды мировых судей, окружные суды, судебные палаты и Правительствующий Сенат в качестве верховного кассационного суда. Судебная власть этих установлений распространялась «на лица всех сословий и на все дела, как гражданские, так и уголовные» (ч. 2 ст. 1 Учреждения судебных установлений).

Принцип независимости судей в силу его характера являлся межотраслевым процессуальным принципом российского права – он регламентировался Уставом гражданского судопроизводства от 20 ноября 1864 г.[925] и Уставом уголовного судопроизводства от 20 ноября 1864 г. и реализовывался на всех стадиях гражданского и уголовного процесса. Мировые судьи и судьи общих судебных мест обладали большими возможностями в плане усмотрения при рассмотрении процессуальных вопросов и при вынесении решений ни от кого не зависели. Суд должен был выносить решения в соответствие с законом на основании собственного внутреннего убеждения, сформированного в результате объективного изучения обстоятельств рассматриваемого дела.

---

[924] См.: Учреждение судебных установлений от 20 ноября 1864 г. // ПСЗ РИ. Собр. 2-е. Т. XXXIX. Отд. 2. № 1475.

[925] См.: Устав гражданского судопроизводства от 20 ноября 1864 г. // ПСЗ РИ. Собр. 2-е. Т. XXXIX. Отд. 2. № 41477.

Впервые после окончания хроноразрыва принцип независимости судей получил нормативное закрепление, как мы уже отмечали ранее, в ст. 112 Конституции СССР 1936 г. был продублирован в ст. 116 Конституции РСФСР 1937 г. и в ст. 88 Конституции АрмССР 1937 г. а позже и в ст. 6 Закона СССР от 16 августа 1938 г. «О судоустройстве СССР, союзных и автономных республик»[926]. В дальнейшем вплоть до распада СССР принцип независимости судей был закреплен как на конституционном, так и на других уровнях. Причем в Конституциях 1970-х гг. он «расширился» до независимости судей и народных заседателей.

В настоящее время принцип независимости судей закреплен в ч. 1 ст. 120 Конституции РФ и ч. 1 ст. 63, ч. 1 ст. 164 Конституции РА, а также в судоустройственном законодательстве России и Армении и всех российских процессуальных кодексах, а именно: в ст. 5 ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации от 31 декабря 1996 г.»[927], в ст. 7 Судебного кодекса Республики Армения от 10 февраля 2018 г.[928], в ст. 8 ГПК РФ[929], в ст. 8.1 УПК РФ[930]; в ст. 5 АПК РФ[931], в ст. 7 КАС РФ[932]. В действующих армянских процессуальных кодексах законодатель отказался от дублирования конституционного и закрепленного в Судебном кодексе РА принципа независимости судей.

Вернемся к принципам права в советских Конституциях. В ст. 161 Конституции СССР, ст. 173 Конституции РСФСР и ст. 159 Конституции АрмССР

---

[926] См.: Закон СССР от 16 августа 1938 г. «О судоустройстве СССР, союзных и автономных республик» // Ведомости ВС СССР. 1938. № 11.

[927] См.: Федеральный конституционный закон от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» // СЗ РФ. 1997. № 1. Ст. 1.

[928] См.: Конституционный закон Республики Армения. Судебный кодекс Республики Армения от 10 февраля 2018 г. // URL: http://www.parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=6166&lang=rus#2 (дата обращения: 1.03.2024).

[929] См.: Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.

[930] См.: Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // СЗ РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

[931] См.: Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3012.

[932] См.: Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 8 марта 2015 г. № 21-ФЗ // СЗ РФ. 2015. № 10. Ст. 1391.

содержались нормы, которые можно истолковать как зачатки принципа права на получение юридической помощи, но о четком его формировании говорить еще рано. Вся юридическая помощь гражданам сводилась в деятельности адвокатов, которые в установленных законом случаях обязаны были ее оказывать бесплатно.

Наконец, обратим внимание, что в ст. 152 Конституции СССР, ст. 164 Конституция РСФСР и ст. 150 Конституции АрмССР был закреплен принцип выборности судей и народных заседателей. Однако, это не принцип права, а принцип организации судебной власти – одной из ветвей государственной власти.

Несмотря на то, что в советских Конституциях принципы права не маркировались, суды прекрасно знали об их существовании, и воспринимали не только как основополагающие идеи правового регулирования общественных отношений, но и в качестве правовых норм, особенно если они дублировались и/или конкретизировались в отраслевом законодательстве. Более-менее четко данный подход проявился в судебной практике после принятия Конституций 1970-х гг. Проиллюстрируем это на нескольких примерах постановлений Пленумов Верховного Суда СССР, оказывавших мощнейшее влияние на судебную практику в советских республиках, включая РСФСР и АрмССР.

Поскольку советские Конституции не содержали норм об их прямом действии и на уровне правосознания воспринимались, скорее, как документ декларативного характера, Пленум Верховного Суда СССР уже вскоре после принятия Конституции СССР 1977 г. в п. 11 своего постановления от 3 февраля 1978 г. № 1 обратил внимание судов на то, что их деятельность должна основываться на конституционном принципе социалистической законности, независимости судей и народных заседателей и подчинении закону. Также обращалось внимание на то, что суды обязаны неуклонно соблюдать конституционные демократически принципы осуществления правосудия и тем самым обеспечивать «равенство всех граждан перед законом и судом, гласность и коллегиальность в рассмотрении гражданских и уголовных дел, защиту прав

и законных интересов участников судебного процесса»[933]. В п. 21 того же постановления к Судебным коллегиям Верховного Суда СССР и Верховным Судам союзных республик было предъявлено требование по регулярному изучению и соблюдению судами конституционных принципов и законодательства[934].

В постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 3 февраля 1978 г. № 1 «Новая Конституция СССР и задачи дальнейшего совершенствования судебной деятельности» отмечалось важность такого конституционного принципа как право подсудимого на защиту. При этом, исходя из изучения судебной практики, Пленум констатировал, что этот принцип «соблюдается и это положительно влияет на качество осуществления правосудия»[935], хотя некоторые нарушения права подсудимого на защиту, конечно, имели место. В п. 1 названного постановления внимание судов обращалось на то, что «обеспечение обвиняемому (подсудимому) права на защиту является конституционным принципом и должно строго выполняться во всех стадиях уголовного судопроизводства как важная гарантия установления истины и вынесения законного, обоснованного и справедливого приговора»[936]. А в п. 2 постановления судам строго

---

[933] Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 3 февраля 1978 г. № 1 «Новая Конституция СССР и задачи дальнейшего совершенствования судебной деятельности» // Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР (1924–1986 гг.) / под общ. ред. В.И. Теребилова. М.: Издательство «Известия Советов народных депутатов СССР», 1987. С. 22.

[934] См.: Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 3 февраля 1978 г. № 1 «Новая Конституция СССР и задачи дальнейшего совершенствования судебной деятельности» // Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР (1924–1986 гг.) / под общ. ред. В.И. Теребилова. М.: Издательство «Известия Советов народных депутатов СССР», 1987. С. 24.

[935] См.: Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 16 июня 1978 г. № 5 «О практике применения судами законов, обеспечивающих обвиняемому право на защиту» // Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР (1924–1986 гг.) / под общ. ред. В.И. Теребилова. М.: Издательство «Известия Советов народных депутатов СССР», 1987. С. 766.

[936] Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 16 июня 1978 г. № 5 «О практике применения судами законов, обеспечивающих обвиняемому право на защиту» // Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР (1924–1986 гг.) / под общ. ред. В.И. Теребилова. М.: Издательство «Известия Советов народных депутатов СССР», 1987. С. 766.

предписывалось соблюдать конституционный принцип презумпции невиновности (правда, сам этот термин в тексте документа не использовался)[937].

Дальнейшее развитие в законодательстве и судебной практике общеправовые и иные конституционные принципы права России и Армении получили уже на постсоветском пространстве в самостоятельных и независимых Российской Федерации (в Конституции, принятой 12 декабря 1993 г.) и Республике Армения (в Конституции, принятой 5 июля 1995 г.).

Завершая исследование конституционных принципов права в советских Конституциях, акцентируем внимание на следующих моментах.

Впервые на конституционном уровне принципы права России получили в 1918 г., а Армении – в 1922 г. к 1978 г. прошли значительную эволюцию. Существенные изменения произошли в количестве и месте закрепления принципов права в Конституциях. В зависимости от динамики конкретно-исторической ситуации корректировке подвергалось и их содержание.

В Конституции РСФСР 1918 г. и Конституции ССРА 1922 г. содержалось всего два принципа (обязательности труда и равенства прав граждан), а именно: в первом российском конституционном акте – в разделе первом «Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа», а в первом армянском конституционном акте – в первой главе «Основные принципы власти эксплуатируемого и трудового народа». Те же два принципа (правда, с незначительно отличающимися формулировками) были закреплены в Конституциях РСФСР 1925 г. и ССРА 1927 г. В Конституции РСФСР данные принципы закреплялись в гл. 1, не имевшей названия, а в Конституции ССРА также в гл. 1, которая называлась «Основные начала», что эквивалентно «принципам».

---

[937] См.: См.: Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 16 июня 1978 г. № 5 «О практике применения судами законов, обеспечивающих обвиняемому право на защиту» // Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР (1924–1986 гг.) / под общ. ред. В.И. Теребилова. М.: Издательство «Известия Советов народных депутатов СССР», 1987. С. 767.

В дальнейшем количество конституционных принципов права стало увеличиваться. Причем при их нормативном закреплении стали хорошо заметны две особенности: последовательность и дублированность. Первая заключалась в том, что сначала принималась Конституция СССР, а вслед за ней через небольшой промежуток времени – Конституции союзных республик. Вторая особенность состояла в том, что, несмотря на имеющиеся различия между Конституцией СССР, Конституцией РСФСР и Конституцией АрмССР, принципы права содержательно дублировались, имели практически идентичные формулировки и закреплялись в аналогичных структурных элементах соответствующих Основных законов.

В Конституции СССР 1936 г., Конституции РСФСР 1937 г. и Конституции АрмССР 1937 г. принципов права стало десять, а закреплялись они уже в трех разных главах: «Общественное устройство», «Суд и прокуратура» и «Основные права и обязанности граждан». Одновременно в Конституциях закреплялись и общеправовые, и отраслевые принципы права.

В Конституции СССР 1977 г., Конституции РСФСР 1978 г. и Конституции АрмССР 1978 г. количество принципов права возросло до двадцати. Причем закреплялись они уже в четырех разных главах Основного закона. В гл. 1 «Политическая система» появился новый конституционный принцип советского права – принцип социалистической законности. В гл. 6 «Гражданство СССР. Равноправие граждан» Конституции СССР 1977 г., гл. 5 «Гражданство РСФСР. Равноправие граждан» Конституции РСФСР 1978 г. и гл. 5 «Гражданство Армянской ССР. Равноправие граждан» Конституции АрмССР 1978 г. нашлось место двум ранее существовавшим принципам: равенства всех перед законом и равноправия женщины и мужчины и одному новому принципу – принципу государственной защиты семьи, материнства и детства.

В гл. 7 «Основные права, свободы и обязанности граждан СССР» Конституции СССР, гл. 6 «Основные права, свободы и обязанности граждан РСФСР» Конституции РСФСР, гл. 6 «Основные права, свободы и обязанности граждан Армянской ССР» Конституции АрмССР было еще восемь принципов:

три «старых» (обязательности труда, неприкосновенности личности, неприкосновенности жилища), четыре новых (добровольности брака, равноправия супругов в семейных отношениях, взаимной заботы родителей и детей, уважения личности, охраны прав и свобод граждан как обязанности государства) и один принцип был расширен (принцип тайны переписки трансформировался в принцип охраны личной жизни граждан, тайны переписки, телефонных переговоров и телеграфных сообщений).

Наконец, впервые на конституционном уровне (в гл. 20 «Суд и арбитраж» Конституции СССР, гл. 21 «Суд и арбитраж» Конституции РСФСР, в гл. 18 «Суд» Конституции АрмССР) нашли нормативное закрепление принципы процессуального права. Таковых было восемь, причем новыми стали принцип равенства всех перед законом и судом, принцип обеспечения обвиняемому права на защиту, принцип презумпции невиновности, принцип участия представителей общественности в уголовном и гражданском судопроизводстве.

Таким образом, в Конституции СССР1977 г., Конституции РСФСР 1978 г. и Конституции АрмССР 1978 г. одновременно закреплялись и общеправовые, и межотраслевые, и отраслевые принципы права.

Что касается судебной практики, то в ней нашлось место конституционным принципам права в постановлениях Пленумов Верховного Суда СССР. Однако упоминание этих принципов, в основном, носило декларативный характер, а сами они не являлись непосредственными регуляторами общественных отношений в советский период российской и армянской истории.

2. Проблемные аспекты выделения конституционных принципов права в действующем законодательстве России и Армении. Конституционные общеправовые принципы в правовых системах Российской Федерации и Республики Армения[938]

[938] При написании данного параграфа были использованы следующие работы автора: Илюхина В.А. Принцип законности как основа гражданского общества (на примере законодательства России и Армении) // Гражданское общество в России и за рубежом. 2019. № 1. С. 7–10; Илюхина В.А. Конституционные принципы процессуальных отраслей российского права // Тамбовские правовые чтения имени Ф.Н. Плевако: материалы III Международной научно-практической конференции. 24–25 мая 2019 г.: в 2-х т. Т. 1 / отв. ред. В.Ю. Стромов. Тамбов: Издательский дом «Державинский», 2019. С. 56–58; Илюхина В.А. Принцип равенства всех перед судом в России: история и современность // Историко-правовые проблемы: Новый ракурс. 2020. № 3. С. 31–41; Илюхина В.А. Конституционные принципы права как основа гражданского общества (на материалах российского и армянского права) // Гражданское общество в России и за рубежом. 2021. № 1. С. 22–26; Demichev A., Iliukhina V., Paramonov A., Engibaryan M. Constitutional principles of law: concept, types and their role in the legal system // AD ALTA – Journal of Interdisciplinary Research. 2021. Vol. 11. № 2. P. 47–50; Илюхина В.А. Конституционные принципы гражданского права // Вестник Нижегородского института управления. 2021. № 2 (60). С. 4–10; Илюхина В.А. Принцип неприкосновенности личности в уголовном судопроизводстве России и Армении (сравнительно-правовой анализ) // Администратор суда. 2022. № 4. С. 50–53; Илюхина В.А. Принцип законности в уголовном судопроизводстве России и Армении (сравнительно-правовой анализ) // Казанские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения: материалы Междунар. науч-практ. конф. (Казань, 28 апр. 2022 г.): в 2-х ч. / [редкол.: Ю.Н. Кулешов (отв. ред.) и др.]. Казань: ЮрЭксПрактик, 2022. Ч. 2. С. 82–85; Илюхина В.А. Принцип законности в уголовно-исполнительном законодательстве России и Армении (сравнительно-правовой анализ) // Уголовно-исполнительная система на современном этапе с учетом реализации Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года: сб. тез. выступ. и докл. участников Междунар. науч.-практ. конф. по проблемам исполнения уголовных наказаний (Рязань, 17–18 нояб. 2022 г.): в 2-х т. Рязань: Академия ФСИН России, 2022. Т. 2. Материалы научно-практических мероприятий. 2022. С. 891–896; Илюхина В.А. Маркированные конституционные принципы права Республики Армения // Современные вопросы государства, права, юридического образования: сб. научн. тр. по материалам XVIII Международной научно-практической конференции. 22 декабря 2022 г. / редкол.: А.В. Лапаева, Н.С. Ельцов, О.В. Моисеева. Тамбов: Издательский дом «Державинский», 2023. С. 51–55; Илюхина В.А. Принцип правовой определенности в российской и армянской правовой системе (сравнительный анализ) // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2023. № 3. С. 32–38; Илюхина В.А. Принцип соразмерности в правовых системах России и Армении (сравнительно-правовое исследование) // Алтайский юридический вестник. 2024. № 2 (46). С. 5–10; Илюхина В.А.Проблемные аспекты выделения конституционных принципов права в действующем законодательстве России и Армении // Вестник Нижегородского института управления. 2024. № 1 (71). С. 41-46; 45. Илюхина В.А. Принцип уважения чести и достоинства личности как общеправовой принцип в правовых системах России и Армении (сравнительно-правовое исследование // Мировой судья. 2024. № 8. С. 7–12; Илюхина В.А. Принципы права в национальных правовых системах Российской Федерации и Республики Армения (сравнительно-правовое исследование): монография / под ред. А.А. Демичева. М.: Директ-Медиа, 2024. С. 286–323.

Конституция в странах континентальной правовой семьи является нормативным правовым актом, отличающимся от всех прочих нормативных правовых актов не только ведущей ролью в системе правового регулирования и особым местом в системе права и правовой системе, но и специфической структурой и характером закрепления норм права. То, что в конституционных актах закреплены наиболее общие и социально значимые нормы, повлияло на их формулировки. В большинстве Конституций государств, принадлежащих к континентальной правовой семье, понятие «принцип» используется, в основном, применительно к международному праву (общепризнанные принципы международного права) и крайне редко – в значении «принцип права».

Проиллюстрируем приведенное выше положение примером Конституции РФ, принятой на всенародном референдуме 12 декабря 1993 г. Термин «принцип» в этом документе встречается восемь раз (преамбула, ч. 4 ст. 15, ч. 1 ст. 17, ст. 69, п. и) и н) ч. 1 ст. 72, ч. 3 ст. 75, ч. 1 ст. 77). При этом имеет место упоминание (но не раскрытие содержания) о существовании неких общепризнанных принципов равноправия и самоопределения народов (преамбула), общепризнанных принципов международного права (ч. 4 ст. 15, ч. 1 ст. 17, ст. 69), общих принципов налогообложения и сборов в Российской Федерации (п. и) ч. 1 ст. 72, ч. 3 ст. 75), общих принципов организации системы органов государственной власти и местного самоуправления (п. н) ч. 1 ст. 72), общих принципов организации представительных и исполнительных органов государственной власти (ч. 1 ст. 77). Таким образом, в статьях Конституции РФ, где используется понятие «принцип», оно не употребляется в значении «принцип права», кроме упоминания в трех статьях о принципах международного права. При этом данные принципы не перечисляются и не конкретизируются.

Другой проблемой является то, что ни в Конституции РФ, ни в Конституции Итальянской Республики от 22 декабря 1947 г.[939], ни в Основном законе

[939] См.: Конституция Итальянской Республики от 22 декабря 1947 г. // Конституции зарубежных государств: Великобритания, Франция, Германия, Италия, Европейский союз, Соединенные Штаты Америки, Япония: учеб. пособие / [сост. сб., пер., авт. введ. и вступ. ст. В.В. Маклаков]. 8-е изд., исправл. и доп. М.: Инфотропик Медиа, 2012. С. 270–308.

Федеративной Республики Германии от 23 мая 1949 г.[940], ни в Конституции Французской Республики от 4 октября 1958 г.[941], ни в Конституции Королевства Испания от 29 декабря 1978 г.[942], ни в Конституции Чешской республики от 16 декабря 1992 г.[943], ни в Конституции Республики Беларусь от 15 марта 1994 г.[944], ни в Конституции Республики Польша от 2 апреля 1997 г.[945], ни в конституционных актах подавляющего большинства других стран, входящих в континентальную правовую семью, статьи не имеют названий. Естественно, это осложняет не только выделение принципов права, но и формулирование их названий. Таким образом, название конституционных принципов носит условный характер, а выделение той или иной нормативно закрепленной основополагающей идеи может быть дискуссионным. Обратив внимание, дискуссионными являются названия и формулировки отдельных принципов, но не их сущность, которая четко отражена в Конституциях. Также согласимся с А.В. Парамоновым, что условность названия конституционных принципов права не является основанием для подвергания сомнению самого факта, что в Конституции «закреплены основополагающие идеи – принципы права, имеющие существенное значение для правового регулирования»[946].

Все указанное выше свидетельствует о существовании проблем толкования текста конституционного акта на предмет, является ли то или иное положение

---

[940] См.: Основной закон Федеративной Республики Германии от 23 мая 1949 г. // Конституции зарубежных государств: Великобритания, Франция, Германия, Италия, Европейский союз, Соединенные Штаты Америки, Япония: учеб. пособие / [сост. сб., пер., авт. введ. и вступ. ст. В.В. Маклаков]. 8-е изд., исправл. и доп. М.: Инфотропик Медиа, 2012. С. 164–243.

[941] См.: Конституция Французской Республики от 4 октября 1958 г. // Конституции зарубежных государств: Великобритания, Франция, Германия, Италия, Европейский союз, Соединенные Штаты Америки, Япония: учеб. пособие / [сост. сб., пер., авт. введ. и вступ. ст. В.В. Маклаков]. 8-е изд., исправл. и доп. М.: Инфотропик Медиа, 2012. С. 81–116.

[942] См.: Конституция Королевства Испания от 29 декабря 1978 г. // Конституции зарубежных государств: учебное пособие. 2-е изд., испр. и доп. М.: Издательство БЕК, 1997. С. 297–351.

[943] См.: The Constitution of the Czech Republic, adopted on 16 December 1992 // URL: https://www.psp.cz/en/docs/laws/constitution.html (дата обращения: 1.03.2024).

[944] См.: Конституция Республики Беларусь от 15 марта 1994 г. // https://pravo.by/pravovaya-informatsiya/normativnye-dokumenty/konstitutsiya-respubliki-belarus/ (дата обращения: 1.03.2024).

[945] См.: Konstytucja Rzeczypospolitej Polskiej, z dnia 2 kwietnia 1997 r. // URL: https://www.wipo.int/wipolex/ru/text/459200 (дата обращения: 1.03.2024).

[946] Парамонов А.В. Практическое значение конституционных принципов права // Актуальные проблемы государства и права. 2020. Т. 4. № 16. С. 437.

Конституции принципом права, как сформулировать название конкретного принципа, закреплен ли данный принцип в одной статье Конституции или «разбросан» по нескольким статьям. Соответственно важную роль играет толкование текста Конституции, а также то, как тот или иной конституционный принцип назван, раскрыт, продублирован и (или) интерпретирован в отраслевом законодательстве.

Исключение представляет Конституция Республики Армения от 5 июля 1995 г. с изменениями, внесенными референдумом 6 декабря 2015 г. Формально в Армении сейчас действует Конституция 1995 г., но фактически 6 декабря 2015 г. в нее в результате референдума были внесены столь существенные изменения и содержательного, и структурного, и технико-юридического характера, что редакцию 2015 г. следует рассматривать как новую Конституцию Республики Армения.

В первоначальном тексте Конституции РА 1995 г., как и в Конституциях большинства других государств, входящих в романо-германскую правовую семью, статьи названий не имели. Однако в действующей редакции Конституции РА все статьи получили названия. Причем в ряде случаев в названии статей этого нормативного правового акта законодатель использует термин «принцип» «սկզբունքը», в том числе, и в значении «принцип права»: ст. 6 «Օրինականության սկզբունքը» («Принцип законности»), ст. 71 «Принцип вины и принцип соразмерности наказания» (Մեղքի սկզբունքը եւ պատժի համաչափության սկզբունքը), ст. 72 «Принцип законности при установлении преступлений и назначении наказаний» (Հանցագործություններ սահմանելիս եւ պատիժներ նշանակելիս օրինականության սկզբունքը), ст. 78 «Принцип соразмерности» «Համաչափության սկզբունքը», ст. 79 «Принцип определенности» «Որոշակիության սկզբունքը»). Несомненно, такой подход упрощает понимание того, какие идеи законодатель считает основополагающими, принципами права.

Сложность выделения конституционных принципов права заключается и в том, что существуют разные способы их изложения в Конституции.

По способу изложения в тексте конституционного акта принципы права могут быть разделены на:

1) закрепленные целиком в одной статье;

2) закрепленные в одной или нескольких частях одной статьи;

3) закрепленные в нескольких разных статьях или частях разных статей.

Приведем несколько примеров из Конституций РФ и РА. Так, уже неоднократно упоминавшийся в данной работе принцип презумпции невиновности закреплен только в одной статье Конституции РФ (ст. 49). Следует отметить, что такой способ закрепления презумпции невиновности характерен и для Конституции РА (ст. 66), а также для конституционных актов всех стран континентальной правовой семьи, начиная со ст. 9 Декларации прав человека и гражданина, принятой во Франции 26 августа 1789 г.[947] и до современности.

Примерами закрепления конституционного принципа права в одной части статьи служит принцип тайны переписки, телефонных и иных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений (ч. 2 ст. 23 Конституции РФ), в нескольких частях одной статьи – принцип законности (ч. 1, 2 и 3 ст. 15 Конституции РФ), принцип открытости разбирательства дел во всех судах (ч. 1 и 2 ст. 123 Конституции РФ). В нескольких статьях Конституции закреплены, например, принцип всеобщего равенства перед законом (ст. 28, 29, 30 Конституции РА), принцип физической и психической неприкосновенности личности (ст. 25, 26, 27 Конституции РА), принцип уважения чести и достоинства личности (ст. 21 и 22 Конституции РФ), принцип компенсации ущерба, причиненного незаконными действиями (или бездействием) органов государственной власти или их должностных лиц, а также в результате преступления (ст. 42, 52, 53 Конституции РФ). Отметим, что нормы о компенсации содержатся и в ст. 133 Конституции РФ, посвященной гарантиям местного самоуправления. В указанной статье в качестве одной из гарантий

[947] См.: Декларация прав человека и гражданина от 26 августа 1789 г. // Конституции зарубежных государств: Великобритания, Франция, Германия, Италия, Европейский союз, Соединенные Штаты Америки, Япония: учеб. пособие / [сост. сб., пер., авт. введ. и вступ. ст. В.В. Маклаков]. 8-е изд., исправл. и доп. М.: Инфотропик Медиа, 2012. С. 117–119.

названа компенсация дополнительных расходов, возникших в результате выполнения органами местного самоуправления во взаимодействии с органами государственной власти публичных функций. Наконец, в качестве примера закрепления одного конституционного принципа в отдельных частях разных статей можно назвать принцип неприкосновенности частной жизни (ч. 1 ст. 23 и ч. 1 ст. 24 Конституции РФ).

До 1 января 2023 г. в Российской Федерации существовали конституционные (уставные) суды субъектов РФ[948]. В них сложилась собственная практика использования принципов права при аргументации выносимых судебных актов. Однако мы эту проблему не рассматриваем по двум основным причинам. Во-первых, названные суды больше не функционируют в России, соответственно изучение их практики утратило актуальность. Во-вторых, ранее уже проводились исследования, в том числе монографические, принципов права в деятельности этих судов[949].

Принципы права – это идейное ядро любой отрасли права, а конституционные принципы являются основой системы принципов каждой отрасли права. От качества формулировки принципов права, степени их понятности для всех субъектов правоотношений напрямую зависит эффективность правоприменения. Учитывая, упоминавшуюся нами ранее специфику конституционных принципов права, заключающуюся в том, что в большинстве случаев в текстах конституционных актов не используется слово «принцип», важную роль играет толкование Конституции. Конечно,

---

[948] См.: Федеральный конституционный закон от 8 декабря 2020 г. № 7-ФКЗ «О внесении изменений в отдельные федеральные конституционные законы» // СЗ РФ. 2020. № 50 (ч. I). Ст. 8029.

[949] См., напр., Хабибуллина Г.Р. Межотраслевые принципы права и конституционное правосудие в субъектах Российской Федерации: монография. М.: Статут, 2017; Лонская С.В. Правовые принципы в аргументации правовых позиций Уставного суда Калининградской области // Принципы и ценности в праве: доктрина, правотворчество, реализация. Третьи Прокопьевские чтения: материалы Международной научно-практической конференции, Калининград, 6 декабря 2019 г. Калининград: Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта, 2020. С. 33–39; Хабибуллина Г.Р. Общеправовые принципы и конституционное правосудие в субъектах Российской Федерации: монография. М.: Проспект, 2021.

доктринальное толкование Конституции необходимо, но на реальные правоотношения в обществе оказывает влияние не оно, а официальное толкование. В разных государствах функция официального толкования Конституции возложена на разные, в основном, высшие судебные органы, например, во Франции – на Конституционный Совет, в Германии – на Федеральный Конституционный Суд, в России и Армении – на Конституционный Суд.

Как и принципы права в целом конституционные принципы права по сфере действия можно классифицировать на общеправовые, межотраслевые и отраслевые. Как отмечает Г.Р. Хабибуллина, большинство конституционных принципов относится к межотраслевым[950]. В параграфе 1 главы 2 нашего исследования в Таблице 1 мы перечислили конституционные общеправовые принципы Российской Федерации и Республики Армения, но не проводили их сравнительный анализ и не раскрывали содержание (за исключением принципа законности). Далее мы дадим общую характеристику этого вида принципов российского и армянского права с учетом их правовой регламентации на конституционном и отраслевом уровне, а также востребованности в судебной практике.

Принцип законности. Принцип законности еще с советского периода российской и армянской истории является одним из активно исследуемых в научной литературе как общетеоретического[951], так и отраслевого характера[952].

---

[950] См.: Хабибуллина Г.Р. Межотраслевые принципы права и конституционное правосудие в субъектах Российской Федерации: монография. М.: Статут, 2017. С. 4.

[951] См., напр., Александров Н.Г. Законность и правоотношения в советском обществе. М.: Госюриздат, 1955; Лукашева Е.А. Правосознание и утепление законности в СССР. М.: Госюриздат, 1957; Александров Н.Г. Право и законность в период развернутого строительства коммунизма. М.: Госюриздат, 1961; Строгович М.С. Социалистическая законность – незыблемый принцип нашей общественной жизни. М.: Знание, 1969; Гранин А.Ф, Социалистическая законность и правопорядок. Киев: Изд-во Киевской Высшей школы МВД СССР, 1970; Третьяков Ф.Ф. Сущность и принципы социалистической законности. Ленинград: Знание, 1971; Социалистическая законность и государственная дисциплина / отв. ред. В.Н. Кудрявцев. М.: Наука, 1975; Апиян Н.А. На страже правопорядка и законности. Ереван: Изд-во Ерев. ун-та, 1979; Тадевосян В.С. Укрепление социалистической законности в народном хозяйстве. М.: Наука, 1980; Альшуллер М.Н. Принцип единства социалистической законности в период развитого социализма: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Харьков, 1980;

При этом часто его изучение подменяется исследованием более широкого правового явления – законности. И, одновременно, как справедливо отмечают авторы коллективной монографии, посвященной современным интерпретациям принципа законности, «законность – тема для правовой науки комплексная и незавершенная, притом не в силу внутреннего содержания, а по причине крайне сложно выполняемых на практике требований, которые данный принцип

Вопленко Н.Н. Теоретические проблемы режима законности в применении норм социалистического права: дис. ... д-ра юрид. наук. Волгоград, 1983; Лисюткин А.Б. Принципы законности и их реализация в условиях правового государства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1992; Ефремов А.Ф. Принципы законности и проблемы их реализации / под общ. ред. В.М. Ведяхина. Тольятти: Изд-во ТолПИ, 2000; Ефремов А.Ф. Теоретические и практические проблемы реализации принципов законности в Российском государстве: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2000; Апиян Н.А., Товмасян М.А. Законность и правопорядок в правовом государстве. Ереван: Аштарак, 2000; Овод А.В. Принцип законности в публичном праве: дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2005; Винницкий И.Е. Функции справедливости и законности как принципов права: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011; Принцип законности: современные интерпретации: монография / под общ. ред. М.А. Беляева, В.В. Денисенко, А.А. Малиновского. М.: Проспект, 2019; ՂԱՄԲԱՐՅԱՆ Ա. ՕՐԻՆԱԿԱՆՈՒԹՅԱՆ ՍԿԶԲՈՒՆՔԸ ԵՎ «ԴԱՏԱՎՈՐԸ ԵՆԹԱԿԱ Է ՕՐԵՆՔԻՆ» ԴՐՈՒՅԹԸ CONTRA LEGEM ԻՐԱՎՈՒՆՔԻ ՁԱՐԳԱՑՄԱՆ ԴՈԿՏՐԻՆԻ ՀԱՄԱՏԵՔՍՏՈՒՄ // ՀՀ ՍԱՀՄԱՆԱԴՐԱԿԱՆ ԴԱՏԱՐԱՆ. ՏԵՂԵԿԱԳԻՐ. 2023. № 2 (110). Էջ. 10–43 (Гамбарян А. Принцип законности и положение «судья подчиняется закону» в контексте доктрины развития права contra legem // Вестник Конституционного Суда РФ. 2023. № 2 (110). С. 10–43) и др.

[952] См., напр., Авдюков М.Г. Принцип законности в гражданском судопроизводстве. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1970; Кобликов А.С. Законность – конституционный принцип советского уголовного судопроизводства. М.: Юрид. лит., 1979; Боннер А.Т. Принцип законности в советском гражданском процессе. М.: Изд-во РИО ВЮЗИ, 1989; Олейник О.В. Принцип законности и гарантии его реализации в уголовном праве Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2003; Ղամբարյան Ա. Օրինականությունը որպես արդարադատության սահմանադրական սկզբունք // Պետություն և իրավունք. 2004. № 1–2. էջ. 36–46 (Гамбарян А. Законность как конституционный принцип правосудия // Государство и право. 2004. № 1–2. С. 36–46); Кораблев Р.Н. Принцип законности и его реализация в уголовном праве Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004; Федина А.С. Реализация принципа законности в гражданском процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тверь, 2004; Кубасов А.В. Обеспечение принципа законности в исправительных колониях общего и строгого режимов: дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2005; Куприянов А.А. Реализация принципа законности в уголовном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006; Канубриков В.А. Принцип законности в уголовном праве России: теоретические и правоприменительные проблемы: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2011; Аветисян С.С. Принцип законности в уголовном праве: проблемы применения и законодательного совершенствования // Вестник Российско-Армянского (Славянского) университета: гуманитарные и общественные науки. 2016. № 1 (22). С. 7–13; Ղարսյան Ա. ՕՐԻՆԱԿԱՆՈՒԹՅԱՆ ՍԿԶԲՈՒՆՔԸ ՔԱՂԱՔԱՑԻԱԿԱՆ ԴԱՏԱՎԱՐՈՒԹՅՈՒՆՈՒՄ // Պետություն և իրավունք. 2020. № 3 (88). Էջ. 62–69 (Карслян А. Принцип законности в гражданском судопроизводстве // Государство и право. 2020. № 3 (88). С. 62–69) и др.

предъявляет к реальности»[953]. Несмотря на разные подходы к количеству и формулировкам общеправовых принципов, как верно отмечает Т.В. Цатурян, «большинство исследователей обязательно включают принцип законности в свои перечни»[954].

Сложность исследования принципа законности в правовых системах России и Армении обусловливается, на наш взгляд, неоднозначностью его правовой регламентации. В параграфе 1 главы 2 нашей работы мы сравнили содержание принципа законности, закрепленного в ч. 1, 2, 3 ст. 15 Конституции РФ и в ст. 6 Конституции РА и пришли к выводу, что подходы к пониманию этого принципа достаточно серьезно расходятся не в восприятии одних и тех же элементов принципа законности, а в самом его объеме и структуре. Мы полагали, что некую определенность в понимание содержания принципа законности в российском и армянском праве мог бы внести анализ отраслевого кодифицированного законодательства. В ряде российских и армянских кодексов имеются статьи, включающие в название слово «законность» «օրինականություն», или сочетание «принцип законности» «օրինականության սկզբունքը». Однако анализ отраслевых российских и армянских кодексов привел нас к несколько неожиданным выводам.

Во-первых, понятия «законность» или «принцип законности» встречаются далеко не во всех кодексах. Точнее, они используются в их небольшом количестве. Так, в Российской Федерации указанные названия имеют место в шести кодифицированных актах: в УК РФ (ст. 3), УИК РФ (ст. 8), УПК РФ (ст. 7), КоАП РФ (ст. 1.6), АПК РФ (ст. 6), КАС РФ (п. 3 ст. 6, ст. 9), а в Республике Армения – только в двух: УК РА (ст. 4) и УИК РА (ст. 5, 7). Ранее таких кодексов было три – принцип законности также закреплялся в ст. 7 УПК РА 1998 г., однако армянский законодатель в УПК РА 2021 г. намеренно отказался

---

[953] Принцип законности: современные интерпретации: монография / под общ. ред. М.А. Беляева, В.В. Денисенко, А.А. Малиновского. М.: Проспект, 2019. С. 10.

[954] Цатурян Т.В. Общеправовой принцип законности: понятие и сущность // Бизнес в законе. Экономико-юридический журнал. 2014. № 2. С. 113.

от дублирования ряда конституционных принципов, включая и принцип законности, в отраслевом законодательстве.

Во-вторых, формулировки принципа законности, изложенные в соответствующих статьях различных отраслевых кодексов, практически не совпадают ни по объему, ни, в определенной степени, по содержанию.

Так, в ст. 3 УК РФ «Принцип законности» говорится: «1. Преступность деяния, а также его наказуемость и иные уголовно-правовые последствия определяются только настоящим Кодексом. 2. Применение уголовного закона по аналогии не допускается». В аналогичной ст. 5 «Принцип законности» УК РА содержание принципа законности практически идентично российскому: «1. Преступность деяния, его наказуемость и иные уголовно-правовые последствия определяются только уголовным законом. 2. Применение уголовного закона по аналогии запрещается». Данная ситуация может быть объяснена, по нашему мнению, общими советским корнями современного российского и армянского уголовного законодательству, а также изучением российского опыта армянским законодателем при составлении УК РА.

Несколько иная ситуация в интересующем нас контексте сложилась в сфере уголовно-процессуального права. Ст. 7 «Законность при производстве по уголовному делу» УПК РФ в содержательном плане отличается от ст. 7 «Законность» уже не действующего УПК РА 1998 г.[955] Возможно, в данном

[955] Ст. 7 УПК РФ гласит: «1. Суд, прокурор, следователь, орган дознания, начальник органа дознания, начальник подразделения дознания и дознаватель не вправе применять федеральный закон, противоречащий настоящему Кодексу. 2. Суд, установив в ходе производства по уголовному делу несоответствие федерального закона или иного нормативного правового акта настоящему Кодексу, принимает решение в соответствии с настоящим Кодексом. 3. Нарушение норм настоящего Кодекса судом, прокурором, следователем, органом дознания, начальником органа дознания, начальником подразделения дознания или дознавателем в ходе уголовного судопроизводства влечет за собой признание недопустимыми полученных таким путем доказательств. 4. Определения суда, постановления судьи, прокурора, следователя, органа дознания, начальника органа дознания, начальника подразделения дознания, дознавателя должны быть законными, обоснованными и мотивированными», а ст. 7 УПК РА: «1. Орган дознания, следователь, прокурор, суд, а также другие лица, участвующие в уголовном судопроизводстве, обязаны соблюдать Конституцию Республики Армения, настоящий Кодекс и другие законы. 2. Никто не может быть задержан, подвергнут обыску, арестован, осужден, подвергнут приводу по уголовному делу и другим мерам процессуального принуждения,

случае разница в формулировании принципа законности в уголовно-процессуальной сфере обусловливалась тем, что УПК РА был принят раньше УПК РФ, и российский законодатель пошел своим путем, не пытаясь в данном случае использовать армянский опыт законотворчества.

Также имеются различия в плане закрепления принципа законности в уголовно-исполнительном законодательстве России и Армении. Так, в ст. 8 «Принципы уголовно-исполнительного законодательства Российской Федерации» УИК РФ соответствующие принципы только перечисляются (причем принцип законности назван первым, видимо в силу его значимости), но их содержание ни здесь, ни в каком-либо другом структурном элементе УИК РФ не раскрывается. В ст. 7 «Принцип законности» УИК РА изложено следующее содержание данного принципа: «Должностные лица органов и учреждений исполнения наказания вправе выполнять только действия, возложенные на них по закону. Действия должностных лиц могут быть опротестованы в суд или другой предусмотренный законом орган». Полагаем, в данном случае отечественному законодателю было бы целесообразно использовать армянский опыт, если не в текстуальном выражении, то, хотя бы, в плане подхода к закреплению и раскрытию принципа законности.

Анализ структуры и содержания ст. 1.6 КоАП РФ, ст. 6 АПК РФ и ст. 9 КАС РФ приводит нас к выводу, что и здесь отсутствует единообразный подход законодателя к объему содержания принципа законности.

Тем не менее, как верно отметил Я. Стоилов, принцип законности носит универсальный характер и в современных правовых системах имеет две стороны: требования к адресатам, для которых государство устанавливает правила, и требования к самому государству и его органам по реализации этих правил[956].

Обратим внимание, что во всех случаях, когда в законодательстве России и Армении используются термины «принцип законности», «законность», мы

а также иным ограничениям прав и свобод иначе как на основаниях и в порядке, установленных законом».

[956] См.: Стоилов Я. Принципы права: понятие и правоприменение: монография / вступ. ст., научн. ред. пер. Е.А. Фроловой. М.: Проспект, 2023. С. 192.

имеем дело исключительно с кодексами, регулирующими публично-правовые отношения, а именно: уголовные, уголовно-процессуальные, уголовно-исполнительные, административные, административные процессуальные, арбитражные процессуальные. Очевидно, что здесь прослеживается закономерность – нормативное закрепление принципа законности в отраслевом законодательстве существует именно там, государство занимает доминирующее положение по отношению к личности, и личности требуется особая защита. Принцип законности в данном случае является одной из основ, на которых зиждется правовое государство и гражданское общества, выступает гарантом прав и свобод личности.

Во многих отраслевых кодексах России и Армении принцип законности не нашел нормативного закрепления. Тем не менее, ряд исследователей с уверенностью говорит о его наличии. Проиллюстрируем данную ситуацию на примере отрасли гражданского процессуального права. Диапазон мнений относительно принципа законности в гражданском процессе широк: от позиции В.М. Семенова, что как таковому принципу законности нет места в гражданском процессе[957], и А.Г. Давтян, считающей, что «законность является формой существования и осуществления правосудия, но не принципом, т.е. правилом гражданского судопроизводства»[958], до обоснования, что принцип законности является одним из основных принципов гражданского процессуального права[959]. В армянской доктрине гражданского процессуального права имеется достаточно четкое определение принципа законности. Так, А. Карслян пришла к выводу, что содержание данного принципа состоит в том, что «правосудие должно

---

[957] Семенов В.М. Конституционные принципы гражданского судопроизводства. М.: Юридическая литература, 1982. С. 78–79.

[958] Давтян А.Г. Развитие теории принципов в гражданском процессуальном праве Армении // Заметки о современном гражданском и арбитражном процессуальном праве / под ред. М.К. Треушникова. М.: Городец, 2004. С. 254.

[959] См., напр., Авдюков М.Г. Принцип законности в гражданском судопроизводстве. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1970; Боннер А.Т. Принцип законности в советском гражданском процессе. М.: Изд-во РИО ВЮЗИ, 1989; Федина А.С. Принцип законности в гражданском процессе. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2002; Фурсов Д.А. Современное понимание принципов гражданского и арбитражного процесса: учебное пособие. М.: Статут, 2009 и др.

осуществляться судом, созданным на основе закона, и с соблюдением требований норм материального и процессуального права судом и другими участниками судебного процесса»[960]. Вообще же следует отметить, что разные ученые вкладывают в принцип законности, хотя в целом и схожее, но, все же, различное содержание[961]. Аналогичная ситуация имеет место и в отношении принципа законности в других отраслях права.

Что касается судебной практики, то и в России, и в Армении суды активно ссылаются в своих актах на принцип законности. К сожалению, по Республике Армения мы не можем привести статистические данные, а вот по Российской Федерации такая возможность имеется. По нашим подсчетам в своих судебных актах Верховный Суд РФ упоминал принцип законности более чем 200 раз, арбитражные суды – сотни тысяч раз, суды общей юрисдикции – сотни тысяч раз, мировые судьи – порядка 50 тысяч раз. Причем в судебных актах и России[962], и Армении[963]. нередко акцентируется внимание на том, что этот принцип имеет конституционный характер.

---

[960] Դարսլյան Ա. ՕՐԻՆԱԿԱՆՈՒԹՅԱՆ ՍԿԶԲՈՒՆՔԸ ՔԱՂԱՔԱՑԻԱԿԱՆ ԴԱՏԱՎԱՐՈՒԹՅՈՒՆՈՒՄ // Պետություն և իրավունք. 2020. № 3 (88). Էջ. 68 (Карслян А. Принцип законности в гражданском судопроизводстве // Государство и право. 2020. № 3 (88). С. 69).

[961] Подробнее см.: Сулейманова К.М. Принцип законности в науке гражданского процесса // Юридическая наука. 2016. № 6. С. 170–176.

[962] См., напр., Определение Верховного Суда РФ от 13 ноября 2003 г. по делу № 86-В03-9 // URL: https://sudact.ru/vsrf/doc/ikM8EkN38H6P/ (дата обращения: 1.03.2024); Решение Арбитражного суда Саратовской области от 6 февраля 2023 г. по делу № А57-13582/2022 // URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/7730kZRdA1xt/ (дата обращения: 1.03.2024); Приговор Приволжского районного суда Астраханской области № 1-137/2020 от 18 сентября 2020 г. по делу № 1-137/2020 // URL: https://sudact.ru/regular/doc/TAE5TN3CyVdy/ (дата обращения: 1.03.2024); Постановление мирового судьи Судебного участка № 168 (г. Санкт-Петербург) от 11 мая 2012 г. по делу № 5-134/2012-168 // URL: https://sudact.ru/magistrate/doc/kRFtuMiQIOJP/ (дата обращения: 1.03.2024).

[963] См., напр., Постановление Конституционного Суда Республики Армения № 1436 от 27 ноября 2018 г. «По делу об определении вопроса соответствия подпункта “а” пункта 11 части 4 статьи 109 и подпункта “б” пункта 2 части 1 статьи 123 Налогового кодекса Республики Армения, подпункта 2 пункта 3 и подпункта 2 пункта 15 порядка, установленного приложением n 1, утвержденным постановлением Правительства РА от 5 октября 2017 года n 1373-н, конституции на основании обращения Защитника прав человека» // URL: https://www.concourt.am/decision/full_text/2018-ru-sdv-1436.pdf (дата обращения: 1.03.2024); ՀԱՅԱՍՏԱՆԻ ՀԱՆՐԱՊԵՏՈՒԹՅԱՆ ՎՃՌԱԲԵԿ ԴԱՏԱՐԱՆԻ ՔԱՂԱՔԱՑԻԱԿԱՆ ԵՎ ՎԱՐՉԱԿԱՆ ԳՈՐԾԵՐՈՎ ՈՐՈՇՈՒՄՆԵՐԻ ԸՆՏՐԱՆԻ: ՀՈՒՆՎԱՐ-ԴԵԿՏԵՄԲԵՐ 2018, ՀԱՏՈՐ XII. Եր.: «ԹԱՍԿ» ՍՊԸ, 2020. Էջ. 637 (Подборка решений по гражданским

Проанализировав российское и армянское законодательство, а также материалы судебной практики, мы приходим к выводу, что идея законности заключается в верховенстве закона, приоритете прав и свобод человека и обязательности соблюдения нормативных правовых актов всеми субъектами права. Однако данная идея выражена различными формулировками, что, в свою очередь, приводит к мысли о целесообразности унификации формулирования данного принципа в нормативных правовых актах.

То, что принцип законности продублирован не во всех кодексах, не означает, что он не действует в соответствующих отраслях. Принцип законности носит общеправовой характер и закреплен на конституционном уровне. Это означает, что независимо от дублирования и/или конкретизации в отраслевом законодательстве он действует абсолютно во всех сферах правового регулирования общественных отношений.

Принцип гарантированности охраны прав и свобод человека и гражданина. Данный принцип имеет сложное закрепление на конституционном уровне. В Конституции РФ он нашел выражение в ст. 2, 17, 18, ст. 45, 55, 56, а в Конституции РА – в ст. 3, 75, 76.

Анализ указанных статей Основного закона РФ и РА приводит к выводу, что содержание рассматриваемого принципа сводится к следующему.

В Российской Федерации:

– человек, его права и свободы признаются высшей ценностью;

– права и свободы человека неотчуждаемы, принадлежат ему от рождения и являются непосредственно действующими, пределом реализации прав и свобод одного человека является наличие прав и свобод другого человека;

– соблюдение, охрана и защита прав человека является обязанностью государства;

– государством в целях защиты государственных и общественных интересов могут быть ограничены права и свободы человека и гражданина,

---

и административным делам Арбитражного суда Республики Армения. Январь–декабрь 2018, Т. XII. Ереван: ООО «ТАСК», 2020. С. 637).

а также в условиях чрезвычайного положения, однако ряд прав и свобод не может быть ограничен.

В Республике Армения:

– человек – высшая ценность, а неотчуждаемое достоинство человека – неотъемлемая основа его прав и свобод;

– основные права и свободы человека являются непосредственно действующими и выступают естественным ограничителем публичной власти

– уважение и защита основных прав и свобод человека и гражданина является обязанностью публичной власти, которая наделяется для этого организационными механизмами и процедурами;

– государством во время чрезвычайного или военного положения могут быть ограничены основные права и свободы, однако ряд прав и свобод человека и гражданина не подлежит ограничению.

Таким образом, можно утверждать, что за исключением некоторых отличий в формулировках, содержание принципа гарантированности охраны прав и свобод человека и гражданина в России и Армении совпадает.

Принцип равенства перед законом / Принцип всеобщего равенства перед законом. Данный принцип является основополагающим для правовых систем европейских государств еще со времен Великой Французской революции, в настоящее время закреплен в Конституциях подавляющего большинства государств[964] и неоднократно привлекал внимание исследователей как на общетеоретическом[965] и конституционном[966], так и отраслевом уровне[967].

---

[964] По подсчетам Т.Ю. Вилковой, принцип равенства всех перед законом закреплен в Конституциях 173-х государств из 193-х государств – членов ООН (см.: Вилкова Т.Ю. Система принципов российского уголовного судопроизводства: автореф. дис. … д-ра юрид наук. М., 2022. С. 15).

[965] См., напр., Чернов К.А. Принцип равенства как общеправовой принцип российского права: дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2003; Принцип формального равенства и взаимное признание права: монография / под общ. ред. В.В. Лапаевой, А.В. Полякова, В.В. Денисенко. М.: Проспект, 2022; ՀՈՎՀԱՆՆԻՍՅԱՆ Ա. ԻՐԱՎԱԿԱՆ ՀԱՎԱՍԱՐՈՒԹՅԱՆ ՍԿԶԲՈՒՆՔԸ, ԴՐԱ ԿԱՊԸ ԵՎ ՓՈԽՀԱՐԱԲԵՐԱԿՑՈՒԹՅՈՒՆԸ ԻՐԱՎԱԿԱՆ ԱՐՏՈՆՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԻ ՀԵՏ // ՀԻՄՆԱՐԱՐ ԵՎ ԿԻՐԱՌԱԿԱՆ ԳԻՏԱԿԱՆ ՀԵՏԱԶՈՏՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐ. ԱՐԴԻԱԿԱՆ ԽՆԴԻՐՆԵՐ ԵՎ ՁԵՌՔԲԵՐՈՒՄՆԵՐ: ԳԻՏԱԿԱՆ ՀՈԴՎԱԾՆԵՐԻ ԺՈՂՈՎԱԾՈՒՄԻՋԱԶԳԱՅԻՆ ԳԻՏԱԺՈՂՈՎ, 31 մայիսի, 2022. Եր.: Տիր, 2022. Էջ. 218–233

В научной литературе имеются попытки, наряду с принципом равенства всех перед законом выделить конституционный принцип недискриминации. В частности, под таковым И.А. Кретова-Алёшина понимает «конституционный запрет ограничения или ущемления прав, свобод и законных интересов личности в зависимости от ее природных или социальных особенностей»[968]. Однако позиция автора представляется нам неубедительной. Недискриминация является органичной, неотъемлемой частью общеправового принципа равенства перед

(Оганесян А. Принцип правового равенства, его связь и соотношение с правовыми льготами // Фундаментальные и прикладные научные исследования: текущие проблемы и достижения: сб. научн. ст. международной конференции, 31 мая, 2022 г. Ереван: Тир, 2022. С. 218–233).

[966] См., напр., Комкова Г.Н. Конституционный принцип равенства прав и свобод человека в России / под ред. В.Т. Кабышева. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2002; Она же. Конституционный принцип равенства прав и свобод человека и гражданина в России: понятие, содержание, механизм защиты: дис. … д-ра юрид. наук. Саратов, 2002; Реализация конституционного принципа равенства всех перед законом и судом в современной России / под ред. Г.Н. Комковой. Саратов: Поволж. акад. гос. службы, 2005; Зубакин В.Ю. Конституционный принцип равенства всех перед законом в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2006; Конституционные принципы равенства перед законом / под ред. В.В. Володина. М.: Спутник+, 2007; Дуллуев З.А. Реализация принципа равенства перед законом и судом в современной России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010; Магомедова П.Р. Конституционный принцип равенства перед законом и судом: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015 и др.

[967] См., напр., Пастухов П.С. Конституционный принцип равенства всех перед законом и судом в уголовном процессе Российской Федерации (Досудебное производство): дис. ... канд. юрид. наук. М., 1998; Семенова И.С. Принцип равенства перед законом в уголовном праве Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2004; Брциева З.Г. Принцип равенства всех перед законом и судом в уголовном судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005; Дядюн К.В. Гендерный подход в уголовном и уголовно-исполнительном законодательстве Российской Федерации: влияние на реализацию принципов равенства граждан перед законом, справедливости и гуманизма: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток, 2009; Лактаева А.Ю. Принцип равенства перед законом, его реализация при назначении наказания: дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2010; Бабаян Н.Н. Реализация принципа равенства перед законом в российском уголовном законодательстве: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2010; Романенко Н.В. Принцип равенства перед законом и судом в налоговой сфере: практика арбитражных судов // Налоговед. 2012. № 11. С. 64–73; Сальников А.А. Принцип равенства граждан перед законом в свете последних изменений в КоАП РФ // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2012. № 4 (20). С. 113–116; Сорокин В.П. Реализация принципа равенства граждан перед уголовным законом независимо от их должностного (служебного) положения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014; Романенко Н.В. Реализация принципа равенства перед законом и судом при осуществлении уголовного судопроизводства в отношении представителей власти: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2014; Кузьмичева Г.А., Молчанов П.В. Принцип равенства перед законом и административная ответственность // Административное право и процесс. 2014. № 9. С. 61–63 и др.

[968] Кретова-Алёшина И.А. Конституционный принцип недискриминации в Российской Федерации: автореф. дис. … канд. юрид. Саратов, 2012. С. 8.

законом, поэтому выделение недискриминации как отдельного принципа представляется искусственным и легко отсекается при использовании бритвы Оккама.

В настоящее время принцип равенства перед законом (в Конституции РА – принцип всеобщего равенства перед законом) закреплен в ст. 19 Конституции РФ и в ст. 28, 29, 30 Конституции РА. На первый взгляд, может показаться, что данный принцип более подробно регламентируется в Конституции РА. Однако, это не так, потому что в одной статье Конституции РФ содержатся нормы аналогичные (и в таком же объеме) как в трех статьях Конституции РА.

Конституционное содержание принципа равенства перед законом в России и Армении сводится к следующим моментам:

– провозглашается равенство всех перед законом (в России – перед законом и судом);

– запрещается дискриминация по различным основаниям;

– провозглашается равноправие мужчины и женщины (в России еще провозглашаются равные возможности для их реализации).

Исследуемый принцип является, пожалуй, самым продублированным и/или конкретизированным конституционным общеправовым принципом в отраслевом законодательстве России и Армении. В Российской Федерации это сделано в шести кодексах, а именно: в ст. 4 УК РФ, ст. 8 УИК РФ, ч. 1 ст. 1 ГК РФ, абз. 6 ст. 2 ТК РФ, п. 2 ст. 6 и ст. 8 КАС РФ, ст. 6 ГПК РФ, а в Республике Армения – также в шести кодексах: в ст. 5 и 8 УИК РА, ч. 1 ст. 3 ГК РА, ч. 3, 4 ст. 1 СК РА, п. 5 ч. 1 ст. 3 ТК РА, ст. 16 УПК РА, ст. 11 ГПК РА.

Учитывая охарактеризованную выше ситуацию, естественно, что в российские и армянские суды разных уровней при аргументации своих судебных актов активно ссылаются на принцип равенства всех перед законом. Конституционный Суд РА многократно в своих постановлениях ссылается на принцип равенства всех перед законом[969]. При этом особый акцент делает на

[969] См., напр., Постановление Конституционного Суда Республики Армения № 1224 от 7 июля 2015 г. «По делу об определении вопроса соответствия принятого Национальным собранием

запрет дискриминации. Отметим, что Конституционный Суд РА в некоторых постановлениях в качестве самостоятельного принципа упоминает принцип запрета дискриминации[970]. Конституционный Суд РА сформулировал правовую позицию, в соответствие с которой «принцип запрета дискриминации не означает, что любой дифференцированный подход к лицам одной и той же категории может превратиться в дискриминацию. Нарушением принципа запрета дискриминации является такой дифференцированный подход, который лишен объективного основания и правомерной цели»[971].

Конституционный Суд РФ также многократно в своих постановлениях ссылается на принцип равенства всех перед законом. Более того, он достаточно

РА 21.06.2014 г. Закона РА "О внесении изменений в Закон РА "О накопительных пенсиях" /зр-67-н/ и связанных с ним законов зр-68-н, зр-69-н, зр-70-н, зр-71-н, зр-72-н, зр-73-н, зр-74-н, зр-75-н, зр-76-н и зр-77-н, а также статей 6 и 10 находящегося в системной связи с ними Закона РА "О подоходном налоге" (зр-246-н) Конституции Республики Армения на основании обращения депутатов Национального собрания РА» // URL: https://www.concourt.am/decision/full_text/1224.pdf (дата обращения: 1.03.2024); Постановление Конституционного Суда Республики Армения № 1411 от 3 апреля 2018 г. «По делу об определении вопроса соответствия статьи 2211 Гражданского процессуального кодекса РА Конституции Республики Армения на основании обращения ООО "ЭС ДИ ЭЙ ТРЭВЕЛ"» // URL: https://www.concourt.am/decision/full_text/2018-ru-sdv-1411.pdf (дата обращения: 1.03.2024); Постановление Конституционного Суда Республики Армения № 1515 от 10 марта 2020 г. «По делу об определении вопроса соответствия пункта 2 части 1 статьи 182, части 8 статьи 183, статьи 203 Гражданского процессуального кодекса РА Конституции на основании обращения суда общей юрисдикции первой инстанции города Еревана» // URL: https://www.concourt.am/decision/full_text/626bc7e813e7f_1515.pdf (дата обращения: 1.03.2024) и др.

[970] См., Постановление Конституционного Суда Республики Армения № 1475 от 12 июля 2019 г. «По делу об определении вопроса соответствия части 1 статьи 20 закона Республики Армения "О государственных пенсиях" Конституции на основании обращения Административного суда Республики Армения» // URL: https://www.concourt.am/decision/full_text/2019-ru-sdv-1475.pdf (дата обращения: 1.03.2024). Также см.: Постановление Конституционного Суда Республики Армения № 1411 от 3 апреля 2018 г. «По делу об определении вопроса соответствия статьи 2211 Гражданского процессуального кодекса РА Конституции Республики Армения на основании обращения ООО "ЭС ДИ ЭЙ ТРЭВЕЛ"» // URL: https://www.concourt.am/decision/full_text/2018-ru-sdv-1411.pdf (дата обращения: 1.03.2024).

[971] Постановление Конституционного Суда Республики Армения № 1224 от 7 июля 2015 г. «По делу об определении вопроса соответствия принятого Национальным собранием РА 21.06.2014 г. Закона РА "О внесении изменений в Закон РА "О накопительных пенсиях" /зр-67-н/ и связанных с ним законов зр-68-н, зр-69-н, зр-70-н, зр-71-н, зр-72-н, зр-73-н, зр-74-н, зр-75-н, зр-76-н и зр-77-н, а также статей 6 и 10 находящегося в системной связи с ними Закона РА "О подоходном налоге" (зр-246-н) Конституции Республики Армения на основании обращения депутатов Национального собрания РА» // URL: https://www.concourt.am/decision/full_text/1224.pdf (дата обращения: 1.03.2024);

четко сформулировал правовую позицию, заключающуюся в том, что принцип равенства оказывает регулирующее воздействие на все сферы общественных отношений и выступает конституционным критерием оценки законодательного регулирования не только прав и свобод, закрепленных непосредственно в Конституции РФ, но и прав, приобретаемых на основании закона; а соблюдение этого принципа, гарантирующего защиту от всех форм дискриминации при осуществлении прав и свобод, означает и запрет на введение таких различий в правах лиц, принадлежащих к одной категории, которые не имеют объективного и разумного оправдания[972].

По нашим подсчетам в практике российских судов имеется явный дисбаланс в использовании принципа равенства всех перед законом при аргументации судебных актов. Так, Верховный Суд РФ делает это примерно в 500 судебных актах (для высшего суда, по нашему мнению, это достаточно много), арбитражные суда – почти в 90 000 актах, мировые судьи – примерно в 8 500 актах, а вот суды общей юрисдикции, к нашему удивлению, могут «похвастаться» тем, что они сделали отсылку к принципу равенства всех перед законом только в 9 актах. Какое-то рациональное объяснение этому факту мы дать затрудняемся, особенно на фоне того, что конституционный принцип равенства всех перед законом продублирован аж в шести российских кодексах, и суды общей юрисдикции работают на основании их всех. Также отметим то, что если Конституционный Суд РФ сформулировал четкую правовую позиции в отношении принципа равенства всех перед законом, то прочие суды при

---

[972] См., напр., Постановление Конституционного Суда РФ от 16 июня 2006 г. № 7-П «По делу о проверке конституционности ряда положений статей 48, 51, 52, 54, 58 и 59 Федерального закона "Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации" в связи с запросом Государственной Думы Астраханской области» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 1.03.2024); Постановление Конституционного Суда РФ от 6 июня 2017 г. № 15-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 части третьей статьи 31 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Ленинградского областного суда» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 1.03.2024); Постановление Конституционного Суда РФ от 23 ноября 2017 г. № 32-П «По делу о проверке конституционности статей 21 и 21.1 Закона Российской Федерации "О государственной тайне" в связи с жалобой гражданина Е.Ю. Горовенко» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 1.03.2024) и др.

рассмотрении конкретных дел используют этот принцип достаточно формально. Нами не обнаружено ни одного дела в российской (кстати, и армянской тоже) судебной практике, где бы ссылка на принцип равенства всех перед законом имела характер значимого аргумента, реально повлиявшего на вынесение судебного акта.

Принцип уважения чести и достоинства личности / принцип физической и психической неприкосновенности личности. Для российского и армянского права истоки этот принцип берет в рамках международного права. В настоящее время на конституционном уровне он существует во многих европейских государствах, США, Канаде, Японии и др.[973] В Конституции РФ данный принцип закреплен в ст. 21 и 22, а в Конституции РА – в ст. 25, 26, 27.

Исследуемый общеправовой принцип конкретизирован в УПК РФ в виде двух самостоятельных принципов уголовного судопроизводства, закрепленных в ст. 9 и 10 УПК РФ[974], а в УПК РА – в ст. 18 в виде принципа личной свободы и личной неприкосновенности. На уровне доктрины принцип уважения чести и достоинства личности совершенно оправданно воспринимается в качестве конституционного принципа права, действующего в различных отраслях[975], в первую очередь, конечно, в рамках уголовно-процессуального. Причем традиционно для российской науки уголовно-процессуального права он

---

[973] См.: Казанцев Л.Ю. Принцип неприкосновенности личности и сфер ее жизнедеятельности в правовом регулировании общественных отношений: автореф. дис. … канд. юрид наук. Н. Новгород, 2004. С. 9.

[974] Аналогичным образом данный принцип был закреплен в ст. 9 «Уважение прав, свобод и достоинства личности» и ст. 11 «Неприкосновенность личности» УПК РА 1998 г.

[975] См., напр., Смирнов О.М. Принцип уважения чести и достоинства личности в правовых позициях Конституционного Суда Российской Федерации // Черные дыры в Российском законодательстве. 2009. № 5. С. 144–146; Мурадьян Э.М. О добросовестности, уважении, защите чести и достоинства личности и других принципах гражданского процесса // Современное право. 2009. № 12. С. 119–121; Жерукова А.Б. Достоинство личности как принцип трудового права // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени К.Л. Хетагурова. 2010. № 2. С. 116–119; Барсукова В.Н. Уважение чести и достоинства гражданина как принцип исполнительного производства // Современное право. 2013. № 6. С. 59–62; Она же. Формы проявления демократического принципа уважения чести и достоинства личности в деятельности государственного аппарата // Юридическая техника. 2014. № 8. С. 81–86; Ситников А.А. Соблюдение принципа уважения чести и достоинства работника при управлении трудом: некоторые аспекты // Кадровик. 2023. № 11. С. 16–24 и др.

рассматривается отдельно как принцип уважения чести и достоинства личности[976] и как принцип неприкосновенности личности[977]. В практике российских арбитражных судов и судов общей юрисдикции принято принцип уважения чести и достоинства гражданина относить к принципами исполнительного производства[978].

Некоторые авторы неоправданно, на наш взгляд, расширяют принцип уважения чести и достоинства личности, включая в его содержание два императива: личную неприкосновенность и неприкосновенность частной

---

[976] См., напр., Москалькова Т.Н. Уважение чести и достоинства личности как принцип советского уголовного процесса: дис. … канд. юрид. наук. М., 1988; Закиров А.Ф. Уважение чести и достоинства личности – принцип российского уголовного процесса: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Ижевск, 2004; Телегина И.В. Реализация принципа уважения чести и достоинства личности в российском уголовном судопроизводстве: дис. … канд. юрид. наук. Оренбург, 2009; Рыжкова И.А. Механизм реализации принципа уважения чести и достоинства личности при производстве следственных действий в России и за рубежом: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2019; Зорин А.И. К вопросу о действии принципа уважения чести и достоинства личности в уголовном судопроизводстве России // Вопросы российского и международного права. 2023. Т. 13. № 3-1. С. 570–576 и др.

[977] См., напр., Долгоруков С.В. Принцип неприкосновенности личности в уголовном судопроизводстве: дис. … канд. юрид. наук. Минск, 1985; Mukhamadyeva G.N., Atakhanova G.M., Timchenko K.S., Yergali A.M., Beaver K. Right to personal freedom as the basis of the principle of the inviolability of the person in criminal proceedings // Journal of Actual Problems of Jurisprudence. 2019. Vol. 89. № 1. P. 159–168; Щербакова М.А. Принцип неприкосновенности личности как гарантия права на свободу и личную неприкосновенность в уголовном судопроизводстве // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2022. № 1 (95). С. 99–106 и др.

[978] См., напр., Постановление Третьего арбитражного апелляционного суда от 22 февраля 2019 г. по делу № А74-6634/2018 // URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/jHpbKbONHgoH/ (дата обращения: 1.03.2024); Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 28 августа 2020 г. по делу № А56-39640/2019 // URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/hqnSZdcvvfUV/ (дата обращения: 1.03.2024); Постановление Арбитражного суда Республики Татарстан от 6 июля 2023 г. по делу № А65-14510/2022 // URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/rBXn3zeZ8ur2/ (дата обращения: 1.03.2024); Решение Кронштадтского районного суд г. Санкт-Петербурга № 2А-317/2020 2А-317/2020~М-128/2020 М-128/2020 от 30 июля 2020 г. по делу № 2А-317/2020 // URL: https://sudact.ru/regular/doc/BbcytfZv1Gob/ (дата обращения: 1.03.2024); Решение Читинского районного суда Забайкальского края № 2А-1842/2020 2А-1842/2020~М-1924/2020 М-1924/2020 от 5 ноября 2020 г. по делу № 2А-1842/2020 // URL: https://sudact.ru/regular/doc/jLDtikgjj2xm/ (дата обращения: 1.03.2024) и др. По нашим подсчетам это положение продублировано примерно в 4 500 судебных актов арбитражных судов разных уровней и более чем в 23 000 судебных актах арбитражных судов.

жизни[979]. Полагаем, что это два, хотя и взаимосвязанных, но самостоятельных общеправовых принципа.

У нас не вызывает сомнения, что принцип уважения чести и достоинства личности является общеправовым принципом, поскольку ни в одной отрасли публичного или частного, материального или процессуального права невозможно даже теоретически предположить, что в ней в качестве основополагающей отсутствует идея уважения чести и достоинства личности.

Конституционное содержание принципа уважения чести и достоинства личности[980] в России сводится к следующим моментам:

– достоинство личности охраняется государством в качестве неотъемлемого естественного права каждого;

– устанавливается запрет на пытки, насилие и другое жестокое или унижающее человеческое достоинство обращение или наказание;

– устанавливается запрет на проведение медицинских, научных или иных опытов без добровольного согласия подопытного;

– провозглашается право каждого на свободу и личную неприкосновенность, при этом арест, заключение под стражу и содержание под стражей допускаются только по судебному решению, а до судебного решения лицо не может быть подвергнуто задержанию на срок более 48 часов.

Одним из проявлений принципа уважения и достоинства личности в Российской Федерации является то, что «ставшие известными в ходе уголовно-

---

[979] См.: Казанцев Л.Ю. Принцип неприкосновенности личности и сфер ее жизнедеятельности в правовом регулировании общественных отношений: автореф. дис. … канд. юрид наук. Н. Новгород, 2004. С. 8.

[980] В одном из своих постановлений Конституционный Суд РФ назвал данный принцип принципом охраны государством достоинства личности (см.: Постановление Конституционного Суда РФ от 14 июля 2011 г. № 16-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 4 части первой статьи 24 и пункта 1 статьи 254 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан С.И. Александрина и Ю.Ф. Ващенко» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 1.03.2024), а в одном из своих определений дважды назвал по-разному: конституционным принципом уважения и охраны человеческого достоинства и принципом признания достоинства личности во всех сферах правового регулирования (см.: Определение Конституционного Суда РФ от 15 февраля 2005 г. № 17-О «По жалобе гражданки Енборисовой Прасковьи Федоровны на нарушение ее конституционных прав пунктом 8 статьи 14 Федерального закона "О трудовых пенсиях в Российской Федерации"» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 1.03.2024).

процессуального доказывания данные о частной жизни участников уголовного предварительного расследования, в том числе и обвиняемого, могут быть сообщены третьим лицам или средствам массовой информации только в исключительных случаях и только с согласия того лица, которого они касаются»[981].

Следует отметить, что содержание принципа уважения чести и достоинства, закрепленного в ст. 9 УПК РФ уже, чем в Конституции РФ. Законодатель в данном случае ограничился запретом унижения чести и достоинства участника уголовного судопроизводства, осуществлять действия и принимать решения, которые могут создавать опасность для его жизни и здоровья. Также в отношении участников уголовного судопроизводства дублируется конституционный запрет на применение пыток, насилия и другого жестокого или унижающего человеческое достоинство обращение.

Некоторыми авторами критикуется название ст. 10 УПК РФ за несоответствие его международным правовым актам и Конституции РФ и предлагается изменить ее на «Право каждого на личную неприкосновенность и свободу»[982]. Полагаем, что это является следствием непонимания сущности принципов права и замысла законодателя автором такого рода предложений. Во-первых, в гл. 2 УПК РФ не ставилось целью закрепление прав субъектов уголовного судопроизводства, а были установлены принципы уголовного судопроизводства, т.е. наиболее важные идеи, лежащие в основе регулирования уголовно-процессуальных правоотношений. Подмена одного другим недопустима. Во-вторых, ст. 11 УПК РФ как раз посвящается охране прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве. Вряд ли стоит дополнительно обосновывать, что право на свободу и право на неприкосновенность личности входят в число прав и свобод человека и

---

[981] Решение Октябрьского районного суда г. Орска Оренбургской области № 2-968/2015 2-968/2015~М-584/2015 М-584/2015 от 19 мая 2015 г. по делу № 2-968/2015 // URL: https://sudact.ru/regular/doc/0ciraerJJGrT/ (дата обращения: 1.03.2024).

[982] Подробнее см.: Преловский П.О. Право на свободу и личную неприкосновенность в российском уголовном судопроизводстве: терминологические проблемы // Baikal Research Journal. 2016. Т. 7. № 5. С. 21.

гражданина. А раз это так, зачем в одной главе помешать регламентацию частного (причем только одного из многого) и общего? В-третьих, если бы в отраслевом законодательстве просто дублировались конституционные нормы без их развития и конкретизации, тогда в чем бы был смысл отраслевого законодательства? В ст. 10 УПК РФ как раз имеет место конкретизация и раскрытие конституционных норм о неприкосновенности личности. Именно поэтому и имеются отличия норм УПК РФ от норм Конституции РФ. В-четвертых, предлагаемое название ст. 10 УПК РФ «Право каждого на личную неприкосновенность и свободу» прямо диссонировало бы с названиями всех прочих статей в гл. 2 УПК РФ. И, наконец, в-пятых, после конституционной реформы 2020 г в Российской Федерации и выхода России из Совета Европы ориентация на ряд международных правовых актов во многом потеряла актуальность для российского законодательства.

Конституционное содержание принципа физической и психической неприкосновенности личности в Армении сводится к следующим моментам:

– провозглашается право каждого на физическую и психическую неприкосновенность, однако оно может быть ограничено на законных основаниях в целях государственной безопасности, предупреждения или раскрытия преступлений, защиты общественного порядка, здоровья и нравственности или основных прав и свобод других лиц;

– запрещаются евгенические опыты и репродуктивное клонирование человека, а также научные, медицинские или иные опыты без свободного и четко выраженного согласия подопытного;

– запрещаются пытки, бесчеловечное или унижающее обращение или наказание;

– провозглашается право на личную свободу, но при этом на конституционном уровне при соблюдении ряда гарантий устанавливается перечень ситуаций, в которых это право может быть ограничено, но до судебного решения лицо не может быть задержано на срок более 72 часов;

– устанавливается запрет на лишение личной свободы вследствие невозможности исполнения гражданско-правовых обязательств.

Аналога последнему из приведенных положений в российской Конституции не имеется. Однако в сфере гражданско-правовых отношений арбитражные суды сформировали интересную практику (нам известно 19 таких актов), в соответствие с которой «кредитор не вправе также требовать по суду исполнения в натуре обязательства, исполнение которого настолько связано с личностью должника, что его принудительное исполнение будет нарушать *принцип уважения чести и достоинства гражданина* (*выделено нами – В.И.*). Например, не подлежат удовлетворению требования о понуждении физического лица к исполнению в натуре обязательства по исполнению музыкального произведения на концерте»[983].

В Армении, как мы уже отметили ранее, принцип физической и психической неприкосновенности личности конкретизирован в ст. 18 УПК РА. Армянские комментаторы действующего УПК РА отмечают, что данным процессуальным принципом одновременно устанавливаются два основных конституционных права: на личную свободу и неприкосновенность. В его основе лежит презумпция свободы, предполагающая выполнения двух основных требований: 1) лицо не может быть лишено свободы, если без этого можно обеспечить его законное поведение; 2) лицо, незаконно или необоснованно лишенное свободы или незаконно или необоснованно содержащееся в тюрьме, должно быть немедленно освобождено[984].

К сожалению, в судебной практике принцип уважения и достоинства личности не относится к числу активно работающих принципов. По нашим подсчетам Верховный Суд РФ сделал отсылку к этому принципу всего 5 раз. В судебных актах мировых судей при том, что в них часто встречается упоминание конституционного права на уважение чести и достоинства личности,

---

[983] Постановление Третьего арбитражного апелляционного суда от 11 апреля 2022 г. по делу № А33-15238/2021 // URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/dAsm7Sp9A6UO/ (дата обращения: 1.03.2024).

[984] См.: ՔՐԵԱԿԱՆ ԴԱՏԱՎԱՐՈՒԹՅԱՆ ՆՈՐ ՕՐԵՆՍԳՐՔԻ ՀԱՅԵՑԱԿԱՐԳԱՅԻՆ ԼՈՒԾՈՒՄՆԵՐԻ, ՆՈՐԱՐԱՐԱԿԱՆ ՄՈՏԵՑՈՒՄՆԵՐԻ ԵՎ ՀԻՄՆԱԿԱՆ ԻՆՍՏԻՏՈՒՏՆԵՐԻ ՄԵԿՆԱԲԱՆՄԱՆ ԳՈՐԾՆԱԿԱՆ ՈՒՂԵՑՈՒՅՑ. 2022. էջ. 59 (Практическое руководство по толкованию судебных решений, инновационных подходов и ключевых институтов нового Уголовно-процессуального кодекса. Б.м.: Б.и., 2022. С. 59).

нам неизвестно ни одной отсылки именно к принципу уважения и достоинства личности. Арбитражные суды сослались на данный принцип чуть более 4 500 раз, а суды общей юрисдикции – 23 000 раз, однако в подавляющем большинстве случаев исследуемый принцип просто упоминался в качестве одного из формально перечисляемых принципов исполнительного производства. Таким образом, исходя из анализа судебной практики, вряд ли, принцип уважения и достоинства личности можно рассматривать в качестве реального регулятора общественных отношений.

В целом, сравнительный анализ содержания общеправового принципа уважения и достоинства личности / принципа физической и психической неприкосновенности личности, закрепленного в Конституциях РФ и РА, приводит к выводу, что в целом оно совпадает в обоих государствах. Однако при сущностном сходстве в Армении он регламентирован более подробно, охватывает более широкий перечень жизненных ситуаций, но одновременно на конституционном уровне устанавливается перечень ситуаций, в которых допускается ограничение принципа физической и психической неприкосновенности личности.

Принцип неприкосновенности частной жизни / принцип неприкосновенности частной и семейной жизни, чести и доброго имени. Как и ряд других конституционных общеправовых принципов России и Армении данный принцип опирается на нормы международного права[985]. Особую актуальность проблема его практической реализации приобрела в последнее десятилетие в связи с развитием информационных технологий[986], а также ростом преступности с их использованием.

Общеправовой принцип неприкосновенности частной жизни закреплен в ч. 1 ст. 23 и ч. 1 ст. 24 Конституции РФ, а принцип неприкосновенности частной

---

[985] Подробнее см.: Кузнецов И.С., Поглазов А.В. Неприкосновенность частной жизни (международно-правовой аспект) // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 2. С. 107–109.

[986] Подробнее см.: Волкова Г.Е. Право на неприкосновенность частной жизни в цифровую эпоху // Философия права. 2022. № 4 (103). С. 174–180.

и семейной жизни, чести и доброго имени – в ст. 31 Конституции РА. Его содержание сводится к тому, что каждый имеет право на неприкосновенность частной жизни, под которой понимается не только собственно частная жизнь, но и личная, семейная тайна (неприкосновенность семейной жизни), честь и доброе имя.

Обратим внимание, что в Конституции РФ делается акцент на гарантии реализации этого принципа – в ч. 1 ст. 24 устанавливается запрет на сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни лица без его согласия, а в Конституции РА перечисляются случаи, в каких право на неприкосновенность частной и семейной жизни может быть ограничено (ч. 2 ст. 31).

На отраслевом уровне и в России, и в Армении исследуемый общеправовой принцип дублируется и конкретизируется (а, скорее, сужается) в виде «недопустимости произвольного вмешательства кого-либо в частные дела» (ч. 1 ст. 1 ГК РФ, ч. 1 ст. 3 ГК РА) без раскрытия, что законодатель под этим понимает.

В научной литературе принцип неприкосновенности частной жизни исследуется в различных ракурсах: общетеоретическом[987], конституционно-правовом[988], гражданско-правовом[989], уголовно-процессуальном[990], в контексте трудовых правоотношений[991] и защиты информации[992].

---

[987] См., напр., Кузахметова С.Е. Принцип неприкосновенности частной жизни: теоретико-правовой аспект: дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 2008.

[988] См., напр., Савощикова Е.В., Воронина И.А. Неприкосновенность частной жизни как принцип конституционно-правового регулирования // Медицинское право. 2019. № 1. С. 23–28.

[989] См., напр., Косач А.С. Принцип недопустимости произвольного вмешательства в частные дела в российском гражданском праве: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Краснодар, 2007.

[990] См., напр., Стригалев Д.К. Неприкосновенность частной жизни как международно-правовой и конституционный принцип деятельности органов предварительного следствия системы МВД: дис. … канд. юрид. наук. СПб., 2002; Карпунина Н.А. Охрана частной жизни как принцип российского уголовного процесса: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Самара, 2004; Островский А.С. Действие конституционного принципа неприкосновенности частной жизни в уголовном судопроизводстве: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2006.

[991] См., напр., Шуралева С.В. Право на неприкосновенность частной жизни в трудовом правоотношении: теоретические проблемы правового регулирования // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2022. № 57. С. 527–551; Савельева О.Е., Шаназарова Е.В. Неприкосновенность частной жизни в трудовых правоотношениях: теоретические аспекты и правовое регулирование // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2023. № 9. С. 181–184.

В судебной практике высших судов России и Армении не принято ссылаться на принцип неприкосновенности частной жизни / принцип неприкосновенности частной и семейной жизни, чести и доброго имени именно как принцип права, хотя право на неприкосновенность частной жизни рассматривалось, например, Конституционным Судом РФ многократно и разноаспектно[993]. Прочие суды следуют в своей деятельности, что вполне закономерно, за высшими судами.

Тем не менее, по нашим подсчетам, имеется 23 постановления, решения и определения арбитражных судов, в которых неприкосновенность частной жизни, личной и семейной тайны прямо называется конституционным принципом, закрепленным в ч. 1 ст. 23 Конституции РФ и получившим развитие в федеральном законе «О персональных данных» от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ»[994].

Суды общей юрисдикции, как правило, не называют принцип неприкосновенности частной жизни конституционным, и в большинстве случаев делают отсылку к Федеральному закону от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», а не

---

[992] См., напр., Винюкова И.В., Кузахметова С.Е. Неприкосновенность частной жизни как принцип правового регулирования отношений в сфере защиты информации // Правовая культура. 2007. № 1 (2). С. 148–154.

[993] См., напр., Правовые позиции КС РФ по отдельным вопросам. Уважение частной и семейной жизни // URL: https://legalacts.ru/sud/pravovye-pozitsii-ks-rf-po-otdelnym-voprosam-uvazhenie-chastnoi-i-semeinoi-zhizni/ (дата обращения: 1.03.2024). Также см.: ՀԱՅԱՍՏԱՆԻ ՀԱՆՐԱՊԵՏՈՒԹՅԱՆ ՎՃՌԱԲԵԿ ԴԱՏԱՐԱՆԻ ՔԱՂԱՔԱՑԻԱԿԱՆ ԵՎ ՎԱՐՉԱԿԱՆ ԳՈՐԾԵՐՈՎ ՈՐՈՇՈՒՄՆԵՐԻ ԸՆՏՐԱՆԻ: ՀՈՒՆՎԱՐ-ԴԵԿՏԵՄԲԵՐ 2018, ՀԱՏՈՐ XII. Եր.: «ԹԱՍԿ» ՍՊԸ, 2020. Էջ.352, 354 (Подборка решений по гражданским и административным делам Арбитражного суда Республики Армения. Январь–декабрь 2018, Т. XII. Ереван: ООО «ТАСК», 2020. С. 352, 354).

[994] См., напр., Постановление Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 16 января 2023 г. по делу № А34-13299/2022 // URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/C0ilAF5sBfYf/ (дата обращения: 1.03.2024); Решение Арбитражного суда Свердловской области от 21 декабря 2022 г. по делу № А60-51853/2022 // URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/Kl6svepQ27db/ (дата обращения: 1.03.2024); Определение Арбитражного суда Сахалинской области от 29 октября 2014 г. по делу № А59-5933/2009 // URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/nfsplQ3Iap1K/ (дата обращения: 1.03.2024).

к Конституции РФ[995]. Таких судебных актов нами найдено около 150. Что касается мировых судей, то в 9-ти из 10-ти известных только нам судебных актов, в которых упоминается принцип неприкосновенности частной жизни, они идут в русле практики судов общей юрисдикции, делая отсылку к ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»[996]. При этом ни в одном случае отсылка к изучаемому принципу не являлась аргументом, непосредственно повлиявшему на вынесение судебного акта арбитражных судов, судов общей юрисдикции или мировых судей.

Таким образом, принцип неприкосновенности частной жизни / принцип неприкосновенности частной и семейной жизни, чести и доброго имени, равно как и ранее рассмотренный принцип уважения и достоинства личности, несмотря на их общеправовой характер, вряд ли можно рассматривать в качестве реального регулятора общественных отношений.

Принцип тайны переписки, телефонных и иных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений / принцип свободы и тайны сообщения. Данный принцип, как мы уже отмечали в предыдущем параграфе, берет истоки еще из советского прошлого, однако при принятии Конституций Российской Федерации и Республики Армения доминирующими являлись общепризнанные принципы и нормы международного права. Нормативное закрепление он нашел в ч. 2 ст. 23 Конституции РФ и ст. 33 Конституции РА.

Содержание исследуемого общеправового принципа России и Армении сводится к тому, что на конституционному уровне закрепляется право на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений.

---

[995] См., напр., Приговор Ленинского районного суда г. Чебоксары № 1-64/2014 от 24 января 2014 г. по делу № 1-64/2014 // URL: https://sudact.ru/regular/doc/qnJPeuaGs7Y4/ (дата обращения: 1.03.2024); Постановление Ленинского районного суда г. Тюмени № 1-920/2019 от 3 сентября 2019 г. по делу № 1-920/2019 // URL: https://sudact.ru/regular/doc/yhJUSOjsHZYR/ (дата обращения: 1.03.2024); Решение Казачинского районного суда Красноярского края № 2-93/2020 2-93/2020~М-59/2020 М-59/2020 от 21 октября 2020 г. по делу № 2-93/2020 // URL: https://sudact.ru/regular/doc/waaAYk4pKJmr/ (дата обращения: 1.03.2024).

[996] См., напр., Постановление мирового судьи Судебного участка № 2 Индустриального района г. Перми от 9 января 2017 г. по делу № 5-8/2017 // URL: https://sudact.ru/magistrate/doc/ekxO1Y6U4sUK/ (дата обращения: 1.03.2024).

При этом в Конституции РФ имеется норма, что ограничение этого права возможно только на основании судебного решения. В Конституции РА традиционно больше места отводится случаям, в которых допускается ограничение того или иного конституционного права. В ч. 2 и 3 ст. 33 Конституции РА они как раз перечислены. Причем в соответствие с ч. 3 ст. 33 Конституции РА допускается ограничение соответствующих прав и без судебного решения.

На отраслевом уровне принцип тайны переписки, телефонных и иных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений продублирован и конкретизирован в качестве принципа права только в ст. 13 УПК РФ[997]. В ч. 1 указанной статьи дублируются конституционные положения об ограничении соответствующих прав исключительно на основании судебного решения. Ч. 2 ст. 13 УПК РФ носит более узконаправленный процессуальный характер и касается наложения ареста на почтовые и телеграфные отправления и их выемку в учреждениях связи, контроля и записи телефонных и иных переговоров, получения информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами. Все эти действия возможны только по решению суда.

В УПК РА 1998 г. в ст. 14 дублировался конституционный принцип тайны переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, однако ничего нового по сравнению нормами, содержащимися в ст. 33 Конституции РА, в ней не имелось. Конституционный Суд РА в одном из своих постановлений прямо указал, что тайна сообщения является одновременно и правом, и уголовно-процессуальным принципом[998]. Однако, как мы уже отмечали

---

[997] Некоторые авторы обоснованно находят юридическое закрепление этого принципа не только в УПК РФ, но и в ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности», «О связи», «О почтовой связи» и др. (см.: Принципы российского уголовного судопроизводства: содержание и проблемы реализации / под ред. Н.Г. Мановой. М.: Юрлитинформ, 2019. С. 205).

[998] См.: Постановление Конституционного Суда Республики Армения № 1526 от 27 апреля 2020 г. «По делу об определении вопроса соответствия конституции норм, предусмотренных частью 6 статьи 284 Уголовно-процессуального кодекса РА и взаимосвязанными с ней статьями 287–289, частью 2 статьи 385 того же кодекса, частями 1 и 2 статьи 6 закона РА “Об оперативно-розыскной деятельности”, на основании обращения апелляционного уголовного суда Республики Армения» // URL: https://www.concourt.am/decision/full_text/626bc82b47957_1526.pdf (дата обращения: 1.03.2024).

ранее, при принятии нового УПК РА законодатель отказался от дублирования ряда конституционных принципов в отраслевом законодательстве. Среди них оказался и исследуемый принцип.

Специальных монографических исследований, в том числе диссертационных, посвященных непосредственно принципу тайны переписки, телефонных и иных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, нам неизвестно. Результаты изучения соответствующей проблематики излагаются в разделах диссертаций и монографий, посвященных в целом принципам уголовного судопроизводства[999], а также в относительно немногочисленных научных статьях[1000].

В российской и армянской судебной практике конституционные положения о тайне переписки, телефонных и иных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений (в России) и свободе и тайне сообщения (в Армении) воспринимаются только как конституционные права, но не принцип права.

---

[999] См., напр., Камардина А.А. Реализация принципов уголовного судопроизводства при производстве по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2012; Принципы современного российского уголовного судопроизводства: монография / науч. ред. И.В. Смолькова; отв. ред. Р.В. Мазюк. М.: Юрлитинформ, 2015; Принципы российского уголовного судопроизводства: содержание и проблемы реализации / под ред. Н.Г. Мановой. М.: Юрлитинформ, 2019.

[1000] См., напр., Кондрат И.Н. Уголовно-процессуальные гарантии соблюдения принципа тайны переписки, телефонных и иных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений в России // Право и управление. XXI век. 2012. № 3 (24). С. 7–11; Челохсаев О.З. Принцип тайны переписки, телефонных и иных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений как составной элемент принципа охраны прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве // Государственная служба и кадры. 2016. № 2. С. 119–121; Федосеева Е.Л., Политыко О.Е. Право на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений как принцип уголовного процесса // Современное уголовно-процессуальное право – уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования. 2019. Т. 2. № 1 (1). С. 235–240; Հարությունյան Զ. ՁԵՐԲԱԿԱԼՎԱԾ ԵՎ ԿԱԼԱՆԱՎՈՐՎԱԾ ԱՆՁԱՆՑ ՀԱՂՈՐԴԱԿՑՈՒԹՅԱՆ ԱԶԱՏՈՒԹՅՈՒՆԸ ԵՎ ԴՐԱ ՍԱՀՄԱՆԱՓԱԿՄԱՆ ՀԻՄՆԱԽՆԴԻՐԸ // Օրինականություն, 2020. № 115. Էջ. 21–27 (Арутюнян З. Свобода коммуникации заключенных и арестованных лиц и основные проблемы ее ограничения // Законность. 2020. № 115. С. 21–27); Маркарян Г.Ж. Уголовно-процессуальные гарантии соблюдения принципа тайны переписки, телефонных и иных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений в России // Межвузовский криминалистический форум: сб. ст. по материалам Межвузовского криминалистического форума в рамках научного проекта «Актуальные проблемы уголовного судопроизводства», Ростов-на-Дону, 24–25 ноября 2022 г. / под ред. Л.И. Полтавцевой [и др.]. Ростов-на-Дону: Индивидуальный предприниматель Беспамятнов Сергей Владимирович, 2022. С. 170–174 и др.

Единственным исключением в Республике Армения является уже упоминавшееся постановление Конституционного Суда РА[1001] и отсылка в нем делается не как к общеправовому принципу, а как к уголовно-процессуальному принципу. Аналогично в Российской Федерации нами также обнаружен единственный при всем многообразии и многочисленности судов судебный акт, в котором тайна переписки, телефонных и иных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений называется принципом уголовного судопроизводства[1002]. Причем Верховный Суд РФ в своем апелляционном определении от 1 августа 2019 г. не просто упомянул данный принцип, но и попытался раскрыть его содержание. По мнению Верховного Суда РФ, этот принцип «предусматривает необходимость получения судебного решения в тех случаях, когда в результате проведения следственных действий – контроле записи телефонных и иных переговоров, получении информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами – могут быть нарушены конституционные права граждан на тайну переписки, телефонных и иных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений»[1003]. Однако, нижестоящие суды не стали использовать приведенную правовую позицию Верховного Суда РФ в своих судебных актах.

Таким образом, рассмотренный общеправовой принцип тайны переписки, телефонных и иных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений / принцип свободы и тайны сообщения оказался совершенно невостребованным в судебной практике России и Армении.

Принцип гарантированности судебной защиты прав и свобод / принцип судебной защиты и права на обращение в международные органы по защите

[1001] См.: Постановление Конституционного Суда Республики Армения № 1526 от 27 апреля 2020 г. «По делу об определении вопроса соответствия конституции норм, предусмотренных частью 6 статьи 284 Уголовно-процессуального кодекса РА и взаимосвязанными с ней статьями 287–289, частью 2 статьи 385 того же кодекса, частями 1 и 2 статьи 6 закона РА “Об оперативно-розыскной деятельности”, на основании обращения апелляционного уголовного суда Республики Армения» // URL: https://www.concourt.am/decision/full_text/626bc82b47957_1526.pdf (дата обращения: 1.03.2024).

[1002] См.: Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 1 августа 2019 г. по делу № 2-003/2018 // URL: https://sudact.ru/vsrf/doc/0CTvl5sbeaxc/ (дата обращения: 1.03.2024).

[1003] Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 1 августа 2019 г. по делу № 2-003/2018 // URL: https://sudact.ru/vsrf/doc/0CTvl5sbeaxc/ (дата обращения: 1.03.2024).

прав человека. В Конституции РФ данный принцип закреплен в ст. 46, а в Конституции РА – в ст. 61. Его содержание сводится к следующим моментам:

1) гарантированность каждому со стороны государства судебной защиты прав и свобод (в Армении используется формулировка – право на эффективную судебную защиту);

2) право на обращение в соответствие с международными договорами своего государства в межгосударственные (международные) органы по защите прав и свобод человека. При этом в ч. 3 ст. 46 Конституции РФ устанавливается, что реализация этого права возможна только в том случае, когда были исчерпаны все имеющиеся внутригосударственные средства правовой защиты. В Конституции РА такого ограничения не содержится.

Другое отличие в конституционном закреплении исследуемого принципа в России и Армении заключается в том, что в Российской Федерации в ч. 2 ст. 46 Конституции РФ содержится норма, в соответствие с которой в суд могут быть обжалованы решения и действия (равно как и бездействие) органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и должностных лиц. В Конституции РА аналогичной нормы нет.

Насколько нам известно, до настоящего времени ни в российской, ни в армянской юридической науке не предпринималось попыток обосновать положение, что в ст. 46 Конституции РФ и в ст. 61 Конституции РА закреплен именно общеправовой принцип[1004]. Следовательно, требуется аргументация этого тезиса.

[1004] Можно назвать лишь несколько статей, в которых идет речь о некоем принципе судебной защиты на примере отдельных отраслей права (см.: Жемалетдинов Р.М. Особенности реализации принципа доступности судебной защиты по делам, возникшим из экологических правоотношений // Актуальные проблемы государственной экологической политики: сб. материалов Международной научно-практической конференции, Уфа, 18 октября 2017 г. / отв. ред. Р.Х. Гиззатуллин. Уфа: Башкирский государственный университет, 2017. С. 142–148; Русинова Е.Р. Некоторые размышления о реформе процессуального законодательства с точки зрения принципа доступности судебной // Арбитражный и гражданский процесс. 2017. № 12. С. 16–17; Артебякина Н.А., Ефимова Т.С. Реализация принципа доступности судебной защиты в свете реформирования апелляционной и кассационной инстанций в системе судов общей юрисдикции // Вопросы российской юстиции. 2019. № 1. С. 732–738).

Очевидно, что нормы любой отрасли права в ходе правоприменения могут быть нарушены. Это означает, что абсолютно в каждой отрасли права актуальной становится проблема защиты нарушенных прав субъектов правоотношений. В развитых государствах, к которым, несомненно, относятся Российская Федерация и Республика Армения, наиболее эффективной является судебная защита нарушенных прав. В Конституции в качестве основополагающей идеи, распространяющейся на всю сферу правового регулирования общественных отношений, на все отрасли права, содержится нормативно закрепленное положение о гарантированности судебной защиты. Следовательно, данное положение есть не что иное как общеправовой принцип.

Принцип гарантированности судебной защиты прав и свобод в России продублирован в ч. 1 ст. 1 ГК РФ, где речь идет о судебной защите как одной из основ гражданского законодательства, и в ч. 1 ст. 1 СК РФ, в которой возможность защиты прав членов семьи рассматривается как одна из основ семейного законодательства. В Армении принцип судебной защиты и права на обращение в международные органы по защите прав человека аналогичным образом дублируется в ч. 1 ст. 3 ГК РА в качестве принципа гражданского права и в ч. 1 ст. 1 СК РА в качестве принципа семейного права.

Кроме того, в Армении в ст. 23 действующего УПК РА закреплен принцип обеспечения судебной защиты. Здесь конституционный общеправовой принцип не просто продублирован, а подробно конкретизирован применительно к уголовно-процессуальным отношениям. В уголовно-процессуальной сфере содержание данного принципа включает в себя следующие моменты: 1) никто не может быть лишен права на рассмотрение его дела в суде и судьей, в чьей юрисдикции или подсудности оно находится в соответствие с законом; 2) каждый имеет право на суд для определения обоснованности предъявленного ему обвинения; 3) каждый имеет право на привлечение к уголовной ответственности лица, причинившее ему вред совершенным преступлением, а также на возмещение этого вреда; 4) действия публичных участников процесса, затрагивающие права и свободы человека, подлежат судебному контролю в

установленных законом случаях. Более того, при наличии нереабилитирующих обстоятельств законному представителю умершего дается возможность оспорить обвинение в суде, реализуя свое право на защиту вместо обвиняемого[1005].

Таким образом, в ряде случаев и на отраслевом уровне одно из неотъемлемых прав человека в современном обществе – право на судебную защиту – воспринимается законодателем не просто как право, но и как принцип права. Напомним, что Я. Стоиловым было обращено внимание на двойственность предназначения основных прав, позволившее ученому прийти к выводу, что основные права могут выступать и в качестве прав, и в качестве принципов права[1006].

В российской и армянской судебной практике конституционные положения о гарантированности судебной защиты воспринимаются в большинстве случаев только как нормы о правах граждан, и суды массово рассматриваются дела о нарушении права на судебную защиту. Однако среди судебных актов российских арбитражных судов и судов общей юрисдикции нами, хотя и в небольшом количестве, в судебных актах обнаружено понимание соответствующих конституционных положений и как принципа права.

Так, в единственном в своем роде решении, которое было вынесено Арбитражным судом Самарской области четко указывается, что «суд руководствуется **принципом гарантированности судебной защиты** *(выделено нами – В.И.)*, установленном статьей 46 Конституции РФ»[1007]. Еще в пяти судебных актах арбитражных судов[1008] имеется отсылка к «конституционному

[1005] См.: ՔՐԵԱԿԱՆ ԴԱՏԱՎԱՐՈՒԹՅԱՆ ՆՈՐ ՕՐԵՆՍԳՐՔԻ ՀԱՅԵՑԱԿԱՐԳԱՅԻՆ ԼՈՒԾՈՒՄՆԵՐԻ, ՆՈՐԱՐԱՐԱԿԱՆ ՄՈՏԵՑՈՒՄՆԵՐԻ ԵՎ ՀԻՄՆԱԿԱՆ ԻՆՍՏԻՏՈՒՏՆԵՐԻ ՄԵԿՆԱԲԱՆՄԱՆ ԳՈՐԾՆԱԿԱՆ ՈՒՂԵՑՈՒՅՑ. 2022. էջ. 77 (Практическое руководство по толкованию судебных решений, инновационных подходов и ключевых институтов нового Уголовно-процессуального кодекса. Б.м.: Б.и., 2022. С. 77).

[1006] См.: Стоилов Я. Принципы права: понятие и правоприменение: монография / вступ. ст., научн. ред. пер. Е.А. Фроловой. М.: Проспект, 2023. С. 145.

[1007] Решение Арбитражного суда Самарской области от 16 сентября 2014 г. по делу № А55-13700/2014 // URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/giDgWyfEuqUR/ (дата обращения: 1.03.2024).

[1008] Правда, три из них вынесены в рамках рассмотрения одного и того же дела (см.: Решение Арбитражного суда Белгородской области от 2 ноября 2015 г. по делу № А08-5240/2015 // URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/bhlJ3ebjo9mn/ (дата обращения: 1.03.2024);

принципу гарантированности государством права на судебную защиту нарушенного права»[1009]. В 26-ти судебных актах разных арбитражных судов называется «общий принцип о гарантированности государственной и судебной защиты прав и свобод (ч. 1 ст. 45 Конституции Российской Федерации)»[1010]. То же самое имеет место и в четырех решениях судов общей юрисдикции – районных судов[1011]. Обратим внимание, что арбитражные суды и суды общей юрисдикции в данном случае смешивают сразу два принципа: принцип гарантированности охраны прав и свобод человека и гражданина, закрепленный в ст. 2, 17, 18, ст. 45, 55, 56 и принцип гарантированности судебной защиты прав и свобод, закрепленный в ст. 46 Конституции РФ, и при этом делают отсылку только к ч. 1 ст. 15 Конституции РФ. Тем не менее, показательно, что суды называют конституционные положения о гарантированности государственной и судебной защиты прав и свобод общим принципом права.

Наконец, в двух решениях Суда Ханты-Мансийского автономного округа судьям предписывается при производстве по делу об административном правонарушении учитывать, вытекающие (в одном случае из ст. 46 и 47, в другом – из ст. 46–48 Конституции РФ) и закрепленные «в соответствующих нормах Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях **принципы гарантированности судебной защиты прав и свобод каждого** *(выделено нами – В.И.)*, доступа к правосудию и права на получение

Постановление Девятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 18 февраля 2016 г. по делу № А08-5240/2015 // URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/ZsFvXIE9Tqb5/ (дата обращения: 1.03.2024); Решение Арбитражного суда Белгородской области от 2 августа 2016 г. по делу № А08-379/2016 // URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/j5gR2Etv7k5k/ (дата обращения: 1.03.2024).

[1009] См., кроме указанных в предыдущей сноске: Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 1 июня 2016 г. по делу № А08-5240/2015 // URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/88GniZlsmJv/ (дата обращения: 1.03.2024); Решение Арбитражного суда Приморского края от 26 апреля 2016 г. по делу № А51-756/2016 // URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/3cEGFDAJ9Mz/ (дата обращения: 1.03.2024).

[1010] См., напр., Постановление Восьмого арбитражного апелляционного суда от 20 сентября 2022 г. по делу № А81-3516/2018 // URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/Le5J49SxdK5c/ (дата обращения: 1.03.2024) и др.

[1011] См., напр., Решение Брянского районного суда № 2-109/2017 2-109/2017(2-1850/2016;)~М-1670/2016 2-1850/2016 М-1670/2016 от 3 февраля 2017 г. по делу № 2-109/2017 // URL: https://sudact.ru/regular/doc/fc6jVqFiLmQn/ (дата обращения: 1.03.2024).

квалифицированной юридической помощи, осуществляемые в специальных, предусмотренных законом процедурах»[1012].

Итак, исходя из анализа законодательства и судебной практики, мы приходим к выводу, что принцип гарантированности судебной защиты прав и свобод / принцип судебной защиты и права на обращение в международные органы по защите прав человека является общеправовым принципом в правовой системе Российской Федерации и Республики Армения (соответственно).

Принцип гарантированности права на получение квалифицированной юридической помощи / принцип обеспечения права на получение юридической помощи. В Конституции РФ этот принцип закреплен в ст. 48, а в Конституции РА – в ст. 64, но в научной литературе практически не исследован[1013]. Можно назвать лишь две статьи, в одной из которых под названием принципа доступности юридической помощи принцип гарантированности права на получение квалифицированной юридической помощи рассматривается в качестве

[1012] Решение Суда Ханты-Мансийского автономного округа № 12-68/2016 7-716/2016 от 16 июня 2016 г. по делу № 12-68/2016 // URL: https://sudact.ru/regular/doc/wZzoD4N9VXVY/ (дата обращения: 1.03.2024); Решение Суда Ханты-Мансийского автономного округа № 12-247/2016 12-84/2016 от 17 июня 2016 г. по делу № 12-247/2016 // URL: https://sudact.ru/regular/doc/n0bUwrPevyl0/ (дата обращения: 1.03.2024).

[1013] Речь идет именно о принципе права, а не непосредственно о юридической помощи. Что касается юридической помощи, то она неоднократно исследовалась как гарантия защиты прав и свобод человека, определялось ее место в уголовном процессе, характеризовались субъекты и механизм реализации (см., напр., Закомолдин А.В. Квалифицированная юридическая помощь в уголовном процессе России: понятие, содержание, гарантии: дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2007; Бондарь О.Н. Квалифицированная юридическая помощь – конституционная гарантия судебной защиты прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2008; Дилбандян С.А. Участие защитника по делам несовершеннолетних в уголовном процессе России и Армении // Административное и муниципальное право. 2011. № 5. С. 82–85; Ботнев В.К. Квалифицированная юридическая помощь как конституционно-правовая гарантия защиты прав и свобод человека и гражданина: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2013; Ղումաշյան Կ. Իրավաբանական օգնության հասանելիությունն ու մատչելիությունը. 26.08.2013 // URL: https://www.advocates.am/news/view/481.html (дата обращения: 1.03.2024) (Гумашян К. Наличие и доступность юридической помощи. 26.08.2013 // URL: https://www.advocates.am/news/view/481.html (дата обращения: 1.03.2024); Баев А.А. Представитель как субъект реализации конституционной гарантии на получение квалифицированной юридической помощи в уголовном судопроизводстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2016).

конституционного принципа[1014], а в другой статье под названием принципа доступности квалифицированной юридической помощи – в качестве принципа административного права[1015]. Учитывая, что в тексте ст. 48 Конституции РФ (равно как и в тексте ст. 64 Конституции РА) слово «доступность» («առկայությունը») не используется, мы предлагаем название данного принципа в соответствие с содержанием и формулировками соответствующих статей Конституций России и Армении.

Конституционное содержание исследуемого принципа сводится следующему:

1) каждый имеет право на получение юридической помощи;

2) в предусмотренных законом случаях такая помощь должна оказываться бесплатно. Это является одной из государственных гарантий получения квалифицированной юридической помощи.

Также в качестве средства обеспечения юридической помощи в ч. 2 ст. 64 Конституции РА гарантируется адвокатская деятельность, основанная на независимости, самоуправлении и равноправии адвокатов. Обратим внимание, что в ч. 2 ст. 48 Конституции РФ имеет место конкретизация принципа гарантированности права на получение квалифицированной юридической помощи в сфере уголовно-процессуальных отношений, а именно: каждому задержанному, заключенному под стражу, обвиняемому в совершении преступления предоставляется возникающее с момента задержания, заключения под стражу или предъявления обвинения право пользоваться помощью адвоката (защитника).

На отраслевом уровне исследуемый принцип конкретизирован только в уголовно-процессуальном законодательстве – в ст. 16 УПК РФ и ст. 19 УПК РА. Указанные статьи Уголовно-процессуальных кодексов отличаются по объему и во многом – по содержанию.

[1014] См.: Альбрант Н.В. Доступность юридической помощи как конституционный принцип // Вестник Челябинского государственного университета. 2015. № 25 (380). С. 26–31.

[1015] См.: Апарина И.В. Доступность квалифицированной юридической помощи как принцип административного права // Современная научная мысль. 2016. № 4. С. 264–270.

Основное отличие кроется в субъектном составе, кому предоставляется юридическая помощь. В России – это подозреваемый и обвиняемый, в Армении – задержанный, обвиняемый, потерпевший, имущественный ответчик, законный представитель каждого из них, а также свидетель. Имеются и различия в нормативно закрепленных гарантиях. В ч. 2 и 3 ст. 16 УПК РФ устанавливается круг должностных лиц, в обязанности которых вменяется разъяснение подозреваемому и обвиняемому их прав, обеспечение им возможности защищаться всеми не запрещенными способами и средствами, обеспечение в установленных законом случаях обязательного участия защитника и (или) законного представителя подозреваемого или обвиняемого. В ч. 2 ст. 19 УПК РА органам, осуществляющим производство уголовных дел, запрещается препятствовать присутствию адвоката в процедурах, проводимых и участием его клиента.

Сходство же заключается в дублировании конституционных норм о том, что в установленных случаях соответствующие субъекты могут пользоваться помощью адвоката бесплатно.

Кроме УПК РФ и УПК РА гарантии реализации принципа гарантированности права на получение квалифицированной юридической помощи / принципа обеспечения права на получение юридической помощи устанавливаются и в иных нормативных правовых актах, например, в федеральном законе от 21 ноября 2011 г. № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации»[1016], ст. 50 ГПК РФ, ст. 26 федерального закона от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»[1017], ч. 6, 7 ст. 49 ГПК РА, ст. 6 закона Республики Армения от 13 января 2005 г. № ЗР-29 «Об адвокатуре»[1018].

[1016] См.: Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2011. № 48. Ст. 6725.

[1017] См.: Федеральный закон от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2002. № 23. Ст. 2102.

[1018] Закон Республики Армения от 13 января 2005 г. № ЗР-29 «Об адвокатуре» // URL: http://parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=2255&lang=rus (дата обращения: 1.03.2024).

В армянской правоприменительной практике защитой права на получение юридической помощи больше занимаются официальное должностное лицо – Защитник прав человека в Армении[1019] (аналог Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации), Армянская ассоциация юристов[1020] и различные правозащитные организации[1021]. В российской правоприменительной практике серьезное внимание праву на получение квалифицированной юридической помощи, особенно в уголовном судопроизводстве, уделяют суды[1022].

Несмотря на общий подход судов к пониманию квалифицированной юридической помощи как к одному из прав человека, нами обнаружено несколько судебных актов, в которых имеется и иной подход – как к принципу права. Так, в апелляционном определении от 6 мая 2015 г. Кировский районный суд г. Омска не просто сослался на принцип гарантированности права на получение квалифицированной юридической помощи, но и использовал его в качестве конкретного аргумента при мотивировании судебного акта[1023]. Кроме того, как

[1019] См., напр., 2013 ԹՎԱԿԱՆԻ ԸՆԹԱՑՔՈՒՄ ՀՀ ՄԱՐԴՈՒ ԻՐԱՎՈՒՆՔՆԵՐԻ ՊԱՇՏՊԱՆԻ ԳՈՐԾՈՒՆԵՈՒԹՅԱՆ ԵՎ ԵՐԿՐՈՒՄ ՄԱՐԴՈՒ ԻՐԱՎՈՒՆՔՆԵՐԻ ՈՒ ՀԻՄՆԱՐԱՐ ԱԶԱՏՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԻ ԽԱԽՏՄԱՆ ՄԱՍԻՆ. Եր., 2014. էջ. 10–11, 61–62 (О нарушении прав и основных свобод человека в стране в течение 2013 года (доклад Защитника прав человека в Армении). Ереван: Б.и., 2014. С. 10–11, 61–62).

[1020] См., напр., ԿԱՆԱՆՑ ԻՐԱՎՈՒՆՔՆԵՐԻ ՊԱՇՏՊԱՆՈՒԹՅԱՆ ՄԵԽԱՆԻԶՄՆԵՐԻ ԱՄՐԱՊՆԴՄԱՆ ՀԵՌԱՆԿԱՐՆԵՐԸ ՀԱՅԱՍՏԱՆՈՒՄ: ԶԵԿՈՒՅՑ Իրավաբանների հայկական ասոցիացիա. Եր., 2019. էջ. 18 (Механизмы защиты прав женщин: перспективы развития в Армении (Отчет Армянской ассоциации юристов). Ереван: Б.и., 2019. С. 18).

[1021] См., напр., ԱՆՉԱՓԱՀԱՍՆԵՐԻ ԳՈՐԾԵՐՈՎ ԴԱՏԱՎԱՐՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԻ ԴԻՏԱՐԿՈՒՄ. Հաշվետվություն Քաղաքացիական հասարակության ինստիտուտ. Երևան: Քաղաքացիական հասարակության ինստիտուտ, 2011. էջ. 62–66 (Обзор судебных процессов над несовершеннолетними (Отчет Института гражданского общества). Ереван: Институт гражданского общества, 2011. С. 62–66); Սարգսյան Ի., Գրիգորյան Լ., Խաչատրյան Մ., Մանուկյան Լ., Մարուքյան Գ. Իրավական տեղեկատու կանանց համար / խմբ.՝ Ա. Խաչատրյան, 2–րդ՝ լրամշակ. հրատ. Եր.: «Ժողովրդավարության և իրավունքի կենտրոն» ՀԿ, 2013. էջ. 189–190 (Саргсян И., Григорян Л., Хачатрян М., Манукян Л., Марукян Г. Юридический справочник для женщин / под ред. А. Хачатряна. 2-е изд. Ереван: НПО «Центр демократии и права», 2013. С. 189–190).

[1022] См., напр., Правовые позиции КС РФ по отдельным вопросам. Право на получение квалифицированной юридической помощи в уголовном судопроизводстве // URL: https://legalacts.ru/sud/pravovye-pozitsii-ks-rf-po-otdelnym-voprosam-pravo-na-poluchenie-kvalifitsirovannoi-iuridicheskoi-pomoshchi-v-ugolovnom-sudoproizvodstve/ (дата обращения: 1.03.2024).

[1023] См.: Апелляционное определение Кировского районного суда г. Омска № 11-132/2015 от 6 мая 2015 г. по делу № 11-132/2015 // URL: https://sudact.ru/regular/doc/dKXADuKIOGmK/ (дата

минимум, в пяти случаях арбитражные суды при разбирательстве дела ссылались на «принцип обеспечения доступности юридической помощи для населения», закрепленный, по их мнению, в ст. 3 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»[1024].

Несмотря на скудность судебных актов, в которых упоминается принцип гарантированности права на получение квалифицированной юридической помощи (в той или иной формулировке), учитывая его конституционное закрепление и направленность на урегулирование общественных отношений во всех отраслях права, данный принцип является общеправовым в правовой системе России и Армении (в последнем случая под названием принципа обеспечения права на получение юридической помощи).

Все ранее рассмотренные общеправовые принципы являются важным элементом правовой системы и Российской Федерации, и Республики Армения. Однако в Конституции РА получили закрепление еще два общеправовых принципа – *принцип соразмерности* (ст. 78 Конституции РА) и *принцип определенности* (ст. 79 Конституции РА). В Российской Федерации они не только не закреплены в Конституции РФ, но и ни в одном кодифицированном акте. Именно по этой причине мы их рассматривали в предыдущих двух главах в качестве доктринальных принципов российского права.

Содержание принципа соразмерности в соответствие со ст. 78 Конституции РА составляют следующие положения:

обращения: 1.03.2024). В указанном судебном акте содержится следующее: «Между тем, исходя из **принципа гарантированности права на получение квалифицированной юридической помощи** *(выделено нами – В.И.),* требований разумности и справедливости, а также обстоятельств дела, суд первой инстанции определил подлежащую взысканию сумму расходов на оплату услуг представителя в размере 8000 рублей». Очевидно, мировой судья, чье решение обжаловалось, использовала именно эту формулировку. Однако, к сожалению, данным решением мирового судьи мы не располагаем.

[1024] Правда, происходило это все исключительно в рамках рассмотрения одного дела (см.: Решение Арбитражного суда Краснодарского края от 9 октября 2017 г. по делу № А32-8/2016 // URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/Cv98ZScwMDbR/ (дата обращения: 1.03.2024); Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 18 декабря 2017 г. по делу № А32-8/2016 // URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/Ee0IyFelSSoQ/ (дата обращения: 1.03.2024); Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 31 декабря 2019 г. по делу № А32-8/2016 // URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/ftiEGQ9Og6x/ (дата обращения: 1.03.2024) и др.).

– пригодность и необходимость мер, выбранных для ограничения основных прав и свобод;

– соразмерность мер, выбранных для ограничения значению ограничиваемых основных прав и свобод.

Понятие «соразмерность» встречается также в ст. 71 Конституции РА, в который сформулирован отраслевой принцип уголовного права Армении – принцип вины и принцип соразмерности наказания. В ч. 1 указанной статьи Конституции РА используется понятие «преступление», что позволяет идентифицировать соответствующие конституционные положения как имеющие отношение исключительно к сфере уголовно-правовых отношений. В ч. 2 ст. 71 Конституции РА идет речь о наказании в целом. Таким образом, восприятие принципа вины и принципа соразмерности наказания как одного или двух разных принципов, как специфического уголовно-правового или как уголовно-правового принципа вины и общеправового принципа соразмерности наказания зависит от того, как толковать ст. 71 Конституции РА. К сожалению, комментарий к Конституции РА армянских ученых не проливает свет на эту проблему[1025].

По нашему мнению, в ч. 2 ст. 71 Конституции РА, все же, закреплен не общеправовой, а отраслевой уголовно-правовой принцип, а часть 2 статьи является не обособленной от первой части, а логическим ее продолжением. В противном случае законодатель вместо помещения в одну статью развел бы исследуемые положения в две разных статьи Конституции.

Как мы уже отмечали ранее, в п. 10 ст. 3 НК РА назван принцип соразмерности ответственности. Под ним понимается, что ответственность, предусмотренная за нарушение требований законодательства о платежах, должна быть соразмерна тяжести правонарушения. Мы полагаем, что указанное нормативное положение не является конкретизацией общеправового принципа соразмерности, хотя бы по той причине, что ст. 3 НК РА устанавливает

[1025] См.: ՊՈՂՈՍՅԱՆ Վ., ՍԱՐԳՍՅԱՆ Ն. Հայաստանի Հանրապետության 2015 թ. խմբագրությամբ Սահմանադրությունը. Եր.: Տիգրան Մեծ, 2016 էջ. 79–80 (Погосян В., Саргсян Н. Конституция Республики Армения в редакции 2015 г. краткие разъяснения. Ереван: Издательство «Тигран Великий», 2016. С. 79–80).

не принципы правового регулирования налоговых отношений, налогового права или налогового законодательства, и принципы налоговой системы РА. Тем не принцип соразмерности ответственности можно считать и нормативно закрепленным отраслевым принципом налогового права, поскольку его содержание распространяется не только на налоговую систему, но и на всю сферу налоговых правоотношений.

Рассматривая принцип соразмерности как меру ограничения прав и свобод, в одном из своих постановлений Конституционный Суд РА выработал правовую позицию, в соответствие с которой конституционное ограничение права собственности допустимо только в соответствие с законом в целях защиты интересов общества или основных прав и свобод других лиц, но это ограничение должно соответствовать конституционным принципам определенности и соразмерности и не может превышать ограничения, установленные международными договорами Республики Армения[1026].

В другом постановлении Конституционный Суд РА установил, что «законодательный запрет на повторное обращение в суд по спору между теми же лицами, по тому же предмету и по тем же основаниям в случае прекращения производства по гражданскому делу на основании отказа от иска, являясь процессуальным последствием волеизъявления лица, в целом соответствует закрепленному в статье 78 Конституции принципу соразмерности»[1027].

[1026] См.: Հայաստանի Հանրապետության սահմանադրական դատարանի որոշումը № 1340 31 հունվարի 2017 թ. «ՍԴՈ-1340 «ԱՆԱՀԻԴԱ ԱՂԱՋԱՆՅԱՆԻ, ՎԼԱԴԻՄԻՐ ԱՂԱՋԱՆՅԱՆԻ, ԱՐՄԵՆ ԱՂԱՋԱՆՅԱՆԻ ԵՎ ԱՐՄԻՆԵ ԱՂԱՋԱՆՅԱՆԻ ԴԻՄՈՒՄԻ ՀԻՄԱՆ ՎՐԱ՝ «ՍՆԱՆԿՈՒԹՅԱՆ ՄԱՍԻՆ» ՀՀ ՕՐԵՆՔԻ 54-ՐԴ ՀՈԴՎԱԾԻ 1-ԻՆ ՄԱՍԻ «Ա» ԿԵՏԻ՝ ՀԱՅԱՍՏԱՆԻ ՀԱՆՐԱՊԵՏՈՒԹՅԱՆ ՍԱՀՄԱՆԱԴՐՈՒԹՅԱՆԸ ՀԱՄԱՊԱՏԱՍԽԱՆՈՒԹՅԱՆ ՀԱՐՑԸ ՈՐՈՇԵԼՈՒ ՎԵՐԱԲԵՐՅԱԼ ԳՈՐԾՈՎ» // /URL: https://www.concourt.am/decision/decisions/sdv-1340.pdf (дата обращения: 1.03.2024) (Постановление Конституционного Суда Республики Армения № 1340 от 31 января 2017 г. «По делу об определении вопроса соответствия пункта “а” части 1 статьи 54 закона РА “О банкротстве” Конституции Республики Армения на основании обращения Анаиды Агаджанян, Владимира Агаджаняна, Армена Агаджаняна и Армине Агаджанян» // URL: https://www.concourt.am/decision/decisions/sdv-1340.pdf (дата обращения: 1.03.2024).

[1027] См.: Постановление Конституционного Суда Республики Армения № 1515 от 10 марта 2020 г. «По делу об определении вопроса соответствия пункта 2 части 1 статьи 182, части 8 статьи 183, статьи 203 Гражданского процессуального кодекса РА Конституции на основании

По сути, как справедливо отмечает Г. Оганесян, принцип соразмерности является важным и сложным инструментом, позволяющим соотнести различные права человека и способы их ограничения[1028]. От себя добавим: армянские суды, в первую очередь, Конституционный Суд РА пользуются им вполне успешно.

Перейдем к рассмотрению конституционного общеправового принципа определенности в Республике Армения. Содержание данного принципа в соответствие со ст. 79 Конституции РА заключается в следующем: основания и объем ограничений основных прав и свобод должны быть «в достаточной мере определенными, чтобы носители и адресаты этих прав и свобод были в состоянии проявлять соответствующее поведение».

В Армении принцип определенности является наиболее часто встречающимся принципом права, на который делаются отсылки в судебных актах. Истцы и ответчики в Конституционном Суде РА часто ссылаются на принцип определенности, а сам Конституционный Суд РА выработал правовые позиции, в соответствие с которыми осуществляет правосудие он сам и другие суды Республики Армения.

Правовые позиции Конституционного Суда РА широко охватывают разные аспекты принципа определенности. В целом их можно свести к следующим моментам:

– в соответствие с рядом решений Европейского суда по правам человека, какая-либо правовая норма не может считаться «законом», если она не соответствует принципу правовой определенности (res judicata), то есть «не сформулирована в достаточной степени точно, что позволило бы гражданину совместить с ней свое поведение»[1029];

обращения суда общей юрисдикции первой инстанции города Еревана» // URL: https://www.concourt.am/decision/full_text/626bc7e813e7f_1515.pdf (дата обращения: 1.03.2024).

[1028] См.: Հովհաննիսյան Գ. ՀԱՄԱՉԱՓՈՒԹՅԱՆ ՍԿԶԲՈՒՆՔ // Պետություն և իրավունք. 2022. № 1 (92). Էջ. 47–61 (Оганесян Г. Принцип соразмерности // Государство и право. 2022. № 1 (92). С. 47–61).

[1029] См.: Постановление Конституционного Суда Республики Армения № 630 от 18 апреля 2006 г. «По делу об определении вопроса соответствия статьи 218 Гражданского кодекса Республики Армения, статей 104, 106 и 108 Земельного кодекса Республики Армения, постановления Правительства Республики Армения номер 1151-н “О мероприятиях по

– степень определенности зависит как от значения и последствий правовых регулирований для людей, так и от того объективного обстоятельства, насколько точные языковые формулировки можно дать сферам, являющимся предметом регулирования[1030];

– даже при максимально четкой формулировке правовой нормы судебное толкование не исключается. Определенность и точность законодательного регулирования не могут абсолютизироваться, даже недостаточная четкость может быть дополнена толкованиями суда[1031];

– правовые нормы всегда нуждаются в определенном толковании и практически невозможно равноценными правовыми нормами четко урегулировать разнохарактерные отношения во всех сферах жизни[1032];

– правовое регулирование должно быть для лица по возможности ясно, доступно и воспринимаемо, чтобы оно было в состоянии проявить соответствующее поведение[1033];

осуществлению программ застройки в административной границе общины Кентрон г. Еревана", принятого 1 августа 2002 года, статье 31 Конституции Республики Армения» URL: https://www.concourt.am/decision/full_text/64dccb43cc137_%D0%9F%D0%9A%D0%A1-630.pdf (дата обращения: 10.11.2023).

[1030] См.: Постановление Конституционного Суда Республики Армения № 1411 от 3 апреля 2018 г. «По делу об определении вопроса соответствия статьи 2211 Гражданского процессуального кодекса РА Конституции Республики Армения на основании обращения ООО "ЭС ДИ ЭЙ ТРЭВЕЛ"» // URL: https://www.concourt.am/decision/full_text/2018-ru-sdv-1411.pdf (дата обращения: 1.03.2024).

[1031] См.: Հայաստանի Հանրապետության սահմանադրական դատարանի որոշումը № 1270 3 մայիսի 2016 թ. «ՔՆԱՐԻԿ ԵՎ ԴԱՎԻԹ ԹԱՀՄԱԶՅԱՆՆԵՐԻ ԴԻՄՈՒՄԻ ՀԻՄԱՆ ՎՐԱ՝ ՀՀ ՔԱՂԱՔԱՑԻԱԿԱՆ ՕՐԵՆՍԳՐՔԻ 601-ՐԴ ՀՈԴՎԱԾԻ 1-ԻՆ ՄԱՍԻ՝ ՀԱՅԱՍՏԱՆԻ ՀԱՆՐԱՊԵՏՈՒԹՅԱՆ ՍԱՀՄԱՆԱԴՐՈՒԹՅԱՆԸ ՀԱՄԱՊԱՏԱՍԽԱՆՈՒԹՅԱՆ ՀԱՐՑԸ ՈՐՈՇԵԼՈՒ ՎԵՐԱԲԵՐՅԱԼ ԳՈՐԾՈՎ» // URL: https://www.concourt.am/decision/decisions/sdv-1270.pdf (дата обращения: 1.03.2024) (Постановление Конституционного Суда Республики Армения № 1270 от 3 мая 2016 г. «По делу об определении вопроса соответствия части 1 статьи 601 Гражданского кодекса РА Конституции Республики Армения на основании обращения Кнарик и Давида Тамазянов» // URL: https://www.concourt.am/decision/decisions/sdv-1270.pdf (дата обращения: 1.03.2024).

[1032] См.: Постановление Конституционного Суда Республики Армения № 1411 от 3 апреля 2018 г. «По делу об определении вопроса соответствия статьи 2211 Гражданского процессуального кодекса РА Конституции Республики Армения на основании обращения ООО "ЭС ДИ ЭЙ ТРЭВЕЛ"» // URL: https://www.concourt.am/decision/full_text/2018-ru-sdv-1411.pdf (дата обращения: 1.03.2024).

[1033] См.: Там же.

– принцип правовой определенности предполагает не только соответствие конкретного правового положения или закона таким определенным качественным признакам, как четкость, предсказуемость и доступность, но и то, что они не могут противоречить положениям других законов, направленным на урегулирование того же правоотношения, что позволит участникам правоотношений составить определенное представление о характере и объеме своих прав и обязанностей[1034];

– правовая норма должна быть достаточно доступна, субъекты права должны в соответствующих обстоятельствах иметь возможность определиться, какие именно правовые нормы применяются в данном случае[1035];

– употребляемые в законодательстве понятия должны быть четкими, определенными и не приводить к разнохарактерным толкованиям или путанице[1036];

[1034] См.: Постановление Конституционного Суда Республики Армения № 1418 от 12 июня 2018 г. «По делу об определении вопроса соответствия части 2 статьи 887 Гражданского кодекса РА Конституции Республики Армения на основании обращения Армине Атоян, Гайка Назиняна и Аркадия Варданяна» // URL: https://www.concourt.am/decision/full_text/2018-ru-sdv-1418.pdf (дата обращения: 1.03.2024).

[1035] См.: Հայաստանի Հանրապետության սահմանադրական դատարանի որոշումը № 753 13 մայիսի 2008 թ. «“ՌԱԴԻՈ ՀԱՅ” ՍՊԸ-Ի ԴԻՄՈՒՄԻ ՀԻՄԱՆ ՎՐԱ՝ «ՀԵՌՈՒՍՏԱՏԵՍՈՒԹՅԱՆ ԵՎ ՌԱԴԻՈՅԻ ՄԱՍԻՆ» ՀԱՅԱՍՏԱՆԻ ՀԱՆՐԱՊԵՏՈՒԹՅԱՆ ՕՐԵՆՔԻ 53 ՀՈԴՎԱԾԻ 3-ՐԴ ՄԱՍԻ՝ ՀԱՅԱՍՏԱՆԻ ՀԱՆՐԱՊԵՏՈՒԹՅԱՆ ՍԱՀՄԱՆԱԴՐՈՒԹՅԱՆԸ ՀԱՄԱՊԱՏԱՍԽԱՆՈՒԹՅԱՆ ՀԱՐՑԸ ՈՐՈՇԵԼՈՒ ՎԵՐԱԲԵՐՅԱԼ ԳՈՐԾՈՎ» // URL: https://www.concourt.am/decision/decisions/633d5b8dc8cbe_sdv-753.pdf (дата обращения: 1.03.2024) (Постановление Конституционного Суда Республики Армения № 753 от 13 мая 2008 г. «По делу об определении вопроса соответствия части 3 статьи 53 Закона Республики Армения “О телевидении и радио” Конституции Республики Армения на основании заявления ООО “Армянское радио”» // URL: https://www.concourt.am/decision/decisions/633d5b8dc8cbe_sdv-753.pdf (дата обращения: 1.03.2024).

[1036] См.: Հայաստանի Հանրապետության սահմանադրական դատարանի որոշումը № 1176 2 դեկտեմբերի 2014 թ. «ՔԱՂԱՔԱՑԻ ՍԵՐԳԵՅ ԳՐԻԳՈՐՅԱՆԻ ԴԻՄՈՒՄԻ ՀԻՄԱՆ ՎՐԱ՝ ՀՀ ՄԱՔՍԱՅԻՆ ՕՐԵՆՍԳՐՔԻ 95-ՐԴ ՀՈԴՎԱԾԻ 1-ԻՆ ՄԱՍԻ ԵՎ 96-ՐԴ ՀՈԴՎԱԾԻ 2-ՐԴ ՄԱՍԻ՝ՀԱՅԱՍՏԱՆԻ ՀԱՆՐԱՊԵՏՈՒԹՅԱՆ ՍԱՀՄԱՆԱԴՐՈՒԹՅԱՆԸ ՀԱՄԱՊԱՏԱՍԽԱՆՈՒԹՅԱՆ ՀԱՐՑԸ ՈՐՈՇԵԼՈՒ ՎԵՐԱԲԵՐՅԱԼ ԳՈՐԾՈՎ» // URL: https://www.concourt.am/decision/decisions/sdv-1176.pdf (дата обращения: 1.03.2024) (Постановление Конституционного Суда Республики Армения № 1176 от 2 декабря 2014 г. «По делу об определении вопроса соответствия части 1 статьи 95 и части 2 статьи 96 Таможенного кодекса РА Конституции Республики Армения на основании обращения гражданина Сергея

– норма не может считаться «законом», если она не сформулирована с достаточной четкостью, которая позволит физическим и юридическим лицам сообразовывать с ней свое поведение – они должны иметь возможность предвидеть те последствия, которые может вызвать данное действие[1037];

– принцип правовой определенности предполагает как наличие по возможности точного правового регулирования, так и обеспечение его предсказуемости. В частности, формулировка правового регулирования должна дать лицу не только возможность сформировать свое поведение в соответствии с ним, но и возможность предвидеть, какими могут быть действия публичной власти и какие последствия повлечет применение данного правового регулирования[1038];

– правовые регулирования, закрепленные в законе в рамках признания принципа верховенства права, должны сделать для лица предсказуемыми его правомерные ожидания. Кроме того, принцип правовой определенности, являясь одним из основополагающих принципов правового государства, предполагает

Григоряна» // URL: https://www.concourt.am/decision/decisions/sdv-1176.pdf (дата обращения: 1.03.2024).

[1037] См.: Հայաստանի Հանրապետության սահմանադրական դատարանի որոշումը № 753 13 մայիսի 2008 թ. «“ՌԱԴԻՈ ՀԱՅ” ՍՊԸ-Ի ԴԻՄՈՒՄԻ ՀԻՄԱՆ ՎՐԱ՝ «ՀԵՌՈՒՍՏԱՏԵՍՈՒԹՅԱՆ ԵՎ ՌԱԴԻՈՅԻ ՄԱՍԻՆ» ՀԱՅԱՍՏԱՆԻ ՀԱՆՐԱՊԵՏՈՒԹՅԱՆ ՕՐԵՆՔԻ 53 ՀՈԴՎԱԾԻ 3-ՐԴ ՄԱՍԻ՝ ՀԱՅԱՍՏԱՆԻ ՀԱՆՐԱՊԵՏՈՒԹՅԱՆ ՍԱՀՄԱՆԱԴՐՈՒԹՅԱՆԸ ՀԱՄԱՊԱՏԱՍԽԱՆՈՒԹՅԱՆ ՀԱՐՑԸ ՈՐՈՇԵԼՈՒ ՎԵՐԱԲԵՐՅԱԼ ԳՈՐԾՈՎ» // URL: https://www.concourt.am/decision/decisions/633d5b8dc8cbe_sdv-753.pdf (дата обращения: 1.03.2024) (Постановление Конституционного Суда Республики Армения № 753 от 13 мая 2008 г. «По делу об определении вопроса соответствия части 3 статьи 53 Закона Республики Армения “О телевидении и радио” Конституции Республики Армения на основании заявления ООО “Армянское радио”» // URL: https://www.concourt.am/decision/decisions/633d5b8dc8cbe_sdv-753.pdf (дата обращения: 1.03.2024).

[1038] См.: Постановление Конституционного Суда Республики Армения № 1452 от 2 апреля 2019 г. «По делу об определении вопроса соответствия части 1 статьи 401 Гражданского процессуального кодекса Республики Армения Конституции на основании обращений Каджика Карапетяна, Амбарцума Давтяна, Эдика Акопяна» // URL: https://www.concourt.am/decision/full_text/2019-ru-sdv-1452.pdf (дата обращения: 1.03.2024).

также, что действия всех субъектов правоотношений, в том числе носителей власти, должны быть предсказуемыми и законными[1039].

– принцип правовой определенности предполагает также четкость и предвидимость решений судов, что дает возможность участникам правоотношений составить соответствующее представление о возможных последствиях своего поведения[1040].

В целом, если резюмировать приведенные правовые позиции, законы должны соответствовать принципу правовой определенности, т.е. должны быть сформулированы четко и понятно и для публичной власти, и для судов, и для граждан, последствия их применения должны быть предсказуемыми и понятными субъектам правоотношений. В неясных, спорных ситуациях необходимо судебное толкование закона. По сути, принцип определенности является эффективным инструментом правового регулирования общественных отношений практически во всех сферах жизни, где это регулирование вообще может иметь место.

Апелляционные и кассационные суды общей юрисдикции, а также арбитражные суды, опираясь на правовые позиции Конституционного Суда РА,

---

[1039] Հայաստանի Հանրապետության սահմանադրական դատարանի որոշումը № 1213 9 հունիսի 2015 թ. «ՀՀ ԱՐԱԳԱԾՈՏՆԻ ՄԱՐԶԻ ԸՆԴՀԱՆՈՒՐ ԻՐԱՎԱՍՈՒԹՅԱՆ ԱՌԱՋԻՆ ԱՏՅԱՆԻ ԴԱՏԱՐԱՆԻ ԴԻՄՈՒՄԻ ՀԻՄԱՆ ՎՐԱ՝ ՀՀ ՔՐԵԱԿԱՆ ԴԱՏԱՎԱՐՈՒԹՅԱՆ ՕՐԵՆՍԳՐՔԻ 293-ՐԴ ՀՈԴՎԱԾԻ 1-ԻՆ ՄԱՍԻ ԵՎ 294-ՐԴ ՀՈԴՎԱԾԻ 1-ԻՆ ՄԱՍԻ՝ ՀԱՅԱՍՏԱՆԻ ՀԱՆՐԱՊԵՏՈՒԹՅԱՆ ՍԱՀՄԱՆԱԴՐՈՒԹՅԱՆԸ ՀԱՄԱՊԱՏԱՍԽԱՆՈՒԹՅԱՆ ՀԱՐՑԸ ՈՐՈՇԵԼՈՒ ՎԵՐԱԲԵՐՅԱԼ ԳՈՐԾՈՎ» // URL: https://www.concourt.am/decision/decisions/sdv-1213.pdf (дата обращения: 1.03.2024) (Постановление Конституционного Суда Республики Армения № 1213 от 9 июня 2015 г. «По делу об определении вопроса соответствия части 1 статьи 293 и части 1 статьи 294 Уголовно-процессуального кодекса РА Конституции Республики Армения на основании обращения суда первой инстанции общей юрисдикции Арагацотнского марза РА» // URL: https://www.concourt.am/decision/decisions/sdv-1213.pdf (дата обращения: 1.03.2024).

[1040] См.: Հայաստանի Հանրապետության սահմանադրական դատարանի որոշումը № 1270 3 մայիսի 2016 թ. «ՔՆԱՐԻԿ ԵՎ ԴԱՎԻԹ ԹԱՀՄԱԶՅԱՆՆԵՐԻ ԴԻՄՈՒՄԻ ՀԻՄԱՆ ՎՐԱ՝ ՀՀ ՔԱՂԱՔԱՑԻԱԿԱՆ ՕՐԵՆՍԳՐՔԻ 601-ՐԴ ՀՈԴՎԱԾԻ 1-ԻՆ ՄԱՍԻ՝ ՀԱՅԱՍՏԱՆԻ ՀԱՆՐԱՊԵՏՈՒԹՅԱՆ ՍԱՀՄԱՆԱԴՐՈՒԹՅԱՆԸ ՀԱՄԱՊԱՏԱՍԽԱՆՈՒԹՅԱՆ ՀԱՐՑԸ ՈՐՈՇԵԼՈՒ ՎԵՐԱԲԵՐՅԱԼ ԳՈՐԾՈՎ» // URL: https://www.concourt.am/decision/decisions/sdv-1270.pdf (дата обращения: 1.03.2024) (Постановление Конституционного Суда Республики Армения № 1270 от 3 мая 2016 г. «По делу об определении вопроса соответствия части 1 статьи 601 Гражданского кодекса РА Конституции Республики Армения на основании обращения Кнарик и Давида Тамазянов» // URL: https://www.concourt.am/decision/decisions/sdv-1270.pdf (дата обращения: 1.03.2024).

при аргументации судебных актов делают отсылки к принципу определенности[1041].

Таким образом, принцип определенности весьма востребован в судебной практике Армении. Конституционная закрепленность и большое внимание Конституционного Суда РА и иных судов Армении к этому принципу позволяет армянским ученым отмечать его важную роль в практической деятельности судов и в целом в правовой системе Армении[1042].

Несмотря на конституционное закрепление и широкую распространенность в судебной практике принципы соразмерности и определенности в Армении не продублированы ни в одном отраслевом кодифицированном акте.

Можно сколько угодно дискутировать, считать ли вообще соразмерность и определенность принципами права или же это какое-то сущностно иное правовое явление, но армянский законодатель прямо закрепил соответствующие идеи в Конституции именно в качестве принципов права. Кроме того, эти принципы востребованы в судебной практике.

Следовательно, соразмерность и определенность – принципы армянского права, а учитывая универсальность этих идей, применимость ко всему правовому регулирования, любой сфере общественных отношений и их закрепленность в Конституции РА, то это общеправовые принципы.

[1041] См., напр., Հայաստանի Հանրապետության Վճռաբեկ դատարանի քաղաքացիական և վարչական գործերով որոշումների ընտրանի (հունվար-դեկտեմբեր 2013). Եր.: Փրինթինֆո, 2014. Հատոր VII. Էջ. XIV, 363–364 (Подборка решений Кассационного суда РА по гражданским и административным делам (январь–декабрь 2013 г.). Ереван: Принтинфо, 2014. Т. VII. С. XIV, 363–364); ՀԱՅԱՍՏԱՆԻ ՀԱՆՐԱՊԵՏՈՒԹՅԱՆ ՎՃՌԱԲԵԿ ԴԱՏԱՐԱՆԻ ՔԱՂԱՔԱՑԻԱԿԱՆ ԵՎ ՎԱՐՉԱԿԱՆ ԳՈՐԾԵՐՈՎ ՈՐՈՇՈՒՄՆԵՐԻ ԸՆՏՐԱՆԻ: ՀՈՒՆՎԱՐ-ԴԵԿՏԵՄԲԵՐ 2018, ՀԱՏՈՐ XII. Եր.: «ԹԱՍԿ» ՍՊԸ, 2020. էջ. 158–160, 287, 332, 510, 515 (Подборка решений по гражданским и административным делам Арбитражного суда Республики Армения. Январь–декабрь 2018, Т. XII. Ереван: ООО «ТАСК», 2020. С. 158–160, 287, 332, 510, 515).

[1042] См.: Դանիելյան Գ. Իրավական որոշակիության, իրավունքի անալոգիայի (համանմանության) և իրավական ակտի մեկնաբանության փոխհարաբերության արդի հիմնախնդիրները // Բանբեր Երևանի համալսարանի. Իրավագիտություն, Երևան 2016. № 2 (20). Էջ. 3–17 (Даниелян Г. Современные проблемы правовой определенности, правовой аналогии (сходства) и толкования правовых актов // Вестник Ереванского университета. Правоведение. 2016. № 2 (20). С. 3–17).

Подводя итоги главы, сделаем следующие выводы.

Под конституционными принципами права следует понимать нормативно закрепленные в Конституции и в некоторых случаях продублированные и/или конкретизированные в отраслевом законодательстве наиболее важные, значимые, базовые, исходные идеи и положения, лежащие в основе определенной отрасли права, совокупности отраслей права или всего правового регулирования в рамках конкретной правовой системы. Конституционные принципы могут быть как общеправовыми, так межотраслевыми и специфическими отраслевыми.

Конституционные принципы права России и Армении эволюционировали в XX в. в рамках советской правовой системы. При этом они не отличались в плане юридической техники их закрепления, количестве и содержании. Различия в конституционных принципах российского и армянского права появились только в постсоветский период.

В настоящее время конституционные принципы права, создавая каркас отраслевых принципов, выступают в качестве основы всей системы права. Без нормативно закрепленных идей невозможно эффективное регулирование общественных отношений, поэтому от качества закрепления принципов права напрямую зависит действенность всей системы права. В тоже время конституционные принципы права (в первую очередь, общеправовые конституционные принципы) – это не только основа системы права, но и основа всей правовой системы. В Конституции заложены идеи, определяющие все государственное и общественное устройство, построение гражданского общества и правового государства. Следовательно, можно сделать вывод, что конституционные принципы права имеют не просто важное, но и определяющее значение в правовой системе государств, входящих в континентальную правовую семью.

Конституционные принципы права обладают не только теоретической, но и практической значимостью, потому что от того, насколько качественно они сформулированы, насколько понятны для субъектов права как руководство к действию прямо зависит эффективность правоприменения. При этом в отличие

от принципов права, закрепленных в кодифицированных нормативных правовых актах, конституционные принципы права имеют специфическую структуру и характер закрепления.

Конституционные принципы права имеют ряд отличий от прочих принципов права.

1. Если предположить существование иерархии принципов права[1043], то конституционные принципы в этой лестнице находятся на верхней ступеньке. Так как принципы – это разновидность норм права, то, естественно, что конституционные нормы обладают высшей юридической силой по отношению ко всем остальным нормам.

2. Конституционные принципы права могут являться основой формулирования принципов права в отраслевых кодифицированных актах. Они, как и вся Конституция в целом, обладают прямым действием. В этом контексте не имеет значение, продублированы ли конституционные принципы права в отраслевом законодательстве или нет. Однако дублирование и/или конкретизация конституционных принципов в отраслевом законодательстве имеет практическое значение для правоприменителя.

3. Если принципы права, закрепленные в соответствующих структурных элементах кодифицированных актов, легко идентифицируются в качестве принципов права, то конституционные принципы права (за исключение нескольких принципов маркированных в качестве таковых в Конституции РА), то с идентификацией конституционных принципов права ситуация является сложной. Это обусловлено тем, что Конституция:

– это акт, уже априори сконцентрировавший в себе именно исходные, наиболее важные идеи, лежащие в основе правовой системы, системы права, государственной и социально-экономической организации жизни общества;

[1043] Не все авторы полагают, что в системе принципов права характеризуется иерархичностью. В частности, К.А. Чернов считает, что «систему принципов права образуют равнозначные элементы, нет оснований говорить, что о приоритетном значении того или иного принципа права» (Чернов К.А. Принцип равенства как общеправовой принцип российского права: дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2003. С. 10).

– в названии ни статей, ни иных структурных элементов Конституций, ни в их тексте за редким исключением не используется слово «принцип», поэтому название того или иного принципа – во многом вопрос условный и дискуссионный;

– один конституционный принцип может быть сформулирован не в одной статье Конституции.

Схожесть большинства конституционных общеправовых принципов Российской Федерации и Республики Армения обусловливается, на наш взгляд, двумя обстоятельствами:

1) схожестью исходных идей, сформулированных еще в советских Конституциях;

2) ориентированностью на общепризнанные принципы и нормы международного права (особенно в сфере прав человека), сыгравшие важную роль при формулировании конституционных норм России и Армении в постсоветский период.

Анализ общеправовых конституционных принципов приводит к выводу, что не все они играют одинаковую роль в правоприменении. Некоторые общеправовые принципы России и Армении, которые были сформулированы, следуя нормам международного права, оказались декларативными, мало дублированными в отраслевом законодательстве и не востребованными судебной практикой. Однако в целом общеправовые принципы и как непосредственно действующие правовые нормы и как руководящие положения в судебной практике оказались эффективным регулятором общественных отношений.

ВЫВОДЫ И РЕКОМЕНДАЦИИ[1044]

Теоретические выводы и обобщения

Представленная в исследовании концепция принципов права, исходит из позитивистского правопонимания и критического подхода к восприятию принципов права в естественно-правовом, либертарном и интегративном правопонимании, опирается на компаративистский анализ законодательства и правоприменительной практики Российской Федерации и Республики Армения, а также многочисленные научные работы.

Исследование принципов права, основанное на различных типах правопонимания, несомненно, имеет ценность, обусловленную тем, что в них концентрируется внимание на сторонах правовой реальности, связанных с различного рода идеями в сфере права. Естественно-правовой, либертарный и, отчасти, интегративный подходы характеризуются, в первую очередь, теоретико-методологической ценностью. Они не имеют большого значения непосредственно для регулирования общественных отношений, однако позволяют формировать у законодателя и правоприменителя представление о ценности тех или иных идей, возможности их закрепления в текстах нормативных правовых актов и, следовательно, дальнейшей их практической реализации. Кроме того, интегративный подход, где он пересекается с позитивистским подходом, может иметь и равную последнему практическую ценность.

В плане практической значимости наибольше значение имеет позитивистский подход, потому что, с одной стороны, благодаря его использованию субъекты права лучше понимают основные идеи, заложенные в законодательстве. С другой стороны, позитивистское правопонимание ориентирует правоприменителя на практическую реализацию нормативно определенных принципов права в конкретной исторической обстановке.

[1044] При написании выводов и рекомендаций была использована следующая работа автора: Илюхина В.А. Принципы права в национальных правовых системах Российской Федерации и Республики Армения (сравнительно-правовое исследование): монография / под ред. А.А. Демичева. М.: Директ-Медиа, 2024. С. 324–336.

Позитивистское правопонимание позволяет применить функциональный подход к исследованию принципов права и, следовательно, решить не только ряд проблем теоретико-методологического характера, но и способствует совершенствованию механизма нормативного закрепления принципов права, определению их практической роли в национальных правовых системах.

В основе нашей концепции принципов права лежит четкое разделение «принципов права» только на две группы: принципы права («просто» принципы права, «собственно» принципы права, принципы позитивного права, нормы-принципы) и доктринальные принципы. При этом в качестве «избыточных сущностей» отсекается деление принципов права на принципы права и правовые принципы, выделение в качестве принципов позитивного права идей, не закрепленных в тексте нормативного акта и прямо не маркированных законодателем в качестве принципов или основных начал, выводимых из совокупности правовых норм, общего смысла конкретного закона, законодательства в целом, сформулированных в судебной практике и т.п.

Исходя из сущностных, аксиологических и формально-юридических характеристик, под принципами права в континентальной правовой семье понимаются:

– исходные (базовые, определяющие, основополагающие и т.п.) идеи, лежащие в основе всего правового регулирования, совокупности отраслей права или отдельной отрасли права в конкретном государстве. При этом идея должна иметь четкую формулировку, быть конкретной и не вызывать сомнений, что именно имел в виду законодатель;

– прямо закрепленные в тексте нормативных правовых актов. Идеи прямо не закрепленные в тексте нормативных актов, а только выводящиеся из их содержания принципами права не являются и не могут являться в силу их принадлежности к сфере правосознания, а не права;

– четко маркированные законодателем в качестве принципов (основных положений, основных начал). Указанием на это является использования слова «принцип» (оптимально) или «основные начала», «основные положения» (менее

предпочтительно) в названии структурных элементов нормативного правового акта (главы, статьи) и / или непосредственно в тексте статьи;

– являющиеся разновидностью правовых норм и выступающие непосредственным правовым регулятором общественных отношений. Отсутствие в ряде случаев в структуре принципа права как правовой нормы таких элементов как гипотеза и санкция, свидетельствует лишь о специфическом характере принципов права как правовых норм, а не о том, что принципы права не являются правовыми нормами;

– обладающие императивностью для правоприменителя и прочих субъектов права. Данное положение вытекает из того, что принципы права являются нормами права. Нарушение принципов права влечет такие же последствия, как и нарушение других правовых норм;

– служащие критерием и ориентиром для законодателя при принятии новых и совершенствовании действующих нормативных правовых актов. Поскольку принципы права – это именно основополагающие идеи, то они не могут не учитываться в правотворчестве. В противном случае возникает противоречие между действующими и принимаемыми нормативными правовыми актами;

– отражающие исторически эволюционировавшую к моменту их нормативного закрепления систему ценностей и приоритетов и выражающие сущность права в конкретно-исторический период. Принципы права – явление историческое, не носящее универсального характера «на все времена», и всегда соответствующее существовавшим / существующим государственно-правовым реалиям;

– обладающие динамичностью в правовой системе как в плане введения / упразднения, так и наполнения содержания. В зависимости от исторически сформировавшихся потребностей, обусловленных спецификой государственного, правового, социально-экономического, культурного развития периодически законодатель проводит корректировку системы принципов права, а именно: отказывается от одних и вводит новые принципы права, меняет наполнение содержания некоторых принципов.

Доктринальные принципы права – это социально значимые идеи, сформулированные учеными, практиками, политиками в научных работах и иных текстах (включая судебные акты), а также в публичных выступлениях и не нашедшие нормативного закрепления.

Между принципами права и доктринальными принципами имеются следующие сущностные различия:

– принципы права закреплены в нормативных правовых актах, а доктринальные принципы сформулированы в текстах (научных работ, судебных актов, иных текстах) или могут не иметь текстуального выражения. Если принципами позитивного права являются только нормативно закрепленные основополагающие идеи, то доктринальными принципами могут быть абсолютно любые идеи, независимо от того, имеют ли они связь с реальностью или же они есть плод воображения исключительно их авторов;

– принципов права много, но их количество ограничено механизмами правотворчества и юридической техникой действующих нормативных правовых актов, а доктринальных принципов может быть сколько угодно, поскольку они без каких-то специальных механизмов могут формулироваться в любое время и в любом количестве;

– принципы права обладают императивностью, а доктринальные принципы формально не имеют юридического значения, поскольку представляют собой разновидность идей, не имеющих нормативного закрепления;

– доктринальные принципы могут противоречить действующему законодательству, а позитивные принципы – это часть законодательства;

– принципы права понятны для правоприменителя и имеется реальная возможность их реализации в правоотношениях, а доктринальные принципы могут быть сформулированы как угодно, реализация их на практике возможна далеко не всегда;

– принципы права – это разновидность правовых норм, элемент системы права и правовой системы, они могут использоваться в качестве инструмента ликвидации пробелов в законодательстве и пробелов в праве, а доктринальные

принципы не являются элементом системы права, но представляют собой важный элемент правовой системы, играют определенную роль в правотворчестве и в судебной практике, некоторые из них могут использоваться в качестве регулятора общественных отношений;

– принципы права характеризуются стабильностью, а доктринальные принципы – реактивностью.

Доктринальные принципы обладают социальной значимостью и играют важную роль в правовой системе (не в системе права!), поскольку являются основой новационных изменений в праве, движущей силой развития законодательства. При этом их практический потенциал обусловливается конкретно-исторической обстановкой, зависит от особенностей государственно-правового устройства, уровня развития научного знания и потребностей общества.

В ходе исторического развития некоторые доктринальные принципы становятся принципами права (любой принцип права ранее был доктринальным принципом), а некоторые принципы позитивного права, исходя из изменившихся реалий, исключаются из законодательства и переходят в разряд доктринальных (например, принцип обязательности труда, принцип разрешения дел судом на основании действующих нормативных актов, постановлений местных органов власти, а при их недостаточности – руководствуясь общими началами советского законодательства и общей политикой Рабоче-Крестьянского Правительства, принцип объективной истины, принцип процессуальной активности суда, принцип участия представителей общественности в уголовном и гражданском судопроизводстве).

Трансформация доктринальных идей в принципы права может идти разными путями.

– принятие Конституции, в которой закреплены общеправовые и наиболее важные, с точки зрения законодателя, межотраслевые и отраслевые принципы;

– реализация доктринальных идей до уровня отраслевых, межотраслевых или общеправовых принципов, а потом «доращивание» ее до конституционного уровня (принцип добровольности брачного союза мужчины и женщины);

– реализация доктринальных идей до уровня отраслевых или межотраслевых принципов (но не общеправовых принципов) путем принятия специального федерального закона, которым вводится норма-принцип в один кодифицированный акт или одновременно вводятся аналогичные нормы-принципы в несколько отраслевых кодексов (принцип добросовестности в гражданском праве, принцип разумного срока судопроизводства в процессуальных отраслях).

И принципы права, и доктринальные принципы могут быть классифицированы по разным основаниям. Следует учитывать, что классификация – это всего лишь методологический инструмент, один из способов познания действительности, который формализует изучаемый объект и позволяет акцентировать внимание на его отдельных аспектах.

При всем многообразии классификаций принципов права в плане их познания оптимальным представляется использование двух классификаций: по сфере правового регулирования и по источнику закрепления. Кроме когнитивного значения они обладают и значением практическим. Классификация по сфере правового регулирования больший интерес представляет в образовательных (систематизация материала в учебной литературе) и научных целях (структурирование научного материала). Классификация по источнику закрепления принципов имеет значение и для правоприменителя, т.к. дает ему возможность сориентироваться, в каких именно нормативных правовых актах закреплены принципы права и каков уровень этих актов, и как соотносятся закрепленные в них принципы права.

Проведение сравнительной классификации принципов ряда отраслей российского и армянского права привело к выявлению следующих закономерностей:

– в правовой системе преобладают конституционные (в первую очередь, общеправовые) принципы, не продублированные в отраслевых кодексах;

– наряду с общеправовыми принципами, характерными для всех отраслей права имеют место конституционные принципы межотраслевого и отраслевого характера;

– один и тот же принцип в разных отраслях права может быть закреплен на разных уровнях: только на конституционном, одновременно на конституционном и отраслевом, только на отраслевом;

– наибольшее сходство принципов права имеется в таких отраслях российского и армянского права как уголовное, уголовно-исполнительное, гражданское, семейное, административное процессуальное и гражданское процессуальное;

– наибольшее различие принципов права имеется в таких отраслях российского и армянского права как трудовое и уголовно-процессуальное. Причем основные различия имеются в специфических отраслевых принципах, закрепленных в кодифицированных актах.

Использование метода классификации в изучении принципов права проясняет ряд вопросов, связанных с иерархией, конкуренцией и системностью.

По нашему мнению, система принципов права включает два уровня:

– конституционные принципы права;

– отраслевые принципы права, закрепленные только в отраслевом законодательстве.

При конкуренции принципов первого уровня с принципами второго уровня приоритет должен отдаваться принципам первого уровня. Иерархии принципов одного уровня не существует, поэтому при их конкуренции «взвешивание» принципов и принятие решения о том, какой из них в большей степени применим в спорной ситуации, проводится правоприменителем (в первую очередь, судами), исходя из конкретных обстоятельств дела.

Если классификация принципов права – это основанная на определенных критериях систематизация правовых норм, то классификация доктринальных принципов – это основанная на определенных критериях систематизация идей.

По источнику происхождения и источнику, в котором сформулирован доктринальный принцип, выделяются:

1. Доктринальные принципы, сформулированные в нарративах учеными, политиками и иными субъектами и нашедшие отражение в судебной практике:

– выводимые из содержания и смысла нормативного правового акта и/или их совокупности путем авторского толкования текста (например, принцип процессуальной экономии, принцип запрета поворота к худшему, принцип транспарентности и др.);

– выводимые из общих представлений о праве должном и существующем, справедливости, разумности и прочих морально-этических категорий (например, принцип формального равенства в либертарной теории, принцип разумности и др.).

2. Доктринальные принципы, выводимые отдельными авторами из общего анализа законодательства, доктрины и собственных представлений о праве (например, принцип соответствия позитивного права естественному праву, принцип процессуального формализма, принцип сочетания стимулов и ограничений, принцип взаимной ответственности личности и государства, принцип компромисса и др.).

3. Доктринальные принципы, названные только в судебных актах (например, принцип разумной необходимости в ограничении его права на свободу в целях защиты основ общества, принцип логичности, принцип сотрудничества и др.).

По признанию научным сообществом доктринального принципа выделяются:

1. Доктринальные принципы, признаваемые научным сообществом, составляющие часть научной доктрины в целом или доктрины отдельных отраслей права (например, принцип разумности, принцип правовой

определенности, прицнип соразмерности, принцип баланса частных и публичных интересов, принцип запрета поворота к худшему, принцип неотвратимости ответственности и др.).

2. Доктринальные принципы, нейтрально воспринимаемые научным сообществом, не вызывающие ни серьезной критики, ни поддержки (например, принцип ответственности за нарушение семейного законодательства, принцип судебной специализации, принцип компромисса, принцип научной обоснованности, принцип прозрачности искусственного интеллекта и др.).

3. Доктринальные принципы, не признаваемые научным сообществом, игнорируемые им или вызывающие его отрицательное отношение:

– устаревшие принципы, которые ранее являлись нормативно закрепленными или являлись частью доктрины, но от которых произошел отказ вследствие изменения конкретно-исторических условий (например, принцип разрешения дел судом на основании действующих нормативных актов, постановлений местных органов власти, а при их недостаточности – руководствуясь общими началами советского законодательства и общей политикой Рабоче-Крестьянского Правительства, закреплявшийся в ГПК РФСФСР 1923 г., принцип участия представителей общественности в уголовном и гражданском судопроизводстве);

– принципы, не соответствующие традиционным духовно-нравственным ценностям (например, принцип признания однополых браков, принцип признания полигамных браков).

По сфере общественных отношений, на которую распространяется или может распространяться доктринальный принцип, выделяются:

1. Общие доктринальные принципы права (например, принцип формального равенства в либертарном правопонимании, принцип разумности, принцип соразмерности, принцип правовой определенности и др.)

2. Межотраслевые доктринальные принципы права (например, принцип диспозитивности, принцип процессуальной экономии, принцип запрета поворота к худшему, принцип экономии репрессии и др.).

3. Отраслевые доктринальные принципы права (например, принцип контроля государства за состоянием брачно-семейной сферы общества, принцип двухуровневого правового регулирования семейных отношений, принцип патриотизма в уголовно-исполнительном праве, принцип полного разрешения трудовых споров и др.).

Несмотря на то, что доктринальные принципы, в отличие от принципов права, не обладают нормативностью, не являются нормами права и элементом системы права, тем не менее, они обладают регулятивным воздействием на общественные отношения. Свидетельством этому является судебная практика, в которой имеют место многочисленные отсылки к доктринальным принципам, в том числе при аргументации выносимых судебных актов. Наиболее часто используемыми в судебной практике (особенно в практике арбитражных судов) являются такие доктринальные принципы как принцип правовой определенности, принцип баланса частных и публичных интересов, принцип единства судебной практики, принцип процессуальной экономии и др.

На основе анализа материалов правоприменительной практики, мы пришли к выводу об ошибочности существующего в научной литературе мнения, что «только Конституционный Суд Российской Федерации напрямую использует правовые принципы в своей аргументации, другие суды больше основываются на нормах материального права»[1045]. Не только Конституционный Суд РФ, но и Верховный Суд РФ, арбитражные суды и суды общей юрисдикции, а также мировые судьи в сотнях тысяч дел сделали отсылки к тому или иному принципу права или их совокупности. Причем имеются многочисленные примеры, когда эти отсылки носят не формальный характер, а выступают действительным аргументом при мотивировке судебных решений. В армянском праве в настоящее время сложилась аналогичная ситуация.

Нами установлено, что для судов нет разницы в том, на принципы позитивного права, доктринальные принципы или принципы, являющиеся

[1045] Смирнова А.В. Принципы права в системе источников современного российского права: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2020. С. 128.

нормативно закрепленными в одних отраслях права, но доктринальными для других, они ссылаются (хотя отсылки к конституционным принципам или принципам в кодифицированных актах в глазах судей, судя по формулировкам в судебных актах, являются более убедительными). Апеллирование к доктринальным принципам также выступает в качестве аргументации судебных актов. Таким образом, принципы позитивного права и доктринальные принципы в судебной практике в равной степени являются регулятором общественных отношений. Частота отсылки к тому или иному доктринальному принципу свидетельствует о его востребованности при разрешении конкретных жизненных ситуаций и сигнализирует о потенциальной возможности и целесообразности его нормативного закрепления и перевода в число принципов позитивного права. Доктринальные принципы не только являются рабочим инструментом правоприменителя, но и обладают серьезным потенциалом для правотворчества, поскольку теоретические идеи, апробированные на практике, в ряде случаев требуют нормативного закрепления в целях дальнейшего повышения эффективности правоприменительной практики.

В современный период принципы права закреплены (с учетом конституционных общеправовых принципов) во всех отраслях российского и армянского права. Однако и в России, и в Армении отсутствует единый подход к закреплению принципов права как в кодифицированных актах, так и в некодифицированных нормативных правовых актах.

Существуют следующие варианты закрепления принципов права в кодифицированных актах Российской Федерации и Республики Армения:

– в отдельной главе кодифицированного акта: в трех российских кодексах (УК РФ, УПК РФ, КоАП РФ) и четырех армянских кодексах (УК РА, УПК РА, КАС РФ, ГПК РФ);

– в отдельных статьях кодифицированных актов (в том или ином варианте): в семи российских кодексах (УИК РФ, ТК РФ, ВК РФ, ЗК РФ, ГрК РФ, ЛК РФ, КАС РФ) и пяти армянских кодексах (УИК РА, ТК РА, ВК РА, ГК РА, СК РА);

– отсутствует структурный элемент кодекса со словом «принципы» в названии, но основополагающие идеи отрасли закреплены в статьях, находящихся в первом разделе кодекса «Общие положения»: в пяти российских кодексах (ГК РФ, СК РФ, АПК РФ, ГПК РФ, ЖК РФ) и двух армянских кодексах (Кодекс Республики Армения о недрах, Избирательный кодекс Республики Армения).

В некоторых кодифицированных актах Российской Федерации (Воздушный кодекс РФ, НК РФ) и Республики Армения (КоАП РА, ЗК РА, ЛК РА) отсутствуют нормативно закрепленные положения, которые можно рассматривать в качестве принципов права. Однако в соответствующих правовых образованиях действуют конституционные, в первую очередь, конституционные общеправовые принципы.

При выделении принципов некодифицированных отраслей права имеют место проблемы, затрудняющие идентификацию тех или иных нормативных положений в качестве принципов права. Причем само признание определенных правовых образований отраслью права является дискуссионным. Одной из проблем является то, что в некодифицированных отраслях права принципы могут рассредоточиваться по нескольким нормативным правовым актам, что требует решения вопроса об их соотношении и иерархии (как самих принципов, так и актов, в которых они закреплены). Теоретически способом решения указанной проблемы является кодификация некодифицированных отраслей права с выделением в кодексе главы, посвященной принципам правового регулирования соответствующей сферы общественных отношений. Однако этот путь, во-первых, очень трудоемкий по разным причинам, а, во-вторых, не всегда возможен чисто технически (из-за большого количества и разнородности правовых норм вряд ли можно провести полноценную кодификацию комплексных отраслей права).

Более реальным представляется в нормативном правовом акте, составляющим основу комплексной отрасли, не просто закрепить перечень принципов права, но и указать на возможность или невозможность установления

принципов этой же отрасли права в других нормативных актах. В первом случае необходима отсылка к конкретным статьям определенных нормативных правовых актов.

Более быстрым, но временным, является решение указанных вопросов не законодательным способом, а через судебную практику. Соответствующие пробелы правового регулирования могут быть устранены путем выработки правовых позиций Конституционного Суда РФ и принятия постановлений Пленумов Верховного Суда РФ. Суды вправе разъяснить правоприменителю, в каких нормативных правовых актах содержатся принципы правового регулирования определенной сферы общественных отношений, как соотносятся принципы, закрепленные в рамках некодифицированной отрасли права в разных нормативных правовых актах, а также ряд других возникающих в данном проблемном поле вопросов.

В правовой системе и системе права России и Армении важнейшую роль играют конституционные принципы права, под которыми понимаются нормативно закрепленные в Конституции (в некоторых случаях также продублированные и / или конкретизированные в отраслевом законодательстве) наиболее важные, значимые, базовые, исходные идеи и положения, лежащие в основе определенной отрасли права, совокупности отраслей права или всего правового регулирования в рамках конкретной правовой системы. Конституционные принципы могут быть как общеправовыми, так межотраслевыми и специфическими отраслевыми.

Конституционные принципы права, создавая каркас отраслевых принципов, являются основой системы права, и одновременно (особенно общеправовые конституционные принципы) – основой правовой системы.

В отличие от прочих принципов права конституционные принципы права имеют ряд отличий:

– обладают высшей юридической силой по отношению ко всем остальным правовым нормам, в том числе ко всем прочим принципам права;

– могут являться основой формулирования принципов права в отраслевых кодифицированных актах. При этом они в отраслевом законодательстве либо дублируются, либо конкретизируются применительно к специфике соответствующей отрасли права;

– имеют сложный механизм закрепления (принцип может излагаться целиком в одной статье, в нескольких разных статьях Конституции, несколько принципов – в разных частях одной статьи, в большинстве случаев принципы не маркируются и т.д.), поэтому в некоторых случаях возникает проблема признания отдельных конституционных положений принципами права.

Все конституционные общеправовые принципы Российской Федерации совпадают с конституционными общеправовыми принципами Республики Армения (кроме этого в Армении нормативно закреплены на конституционном уровне принципы определенности и соразмерности, являющиеся в России доктринальными). Такое совпадение общеправовых принципов разных государств обусловливается общим историческим прошлым и одинаковостью исходных идей, сформулированных еще в советских Конституциях, а также ориентированностью на общепризнанные принципы и нормы международного права (особенно в сфере прав человека), которые сыграли важную роль при формулировании конституционных норм России и Армении в постсоветский период.

Анализ правоприменительной практики России и Армении приводит к выводу, что не все общеправовые конституционные принципы играют одинаковую роль в правоприменении. Некоторые общеправовые принципы России и Армении, которые были сформулированы, следуя нормам международного права (например, принцип уважения и достоинства личности, принцип неприкосновенности частной жизни, принцип тайны переписки, телефонных и иных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений), во многом оказались декларативными, редко дублированными в отраслевом законодательстве и мало востребованными судебной практикой. Тем не менее, в целом общеправовые принципы и как непосредственно действующие правовые

нормы, и как руководящие положения в судебной практике оказались эффективным регулятором общественных отношений. При этом анализ российской судебной практики, а также научной литературы приводит к выводу, что принцип правовой определенности обладает среди прочих доктринальных принципов наибольшим потенциалом для того, чтобы стать принципом права.

Анализ российской судебной практики приводит к выводу, что представления об общеправовых принципах у судей во многих случаях носят ошибочный характер, что проявляется в следующем:

– в судебных актах общеправовыми принципами называются межотраслевые и отраслевые принципы (например, принцип неприкосновенности собственности, принцип свободы договора, принцип непосредственности судебного разбирательства, принцип недопустимости повторного осуждения за одно и то же преступления, принцип презумпция невиновности и др.). В этом случае суды подменяют понятие «общеправовые» применительно к межотраслевым и отраслевым принципам понятием «основополагающие» в сфере общественных отношений;

– в судебных актах общеправовыми принципами называются идеи, не имеющие нормативного выражения, являющиеся исключительно доктринальными принципами права (например, разумность, справедливость, недопустимость злоупотребления правом, исполнимость судебных актов, стабильность договора (контракта), не ухудшение положения налогоплательщика, недопустимость двойной ответственности за нарушение одного обязательства и др.). В этом случае суды смешивают принципы права и доктринальные принципы;

– в судебных актах общеправовыми принципами называются идеи, обладающие иной правовой природой и не имеющие отношения к принципам права (например, правила, касающиеся действия закона во времени, пространстве и по кругу лиц, правило «специальный закон отстраняет общий закон», правовая аксиома «никто не может передать другому лицу прав больше, чем имеет сам»).

Исходя из всего изложенного выше, можно утверждать, что проведенное исследование формирует новое направление в современной юридической науке – комплексное компаративистское исследование принципов права в различных правовых системах. В перспективе на основе разработанных методологических подходов возможно проведение комплексных сравнительно-правовых исследований принципов права в правовых системах других стран континентального права, кроме России и Армении, или в рамках государств всего постсоветского пространства в целом. Также возможен компаративистский анализ отдельных видов принципов права в различных правовых системах. Например, исследование только общеправовых (или только межотраслевых, или только отраслевых) принципов в странах постсоветского пространства, странах континентального права в целом.

Практические рекомендации

Поскольку представленное исследование носит теоретико-правовой характер, подводя его итоги, мы не будем формулировать конкретные практические рекомендации узкого отраслевого характера по совершению действующего законодательства, т.к. это, все-таки, задача отраслевых юридических наук. Тем не менее, считаем, что теория права должна вырабатывать рекомендации общего характера, которые законодатель может (и должен!) использовать, конкретизируя их применительно к отраслевому законодательству.

Проанализировав российское и армянское законодательство, мы пришли к выводу, что в настоящее время имеется необходимость в унификации механизма закрепления принципов права в кодифицированных актах Российской Федерации и Республики Армения и предлагаем универсальную модель закрепления принципов права в кодифицированных правовых актах.

В каждом кодифицированном акте предполагается обязательное наличие главы «Принципы правового регулирования…», входящей в раздел 1 «Общие положения». Указанная глава должна идти под номером 2. Первая же глава должна быть посвящена отраслевому законодательству (например, «Уголовное

законодательство», «Семейное законодательство», «Законодательство об административном судопроизводстве» и т.п.).

В главе «Принципы правового регулирования…» закрепляются (дублируются или конкретизируются) сначала общеправовые принципы, затем конституционные отраслевые / межотраслевые принципы, далее – специфические отраслевые принципы, не нашедшие отражения в Конституции.

Каждая статья должна быть посвящена только одному принципу.

Например, в УПК РФ после восьми общеправовых принципов должны располагаться конституционные отраслевые / межотраслевые принципы: осуществления правосудия только судом; независимости судей; открытости судебного разбирательства; состязательности сторон; освобождения от обязанности давать показания; запрета использования доказательств, полученных с нарушением федерального закона; презумпции невиновности; обеспечения подозреваемому и обвиняемому права на защиту; языка уголовного судопроизводства; недопустимости повторного осуждения за одно и то же преступления; компенсации (возмещения вреда); неприкосновенности жилища. После конституционных отраслевых / межотраслевых принципов должны быть закреплены специфические отраслевые принципы уголовно-процессуального права: свободной оценки доказательств; разумного срока уголовного судопроизводства.

В СК РФ после общеправовых принципов (исключение – принцип гарантированности судебной защиты права и свобод) должны располагаться конституционные отраслевые / межотраслевые принципы: судебной защиты прав членов семьи, который конкретизирует общеправовой принцип гарантированности судебной защиты права и свобод применительно к семейным правоотношениям); государственной защиты семьи, материнства, отцовства и детства; дуализма прав и обязанностей родителей по заботе и воспитанию детей; обязанности трудоспособных совершеннолетних детей заботиться о своих нетрудоспособных родителях; защиты института брака как союза мужчины и женщины; добровольности брачного союза мужчины и женщины. После

конституционных отраслевых / межотраслевых принципов должны быть закреплены специфические отраслевые принципы семейного права: недопустимости произвольного вмешательства кого-либо в дела семьи, обеспечения беспрепятственного осуществления членами семьи своих прав; признания брака, заключенного только в органах записи актов гражданского состояния; равенства прав супругов в семье; разрешения внутрисемейных вопросов по взаимному согласию; приоритета семейного воспитания детей, заботы об их благосостоянии и развитии; обеспечения приоритетной защиты прав и интересов несовершеннолетних и нетрудоспособных членов семьи; запрещения любых формы ограничения прав граждан при вступлении в брак и в семейных отношениях по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности.

Обратим внимание, что выше мы не предлагаем гипотетический вариант системы принципов уголовно-процессуального и семейного права, а лишь структурируем в соответствие с предлагаемой универсальной моделью нормативно закрепленные в действующем законодательстве принципы.

Аналогичный подход должен иметь место и в закреплении принципов права в прочих российских кодифицированных актах. То же самое касается закрепления принципов права в армянских кодексах, но с учетом особенностей закрепления принципов права в Конституции РА.

В каждой статье должно раскрываться содержание принципа права либо на уровне дублирования норм Конституции, либо на уровне конкретизации общеправового принципа к соответствующей сфере общественных отношений. Если в отраслевых кодексах просто дублируется общеправовой принцип, то во всех кодексах формулировки должны быть идентичными. Аналогичная ситуация должна иметь место при дублировании конституционных межотраслевых принципов.

Содержание каждого принципа должно быть в меру подробным, но лаконичным, отражать его сущность. При этом оно не должно представлять собой перефразирование названия принципа и не являться излишне

казуистичным, поскольку принцип права – это правовая норма, характеризующаяся наиболее абстрактным и универсальным характером.

Универсальная модель закрепления принципов права в кодифицированных правовых актах (для Российской Федерации)

Кодифицированный акт

Раздел 1. Общие положения

Глава 2. Принципы правового регулирования…

Статья … Принцип законности

Здесь и в последующих статьях данной главы – раскрытие содержание принципа. В случае необходимости – конкретизация применения общеправового принципа в соответствующей сфере общественных отношений (действие принцип законности в уголовно-процессуальных отношениях, действие принципа законности в семейных правоотношениях, действие принципа законности в гражданских процессуальных правоотношениях и т.д.).

Статья… Принцип гарантированности охраны прав и свобод человека и гражданина

Статья… Принцип равенства перед законом

Статья… Принцип уважения чести и достоинства личности

Статья… Принцип неприкосновенности частной жизни

Статья… Принцип тайны переписки, телефонных и иных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений

Статья… Принцип гарантированности судебной защиты прав и свобод

Статья… Принцип гарантированности права на получение квалифицированной юридической помощи

Статья… Принцип… (конституционный отраслевой / межотраслевой принцип)

…

Статья… Принцип… (специфический отраслевой принцип)

…

Полагаем, что в целом унификация механизма закрепления принципов права в кодифицированных актах должна придать законодательству более универсальный характер, облегчить его восприятия субъектами права и способствовать единообразию правоприменительной практики.

СПИСОК ОСНОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

АПК – Арбитражный процессуальный кодекс.

АрмССР – Армянская Советская Социалистическая Республика.

БК – Бюджетный кодекс.

Ведомости ВС РСФСР – Ведомости Верховного Совета Российской Советской Федеративной Социалистической Республики.

Ведомости ВС СССР – Ведомости Верховного Совета Союза Советских Социалистических Республик.

Ведомости СНД СССР и ВС СССР – Ведомости Съезда народных депутатов Союза Советских Социалистических Республик и Верховного Совета Союза Советских Социалистических Республик.

Вестник ЦИК, СНК и СТО СССР – Вестник Центрального Исполнительного Комитета, его Президиума, Совета Народных Комиссаров Союза Советских Социалистических Республик и Совета Труда и Обороны Союза Советских Социалистических Республик.

ВК – Водный кодекс.

ГК – Гражданский кодекс.

ГПК – Гражданский процессуальный кодекс.

ГрК – Градостроительный кодекс.

ЕСПЧ – Европейский суда по правам человека.

ЖК – Жилищный кодекс.

ЗК – Земельный кодекс.

ЗСФСР – Закавказская Социалистическая Федеративная Советская Республика.

Известия ЦИК СССР и ВЦИК – Известия Центрального исполнительного комитета Союза Советских Социалистических Республик и Всероссийского Центрального исполнительного комитета.

КАС – Кодекс административного судопроизводства.

КоАП – Кодекс об административных правонарушениях.

ЛК – Лесной кодекс.

НК – Налоговый кодекс.

ПСЗРИ – Полное собрание законов Российской империи.

РА – Республика Армения.

РСФСР – Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика.

РФ – Российская Федерация.

СЗ РФ – Собрание законодательства Российской Федерации.

СЗ СССР – Собрание законов и распоряжений рабоче-крестьянского правительства Союза Советских Социалистических Республик.

СК – Семейный кодекс.

СПС – справочно-правовая система.

ССРА – Социалистическая Советская Республика Армения.

СУ РСФСР – Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства.

ТК – Трудовой кодекс.

УИК – Уголовно-исполнительный кодекс.

УК – Уголовный кодекс.

УПК – Уголовно-процессуальный кодекс.

ФЗ – федеральный закон.

ФКЗ – федеральный конституционный закон.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Нормативные правовые акты

Нормативные правовые акты Российской империи и СССР

1. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных от 15 августа 1845 г. // ПСЗРИ. Собр. 2-е. Т. XX. Отд. 1. № 19283.

2. Свод законов Российской империи. СПб.: Тип. Второго Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1857–1868. Т. I–XVI.

3. Именной, данный Сенату, указ «Об учреждении судебных установлений и о Судебных Уставах» от 20 ноября 1864 г. // ПСЗРИ. Собр. 2.-е. Т. XXXIX. Отд. 2. № 41473.

4. Учреждение судебных установлений от 20 ноября 1864 г. // ПСЗРИ. Собр. 2-е. Т. XXXIX. Отд. 2. № 1475.

5. Устав уголовного судопроизводства от 20 ноября 1864 г. // ПСЗРИ. Собр. 2-е. Т. XXXIX. Отд. 2. № 41476.

6. Устав гражданского судопроизводства от 20 ноября 1864 г. // ПСЗРИ. Собр. 2-е. Т. XXXIX. Отд. 2. № 41477.

7. Закон СССР от 16 августа 1938 г. «О судоустройстве СССР, союзных и автономных республик» // Ведомости ВС СССР. 1938. № 11.

8. Основной закон (Конституция) Союза Советских Социалистических Республик» (Утверждена постановлением II Съезда Советов СССР от 31 января 1924 г.) // Вестник ЦИК, СНК и СТО СССР. 1924. № 2. Ст. 24.

9. Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и Союзных Республик от 31 октября 1924 г. // СЗ СССР. 1924. № 24. Ст. 206.

10. Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик (Утверждена Чрезвычайным VIII съездом Советов Союза ССР 5 декабря 1936 г.) // Известия ЦИК СССР и ВЦИК. 1936. № 283.

11. Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и Союзных Республик от 25 декабря 1958 г. // Ведомости ВС СССР. 1959. № 1. Ст. 15.

12. Основы законодательства Союза ССР и союзных республик о браке и семье от 27 июня 1968 г. // Ведомости ВС СССР. 1968. № 27. Ст. 241.

13. Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик (Принята на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета СССР девятого созыва 7 октября 1977 г.) // Ведомости ВС СССР. 1977. № 41. Ст. 617.

14. Основы уголовного законодательства Союза ССР и республик (приняты ВС СССР 2 июля 1991 г. № 2281-1) // Ведомости СНД СССР и ВС СССР. 1991. № 30. Ст. 862.

15. Постановление ВС СССР от 2 июля 1991 г. № 2282-1 «О введении в действие Основ уголовного законодательства Союза ССР и республик» // Ведомости СНД СССР и ВС СССР. 1991. № 30. Ст. 863.

Нормативные правовые акты РСФСР и Российской Федерации

16. Конституция (Основной закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (Принята V Всероссийским съездом Советов в заседании от 10 июля 1918 г.) // СУ РСФСР. 1918. № 51. Ст. 582.

17. Кодекс об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве РСФСР от 16 сентября 1918 г. // СУ РСФСР. 1918. № 76–77. Ст. 818.

18. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР от 25 мая 1922 г. // СУ РСФСР. 1922. № 20–21. Ст. 230.

19. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР от 15 февраля 1923 г. // СУ РСФСР. 1923. № 7. Ст. 106.

20. Гражданский процессуальный кодекс РСФСР от 10 июля 1923 г. // СУ РСФСР. 1923. № 46–47. Ст. 478.

21. Конституция (Основной закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (Утверждена постановлением XII Всероссийского Съезда Советов от 11 мая 1925 г.) // СУ РСФСР. 1925. № 30. Ст. 218.

22. Кодекс законов о браке, семье и опеке от 19 ноября 1926 г. // СУ РСФСР. 1926. № 82. Ст. 612.

23. Конституция (Основной закон) Российской Советской Федеративной Социалистической Республики (Утверждена постановлением Чрезвычайного XVII Всероссийского Съезда Советов от 21 января 1937 г.) // СУ РСФСР. 1937. № 2. Ст. 11.

24. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР от 27 октября 1960 г. // Ведомости ВС РСФСР. 1960. № 40. Ст. 592.

25. Гражданский процессуальный кодекс РСФСР от 11 июня 1964 г. // Ведомости ВС РСФСР. 1964. № 24. Ст. 407.

26. Кодекс о браке и семье РСФСР от 30 июля 1969 г. // Ведомости ВС РСФСР. 1969. № 32. Ст. 1086.

27. Конституция (Основной закон) Российской Советской Федеративной Социалистической Республики от 12 апреля 1978 г. // Ведомости ВС РСФСР. 1978. № 15. Ст. 407.

28. Конституция Российской Федерации: принята 12 декабря 1993 г. всенародным голосованием (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ; с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // СЗ РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.

29. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (Часть первая) // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

30. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 5 мая 1995 г. № 70-ФЗ // СЗ РФ. 1995. № 19. Ст. 1709.

31. Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 16.

32. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

33. Федеральный конституционный закон от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» // СЗ РФ. 1997. № 1. Ст. 1.

34. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 8 января 1997 г. № 1-ФЗ // СЗ РФ. 1997. № 2. Ст. 198.

35. Воздушный кодекс Российской Федерации от 19 марта 1997 г. № 60-ФЗ // СЗ РФ. 1997. № 12. Ст. 1383.

36. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31 июля 1998 г. № 145-ФЗ // СЗ РФ. 1998. № 31. Ст. 3823.

37. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть 1) от 31 июля 1998 г. // СЗ РФ. 1998. № 31. Ст. 3824.

38. Земельный кодекс Российской Федерации от 25 октября 2001 г. № 136-ФЗ // СЗ РФ. 2001. № 44. Ст. 4147.

39. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // СЗ РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

40. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 1 (ч. I). Ст. 1.

41. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 1 (ч. I). Ст. 3.

42. Федеральный закон от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» // СЗ РФ. 2002. № 2. Ст. 133.

43. Федеральный закон от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2002. № 23. Ст. 2102.

44. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3012.

45. Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // СЗ РФ. 2002. № 43. Ст. 4190.

46. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.

47. Таможенный кодекс Российской Федерации от 28 мая 2003 г. № 61-ФЗ // СЗ РФ. 2003. № 22. Ст. 2066.

48. Жилищный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 2004 г. № 188-ФЗ // СЗ РФ. 2005. № 1 (ч. I). Ст. 14.

49. Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 2004 г. № 190-ФЗ // СЗ РФ. 2005. № 1 (ч. I). Ст. 16.

50. Федеральный закон от 1 июня 2005 г. № 53-ФЗ «О государственном языке Российской Федерации» // СЗ РФ. 2005. № 23. Ст. 2199.

51. Лесной кодекс Российской Федерации от 4 декабря 2006 г. № 200-ФЗ // СЗ РФ. 2006. № 50. Ст. 5278.

52. Водный кодекс Российской Федерации от 3 июня 2006 г. № 74-ФЗ // СЗ РФ. 2006. № 23. Ст. 2381.

53. Федеральный закон от 30 апреля 2010 г. № 68-ФЗ «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» // СЗ РФ. 2010. № 18. Ст. 2144.

54. Федеральный закон от 30 апреля 2010 г. № 69-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона "О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок"» // СЗ РФ. 2010. № 18. Ст. 2145.

55. Федеральный закон от 27 ноября 2010 г. № 311-ФЗ «О таможенном регулировании в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2010. № 48. Ст. 6252.

56. Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2011. № 48. Ст. 6725.

57. Федеральный закон от 30 декабря 2012 г. № 302-ФЗ «О внесении изменений в главы 1, 2, 3 и 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. № 53 (ч. I). Ст. 7627.

58. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 8 марта 2015 г. № 21-ФЗ // СЗ РФ. 2015. № 10. Ст. 1391.

59. Федеральный закон от 27 декабря 2019 г. № 494-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2019. № 52 (ч. I). Ст. 7812.

60. Федеральный конституционный закон от 8 декабря 2020 г. № 7-ФКЗ «О внесении изменений в отдельные федеральные конституционные законы» // СЗ РФ. 2020. № 50 (ч. I). Ст. 8029.

Нормативные правовые акты СССР, АрмССР и Республика Армения

61. Конституция (Основной закон) Социалистической Советской Республики Армении, утвержденная постановлением I Всеармянского Съезда Советов от 4 февраля 1922 г. // Советские конституции: хрестоматия: в 4-х ч. Ч. 1. Первые советские республики, 1918–1922 гг. / сост. Д.В. Кузнецов. Благовещенск: Благовещенский государственный педагогический университет, 2015. С. 74–80.

62. Конституция Закавказской Социалистической Федеративной Советской Республики, утвержденная постановлением I Закавказского Съезда Советов рабочих, крестьянских, красноармейских и матросских депутатов от 13 декабря 1922 г. // Советские конституции: хрестоматия: в 4-х ч. Ч. 1. Первые советские республики, 1918–1922 гг. / сост. Д.В. Кузнецов. Благовещенск: Благовещенский государственный педагогический университет, 2015. С. 91–95.

63. Основной закон (Конституция) Закавказской Социалистической Федеративной Советской Республики, утвержденный III Закавказским Съездом Советов 14 апреля 1925 г. // Советские конституции: хрестоматия: в 4-х ч. Ч. 2. СССР, 1922–1936 гг. / сост. Д.В. Кузнецов. Благовещенск: Благовещенский государственный педагогический университет, 2015. С. 252–258.

64. Конституция (Основной закон) Социалистической Советской Республики Армении, утвержденная постановлением V Всеармянского Съезда Советов от 3 апреля 1927 г. // Советские конституции: хрестоматия: в 4-х ч. Ч. 2. СССР, 1922–1936 гг. / сост. Д.В. Кузнецов. Благовещенск: Благовещенский государственный педагогический университет, 2015. С. 207–216.

65. Конституция Армянской ССР, утверждена Чрезвычайным 9-м съездом Советов Армянской ССР 23 марта 1937 г. // Советские конституции: хрестоматия: в 4-х ч. Ч. 3. СССР, 1936–1977 гг. / сост. Д.В. Кузнецов. Благовещенск: Благовещенский государственный педагогический университет, 2015. С. 256–265.

66. Конституция (Основной Закон) Армянской Советской Социалистической Республики, принятая на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета АрмССР девятого созыва 14 апреля 1978 г. // Советские конституции: хрестоматия: в 4-х ч. Ч. 4. СССР, 1977–1991 гг. / сост. Д.В. Кузнецов. Благовещенск: Благовещенский государственный педагогический университет, 2015. С. 371–387.

67. Кодекс об административных правонарушениях Республики Армения от 6 декабря 1985 г. // URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=77148 (дата обращения: 1.03.2024).

68. Закон Республики Армения от 17 апреля 1993 г. № ЗР-52 «О языке» // URL: http://parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=1793&lang=rus (дата обращения: 1.03.2024).

69. Конституция Республики Армения от 5 июля 1995 г. (в редакции Законов Республики Армения от 27 ноября 2005 г., 6 декабря 2015 г.; Поправки в Конституцию Республики Армения от 22 июня 2020 г.) // URL: https://www.president.am/ru/constitution-2015 (дата обращения: 1.03.2024).

70. Гражданский кодекс Республики Армения от 28 июля 1998 г. № ЗР-239 // URL: http://parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=1556&lang=rus (дата обращения: 1.03.2024).

71. Гражданский процессуальный кодекс Республики Армения от 7 августа 1998 г. № ЗР-247 // URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=3015 (дата обращения: 1.03.2024).

72. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Армения от 1 сентября 1998 г. № ЗР-248 // URL:

http://parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=1450&lang=rus (дата обращения: 1.03.2024).

73. Избирательный кодекс Республики Армения от 17 февраля 1999 г. № ЗР-284 // URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=27342 (дата обращения: 1.03.2024).

74. Таможенный кодекс Республики Армения от 9 августа 2000 г. № Р-83 // URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=3623 (дата обращения: 1.03.2024).

75. Земельный кодекс Республики Армения от 4 июня 2001 г. № ЗР-185 // http://parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=1361&lang=rus (дата обращения: 1.03.2024).

76. Водный кодекс Республики Армения от 29 июня 2002 г. № ЗР-373 // URL: http://parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=1310&lang=rus (дата обращения: 1.03.2024).

77. Кодекс Республики Армения о недрах от 2 декабря 2002 г. № ЗР-456 // URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=28605 (дата обращения: 1.03.2024).

78. Уголовный кодекс Республики Армения от 29 апреля 2003 г. № ЗР-528 // URL: http://parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=1349&lang=rus (дата обращения: 1.03.2024).

79. Семейный кодекс Республики Армения от 8 декабря 2004 г. № ЗР-123 // URL: http://parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=2124&lang=rus (дата обращения: 1.03.2024).

80. Трудовой кодекс Республики Армения от 14 декабря 2004 г. № ЗР-124 // URL: http://parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=2131&lang=rus (дата обращения: 1.03.2024).

81. Закон Республики Армения от 13 января 2005 г. № ЗР-29 «Об адвокатуре» // URL: http://parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=2255&lang=rus (дата обращения: 1.03.2024).

82. Уголовно-исполнительный кодекс Республики Армения от 18 января 2005 г. № ЗР-60 // URL: http://parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=2256&lang=rus (дата обращения: 1.03.2024).

83. Лесной кодекс Республики Армения от 26 ноября 2005 г. № ЗР-211 // URL: http://parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=2423&lang=rus (дата обращения: 1.03.2024).

84. Судебный кодекс Республики Армения от 7 апреля 2007 г. № ЗР-135 // URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=58329 (дата обращения: 1.03.2024).

85. Кодекс административного судопроизводства Республики Армения от 10 декабря 2007 г. № ЗР-269 // URL: https: // base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=52229 (дата обращения: 1.03.2024).

86. Избирательный кодекс Республики Армения от 14 июня 2011 г. № ЗР-164 // URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=46765 (дата обращения: 1.03.2024).

87. Кодекс Республики Армения о недрах от 17 декабря 2011 г. № ЗР-280 // URL: http://parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=4343&lang=rus (дата обращения: 1.03.2024).

88. Кодекс административного судопроизводства Республики Армения от 28 декабря 2013 г. № ЗР-139 // URL: http://parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=4837&lang=rus (дата обращения: 1.03.2024).

89. Закон Республики Армения от 30 декабря 2014 г. № ЗР-241 «О таможенном регулировании» // URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=80265#A000000312 (дата обращения: 1.03.2024).

90. Конституционный закон Республики Армения. Избирательный кодекс Республики Армения от 28 мая 2016 г. № ЗР-54 // URL:

http://parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=5479&lang=rus (дата обращения: 1.03.2024).

91. Налоговый кодекс Республики Армения от 1 ноября 2016 г. № ЗР-165 // URL: http://parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=5600&lang=rus (дата обращения: 1.03.2024).

92. Закон Республики Армения от 30 января 2018 г. № ЗР-69 «О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Республики Армения» // URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=108514&ysclid=li7uahif8q135083984 (дата обращения: 1.03.2024).

93. Гражданский процессуальный кодекс Республики Армения от 27 февраля 2018 г. № ЗР-110 // URL: http://www.parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=6196&lang=rus (дата обращения: 1.03.2024).

94. Конституционный закон Республики Армения. Судебный кодекс Республики Армения от 10 февраля 2018 г. // URL: http://www.parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=6166&lang=rus#2 (дата обращения: 1.03.2024).

95. Закон Республики Армения от 28 марта 2018 г. № ЗР-180 «О нормативных правовых актах» // URL: http://www.parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=6269&lang=rus (дата обращения: 27.05.2024).

96. Закон Республики Армения от 29 марта 2018 г. № ЗР-211 «О внесении изменений и дополнения в Уголовно-процессуальный кодекс Республики Армения» // URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=110040&ysclid=li7u6wpk8y304986489 (дата обращения: 1.03.2024).

97. Закон Республики Армения от 2 октября 2019 г. № ЗР-173 «О внесении дополнения в Трудовой кодекс Республики Армения» // URL:

https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=120208&ysclid=lq8mh8r65f373940647 (дата обращения: 1.03.2024).

98. Уголовный кодекс Республики Армения от 27 мая 2021 г. № ЗР-199 // URL: http://www.parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=7645&lang=rus (дата обращения: 1.03.2024).

99. Закон Республики Армения от 27 мая 2021 г. № ЗР-200 «О внесении дополнений и изменения в Уголовно-процессуальный кодекс Республики Армения» // URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=133716&ysclid=li7uczsmyq126673689 (дата обращения: 1.03.2024).

100. Закон Республики Армения от 15 февраля 2022 г. № ЗР-23 «О внесении дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Республики Армения» // URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=138149&ysclid=li7uehquap840387525 (дата обращения: 1.03.2024).

101. Հայաստանի Հանրապետության քրեական դատավարության օրենսգիրք 27 հուլիսի 2021 թ (Уголовно-процессуальный кодекс Республики Армения от 27 июля 2021 г. № ЗР-306) // URL: https: //www.arlis.am/DocumentView.aspx?DocID=176081 (дата обращения: 1.03.2024).

Прочие нормативные правовые акты

102. Декларация прав человека и гражданина от 26 августа 1789 г. // Конституции зарубежных государств: Великобритания, Франция, Германия, Италия, Европейский союз, Соединенные Штаты Америки, Япония: учеб. пособие / [сост. сб., пер., авт. введ. и вступ. ст. В.В. Маклаков]. 8-е изд., исправл. и доп. М.: Инфотропик Медиа, 2012. С. 117–119.

103. Конституция Итальянской Республики от 22 декабря 1947 г. // Конституции зарубежных государств: Великобритания, Франция, Германия, Италия, Европейский союз, Соединенные Штаты Америки, Япония: учеб. пособие

/ [сост. сб., пер., авт. введ. и вступ. ст. В.В. Маклаков]. 8-е изд., исправл. и доп. М.: Инфотропик Медиа, 2012. С. 270–308.

104. Основной закон Федеративной Республики Германии от 23 мая 1949 г. // Конституции зарубежных государств: Великобритания, Франция, Германия, Италия, Европейский союз, Соединенные Штаты Америки, Япония: учеб. пособие / [сост. сб., пер., авт. введ. и вступ. ст. В.В. Маклаков]. 8-е изд., исправл. и доп. М.: Инфотропик Медиа, 2012. С. 164–243.

105. Конституция Французской Республики от 4 октября 1958 г. // Конституции зарубежных государств: Великобритания, Франция, Германия, Италия, Европейский союз, Соединенные Штаты Америки, Япония: учеб. пособие / [сост. сб., пер., авт. введ. и вступ. ст. В.В. Маклаков]. 8-е изд., исправл. и доп. М.: Инфотропик Медиа, 2012. С. 81–116.

106. Конституция Королевства Испания от 29 декабря 1978 г. // Конституции зарубежных государств: учебное пособие. 2-е изд., испр. и доп. М.: Издательство БЕК, 1997. С. 297–351.

107. Конституция Республики Беларусь от 15 марта 1994 г. // https://pravo.by/pravovaya-informatsiya/normativnye-dokumenty/konstitutsiya-respubliki-belarus/ (дата обращения: 1.03.2024).

108. Модельный Уголовный кодекс для государств – участников Содружества Независимых Государств, принятый Постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств – участников Содружества Независимых Государств 17 февраля 1996 г. // СПС «Гарант» (дата обращения: 1.03.2024).

109. Декларация Международной организации труда «Об основополагающих принципах и правах в сфере труда», принятая в Женеве 18 июня 1998 г. // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 1.03.2024).

110. Уголовный кодекс республики Беларусь от 9 июля 1999 г. № 275-З // URL: https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=Hk9900275 (дата обращения: 1.03.2024).

111. Уголовный кодекс Республики Таджикистан от 21 мая 1998 г. № 574 // URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30397325&pos=56;-60#pos=56;-60 (дата обращения: 1.03.2024).

112. Уголовный кодекс Кыргызской Республики от 28 октября 2021 г. № 127 // URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=36675065&sub_id=100000&pos=535;-18#pos=535;-18 (дата обращения: 1.03.2024).

113. The Constitution of the Czech Republic, adopted on 16 December 1992 // URL: https://www.psp.cz/en/docs/laws/constitution.html (дата обращения: 1.03.2024).

114. Konstytucja Rzeczypospolitej Polskiej, z dnia 2 kwietnia 1997 r. // URL: https://www.wipo.int/wipolex/ru/text/459200 (дата обращения: 1.03.2024).

Материалы правоприменительной практики

Материалы правоприменительной практики СССР

115. Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 3 февраля 1978 г. № 1 «Новая Конституция СССР и задачи дальнейшего совершенствования судебной деятельности» // Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР (1924–1986 гг.) / под общ. ред. В.И. Теребилова. М.: Издательство «Известия Советов народных депутатов СССР», 1987. С. 17–25.

116. Постановление Пленума Верховного Суда СССР 25 марта 1982 г. № 2 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел об установлении отцовства и о взыскании алиментов на детей и других членов семьи» // Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР (1924–1986 гг.) / под общ. ред. В.И. Теребилова. М.: Издательство «Известия Советов народных депутатов СССР», 1987. С. 255–263.

117. Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 18 марта 1963 г. № 2 с изменениями, внесенными постановлениями Пленумов от 26 апреля 1984 г. № 7 и от 18 апреля 1986 г. № 10 «О строгом соблюдении законов судами при рассмотрении уголовных дел» // Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР (1924–1986 гг.) / под общ. ред. В.И. Теребилова.

М.: Издательство «Известия Советов народных депутатов СССР», 1987. С. 391–399.

118. Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 16 июня 1978 г. № 5 «О практике применения судами законов, обеспечивающих обвиняемому право на защиту» // Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР (1924–1986 гг.) / под общ. ред. В.И. Теребилова. М.: Издательство «Известия Советов народных депутатов СССР», 1987. С. 766–772.

119. Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 5 декабря 1986 г. № 15 «О дальнейшем укреплении законности при осуществлении правосудия» // Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР (1924–1986 гг.) / под общ. ред. В.И. Теребилова. М.: Издательство «Известия Советов народных депутатов СССР», 1987. С. 836–843.

Материалы правоприменительной практики Российской Федерации

120. Апелляционное определение Верховного Суда Карачаево-Черкесской Республики № 22-24/2015 от 17 февраля 2015 г. по делу № 22-24/2015 // URL: https://sudact.ru/regular/doc/d6TE09yYqmxT/ (дата обращения: 1.03.2024).

121. Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 1 августа 2019 г. по делу № 2-003/2018 // URL: https://sudact.ru/vsrf/doc/0CTvl5sbeaxc/ (дата обращения: 1.03.2024).

122. Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 12 августа 2021 г. // URL: https://sudact.ru/vsrf/doc/MPccQkHBtOmg/ (дата обращения: 1.03.2024).

123. Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 12 октября 2021 г // URL: https://sudact.ru/vsrf/doc/CkPGAVKDfjUV/ (дата обращения: 1.03.2024).

124. Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 20 ноября 2018 г. // URL: https://sudact.ru/vsrf/doc/IEn28Ki6LTrT/ (дата обращения: 1.03.2024).

125. Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 22 декабря 2022 г. // URL: https://sudact.ru/vsrf/doc/lsoBjfLS6Bxu/ (дата обращения: 1.03.2024).

126. Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 27 марта 2019 г. по делу № 3А-234/2018 // URL: https://sudact.ru/vsrf/doc/1eVkVfqpUuVT/ (дата обращения: 1.03.2024).

127. Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 9 июня 2022 г. // URL: https://sudact.ru/vsrf/doc/WnKuXqDEMwrQ/ (дата обращения: 1.03.2024).

128. Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 12 августа 2021 г. // URL: https://sudact.ru/vsrf/doc/MPccQkHBtOmg/ (дата обращения: 1.03.2024).

129. Апелляционное определение Кировского районного суда г. Омска № 11-132/2015 от 6 мая 2015 г. по делу № 11-132/2015 // URL: https://sudact.ru/regular/doc/dKXADuKIOGmK/ (дата обращения: 1.03.2024).

130. Апелляционное определение Московского городского суда № 11-16249/2012 от 28 августа 2012 г. по делу № 11-16249/2012 // URL: https://sudact.ru/regular/doc/9Q0eTSlVSsNC/ (дата обращения: 1.03.2024). (дата обращения: 1.03.2024).

131. Апелляционное постановление Белгородского областного суда № 22-372/2018 от 12 марта 2018 г. по делу № 22-372/2018 // URL: https://sudact.ru/regular/doc/FGmAB3BB56ZY/ (дата обращения: 1.03.2024).

132. Апелляционное постановление Заводоуковского районного суда Тюменской области № 10-27/2017 от 19 декабря 2017 г. по делу № 10-27/2017 // URL: https://sudact.ru/regular/doc/M1vHl9ISDuX/ (дата обращения: 1.03.2024).

133. Апелляционное постановление Кемеровского областного суда № 22К-5606/2014 от 25 ноября 2014 г. по делу № 22К-5606/2014 // URL: https://sudact.ru/regular/doc/3TtZH00sJFUj/ (дата обращения: 1.03.2024).

134. Апелляционное постановление Пермского краевого суда № 22-2042/2015 от 9 апреля 2015 г. по делу № 22-2042/2015 // URL: https://sudact.ru/regular/doc/MisUoP4zAHdQ/ (дата обращения: 1.03.2024).

135. Апелляционное постановление Суда Ямало-Ненецкого автономного округа № 22-937/2015 от 12 октября 2015 г. по делу № 22-937/2015 // URL: https://sudact.ru/regular/doc/D0F52RjAUSLa/ (дата обращения: 1.03.2024).

136. Кассационное определение Астраханского областного суда № 33-2203/2011 от 3 августа 2011 г. по делу № 33-2203/2011 // URL: https://sudact.ru/regular/doc/tqG7eiG5LWlw/ (дата обращения: 1.03.2024).

137. Определение Арбитражного суда Красноярского края от 10 апреля 2015 г. по делу № А33-14905/2009 // URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/DtiPDFVLM4mq/ (дата обращения: 1.03.2024).

138. Определение Арбитражного суда Красноярского края от 10 апреля 2015 г. по делу № А33-14905/2009 // URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/DtiPDFVLM4mq/ (дата обращения: 1.03.2024).

139. Определение Арбитражного суда Сахалинской области от 29 октября 2014 г. по делу № А59-5933/2009 // URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/nfsplQ3Iap1K/ (дата обращения: 1.03.2024).

140. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 26 декабря 2022 г. по делу № А40-194843/2017 // URL: https://sudact.ru/vsrf/doc/ (дата обращения: 1.03.2024).

141. Определение Верховного Суда РФ от 13 ноября 2003 г. по делу № 86-В03-9 // URL: https://sudact.ru/vsrf/doc/ikM8EkN38H6P/ (дата обращения: 1.03.2024).

142. Определение Верховного Суда РФ от 16 июня 2021 г. по делу № А53-36694/2019 // URL: https://sudact.ru/vsrf/doc/rgh1jj6Ifadv/ (дата обращения: 1.03.2024).

143. Определение Верховного Суда РФ от 2 сентября 2022 г. по делу № А01-2496/2021 // URL: https://sudact.ru/vsrf/doc/BwlmsqRdTLWS/ (дата обращения: 1.03.2024).

144. Определение Верховного Суда РФ от 22 ноября 2011 г. по делу № 02-2-7/11 // URL: https://sudact.ru/vsrf/doc/qDOSJLrDNZN8/ (дата обращения: 1.03.2024).

145. Определение Верховного Суда РФ от 24 июня 2009 г. по делу № 2-2113/08 // URL: https://sudact.ru/vsrf/doc/YImaDs4P9Q8/ (дата обращения: 1.03.2024).

146. Определение Верховного Суда РФ от 24 ноября 2021 г. № 305-ЭС21-21526 по делу № 70432/2020 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 1.03.2024).

147. Определение Верховного Суда РФ от 25 июля 2012 г. // URL: https://sudact.ru/vsrf/doc/x2CCgaBMY9JW/ (дата обращения: 1.03.2024).

148. Определение Верховного Суда РФ от 26 декабря 2017 г. по делу № А40-170463/2016 // URL: https://sudact.ru/vsrf/doc/sgQ4TwgrBLZT/ (дата обращения: 1.03.2024).

149. Определение Верховного Суда РФ от 27 апреля 2021 г. по делу № А41-9815/2020 // URL: https://sudact.ru/vsrf/doc/6rn3FUTQocU5/ (дата обращения: 1.03.2024).

150. Определение Верховного Суда РФ от 30 мая 2016 г. по делу № А40-31186/2014 // URL: https://sudact.ru/vsrf/doc/vZDpRjnowF5O/ (дата обращения: 1.03.2024).

151. Определение Верховного Суда РФ от 8 декабря 2016 г. по делу № А60-33798/2013 // URL: https://sudact.ru/vsrf/doc/AtZ77EZ9uZZR/ (дата обращения: 1.03.2024).

152. Определение Верховного Суда РФ от 9 марта 2021 г. по делу № А56-18086/2016 // https://sudact.ru/vsrf/doc/163mJEPDQCrT/ (дата обращения: 1.03.2024).

153. Определение Верховного Суда РФ от 7 ноября 2012 г. по делу № 3-5/12 // URL: https://sudact.ru/vsrf/doc/yCWXBntZUtZJ/ (дата обращения: 1.03.2024).

154. Определение Конституционного Суда РФ от 15 февраля 2005 г. № 17-О «По жалобе гражданки Енборисовой Прасковьи Федоровны на нарушение ее конституционных прав пунктом 8 статьи 14 Федерального закона "О трудовых пенсиях в Российской Федерации"» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 1.03.2024).

155. Определение Конституционного Суда РФ от 21 мая 2015 г. № 1119-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы открытого акционерного общества "Аэрофлот" на нарушение конституционных прав и свобод частью 2 статьи 41 и частью 1 статьи 49 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 1.03.2024).

156. Определение Конституционного Суда РФ от 25 апреля 2023 г. № 843-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Заниной Валентины Сергеевны на нарушение ее конституционных прав подпунктом 4 пункта 12 и пунктом 12.1 статьи 189.49 Федерального закона "О несостоятельности (банкротстве)", а также частью 4 статьи 9 Федерального закона от 1 мая 2017 года № 84-ФЗ "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации"» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 1.03.2024).

157. Определение Конституционного Суда РФ от 28 сентября 2023 г. № 2348-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Фединой Ирины Юрьевны на нарушение ее конституционных прав пунктом 4 статьи 252 Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 1.03.2024).

158. Определение Конституционного Суда РФ от 28 сентября 2023 г. № 2365-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гаражного кооператива "Станкоремонт-2" на нарушение его конституционных прав пунктом 1 статьи 15, пунктом 2 статьи 209 Гражданского кодекса Российской Федерации, абзацем третьим пункта 4 статьи 26 Федерального закона "Об электроэнергетике", абзацем первым пункта 6 Правил недискриминационного доступа к услугам по передаче электрической энергии и оказания этих услуг, абзацем первым пункта 2 Правил вывода объектов электроэнергетики в ремонт и из эксплуатации» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 1.03.2024).

159. Определение Конституционного Суда РФ от 3 июля 2014 г. № 1552-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Харланова Алексея Леонтьевича на нарушение его конституционных прав частью 3 статьи 14.13

Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 1.03.2024).

160. Определение Орловского областного суда от 10 июля 2012 г. // URL: https://sudact.ru/regular/doc/FfeD6txVagWl/ (дата обращения: 1.03.2024).

161. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 23 августа 2018 г. по делу № А03-21930/2016 // URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/VKR2mFoRyJUq/ (дата обращения: 1.03.2024).

162. Постановление Арбитражного суда Новгородской области от 24 января 2020 г. по делу № А44-9173/2019 // URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/TG6q8Vtp6smI/ (дата обращения: 1.03.2024).

163. Постановление Арбитражного суда Приморского края от 28 июня 2023 г. по делу № А51-15697/2022 // URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/gEm0HtOsrM1E/ (дата обращения: 1.03.2024).

164. Постановление Арбитражного суда Республики Татарстан от 6 июля 2023 г. по делу № А65-14510/2022 // URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/rBXn3zeZ8ur2/ (дата обращения: 1.03.2024).

165. Постановление Арбитражного суда Самарской области от 20 октября 2021 г. по делу № А55-10588/2021 // URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/oImbE86DzE5R/ (дата обращения: 1.03.2024).

166. Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 14 июня 2022 г. по делу № А32-5712/2021 // URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/9MXayAgXwKLc/ (дата обращения: 1.03.2024).

167. Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 31 декабря 2019 г. по делу № А32-8/2016 // URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/ftiEGQ9Og6x/ (дата обращения: 1.03.2024).

168. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 10 декабря 2019 г. по делу № А60-52847/2015 // URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/2O8gq8oIU5Lm/ (дата обращения: 1.03.2024).

169. Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 1 июня 2016 г. по делу № А08-5240/2015 // URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/88GniZlsmJv/ (дата обращения: 1.03.2024).

170. Постановление Верховного Суда РФ от 11 сентября 2019 г. по делу № 4-АД 19-12 // URL: https://sudact.ru/vsrf/doc/ZAQz6D7IJZmL/ (дата обращения: 1.03.2024).

171. Постановление Верховного Суда РФ от 19 января 2023 г. по делу № 5-434/2021 // URL: https://sudact.ru/vsrf/doc/jgvaMRVzj7rX/ (дата обращения: 1.03.2024).

172. Постановление Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 16 января 2023 г. по делу № А34-13299/2022 // URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/C0ilAF5sBfYf/ (дата обращения: 1.03.2024).

173. Постановление Восьмого арбитражного апелляционного суда от 1 декабря 2021 г. по делу № А75-3550/2018 // URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/GiNj7fqaLjYN/ (дата обращения: 1.03.2024).

174. Постановление Восьмого арбитражного апелляционного суда от 20 сентября 2022 г. по делу № А81-3516/2018 // URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/Le5J49SxdK5c/ (дата обращения: 1.03.2024).

175. Постановление Восьмого арбитражного апелляционного суда от 25 июня 2021 г. по делу № А70-6558/2020 // URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/jBihRVCkSooK/ (дата обращения: 1.03.2024).

176. Постановление Двадцатого арбитражного апелляционного суда от 9 июня 2022 г. по делу № А54-10172/2018 // URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/7YG1E5swUgZQ/ (дата обращения: 1.03.2024).

177. Постановление Двенадцатого арбитражного апелляционного суда от 8 апреля 2022 г. по делу № А06-204/2021 // URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/lpCxuwNmIOWa/ (дата обращения: 1.03.2024).

178. Постановление Девятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 18 февраля 2016 г. по делу № А08-5240/2015 // URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/ZsFvXIE9Tqb5/ (дата обращения: 1.03.2024).

179. Постановление Конституционного Суда РФ от 10 апреля 2003 г. № 5-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 84 Федерального закона "Об акционерных обществах" в связи с жалобой открытого акционерного общества "Приаргунское"» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 1.03.2024).

180. Постановление Конституционного Суда РФ от 14 июля 2011 г. № 16-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 4 части первой статьи 24 и пункта 1 статьи 254 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан С.И. Александрина и Ю.Ф. Ващенко» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 1.03.2024).

181. Постановление Конституционного Суда РФ от 14 февраля 2002 г. № 4-П «По делу о проверке конституционности статьи 140 Гражданского процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданки Л.Б. Фишер» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 1.03.2024).

182. Постановление Конституционного Суда РФ от 14 февраля 2013 г. № 4-П «По делу о проверке конституционности Федерального закона "О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях и Федеральный закон "О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях" в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы и жалобой гражданина Э.В. Савенко» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 1.03.2024).

183. Постановление Конституционного Суда РФ от 16 июня 2006 г. № 7-П «По делу о проверке конституционности ряда положений статей 48, 51, 52, 54, 58 и 59 Федерального закона "Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации" в связи с запросом Государственной Думы Астраханской области» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 1.03.2024).

184. Постановление Конституционного Суда РФ от 17 июля 2023 г. № 42-П «По делу о проверке конституционности части 2 статьи 1.7 Кодекса Российской

Федерации об административных правонарушениях в связи с запросом Костромского областного суда» // СЗ РФ. 2023. № 30. Ст. 5751,

185. Постановление Конституционного Суда РФ от 17 мая 2023 г. № 24-П «По делу о проверке конституционности статьи 12.18, части 2 статьи 12.24 и пункта 7 части 1 статьи 24.5 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой гражданина Р.А. Чепурного» // СЗ РФ. 2023. № 21. Ст. 3794.

186. Постановление Конституционного Суда РФ от 19 июня 2023 г. № 33-П «По делу о проверке конституционности положений статей 82 и 240 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и ряда иных его статей в связи с жалобой гражданина В.Г. Скотникова» // URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/406970288/?ysclid=lqy9le4ew3394528147 (дата обращения: 1.03.2024).

187. Постановление Конституционного Суда РФ от 20 октября 2015 г. № 27-П «По делу о проверке конституционности части третьей статьи 333 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан А.И. Карабанова и В.А. Мартынова» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2016. № 1.

188. Постановление Конституционного Суда РФ от 21 июля 2021 г. № 39-П «По делу о проверке конституционности положений части 2 статьи 2.1, части 2 статьи 2.2, части 1 статьи 4.5 и части 1 статьи 11.15.2 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью "Востокфлот"» // СЗ РФ. 2021. № 31. Ст. 5988.

189. Постановление Конституционного Суда РФ от 23 ноября 2017 г. № 32-П «По делу о проверке конституционности статей 21 и 21.1 Закона Российской Федерации "О государственной тайне" в связи с жалобой гражданина Е.Ю. Горовенко» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 1.03.2024).

190. Постановление Конституционного Суда РФ от 27 марта 2023 г. № 11-П «По делу о проверке конституционности части 2 статьи 2.1 и статьи 12.32 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с

жалобой государственного бюджетного учреждения города Москвы "Автомобильные дороги Зеленоградского административного округа"» // СЗ РФ. 2023. № 15. Ст. 2745.

191. Постановление Конституционного Суда РФ от 27 января 1993 г. № 1-П «По делу о проверке конституционности правоприменительной практики ограничения времени оплаты вынужденного прогула при незаконном увольнении, сложившейся на основе применения законодательства о труде и постановлений Пленумов Верховного Суда СССР, Верховного Суда Российской Федерации, регулирующих данные вопросы» // ВСНД РФ и ВС РФ. 1993. № 14. Ст. 508.

192. Постановление Конституционного Суда РФ от 5 февраля 2007 г. № 2-П «По делу о проверке конституционности положений статей 16, 20, 112, 336, 376, 377, 380, 381, 382, 383, 387, 388 и 389 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом кабинета министров Республики Татарстан, жалобами открытых акционерных обществ "Нижнекамскнефтехим" и "Хакасэнерго", а также жалобами ряда граждан» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 1.03.2024).

193. Постановление Конституционного Суда РФ от 6 июня .2017 г. № 15-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 части третьей статьи 31 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Ленинградского областного суда» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 1.03.2024).

194. Постановление Конституционного Суда РФ от 6 июня 2000 г. № 9-П «По делу о проверке конституционности положения абзаца третьего пункта 2 статьи 77 Федерального закона "О несостоятельности (банкротстве)" в связи с жалобой открытого акционерного общества "Тверская прядильная фабрика"» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 1.03.2024).

195. Постановление Конституционного Суда РФ от 7 февраля 2023 г. № 6-П «По делу о проверке конституционности подпункта 1 пункта 12 статьи 61.11 Федерального закона "О несостоятельности (банкротстве)" и пункта 3.1 статьи 3

Федерального закона "Об обществах с ограниченной ответственностью" в связи с жалобой гражданина И.И. Покуля» // СЗ РФ. 2023. № 8. Ст. 1414.

196. Постановление Ленинского районного суда г. Тюмени № 1-920/2019 от 3 сентября 2019 г. по делу № 1-920/2019 // URL: https://sudact.ru/regular/doc/yhJUSOjsHZYR/ (дата обращения: 1.03.2024).

197. Постановление мирового судьи Судебного участка № 61 Каякентского района (Республика Дагестан) от 16 июня 2014 г. по делу № 3-498/2014 // URL: https://sudact.ru/magistrate/doc/Rq3rSoFthnVq/ (дата обращения: 1.03.2024).

198. Постановление мирового судьи Судебного участка № 168 (г. Санкт-Петербург) от 11 мая 2012 г. по делу № 5-134/2012-168 // URL: https://sudact.ru/magistrate/doc/kRFtuMiQIOJP/ (дата обращения: 1.03.2024).

199. Постановление мирового судьи Судебного участка № 2 Индустриального района г. Перми от 9 января 2017 г. по делу № 5-8/2017 // URL: https://sudact.ru/magistrate/doc/ekxO1Y6U4sUK/ (дата обращения: 1.03.2024).

200. Постановление мирового судьи Судебного участка № 3 Октябрьского округа г. Иркутска (Иркутская область) от 7 апреля 2016 г. по делу № 5-79/2016 // URL: https://sudact.ru/magistrate/doc/xs7lF2CElzoW/ (дата обращения: 1.03.2024).

201. Постановление мирового судьи Судебного участка № 3 Советского района г. Н. Новгород от 29 июля 2016 г. по делу № 1-40/2016 // URL: https://sudact.ru/magistrate/doc/Xecxl7TjDsoQ/ (дата обращения: 1.03.2024).

202. Постановление мирового судьи Судебного участка № 307 Измайловского судебного района (город Москва) от 13 июля 2010 г. по делу № 01-0081/307/2010 // URL: https://sudact.ru/magistrate/doc/KqcPILGfyCUO/ (дата обращения: 1.03.2024).

203. Постановление мирового судьи Судебного участка № 4 по Ленинскому району г. Уфы (Республика Башкортостан) от 13 ноября 2015 г. по делу № 5-562/2015 // URL: https://sudact.ru/magistrate/doc/A6xGIo4ef4Ug/ (дата обращения: 1.03.2024).

204. Постановление мирового судьи Судебного участка г. Новоульяновска (Ульяновская область) от 1 июня 2017 г. по делу № 5-212/2017 // https://sudact.ru/magistrate/doc/48K8BFHYDOog/ (дата обращения: 1.03.2024).

205. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2003 г. № 23 «О судебном решении» (с изменениями и дополнениями) // Российская газета. 2003. 26 декабря.

206. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 20 «О применении судами законодательства о добровольном страховании имущества граждан» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 1.03.2024).

207. Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 23 марта 2005 г. № 25пв04 // URL: https://sudact.ru/vsrf/doc/nSswVrycmUNh/ (дата обращения: 1.03.2024).

208. Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 18 декабря 2017 г. по делу № А32-8/2016 // URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/Ee0IyFelSSoQ/ (дата обращения: 1.03.2024).

209. Постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 14 октября 2021 г. по делу № А27-25819/2015 // URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/TvHo4lzBEAot/ (дата обращения: 1.03.2024).

210. Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 22 марта 2022 г. по делу № А60-38083/2021 // URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/9uawB8J9Jl5V/ (дата обращения: 1.03.2024).

211. Постановление Третьего арбитражного апелляционного суда от 10 июня 2015 г. по делу № А33-14905/2009 // URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/54xeCTSiOrmx/ (дата обращения: 1.03.2024).

212. Постановление Третьего арбитражного апелляционного суда от 10 июня 2015 г. по делу № А33-14905/2009 // URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/54xeCTSiOrmx/ (дата обращения: 1.03.2024).

213. Постановление Третьего арбитражного апелляционного суда от 11 апреля 2022 г. по делу № А33-15238/2021 // URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/dAsm7Sp9A6UO/ (дата обращения: 1.03.2024).

214. Постановление Третьего арбитражного апелляционного суда от 14 февраля 2022 г. по делу № А33-22732/2021 // URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/JQZmXHtkQ1mD/ (дата обращения: 1.03.2024).

215. Постановление Третьего арбитражного апелляционного суда от 22 февраля 2019 г. по делу № А74-6634/2018 // URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/jHpbKbONHgoH/ (дата обращения: 1.03.2024).

216. Постановление Третьего арбитражного апелляционного суда от 30 апреля 2021 г. по делу № А33-23272/2020 // URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/mXY0dkOKCpLh/ (дата обращения: 1.03.2024).

217. Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 28 августа 2020 г. по делу № А56-39640/2019 // URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/hqnSZdcvvfUV/ (дата обращения: 1.03.2024).

218. Постановление Четвертого арбитражного апелляционного суда от 29 апреля 2015 г. по делу № А19-17095/2014 // URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/PgMNU76GceZR/ (дата обращения: 1.03.2024).

219. Постановление Шестнадцатого арбитражного апелляционного суда от 4 августа 2022 г. по делу № А25-1087/2018 // URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/1wt3IV5F5hHu/ (дата обращения: 1.03.2024).

220. Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17 марта 2004 г. № 2 «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 1.03.2024).

221. Правовые позиции КС РФ по отдельным вопросам. Право на получение квалифицированной юридической помощи в уголовном судопроизводстве // URL: https://legalacts.ru/sud/pravovye-pozitsii-ks-rf-po-otdelnym-voprosam-pravo-na-poluchenie-kvalifitsirovannoi-iuridicheskoi-pomoshchi-v-ugolovnom-sudoproizvodstve/ (дата обращения: 1.03.2024).

222. Правовые позиции КС РФ по отдельным вопросам. Уважение частной и семейной жизни // URL: https://legalacts.ru/sud/pravovye-pozitsii-ks-rf-po-otdelnym-voprosam-uvazhenie-chastnoi-i-semeinoi-zhizni/ (дата обращения: 1.03.2024).

223. Приговор Лаганского районного суда (Республика Калмыкия) № 1-52/2020 от 29 июля 2020 г. по делу № 1-52/2020 // URL: https://sudact.ru/regular/doc/VZw5tX4qCA1/ (дата обращения: 1.03.2024).

224. Приговор Ленинского районного суда г. Чебоксары № 1-64/2014 от 24 января 2014 г. по делу № 1-64/2014 // URL: https://sudact.ru/regular/doc/qnJPeuaGs7Y4/ (дата обращения: 1.03.2024).

225. Приговор Приволжского районного суда Астраханской области № 1-137/2020 от 18 сентября 2020 г. по делу № 1-137/2020 // URL: https://sudact.ru/regular/doc/TAE5TN3CyVdy/ (дата обращения: 1.03.2024).

226. Приговор Советского районного суда г. Нижнего Новгорода № 1-228/2020 от 22 июля 2020 г. по делу № 1-228/2020 // URL: https://sudact.ru/regular/doc/nTRUWklidzlT/ (дата обращения: 1.03.2024).

227. Приговор Хабаровского краевого суда № 2-68/2013 от 29 октября 2013 г. по делу № 2-68/2013 // URL: https://sudact.ru/regular/doc/ot9PAPJr1k6l/ (дата обращения: 1.03.2024).

228. Приговор Хабаровского краевого суда № 2-34/2017 от 2 ноября 2017 г. по делу № 2-34/2017 // URL: https://sudact.ru/regular/doc/SbxD9SMeoc5T/ (дата обращения: 1.03.2024).

229. Решение Арбитражного суда Белгородской области от 2 августа 2016 г. по делу № А08-379/2016 // URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/j5gR2Etv7k5k/ (дата обращения: 1.03.2024).

230. Решение Арбитражного суда Белгородской области от 2 ноября 2015 г. по делу № А08-5240/2015 // URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/bhlJ3ebjo9mn/ (дата обращения: 1.03.2024).

231. Решение Арбитражного суда города Москвы от 17 февраля 2020 г. по делу № А40-304812/2019 // URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/2v0ARh4Xc5WT/ (дата обращения: 1.03.2024).

232. Решение Арбитражного суда города Москвы от 23 октября 2020 г. по делу № А40-188946/2020 // URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/joiJ0omC4o18/ (дата обращения: 1.03.2024).

233. Решение Арбитражного суда города Москвы от 26 августа 2022 г. по делу № А40-228915/2021 // URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/hX5lf7C08JlJ/ (дата обращения: 1.03.2024).

234. Решение Арбитражного суда города Москвы от 30 июня 2017 г. по делу № А40-5723/2017 // URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/tK8mbqePDRUh/ (дата обращения: 1.03.2024).

235. Решение Арбитражного суда Краснодарского края от 14 апреля 2020 г. по делу № А32-45051/2019 // URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/ZEBnhDUePSlO/ (дата обращения: 1.03.2024).

236. Решение Арбитражного суда Краснодарского края от 14 июня 2019 г. по делу № А32-19942/2018 // URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/9fIIHMjETggX/ (дата обращения: 1.03.2024).

237. Решение Арбитражного суда Краснодарского края от 16 июня 2019 г. по делу № А32-8387/2019 // URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/Uwr0lqLlksJ1/ (дата обращения: 1.03.2024).

238. Решение Арбитражного суда Краснодарского края от 31 июля 2019 г. по делу № А32-21123/2019 // URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/JZle46IX5BJX/ (дата обращения: 1.03.2024).

239. Решение Арбитражного суда Краснодарского края от 9 октября 2017 г. по делу № А32-8/2016 // URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/Cv98ZScwMDbR/ (дата обращения: 1.03.2024).

240. Решение Арбитражного суда Красноярского края от 24 августа 2022 г. по делу № А33-6710/2022 // URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/ZoqGA7YiLRx0/ (дата обращения: 1.03.2024).

241. Решение Арбитражного суда Московской области от 9 октября 2019 г. по делу № А41-49133/2019 // URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/JNSuwJcOzd1C/ (дата обращения: 1.03.2024).

242. Решение Арбитражного суда Приморского края от 10 апреля 2020 г. по делу № А51-1856/2020 // URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/GLsntNxO9nQm/ (дата обращения: 1.03.2024).

243. Решение Арбитражного суда Приморского края от 16 июля 2021 г. по делу № А51-614/2021 // URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/5idKDxVBZcZQ/ (дата обращения: 1.03.2024).

244. Решение Арбитражного суда Приморского края от 26 апреля 2016 г. по делу № А51-756/2016 // URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/3cEGFDAJ9Mz/ (дата обращения: 1.03.2024).

245. Решение Арбитражного суда Республики Хакасия от 16 апреля 2021 г. по делу № А74-899/2021 // URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/0XHYVNNTH9WJ/ (дата обращения: 1.03.2024).

246. Решение Арбитражного суда Ростовской области от 19 августа 2015 г. по делу № А53-6501/2015 // URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/i5YzNeW5FFVo/ (дата обращения: 1.03.2024).

247. Решение Арбитражного суда Самарской области от 16 сентября 2014 г. по делу № А55-13700/2014 // URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/giDgWyfEuqUR/ (дата обращения: 1.03.2024).

248. Решение Арбитражного суда Самарской области от 3 августа 2021 г. по делу № А55-10588/2021 // URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/mRmecpheItmQ/ (дата обращения: 1.03.2024).

249. Решение Арбитражного суда Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 29 сентября 2022 г. по делу № А56-68672/2022 // URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/ffnAI7zoaaZL/ (дата обращения: 1.03.2024).

250. Решение Арбитражного суда Саратовской области от 6 февраля 2023 г. по делу № А57-13582/2022 // URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/7730kZRdA1xt/ (дата обращения: 1.03.2024).

251. Решение Арбитражного суда Свердловской области от 21 декабря 2022 г. по делу № А60-51853/2022 // URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/Kl6svepQ27db/ (дата обращения: 1.03.2024).

252. Решение Брянского районного суда № 2-109/2017 2-109/2017(2-1850/2016;)~М-1670/2016 2-1850/2016 М-1670/2016 от 3 февраля 2017 г. по делу

№ 2-109/2017 // URL: https://sudact.ru/regular/doc/fc6jVqFiLmQn/ (дата обращения: 1.03.2024).

253. Решение Вахитовского районного суда г. Казани № 2А-10760/2016 2А-10760/2016~М-10018/2016 М-10018/2016 от 27 октября 2016 г. по делу № 2А-10760/2016 // URL: https://sudact.ru/regular/doc/umNn9rjjNHod/ (дата обращения: 1.03.2024).

254. Решение Вахитовского районного суда г. Казани № 2А-8731/2017 2А-8731/2017~М-8467/2017 М-8467/2017 от 8 сентября 2017 г. по делу № 2А-8731/2017 // URL: https://sudact.ru/regular/doc/CXKWk6cJ1HJu/ (дата обращения: 1.03.2024);

255. Решение Верховного Суда РФ от 24 ноября 2006 г. // URL: https://sudact.ru/vsrf/doc/GJH4rCY3mrdV/ (дата обращения: 1.03.2024).

256. Решение Верховного Суда РФ от 25 августа 2008 г. по делу № ГКПИ08-1571 // https://sudact.ru/vsrf/doc/4raJIwgN6zbO/ (дата обращения: 1.03.2024).

257. Решение Волжского районного суда (Самарская область) № 2-2022/2018 2-2022/2018~М-1747/2018 М-1747/2018 от 10 сентября 2018 г. по делу № 2-2022/2018 // URL: https://sudact.ru/regular/doc/eb0gCC0fQogQ/ (дата обращения: 1.03.2024).

258. Решение Забайкальского краевого суда № 21-255/2019 7-21-255/2019 от 26 августа 2019 г. по делу № 21-255/2019 // URL: https://sudact.ru/regular/doc/TRriE70KDsNT/ (дата обращения: 1.03.2024).

259. Решение Ивановского районного суда № 2-1513/2017 2-1513/2017~М-1587/2017 М-1587/2017 от 6 октября 2017 г. по делу № 2-1513/2017 // URL: https://sudact.ru/regular/doc/XjG6aCp8tK6Q/ (дата обращения: 1.03.2024).

260. Решение Индустриального районного суда г. Барнаула № 2-1936/2019 2-1936/2019~М-1440/2019 М-1440/2019 от 23 мая 2019 г. по делу № 2-1936/2019 // URL: https://sudact.ru/regular/doc/wxp2ywvOZHL1/ (дата обращения: 1.03.2024).

261. Решение Казачинского районного суда Красноярского края № 2-93/2020 2-93/2020~М-59/2020 М-59/2020 от 21 октября 2020 г. по делу № 2-

93/2020 // URL: https://sudact.ru/regular/doc/waaAYk4pKJmr/ (дата обращения: 1.03.2024).

262. Решение Кинешемского городского суда (Ивановская область) № 12-133/2017 от 8 декабря 2017 г. по делу № 12-133/2017 // URL: https://sudact.ru/regular/doc/RvszVnp1cmZf/ (дата обращения: 1.03.2024).

263. Решение Кронштадтского районного суд г. Санкт-Петербурга № 2А-317/2020 2А-317/2020~М-128/2020 М-128/2020 от 30 июля 2020 г. по делу № 2А-317/2020 // URL: https://sudact.ru/regular/doc/BbcytfZv1Gob/ (дата обращения: 1.03.2024).

264. Решение Ленинского районного суда г. Екатеринбурга № 2-5193/2018 от 20 июля 2018 г. по делу № 2-5193/2018 // URL: https://sudact.ru/regular/doc/oJ1a33qyajJ9/ (дата обращения: 1.03.2024).

265. Решение Ленинского районного суда г. Саратова № 2-3370/2019 2-3370/2019~М-3403/2019 М-3403/2019 от 17 сентября 2019 г. по делу № 2-3370/2019 // URL: https://sudact.ru/regular/doc/hWW0QqpvzuQZ/ (дата обращения: 1.03.2024).

266. Решение Ломоносовского районного суда Ленинградской области № 2-1792/2016 2-1792/2016~М-1382/2016 М-1382/2016 от 21 сентября 2016 г. по делу № 2-1792/2016 // URL: https://sudact.ru/regular/doc/t8JR7JPYJs1K/ (дата обращения: 1.03.2024).

267. Решение Люберецкого городского суда Московской области № 2А-6552/2020 2А-6552/2020~М-6832/2020 М-6832/2020 от 15 октября 2020 г. по делу № 2А-6552/2020 // URL: https://sudact.ru/regular/doc/dsjFEJRBXYJ9/ (дата обращения: 1.03.2024).

268. Решение Майкопского городского суда (Республика Адыгея) № 2-491/2017 2-491/2017(2-7780/2016;)~М-7635/2016 2-7780/2016 М-7635/2016 от 25 мая 2017 г. по делу № 2-491/2017 // URL: https://sudact.ru/regular/doc/ZUotynSDyGL8/ (дата обращения: 1.03.2024).

269. Решение мирового судьи Судебного участка № 42 Ахтынского района (Республика Дагестан) от 27 июля 2010 г. по делу № 2-45/2010 // URL: https://sudact.ru/magistrate/doc/rExUhuZmVUUi/ (дата обращения: 1.03.2024).

270. Решение мирового судьи Судебного участка № 42 Ахтынского района (Республика Дагестан) от 27 августа 2010 г. // URL: https://sudact.ru/magistrate/doc/M0I8PkzyMK4/ (дата обращения: 1.03.2024).

271. Решение мирового судьи Судебного участка № 7 Ленинского района г. Челябинска от 21 декабря 2015 г. по делу № 2-2072/2015 // URL: https://sudact.ru/magistrate/doc/75M6hHEh7RLC/ (дата обращения: 1.03.2024).

272. Решение мирового судьи Судебного участка № 76 Рутульского района (Республика Дагестан) от 10 августа 2012 г. // URL: https://sudact.ru/magistrate/doc/S3nunX7uXGZ1/ (дата обращения: 1.03.2024).

273. Решение Октябрьского районного суда г. Новосибирска № 2-1636/2020 2-1636/2020~М-486/2020 М-486/2020 от 27 июля 2020 г. по делу № 2-1636/2020 // URL: https://sudact.ru/regular/doc/CwaILn3XRCJn/ (дата обращения: 1.03.2024).

274. Решение Октябрьского районного суда г. Орска Оренбургской области № 2-968/2015 2-968/2015~М-584/2015 М-584/2015 от 19 мая 2015 г. по делу № 2-968/2015 // URL: https://sudact.ru/regular/doc/0ciraerJJGrT/ (дата обращения: 1.03.2024).

275. Решение Октябрьского районного суда г. Рязани № 2-1409/2012 от 26 октября 2012 г. // URL: https://sudact.ru/regular/doc/FdOyyivnI0HR/ (дата обращения: 1.03.2024).

276. Решение Советского районного суда г. Нижнего Новгорода № 2-5475/2017 2-5475/2017~М-4198/2017 М-4198/2017 от 13 ноября 2017 г. по делу № 2-5475/2017 // URL: https://sudact.ru/regular/doc/BETqYVFyc6rl/ (дата обращения: 1.03.2024).

277. Решение Суда Ханты-Мансийского автономного округа № 12-247/2016 12-84/2016 от 17 июня 2016 г. по делу № 12-247/2016 // URL: https://sudact.ru/regular/doc/n0bUwrPevyl0/ (дата обращения: 1.03.2024).

278. Решение Суда Ханты-Мансийского автономного округа № 12-68/2016 7-716/2016 от 16 июня 2016 г. по делу № 12-68/2016 // URL: https://sudact.ru/regular/doc/wZzoD4N9VXVY/ (дата обращения: 1.03.2024).

279. Решение Тайшетского городского суда (Иркутская область) № 12-147/2018 от 19 ноября 2018 г. по делу № 12-147/2018 // URL: https://sudact.ru/regular/doc/GRw4mGMB106K/ (дата обращения: 1.03.2024).

280. Решение Трусовского районного суда г. Астрахани № 2-2198/2018 2-52/2019 от 12 февраля 2019 г. по делу № 2-2198/2018 // URL: https://sudact.ru/regular/doc/ZCz3dNs8RLlv/ (дата обращения: 1.03.2024).

281. Решение Центрального районного суда г. Твери № 2А-1257/2020 2А-1257/2020~М-1066/2020 М-1066/2020 от 21 июля 2020 г. по делу № 2А-1257/2020 // URL: https://sudact.ru/regular/doc/3AfCBLRc8aWZ/ (дата обращения: 1.03.2024).

282. Решение Читинского районного суда Забайкальского края № 2А-1842/2020 2А-1842/2020~М-1924/2020 М-1924/2020 от 5 ноября 2020 г. по делу № 2А-1842/2020 // URL: https://sudact.ru/regular/doc/jLDtikgjj2xm/ (дата обращения: 1.03.2024).

283. Решение Ярославского областного суда № 3А-99/2022 3А-99/2022~М-687/2021 М-687/2021 от 4 марта 2022 г. по делу № 3А-99/2022 // URL: https://sudact.ru/regular/doc/AzlCUM0V5qlv/ (дата обращения: 1.03.2024).

Материалы правоприменительной практики Республики Армения

284. Постановление Конституционного Суда Республики Армения № 1081 от 16 апреля 2013 г. «По делу об определении вопроса соответствия части 4 статьи 44 закона Республики Армения «Регламент Национального Собрания» Конституции Республики Армения на основании обращения депутатов Национального Собрания РА» // URL: https://www.concourt.am/decision/full_text/2013-ru-sdv-1081.pdf (дата обращения: 1.03.2024).

285. Постановление Конституционного Суда Республики Армения № 1224 от 7 июля 2015 г. «По делу об определении вопроса соответствия принятого Национальным собранием РА 21.06.2014 г. Закона РА “О внесении изменений в Закон РА “О накопительных пенсиях” /зр-67-н/ и связанных с ним законов зр-68-н, зр-69-н, зр-70-н, зр-71-н, зр-72-н, зр-73-н, зр-74-н, зр-75-н, зр-76-н и зр-77-н, а также статей 6 и 10 находящегося в системной связи с ними Закона РА “О подоходном налоге” (зр-246-н) Конституции Республики Армения на основании обращения депутатов Национального собрания РА» // URL: https://www.concourt.am/decision/full_text/1224.pdf (дата обращения: 1.03.2024).

286. Постановление Конституционного Суда Республики Армения № 1411 от 3 апреля 2018 г. «По делу об определении вопроса соответствия статьи 2211 Гражданского процессуального кодекса РА Конституции Республики Армения на основании обращения ООО “ЭС ДИ ЭЙ ТРЭВЕЛ”» // URL: https://www.concourt.am/decision/full_text/2018-ru-sdv-1411.pdf (дата обращения: 1.03.2024).

287. Постановление Конституционного Суда Республики Армения № 1418 от 12 июня 2018 г. «По делу об определении вопроса соответствия части 2 статьи 887 Гражданского кодекса РА Конституции Республики Армения на основании обращения Армине Атоян, Гайка Назиняна и Аркадия Варданяна» // URL: https://www.concourt.am/decision/full_text/2018-ru-sdv-1418.pdf (дата обращения: 1.03.2024).

288. Постановление Конституционного Суда Республики Армения № 1436 от 27 ноября 2018 г. «По делу об определении вопроса соответствия подпункта “а” пункта 11 части 4 статьи 109 и подпункта “б” пункта 2 части 1 статьи 123 Налогового кодекса Республики Армения, подпункта 2 пункта 3 и подпункта 2 пункта 15 порядка, установленного приложением n 1, утвержденным постановлением Правительства РА от 5 октября 2017 года n 1373-н, конституции на основании обращения Защитника прав человека» // URL: https://www.concourt.am/decision/full_text/2018-ru-sdv-1436.pdf (дата обращения: 1.03.2024).

289. Постановление Конституционного Суда Республики Армения № 1449 от 19 марта 2019 г. «По делу об определении вопроса соответствия пункта 9 части 1 статьи 109 и части 2 статьи 105 Трудового кодекса Республики Армения Конституции на основании обращения Гаяне Айроян» // URL: https://www.concourt.am/decision/full_text/1449.pdf (дата обращения: 1.03.2024).

290. Постановление Конституционного Суда Республики Армения № 1452 от 2 апреля 2019 г. «По делу об определении вопроса соответствия части 1 статьи 401 Гражданского процессуального кодекса Республики Армения Конституции на основании обращений Каджика Карапетяна, Амбарцума Давтяна, Эдика Акопяна» // URL: https://www.concourt.am/decision/full_text/2019-ru-sdv-1452.pdf (дата обращения: 1.03.2024).

291. Постановление Конституционного Суда Республики Армения № 1475 от 12 июля 2019 г. «По делу об определении вопроса соответствия части 1 статьи 20 закона Республики Армения “О государственных пенсиях” Конституции на основании обращения Административного суда Республики Армения» // URL: https://www.concourt.am/decision/full_text/2019-ru-sdv-1475.pdf (дата обращения: 1.03.2024).

292. Постановление Конституционного Суда Республики Армения № 1488 от 15 ноября 2019 г. «По делу об определении вопроса соответствия пункта 2 части 6 статьи 142 и части 7 статьи 155 конституционного закона “Судебный кодекс Республики Армения” Конституции на основании обращения Араика Мелкумяна» // URL: https://www.concourt.am/decision/full_text/2019-ru-sdv-1488.pdf (дата обращения: 1.03.2024).

293. Постановление Конституционного Суда Республики Армения № 1515 от 10 марта 2020 г. «По делу об определении вопроса соответствия пункта 2 части 1 статьи 182, части 8 статьи 183, статьи 203 Гражданского процессуального кодекса РА Конституции на основании обращения суда общей юрисдикции первой инстанции города Еревана» // URL: https://www.concourt.am/decision/full_text/626bc7e813e7f_1515.pdf (дата обращения: 1.03.2024).

294. Постановление Конституционного Суда Республики Армения № 1526 от 27 апреля 2020 г. «По делу об определении вопроса соответствия конституции норм, предусмотренных частью 6 статьи 284 Уголовно-процессуального кодекса РА и взаимосвязанными с ней статьями 287–289, частью 2 статьи 385 того же кодекса, частями 1 и 2 статьи 6 закона РА “Об оперативно-розыскной деятельности”, на основании обращения апелляционного уголовного суда Республики Армения» // URL: https://www.concourt.am/decision/full_text/626bc82b47957_1526.pdf (дата обращения: 1.03.2024).

295. Постановление Конституционного Суда Республики Армения № 630 от 18 апреля 2006 г. «По делу об определении вопроса соответствия статьи 218 Гражданского кодекса Республики Армения, статей 104, 106 и 108 Земельного кодекса Республики Армения, постановления Правительства Республики Армения номер 1151-н “О мероприятиях по осуществлению программ застройки в административной границе общины Кентрон г. Еревана”, принятого 1 августа 2002 года, статье 31 Конституции Республики Армения» URL: https://www.concourt.am/decision/full_text/64dccb43cc137_%D0%9F%D0%9A%D0%A1-630.pdf (дата обращения: 1.03.2024).

296. Постановление Конституционного Суда Республики Армения № 780 от 25 ноября 2008 г. «По делу об определении вопроса соответствия статьи 2 Гражданского кодекса РА, части 5 статьи 26 закона Республики Армения “О налогах”, части 2 статьи 2 закона Республики Армения “О налоге на добавленную стоимость”, статьи 115 и части 1 статьи 118 Административно-процессуального кодекса РА Конституции Республики Армения на основании заявления гражданина Арама Шмавоняна» // URL: https://www.concourt.am/decision/full_text/780.pdf (дата обращения: 1.03.2024).

297. Постановление Конституционного Суда Республики Армения № 851 от 14 января 2010 г. «По делу об определении вопроса соответствия части 1 статьи 343 Уголовного кодекса РА Конституции Республики Армения

на основании заявления Защитника прав человека» // URL: https://www.concourt.am/decision/full_text/851.pdf (дата обращения: 1.03.2024).

298. Հայաստանի Հանրապետության սահմանադրական դատարանի որոշումը № 1176 2 դեկտեմբերի 2014 թ. «ՔԱՂԱՔԱՑԻ ՍԵՐԳԵՅ ԳՐԻԳՈՐՅԱՆԻ ԴԻՄՈՒՄԻ ՀԻՄԱՆ ՎՐԱ՝ ՀՀ ՄԱՔՍԱՅԻՆ ՕՐԵՆՍԳՐՔԻ 95-ՐԴ ՀՈԴՎԱԾԻ 1-ԻՆ ՄԱՍԻ ԵՎ 96-ՐԴ ՀՈԴՎԱԾԻ 2-ՐԴ ՄԱՍԻ՝ՀԱՅԱՍՏԱՆԻ ՀԱՆՐԱՊԵՏՈՒԹՅԱՆ ՍԱՀՄԱՆԱԴՐՈՒԹՅԱՆԸ ՀԱՄԱՊԱՏԱՍԽԱՆՈՒԹՅԱՆ ՀԱՐՑԸ ՈՐՈՇԵԼՈՒ ՎԵՐԱԲԵՐՅԱԼ ԳՈՐԾՈՎ» // URL: https://www.concourt.am/decision/decisions/sdv-1176.pdf (дата обращения: 1.03.2024) (Постановление Конституционного Суда Республики Армения № 1176 от 2 декабря 2014 г. «По делу об определении вопроса соответствия части 1 статьи 95 и части 2 статьи 96 Таможенного кодекса РА Конституции Республики Армения на основании обращения гражданина Сергея Григоряна» // URL: https://www.concourt.am/decision/decisions/sdv-1176.pdf (дата обращения: 1.03.2024).

299. Հայաստանի Հանրապետության սահմանադրական դատարանի որոշումը № 1213 9 հունիսի 2015 թ. «ՀՀ ԱՐԱԳԱԾՈՏՆԻ ՄԱՐԶԻ ԸՆԴՀԱՆՈՒՐ ԻՐԱՎԱՍՈՒԹՅԱՆ ԱՌԱՋԻՆ ԱՏՅԱՆԻ ԴԱՏԱՐԱՆԻ ԴԻՄՈՒՄԻ ՀԻՄԱՆ ՎՐԱ՝ ՀՀ ՔՐԵԱԿԱՆ ԴԱՏԱՎԱՐՈՒԹՅԱՆ ՕՐԵՆՍԳՐՔԻ 293-ՐԴ ՀՈԴՎԱԾԻ 1-ԻՆ ՄԱՍԻ ԵՎ 294-ՐԴ ՀՈԴՎԱԾԻ 1-ԻՆ ՄԱՍԻ՝ ՀԱՅԱՍՏԱՆԻ ՀԱՆՐԱՊԵՏՈՒԹՅԱՆ ՍԱՀՄԱՆԱԴՐՈՒԹՅԱՆԸ ՀԱՄԱՊԱՏԱՍԽԱՆՈՒԹՅԱՆ ՀԱՐՑԸ ՈՐՈՇԵԼՈՒ ՎԵՐԱԲԵՐՅԱԼ ԳՈՐԾՈՎ» // URL: https://www.concourt.am/decision/decisions/sdv-1213.pdf (дата обращения: 1.03.2024) (Постановление Конституционного Суда Республики Армения № 1213 от 9 июня 2015 г. «По делу об определении вопроса соответствия части 1 статьи 293 и части 1 статьи 294 Уголовно-процессуального кодекса РА Конституции Республики Армения на основании обращения суда первой инстанции общей юрисдикции Арагацотнского марза РА» // URL: https://www.concourt.am/decision/decisions/sdv-1213.pdf (дата обращения: 1.03.2024).

300. Հայաստանի Հանրապետության սահմանադրական դատարանի որոշումը № 1270 3 մայիսի 2016 թ. «ՔՆԱՐԻԿ ԵՎ ԴԱՎԻԹ ԹԱՀՄԱԶՅԱՆՆԵՐԻ ԴԻՄՈՒՄԻ ՀԻՄԱՆ ՎՐԱ՝ ՀՀ ՔԱՂԱՔԱՑԻԱԿԱՆ ՕՐԵՆՍԳՐՔԻ 601-ՐԴ ՀՈԴՎԱԾԻ 1-ԻՆ ՄԱՍԻ՝ ՀԱՅԱՍՏԱՆԻ ՀԱՆՐԱՊԵՏՈՒԹՅԱՆ ՍԱՀՄԱՆԱԴՐՈՒԹՅԱՆԸ ՀԱՄԱՊԱՏԱՍԽԱՆՈՒԹՅԱՆ ՀԱՐՑԸ ՈՐՈՇԵԼՈՒ ՎԵՐԱԲԵՐՅԱԼ ԳՈՐԾՈՎ» // URL: https://www.concourt.am/decision/decisions/sdv-1270.pdf (дата обращения: 1.03.2024) (Постановление Конституционного Суда Республики Армения № 1270 от 3 мая 2016 г. «По делу об определении вопроса соответствия части 1 статьи 601 Гражданского кодекса РА Конституции Республики Армения на основании обращения Кнарик и Давида Тамазянов» // URL: https://www.concourt.am/decision/decisions/sdv-1270.pdf (дата обращения: 1.03.2024).

301. Հայաստանի Հանրապետության սահմանադրական դատարանի որոշումը № 1340 31 հունվարի 2017 թ. «ԱՆԱՀԻԴԱ ԱՂԱՋԱՆՅԱՆԻ, ՎԼԱԴԻՄԻՐ ԱՂԱՋԱՆՅԱՆԻ, ԱՐՄԵՆ ԱՂԱՋԱՆՅԱՆԻ ԵՎ ԱՐՄԻՆԵ ԱՂԱՋԱՆՅԱՆԻ ԴԻՄՈՒՄԻ ՀԻՄԱՆ ՎՐԱ՝ «ՍՆԱՆԿՈՒԹՅԱՆ ՄԱՍԻՆ» ՀՀ ՕՐԵՆՔԻ 54-ՐԴ ՀՈԴՎԱԾԻ 1-ԻՆ ՄԱՍԻ «Ա» ԿԵՏԻ՝ ՀԱՅԱՍՏԱՆԻ ՀԱՆՐԱՊԵՏՈՒԹՅԱՆ ՍԱՀՄԱՆԱԴՐՈՒԹՅԱՆԸ ՀԱՄԱՊԱՏԱՍԽԱՆՈՒԹՅԱՆ ՀԱՐՑԸ ՈՐՈՇԵԼՈՒ ՎԵՐԱԲԵՐՅԱԼ ԳՈՐԾՈՎ» // URL: https://www.concourt.am/decision/decisions/sdv-1340.pdf (дата обращения: 1.03.2024) (Постановление Конституционного Суда Республики Армения № 1340 от 31 января 2017 г. «По делу об определении вопроса соответствия пункта “а” части 1 статьи 54 закона РА “О банкротстве” Конституции Республики Армения на основании обращения Анаиды Агаджанян, Владимира Агаджаняна, Армена Агаджаняна и Армине Агаджанян» // URL: https://www.concourt.am/decision/decisions/sdv-1340.pdf (дата обращения: 1.03.2024).

302. Հայաստանի Հանրապետության սահմանադրական դատարանի որոշումը № 753 13 մայիսի 2008 թ. «“ՌԱԴԻՈ ՀԱՅ” ՍՊԸ-Ի ԴԻՄՈՒՄԻ ՀԻՄԱՆ ՎՐԱ՝ «ՀԵՌՈՒՍՏԱՏԵՍՈՒԹՅԱՆ ԵՎ ՌԱԴԻՈՅԻ ՄԱՍԻՆ» ՀԱՅԱՍՏԱՆԻ

ՀԱՆՐԱՊԵՏՈՒԹՅԱՆ ՕՐԵՆՔԻ 53 ՀՈԴՎԱԾԻ 3-ՐԴ ՄԱՍԻ՝ ՀԱՅԱՍՏԱՆԻ ՀԱՆՐԱՊԵՏՈՒԹՅԱՆ ՍԱՀՄԱՆԱԴՐՈՒԹՅԱՆԸ ՀԱՄԱՊԱՏԱՍԽԱՆՈՒԹՅԱՆ ՀԱՐՑԸ ՈՐՈՇԵԼՈՒ ՎԵՐԱԲԵՐՅԱԼ ԳՈՐԾՈՎ» // URL: https://www.concourt.am/decision/decisions/633d5b8dc8cbe_sdv-753.pdf (дата обращения: 1.03.2024) (Постановление Конституционного Суда Республики Армения № 753 от 13 мая 2008 г. «По делу об определении вопроса соответствия части 3 статьи 53 Закона Республики Армения “О телевидении и радио” Конституции Республики Армения на основании заявления ООО “Армянское радио”» // URL: https://www.concourt.am/decision/decisions/633d5b8dc8cbe_sdv-753.pdf (дата обращения: 1.03.2024).

303. ՀԱՅԱՍՏԱՆԻ ՀԱՆՐԱՊԵՏՈՒԹՅԱՆ ՎՃՌԱԲԵԿ ԴԱՏԱՐԱՆԻ ՔԱՂԱՔԱՑԻԱԿԱՆ ԵՎ ՎԱՐՉԱԿԱՆ ԳՈՐԾԵՐՈՎ ՈՐՈՇՈՒՄՆԵՐԻ ԸՆՏՐԱՆԻ: ՀՈՒՆՎԱՐ-ԴԵԿՏԵՄԲԵՐ 2018, ՀԱՏՈՐ XII. Եր.: «ԹԱՍԿ» ՍՊԸ, 2020. 768 էջ: (Подборка решений по гражданским и административным делам Арбитражного суда Республики Армения. Январь–декабрь 2018, Т. XII. Ереван: ООО «ТАСК», 2020. 768 с.).

304. Հայաստանի Հանրապետության Վճռաբեկ դատարանի քաղաքացիական և վարչական գործերով որոշումների ընտրանի (հունվար-դեկտեմբեր 2013). Եր.: Փրինթինֆո, 2014. Հատոր VII. 712 էջ: (Подборка решений Кассационного суда РА по гражданским и административным делам (январь–декабрь 2013 г.). Ереван: Принтинфо, 2014. Т. VII. 712 с.).

305. Հայաստանի Հանրապետության Վճռաբեկ դատարանի քաղաքացիական և վարչական գործերով միջանկյալ դատական ակտերի վերաբերյալ որոշումների ընտրանի (2010–2012). Եր.: Փրինթինֆո, 2013. Հատոր I. 264 էջ: (Подборка постановлений Кассационного суда Республики Армения о промежуточных судебных актах по гражданским и административным делам (2010–2012 гг.). Ереван: Принтинфо, 2013. Т. I. 264 с.).

Другие документы

306. Проект федерального закона № 703192-6 «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (Общая часть)» (внесен 20 января 2015 г. депутатами ГД А.А. Агеевым, Д.Ф. Вяткиным, В.Н. Плигиным) // URL: https://base.garant.ru/57717097/53070549816cbd8f006da724de818c2e/?ysclid=lnm9t2q0k0848800800 (дата обращения: 1.03.2024).

307. 2013 ԹՎԱԿԱՆԻ ԸՆԹԱՑՔՈՒՄ ՀՀ ՄԱՐԴՈՒ ԻՐԱՎՈՒՆՔՆԵՐԻ ՊԱՇՏՊԱՆԻ ԳՈՐԾՈՒՆԵՈՒԹՅԱՆ ԵՎ ԵՐԿՐՈՒՄ ՄԱՐԴՈՒ ԻՐԱՎՈՒՆՔՆԵՐԻ ՈՒ ՀԻՄՆԱՐԱՐ ԱԶԱՏՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԻ ԽԱԽՏՄԱՆ ՄԱՍԻՆ. Եր., 2014. 443 էջ. (О нарушении прав и основных свобод человека в стране в течение 2013 года (доклад Защитника прав человека в Армении). Ереван: Б.и., 2014. 443 с.).

308. ԱՆՉԱՓԱՀԱՍՆԵՐԻ ԳՈՐԾԵՐՈՎ ԴԱՏԱՎԱՐՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԻ ԴԻՏԱՐԿՈՒՄ. Հաշվետվություն Քաղաքացիական հասարակության ինստիտուտ. Երևան: Քաղաքացիական հասարակության ինստիտուտ, 2011. 109 էջ. (Обзор судебных процессов над несовершеннолетними (Отчет Института гражданского общества). Ереван: Институт гражданского общества, 2011. 109 с.).

309. ԿԱՆԱՆՑ ԻՐԱՎՈՒՆՔՆԵՐԻ ՊԱՇՏՊԱՆՈՒԹՅԱՆ ՄԵԽԱՆԻԶՄՆԵՐԻ ԱՄՐԱՊՆԴՄԱՆ ՀԵՌԱՆԿԱՐՆԵՐԸ ՀԱՅԱՍՏԱՆՈՒՄ: ՁԵԿՈՒՅՑ Իրավաբանների հայկական ասոցիացիա. Եր., 2019. 112 էջ. (Механизмы защиты прав женщин: перспективы развития в Армении (Отчет Армянской ассоциации юристов). Ереван: Б.и., 2019. 112 с.).

Книги и статьи

310. Авдюков М.Г. Принцип законности в гражданском судопроизводстве. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1970. 203 с.

311. Аверьянова М.И. Принцип добросовестности как общеправовой принцип трудового права // Экономика и право: анализ тенденций и перспектив развития: материалы Всероссийской научно-практической конференции: в 2-х ч.,

Нижний Новгород, 15 ноября 2016 г. Ч. I. Н. Новгород: Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет, 2016. С. 3–7.

312. Аветисян С. Проблемы реализации принципов уголовного права (в свете нового Уголовного кодекса Республики Армения) // ՀՀ դատական իշխանություն (НКР судебная власть). 2018. № 1. Էջ. 7–13.

313. Аветисян С.С. Некоторые перспективы развития уголовного права в свете принятого нового Уголовного кодекса Республики Армения // Проблемы и перспективы развития государства и права в XXI веке: Материалы XII-й Международной научно-практической конференции, посвященной 15-летию Юридического факультета, Улан-Удэ, 24–27 июня 2021 г. Улан-Удэ: Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления, 2021. С. 5–11.

314. Аветисян С.С. Принцип законности в уголовном праве: проблемы применения и законодательного совершенствования // Вестник Российско-Армянского (Славянского) университета: гуманитарные и общественные науки. 2016. № 1 (22). С. 7–13.

315. Агеев А.Н., Пишина С.Г. Процессуальная экономия: подходы к определению уголовно-процессуального принципа // Юридическая техника. 2020. № 14. С. 75–77.

316. Азархин А.В., Карев Д.А., Михайлова М.С. Понятие и классификация правовых принципов // Евразийская адвокатура. 2020. № 1 (44). С. 99–103.

317. Азми Д.М. Значение отраслевого деления права. Критерии выделения и иерархия отраслей права // Государство и право. 2011. № 2. С. 86–90.

318. Айрапетян Ю.В. Краткий обзор принципов гражданского процессуального права по новому гражданскому процессуальному кодексу Республики Армения // Актуальные проблемы юридической науки и практики: Гатчинские чтения-2018: сб. научн. тр. по материалам Международной научно-практической конференции, Гатчина, 25 мая 2018 г. Т. 1. Гатчина: Государственный институт экономики, финансов, права и технологий, 2018. С. 120–124.

319. Айрапетян Ю.В. Обжалование судебных актов и процессуальные гарантии доступности правосудия по гражданским делам в суде апелляционной инстанции Республики Армения // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2015. № 2 (51). С. 287–293.

320. Айрапетян Ю.В. Принцип запрета поворота к худшему в гражданском процессуальном праве Армении // Актуальные проблемы юридической науки и практики, Гатчина, 31 марта 2017 г. Гатчина: Государственный институт экономики, финансов, права и технологий, 2017. С. 111–115.

321. Айрапетян Ю.В. Принципы гражданского процессуального права в свете нового гражданского процессуального кодекса Республики Армения // Научные труды. Российская академия юридических наук. Вып. 19. М.: Издательство «Юрист», 2019. С. 543–546.

322. Айрапетян Ю.В., Григорян Л.Н. К вопросу о принципе права быть выслушанным в гражданском процессе // Двенадцатая годичная научная конференция: сб. научн. ст.: Социально-гуманитарные науки, Ереван, 4–8 декабря 2017 г. Ч. I. Ереван: Российско-Армянский (Славянский) университет, 2018. С. 97–104.

323. Алебастрова И.А. Конституционные принципы: форма выражения, место в системе права и его источников // Конституционное и муниципальное право. 2007. № 8. С. 12–16.

324. Александров Н.Г. Законность и правоотношения в советском обществе. М.: Госюриздат, 1955. 176 с.

325. Александров Н.Г. Право и законность в период развернутого строительства коммунизма. М.: Госюриздат,1961. 272 с.

326. Александров Н.Г. Социалистические принципы советского права // Советское государство и право. 1957. № 6. С. 16–29.

327. Александрова А.В. Принципы права социального обеспечения: теория и практика применения в Российской Федерации // Принципы и ценности в праве: доктрина, правотворчество, реализация. Третьи Прокопьевские чтения: материалы Международной научно-практической конференции, Калининград,

6 декабря 2019 г. Калининград: Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта, 2020. С. 169–177.

328. Алексеев С.С. Право: азбука – теория – философия. Опыт комплексного исследования. М.: Статут, 1999. 709 с.

329. Алексеев С.С. Проблемы теории права: Основные вопросы общей теории социалистического права: курс лекций: в 2-х т. Свердловск: Свердловский юридический институт, 1972. Т. 1. 396 с.

330. Алексеев С.С. Право и правовая система // Правоведение. 1980. № 1. С. 27–34.

331. Алекси Р. Понятие и действительность права (ответ юридическому позитивизму) / пер. с нем. М.: Инфотропик Медиа, 2011. 192 с.

332. Алешкова И.А. Понятие и признаки принципов конституционного права // Право и государство: теория и практика. 2019. № 4. С. 27–33.

333. Алешкова И.А. Принципы конституционного права: опыт комплексного исследования и применения: монография / под общ. ред. И.А. Умновой-Конюховой. М.: ИНИОН РАН, 2022. 223 с.

334. Алешкова И.А. Соотношение принципов и норм конституционного права // Аграрное и земельное право. 2019. № 2. С. 19–24.

335. Альбрант Н.В. Доступность юридической помощи как конституционный принцип // Вестник Челябинского государственного университета. 2015. № 25 (380). С. 26–31.

336. Амосов С.М., Некрасов С.Ю. Современные типы правопонимания и правореализация принципов гражданского процессуального права // Академический юридический журнал. 2020. № 4 (82). С. 48–52.

337. Анишина В.И. Принцип гласности, открытости и транспарентности судебной власти: проблемы теории и практики реализации // Мировой судья. 2006. № 11. С. 21–23.

338. Анишина В.И., Назаренко Т.Н. Реализация принципа правовой определенности в российской судебной системе // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2013. № 2 (33). С. 40–47.

339. Аносова Л.С. Соотношение понятий гласности, открытости и транспарентности судопроизводства: конституционно-правовые аспекты // Конституционное и муниципальное право. 2009. № 21. С. 25–29.

340. Анциферова Э.Ю. Принципы разумности, добросовестности и справедливости как основополагающие категории частного права // Вестник Марийского государственного университета. Серия: Исторические науки. Юридические науки. 2016. Т. 2. № 2 (6). С. 42–47.

341. Апарина И.В. Доступность квалифицированной юридической помощи как принцип административного права // Современная научная мысль. 2016. № 4. С. 264–270.

342. Апиян Н.А. На страже правопорядка и законности. Ереван: Изд-во Ерев. ун-та, 1979. 274 с.

343. Апиян Н.А., Товмасян М.А. Законность и правопорядок в правовом государстве. Ереван: Аштарак, 2000. 236 с.

344. Арапов Н.А. К вопросу о понятии «принцип» в конституционном праве: его определение и функции // Петербургский юрист. 2016. № 1. С. 102–113.

345. Артебякина Н.А., Ефимова Т.С. Реализация принципа доступности судебной защиты в свете реформирования апелляционной и кассационной инстанций в системе судов общей юрисдикции // Вопросы российской юстиции. 2019. № 1. С. 732–738.

346. Артизанов А.И. Процессуальная экономия в системе принципов гражданского процесса // Вестник Марийского государственного университета. Серия: Исторические науки. Юридические науки. 2021. Т. 7. № 1 (25). С. 96–104.

347. Артизанов А.И. Разумный срок гражданского судопроизводства как гарантия принципа процессуальной экономии // Российская юстиция. 2020. № 10. С. 22–24.

348. Артизанов А.И. Реализация принципа процессуальной экономии в гражданском судопроизводстве в условиях пандемии // Перспективы развития гражданского процессуального права: сб. по материалам IV Международной научно-практической конференции, посвященной 90-летию СЮИ-СГЮА,

Саратов, 3 октября 2020 г. / под ред. О.В. Исаенковой. Саратов: Саратовская государственная юридическая академия, 2020. С. 33–38.

349. Афанасьев С.Ф. Применение принципа запрета поворота к худшему в гражданском процессе // Российская юстиция. 2011. № 7. С. 21–25.

350. Афанасьев С.Ф., Исаенкова О.В. Развитие системы гражданских процессуальных принципов: недавнее прошлое и настоящее // Правоведение. 2011. № 2 (295). С. 193–202.

351. Ахвердян А.Г. Роль общеправовых принципов в функционировании основных отраслей права // Вестник Поволжского института управления. 2023. Т. 23. № 3. С. 102–111.

352. Ахвердян А.Г. Система принципов права и общеправовые принципы: соотношение и аспекты взаимодействия // Право и государство: теория и практика. 2023. № 5 (221). С. 64–67.

353. Бабаев В.К. Презумпции в российском праве и юридической практике // Проблемы юридической техники: сб. ст. / под ред. В.М. Баранова. Н. Новгород: Б.и., 2000. С. 323–330.

354. Бадмаева Б.Б., Дондоков Ц.С. Принцип гуманизма в уголовном законодательстве Российской Федерации // Вестник Забайкальского государственного университета. 2012. № 10 (89). С. 141–147.

355. Байтин М.И. О принципах и функциях права: новые моменты // Правоведение. 2000. № 3. С. 4–16.

356. Баласанов М.Р. К вопросу о принципе правовой определенности в российском уголовном законодательстве // Закон и право. 2022. № 7. С. 178–183.

357. Балашов А.Н. Принцип независимости судей и осуществление правосудия только судом как гарантия законности в административном судопроизводстве // Актуальные проблемы государства и права. 2017. Т. 1. № 3/4. С. 66–77.

358. Баранов А.В. Нормы-принципы в механизме правового регулирования // Вестник Томского государственного университета. Серия: Право. 2016. № 4 (22). С. 5–14.

359. Баранов В.М. «Принцип презумпции невиновности»: симулякр, метафора или искусственная юридическая конструкция? // Юридическая техника. 2020. № 14. С. 58–70.

360. Барсукова В.Н. Уважение чести и достоинства гражданина как принцип исполнительного производства // Современное право. 2013. № 6. С. 59–62.

361. Барсукова В.Н. Формы проявления демократического принципа уважения чести и достоинства личности в деятельности государственного аппарата // Юридическая техника. 2014. № 8. С. 81–86.

362. Безруков С.С. Теоретико-правовые проблемы системы и содержания принципов уголовного процесса: монография. М.: Юрлитинформ, 2016. 559 с.

363. Белов В.А. Добросовестность, разумность, справедливость как принципы гражданского права. М.: АО «Центр ЮрИнфоР», 1998. 352 с.

364. Белов С.А., Ревазов М.А. Принцип правовой определенности в практике арбитражных судов Российской Федерации // Арбитражные споры. 2023. № 1 (101). С. 4.

365. Белякова А.В. Принцип разумности в системе принципов гражданского процессуального права // Вестник арбитражной практики. 2014. № 1. С. 36–40.

366. Бержель Ж.-Л. Общая теория права / под. общ. ред. В.И. Даниленко / пер. с фр. М.: Издательский дом NOTA BENE, 2000. 576 с.

367. Берутович В. О понятии основных принципов гражданского процесса // Вопросы развития и защиты прав граждан: межвуз. тематич. сб. Калинин: Изд-во Калин, ун-та, 1977. С. 91–97.

368. Блажеев В.В. О принципе правовой определенности в гражданском процессуальном праве России // Актуальні проблеми застосування Цивільного процесуального Кодексу та Кодексу адміністративного судочинства України: тези доп. та наук. пов. уч-ків міжнародної науково-практичної конференції, Харьков, 25–26 января 2007 г. Харьков: Нац. юрид. акад. України, 2007. С. 22–25.

369. Богданов Е.В. Гуманизм как принцип российского гражданского права в условиях новых технологических вызовов // Журнал российского права. 2022. № 9. С. 70-87.

370. Бондарь Н.С. Правовая определенность – универсальный принцип конституционного нормоконтроля (практика Конституционного Суда РФ) // Конституционное и муниципальное право. 2011. № 10. С. 4–11.

371. Боннер А.Т. К вопросу о принципах гражданского процессуального права // Труды ВЮЗИ. Т. 38. М., 1975. С. 35–71.

372. Боннер А.Т. Принцип диспозитивности советского гражданского процессуального права: учебное пособие / отв. ред. М.С. Шакарян. М.: Изд-во ВЮЗИ, 1987. 78 с.

373. Боннер А.Т. Принцип законности в советском гражданском процессе. М.: Изд-во РИО ВЮЗИ, 1989. 81 с.

374. Борисова Л.В. О значении и законодательном закреплении принципа разумности гражданского процесса // Власть Закона. 2011. № 4 (8). С. 111–115.

375. Братусь С.Н. Предмет и система советского гражданского права. М.: Госюриздат, 1963. 197 с.

376. Бринчук М.М. Научная обоснованность как принцип экологического права // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2016. № 5 (112). С. 159–162.

377. Бринчук М.М. Принципы экологического права: монография. М.: Юрлитинформ, 2013. 207 с.

378. Бугров Н.О. Обеспечение принципа процессуальной экономии в российском уголовном процессе в современный период // Юридический процесс в России: сб. материалов Всероссийской межвузовской студенческой научно-практической конференции, Нижний Новгород, 29 ноября 2019 г. Н. Новгород: Общество с ограниченной ответственностью Издательство «Автор», 2021. С. 399–402.

379. Бутузов С.А. Принцип добровольности брачного союза мужчины и женщины как основа брачных отношений // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. 2008. № 8. С. 28–29.

380. Буразин Л. Критерий специальности как способ разрешения противоречий между основными принципами права (дело «О городском кладбище») // Правоведение. 2011. № 4 (297). С. 70–83.

381. Ванюхин М.В. Роль принципа гуманизма в уголовном законодательстве России // Вестник общественной научно-исследовательской лаборатории «Взаимодействие уголовно-исполнительной системы с институтами гражданского общества: историко-правовые и теоретико-методологические аспекты». 2019. № 16. С. 50–55.

382. Варламова Н. Права человека как принципы права // Сравнительное конституционное обозрение. 2023. № 6 (157). С. 146–171.

383. Варламова Н. Принцип правовой определенности в практике Европейского Суда по правам человека // Конституционное право: восточноевропейское обозрение. 2002. № 4 (41). С. 94–109.

384. Варламова Н.В. Типология правопонимания и современные тенденции развития теории права. СПб.: Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2010. 143 с.

385. Варламова Н.В. Формальное равенство как основополагающий принцип правового регулирования // Признание права и принцип формального равенства: сб. тр. международной научной конференции (Воронеж, 10–11 июня 2015 г.) / отв. ред. В.В. Денисенко. М.: Современная экономика и право, 2015. С. 35–41.

386. Васильев А.М. О правовых идеях-принципах // Советское государство и право. 1975. № 3. С. 11–18.

387. Васильев А.М. Правовые категории: Методологические аспекты разработки системы категорий теории права. М.: Юрид. лит., 1976. 264 с.

388. Васильева Ю.В. Кодификация российского законодательства о социальном обеспечении: теоретические и практические проблемы. Пермь: ПГУ, 2009. 364 с.

389. Васьковский Е.В. Учебник русского гражданского процесса. М.: Зерцало, 2003. XIX, 441 с.

390. Ведяхин В.М., Галузин А.Ф. Конституционный Суд РФ о недопустимости нарушения общеправовых принципов права // Актуальные проблемы правоведения. 2007. № 3. С. 3–8.

391. Ведяхин В.М., Галузин А.Ф. Конституционный Суд РФ об общеправовых принципах // Российский юридический журнал. 2009. № 1 (64). С. 180–186.

392. Ведяхин В.М., Суркова О.Е. Факторы формирования и реализации принципов права. Самара: Изд-во Самар. гос. экон. акад., 2005. 146 с.

393. Вердиян Г.В. Добросовестность как общий принцип права. М.: Издательство «ЮРКОМПАНИ», 2010. 247 с.

394. Ветютнев Ю.Ю. О правопонимании Рональда Дворкина // Журнал российского права. 2005. № 10. С. 132–141.

395. Вилкова Т.Ю. Презумпция невиновности – принцип уголовного судопроизводства // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2018. № 2 (42). С. 57–65.

396. Вилкова Т.Ю. Принцип гласности в советском уголовном процессе в период действия УПК РСФСР 1923 года // Юридическая наука. 2016. № 2. С. 103–104.

397. Вилкова Т.Ю. Принцип гласности уголовного судопроизводства: история, современность, перспективы. М.: Юрайт, 2019. 286 с.

398. Вилкова Т.Ю. Принцип презумпции невиновности: история, современность, перспективы: монография. М.: Юрайт, 2017. 173 с.

399. Вилкова Т.Ю. Принцип языка уголовного судопроизводства: история, современность, перспективы. М.: Юрлитинформ, 2018. 144 с.

400. Вилкова Т.Ю. Принцип языка уголовного судопроизводства: содержание и гарантии // Журнал российского права. 2014. № 10 (214). С. 88–98.

401. Вилкова Т.Ю. Принципы уголовного судопроизводства в системе принципов национального права: общеправовой и межотраслевой аспекты: монография. М.: Норма; ИНФРА-М, 2020. 192 с.

402. Вилкова Т.Ю. Становление и развитие системы принципов российского уголовного судопроизводства в 1864–1991 гг. // Судебная власть и уголовный процесс. 2017. № 1. С. 99–103.

403. Виноградов В.А., Солдатова Л.В. О значении принципов в экологическом праве и их применении // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2021. № 5. С. 99–121.

404. Виноградов П.Г. Очерки по теории права. М.: Т-во скоропечатн. А.А. Левенсон, 1915. 153 с.

405. Винюкова И.В., Кузахметова С.Е. Неприкосновенность частной жизни как принцип правового регулирования отношений в сфере защиты информации // Правовая культура. 2007. № 1 (2). С. 148–154.

406. Витрук Н.В. Верность Конституции: монография. М.: Изд-во РАП, 2008. 272 с.

407. Власенко Н.А. Законодательная технология: Теория. Опыт. Правила: учебное пособие. Иркутск: Восточно-Сибирская издательская компания, 2001. 142 с.

408. Власенко Н.А. Коллизионные нормы в советском праве. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1984. 99 с.

409. Власенко Н.А. Конкуренция принципов права // Юридическая техника. 2020. № 14. С. 46–53.

410. Власенко Н.А. Методологические основания исследования правовых ценностей: монография. М.: Норма, 2023. 200 с.

411. Власенко Н.А. Разумность и определенность в правовом регулировании // Избранное. М.: Норма, 2015. С. 298–431.

412. Власенко Н.А. Разумность и право: связь явлений и пути исследования // Избранное. М.: Норма, 2015. С. 553–569.

413. Волкова Г.Е. Право на неприкосновенность частной жизни в цифровую эпоху // Философия права. 2022. № 4 (103). С. 174–180.

414. Вопленко Н.Н. Сущность, принципы и функции права: учебное пособие. Волгоград: Изд-во Волгогр. ун-та, 1998. 56 с.

415. Вопленко Н.Н., Рудковский В.А. Основные принципы права: понятие и классификация // Вестник Волгоградского государственного университета. 2013. № 1 (18). С. 5–11.

416. Вопленко Н.Н., Рудковский В.А. Понятие и классификация принципов права // Ленинградский юридический журнал. 2014. № 4 (38). С. 35–48.

417. Воробьев С.М, Полищук Н.И. Теоретико-правовой анализ метаюридического принципа правовой определенности // Теория государства и права. 2019. № 2 (14). С. 83–89.

418. Воронов А.Ф. Принципы гражданского процесса: прошлое, настоящее, будущее. М.: Издательский дом «Городец», 2009. 496 с.

419. Воскобитова Л.А. Состязательность и истина: взаимоисключение или взаимодополнение // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 10 (47). С. 2119–2129.

420. Гаджиев Г.А. Конституционные принципы рыночной экономики (Развитие основ гражданского права в решениях Конституционного суда Российской Федерации). М.: Юристъ, 2002. 284 с.

421. Гаджиев Г.А., Коваленко К.А. Принцип правовой определенности в конституционном правосудии // Журнал конституционного правосудия. 2012. № 5. С. 12–20.

422. Газетдинов Н.И. Сущность и значение принципа состязательности // Вестник Оренбургского государственного университета. 2005. № 3-1 (41). С. 106–109.

423. Гамбарян А.С. Внесистемные коллизии и внутрисистемные конфликты принципов права: доктрина, практика, техника // Юридическая техника. 2020. № 14. С. 36–45.

424. Гамбарян А.С., Даллакян Л.Г. Коллизионные нормы и их конкуренция: монография. М.: Юрлитинформ, 2019. 160 с.

425. Гамбарян А.С., Даллакян Л.Г. Применение правовой доктрины в судебной практике: перспективы правового регулирования // Евразийская адвокатура. 2016. № 6 (25). С. 119–121.

426. Гапонова В.Н., Попова И.П. Действие принципа языка уголовного судопроизводства: вопросы теории и практики // Личность, общество и государство в правовом измерении: материалы национальной научно-практической конференции. Иркутск: Байкальский государственный университет, 2021. С. 317–323.

427. Гереев А.Г., Филиппов М.Н. О целесообразности закрепления принципа объективной истины в уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации // Вестник Пермского института ФСИН России. 2015. № 2 (17). С. 88–91.

428. Гиззатуллин Р.Х., Мусина З.Р. Принципы экологического права // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2019. № 9–1. С. 157–159.

429. Гильманов И.Р., Зубенко Е.В. Правило о запрете на поворот к худшему в интерпретациях Конституционного Суда России // Российская наука и образование сегодня: проблемы и перспективы. 2015. № 2 (5). С. 69–71.

430. Гинатулина О.А. Принцип демократизма и принцип равенства осужденных перед законом в уголовно-исполнительном праве // VIII Педагогические чтения, посвященные памяти профессора С.И. Злобина: сб. материалов: в 2-х т., Пермь, 5–7 октября 2022 г. Пермь: Пермский институт Федеральной службы исполнения наказаний, 2022. С. 43–45.

431. Глодина А.В. Сочетание принципа активной роли суда с отдельными принципами административного судопроизводства // Административное право и процесс. 2018. № 11. С. 65–71.

432. Глотов С.А., Алешкова И.А. Принципы предпринимательского права: традиции и инновации // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2020. № 4. С. 112–122.

433. Головина А.А. Роль принципов права в различных правовых парадигмах // Принципы права: проблемы теории и практики: материалы XI международной научно-практической конференции: в 2-х ч. Москва, 18–22 апреля 2016 г. М.: РГУП, 2017. С. 187-197.

434. Гонгало Б. Основные начала семейного законодательства // Семейное и жилищное право. 2006. № 2. С. 9–13.

435. Гордон А.В. Крестьянство Востока: исторический субъект, культурная традиция, социальная общность. М.: Наука, 1989. 239 с.

436. Городилов В.В. О понятии принципа советского уголовного процесса // Научные труды Омской ВШМ МВД СССР. Омск, 1969. Вып. 5. С. 77–84.

437. Гранин А.Ф. Социалистическая законность и правопорядок. Киев: Изд-во Киевской Высшей школы МВД СССР, 1970. 126 с.

438. Грачев С.А., Ушаков А.Ю. Возвращение принципа объективной истины как отказ от состязательности уголовного судопроизводства // Четвертые Бабаевские чтения «Государственно-правовые закономерности: теория, практика, техника»: сб. ст. по материалам Международной научно-практической конференции, Нижний Новгород, 23–24 мая 2013 г. Т. 1. Н. Новгород: Нижегородская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2013. С. 291–300.

439. Гречуха В.Н. Понятие и принципы транспортного права // Известия Московского государственного индустриального университета. 2010. № 1 (18). С. 44-48.

440. Григоревский В.А. Обеспечение доказательств в его связи с принципом непосредственности судебного разбирательства // Законодательство. 2023. № 2. С. 52–58.

441. Григорян Т.В. Доверенность как гражданско-правовая сделка, реализующая принцип гуманизма // Апробация. 2015. № 4 (31). С. 112–115.

442. Гришко А.Я. О принципах уголовно-исполнительного права // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2014. № 4. С. 70–77.

443. Гришко А.Я., Гришко Л.Е. Принцип патриотизма в уголовно-исполнительном праве // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2019. № 4 (48). С. 120–124.

444. Громошина Н.А. О принципе активности суда в административном судопроизводстве // Вестник гражданского процесса. 2019. Т. 9. № 4. С. 96–112.

445. Грязнова Т.Е. Принципы права в интерпретации российских либеральных юристов конца XIX – начала XX веков // Юридическая техника. 2020. № 14. С. 132–134.

446. Гук П.А., Гук Е.П. Принцип единства судебной практики в российском судопроизводстве // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2016. № 3 (39). С. 83–90.

447. Гурвич М.А. Принципы советского гражданского процессуального права // Труды ВЮЗИ. Т. 3. М., 1965. С. 3–61

448. Давтян А.Г. Развитие теории принципов в гражданском процессуальном праве Армении // Заметки о современном гражданском и арбитражном процессуальном праве / под ред. М.К. Треушникова. М.: Городец, 2004. С. 247–256.

449. Давтян А.Г., Антонян Г.В. Актуальные доктринальные принципы гражданского процесса // Двенадцатая годичная научная конференция: сб. научн. ст.: Социально-гуманитарные науки, Ереван, 4–8 декабря 2017 г. Ч. I. Ереван: Российско-Армянский (Славянский) университет, 2018. С. 111–118.

450. Давыдова М.Л. К вопросу о понятии правовых аксиом: теоретические и технико-юридические аспекты // Юридическая техника. 2007. № 1. С. 203–207.

451. Давыдова М.Л. Правовой принцип как нормативно-правовое предписание: техника закрепления и механизм действия // Принципы права: проблемы теории и практики: материалы XI международной научно-практической конференции: в 2-х ч. Москва, 18–22 апреля 2016 г. М.: РГУП, 2017. С. 205–216.

452. Давыдова М.Л. Принципы позитивного права в теоретико-правовом дискурсе // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7: Философия, социология и социальные технологии. 2016. № 3 (33). С. 36–45.

453. Давыдова М.Л., Усенков И.А. Взаимодействие принципов транспарентности судебной власти и независимости судей при их практическом применении в РФ // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право. 2017. № 3. С. 63–67.

454. Даллакян В. Развитие гражданского процесса в Республике Армения с 1990 г. // Евразийский гражданский процесс: к 25-летию стран СНГ и Балтии: сб. научн. ст. / под ред. Д.Я. Малешина. М.: Статут. 2015. С. 11–32.

455. Двалишвили Л.З. О правовой природе принципа добросовестности // Мировой судья. 2023. № 4. С. 33-37.

456. Дворкин Р. Империя права / пер. с англ. С. Моисеева; под науч. ред. С. Коваль, А. Павлова. М.: Издательство Института Гайдара, 2020. 592 с.

457. Дворкин Р. О правах всерьез / пер. с англ. М.Д. Лахути, Л.Б. Макеевой. М.: РОССПЭН, 2004. 389 с.

458. Дембо Л.И. О принципах построения системы права // Советское государство и право. 1956. № 8. С. 88–98.

459. Демичев А.А. К вопросу о принципах гражданского процессуального права // Вестник Саратовской государственной академии права. 2005. № 1 (42). С. 92–98.

460. Демичев А.А. К вопросу о принципах гражданского процессуального, арбитражного процессуального и исполнительного права // Вестник Российской правовой академии. 2005. № 2. С. 32–35.

461. Демичев А.А. Компромисс как доктринальный принцип права // Компромисс в праве: теория, практика, техника: сб. ст. по материалам Международной научно-практической конференции (г. Н. Новгород, 29–30 мая 2014 г.): в 2-х т. / под общ. ред. В.А. Толстика, В.М. Баранова, А.В. Парфенова. Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2014. Т. 1. С. 333–339.

462. Демичев А.А. Методологические проблемы исследования правового регулирования межличностных отношений // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2017. № 2 (38). С. 23–27.

463. Демичев А.А. О правовой природе требований добросовестности, гуманности, разумности и справедливости в российском праве // Пятый конгресс цивилистов правоохранительных органов: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Нижний Новгород – Барнаул, 30–31 марта 2023 г. М.: Русайнс, 2023. С. 39–45.

464. Демичев А.А. О роли исторического подхода в методологии хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения // Актуальные проблемы и перспективы развития научной школы Хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения: сб. научн. тр. по материалам Третьей всероссийской научной конференции / под ред. А.А. Демичева, К.А. Демичева. Н. Новгород: НИУ РАНХиГС, 2020. С. 9–20.

465. Демичев А.А. Позитивистская классификация принципов гражданского процессуального права Российской Федерации // Арбитражный и гражданский процесс. 2005. № 7. С. 5–10.

466. Демичев А.А. Позитивистская классификация принципов современного российского права классификации // Государство и право. 2014. № 5. С. 5–13.

467. Демичев А.А. Презумпция невиновности как принцип российского уголовного судопроизводства // Уголовное судопроизводство. 2020. № 1. С. 45–48.

468. Демичев А.А. Принципы гражданского процессуального права Российской Федерации: проблемы сущности и классификации // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2005. № 10. С. 130–133.

469. Демичев А.А. Принципы правового регулирования предпринимательской деятельности в Российской Федерации // Актуальні проблеми юридичної науки: Збірник тез міжнародної наукової конференції «Десяті осінні юридичні читання» (м. Хмельницький, 18–19 листопада 2011 року): у 4–х частинах. Частина третя. Хмельницький: Видавництво Хмельницького університету управління та права, 2011. С. 119–123.

470. Демичев К.А. Принцип добросовестности в семейном законодательстве // Человек и общество в противоречиях и согласии: сб. научн. тр. по материалам международной научно-практической конференции, Нижний Новгород, 21 ноября 2019 г. Н. Новгород: Гладкова О.В., 2019. С. 177–179.

471. Денисова Е.Л., Борисова И.Д. Ограничение принципа неприкосновенности частной собственности в период пандемии: сравнительный анализ // Образование. Наука. Научные кадры. 2024. № 1. С. 17–22.

472. Денисова Е.Л., Борисова И.Д. Столкновение интересов государства и личности в контексте соблюдения принципа неприкосновенности частной собственности // Вестник Владимирского юридического института. 2023. № 3 (68). С. 114–117.

473. Денисова Е.Л., Борисова И.Д. Эволюция понимания принципа неприкосновенности частной собственности в современном праве // Образование и право. 2023. № 7. С. 129–132.

474. Дербышева Е.А. Место принципа правовой определенности в системе принципов российского права // Право и политика. 2017. № 2. С. 29–41.

475. Дербышева Е.А. Соотношение принципа правовой определенности с принципом равенства всех перед законом и судом // Вестник Гуманитарного университета. 2021. № 4 (35). С. 32–35.

476. Дерюга А.Н., Шаклеин С.Н. Пенологический аспект реализации принципа неотвратимости административного наказания // Вестник Воронежского института МВД России. 2019. № 3. С. 147–152.

477. Джагарян А.А. О природе конституционных принципов в национальной правовой системе // Конституционное и муниципальное право. 2009. № 17. С. 2–4.

478. Джулаев С.И. Судебная специализация как принцип гражданского процессуального права // Вестник Саратовской государственной академии права. 2006. № 6 (52). С. 62–64.

479. Дивин И.М. Основные принципы административного судопроизводства в арбитражном процессе // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2009. № 1. С. 167–173.

480. Дикарев И.С. Принцип правовой определенности и законная сила судебного решения в уголовном процессе. Волгоград: Волгоградский государственный университет, 2015. 174 с.

481. Дилбандян С.А. Участие защитника по делам несовершеннолетних в уголовном процессе России и Армении // Административное и муниципальное право. 2011. № 5. С. 82–85.

482. Дмитриева И.К. Принципы российского трудового права: монография. М.: Цифровичок, 2004. 332 с.

483. Доброродный Р.В. Добросовестность как общеправовой принцип // Наука XXI века: актуальные направления развития. 2022. № 2-2. С. 121–124.

484. Доктрины Правового Государства и Верховенства Права в современном мире: сб. ст. / отв. ред. В.Д. Зорькин, П.Д. Баренбойм. М.: ЛУМ, Юстицинформ, 2013. 560 с.

485. Долотин Р.Р. Понятие принципа процессуальной экономии в гражданском судопроизводстве: методологические проблемы // Российский правовой журнал. 2020. № 4 (5). С. 69–72.

486. Домрачев И.Г. Принцип языка судопроизводства в гражданском процессе РСФСР и Российской Федерации // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2017. № 2 (38). С. 91–94.

487. Дулепина О.В., Шумилов А.И. О самостоятельности принципа активности суда в административном судопроизводстве // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2022. № 12-1 (75). С. 105–109.

488. Дуэль В.М. К вопросу о закреплении принципа взаимной ответственности государства и личности в Конституции Российской Федерации // Социально-политические науки. 2019. № 3. С. 48–51.

489. Дьячук Я. Некоторые доктринальные наработки современных цивилистов в решениях арбитражных судов (к публикации Алексея Елаева) // https://zakon.ru/blog/2020/9/27/nekotorye_doktrinalnye_narabotki_sovremennyh_civilistov_v_resheniyah_arbitrazhnyh_sudov_k_publikacii?ysclid=leibivq0ye100511405 (дата обращения: 1.03.2024).

490. Евстигнеева Л.А. Принципы права социального обеспечения: в преддверии кодификации // Вестник Томского государственного университета. Право. 2015. № 2 (16). С. 138–144.

491. Егорова Д.В., Ларькова К.О. Принцип добросовестности в арбитражном процессе // Актуальные проблемы гражданского права и процесса: сб. научн. ст. Вып. III. Саранск: Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева, 2017. С. 42–45.

492. Ежегодник публичного права 2018: Принципы административных процедур и административного судопроизводства: сб. научн. тр. / под ред. Й. Пуделька. М.: Infotropic Media, 2018. 376 с.

493. Елисейкин П.Ф. Предмет и принципы советского гражданского процессуального права. Ярославль, 1974. 109 с.

494. Ембулаева Н.Ю., Михайлик А.А. Специальные принципы российского медицинского права // Власть Закона. 2018. № 3 (35). С. 115–125.

495. Енгибарян М.А. Компенсация как институт права / под ред. В.А. Илюхиной. М.: Русайнс, 2021. 164 с.

496. Епифанова Е.В. Содержательная характеристика и принципы публично-правового регулирования охраны здоровья граждан в Российской Федерации // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2022. № 3 (50). С. 153–167.

497. Ершов В.В. Определенность права // Российское правосудие. 2017. № 1. С. 5–25.

498. Ершов В.В. Правовое и индивидуальное регулирование общественных отношений. М.: РГУП, 2018. 628 с.

499. Ершов В.В. Принципы права: актуальные теоретические и практические проблемы // Принципы права: проблемы теории и практики: материалы XI международной научно-практической конференции: в 2-х ч. Москва, 18–22 апреля 2016 г. М.: РГУП, 2017. С. 14–38.

500. Ершова Е.А. Правовая природа принципов трудового права // Российское правосудие. 2014. № 9. С. 21–29.

501. Ершова Е.А. Основополагающие принципы российского трудового права // Трудовое право. 2008. № 2. С. 6–10.

502. Ефремов А.Ф. Принципы законности и проблемы их реализации / под общ. ред. В.М. Ведяхина. Тольятти: Изд-во ТолПИ, 2000. 298 с.

503. Жемалетдинов Р.М. Особенности реализации принципа доступности судебной защиты по делам, возникшим из экологических правоотношений // Актуальные проблемы государственной экологической политики: сб. материалов Международной научно-практической конференции, Уфа, 18 октября 2017 г. / отв. ред. Р.Х. Гиззатуллин. Уфа: Башкирский государственный университет, 2017. С. 142–148.

504. Жерукова А.Б. Достоинство личности как принцип трудового права // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени К.Л. Хетагурова. 2010. № 2. С. 116–119.

505. Жильцов М.А., Майфат А.В. Принцип добросовестности в гражданском и трудовом праве // Трудовое право в России и за рубежом. 2023. № 1. С. 6–9.

506. Зажицкий В.И. Правовые принципы в законодательстве Российской Федерации // Государство и право. 1996. № 11. С. 92–97.

507. Запорожцев А.Г. Конституционный принцип баланса частных и публичных интересов в наследственных правоотношениях // Юридическая наука в XXI веке: история, теория, практика: материалы международной научно-практической конференции, Белгород, 27 марта 2018 г. Белгород: Белгородский университет кооперации, экономики и права, 2018. С. 334–343.

508. Зарудный М.И. Законы и жизнь. Итоги исследования крестьянских судов. СПб.: тип. Второго Отд-ния Собств. е. и. в. канцелярии, 1874. 224 с.

509. Захаров А.Л. Межотраслевые принципы права / под общ. ред. В.М. Ведяхина. Самара: Самар. отд-ние Литфонда, 2005. 238 с.

510. Зорин А.И. К вопросу о действии принципа уважения чести и достоинства личности в уголовном судопроизводстве России // Вопросы российского и международного права. 2023. Т. 13. № 3-1. С. 570–576.

511. Зорина Е.А. Принцип неотвратимости уголовной ответственности и вопросы освобождения от нее // Вестник Санкт-петербургского университета МВД России. 2023. № 1 (97). С. 66–74.

512. Зражевская Т.Д. Конституционные принципы как основа методологии разработки показателей в сфере прав человека // Юридическая техника. 2020. № 14. С. 29–35.

513. Зяблова Т.Е., Масленников А.В. Правовые аксиомы: монография / под ред. В.В. Мамчуна. Владимир: Владимирский юридический институт ФСИН России, 2009. 135 с.

514. Иванов Н.Г. Принцип правовой определенности в уголовном праве // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 4 (44). С. 161–166

515. Изотов Ю.Г. Принцип процессуальной экономии // Вопросы российской юстиции. 2020. № 9. С. 1208–1222.

516. Истомина Е.А. К вопросу о реализации принципов права социального обеспечения // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2013. № 3 (21). С. 96–101.

517. Кабанова И.Е. Принцип баланса частных и публичных интересов в доктрине и правоприменительной практике // Власть Закона. 2016. № 2 (26). С. 74–84.

518. Казакова М.В. Применение судами специальных принципов международного трудового права // Российское правосудие. 2019. № 5. С. 71–77.

519. Каленов А.А. Неотвратимость как принцип юридической ответственности // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Право». 2019. № 1 (22). С. 116–119.

520. Капустин М.Н. Теория права: (юридическая догматика). Т. 1: Общая догматика. М.: Унив. тип. (Катков и К°), 1868. 28, 352, 4 с.

521. Капустин М.Н. Юридическая энциклопедия (догматика): Лекции заслуженного профессора М.Н. Капустина. СПб.: Тип. С-Петербургской одиночной тюрьмы, 1893. 342, IX с.

522. Карташов В.Н. Принципы права: понятие, структуры, функции // Юридическая техника. 2020. № 14. С. 158–166.

523. Карташов В.Н. Принципы права: понятие, структуры, функции // Юридические записки Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова. Вып. 10. Принципы права / под ред. В.Н. Карташова, Л.Л. Кругликова, В.В. Бутнева. Ярославль: ЯрГУ, 2006. С. 3–33.

524. Карташов В.Н. Теория правовой системы общества: в 2-х т. Т. 1. Ярославль: ЯрГУ, 2006. 547 с.

525. Касаткин С.Н. Концепция «раннего» Р. Дворкина как «третья теория права» // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2019. № 2 (37). С. 94–107.

526. Касаткин С.Н. Учение о правовых принципах и критика позитивизма в работах «раннего» Р. Дворкина // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Право. 2018. № 1 (20). С. 3–22.

527. Каац М.Э. О содержательной составляющей принципа языка уголовного судопроизводства // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2021. № 3 (19). С. 204–211.

528. Келина С.Г., Кудрявцев В.Н. Принципы советского уголовного права. М.: Наука, 1988. 173 с.

529. Керимов Д.А. Философские проблемы права. М.: Мысль, 1972. 472 с.

530. Клекачев Н.С. Применение систем видеоконференцсвязи в судебном разбирательстве гражданского процесса: исключение из принципа непосредственности // Принципы гражданского, арбитражного и административного судопроизводства: проблемы теории и практики: сб. научн. ст. / сост. и ред. Л.В. Войтович. СПб.: Центр научно-информационных технологий «Астерион», 2021. С. 296–301.

531. Кобликов А.С. Законность – конституционный принцип советского уголовного судопроизводства. М.: Юрид. лит., 1979. 199 с.

532. Коваль С.В. Разграничение принципов и правовых норм в философии права Р. Дворкина // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. 2020. № 2. С. 63–71.

533. Кожевников С.Н. Проблемы теории права: курс лекций. Н. Новгород: Нижегородский печатник, 2004. Ч. 1. 263 с.

534. Колесников А.В. Конституционные принципы муниципального права // Правовая политика и правовая жизнь. 2006. № 1. С. 19–27.

535. Колоколов Н.А. Истина и справедливость – базовые ценности уголовного судопроизводства // Мировой судья. 2012. № 8. С. 2–8; № 9. С. 2–8; № 10. С. 2–6; № 11. С. 2–9; № 12. С. 2–8.

536. Колоколов Н.А. Срок предварительного расследования, содержания под стражей: критерий разумности // Уголовное судопроизводство. 2014. № 4. С. 3–7.

537. Колоколов Н.А. Феномен справедливости в уголовном судопроизводстве // Уголовный процесс. 2008. № 12. С. 3–13.

538. Комкова Г.Н. Конституционный принцип равенства прав и свобод человека в России / под ред. В.Т. Кабышева. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2002. 151 с.

539. Кондрат И.Н. Уголовно-процессуальные гарантии соблюдения принципа тайны переписки, телефонных и иных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений в России // Право и управление. XXI век. 2012. № 3 (24). С. 7–11.

540. Коновалов А.В. Принцип разумности в гражданском праве // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 8 (105). С. 11–21.

541. Коновалов А.В. Принципы гражданского права. СПб.: Право, 2019. 960 с.

542. Коновалов А.В. Принципы права: монография. М.: Норма, 2023. 792 с.

543. Конституционные принципы равенства перед законом / под ред. В.В. Володина. М.: Спутник+, 2007. 120 с.

544. Коробейникова Е.С. Принцип состязательности и принцип объективной истины: перспективы развития в Российской Федерации // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2018. № 3. С. 102–109.

545. Коробка Л.Е. Факторы, влияющие на развитие принципа транспарентности в экологическом праве // Аграрное и земельное право. 2017. № 10 (154). С. 111–115.

546. Коршакова К.В., Иванченко С.В. Надлежащее извещение лиц, участвующих в деле как принцип гражданского процессуального права // Право и практика. 2019. № 4. С. 215–219.

547. Корякин В.М. Принципы транспортного права // Транспортное право. 2016. № 1. С. 3–6.

548. Косова О.Ю. Семейное право: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. Иркутск: Иркутский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2016. 559 с.

549. Кострова Н.М., Омаркадиева М.К. Проблемы развития принципа транспарентности в гражданском судопроизводстве: теория и практика // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2011. № 2. С. 49–52.

550. Костюков А.Н. Муниципальное право как отрасль российского права: монография. М.: Закон и право: ЮНИТИ, 2003.304 с.

551. Краснова И.Л. Экологическое право: понятие, система, принципы // Аграрное и земельное право. 2007. № 1 (25). С. 16–30.

552. Крыжан В.А. О содержании принципа правовой определенности // Пермский юридический альманах. 2018. № 1. С. 81–88.

553. Кудрявцев В.Н. О правопонимании и законности // Государство и право. 1994. № 3. С. 3–8.

554. Кузнецов И.С., Поглазов А.В. Неприкосновенность частной жизни (международно-правовой аспект) // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 2. С. 107–109.

555. Кузнецова О.А. Нормы-принципы российского гражданского права. М.: Статут, 2006. 269 с.

556. Кузнецова О.А. Принципы семейного права // Вестник Челябинского государственного университета. 2003. № 2. С. 71–76.

557. Кузьмичева Г.А., Молчанов П.В. Принцип равенства перед законом и административная ответственность // Административное право и процесс. 2014. № 9. С. 61–63.

558. Кулаков В.В. Основные принципы гражданского права как особая форма права // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2013. Вып. 4. С. 185–192.

559. Кулаков В.В. Принципы семейного права // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 5. С. 16–20.

560. Куликов М.Ю. Конституционный принцип запрета злоупотребления правами (некоторые подходы к определению его содержания в избирательном праве) // Избирательное право. 2014. № 2 (26). С. 2–4.

561. Курбатов А.Я. Защита прав потребителей финансовых услуг: монография. М.: Юстицинформ, 2023. 168 с.

562. Курченко В.Н. Толкование принципа непосредственности судебного разбирательства в уголовном судопроизводстве // Уголовное право. 2019. № 6. С. 104–110.

563. Лазарев В.В. Функциональная характеристика принципов права // Юридическая техника. 2020. № 14. С. 207–212.

564. Лапаева А.В., Приймак Е.В. К вопросу о содержании принципа правовой определенности в российском и зарубежном праве // Современные вопросы государства, права, юридического образования: сб. научн. тр. по материалам XVI Международной научно-практической конференции. Тамбов, 22 декабря 2020 г. / отв. редактор А.В. Лапаева. Тамбов: Издательский дом «Державинский», 2021. С. 26–31.

565. Лапаева В.В. Концепция права Р. Дворкина с позиций либертарно-юридического подхода // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2013. № 4. С. 142–169.

566. Лапаева В.В. Типы правопонимания: правовая теория и практика: монография. М.: Российская академия правосудия, 2012. 580 с.

567. Лесных А.В. Баланс публичных и частных интересов как принцип правового регулирования прав на земельные участки сельскохозяйственного назначения // Аграрное и земельное право. 2017. № 5 (149). С. 28–35.

568. Липинский Д.А. Принцип неотвратимости юридической ответственности с позиции ее двухаспектного понимания // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2015. № 3 (33). С. 8–14.

569. Ломакина И.Б. Обычное право: институциональный аспект. СПб.: Астерион,, 2005. 282 с.

570. Лонская С.В. Правовые принципы в аргументации правовых позиций Уставного суда Калининградской области // Принципы и ценности в праве: доктрина, правотворчество, реализация. Третьи Прокопьевские чтения: материалы Международной научно-практической конференции, Калининград, 6 декабря 2019 г. Калининград: Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта, 2020. С. 33–39.

571. Лукашева Е.А. Правосознание и утепление законности в СССР. М.: Госюриздат, 1957. 106 с.

572. Лукашева Е.А. Принципы социалистического права // Советское государство и право. 1970. № 6. С. 21–29.

573. Лушников А.М. Становление и развитие учения о принципах трудового права и принципах права социального обеспечения // Вестник трудового права и права социального обеспечения. 2014. № 8. С. 7–25.

574. Лю Хуан Янь. Принципы экологического права России и Китая // Аграрное и земельное право. 2007. № 5 (29). С. 84–88.

575. Лядов А.О., Евсеев А.В. Специфика принципа презумпции невиновности в российском таможенном праве // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В.Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. 2020. № 4 (76). С. 103–105.

576. Мазуренко М.А. Принцип процессуальной экономии в практике арбитражных судов Российской Федерации // Юридическая наука. 2023. № 2. С. 4–9.

577. Майорова С.А. Принципы административного судопроизводства // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2016. № 1 (33). С. 136–138.

578. Макарейко Н.В. Проблема презумпции невиновности в институте административной ответственности // Юридическая техника. 2010. № 4. С. 343–348.

579. Малеин Н.С. Правонарушение: понятие, причины, ответственность. М.: Юрид. лит., 1985. 192 с.

580. Малышева И.В. Общее и особенное в содержании гуманизма как принципа уголовного и уголовно-исполнительного права // Уголовно-исполнительная система сегодня: взаимодействие науки и практики: материалы научно-практической конференции, Новокузнецк, 15–16 ноября 2012 г. / отв. ред. А.Г. Антонов. Новокузнецк: Кузбасский институт Федеральной службы исполнения наказаний, 2013. С. 56–60.

581. Малышева И.В. Проблема определения содержания общеправового принципа гуманизма как принципа уголовно-исполнительного права // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2013. № 3 (23). С. 62–65.

582. Мальцев В.В. Принцип гуманизма в уголовном законодательстве // Российская юстиция. 2002. № 7. С. 51–53.

583. Манов Г.Н. Аксиомы в советской теории права // Советское государство и право. 1986. № 3. С. 29–36.

584. Манташян А.О. Принцип определенности в современном гражданском процессе // Мировой судья. 2011. № 5. С. 18–20.

585. Маркарян Г.Ж. Уголовно-процессуальные гарантии соблюдения принципа тайны переписки, телефонных и иных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений в России // Межвузовский криминалистический форум: сб. ст. по материалам Межвузовского криминалистического форума в рамках научного проекта «Актуальные проблемы уголовного судопроизводства», Ростов-на-Дону, 24–25 ноября 2022 г. / под ред. Л.И. Полтавцевой [и др.]. Ростов-на-Дону: Индивидуальный предприниматель Беспамятнов Сергей Владимирович, 2022. С. 170–174.

586. Матузов Н.И. Правовая система и личность. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1987. 294 с.

587. Матузов Н.И. Правовая система развитого социалистического общества // Советское государство и право. 1983. № 1. С. 18–26.

588. Медведев А.И. Принцип прозрачности искусственного интеллекта в системе принципов российского права // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. 2023. Т. 33. № 3. С. 516–526.

589. Мерзеханов С.Ф. Принцип процессуальной активности суда в административном судопроизводстве // Северо-Кавказский юридический вестник. 2021. № 2. С. 135–139.

590. Милосердов А.С. Принципы муниципального права и принципы организации местного самоуправления: проблемы разграничения // Образование и право. 2016. № 3. С. 105–109.

591. Мильков А.В. Заметки к вопросу о принципах гражданско-правовой ответственности // Закон. 2018. № 11. С. 162–172.

592. Мишутина Э.И., Балашов А.Н. К вопросу о значении правовых аксиом // Юрист. 2007. № 7. С. 60–64.

593. Морозова Л.А. Правовая определенность как общеправовой универсальный принцип реализации права // Социально-экономические явления и процессы. 2017. Т. 12. № 3. С. 250–256.

594. Мосин С.А. Конституционные принципы и презумпции-принципы: монография. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юстицинформ, 2018. 136 с.

595. Мурадьян Э.М. О добросовестности, уважении, защите чести и достоинства личности и других принципах гражданского процесса // Современное право. 2009. № 12. С. 119–121.

596. Муромцев С.А. Образование права по учениям немецкой юриспруденции. 2-е изд., испр. и доп. М.: Тип. А.И. Мамонтова и К°, 1886. 98, II с.

597. Нам К.В. Принцип добросовестности: развитие, система, проблемы теории и практики. М.: Статут, 2019. 278 с.

598. Напсо М.Б. Принцип добросовестности в налоговом праве: варианты правовой регламентации // Современное право. 2021. № 2. С. 53–59.

599. Нерсесян В.С. Право и правовой закон: становление и развитие / под. ред. В.В. Лапаевой. М.: Норма, 2009. 384 с.

600. Нерсесян В.С. Современное право: теория и методология: монография / под ред. В.В. Лапаевой. М.: Норма; ИНФРА-М, 2020. 304 с.

601. Нерсесянц В.С. Общая теория права и государства: учебник для вузов М.: Норма; ИНФРА-М, 2023. 560 с.

602. Нерсесянц В.С. Право – математика свободы. Опыт прошлого и перспективы. М.: Юристь, 1996. 160 с.

603. Нерсесянц В.С. Право и закон: Из истории правовых учений. М.: Наука, 1983. 366 с.

604. Нерсесянц В.С. Философия права: либертарно-юридическая концепция // Вопросы философии. 2002. № 3. С. 3–15.

605. Нерсесянц В.С. Философия права: учебник для вузов. М.: Норма, 2004. 656 с.

606. Нечепуренко А.А. Неотвратимость наказания как принцип уголовного права: учебное пособие. Омск: Омский юрид. ин-т МВД России, 1996. 79 с.

607. Нешатаева Т.Н. Суд и общепризнанные принципы и нормы международного права // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2004. № 3. С. 124–140.

608. Никитчик А.А. Принципы права в интерпретации М.Н. Капустина // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. 2023. № 2. С. 49–58.

609. Нифталиева И.А. Принцип справедливости в уголовном праве. М.: Юрлитинформ, 2024. 144 с.

610. Новгородцев П.И. Государство и право // Вопросы философии и психологии. 1904. Кн. 74 (IV). С. 397–450; Кн. 75 (V). С. 507–538.

611. Общая теория государства и права: Академический курс в 2-х т. / под ред. М.Н. Марченко. Т. 2. Теория права. М.: Зерцало, 1998. 656 с.

612. Оганезова А.В. Институт медиации как альтернативный способ разрешения споров в Республике Армения // Право и государство: теория и практика. 2019. № 8 (176). С. 127–129.

613. Оксамытный В.В. Личность в правовой системе государства: избранные труды. М.: Издательство «Спутник+», 2016. 569 с.

614. Оксамытный В.В. Правовые системы в компаративистском измерении: история и современность // Вестник Брянского государственного университета. 2012. № 2-1. С. 145–148.

615. Определенность и неопределенность права как парные категории: проблемы теории и практики: материалы XII междунар. науч.-практ. конф. 17–21 апреля 2017 г.: в 2–х ч. / отв. ред. В.М. Сырых, В.Н. Власенко. М.: РГУП, 2018. Ч. 1. 460 с.; Ч. 2. 312 с.

616. Орлова Н.Ю. Единство судебной практики как принцип судоустройства // Альманах современной науки и образования. 2014. № 2 (81). С. 131–135.

617. Оршанский И.Г. Исследования' по русскому праву обычному и брачному. СПб.: тип. А.Е. Ландау, 1879. 459 с.

618. Осавелюк Е.А. Понятие и виды принципов конституционного права России // Право и образование. 2020. № 3. С. 58–62.

619. Осеева Е.А. О принципе единства судебной практики в гражданском процессуально праве // Марийский юридический вестник. 2016. № 3 (18). С. 94-96.

620. Осеева Е.А. Транспарентность – принцип гражданского судопроизводства // Марийский юридический вестник. 2015. № 2 (13). С. 105–106.

621. Основные принципы гражданского процесса / под ред. М.К. Треушникова, З. Чешки. М., Изд-во МГУ, 1991. 140 с.

622. Парамонов А.В. К вопросу о закреплении принципов права в Конституции РСФСР 1918 г. // Вестник Нижегородского института управления. 2020. № 1 (55). С. 17–19.

623. Парамонов А.В. Практическое значение конституционных принципов права // Актуальные проблемы государства и права. 2020. Т. 4. № 16. С. 435–441.

624. Пахомова О.А. Актуальные проблемы реализации принципа непосредственности судебного разбирательства в условиях информатизации гражданского судопроизводства // Арбитражный и гражданский процесс. 2023. № 3. С. 44–46.

625. Пашина Я.А. Реализация принципа транспарентности в арбитражном процессе нарушена? // Вестник Арбитражного суда Московского округа. 2016. № 3. С. 81–85.

626. Першин А.А. Формализм как принцип гражданского судопроизводства // Вестник Саратовской государственной академии права. 2010. № 6 (76). С. 136–138.

627. Петрунина А.А. Единство судебной практики как принцип законодательства // Правовая политика и правовая жизнь. 2014. № 4. С. 156–160.

628. Петрунина А.А. Принцип единства судебной практики как фактор развития правовой культуры // Правовая культура. 2015. № 1 (20). С. 72–75.

629. Пилипенко А.А. Принципы финансового права России. М.: Юрлитинформ, 2013. 144 с.

630. Плешанов А.Г. О конфликте принципов независимости судей и процессуальной экономии в контексте реформы процессуального законодательства // Арбитражный и гражданский процесс. 2017. № 12. С. 15–16.

631. Плотников Д.А. Принципы гражданского и административного судопроизводства: сравнительно-правовое исследование: учебное пособие. М.: Проспект, 2022. 224 с.

632. Плотникова И.Н. Место и роль конституционных принципов в системе принципов российского права // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2021. № 3. С. 28–37.

633. Подшибякина А.А. Обоснование иерархии в системе принципов финансового права // Финансовое право. 2013. № 1. С. 39–44.

634. Подшивалов Т.П. К вопросу о способах достижения реализации принципа правовой определенности в гражданском праве // Седьмой Пермский конгресс ученых-юристов: сб. научн. ст., Пермь, 18–19 ноября 2016 г. / отв. ред. В.Г. Голубцов, О.А. Кузнецова. Пермь: ООО «Издательство «СТАТУТ», 2017. С. 292–297.

635. Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. Петроград: изд. юрид. кн. скл. «Право», 1917. 328 с.

636. Поляков И.Н. Разумные сроки судопроизводства: понятие и значение // Российская юстиция. 2011. № 4. С. 33–38.

637. Поляков М.А. Общеправовой принцип добросовестности в современном российском праве // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2011. № 1 (14). С. 385–389.

638. Поляков М.П., Смолин А.Ю. Принцип процессуальной экономии в уголовном судопроизводстве: монография. Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2011. 151 с.

639. Полянский П.Л. Формирование семейного права как отрасли в России (постановка проблемы) // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2010. № 2. С. 3–33.

640. Понкин И.В. Понятие «принцип» в праве // Юридическая техника. 2020. № 14. С. 281–283.

641. Понкин И.В., Лаптева А.И. Методология научных исследований и прикладной аналитики: учебник. 4-е изд., доп. и перераб.: в 2-х т. Т. 2: Научные исследования. М.: Буки Веди, 2023. 640 с.

642. Преловский П.О. Право на свободу и личную неприкосновенность в российском уголовном судопроизводстве: терминологические проблемы // Baikal Research Journal. 2016. Т. 7. № 5. С. 21.

643. Пресняков М.В. Принцип неотвратимости как необходимое условие эффективности дисциплинарной ответственности на государственной службе и в трудовых отношениях // Современное право. 2022. № 5. С. 56–66.

644. Принцип законности: современные интерпретации: монография / под общ. ред. М.А. Беляева, В.В. Денисенко, А.А. Малиновского. М.: Проспект, 2019. 168 с.

645. Принцип формального равенства и взаимное признание права: монография / под общ. ред. В.В. Лапаевой, А.В. Полякова, В.В. Денисенко. М.: Проспект, 2022. 224 с.

646. Принципы гражданского права и их реализация: монография / под ред. Т.П. Подшивалова, Г.С. Демидовой. М.: Проспект, 2017. 352 с.

647. Принципы гражданского процессуального права: учебное пособие / А.В. Юдин, Т.А. Комарова, О.В. Исаенкова, М.А. Агаларова. М.: Русайнс, 2021. 106 с.

648. Принципы гражданского, арбитражного и административного судопроизводства: проблемы теории и практики: сб. научн. ст. / сост. и ред. Л.В. Войтович. СПб.: Астерион, 2021. 522 с.

649. Принципы и ценности в праве: доктрина, правотворчество, реализация: Третьи Прокопьевские чтения: материалы Международной научно-практической конференции, Калининград, 6 декабря 2019 г. Калининград: Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта, 2020. 239 с.

650. Принципы права: материалы Всероссийской научно-теоретической конференции, Санкт-Петербург, 30 ноября 2006 г. / под общ. ред.: Д.И. Луковской; сост. С.В. Волкова, Н.И. Малышева. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2007. 483 с.

651. Принципы права: общетеоретические и отраслевые аспекты: материалы межвуз. «круглого стола», проводимого в рамках 70-й конференции преподавателей и докторантов БГУЭП. Иркутск, 25 марта 2011 г. / под ред. Ю.В. Виниченко, И.А. Минникес. Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2011. 283 с.

652. Принципы права: проблемы теории и практики: материалы XI международной научно-практической конференции: в 2-х ч. Москва, 18–22 апреля 2016 г. М.: РГУП, 2017. 496 с.

653. Принципы права: сб. ст. XV Международной студенческой научно-практической конференции «Право и суд в современном мире». Москва, 25–26 февраля 2016 г. / под ред. А.Е. Кирпичева. М.:РГУП, 2017. 1400 с.

654. Принципы права: сб. ст. по итогам круглого стола в Московском институте государственного управления и права / под ред. Д.А. Пашенцеваи А.Г. Чернявского. М.: Русайнс, 2015. 180 с.

655. Принципы публичного права: монография / под ред. Е.В. Титовой, Т.П. Подшивалова. М.: Проспект, 2019. 288 с.

656. Принципы российского права: общетеоретический и отраслевой аспекты / под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. Саратов: Саратовская гос. акад. права, 2010. 701 с.

657. Принципы российского уголовного судопроизводства: содержание и проблемы реализации / под ред. Н.Г. Мановой. М.: Юрлитинформ, 2019. 360 с.

658. Принципы современного российского уголовного судопроизводства: монография / науч. ред. И.В. Смолькова; отв. ред. Р.В. Мазюк. М.: Юрлитинформ, 2015. 383 с.

659. Принципы уголовного процесса: монография / под общ. ред. Г.С. Русман, С.М. Даровских. М.: Проспект, 2022. 338 с.

660. Принципы уголовного судопроизводства и их реализация при производстве по уголовным делам: материалы IV Международной научно-практической конференции 5–6 апреля 2016 г. (г. Москва). М.: РГУП, 2016. 492 с.

661. Принципы частного права: монография / под ред. Т.П. Подшивалова, В.В. Кваниной, М.С. Сагандыкова. М.: Проспект, 2023. 400 с.

662. Проблемы реализации принципов гражданского судопроизводства в правоприменительной деятельности: монография / отв. ред. В.М. Жуйков, С.С. Завриев. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; Норма; ИНФРА-М, 2024. 416 с.

663. Проблемы реализации принципов права в предпринимательской деятельности: монография / отв. ред. В.А. Вайган, М.А. Егорова. М.: Юстицинформ, 2016. 340 с.

664. Пузиков Р.В., Евдокимова О.А. Транспортное право и его принципы // Донецкие чтения 2018: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности: материалы III Международной научной конференции, Донецк, 25 октября 2018 г. / под общ. ред. С.В. Беспаловой. Т. 8. Донецк: Донецкий национальный университет, 2018. С. 214–217

665. Реализация конституционного принципа равенства всех перед законом и судом в современной России / под ред. Г.Н. Комковой. Саратов: Поволж. акад. гос. службы, 2005. 124 с.

666. Рехтина И.В., Боловнев М.А. Принцип добросовестного пользования и запрет злоупотребления процессуальными правами в практике Европейского суда по правам человека и Конституционного Суда РФ // Современное право. 2018. № 3. С. 62–68.

667. Решетникова И.В. Конкуренция принципов в цивилистическом процессе // Вестник гражданского процесса. 2013. № 5. С. 10–20.

668. Решетникова И.В. Российское судопроизводство: Избранное. М.: Статут, 2019. 510 с.

669. Романенко Н.В. Принцип равенства перед законом и судом в налоговой сфере: практика арбитражных судов // Налоговед. 2012. № 11. С. 64–73.

670. Романовская В.Б., Романовская Л.Р. Правовые принципы как источник гражданского права // Основные тенденции развития современного права: проблемы теории и практики: Материалы IV Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием), Казань, 6–7 февраля 2020 года / под ред. Р.Ф. Степаненко, С.Н. Тагаевой. Казань: Университет управления «ТИСБИ», 2020. С. 10–13.

671. Рукавишникова (Плашевская) А.А. Генезис категории «правовая определенность» в современной юридической науке // Вестник Томского государственного университета. Право. 2014. № 3 (13). С. 70–83.

672. Русинова Е.Р. Некоторые размышления о реформе процессуального законодательства с точки зрения принципа доступности судебной // Арбитражный и гражданский процесс. 2017. № 12. С. 16–17.

673. Рыженков А.Я. О доктринальных принципах семейного права (на примере принципа ответственности за нарушение норм семейного законодательства) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2021. Т. 21. № 2. С. 169–177.

674. Рыженков А.Я. Основные начала (принципы) российского гражданского законодательства и смежных отраслей права. М.: Юрлитинформ, 2015. 208 с.

675. Рыженков А.Я. Принцип добровольности брачного союза мужчины и женщины: теория и практика // Современное общество и право. 2019. № 4 (41). С. 61–69.

676. Рыженков А.Я. Принципы семейного права. М.: Юрлитинформ. 2021. 192 с.

677. Рыженков А.Я. Принципы экологического права: монография. М.: Юрлитинформ, 2018. 380 с.

678. Рябцева Е.В. Принцип разумности в уголовном процессе России: монография. М.: Юрлитинформ, 2011. 237 с.

679. Рябцева Е.В. Соотношение принципа разумности, публичности и диспозитивности в уголовном процессе // Общество и право. 2011. № 5 (37). С. 219–222.

680. Сабитов Т.Р. О принципе неотвратимости ответственности в российском уголовном законодательстве // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2006. Вып. 11 (62). С. 63–65.

681. Сабитов Т.Р. Принцип неотвратимости наказания и его трансформация в уголовно-правовой науке и законодательстве // Актуальные проблемы российского права. 2010. № 3 (16). С. 261–269.

682. Сабитов Т.Р. Уголовно-правовые принципы: методы познания, сущность и содержание. М.: Юрлитинформ, 2012. 192 с.

683. Савельева О.Е., Шаназарова Е.В. Неприкосновенность частной жизни в трудовых правоотношениях: теоретические аспекты и правовое регулирование // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2023. № 9. С. 181–184.

684. Савощикова Е.В., Воронина И.А. Неприкосновенность частной жизни как принцип конституционно-правового регулирования // Медицинское право. 2019. № 1. С. 23–28.

685. Садчиков М.Н. Принцип баланса частных и публичных интересов в налоговых правоотношениях как гарантия налогового суверенитета государства // Налоги. 2020. № 1. С. 23–25.

686. Сальников А.А. Принцип равенства граждан перед законом в свете последних изменений в КоАП РФ // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2012. № 4 (20). С. 113–116.

687. Самсонов Н.В. Доктрина гражданского процессуального права и ее значение для отечественного судопроизводства // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2022. № 13 (2). С. 415–432.

688. Самсонов Н.В. Принцип объективной истины в современном административном и гражданском судопроизводстве // Административное право и процесс. 2019. № 2. С. 26–29.

689. Сафоненков П.Н. Система принципов административного принуждения // Административное и муниципальное право. 2016. № 5 (101). С. 417–422.

690. Сахапов Р.Р. Определение принципов права в дореволюционной литературе // Ученые записки Казанского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2007. Т. 149. № 6. С. 13–15.

691. Сахарных А.В. К вопросу об особенностях реализации принципа непосредственности судебного разбирательства в условиях коронавирусной пандемии // Мировой судья. 2021. № 6. С. 25–32.

692. Свердлык Г.А. Принципы советского гражданского права. Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1985. 200 с.

693. Свирин Ю.А. Принцип правовой определенности в гражданском процессе // Современное право. 2013. № 11. С. 95–98.

694. Селина Е.В. Принцип объективной истины в уголовном процессе в Российской Федерации // Юстиция. 2014. № 4. С. 38–44.

695. Семенов В.М. Конституционные принципы гражданского судопроизводства. М.: Юридическая литература, 1982. 152 с.

696. Семенов В.М. Принципы советского социалистического права // Правоведение. 1964. № 1. С. 19–26.

697. Сивицкий В.А., Ильин А.В. Принципы правового регулирования в структуре федерального закона: монография. М.: Юстицинформ, 2021. 232 с.

698. Сидоренко Э.Л. Принципы диспозитивности в уголовном праве: поиск методологической основы уголовной политики // Библиотека криминалиста. 2012. № 3 (4). С. 112–117.

699. Сизая Е.А. Верховенство принципа гуманизма в иерархии принципов уголовно-исполнительного законодательства РФ // Право и государство: теория и практика. 2008. № 7 (43). С. 137–139.

700. Сизая Е.А. Доктринальные принципы уголовно-исполнительного права // Человек: преступление и наказание. 2008. № 4. С. 43–45.

701. Сизая Е.А. Принцип гуманизма при исполнении наказания в виде лишения свободы: монография Чебоксары: РИО Чебоксарского кооперативного ин-та Российского ун-та кооперации, 2008. 167 с.

702. Синенко В.С. К вопросу о содержании принципа правовой определенности // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 2013. № 9 (152). С. 154–158.

703. Синюков В.Н. Российская правовая система. Введение в общую теорию. М.: Норма, 2010. 672 с.

704. Синюков В.Н. Российская правовая система: Введение в общую теорию. Саратов: Полиграфист, 1994. 495 с.

705. Система принципов российского законодательства: техника закрепления, интерпретации, реализации // Юридическая техника. 2020. № 14. 682 с.

706. Ситников А.А. Соблюдение принципа уважения чести и достоинства работника при управлении трудом: некоторые аспекты // Кадровик. 2023. № 11. С. 16–24.

707. Скоробогатов А.В., Краснов А.В. Философско-правовая природа правового принципа: методологические проблемы исследования // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2020. Т. 24. № 3. С. 547–571.

708. Скоробогатов А.В., Краснов А.В. Правовой принцип как философско-правовая категория // Юридическая техника. 2020. № 14. С. 308–315.

709. Скурко Е.В. Правовые принципы в правовой системе, системе права и системе законодательства: теория и практика // Правоведение. 2006. № 2. С. 55–61.

710. Скурко Е.В. Принципы права в современном нормативном правопонимании. М.: Юрлитинформ, 2008. 197 с.

711. Скурко Е.В. Принципы права: монография. М.: Ось-89, 2008. 192 с.

712. Смирнов Д.А. Принципы российского налогового права: понятие, формирование, реализация. М.: Юрлитинформ, 2011. 248 с.

713. Смирнов О.В. Основные принципы советского трудового права. М.: Юрид. лит, 1977. 215 с.

714. Смирнов О.М. Принцип уважения чести и достоинства личности в правовых позициях Конституционного Суда Российской Федерации // Черные дыры в Российском законодательстве. 2009. № 5. С. 144–146.

715. Смирнова М.Г. Принципы права и оценочные категории: проблемы соотношения // Принципы гражданского, арбитражного и административного судопроизводства: проблемы теории и практики: сб. научн. ст. / сост. и ред. Л.В. Войтович. СПб.: Астерион, 2021. С. 11–18.

716. Смолин А.Ю. Разумный срок уголовного судопроизводства – проявление принципа процессуальной экономии // Российский следователь. 2010. № 19. С. 9–11.

717. Соколова М.А. Медицинское право как надотрасль права // Медицинское право: теория и практика. 2022. Т. 8. № 1–2 (15–16). С. 68–73.

718. Соловьев А.А. Классификация принципов уголовного процесса // Судебная власть и уголовный процесс. 2012. № 1. С. 56–65.

719. Сорокина Ю.В., Костенникова Е.В. Принцип равенства в христианстве // Права и свободы человека и гражданина: теоретические аспекты и юридическая практика: материалы ежегодной Международной научной

конференции памяти профессора Феликса Михайловича Рудинского, Москва, 23 апреля 2015 года. М.: Издательство «Концепция», 2015. С. 28–33.

720. Социалистическая законность и государственная дисциплина / отв. ред. В.Н. Кудрявцев. М.: Наука, 1975. 222 с.

721. Степанова Н.М. Некоторые аспекты принципа коллегиальности в уголовном и гражданском процессах // Lex russica. 2006. № 5. С. 971–975.

722. Стоилов Я. Принципы права: понятие и правоприменение: монография / вступ. ст., научн. ред. пер. Е.А. Фроловой. М.: Проспект, 2023. 312 с.

723. Стратегии судебного толкования и принципы права: учебное пособие / под ред. Е.В. Тимошиной. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского гос. ун-та, 2022. 362 с.

724. Стребкова Е.Г. Принцип транспарентности судебной власти и его реализация. Саратов: Саратовская государственная юридическая академия, 2018. 236 с.

725. Строгович М.С. Социалистическая законность – незыблемый принцип нашей общественной жизни. М.: Знание, 1969. 46 с.

726. Суздальцева Т.И. Основания права на компенсацию за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 395. С. 155–159.

727. Сулейманова К.М. Принцип законности в науке гражданского процесса // Юридическая наука. 2016. № 6. С. 170–176.

728. Сырбо В.А. Конкуренция принципов семейного и гражданского права // Тенденции развития юридической науки на современном этапе: сб. тр. Международной научно-практической конференции, посвященной 40-летию юридического факультета Кемеровского государственного университета, Кемерово, 28 мая 2015 г. Кемерово: Кемеровский государственный университет, 2015. С. 323–326.

729. Сырых В.М. Логические основания общей теории права в 2-х т. Т. 1: Элементный состав. 2-е изд., испр. и доп. М.: Юстицинформ, 2001. 528 с.

730. Тадевосян В.С. Укрепление социалистической законности в народном хозяйстве. М.: Наука, 1980. 174 с.

731. Талапина Э.В. Принцип транспарентности в публичном праве // Государство и право. 2015. № 5. С. 40–47.

732. Теория государства и права / под ред. Р.А. Ромашова. СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2005. 630 с.

733. Тимошина Е.В. Власть права: правовые принципы как категорические нормы // Право и власть: основные модели взаимодействия в многополярном мире: сб. тр. международной научной конференции, Воронеж, 2–3 июня 2017 г. Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2017. С. 38–46.

734. Тимошина Е.В. Нормативность принципов права // Принципы и ценности в праве: доктрина, правотворчество, реализация. Третьи Прокопьевские чтения: материалы Международной научно-практической конференции, Калининград, 6 декабря 2019 г. Калининград: Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта, 2020. С. 5–13.

735. Тимошина Е.В. Принципы права: проблема действительности // Наука СПбГУ – 2020: сб. материалов Всероссийской конференции по естественным и гуманитарным наукам с международным участием, Санкт-Петербург, 24 декабря 2020 г. СПб.: ООО «Скифия-принт», 2021. С. 1145–1146.

736. Тимошина Е.В. Разделительный тезис либертарно-юридической теории и основания действительности права // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2018. Т. 13. № 4. С. 57–82.

737. Тихомиров Ю.А. Правовая система развитого социалистического общества // Советское государство и право. 1979. № 7. С. 31–39.

738. Тихомиров Ю.А. Публичное право: учебник. М.: Бек, 1995. X, 485 с.

739. Токунов А.В. Право подозреваемого, обвиняемого и подсудимого на защиту в советском уголовном процессе по УПК РСФСР 1922 и 1923 гг. // Балтийский гуманитарный журнал. 2017. Т. 6. № 1 (18). С. 190–193.

740. Томчик С.Ю. Законодательное регулирование принципов административного судопроизводства // Российский журнал правовых исследований. 2016. № 2 (7). С. 140–143.

741. Тонков Е.Е., Синенко В.С. Комплексные отрасли права: плодотворная идея или отказ от формальной определенности в правовой науке? // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2016. № 2 (25). С. 53–75.

742. Третьяков Ф.Ф. Сущность и принципы социалистической законности. Ленинград: Знание, 1971. 40 с.

743. Трофимов В.В. Юридические принципы как основа правовой системы: проблема формирования // Правоведение. 2015. № 1 (318). С. 18–34.

744. Тюфякова О.А., Морозов С.Г. К вопросу о соотношении принципа процессуальной экономии и принципа непрерывности в гражданском судопроизводстве // Традиционная и инновационная наука: история, современное состояние, перспективы: сб. ст. Международной научно-практической конференции; в 6-ти ч., Екатеринбург, 15 ноября 2016 г. Ч. 5. Екатеринбург: Общество с ограниченной ответственностью «Аэтерна», 2016. С. 118–121.

745. Уголовное право Армении и России. Общая и Особенная части / отв. ред. С.С. Аветисян, А.И. Чучаев. М.: КОНТРАКТ, 2014. 800 с.

746. Уржинский К.П. К вопросу о принципах правового регулирования общественных отношений // Правоведение. 1968. № 3. С. 123–126.

747. Усольцев М.М. Принцип процессуальной экономии в конституционном судебном процессе России: необходимо ли нормативное закрепление? // Российский юридический журнал. 2017. № 5 (116). С. 90–94.

748. Федина А.С. Принцип законности в гражданском процессе. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2002. 143 с.

749. Федина А.С. Содержание принципов арбитражного процессуального права // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. 2014. № 1. С. 162–174.

750. Федосеева Е.Л., Политыко О.Е. Право на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений как принцип уголовного процесса // Современное уголовно-процессуальное право – уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования. 2019. Т. 2. № 1 (1). С. 235–240.

751. Ференс-Сороцкий А.А. Аксиомы в праве // Правоведение. 1988. № 5. С. 27–31.

752. Филимонов В.Д. Принципы уголовного права. М.: Центр ЮрИнфоР, 2002. 138 с.

753. Филиппов П.М., Ковалева О.А. Принцип социальности жилищного права // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 5: Юриспруденция. 2016. Т. 15. № 3 (32). С. 31–37.

754. Формирование и развитие отраслей права в исторической и современной правовой реальности России: в 12-ти т. Т. 1. Теоретико-методологические аспекты образования отраслей российского права: монография /под общ. ред. Р.Л. Хачатурова. М.: Юрлитинформ, 2020. 376 с.

755. Фурсов Д.А. Предмет, система и основные принципы арбитражного процессуального права (проблемы теории и практики): монография. М.: ИНФРА-М, 1999. 456 с.

756. Фурсов Д.А. Современное понимание принципов гражданского и арбитражного процесса: учебное пособие. М.: Статут, 2009. 78 с.

757. Хабибуллина Г.Р. Межотраслевые принципы права и конституционное правосудие в субъектах Российской Федерации: монография. М.: Статут, 2017. 224 с.

758. Хабибуллина Г.Р. Общеправовые принципы и конституционное правосудие в субъектах Российской Федерации: монография. М.: Проспект, 2021. 360 с.

759. Хвостов В.М. Общая теория права: Элементарный очерк. М.: Унив. тип., 1905. 211 с.

760. Хохлов И.А. Понятие и принципы права социального обеспечения в России // Юридический аналитический журнал. 2020. Т. 15. № 1. С. 65–66.

761. Хужин А.М. О трансформации принципа генерального деликта: анализ законодательства и судебной практики // Юридическая техника. 2020. № 14. С. 340–342.

762. Цатурян Т.В. Общеправовой принцип законности: понятие и сущность // Бизнес в законе. Экономико-юридический журнал. 2014. № 2. С. 113–115.

763. Чаннов С.Е., Магомедов Ф.Б. Принципы права: сущность и значение в правовой системе // Гражданин и право. 2014. № 3. С. 47–60.

764. Челохсаев О.З. Принцип тайны переписки, телефонных и иных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений как составной элемент принципа охраны прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве // Государственная служба и кадры. 2016. № 2. С. 119–121.

765. Чесовской Е. Принцип процессуальной активности суда в гражданском судопроизводстве // Российская юстиция. 2003. № 8. С. 23–25.

766. Четвернин В.А. Введение в курс общей теории права и государства: учебное пособие. М.: Институт государства и права РАН, 2003. 204 с.

767. Четвернин В.А. Современная либертарно-юридическая теория // Ежегодник либертарно-юридической теории. 2007. № 1. С. 5–9.

768. Чечина Н.А. Принципы гражданского процессуального права // Актуальные проблемы теории и практики гражданского процесса. Л.: Изд-во ЛГУ, 1979. С. 36–60.

769. Чечина Н.А. Принципы советского гражданского процессуального права и их нормативное закрепление // Правоведение. 1960. № 3. С. 78–83.

770. Чимакадзе Ф.В. Правовая определенность: принцип или явление? // Фемида. Science. 2016. № 1 (2). С. 3–7.

771. Чичерин Б.Н. Курс государственной науки. Ч. 1: Общее государственное право. М.: Типо-лит. Т-ва И.Н. Кушнерев и К°, 1894. VIII, 481 с.

772. Шатковская Т.В. Правовая ментальность российских крестьян второй половины XIX века: опыт юридической антропометрии: монография. Ростов-на-Дону: Изд-во РГЭУ, 2000. 224 с.

773. Шафиров В.М. Естественно-позитивное право: Введение в теорию: монография. Красноярск: ИЦ КрасГУ, 2004. 260 с.

774. Шевелева С.В., Можайкина В.А. Принцип неотвратимости наказания в уголовно-исполнительном праве: от декларирования к возможности реализации // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2021. № 4. С. 722–753.

775. Шерстюк В.М. Право быть выслушанным и быть услышанным – принцип гражданского процессуального права // Заметки о современном гражданском и арбитражном процессуальном праве / под ред. М.К. Треушникова. М.: Городец, 2004. С. 57–63.

776. Шершеневич Г.Ф. Общая теория права. Вып. 3. М.: Изд. Бр. Башмаковых, 1910. 320 с.

777. Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. 10-е изд. М.: Тип. т-ва И.Н. Кушнерев и К°, 1912. VIII, 951 с.

778. Ширвиндт А.М. Актуальные вопросы представительства. Комментарий к п. п. 122–132 Постановления Пленума ВС РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации"» // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2015. № 12. С. 61–144.

779. Шишмарева Е.С. Проблемы применения доктрины «снятия корпоративной вуали» в России // Отечественная юриспруденция. 2018. № 3 (28). С. 48–50.

780. Шукюрова К.В. Запрет злоупотребления правом как общеправовой принцип: применение в регулировании гражданско-правовых отношений с участием учреждений УИС // Пермский период: сб. материалов V Международного научно-спортивного фестиваля курсантов и студентов, Пермь,

14–19 мая 2018 г. Т. II. Пермь: Пермский институт Федеральной службы исполнения наказаний, 2018. С. 295–299.

781. Шумилова Л.Ф. Принципы состязательности и объективной истины как фундаментальные начала правоприменительной практики // Журнал российского права. 2005. № 11 (107). С. 54–61.

782. Шуралева С.В. Право на неприкосновенность частной жизни в трудовом правоотношении: теоретические проблемы правового регулирования // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2022. № 57. С. 527–551.

783. Щербаков А.А. Принцип процессуальной экономии в арбитражном процессе // Тенденции развития науки и образования. 2023. № 93-5. С. 175–178.

784. Щербакова Л.Г. Принцип диспозитивности и его реализация на стадиях арбитражного процесса. Саратов: ООО «Милика», 2015. 76 с.

785. Щербакова М.А. Принцип неприкосновенности личности как гарантия права на свободу и личную неприкосновенность в уголовном судопроизводстве // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2022. № 1 (95). С. 99–106.

786. Юридическая герменевтика в XXI веке: монография / под общ. ред. Е.Н. Тонкова, Ю.Ю. Ветютнева. СПб.: Алетейя, 2016. 440 с.

787. Юридическая техника: учебник / под ред. В.М. Баранова. М.: Проспект, 2021. 648 с.

788. Явич Л.С. Диалектика формы и содержания в праве // Философские проблемы государства и права. Ленинские идеи и вопросы методологии в юридической науке. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1970. С. 24–43.

789. Явич Л.С. Общая теория права. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та,, 1976. 287 с.

790. Явич Л.С. Право развитого социалистического общества: Сущность и принципы. М.: Юрид. лит., 1978. 224 с.

791. Ярошенко Н.И. Принцип транспарентности как конституционный принцип осуществления правосудия в России // Лесной вестник. 2013. № 5. С. 125–129.

792. Alexy R. A Theory of Constitutional Rights. Oxford: Oxford University Press, 2010. 506 p.

793. Avila H. Theory of Legal Principles. Berlin: Springer, 2007. 168 p.

794. Cankorel T. Cognitive Classification of legal Principles: a new Approach to international legal Training // Ankara Law Review. 2008. Vol. 5. № 2. P. 153–200.

795. Daci J. Legal Principles, Legal Values and Legal Norms: are they the same or different? // Academicus International Scientific Journal. 2010. № 2. P. 109–115.

796. Dworkin R. A Matter of Principle. Cambridge, Mass.; London, 1985. 425 p.

797. Dworkin R. Law's Empire. Harvard University Press: Cambridge, 1986. 470 p.

798. Dworkin R. The Model of Rules // University of Chicago Law Review. 1967. Vol. 35. P. 14–46.

799. Ershov V.V. The essence of the principles of law // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2018. № 11 (12). P. 2089–2103.

800. Gosalbo Bono R. The Development of General Principles of Law at National and Community Level // Richterrecht und Rechtsfortbildung in der Europäischen Rechtsgemeinschat. Tübingen: Mohr Siebeck, 2003. S. 99–142.

801. Hart H.L.A. The Concept of Law. Oxford: University Press: N.-Y, 1961. 258 p.

802. MacDonnell V. Foundation and Framework: How Unwritten Constitutional Principles Shape Political Decision-Making. 2019. // URL: https://blog-iacl-aidc.org/unwritten-constitutional-principles/2019/6/12/foundation-and-framework-how-unwritten-constitutional-principles-shape-political-decision-making (дата обращения: 1.03.2024).

803. Mackie J. The Third theory philosophy // Public Affairs. 1977. Vol. 7. № 1. P. 3–16.

804. Mukhamadyeva G.N., Atakhanova G.M., Timchenko K.S., Yergali A.M., Beaver K. Right to personal freedom as the basis of the principle of the inviolability of the person in criminal proceedings // Journal of Actual Problems of Jurisprudence. 2019. Vol. 89. № 1. P. 159–168.

805. Posher R. Insights, Errors and Self-Misconception of the Theory of Principles // Ratio Juris. 2009. Vol. 22. № 4. P. 425–454.

806. Raz J. Legal Principles and the Limits of Law // The Yale Law Journal. 1972. № 81. P. 823–854.

807. ԱվագյանԳ. Պ. Քրեական դատավարության «ողջամիտ ժամկետ» սկզբունքի հասկացությունը և բովանդակությունը // Տարածաշրջան և աշխարհ. 2019. № 3. Էջ. 120–129 (Авагян Г.П. Понятие и содержание принципа «разумного срок» в уголовном процессе // Регион и мир. 2019. № 3. С. 120–129).

808. Ավետիսյան Տ. ԻՐԱՎՈՒՆՔԻ ԳԵՐԱԿԱՅՈՒԹՅԱՆ ՍԿԶԲՈՒՆՔԻ ՊԱՏՄԱԻՐԱՎԱԿԱՆ ՆԱԽԱԴՐՅԱԼՆԵՐԸ // ԵՊՀ իրավագիտության ֆակուլտետի ասպիրանտների և հայցորդների 2014 թ. նստաշրջանի նյութերի ժողովածու. Երևան: Երևանի պետական համալսարան, 2015. Էջ. 86–101 (Аветисян Т. Историко-правовые предпосылки принципа верховенства права // Материалы сессии аспирантов и соискателей юридического факультета ЕГУ в 2014 году. Ереван: ЕГУ, 2015. С. 86–101).

809. Բիշարյան Կ., Ղամբարյան Ա. ՀՀ քրեական դատավարության նոր օրենսգրքի հայեցակարգային առանձին դրույթների և քրեական դատավարության օրենսգրքի նախագծի ընդհանուր մասի տեսագործնական վերլուծություն. Եր.: Վարդհրատ, 2012. 220 էջ. (Бишарян К., Гамбарян А. Практический анализ отдельных концептуальных положений нового УПК РА и общей части проекта УПК. Ереван: ВардГрат, 2012. 220 с.).

810. Դանիելյան Գ. Իրավական որոշակիության, իրավունքի անալոգիայի (համանմանության) և իրավական ակտի մեկնաբանության փոխհարաբերության արդի հիմնախնդիրները // Բանբեր Երևանի համալսարանի. Իրավագիտություն. 2016. № 2 (20). Էջ. 3–17 (Даниелян Г. Современные проблемы правовой

определенности, правовой аналогии (сходства) и толкования правовых актов // Вестник Ереванского университета. Правоведение. 2016. № 2 (20). С. 3–17).

811. Եսայան Վ. XX ԴԱՐՈՒՄ ՁԵՎԱՎՈՐՎԱԾ ՀԻՄՆԱԿԱՆ ՏԵՍՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԸ ԴԻՍՊՈԶԻՏԻՎՈՒԹՅԱՆ ՍԿԶԲՈՒՆՔԻ ԺԱՄԱՆԱԿԱԿԻՑ ԸՆԿԱԼՄԱՆ ՁԵՎԱՎՈՐՄԱՆ ՀԱՐՑՈՒՄ // Պետություն և իրավունք. 2015. № 3–4 (69–70). Էջ. 27–30 (Есаян В. Основные теории в вопросе формирования современного восприятия принципа диспозитивности, сформировавшиеся в XX веке // Государство и право. 2015. № 3–4 (69–70). С. 27–30).

812. Եսայան Վ. Տնօրինչականության սկզբունքի բովանդակությունը (տնօրինչական դատավարական իրավունքներ, տնօրինչական գործողություններ) // ԵՊՀ իրավագիտության ֆակուլտետի ասպիրանտների և հայցորդների 2014 թ. նստաշրջանի նյութերի ժողովածու. Երևան: Երևանի պետական համալսարան, 2015. Էջ. 310–332 (Есаян В. Содержание принципа диспозитивности (распорядительные процессуальные права, распорядительные действия) // Материалы сессии аспирантов и соискателей юридического факультета ЕГУ в 2014 году. Ереван: ЕГУ, 2015. С. 310–322).

813. ԼԱԶԱՐՅԱՆ Ա. ԱՆՓՈՓԽԵԼԻՈՒԹՅԱՆ ԵՎ ԴԱՏԱՔՆՆՈՒԹՅԱՆ ԱՆԸԴՀԱՏՈՒԹՅԱՆ ՍԿԶԲՈՒՆՔԻ ԳՈՐԾՈՂՈՒԹՅՈՒՆՆ ԱՌԱՋԻՆ ԱՏՅԱՆԻ ԴԱՏԱՐԱՆՈՒՄ // Դատական իշխանություն, 2018. № 7–8 (229–230). Էջ. 55–63 (Лазарян А. Неизменность состава суда и действие принципа непрерывности судебного разбирательства в суде первой инстанции // Судебная власть. № 7–8 (229–230). С. 55–63).

814. Կեսոյան Հ. Իշխանությունների բաժանման և հավասարակշռման սկզբունքի ապահովման հիմնախնդիրը Հայաստանի Հանրապետությունում // Արդարադատություն. 2016. № 4 (35). Էջ. 36–45 (Кесоян А. Проблема обеспечения принципа разделения и уравновешивания властей в Республике Армения // Юстиция. 2016. № 4 (35). С. 36–45).

815. Հայաստանի Հանրապետության վճռաբեկ դատարանի որոշումների գիտագործնական մեկնաբանություններ. Հատոր 2. Եր.: 2013. 488 էջ. (Решения

Кассационного суда Республики Армения: научные комментарии. Т. 2. Ереван, 2013. 488 с.).

816. Հարությունյան Զ. ՁԵՐԲԱԿԱԼՎԱԾ ԵՎ ԿԱԼԱՆԱՎՈՐՎԱԾ ԱՆՁԱՆՑ ՀԱՂՈՐԴԱԿՑՈՒԹՅԱՆ ԱԶԱՏՈՒԹՅՈՒՆԸ ԵՎ ԴՐԱ ՍԱՀՄԱՆԱՓԱԿՄԱՆ ՀԻՄՆԱԽՆԴԻՐԸ // Օրինականություն, 2020. № 115. Էջ. 21–27 (Арутюнян З. Свобода коммуникации заключенных и арестованных лиц и основные проблемы ее ограничения // Законность. 2020. № 115. С. 21–27).

817. ՀՀ ՔՐԵԱԿԱՆ ՆՈՐ ՕՐԵՆՍԳՐՔՈՒՄ ՏԵՂ ԳՏԱԾ ՀԱՅԵՑԱԿԱՐԳԱՅԻՆ ՄՈՏԵՑՈՒՄՆԵՐԻ ԵՎ ՆՈՐ ԻՆՍՏԻՏՈՒՏՆԵՐԻ ՄԵԿՆԱԲԱՆՄԱՆ ՈՒՂԵՑՈՒՅՑ. 2022. 497 էջ. (Руководство по новому Уголовному кодексу РА: концептуальные подходы и новые интерпретации институтов. Б.м.: Б.и., 2022. 497 с.).

818. ՀՈՎՀԱՆՆԻՍՅԱՆ Ա. ԻՐԱՎԱԿԱՆ ՀԱՎԱՍԱՐՈՒԹՅԱՆ ՍԿԶԲՈՒՆՔԸ, ԴՐԱ ԿԱՊԸ ԵՎ ՓՈԽՀԱՐԱԲԵՐԱԿՑՈՒԹՅՈՒՆԸ ԻՐԱՎԱԿԱՆ ԱՐՏՈՆՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԻ ՀԵՏ // ՀԻՄՆԱՐԱՐ ԵՎ ԿԻՐԱՌԱԿԱՆ ԳԻՏԱԿԱՆ ՀԵՏԱԶՈՏՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐ. ԱՐԴԻԱԿԱՆ ԽՆԴԻՐՆԵՐ ԵՎ ՁԵՌՔԲԵՐՈՒՄՆԵՐ: ԳԻՏԱԿԱՆ ՀՈԴՎԱԾՆԵՐԻ ԺՈՂՈՎԱԾՈՒՄԻՋԱԶԳԱՅԻՆ ԳԻՏԱԺՈՂՈՎ, 31 մայիսի, 2022. Եր.: Տիր, 2022. Էջ. 218–233 (Оганесян А. Принцип правового равенства, его связь и соотношение с правовыми льготами // Фундаментальные и прикладные научные исследования: текущие проблемы и достижения: сб. научн. ст. международной конференции, 31 мая, 2022 г. Ереван: Тир, 2022. С. 218–233).

819. Հովհաննիսյան Գ. ՀԱՄԱՉԱՓՈՒԹՅԱՆ ՍԿԶԲՈՒՆՔ // Պետություն և իրավունք. 2022. № 1 (92). Էջ. 47–61 (Оганесян Г. Принцип соразмерности // Государство и право. 2022. № 1 (92). С. 47–61).

820. Հովհաննիսյան Վ. Տնօրինչականության սկզբունքի գործառության քաղաքացիադատավարական առանձնահատկությունները դատական ակտերի վերաքննության փուլում // Բանբեր Երևանի համալսարանի. Իրավագիտություն. 2013. № 3. Էջ. 15–24 (Оганесян В. Гражданско-процессуальные особенности действия принципа диспозитивности на этапе апелляционного пересмотра

судебных актов // Вестник Ереванского университета. Правоведение. 2013. № 3. С. 15–24).

821. Ղազինյան Բ. Իշխանությունների տարանջատումը՝ որպես իրավական պետության հիմնարար սահմանադրական սկզբունք // 21-րդ ԴԱՐ. 2012. № 3 (43). Է. 70-84 (Казинян Б. Разделение властей как основополагающий конституционный принцип правового государства // 21-й век. 2012. № 3 (43). С. 70–84).

822. Ղամբարյան Ա. Արդարադատության սկզբունքների դասակարգման խնդիրները // Դատական իշխանություն. 2005. № 4 (69). Էջ. 31–37 (Гамбарян А. Проблемы классификации принципов справедливости // Судебная власть. 2005. № 4 (69). С. 31–37).

823. Ղամբարյան Ա. Անմեղության-կանխավարկածը-ՀՀ-իրավական-համակարգում. Երևան: Կաիսա, 2005. 100 Էջ. (Гамбарян А. Презумпция невиновности в правовой системе Республики Армения. Ереван: Каиса, 2005. 100 с.).

824. Ղամբարյան Ա. ՕՐԻՆԱԿԱՆՈՒԹՅԱՆ ՍԿԶԲՈՒՆՔԸ ԵՎ «ԴԱՏԱՎՈՐԸ ԵՆԹԱԿԱ Է ՕՐԵՆՔԻՆ» ԴՐՈՒՅԹԸ CONTRA LEGEM ԻՐԱՎՈՒՆՔԻ ԶԱՐԳԱՑՄԱՆ ԴՈԿՏՐԻՆԻ ՀԱՄԱՏԵՔՍՏՈՒՄ // ՀՀ ՍԱՀՄԱՆԱԴՐԱԿԱՆ ԴԱՏԱՐԱՆ. ՏԵՂԵԿԱԳԻՐ. 2023. № 2 (110). Էջ. 10–43 (Гамбарян А. Принцип законности и положение «судья подчиняется закону» в контексте доктрины развития права contra legem // Вестник Конституционного Суда РФ. 2023. № 2 (110). С. 10–43).

825. Ղամբարյան Ա. Օրինականությունը որպես արդարադատության սահմանադրական սկզբունք // Պետություն և իրավունք. 2004. № 1–2. էջ. 36–46 (Гамбарян А. Законность как конституционный принцип правосудия // Государство и право. 2004. № 1–2. С. 36–46).

826. Ղարսլյան Ա. ՕՐԻՆԱԿԱՆՈՒԹՅԱՆ ՍԿԶԲՈՒՆՔԸ ՔԱՂԱՔԱՑԻԱԿԱՆ ԴԱՏԱՎԱՐՈՒԹՅՈՒՆՈՒՄ // Պետություն և իրավունք. 2020. № 3 (88). Էջ. 62–69 (Карслян А. Принцип законности в гражданском судопроизводстве // Государство и право. 2020. № 3 (88). С. 62–69).

827. Ղումաշյան Կ. Իրավաբանական օգնության հասանելիությունն ու մատչելիությունը. 26.08.2013 // URL: https://www.advocates.am/news/view/481.html (дата обращения: 1.03.2024) (Гумашян К. Наличие и доступность юридической помощи. 26.08.2013 // URL: https://www.advocates.am/news/view/481.html (дата обращения: 1.03.2024).

828. Մալխասյան Լ. Իրավունքի սկզբունքների հայեցակարգը: Տեսական և գործնական նշանակություն // Արդարադատություն. 2017. № 1 (36). Էջ. 29–33 (Малхасян Л. Концепция принципов права. Теоретическое и практическое значение // Юстиция. 2017. № 1 (36). С. 29–33).

829. Մալխասյան Լ. Հատուկ իրավական սկզբունքների դերը իրավական համակարգում // ԿԱՆԹԵՂ: Գիտական հոդվածներ. Երևան: ԱՍՈՂԻԿ, 2017. Էջ. 204–212 (Малхасян Л. Классификация специально-юридических принципов права // КАНТЕХ: научные труды. Ереван: АСОГИК, 2017. С. 204–212).

830. Մալխասյան Լ. Սոցիալական ազատության սկզբունքի հիմնախնդիրները համընդհանուր իրավական սկզբունքների համակարգում // Արդարադատություն. 2018. № 2 (43). Էջ. 26–29 (Малхасян Л. Проблема принципа социальной справедливости в системе правовых принципов // Юстиция. 2018. № 2 (43). С. 26–29).

831. Մուսախանյան Վ.Ա. Սոցիալիստական իրավունքի հասկացողությունն ու հիմնական սկզբունքները: Ուս. ձեռնարկ, Երևան, ԵՊՀ հրատ., 1962. 52 էջ. (Мусаханян В.А. Понимание и основные принципы социалистического права: учеб. пособие. Ереван: ЕГУ, 1962. 52 с.).

832. Ներսեսյանց Վ.Ս. Իրավունքի և պետության տեսություն. Երևան; Նաիրի, 2001. 300 էջ. (Нерсесянц В.С. Теория права и государства. Ереван: Наири, 2001. 300 с.).

833. Պետության և իրավունքի տեսություն: Ուսումնական ձեռնարկ / Հեղ. խումբ; Գիտ. խմբ՝ Ա. Ղամբարյան, Մ. Մուրադյան. 3-րդ լրամշակված հրատ. Եր.:Լուսաբաց հրատարակչատուն¦, 2018. 688 էջ. (Теория государства и права: учебное пособие/ под ред. А. Гамбаряна, М. Мурадяна. 3-е изд, перераб. Ереван: Издательство «Лусабац», 2018. 688 с.).

834. Պետրոսյան Գ. Աշխատանքային իրավունքի ընդհանուր-իրավական և միջճյուղային սկզբունքները // Իրավագիտության հարցեր. 2000. № 3-4. Էջ. 51–56 (Петросян Г. Общеправовые и межотраслевые принципы трудового права // Вопросы юриспруденции. 2000. № 3–4. С. 51–56).

835. Պետրոսյան Գ., Զոհրաբյան Լ. Աշխատանքային վեճերի լիակատար քննության սկզբունքը // Պետություն և իրավունք. 2016. № 4 (74). Էջ. 33–44 (Петросян Г., Зограбян Л. Принцип полного разрешения трудовых споров // Государство и право. 2016. № 4 (74). С. 33–44).

836. Պետրոսյան Գ.Վ. Հայաստանի Հանրապետության աշխատանքային իրավունք:Ընդհանուր մաս. Եր.: ԵՊՀ, 2009. 336 էջ. (Петросян Г.В. Трудовое право Республики Армения: Общая часть. Ереван: ЕГУ, 2009. 336 с.).

837. Պետրոսյան Լ. «EX OFFICIO» և մրցակցության սկզբունքների հարաբերակցությունը վարչական դատավարությունում // Օրինականություն, 2020. № 117. Էջ. 69–75 (Петросян Л. Соотношение принципов «ex officio» и состязательности в административном судопроизводстве // Законность. 2020. № 117. С. 69–75).

838. Պետրոսյան Լ. ՏՆՕՐԻՆՉԱԿԱՆՈՒԹՅԱՆ ՍԿԶԲՈՒՆՔԻ ԴՐՍԵՎՈՐՄԱՆ ԱՌԱՆՁՆԱՀԱՏԿՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԸ ՎԱՐՉԱԿԱՆ ԴԱՏԱՎԱՐՈՒԹՅՈՒՆՈՒՄ // Արդարադատություն. 2020. № 2 (51). Էջ. 30–36 (Петросян Л. Особенности реализации принципа диспозитивности в административном судопроизводстве // Юстиция. 2020. № 2 (51). С. 30–36).

839. ՊՈՂՈՍՅԱՆ Վ., ՍԱՐԳՍՅԱՆ Ն. Հայաստանի Հանրապետության 2015 թ. խմբագրությամբ Սահմանադրությունը. Եր.: Տիգրան Մեծ, 2016 448 էջ. (Погосян В., Саргсян Н. Конституция Республики Армения в редакции 2015 г. краткие разъяснения. Ереван: Издательство «Тигран Великий», 2016. 448 с.).

840. Սարգսյան Ի., Գրիգորյան Լ., Խաչատրյան Մ., Մանուկյան Լ., Մարուքյան Գ. Իրավական տեղեկատու կանանց համար / խմբ.՝ Ա. Խաչատրյան, 2–րդ՝ լրամշակ. հրատ. Եր.: «Ժողովրդավարության և իրավունքի կենտրոն» ՀԿ, 2013. 208 էջ. (Саргсян И., Григорян Л., Хачатрян М., Манукян Л., Марукян Г.

Юридический справочник для женщин / под ред. А. Хачатряна. 2-е изд. Ереван: НПО «Центр демократии и права», 2013. 208 с.).

841. ՔՐԵԱԿԱՆ ԴԱՏԱՎԱՐՈՒԹՅԱՆ ՆՈՐ ՕՐԵՆՍԳՐՔԻ ՀԱՅԵՑԱԿԱՐԳԱՅԻՆ ԼՈՒԾՈՒՄՆԵՐԻ, ՆՈՐԱՐԱՐԱԿԱՆ ՄՈՏԵՑՈՒՄՆԵՐԻ ԵՎ ՀԻՄՆԱԿԱՆ ԻՆՍՏԻՏՈՒՏՆԵՐԻ ՄԵԿՆԱԲԱՆՄԱՆ ԳՈՐԾՆԱԿԱՆ ՈՒՂԵՑՈՒՅՑ. 2022. 613 էջ. (Практическое руководство по толкованию судебных решений, инновационных подходов и ключевых институтов нового Уголовно-процессуального кодекса. Б.м.: Б.и., 2022. 613 с.).

Диссертации и авторефераты диссертаций

842. Альшуллер М.Н. Принцип единства социалистической законности в период развитого социализма: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Харьков, 1980. 16 с.

843. Арендаренко А.В. Общеправовой принцип социальной справедливости и его реализация в современном уголовном праве России: теоретико-правовые аспекты: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2009. 46 с.

844. Бабаян Н.Н. Реализация принципа равенства перед законом в российском уголовном законодательстве: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2010. 205 с.

845. Баев А.А. Представитель как субъект реализации конституционной гарантии на получение квалифицированной юридической помощи в уголовном судопроизводстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2016. 22 с.

846. Бажанов А.А. Соразмерность как принцип права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019. 30 с.

847. Баландин В.Н. Принципы юридического процесса: дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 1998. 188 с.

848. Барышникова Ю.Р. Принципы частного права: теоретико-правовое исследование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2006. 28 с.

849. Безруков С.С. Принципы уголовного процесса: автореф. дис. д-ра юрид. наук. М., 2016. 58 с.

850. Бондарь О.Н. Квалифицированная юридическая помощь – конституционная гарантия судебной защиты прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2008. 194 с.

851. Ботнев В.К. Квалифицированная юридическая помощь как конституционно-правовая гарантия защиты прав и свобод человека и гражданина: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2013. 369 с.

852. Брциева З.Г. Принцип равенства всех перед законом и судом в уголовном судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. 238 с.

853. Букина В.С. Принципы советского гражданского процессуального права: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Л., 1975. 15 с.

854. Вагина Н.М. Принципы публичного права: дис. … канд. юрид. наук. Самара, 2004. 337 с.

855. Василенко Е.В. Категории «добросовестность» и «разумность» в гражданском праве: вопросы соотношения: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Краснодар, 2012. 27 с.

856. Ведяхина К.В. Основные нравственно-этические и социально-политические принципы российского права: дис. … канд. юрид. наук. Волгоград, 2001. 255 с.

857. Вилкова Т.Ю. Система принципов российского уголовного судопроизводства: автореф. дис. … д-ра юрид наук. М., 2022. 44 с.

858. Винницкий И.Е. Функции справедливости и законности как принципов права: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. 188 с.

859. Волосатова Л.В. Принцип разумности в реализации субъективных гражданских прав: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2005. 195 с.

860. Вопленко Н.Н. Теоретические проблемы режима законности в применении норм социалистического права: дис. ... д-ра юрид. наук. Волгоград, 1983. 408 с.

861. Воронов И.Ю. Основополагающие принципы российского права и российского трудового права: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2012. 22 с.

862. Вязов А.Л. Принцип справедливости в современном российском праве и правоприменении (теоретико-правовое исследование): автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2001. 26 с.

863. Грачев Т.С. Единство прав и обязанностей как принцип права: общетеоретический аспект: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2010. 199 с.

864. Григорян Г.В. Правовые проблемы реализации принципа недопустимости злоупотребления правом в гражданских правоотношениях: дис. … канд. юрид. наук. Ереван, 2018. 153 с.

865. Губенкова Е.В. Принцип гуманизма и проблемы его реализации при исполнении наказания в виде лишения свободы: дис. … канд. юрид. наук. Волгоград, 2009. 211 с.

866. Данилян М.А. Алиментные обязательства родителей по содержанию несовершеннолетних детей и ответственность за их нарушение: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2015. 26 с.

867. Дедов Д.И. Реализация принципа соразмерности в правовом регулировании предпринимательской деятельности: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2005. 45 с.

868. Дербышева Е.А. Принцип правовой определенности: понятие, аспекты, место в системе принципов права: дис. … канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2020. 238 с.

869. Деревесников А.В. Справедливость как принцип права: историко-теоретический аспект: дис. ... канд. юрид. наук. Кострома, 2005. 155 с.

870. Дмитриев С.Д. Общеправовые принципы: теоретические проблемы конкретизации и реализации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2012. 27 с.

871. Долгоруков С.В. Принцип неприкосновенности личности в уголовном судопроизводстве: дис. … канд. юрид. наук. Минск, 1985. 173 с.

872. Должиков А.В. Соразмерность как общеправовой принцип в конституционном правосудии России (на примере основных социальных прав): дис. … д-ра юрид. наук. СПБ., 2022. 579 с.

873. Дуллуев З.А. Реализация принципа равенства перед законом и судом в современной России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. 23 с.

874. Дядюн К.В. Гендерный подход в уголовном и уголовно-исполнительном законодательстве Российской Федерации: влияние на реализацию принципов равенства граждан перед законом, справедливости и гуманизма: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток, 2009. 25 с.

875. Егорова А.С. Принцип стабильности договора по гражданскому законодательству Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. 22 с.

876. Ефремов А.Ф. Теоретические и практические проблемы реализации принципов законности в Российском государстве: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2001. 51 с.

877. Закиров А.Ф. Уважение чести и достоинства личности – принцип российского уголовного процесса: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Ижевск, 2004. 23 с.

878. Закомолдин А.В. Квалифицированная юридическая помощь в уголовном процессе России: понятие, содержание, гарантии: дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2007. 230 с.

879. Захаров А.Л. Межотраслевые принципы права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2003. 31 с.

880. Захарова К.С. Системные связи принципов права: теоретические проблемы: авттореф. дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2009. 23 с.

881. Захарова М.В. Учение о юридических картах мира: дис. … д-ра юрид. наук. Казань, 2022. 342 с.

882. Зубакин В.Ю. Конституционный принцип равенства всех перед законом в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2006. 188 с.

883. Иванов В.А. Реализация принципа демократизма при исполнении наказания в виде лишения свободы: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Рязань, 2006. 26 с.

884. Иванова С.А. Принцип справедливости в гражданском праве России: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. Владимир, 2006. 45 с.

885. Казакова М.В. Применение судами принципов и норм трудового права, содержащихся в международных договорах Российской Федерации: дис. … канд. юрид. наук. М., 2019. 225 с.

886. Казанцев Л.Ю. Принцип неприкосновенности личности и сфер ее жизнедеятельности в правовом регулировании общественных отношений: автореф. дис. … канд. юрид наук. Н. Новгород, 2004. 24 с.

887. Канубриков В.А. Принцип законности в уголовном праве России: теоретические и правоприменительные проблемы: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2011. 183 с.

888. Карпунина Н.А. Охрана частной жизни как принцип российского уголовного процесса: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Самара, 2004. 19 с.

889. Кашкина Е.В. Гуманизм как принцип юридической ответственности по российскому законодательству: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. 25 с.

890. Коваль С.В. Концепция философии права Рональда Дворкина как альтернатива позитивизму и теории естественного права: дис. … канд. филос. наук. М., 2022. 310 с.

891. Кожушко С.В. Принцип транспарентности бюджетного права: дис. … канд. юрид. наук. М., 2021. 204 с.

892. Колосова М.В. Принцип непосредственности гражданского процессуального права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2004. 25 с.

893. Комарова Т.А. Разумность, справедливость и верховенство права как основные начала гражданского судопроизводства: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2019. 220 с.

894. Комиссарова Е.Г. Принципы в праве и основные начала гражданского законодательства: дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2002. 303 с.

895. Комкова Г.Н. Конституционный принцип равенства прав и свобод человека и гражданина в России: понятие, содержание, механизм защиты: дис. … д-ра юрид. наук. Саратов, 2002. 384 с.

896. Кондратюк Д.Л. Нравственно-правовые принципы в гражданском праве России (на примере справедливости, гуманизма, разумности и добросовестности): автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2006. 24 с.

897. Коновалов А.В. Принципы гражданского права: методологические и практические аспекты исследования: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2019. 1161 с.

898. Кораблев Р.Н. Принцип законности и его реализация в уголовном праве Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. 23 с.

899. Королев Р.В. Принцип демократизма в уголовно-исполнительной системе России: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2010. 32 с.

900. Коршиков И.В. Принцип гуманизма в уголовном праве Российской Федерации: дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 1999. 319 с.

901. Косач А.С. Принцип недопустимости произвольного вмешательства в частные дела в российском гражданском праве: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Краснодар, 2007. 22 с.

902. Костюков А.Н. Муниципальное право как отрасль российского права (предмет, принципы, режимы, конструкции, система): дис. … д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2003. 474 с.

903. Кретова-Алёшина И.А. Конституционный принцип недискриминации в Российской Федерации: автореф. дис. … канд. юрид. Саратов, 2012. 22 с.

904. Кубасов А.В. Обеспечение принципа законности в исправительных колониях общего и строгого режимов: дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2005. 253 с.

905. Кузахметова С.Е. Принцип неприкосновенности частной жизни: теоретико-правовой аспект: дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 2008. 198 с.

906. Кузнецова О.А. Специализированные нормы российского гражданского права: теоретические проблемы: дис. … д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2007. 430 с.

907. Куприянов А.А. Реализация принципа законности в уголовном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. 24 с.

908. Курашов А.В. Основные принципы обычного права русского крестьянства конца XIX– начала XX вв.: По материалам центральных губерний: дис. ... канд. ист. наук. М., 2003. 206 с.

909. Лаврусь С.Ю. Реализация принципов права в юридической практике: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Казань, 2005. 30 с.

910. Лактаева А.Ю. Принцип равенства перед законом, его реализация при назначении наказания: дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2010. 233 с.

911. Лисюткин А.Б. Принципы законности и их реализация в условиях правового государства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1992. 26 с.

912. Магомедова П.Р. Конституционный принцип равенства перед законом и судом: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015. 200 с.

913. Мадаев Е.О. Доктрина в правовой системе Российской Федерации: дис. … канд. юрид. наук. Иркутск, 2012. 254 с.

914. Мазуренко С.В. Природа и классификация принципов российского трудового права: дис. … канд. юрид. наук. М., 2020. 186 с.

915. Малаш Т.А. Принцип неотвратимости юридической ответственности: дис. … канд. юрид. наук. М., 1996. 158 с.

916. Малюкина А.В. Принцип концентрации гражданского процесса: основные теоретические положения и их реализация: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. 26 с.

917. Манченко П.А. Конституционно-правовой принцип транспарентности деятельности органов государственной власти и органов местного самоуправления в Российской Федерации и зарубежных государствах: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. 24 с.

918. Милкин-Скопец М.А. Принцип разумности в либертарно-правовом дискурсе. Историко-правовое исследование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. 24 с.

919. Митрофанова М.А. Электронные доказательства и принцип непосредственности в арбитражном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2013. 26 с.

920. Моисеев С.В. Принцип диспозитивности арбитражного процесса: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. 152 с.

921. Мосин С.А. Презумпции и принципы в конституционном праве Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. 159 с.

922. Москалькова Т.Н. Уважение чести и достоинства личности как принцип советского уголовного процесса: дис. … канд. юрид. наук. М., 1988. 210 с.

923. Нифталиева И.А. Принцип справедливости в уголовном праве: проблемы реализации в законодательстве и правоприменительной практике: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2022. 25 с.

924. Овод А.В. Принцип законности в публичном праве: дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2005. 286 с.

925. Олейник О.В. Принцип законности и гарантии его реализации в уголовном праве Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2003. 162 с.

926. Островский А.С. Действие конституционного принципа неприкосновенности частной жизни в уголовном судопроизводстве: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2006. 29 с.

927. Пастухов П.С. Конституционный принцип равенства всех перед законом и судом в уголовном процессе Российской Федерации (Досудебное производство): дис. ... канд. юрид. наук. М., 1998. 202 с.

928. Полянская Н.Ю. Реализация принципа диспозитивности в механизме гражданского процессуального регулирования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2005. 22 с.

929. Попова Ю.А. Теоретические проблемы судопроизводства по делам, возникающим из публично-правовых отношений: дис. … д-ра юрид. наук. Краснодар, 2002. 364 с.

930. Потапова О.А. Принципы гражданского права: дис. ... канд. юрид. наук. Ульяновск, 2002. 172 с.

931. Прохорко Т.Н. Диспозитивность как принцип российского гражданского права: автореф. … дис. канд. юрид наук. Краснодар, 2010. 25 с.

932. Пьянкова Н.В. Реализация принципа самостоятельности и независимости следователя, руководителя следственного органа во взаимоотношениях с прокурором и судом: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2023. 33 с.

933. Реуф В.М. Специально-юридические принципы права: дис. … канд. юрид. наук. Самара, 2004. 241 с.

934. Романенко Н.В. Реализация принципа равенства перед законом и судом при осуществлении уголовного судопроизводства в отношении представителей власти: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2014. 27 с.

935. Рыжкова И.А. Механизм реализации принципа уважения чести и достоинства личности при производстве следственных действий в России и за рубежом: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2019. 31 с.

936. Сабитов Т.Р. Уголовно-правовые принципы: понятие, система и виды: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2019. 54 с.

937. Сапожников С.А. Принцип диспозитивности в гражданском процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. 24 с.

938. Семенов В.М. Принципы советского гражданского процессуального права: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Свердловск, 1965. 57 с.

939. Семенова И.С. Принцип равенства перед законом в уголовном праве Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2004. 184 с.

940. Сидоренко А.И. Принцип правовой определенности в судебной практике (имплементация решений Европейского Суда по правам человека): дис. … канд. юрид. наук. Пермь, 2016. 183 с.

941. Сидоренко М.В. Правовая определенность российского уголовно-процессуального права: дис. … д-ра юрид. наук. М., 2019. 518 с.

942. Сидоркин А.С. Принципы права: понятие и реализация в российском законодательстве и судебной практике: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2010. 25 с.

943. Синюков В.Н. Российская правовая система (вопросы теории): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 1995. 37 с.

944. Склизков А.Н. Принцип непосредственности уголовного судопроизводства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток, 2007. 22 с.

945. Смирнов Д.А. Принципы российского налогового права: теоретические и практические аспекты формирования и реализации: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2011. 58 с.

946. Смирнова А.В. Принципы права в системе источников современного российского права: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2020. 188 с.

947. Сорокин В.П. Реализация принципа равенства граждан перед уголовным законом независимо от их должностного (служебного) положения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014. 26 с.

948. Степашин В.М. Экономия репрессии как принцип уголовного права и его реализация в назначении мер уголовной ответственности: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Омск, 2019. 39 с.

949. Стрельникова И.А. Понятие и место транспортного права в системе права России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. 32 с.

950. Стригалев Д.К. Неприкосновенность частной жизни как международно-правовой и конституционный принцип деятельности органов предварительного следствия системы МВД: дис. … канд. юрид. наук. СПб., 2002. 221 с.

951. Суркова О.Е. Факторы формирования и реализации принципов права: дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2004. 203 с.

952. Татарников А.В. Принципы разумности и добросовестности в гражданском праве России: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2010. 30 с.

953. Телегина И.В. Реализация принципа уважения чести и достоинства личности в российском уголовном судопроизводстве: дис. … канд. юрид. наук. Оренбург, 2009. 208 с.

954. Тихонович В.В. Принцип процессуальной экономии в советском гражданском процессуальном праве: автореф. дис. … канд. юрид наук. Минск, 1975. 27 с.

955. Федина А.С. Реализация принципа законности в гражданском процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тверь, 2004. 27 с.

956. Федулова С.Н. Принципы гражданского процессуального права: понятие и нормативное закрепление: автореф. … дис. канд. юрид наук. СПб., 1993. 18 с.

957. Ференс-Сороцкий А.А. Аксиомы и принципы гражданско-процессуального права: дис. … канд. юрид. наук. Л., 1989. 150 с.

958. Фефелов П.А. Неотвратимость наказания – важнейший принцип советского уголовного права: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Свердловск, 1965. 22 с.

959. Фролов С.Е. Принципы права: вопросы теории и методологии: дис. … канд. юрид. наук. Кострома, 2001. 168 с.

960. Хлебников А.Д. Конституционные принципы состязательности и равноправия сторон в судопроизводстве: особенности юридического содержания и реализации в Российской Федерации: дис. канд. юрид. наук. Белгород, 2012. 159 с.

961. Чернов К.А. Принцип равенства как общеправовой принцип российского права: дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2003. 230 с.

962. Шамардин А.А. Частные начала обвинения и становление принципа диспозитивности в уголовном процессе России: дис. ... канд. юрид. наук. Оренбург, 2001. 200 с.

963. Шананин А.А. Принцип диспозитивности гражданского процессуального права: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1999. 157 с.

964. Шатковская Т.В. Обычное право российских крестьян второй половины XIX – начала XX века (историко-правовой аспект): дис. … д-ра юрид наук. Ростов-на-Дону, 2009. 596 с.

965. Шерстнева Н.С. Принципы российского семейного права: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. М., 2007. 60 с.

966. Щербакова Л.Г. Принцип диспозитивности и его реализация в арбитражном судопроизводстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2010. 22 с.

967. Ююкина М.В. Принцип гуманизма в уголовном, уголовно-исполнительном праве и уголовной политике и его реализация при назначении наказания: дис. … канд. юрид. наук. Тамбов, 2006. 230 с.

968. Ярошенко Т.В. Принцип диспозитивности в современном российском гражданском процессе: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1998. 160 с.

969. Ասատրյան Ա.Լ. ԻՐԱՎՈՒՆՔԻ ԳԵՐԱԿԱՅՈՒԹՅԱՆ ՍԿԶԲՈՒՆՔԸ ԱՐԴԻ ԻՐԱՎԱԿԱՆ ՀԱՄԱԿԱՐԳԻ ԽՈՐԱՊԱՏԿԵՐՈՒՄ: Ատենախոսության ամփոփագիր գիտությունների թեկնածուի գիտական աստիճանի հայցման ատենախոսության. Երևան, 2013. 30 էջ. (Асатрян А.Л. Принцип верховенства права в контексте современной правовой системы: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Ереван, 2013. 30 с.).